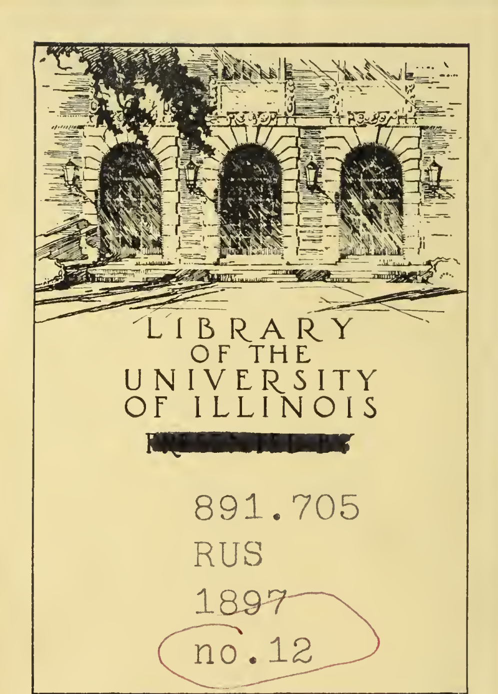

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
[redacted]
891.705
RUS
1897
no.12

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

AUG 8 1979

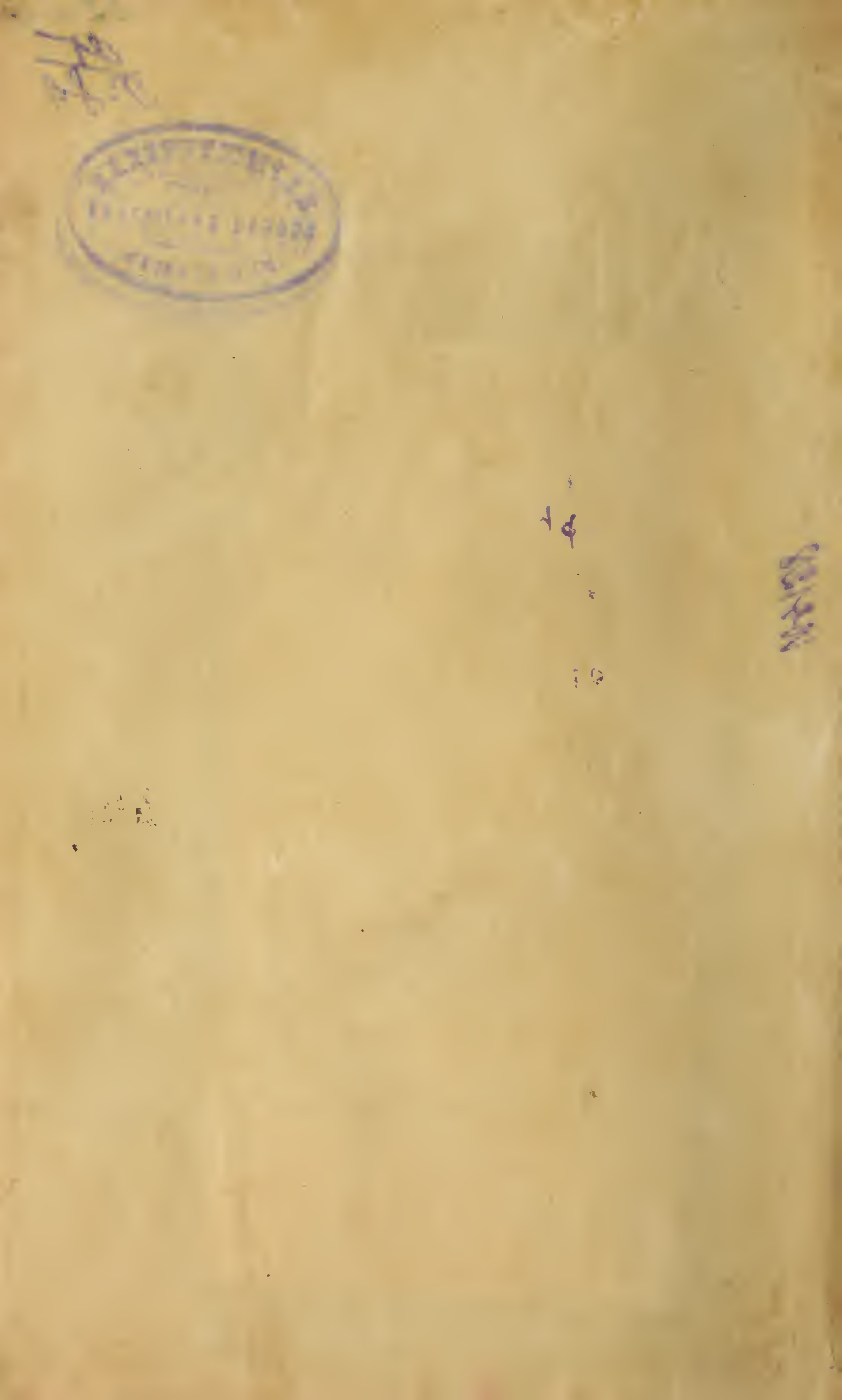
JUL 26 1979

MAR 28 1981

MAR 14 1981

MAR 22 1981

L161—O-1096



22 декабр.
$\frac{O5}{P. 89}$

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

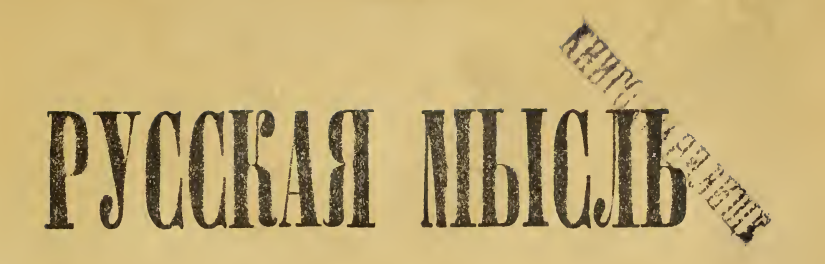
Особая Библиотека

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ДЕКАБРЬ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., собств. домъ.
1897.

ОГЛАВЛЕНІЕ.



РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА XII.

МОСКВА.

1897.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ
Пименовская ул., собств. домъ.

891.705
Rus
1877
No.12

ОФЕЛІЯ.

(Разсказъ).

I.

Прошлое лѣто мнѣ пришлось провести въ Петербургѣ на городской квартирѣ. Семейство уѣхало въ деревню и должно было вернуться не раньше октября. Одиночество мое раздѣлялъ только мой племянникъ, Вадимъ Александровичъ, котораго я переманилъ къ себѣ въ томъ простомъ разсчетѣ, что вдвоемъ будетъ все-таки не такъ скучно.

Жили мы совсѣмъ на холостую ногу: при насъ оставался мой старый лакей, по имени Патрикій, служившій когда-то въ поварахъ, но потомъ бросившій почему-то это хитрое искусство. Онъ готовилъ намъ завтракать и обѣдать, чѣмъ поддерживалась нѣкоторая регулярность жизни. Въ жаркіе дни, впрочемъ, мы рѣдко пользовались его услугами, предпочитая уѣзжать въ какой-нибудь загородный ресторанъ или къ знакомымъ на дачу.

Днемъ у меня были дѣла, а вечеромъ приходилось искать обычныхъ лѣтнихъ развлеченій, ѣздить на елагинскую «стрѣлку», толкаться въ загородныхъ ресторанахъ и театрахъ и изрѣдка винтить у кого-нибудь на балконѣ, причемъ я, плохой игрокъ вообще, слѣдилъ не столько за ходами партнера, сколько за отважными покушеніями комаровъ. И я былъ очень радъ, что пригласилъ Вадима: мыкаться одному мнѣ было бы, я думаю, дьявольски скучно.

Проводя съ нимъ по нѣскольку часовъ въ день, я невольно наблюдалъ его, присматривался къ нему. Можно даже сказать, что я изучалъ его.

Между нами лежала ровно четверть вѣка: ему было двадцать пять лѣтъ, мнѣ пятьдесятъ. Мы принадлежали къ различнымъ поколѣніямъ, различнымъ эпохамъ. Я съ возраставшимъ любопыт-

ствомъ подмѣчалъ всѣ выступавшія въ ежедневныхъ мелочахъ черты его натуры, всѣ выпуклости характера и міросозерцанія. Меня интересовалъ этотъ милый, хорошо воспитанный юноша, съ его какимъ-то особеннымъ, мягкимъ отношеніемъ ко всему въ жизни, съ его преждевременною, пріятною уравновѣшенностью, отличнымъ здоровьемъ и хорошимъ аппетитомъ. Онъ былъ очень не глупъ и, повидимому, недурно учился въ закрытомъ заведеніи, гдѣ кончилъ курсъ четыре года назадъ. Онъ былъ даже начитанъ, и это меня очень удивляло, такъ какъ я рѣдко видѣлъ его съ книгою въ рукахъ. Потомъ я догадался, что онъ обладалъ удивительною способностью пробѣгать на-скоро самыя тяжеловѣсныя вещи, не задумываясь надъ частностями, но за то отлично улавливая основную идею автора.

Меня приводила въ ужасъ мысль, что онъ точно такимъ же обзомъ читалъ нашихъ большихъ писателей. И дѣйствительно, онъ помнилъ характеры, фабулу, но было видно, что ни одна отдѣльная сцена не останавливала его, что онъ не замѣчалъ красокъ, манеры, стиля. Художественная отдѣлка тратилась не для него. И по мѣрѣ того, какъ я знакомился съ его товарищами, я убѣждался, что всѣ они читаютъ такимъ же образомъ. У всѣхъ обнаруживалась большая воспріимчивость къ идеѣ и значительная тупость въ художественной оцѣнкѣ. Впечатлѣніе талантливости уносилось безсознательно, и техника никого не интересовала; я думаю, никто изъ нихъ даже и не подозрѣвалъ, что въ литературной работѣ тоже имѣется техника.

Больше всего, впрочемъ, меня удивляло въ Вадимѣ Александровичѣ его ненарушимое, ровное, немножко самодовольное и самоувѣренное безразличіе ко всему на свѣтѣ. Онъ какъ будто не жилъ, а только плылъ по житейскому морю, безпечно покачиваясь на волнѣ и забавляясь ея брызгами. Но это было какое-то благоустроенное, упорядоченное море, на которомъ не бываетъ бурь, а штиль даетъ себя чувствовать только своими пріятными сторонами.

Вадимъ Александровичъ имѣлъ немного: небольшое жалованье, небольшія собственныя средства, очень маленькое мѣсто по службѣ, съ не совсѣмъ пріятною перспективой повышенія «въ отъѣздъ», куда-то къ чорту на кулички. Но онъ былъ доволенъ. Онъ чувствовалъ, что это въ порядкѣ вещей, что это такъ должно быть, что всѣ молодые люди, кончившіе курсъ въ томъ же заведеніи, устроены совершенно такъ же. Еслибы какая-нибудь случайность вдругъ вынесла его впередъ или въ сторону, онъ, пожалуй,

растерялся бы, ему это не понравилось бы. Я догадывался, что все это обозначаетъ очень милую, но несомнѣнную ординарность натуры. Это, конечно, меня не удивляло: ординарныя натуры чаще всего встрѣчаются. Всѣ эти молодые люди, его товарищи, то же были пріятныя ординарности. Но меня поражало, что они какъ будто наслаждались, чуть не гордились своею ординарностью. Это былъ культъ предустановленнаго порядка, самозабвеніе внѣшней добропорядочности, тихое упоеніе разграфленнаго существованія. Въ сущности, они оставались все тѣми же воспитанниками закрытаго заведенія, и имъ суждена была вѣчная молодость и свѣжесть благоприличной третьестепенности.

II.

Изучая Вадима Александровича, я интересовался, между прочимъ, и его отношеніями къ женщинѣ. Въ немъ не было той противной откровенности, какою отличается по этой части большинство молодыхъ людей; къ тому же, разница въ возрастѣ не допускала, въ разговорахъ со мною, отвратительныхъ изліяній цинизма или безпутнаго бахвальства. Но меня интересовала не фактическая сторона его похожденій, а его субъективное отношеніе къ женщинѣ.

Долженъ сознаться, что я не скоро разглядѣлъ его съ этой стороны. Я уже говорилъ, что въ его натурѣ было очень много мягкости и пріятной уравновѣшенности. Понятно само собою, что въ присутствіи женщины эти качества проявлялись въ немъ съ особенною, очень милою выразительностью. Онъ былъ скроменъ и сдержанъ, умѣренно услужливъ,—именно умѣренно, не доводя себя до большого безпокойства,—и обладалъ удивительною способностью ставить разговоръ на уровень ума и образованности женщинъ. Онъ былъ всегда чуть-чуть, самую малость умнѣе женщины, и всегда вполнѣ ей доступенъ, даже тогда, когда разговаривалъ не съ нею, а только въ ея присутствіи. Я замѣчалъ, что благодаря этому качеству, самымъ различнымъ женщинамъ, отъ свѣтской барыни до обыкновенной искательницы приключеній, было одинаково легко и удобно съ нимъ. Онъ если и показывалъ имъ свое превосходство, то лишь настолько, чтобы заинтересовать ихъ, но ни въ какомъ случаѣ не задѣть ихъ самолюбія. Положительно, въ мое время мы не знали этого искусства, и очень часто портили дѣло, показывая себя во весь ростъ своего ума и образованности.

Позднѣе я разобралъ, что въ основѣ маленькихъ интригъ и романовъ Вадима Александровича лежалъ свой особенный, и весьма для меня любопытный, взглядъ на женщину. Я никогда не замѣчалъ въ немъ слѣдовъ юношескаго романтизма. Онъ не былъ циникомъ, но смотрѣлъ на эти вещи съ какой-то чисто-гигіенической точки зрѣнія. Любовь, можно думать, представлялась ему чѣмъ-то среднимъ между спортомъ и режимомъ. Онъ былъ неизмѣнно милъ, когда я наблюдалъ его подлѣ интересовавшей его дамы, но въ концѣ-концовъ нужно было быть слѣпымъ, чтобы не замѣтить въ его ухаживаньи самодовольнаго и осторожнаго эгоизма, вмѣстѣ съ убѣжденнымъ, глубокимъ сознаніемъ мужского превосходства.—«Не я даю тебѣ права на меня, а ты мнѣ даешь права на себя»,—вотъ что чувствовалось въ его снисходительно-влюбленныхъ глазахъ, и въ его отзывавшейся лицемѣріемъ почтительности. Наблюдая его отношенія къ одной дамѣ, которую я зналъ давно, еще въ дѣвушкахъ, и легкомысліе которой объяснялось несчастными условіями ея семейной жизни, я одинъ разъ не выдержалъ и сказалъ ему:

— Послушай, Вадимъ, ты не уважаешь ее, это гадко.

Онъ взглянулъ на меня съ удивленіемъ.

— А почему же я долженъ уважать ее?—спросилъ онъ.

Вопросъ этотъ поразилъ меня. Вадимъ не могъ не понимать женщины, о которой шла рѣчь. Мы говорили о ней много разъ раньше, и онъ отлично зналъ и ея натуру, и всѣ обстоятельства ея жизни.

— Какъ почему?—возразилъ я.—Потому что она заслуживаетъ уваженія. Ее не порокъ сдѣлалъ легкомысленною.

— Ба, но если фактъ существуетъ!—отвѣтилъ совершенно убѣжденнымъ тономъ мой племянникъ.

Очевидно, ему была безусловно чужда поэзія реабилитаціи женщины. Для него существовалъ «фактъ». Этотъ фактъ ставилъ въ его глазахъ женщину неизмѣримо ниже его самого, и онъ желалъ пользоваться правомъ не уважать ее. Это было его неотъемлемое мужское право, право мужчины, не обязаннаго оставаться цѣломудреннымъ, и онъ не былъ расположенъ поступиться такимъ правомъ.

Мнѣ непремѣнно хотѣлось довести этотъ разговоръ до конца.

— Значитъ, всякая женщина, надъ которой тебѣ удалось одержать побѣду, тѣмъ самымъ лишается твоего уваженія?—продолжалъ я.

— Безъ сомнѣнія.

— Хотя бы ты зналъ, что до тѣхъ поръ она была порядочной женщиной?

— Если была, да перестала, значитъ и не была, а только казалась,—отвѣтилъ Вадимъ.

— Но ради нея самой, ради того, что ея гордости, ея самолюбію нанесена кровавая рана, и жестоко давать чувствовать эту рану?—продолжалъ я.

Вадимъ Александровичъ повелъ на меня глазами съ такимъ выраженіемъ, которое показывало, что этотъ разговоръ перестаетъ ему нравиться.

— Ради ея самолюбія я и буду показывать, что отношусь къ ней съ уваженіемъ,—объяснилъ онъ нехотя.

— А на самомъ дѣлѣ будешь презирать ее?

— До извѣстной степени.

Меня чуть не передернуло.

— Счастливы же твои жертвы, что не подозрѣваютъ этого!—сказалъ я.

Вадима эти слова тоже покоробили.

— Во-первыхъ, достоуважаемый дядюшка, никакихъ моихъ жертвъ не существуетъ,—произнесъ онъ немножко иронически.— Это жертвы собственной слабости, или... развращенности. А, во-вторыхъ, вы напрасно думаете, что онѣ не подозрѣваютъ. Напротивъ, очень подозрѣваютъ, и нисколько этимъ не смущаются. На какого чорта имъ мое уваженіе, скажите пожалуйста? Имъ надо, чтобъ я показывалъ, будто уважаю ихъ, и я показываю. И на этомъ мы отлично ладимъ.

III.

Вскорѣ, по поводу одного очень непріятнаго для меня происшествія, мнѣ случилось возобновить этотъ разговоръ.

Какъ-то, въ отсутствіе Вадима, мнѣ подали письмо. На конвертѣ незнакомымъ мнѣ почеркомъ было надписано: W. Navourski. Меня зовутъ Владиміромъ, иниціалъ могъ быть мой. Въ другое время я, можетъ быть, все-таки воздержался бы вскрыть конвертъ, не наведя справокъ, но тутъ онъ мнѣ попался въ минуту разсѣянности. И подалъ его не Патрикій, который непремѣнно самъ дознался бы, кому именно адресовано письмо, а швейцаръ. Словомъ, я поступилъ неосторожно, машинально разорвавъ конвертъ, и очень смутился, увидѣвъ по первымъ строкамъ, что это была записка упомянутой раньше дамы къ Вадиму Александро-

вичу. Дальше я не сталъ читать; мнѣ мелькнула только подпись: Juliette. Но первыя строки выдавали сразу все содержаніе письма. Это былъ крикъ отчаянія, вырванный несомнѣнностью разрыва:— «Вы не пришли вчера, значитъ—все кончено. Вы убили меня, убили мою душу!»

Когда Вадимъ явился къ завтраку, я передалъ ему записку, объяснивъ, какъ все случилось. Онъ немного поморщился, но, кажется, больше отъ самаго письма, чѣмъ онъ моей неосторожности. На мои повторенныя извиненія онъ отвѣтилъ довольно небрежно:

— Полноте, дядя, что-жъ такое? Вѣдь вы знали.

Я сталъ увѣрять, что прочелъ только первыя строки. Онъ тоже перечелъ ихъ и сдѣлалъ движеніе бровями, которое выражало: «Однако и этого довольно». Затѣмъ онъ взглянулъ на меня, какъ бы любопытствуя, что я на все это скажу. И такъ какъ я зналъ Юлію Андреевну, эту Juliette, то счелъ себя вправѣ спросить:

— Разрывъ или только «милые бранятся?»

Онъ съ рѣшительнымъ видомъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Я туда не хожу больше.

Вышло чрезвычайно просто: ходилъ, потомъ пересталъ. Что̀ было возразить на такую простоту?

Мы сѣли завтракать. Вадимъ, однако, казался смущеннымъ, и всегдашняго аппетита у него не было. Это нѣсколько примиряло меня съ нимъ.

— Мнѣ очень жаль Юлію Андреевну,—сказалъ я.

— Сейчасъ и мнѣ ее жаль,—отвѣтилъ Вадимъ.—Но вѣдь утѣшится.

— Тѣмъ лучше для нея, если утѣшится.

— И для меня. Непріятно имѣть что-нибудь на совѣсти, хотя бы это былъ предразсудокъ.

— Предразсудокъ?—переспросилъ я.

— Конечно. Претендуютъ всегда на того, кто первый измѣняетъ, а виноватъ-то всегда тотъ, кому измѣняютъ.

— Юлія Андреевна виновата передъ тобой?

— Я ее не обвиняю, но тутъ фактъ. По логикѣ вещей я долженъ бы стремиться снова видѣть ее, а я не стремлюсь. Это и есть фактъ. И потомъ...

Вадимъ пріостановился и недовѣрчиво взглянулъ на меня. Я глазами пригласилъ его продолжать.

— Вы, дядя, можетъ быть, не понимаете этихъ вещей,—заговорилъ онъ снова.—Это глупость, мелочь, но тутъ признакъ.

Скажите, замѣчали вы когда-нибудь, что у нея кончикъ носа потѣетъ, такъ что пудра не беретъ?

Неожиданный вопросъ этотъ изумилъ меня, но тѣмъ не менѣе я отвѣтилъ отрицательно.

— Ну, и я раньше не замѣчалъ,—продолжалъ Вадимъ.—А потомъ вдругъ сталъ замѣчать. Ясное дѣло, что влюбленность соскочила съ меня. А когда соскочила, значитъ, надо спасаться.

Онъ, очевидно, разсуждалъ съ своей точки зрѣнія мужского права. Если женщина виновата въ томъ, что уступила мужчинѣ, то, разумѣется, она и во всемъ послѣдующемъ виновата. Это логично.

— Такъ,—процѣдилъ я.—Ну, а скажи, пожалуйста, въ какомъ свѣтѣ тебѣ представляется твоя собственная роль во всѣхъ подобныхъ романахъ? Женщина, ты говоришь, ничего не стоитъ, если поддалась соблазну. На, вѣдь, развратителемъ-то ты являешься? Вѣдь это ты ее обезцѣниваешь, низводишь на степень существа, которое уважать нельзя?

— Я одинъ не могу этого сдѣлать, надо чтобъ въ ней самой существовала наклонность къ пороку,—отвѣтилъ Вадимъ.—Если мнѣ предлагаютъ взятку, почему я не беру ея? Потому что во мнѣ есть твердость быть честнымъ, и презрѣніе къ взяточничеству. А если я возьму, то и уважать меня не за что будетъ.

— Сравненіе не очень удачное,—возразилъ я,—взяточничество всегда означаетъ продажность и корыстность, тогда какъ паденіе женщины часто бываетъ послѣдствіемъ обстоятельствъ, о которыхъ не намъ судить, или же вызывается роковою силой чувства, страсти...

— А все-таки дѣло въ фактѣ,—повторилъ Вадимъ Александровичъ.—Есть фактъ—и кончено. На то и существуетъ вѣчная борьба между мужчинами и женщинами. Наше дѣло нападать, а ихъ—защищаться. Ну, а когда крѣпость взята, то обхожденіе съ побѣжденными становится уже вопросомъ куртуазіи. Мы въ этомъ смыслѣ и бываемъ куртуазны съ женщинами.

И онъ съ серьезнымъ видомъ занялся котлеткой.

IV.

Спустя недѣли двѣ послѣ этого разговора, я сталъ замѣчать нѣкоторую перемѣну въ моемъ племянникѣ. Онъ не только отказался распоряжаться нашими послѣ-обѣденными прогулками, но и вообще обнаружилъ свойство исчезать по вечерамъ. И настроеніе

его сдѣлалось какое-то нервное: то очень возбужденное, то задумчивое. Будь это кто-нибудь другой, я бы подумалъ, что онъ запуталъ свои денежныя дѣла; но съ нимъ это наврядъ ли могло случиться. Проще всего было бы предположить, что онъ влюбился; только я не совсѣмъ довѣрялъ этому, потому что подобные романы мало вліяли на него.

— Скажи пожалуйста, гдѣ ты пропадаешь по вечерамъ?— спросилъ я его какъ-то послѣ обѣда, замѣтивъ въ немъ въ этотъ день особенно возбужденное состояніе.

Онъ ходилъ передо мной взадъ и впередъ, напѣвая какіе-то водевильные куплеты, и по-временамъ дергая руками по волосамъ, какъ человѣкъ, у котораго голова наполнена чѣмъ-то радостно-тревожащимъ. Мой вопросъ онъ какъ будто разслышалъ уже минуту спустя послѣ того, какъ я задалъ его. Тогда онъ разомъ остановился и посмотрѣлъ на меня веселыми, блестящими глазами.

— Васъ интересуетъ, гдѣ я пропадаю?—спросилъ онъ въ свою очередь.

— И очень. Ты совсѣмъ пересталъ мною заниматься, и я долженъ самъ составлять себѣ программу вечера.

Вадимъ разсмѣялся.

— Прекрасно, дядюшка, сегодня я займусь вами. Но скажите пожалуйста, какого вы мнѣнія о такъ-называемыхъ «открытыхъ сценахъ»? Вы не полагаете, что эта увеселительная спеціальность совершенно недостойна людей съ вашимъ положеніемъ, вашей просвѣщенностью, и такъ далѣе?

— Я полагаю, что сегодня превосходная погода, и я хочу дышать воздухомъ,—отвѣтилъ я.—Если «открытыя сцены» представляютъ достаточныя къ тому удобства, то я ничего противъ нихъ не имѣю. Тѣмъ болѣе, что ты будешь со мною, и я могу тебя выругать, если мнѣ не понравится.

— Мнѣ именно хочется посмотрѣть, понравится ли вамъ,— отозвался Вадимъ, и въ его тонѣ мнѣ послышалась нѣкоторая загадочность.

Черезъ часъ онъ привезъ меня въ увеселительное мѣсто, посѣщаемое весьма разнообразною публикой. Были тамъ люди порядочнаго общества, очевидно, застрявшіе почему-нибудь въ городѣ, и толкалась ошалѣлая толпа, которая мечется по садамъ и театрикамъ, разыскивая свое особое лѣтнее развлеченіе, составленное изъ коньяковъ и хористокъ.

Вадимъ провелъ меня въ мѣста передъ открытой сценой. Я съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ поглядывалъ на происходившее лице-

дѣйство. Давали какой-то старинный водевиль, наивный и нравоучительный, какъ басня Лафонтена, но, впрочемъ, забавный. Играли его тоже наивно и прямолинейно, съ развязностью нѣсколько дурного тона, и съ мучительными паузами передъ каждою репликой. Одинъ актеръ, однако, проявилъ много самоотверженія, шлепнувшись съ разбѣга на полъ, и даже очень находчиво подрыгалъ обѣими ногами. Но все-таки я не понималъ, зачѣмъ меня привели сюда.

— Объясни пожалуйста, почему я долженъ смотрѣть это? Что̀ тебѣ вздумалось?—спросилъ я.

— Вамъ не нравится, дядюшка?—переспросилъ онъ.

— Во всякомъ случаѣ не настолько, чтобы смотрѣть это до конца.

Вадимъ передалъ мнѣ свой бинокль.

— Обратите пожалуйста вниманіе вотъ на эту актрису, которая сейчасъ вошла и сѣла на кушетку направо,—сказалъ онъ.— Блондинка, въ синемъ корсажѣ.

Я навелъ бинокль по указанному направленію. Навелъ — и сейчасъ же понялъ моего племянника.

Еслибъ я сказалъ, что передъ нами была женщина необычайной красоты, это было бы мнѣніе, которое можно оспаривать. Строгой, безусловной, пластической красоты я не находилъ въ ней. Ей вредила худоба лица и всего стана и чрезмѣрная, какая-то не живая, фарфоровая бѣлизна кожи. Только удивительный рисунокъ губъ бросался въ глаза своей античной безукоризненностью. Но наружность актрисы во всякомъ случаѣ поражала. Необычайны были ея глаза. Большіе, темно-голубые, немного выпуклые, они прямо приковывали къ себѣ вниманіе. Ихъ сосредоточенное, странное выраженіе словно разливалось по всему лицу. Невозможно объяснить, какое именно было это выраженіе. Въ немъ и глубина чувствовалась, и какая-то холодная прозрачность, и что-то захватывающее до жуткости. Я мысленно подбиралъ сравненія, опредѣленія, и вдругъ сказалъ самъ себѣ: «Офелія»!

V.

Вадимъ сбоку посмотрѣлъ на меня, и на губахъ его мелькнула не то торжествующая, не то насмѣшливая улыбка. Я, наконецъ, опустилъ бинокль и взглянулъ на него.

— Кто это такая? Почему она здѣсь?—спросилъ я.

— Актриса, Лидина по сценѣ,—отвѣтилъ онъ тономъ, въ ко-

торомъ чувствовалась почти гордость, какъ будто онъ показывалъ мнѣ свою собственность.—А почему она играетъ на открытой сценѣ, съ какими-то разношерстными лицедѣями? Потому что она играть не умѣетъ.

— А-а! — протянулъ я, сразу значительно разочарованный этимъ сообщеніемъ.

И дѣйствительно, Лидина играла плохо. Но я замѣтилъ, что она именно не умѣетъ, а не то̀, чтобъ это была явная бездарность. У нея и тонъ былъ вѣрный, и изящная простота пріемовъ, но не было технической рутины, безъ которой нельзя шагу ступить на сценѣ. Оттого въ иные моменты она почти смѣшна дѣлалась, и ее спасали товарищи, кто побойчѣе. И куплеты она тоже пѣла, очевидно, самоучкой, очень красивымъ, но совершенно не разработаннымъ голоскомъ, и порою совсѣмъ не знала, какъ стоять и какъ держать руки. Но глаза, глаза! Они не измѣняли ей въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ, ихъ холодная прозрачность словно завораживала,—по крайней мѣрѣ, я лично испытывалъ это ощущеніе,—и вся ея неумѣлость становилась какъ-то необычайно мила, словно такъ и надо было, словно въ этой неумѣлости заключалась частица того влекущаго обаянія, какимъ блистали ея глаза.

— Ну, дяденька, что̀ скажете?—спросилъ Вадимъ, когда упала полинявшая, исполосованная занавѣсь.

— Такъ вотъ гдѣ ты пропадаешь?—отвѣтилъ я другимъ вопросомъ.

— Не скрою, я заинтересовался, и даже очень,—сознался Вадимъ.—Но, вѣдь, въ ней есть что-то любопытное, а?

— Есть.

— Что-то такое, чего я никогда не видалъ.

— Несообразное что-то... Въ глазахъ, не правда ли?

— И въ глазахъ, и вообще... Она престранная, если ее наблюдать.

— А, ты уже производишь наблюденія! Не со скамейки передъ сценой, конечно?

— Да, я немножко знакомъ съ нею.

Вадимъ, говоря это, почему-то отвернулся отъ меня, словно сконфузился. И затѣмъ, не глядя на меня, проговорилъ небрежно:

— Не хотите ли посмотрѣть на нее вблизи? Она сейчасъ сойдетъ вонъ по той лѣсенкѣ. Тутъ темновато, но все таки разглядѣть можно. А насъ никто не увидитъ.

Я не возражалъ и повернулъ вмѣстѣ съ нимъ въ узенькую аллею, позади театрика.

Изъ такъ называемыхъ «актерскихъ» дверей стали появляться артисты и артистки. Черезъ нѣсколько минутъ вышла и Лидина. На ней теперь была надѣта черная юбка, черный довольно модный колетъ и простенькая англійская шляпа. Она медленно, какъ двигаются лунатики, спустилась со ступенекъ и пошла впередъ, прямо на насъ. Молодой человѣкъ съ бритымъ лицомъ, съ накинутымъ нараспашку пальто, вышелъ вслѣдъ за нею и, когда Вадимъ остановилъ Лидину, посмотрѣлъ на насъ обоихъ и на нее чрезвычайно наглыми глазами, усмѣхнулся еще наглѣе и, пройдя, раза два оглянулся на насъ.

Вадимъ представилъ меня Лидиной. Я началъ прямо съ какого-то не очень изобрѣтательнаго комплимента. Она улыбнулась. Это была совсѣмъ особенная улыбка, какою,—мнѣ опять подумалось—должны улыбаться лунатики. И при этомъ она взглянула на меня въ упоръ своими странными глазами. Только такіе глаза и могли смотрѣть такъ открыто, съ какою то наивною дерзостью и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ невинно. Ихъ загадочная прозрачность словно защищала ее.

— Вы совсѣмъ кончили?—спросилъ Вадимъ.

— Совсѣмъ,—отвѣтила она.

— Въ такомъ случаѣ... Дядюшка, мы имѣемъ обыкновеніе послѣ спектакля чайничать вонъ въ томъ павильончикѣ. Съ разрѣшенія мамаши и при ея участіи. Какого вы объ этомъ мнѣнія?—обратился онъ ко мнѣ.

— Что-жъ, отлично,—согласился я.

И мы направились въ плохо-освѣщенный уголъ сада.

VI.

По дорогѣ, откуда-то, словно изъ куста, вынырнула маленькая старушка и робко присоединилась къ намъ. Это и была мамаша. Она, какъ я узналъ, всегда сопровождала дочку въ театръ и уводила ее домой. По наружности и по туалету она смахивала на чиновницу, получающую пенсію. Только ужъ очень благоговѣйный взглядъ, безпрерывно устремляемый на дочь, выдавалъ въ ней мать артистки.

Мы усѣлись вокругъ столика. Лидія очень забавно хозяйничала, роняя ложечки и куски сахару и сохраняя при этомъ свой неестественно-серьезный видъ. Она постоянно на меня взглядывала, быстро и пугливо, какъ дѣти смотрятъ на чужихъ старшихъ, и, повидимому, очень меня стѣснялась. Это меня удивляло, потому что, въ сущности, чѣмъ же я могъ быть страшенъ для нея?

Мнѣ гораздо больше хотѣлось поймать ея взглядъ на Вадима: въ своей роли наблюдателя, я искалъ матеріала.

И, наконецъ, я нашелъ его. Отвѣчая на какой-то его вопросъ, она медленно подняла на него глаза, и въ этихъ темныхъ и прозрачныхъ зрачкахъ выразилось что-то рѣшенное, потерянное, отданное, ихъ блестящая синева словно налилась страстью... Мнѣ какъ будто даже жутко стало, и я невольно оглянулся. На губахъ Вадима играла снисходительная улыбка, но глаза его были потуплены. Старушка, плотно прижавшись къ спинкѣ стула, благоговѣйно смотрѣла въ уголъ.

Взглядъ Лидиной тотчасъ перешелъ на меня, и съ такимъ допрашивающимъ выраженіемъ, что я понялъ, почему такъ часто привлекалъ ея вниманіе. Она, очевидно, хотѣла угадать, какое впечатлѣніе производитъ на меня. Ей было нужно это знать, потому что я былъ дядей Вадима и, конечно, долженъ былъ высказать ему свое мнѣніе о ней.

Я улыбнулся, вложивъ въ эту улыбку, сколько умѣлъ, одобренія и сочувствія. И она окончательно утвердила меня въ моей догадкѣ, потому что легкая краска проступила сквозь фарфоровую бѣлизну ея щекъ.

Ничто такъ не сближаетъ, какъ обмѣненная, взаимно понятая улыбка. Мнѣ съ этой минуты показалось, что она больше не стѣсняется меня, а самъ я какъ будто сразу, дружески заинтересовался ею.

— Вы давно уже на сценѣ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, недавно; года полтора,—отвѣтила она.

— Все въ Петербургѣ?

— Нѣтъ, въ прошломъ году я была не здѣсь. Я начала играть въ Саратовѣ. Только... тамъ мнѣ не хорошо было, — добавила она, наморщивъ свой низенькій лобъ.

— Притѣсняли васъ?

— Да... очень!

— Не давали ролей?

Она взглянула на меня вопросительно, какъ будто не сразу понявъ это знакомое каждому театральному статисту выраженіе. Вѣроятно, она что-нибудь припоминала.

— Нѣтъ, вообще...—сказала она потомъ.

— А здѣсь вы довольны?—продолжалъ я разспрашивать.

Она усмѣхнулась какъ-то на особый ладъ, той усмѣшкой, какая появляется у человѣка, когда онъ находится наединѣ съ самимъ собою, и взглянула на Вадима.

— Да, здѣсь лучше,—отвѣтила она, продолжая глядѣть не на меня, а на Вадима.—Только... и тутъ тоже; это вездѣ.

— Зоя Алексѣевна намекаетъ на преслѣдованія, которымъ подвергается всякая хорошенькая актриса со стороны разныхъ театральныхъ нахаловъ,—объяснилъ Вадимъ.

Я вспомнилъ бритаго молодого человѣка, вышедшаго вслѣдъ за нею изъ театрика. И какъ нарочно, оглянувшись, я опять увидѣлъ его. Онъ стоялъ передъ входомъ въ нашъ павильончикъ, все такъ же заложивъ руки въ карманы брюкъ, и насмѣшливо усмѣхался своими рѣзко-очерченными губами. Встрѣтивъ мой взглядъ, онъ усмѣхнулся еще наглѣе, и медленно отошелъ.

— Очевидно, первый любовникъ труппы,—кивнулъ я на него Вадиму.

— Нахальная бездарность!—быстро проворчалъ тотъ.

Мнѣ пришло въ голову, что до сихъ поръ я только разспрашивалъ Лидину, но еще не сказалъ ей ни одной любезности.

— Красота имѣетъ свои неудобства,—рискнулъ я, чтобы поправить дѣло.

Она перевела на меня свои большіе глаза, сдѣлавшіеся снова серьезными.

— Какая же красота?—произнесла она совершенно просто и убѣжденно.

— Скромничаете, — улыбнулся я. — Лучше, спросимъ объ этомъ Вадима Александровича.

Племянникъ мой пожалъ плечами.

— Я начинаю думать, что Зоя Алексѣевна въ самомъ дѣлѣ не сознаетъ своей красоты. По ея мнѣнію, она даже совсѣмъ и не хорошенькая.

Я смотрѣлъ на Лидину.

— Развѣ такія бываютъ хорошенькія?—возразила она серьезно.

— Какія же?

— Не знаю. Какія-нибудь особенныя.

— Если не знаете, то повѣрьте намъ. Мы знаемъ.

Она посмотрѣла на меня, потомъ на Вадима, не только безъ всякаго кокетства, но даже печально, словно этотъ разговоръ вызывалъ въ ней непріятныя думы.

— Мнѣ и не надо красоты, мнѣ тяжело было бы съ нею,—сказала она черезъ минуту.

Я съ удивленіемъ взглянулъ на нее.

— Почему же?—спросилъ я.

Она обернулась ко мнѣ, но глаза ея, направленные прямо на

меня, какъ будто не глядѣли. Это тоже была необъяснимая особенность ея зрачковъ. Вѣроятно, лунатики такъ смотрятъ, когда впадаютъ въ сонамбулизмъ.

— Почему?—повторилъ я свой вопросъ.

— Такъ. Зачѣмъ... топтать?—проговорила она съ усиліемъ.

VII.

Эти слова были сказаны съ такимъ выраженіемъ, что мы оба, я и Вадимъ, невольно вздрогнули. У меня даже словно холодъ пробѣжалъ по нервамъ, хотя я хорошенько не зналъ, что̀ именно я понялъ въ ея отвѣтѣ.

Но нѣтъ, я не могъ ошибиться. Такой большой, горькій и глубокій смыслъ звучалъ въ ея словахъ, выражался въ ея открытыхъ и не глядящихъ глазахъ, въ скорбной неподвижности ея сжатыхъ губъ, что не было возможности сомнѣваться.

Да, она хотѣла сказать: «Зачѣмъ мнѣ красота,—мнѣ, среди той грязи, въ какой влачится моя жизнь? Красота — это святыня, а мнѣ пришлось бы топтать ее, и это была бы новая мука и лишній позоръ».

Мы съ Вадимомъ взглянули другъ на друга, какъ бы повѣряя себя; и оба поняли, что подумали одно и то же... Въ глазахъ Вадима, мнѣ показалось, даже проступило несвойственное имъ, болѣе глубокое выраженіе. Только старушка не обращала, повидимому, ни на что никакого вниманія и медленно шевелила ложечкой въ чашкѣ. Потомъ она неожиданно заговорила о томъ, что публика всегда очень хорошо принимаетъ Зоюшку, что въ Саратовѣ ей два раза подарки подносили — одинъ разъ браслетъ съ «трилистникомъ», а другой разъ кофейный сервизъ серебряный, хотя она бенефиса не имѣла. Сервизъ онѣ за пятьдесятъ пять рублей продали, потому что на серебрѣ пробы не было, иначе онъ за пятьсотъ пошелъ бы, а браслетъ съ «трилистникомъ» Зоя себѣ оставила, потому что для сцены нужны золотыя вещи, а у нея нѣтъ.

Тутъ она съ нѣкоторой робостью придвинулась ко мнѣ и стала объяснять, что Зоя сама себѣ настоящей цѣны не знаетъ, что другая на ея мѣстѣ давно бы тысячу рублей въ мѣсяцъ жалованья получала, а она не умѣетъ, скромности въ ней слишкомъ много. А ее съ другими актрисами и ровнять нельзя: она дворянка, отецъ ея въ кавалеріи служилъ и долженъ бы эскадрономъ командовать, только съ нимъ несчастье случилось: рыбную кость проглотилъ, и оттого умеръ. Доктора подъ рукой не было, а у фельдшера инстру-

мента такого не нашлось. Поэтому имъ, по-настоящему, большая пенсія слѣдовала бы, такъ какъ эту кость онъ по службѣ проглотилъ, но она никого изъ понимающихъ людей подлѣ себя не имѣла, и какъ это сдѣлать, чтобы большая пенсія вышла,—не знала. Оттого и положили на нихъ двадцать семь рублей въ мѣсяцъ, а если Зоя замужъ выйдетъ, такъ еще меньше будутъ давать.

Я воспользовался паузой и обратился къ Лидиной съ вопросомъ:

— Вы рѣшили совсѣмъ посвятить себя сценѣ? Вы чувствуете призваніе?

Она посмотрѣла на меня такъ точно, какъ раньше, когда я заговорилъ о ея красотѣ. Даже что-то похожее на испугъ выразилось въ ея лицѣ.

— Нѣтъ, какъ можно; какое же у меня призваніе!—возразила она.—Я и играть совсѣмъ не умѣю. Такъ, маленькое что-нибудь.

— Никто сразу не умѣетъ; надо научиться,—сказалъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ я могу научиться; у меня и способностей нѣтъ,—отрицала она.

— Кто вамъ это сказалъ?

— Этого не надо говорить, это я сама знаю.

— Извините меня, но мнѣ кажется, что вы ошибаетесь. Я видѣлъ васъ на сценѣ, и мое мнѣніе, что вамъ недостаетъ школы, а способности могутъ обнаружиться,—продолжалъ я.

— Я могу что-нибудь маленькое...—повторила она.

— Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, не чувствуете призванія? Неужели вамъ не хочется добиваться чего-нибудь большаго?

— Какъ я буду добиваться? У меня нѣтъ для этого того, что нужно.

— Ваша скромность,—это что-то непреодолимое!—почти съ досадой вырвалось у меня.—Но вы знаете, по крайней мѣрѣ, что у васъ есть голосъ? Вѣдь, голосъ можно обработать. Этимъ нельзя пренебрегать, разъ что вы посвятили себя артистической карьерѣ.

Лидина усмѣхнулась почти весело, точно я сказалъ забавную глупость.

— Это я-то?—возразила она.—Какъ же можно говорить объ артистической карьерѣ! Я и подумать объ этомъ никогда себѣ не позволю. Развѣ можно такъ, ни съ чѣмъ, и вдругъ артисткой сдѣлаться? Я вотъ не знаю, удастся ли мнѣ на зиму въ какую-нибудь труппу устроиться.

И ея лицо опечалилось, глаза неподвижно уставились въ одну точку.

Я что-то отвѣтилъ и отступилъ, предоставляя разговоръ Вадиму. У него въ этихъ случаяхъ являлась находчивость, которой можно было позавидовать.

VIII.

Возвращаясь домой, я съ намѣреніемъ не заговорилъ первый о нашихъ новыхъ знакомыхъ. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, какъ это сдѣлаетъ Вадимъ, и немножко помучить его терпѣніе.

Мое воздержаніе, конечно, удивляло и нѣсколько затрудняло его. Какъ онъ могъ объяснить его себѣ? Вѣроятно, недостаткомъ впечатлительности, свойственнымъ моему возрасту.

Какъ бы то ни было, онъ выжидалъ не долго, и вскорѣ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы не претендуете на меня, дядюшка?

— За что?—отозвался я.

— А за то, что вы провели вечеръ въ обществѣ... какъ бы это сказать... не вполнѣ, можетъ быть, соотвѣтствующемъ вашей серьезности...

— Что за вздоръ!—перебилъ я его.—Напротивъ, мнѣ было очень любопытно познакомиться съ этой Зоей Алексѣевной. Она, кажется, довольно оригинальный экземпляръ. Во всякомъ случаѣ совсѣмъ не похожа на русскихъ актрисъ, какихъ я знавалъ, большихъ и маленькихъ.

— Не правда ли?—съ замѣтной живостью подхватилъ Вадимъ.—Это сразу чувствуется. Она напоминаетъ... нѣтъ, она именно интересна тѣмъ, что никого не напоминаетъ.

— Меня она заставила вспомнить—знаешь, кого?—Офелію,—сказалъ я.

Вадимъ взмахнулъ на меня глазами, задумался на минуту, потомъ воскликнулъ:

— А, вѣдь, правда! Какъ это мнѣ не приходило въ голову?

— Потому не приходило, что ты влюбленъ, а влюбленные не наблюдательны,—замѣтилъ я.

Я ожидалъ, что Вадиму не понравится мое замѣчаніе, и онъ сейчасъ начнетъ оправдываться. Но онъ, напротивъ, повернулся ко мнѣ и произнесъ какимъ-то довѣрчивымъ и блаженнымъ тономъ:

— Влюбленъ? Это очень можетъ быть. Мнѣ самому кажется, что я начинаю немножко влюбляться. Я ни въ одной женщинѣ не встрѣчалъ такихъ влекущихъ странностей.

— Влекущія странности, гм...—повторилъ я,—это что-то хитро, но кажется—вѣрно. Знаешь, вѣдь, у нея немножко сума-

шедшіе глаза, и общее выраженіе лица такое же. И между тѣмъ это прелестно.

— Вотъ, вы поняли!—радостно подхватилъ Вадимъ, совсѣмъ поворачиваясь ко мнѣ.— Этого ни у кого не найдешь. Точно какую-то опьяняющую отраву пьешь. Право, когда я... когда намъ случается... ну, однимъ словомъ, вѣдь, мы цѣлуемся же когда-нибудь...

— Ты говоришь?... Я не зналъ. Хорошо.

— Такъ вотъ, у меня является такое ощущеніе, точно ея губы отравлены, — досказалъ Вадимъ и слегка покраснѣлъ, чего съ нимъ никогда не бывало.—Только это какая-то невыразимо-сладкая отрава.

— Ты находишь?—процѣдилъ я равнодушнымъ тономъ, хотя, надо признаться, гдѣ-то внутри у меня шевельнулось не то завистливое, не то ревнивое чувство. Что дѣлать, безъ такого чувства нельзя слышать о чужомъ счастьи, если женщина произвела на насъ впечатлѣніе.

Мы нѣсколько минутъ молчали. Я былъ озадаченъ признаніемъ Вадима, потому что въ его словахъ, въ его голосѣ чувствовалось страстное увлеченіе. «Вотъ въ кого онъ долженъ былъ, наконецъ, серьезно влюбиться!»—думалъ я, не безъ недоумѣнія передъ своевольною и властительною игрою чувства.

Моему воображенію была задана работа. Я дополнялъ, освѣщалъ, додѣлывалъ странный образъ этой Офеліи съ петербургской садовой сцены. Я со стороны, наобумъ, анализировалъ ихъ отношенія, и не могу скрыть, что мнѣ хотѣлось представить ихъ себѣ въ какомъ-то неестественномъ, несообразномъ видѣ, какъ случайный капризъ, обѣщавшій имъ очень глупую, или очень тяжелую развязку. Въ результатѣ этой игры воображенія я даже началъ опасаться за моего племянника.

— Знаешь,—сказалъ я послѣ довольно продолжительнаго молчанія,—мнѣ кажется, эта Зоя Алексѣевна не совсѣмъ безопасна. Такія натуры способны до крайности сосредоточиваться на своемъ чувствѣ. Если она полюбитъ тебя,—а это непремѣнно должно случиться,—ты встрѣтишься съ трагическою любовью.

— Какъ любовь Офеліи?

— Да, въ такомъ родѣ.

Вадимъ посмотрѣлъ на меня, посмотрѣлъ въ глубокое, блѣдное, беззвѣздное небо, и улыбнулся блаженной улыбкой.

— Дядюшка, вы мнѣ пророчите больше, чѣмъ я смѣю мечтать,—проговорилъ онъ.

Я пожалъ плечами.

IX.

Вадимъ сталъ по-прежнему пропадать изъ дому, даже больше прежняго. За обѣдомъ мы теперь оба стали избѣгать разговора о томъ, гдѣ провести вечеръ: онъ—изъ эгоизма, а я потому—что подозрѣвалъ его желаніе отдѣлаться отъ меня. Да онъ и не всегда теперь обѣдалъ дома, что̀ было уже совсѣмъ неделикатно, какъ какъ онъ зналъ мое отвращеніе—обѣдать въ одиночествѣ. Впрочемъ, онъ каждый разъ предупреждалъ меня и извинялся съ такой провинившейся и дѣтски-возбужденной миной, что я не могъ на него сердиться. Въ такихъ случаяхъ я уходилъ въ ресторанъ, и потомъ ѣхалъ куда-нибудь на дачу къ знакомымъ, гдѣ постыднымъ образомъ проводилъ вечеръ за винтомъ на балконѣ, при мигающемъ свѣтѣ лампы, облѣпленной какими-то маленькими сѣрыми бабочками. Это была поэтическая эмблема, сильно испорченная запахомъ керосина... Кажется, никогда въ жизни я столько не винтилъ, но что же мнѣ было дѣлать?

Вадимъ не заговаривалъ со мной о Лидиной, и если я спрашивалъ его полушутя: «ну, какъ дѣла?»—онъ только загадочно усмѣхался, или отвѣчалъ такимъ же шутливымъ тономъ:

— Какъ вы думаете, дядюшка, вы—пророкъ, или нѣтъ?

Ясно, что дѣла его шли отлично.

Онъ не приглашалъ меня въ «Жарденъ-Кабаре», какъ называлъ увеселительное заведеніе, гдѣ подвизалась Лидина, но разъ необычайно удивилъ меня, объявивъ неожиданно, что «онѣ», то-есть Зоя и мамаша, ждутъ насъ обоихъ къ себѣ.

— Меня-то съ какой стати?—возразилъ я.

— Развѣ я васъ не познакомилъ? Зоя сегодня не играетъ, вотъ мы и посидимъ у нихъ,—отвѣтилъ Вадимъ.

Я согласился, и тотчасъ послѣ обѣда мы отправились.

Лидины (настоящую фамилію ихъ я узналъ позже) занимали нижній этажъ крошечной дачки въ глубинѣ двора. Насъ приняли въ первой комнатѣ, убранной довольно скудно. Піанино, очевидно, взятое на прокатъ, занимало почти половину ея. На кругломъ столѣ валялись тетрадки съ переписанными ролями и стояла большая коробка конфетъ, въ происхожденіи которой я заподозрилъ Вадима и, кажется, не напрасно.

Старушка сидѣла у окна и ничего не дѣлала. Она тотчасъ принялась жалобно и слезливо сѣтовать. Оказалось, что Зоя не играла сегодня не случайно, а потому что вчера произошелъ какой-то скандалъ за кулисами. Потомъ сама Зоя вышла изъ другой комна-

ты, своей автоматической походкой, съ болѣе чѣмъ всегда сосредоточеннымъ выраженіемъ своихъ странныхъ и прелестныхъ глазъ. Разговоръ продолжался все о вчерашнемъ событіи. Я долго не могъ разобрать, какъ и что̀ именно случилось: всѣ чего-то недоговаривали, а лицо Вадима приняло недовольный видъ. Повидимому, дѣло не обошлось безъ его участія. Сначала, сколько я могъ понять, произошло непріятное столкновеніе между Зоей и первымъ любовникомъ труппы, тѣмъ самымъ бритымъ молодымъ человѣкомъ, который такъ нагло посматривалъ на насъ, когда мы пили чай въ садикѣ. Потомъ, очевидно, произошло вмѣшательство Вадима, но какъ именно оно выразилось, я не узналъ. Въ результатѣ, явилась неясность положенія Зои и возможность удаленія ея изъ труппы.

Все это мнѣ мало нравилось. Прежде всего, я рѣшительно не зналъ, для чего меня пригласили; мнѣ черезъ четверть часа сдѣлалось совсѣмъ скучно. Во-вторыхъ, я былъ недоволенъ Вадимомъ и даже опасался за него. Неужели онъ поставилъ себя въ такое положеніе, что принужденъ былъ вмѣшиваться въ закулисныя дрязги балаганной труппы? Это свидѣтельствовало объ очень серьезномъ увлеченіи съ его стороны, а я не предвидѣлъ отъ этого много хорошаго.

Между Зоей и Вадимомъ чувствовалось что-то напряженное: они или въ ссорѣ были, или имъ обоимъ хотѣлось переговорить другъ съ другомъ. Послѣднее предположеніе мое вскорѣ оправдалось. Старушка, среди оханья, вспомнила о самоварѣ.

— Я пойду посмотрю, — сказала Зоя, и вышла.

Черезъ нѣсколько минутъ Вадимъ, постоявъ съ невинно-задумчивымъ видомъ передъ раскрытою дверью въ садъ, юркнулъ туда. Мамаша тотчасъ задумалась и стала водить пальцами надъ бровями, точно хотѣла разгладить морщины на лбу. Потомъ начался разсказъ объ отставномъ подполковникѣ, о которомъ я уже совершенно достаточно слышалъ при нашемъ первомъ знакомствѣ.

Время, между тѣмъ, шло; молодые люди не появлялись. Приготовленій къ чаю тоже не было замѣтно. Я начиналъ злиться. Ужъ не притащили ли меня сюда для того, чтобъ я занималъ старуху, пока влюбленные будутъ объясняться между собою?

X.

Я рѣшилъ покончить съ этимъ глупымъ положеніемъ и, объявивъ, что иду отыскивать молодежь, вышелъ въ садъ. Тамъ уже начинались сумерки и подъ деревьями тѣни густо темнѣли. Садъ

былъ общій съ большой дачей и тянулся довольно далеко. Это даже былъ не садъ, а скорѣе часть парка. Я прошелъ широкую проѣзжую аллею, на мягкомъ грунтѣ которой виднѣлись колеи отъ колесъ; по этой дорогѣ обыкновенно дворникъ возилъ воду. Шаговъ моихъ не было слышно. Блѣдное, тусклое небо, безъ блеска и безъ тьмы, просвѣчивало сквозь жидкія верхушки березъ, на которыхъ чернѣли вороньи гнѣзда. Въ отсырѣвшемъ воздухѣ тупо и жалостно раздавалось иногда голодное карканье.

Я все шелъ и вдругъ услышалъ, словно какъ позади себя, знакомые голоса. Обернувшись, я разглядѣлъ бесѣдку, мимо которой только что прошелъ. Тамъ свѣтлѣло сиреневое платье Зои и обрисовывалась, стоя, фигура Вадима.

Повидимому, я попалъ къ концу большого разговора, потому что услышалъ фразу Вадима:

— Наконецъ, ты вѣришь мнѣ? Ты знаешь, что я тебя люблю, какъ никогда никто не любилъ тебя? Что для моей любви не существуетъ ни предразсудковъ, ни препятствій?

«Однако, чортъ возьми!» — мысленно произнесъ я и хотѣлъ окликнуть племянника.

Но меня невольно заинтриговало молчаніе, наставшее послѣ его словъ. Зоя не отвѣчала. Я видѣлъ только, какъ она подняла голову, и потомъ медленно, словно какая-то внѣшняя сила плавно подняла ее со скамьи, вытянулась во весь ростъ (она мнѣ видна была сбоку) и высоко протянула руки. Что-то своеобразно-жуткое было въ этомъ движеніи и во всей ея позѣ. Я словно замеръ и не могъ оторвать глазъ отъ нея. Ея руки, съ обращенными внизъ кистями, поднялись еще выше.

— Что ты такое спрашиваешь? Я съ первой минуты отдала тебѣ душу. Ты моя жизнь и смерть! Пока ты меня любишь, я живу; разлюбишь — умру... — произнесла она тихо и глухо.

И вдругъ ея поднятыя руки притянули его, и она приникла къ нему всѣмъ тѣломъ, безпомощная и безвольная...

«Чортъ знаетъ, на какую чувствительную сцену я наткнулся», — мысленно произнесъ я съ досадой.

На этотъ разъ, къ моей досадѣ не примѣшивалось ни ревниваго, ни завистливаго чувства. Напротивъ, что-то мнѣ вдругъ, разомъ, не понравилось въ Зоѣ. Красота ея движенія, ея позы и ея глухо сказанныя слова произвели на меня странное, почти непріятное впечатлѣніе: во всемъ ея существѣ чудилось что-то слишкомъ трагическое, ненормальное, вѣявшее холодомъ на нервы. Будь

я на мѣстѣ Вадима, мнѣ бы страшно стало такой женщины, и ничего больше...

Я повернулся и быстро пошелъ въ домъ. Тамъ уже успѣли подать самоваръ, а вскорѣ вернулась и молодежь. Лицо Зои было блѣдно и почти прозрачно, точно на немъ еще лежалъ больной блескъ петербургскихъ сумерекъ. Потомъ оно понемногу стало разгораться пятнами. «Отъ поцѣлуевъ»,—подумалъ я. А Вадимъ былъ радостно-сосредоточенъ, и въ глазахъ его то и дѣло вспыхивалъ тотъ особенный огонекъ, который замѣчается только у влюбленныхъ и счастливыхъ...

Мы принялись за чай. Зоя хозяйничала очень разсѣянно, разроняла ложечки, чуть не обварила себѣ руку кипяткомъ и, наконецъ, бросила все и велѣла Вадиму доливать стаканы. Присѣвъ бокомъ къ столу, она низко наклонилась надъ коробкой съ конфетами и принялась перебирать ихъ щипчиками, надкусывать и бросать назадъ въ коробку. Потомъ пересѣла на диванъ, прямо противъ Вадима, и осталась тамъ неподвижно, не сводя съ него устремленнаго въ упоръ взгляда. Но что это былъ за взглядъ! Казалось, вся душа ея глядѣла изъ расширенныхъ зрачковъ, тянулась къ нему... Мнѣ невольно припоминалось ощущеніе, пронизавшее меня въ саду, и опять почудилось во всемъ существѣ Зои что-то пугающее, жуткое, предостерегающее и влекущее въ одно и то же время...

Вадимъ только мелькомъ скользилъ по ней глазами; его какъ будто стѣснялъ ея напряженный, неотрывающійся взглядъ. То-есть, собственно говоря, стѣснялъ его я, съ любопытствомъ наблюдавшій за обоими.

Старушка подъ конецъ опять свела разговоръ на закулисныя непріятности.

— Какъ-то завтра-то? Будешь ли занята? — жалостно прошамкала она.

Зоя, не глядя на нее, приподняла колѣно и обхватила его руками.

— Ахъ, мама, это же такіе пустяки! — проговорила она равнодушно, съ балованною дѣтскою пѣвучестью.

Я первый сталъ прощаться. Зоя встрепенулась, точно съ нея столбнякъ соскочилъ, и поблѣднѣла еще больше. Она вышла насъ провожать. Въ дверяхъ она взяла руку Вадима и оставила ее въ своей, пока мы разговаривали всѣ трое на крыльцѣ, поджидая коляску. Глаза ея по-прежнему не отрывались отъ него, и въ этомъ взглядѣ точно музыка была, точно трепетала какая-то безконеч-

пая, тонкая, пронизывающая нота... И мнѣ чудилось, будто эта нота выпѣвала ея слова: «жизнь и смерть!»

Мы, наконецъ, усѣлись въ экипажъ и тронулись, махая шляпами. А Зоя стояла на невысокомъ крылечкѣ, неподвижная, и вся сіяла какимъ-то тихимъ и торжественнымъ сіяніемъ, какъ сіяютъ мраморныя изваянія, когда на нихъ упадетъ ненарокомъ блескъ мѣсяца.

XI.

Вадима я опять сталъ видѣть только за обѣдомъ, и то не всегда. Онъ меня удивлялъ несвойственной ему измѣнчивостью настроенія: то пріѣдетъ веселый, возбужденный, напѣваетъ, болтаетъ, глаза блестятъ какъ угольки, а то вдругъ найдетъ на него задумчивость, брови хмурятся, плохо ѣстъ, и если не уѣдетъ сейчасъ послѣ обѣда, то уйдетъ въ свою комнату и тамъ лежитъ, а потомъ выйдетъ въ садъ и бѣгаетъ цѣлый часъ по всѣмъ дорожкамъ, заложивъ руки въ карманы, словно озябшій.

«Попался, наконецъ, и, кажется, не совсѣмъ удачно, — думалъ я о немъ не безъ нѣкотораго сожалѣнія.— Но это скоро соскочитъ съ него, — добавлялъ я тутъ же, — лишь бы только не успѣлъ надѣлать глупостей до тѣхъ поръ». И когда однажды Вадимъ прибѣгнулъ къ займу у меня, —ему понадобилось триста рублей, которые онъ будто бы проигралъ въ карты, — я, признаюсь, подумалъ: «кажется, глупости начинаются».

Вскорѣ послѣ того случилась болѣе странная неожиданность. За часъ до нашего обѣда ко мнѣ вошелъ Патрикій и съ загадочнымъ видомъ доложилъ, что пришла барышня.

— Какая барышня? — изумился я.

— Не могу знать-съ. Барышня. Я думалъ такъ, что къ Вадиму Александровичу, и говорю имъ: дома ихъ нѣтъ, а онѣ ничего не сказали и прошли въ гостиную. Цвѣты принесли.

— Цвѣты?

— Живые-съ.

Я пожалъ плечами и всталъ. Въ гостиной, дѣйствительно, была посѣтительница. Она сидѣла у круглаго стола и перебирала порядочную массу цвѣтовъ, принесенныхъ въ корзинкѣ.

Я тотчасъ узналъ Зою.

На ней была простенькая шляпа canotier съ желтой лентой и сиреневый шелковый корсажъ съ черной юбкой. Коротенькая накидка лежала рядомъ на стулѣ. Блѣдно-золотистые волосы ея не

были подобраны и спускались на спину пушистой, разсыпающейся волной.

На мое привѣтствіе она улыбнулась той особенной, блаженной улыбкой, которую я разъ уже подмѣтилъ въ ней и въ которой мнѣ чудилось такое же странное выраженіе, какъ и въ ея глазахъ. Удивленія, звучавшаго въ моихъ словахъ, она, очевидно, совсѣмъ не замѣтила; напротивъ, она держала себя такъ, какъ будто уже сто разъ бывала тутъ.

— Вамъ захотѣлось навѣстить Вадима Александровича, конечно? — сказалъ я.

Она опять подняла на меня глаза, молча улыбнулась и кивнула головой. Руки ея, перепачканныя зеленью, продолжали медленно перебирать цвѣты. Тутъ были незабудки, колокольчики, фіалки, ландыши, еще какіе-то желтые и лиловые цвѣтки, вообще все то, что можно найти въ петербургскихъ окрестностяхъ въ первой половинѣ лѣта.

— А Вадима Александровича нѣтъ дома, онъ въ это время всегда на службѣ, — сказалъ я.

Она утвердительно кивнула головой и произнесла:

— Онъ придетъ.

Чортъ возьми! Я самъ былъ того же мнѣнія, что онъ придетъ. Но, тѣмъ не менѣе, мое положеніе представлялось мнѣ до крайности глупымъ. Чтò означало это странное посѣщеніе? Вадимъ былъ настолько корректенъ по отношенію ко мнѣ, что, живя въ моей квартирѣ, не сталъ бы приглашать героиню своего романа къ себѣ. Для него—я былъ увѣренъ—это представитъ совсѣмъ непріятную неожиданность. А странная манера Зои, ея загадочная, блуждающая, блаженная улыбка, ея свѣтящійся тусклымъ блескомъ взглядъ, напоминающій взглядъ лунатика подъ лучами мѣсяца, — все это наводило на меня какое-то болѣзненное, жуткое ощущеніе.

Но не могъ же я посовѣтовать ей уйти домой! Пусть Вадимъ выпутываетъ насъ обоихъ, какъ знаетъ. Я рѣшился покориться своему положенію и, придвинувъ себѣ стулъ, сѣлъ прямо противъ Зои.

XII

Не знаю, чтò именно она дѣлала съ цвѣтами. Ея длинные, тонкіе пальцы перебирали ихъ, складывали большими пучками, потомъ начинали раздѣлять ихъ, подкладывать одинъ къ другому,

какъ будто она собиралась плести вѣнокъ; потомъ она схватывала какой-нибудь цвѣтокъ, наклонялась, откусывала стебелекъ — серьезно, молча, съ лишенной выраженія, блуждающей улыбкой. Я слѣдилъ за нею, и мнѣ все больше казалось, что въ этой улыбкѣ, въ глазахъ, въ молчаливыхъ движеніяхъ, проникнутыхъ какою-то блаженною покорностью, во всемъ существѣ ея, было что-то ненормальное.

— Это для Вадима Александровича? — сказалъ я.

Она чуть-чуть усмѣхнулась и кивнула головой.

— Гдѣ вы нашли столько цвѣтовъ?

— Тамъ! — отвѣтила она и махнула рукой на окно. — Я цѣлое утро ходила въ паркѣ, потомъ ушла въ поле, далеко... Теперь тамъ много цвѣтовъ.

— Онъ счастливецъ, Вадимъ, — молвилъ я.

Она подняла на меня глаза и опять усмѣхнулась своей странной улыбкой, въ которой не было смѣха.

— Почему? — спросила она.

— Вы любите его! — сорвалось у меня.

Она утвердительно наклонила голову. Въ этомъ отвѣтѣ было столько простоты, что я опять подумалъ о ненормальности ея разсудка. Иногда только помѣшанные бываютъ совершенно просты и искренни...

— И вы — счастливы? — продолжалъ я.

Она не тотчасъ отвѣтила. Ея плечи сжались, она вся подвинулась къ спинкѣ стула, движенія ея рукъ стали медленнѣе. Странный, мерцающій блескъ залилъ ея зрачки.

— Это не счастье, это что-то другое. Этого назвать нельзя... — заговорила она тихо, и все лицо ея медленно разгаралось. — Это... знаете, что такое? Я умерла, совсѣмъ умерла, и вся моя жизнь умерла, и потомъ я снова родилась. Ничего, ничего того нѣтъ, что̀ было. Ахъ, какъ прежде было гадко! Какая я была несчастная, ничтожная, презрѣнная... Да, меня всѣ презирали, топтали... Я среди всѣхъ была самая послѣдняя. Но это умерло, и я сама умерла. Онъ сейчасъ прійдетъ, вы знаете?

Послѣднія слова она бросила совсѣмъ другимъ, строгимъ и торжествующимъ тономъ.

Мнѣ дѣлалось все болѣе не по-себѣ. Подозрѣніе, что Зоя находится въ ненормальномъ состояніи, все сильнѣе укоренялось во мнѣ. И странно — это не особенно меня удивляло. Я какъ будто ожидалъ этого.

— О, какой онъ чудный! Какая доброта въ его глазахъ, когда

онъ смотритъ на меня... Вѣдь онъ одинъ, только онъ одинъ умѣетъ такъ смотрѣть!—продолжала она, блаженно поводя плечами, какъ дѣлаютъ дѣти, когда имъ очень хорошо. — Онъ далъ мнѣ жизнь. Онъ мой богъ. Я родилась для него...

Но вдругъ глаза ея потускнѣли, все лицо какъ будто разомъ осунулось, въ образовавшейся между бровями складкѣ выразилось что-то страдальческое.

— Почему онъ не пришелъ вчера? — проговорила она съ внезапною тоскою.—Какъ могъ онъ не прійти, когда онъ такъ любитъ меня? Вѣдь для него я умерла, и для него родилась. Какъ я ждала его! Цѣлый день я плела для него вѣнокъ, чтобы положить ему на голову. И солнце вчера такъ долго, такъ долго не садилось. Я пошла ему навстрѣчу, и все шла, все шла, пока мои ноги не ступили въ воду. Какъ холодно мнѣ стало... Это не отъ воды, а отъ мѣсяца. Онъ смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза и такимъ ледянымъ свѣтомъ обливалъ меня. Я заплакала и бросила въ воду вѣнокъ. Потомъ мнѣ его жалко стало, этого вѣнка. Но онъ не пошелъ ко дну, онъ зацѣпился за иву, и такъ близко — можно рукой достать. Я сегодня пойду туда и возьму его назадъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не ходите, вы утонуть можете,— прервалъ я ее, не на шутку перепуганный. — Вы сплетете другой вѣнокъ, вотъ изъ этихъ цвѣтовъ.

Она посмотрѣла на меня и усмѣхнулась.

— Ай, ай, какой вы хитрый, какой хитрый! — проговорила она и погрозила мнѣ пальцемъ.

XIII.

Въ эту минуту быстрыми шагами вошелъ къ намъ Вадимъ. Очевидно Патрикій уже сообщилъ ему о «барышнѣ», и онъ казался встревоженнымъ и смущеннымъ. Наскоро поздоровавшись со мною, онъ прямо подошелъ къ Зоѣ и проговорилъ съ замѣтною досадой:

— Вы здѣсь? Какимъ образомъ?

Она слегка поблѣднѣла,—я замѣтилъ, что она всегда блѣднѣла, когда онъ прямо обращался къ ней,—встала и молча, съ виноватымъ видомъ, обвила его шею руками. Мнѣ видны были ея глаза. Въ нихъ выражалась сосредоточенная, пугливая, безумная страсть...

— Съ какой стати вы сюда пріѣхали? Развѣ можно мѣшать дядѣ?—строго сказалъ Вадимъ.

— Милый, ты пришелъ! Я знала! — проговорила Зоя, прижимаясь къ нему всѣмъ своимъ тонкимъ тѣломъ, словно ища у него защиты противъ него самого.

Обращеніе Вадима показалось мнѣ грубымъ.

— Ничего, Зоя Алексѣевна нисколько не помѣшала мнѣ,— сказалъ я.—А теперь я самъ не буду вамъ мѣшать.

И я хотѣлъ уйти. Вадимъ поспѣшно остановилъ меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, дядюшка, мы васъ покидаемъ. Черезъ четверть часа я вернусь, и мы будемъ обѣдать,—объявилъ онъ.

Затѣмъ, повернувшись къ Зоѣ, онъ добавилъ все тѣмъ же строгимъ тономъ:

— Пойдемте на минуту въ мою комнату, мнѣ надо поговорить съ вами.

Зоя послушно пошла за нимъ, тотчасъ же забывъ обо мнѣ.

Прошло минутъ десять. Я слышалъ, какъ дверь на лѣстницу отворилась и захлопнулась. Потомъ опять прошло нѣсколько минутъ, и Вадимъ появился одинъ. Онъ былъ взволнованъ и крѣпко пожалъ мнѣ руку горячей рукой.

— Ради Бога извините, дядюшка! Мнѣ до крайности непріятно. Но я, право, ничѣмъ не виноватъ, — проговорилъ онъ, избѣгая смотрѣть на меня.

— Полно, пожалуйста!—остановилъ я его. — Развѣ можно претендовать на бѣдную дѣвушку, которая въ такомъ... въ такомъ ненормальномъ состояніи?

Вадимъ быстро вскинулъ на меня глазами, и краска разомъ густо залила его лицо.

— Вы замѣтили?—проговорилъ онъ съ волненіемъ.

— Да, замѣтилъ

Вадимъ опустился въ кресло и поставилъ локти на столъ. Я видѣлъ, что онъ неровно и тяжело дышалъ. Очевидно, вся эта романтическая исторія серьезно удручала его.

— Что мнѣ дѣлать, дядюшка?—произнесъ онъ почти съ отчаяніемъ въ голосѣ.

Я пожалъ плечами, ожидая отъ него какихъ-нибудь поясненій. Что̀ я могъ сказать, ничего не зная?

— Мнѣ не хотѣлось посвящать васъ въ эти печальныя подробности,— продолжалъ Вадимъ, — но разъ что вы сами видѣли, тѣмъ лучше. Я съ признательностью воспользуюсь вашею опытностью. Помогите, посовѣтуйте. Самъ я совершенно растерялся и ничего не могу придумать.

— Прежде всего объясни, куда ты дѣвалъ ее?—спросилъ я.

— Усадилъ съ знакомымъ извозчикомъ и велѣлъ отвезти къ ней домой. Доѣдетъ она безопасно.

— Но не совсѣмъ безопасно оставлять ее тамъ на полной свободѣ,—замѣтилъ я.—Она бродитъ по вечерамъ Богъ знаетъ гдѣ, попадаетъ въ воду, собирается доставать вѣнокъ, повисшій на ивѣ надъ рѣкой... Вѣдь такъ десять разъ утонуть можно.

— Что же дѣлать? Научите!—воскликнулъ Вадимъ.

Онъ имѣлъ такой растерянный, удрученный видъ, что мнѣ стало жаль его.

— Давно это началось?—спросилъ я.

— Нѣтъ, не очень давно,—отвѣтилъ Вадимъ.—То-есть, собственно говоря, въ ней всегда замѣчалось много страннаго. Мнѣ сдается, что и вамъ она съ перваго же раза показалась... въ такомъ родѣ. Помните, въ саду?

Я кивнулъ головой.

— Но затѣмъ, въ послѣднее время... Все это не очень легко объяснить, не касаясь нѣкоторыхъ подробностей. А вамъ, дядюшка, пора обѣдать: я видѣлъ, Патрикій пронесъ суповую вазу. Я посижу съ вами за столомъ,—ѣсть мнѣ не хочется,—соберусь съ мыслями, и, если вамъ не очень скучно покажется, мы поговоримъ.

— Отлично,—согласился я, и мы перешли въ столовую.

XIV.

Послѣ обѣда Вадимъ, выкуривая папироску за папироской, ходилъ безпокойными шагами по моему кабинету. Я помогъ ему возобновить прерванный разговоръ.

— Какого ты мнѣнія о консультаціи съ какимъ-нибудь извѣстнымъ психіатромъ?—спросилъ я.

Вадимъ пожалъ плечами.

— А вы вѣрите, чтобы въ подобныхъ случаяхъ медицина могла что-нибудь сдѣлать?—возразилъ онъ.— Если будетъ необходимо, ее посадятъ, это само собою. Но, мнѣ кажется, дѣло еще не зашло такъ далеко. У нея состояніе экзальтаціи, больше ничего. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, можно сойти съ ума отъ такой причины?

— Я не знаю причины,—замѣтилъ я.

— Да другой причины нѣтъ, какъ... любовь, — проговорилъ Вадимъ съ нѣкоторымъ усиліемъ. — То-есть, собственно говоря, особыя свойства характера, вмѣстѣ съ условіями жизни, съ обстоятельствами прошлаго...

— А, у нея есть прошлое,—сказалъ я.

Вадимъ сѣлъ въ кресло, въ полоборота ко мнѣ, взялъ въ руки какую-то брошюрку и свернулъ ее въ трубку.

— Бывая у нихъ очень часто, я, конечно, долженъ былъ кое-что узнать,—заговорилъ онъ.—Не очень много, впрочемъ, потому что никогда не разспрашивалъ. Больше догадывался, чѣмъ узнавалъ. Про отца Зои старуха вамъ разсказывала. Фамилія его была Пустовскій. Повидимому, это былъ строевой армейскій офицеръ, спившійся съ кругу. Жили они грязно, нищенски, по-цыгански. Когда онъ умеръ, вдова и дочь очутились въ самомъ отчаянномъ положеніи. Пришлось перебиваться крошечной пенсіей, жить еще бѣднѣе, унижаться до подачекъ, до попрошайства. Зоя не могла, разумѣется, получить никакого образованія; выучилась только читать и писать, да урывками, случайно, схватила кое-что изъ музыки. Мать, вы сами видѣли, глупа какъ тряпка. Кромѣ трущобныхъ понятій и привычки къ безалаберности—ничего. Между тѣмъ Зоя подросла, изъ нея вышла хорошенькая дѣвушка. Воспитанія она не имѣла никакого, и даже никакихъ человѣческихъ понятій: у нихъ у обѣихъ всю душу съѣло чувство униженности, ничтожества, безсмысленнаго страха передъ всѣми и каждымъ. Понятно, что при этихъ условіяхъ... словомъ, Зою постигла обыкновенная участь. Какой-то мѣстный меценатъ обольстилъ ее.

— А-а!—протянулъ я.

— И сколько я могъ понять, — продолжалъ Вадимъ,—случилось это какъ-то безсмысленно, какъ и все въ ихъ безсмысленномъ существованіи. Ни порока, ни даже разсчета тутъ не было, а просто какое-то подлое чувство своего человѣческаго ничтожества, составляющее всю натуру старухи. Не смотрите, что она прихвастнуть любитъ, и о талантахъ дочери говоритъ съ благоговѣніемъ: это у нея напускное, и уже потомъ явилось, отъ знакомства съ театральными мамашами, а природа у нея какая-то изумительно хамская. Она и теперь, когда на большую дачу генералъ въ коляскѣ пріѣзжаетъ, привстаетъ изъ почтительности у своего окна. Ну, а вы знаете, что у насъ, особенно въ провинціи, главное удовольствіе—презирать и надругаться. И онѣ обѣ, повидимому, привыкли такъ и считать, что къ нимъ можно относиться съ презрѣніемъ и надругательствомъ. Какъ это все отразилось на ихъ жизни, на развитіи Зои, можно догадаться. Года полтора назадъ ее случайно впихнули въ провинціальную труппу. Тамъ, конечно, она не сумѣла поставить себя. Человѣка, который разглядѣлъ бы

ея способности, задатки, не нашлось. А у нея натура очень способная, можетъ быть даже богатая, увѣряю васъ.

— Не увѣряй, я вѣрю,—сказалъ я.

Вадимъ развернулъ и опять свернулъ въ трубку брошюрку, которую держалъ въ рукѣ. Очевидно, онъ подошелъ къ той части разсказа, которая наиболѣе затрудняла его. Но теперь мнѣ ничего не стоило прійти къ нему на помощь.

— Не надо обращаться къ психіатру, — сказалъ я,— чтобы понять остальное. Эту дѣвушку, у которой, какъ ты выразился, чувство униженности вытравило душу, судьба столкнула наконецъ съ порядочнымъ человѣкомъ, отнесшимся къ ней не только безъ презрѣнія и надругательства, но съ внезапной и сильной вспышкой страсти. Ты въ нее влюбился. И эта любовь, и ты самъ—все это было для нея страшно ново. Ты показался ей богомъ,—она такъ и называетъ тебя,—а твоя страсть—огненной купелью, въ которой она—бѣдная, униженная, подавленная своимъ ничтожествомъ и позоромъ—быстро сгорѣла. Нервы не выдержали—противоположности были слишкомъ рѣзки.

Вадимъ наклонилъ голову.

— Но развѣ я виноватъ?—сказалъ онъ.

Я не отвѣчалъ. Въ самомъ дѣлѣ, былъ ли онъ виноватъ? Пока, можетъ быть, нѣтъ. Но дальше?

— Мое чувство было совершенно искреннее, я не обманывалъ ее,—добавилъ онъ.

Мнѣ вспомнились слова, сказанныя имъ Зоѣ въ бесѣдкѣ: «для моей любви не существуетъ ни предразсудковъ, ни препятствій». Ужъ будто бы тутъ не было обмана?

— Но теперь ты все еще любишь ее?—спросилъ я.

Вадимъ всталъ и съ выраженіемъ отчаянія сжалъ и опустилъ руки.

— Ахъ, теперь я ничего не знаю, — отвѣтилъ онъ глухо.— Мнѣ иногда кажется, что я прихожу въ такое же состояніе, какъ Зоя. Дядюшка, я обращаюсь къ вашей опытности, къ вашему уму: научите!

Я пожалъ плечами.

— А гдѣ же твоя теорія мужского права и наличнаго факта?—спросилъ я.—Ты не замѣчаешь, чтобъ у Зои кончикъ носа потѣлъ, какъ у бѣдной Juliette?

Вадимъ посмотрѣлъ на меня печально и укоризненно. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ не слѣдовало его поддразнивать. Но что̀ я могъ

сказать ему въ утѣшеніе? Вѣдь не посовѣтовать же ему жениться на Зоѣ!

— Мнѣ кажется, — отвѣтилъ я на его взглядъ,—ты можешь сдѣлать только одно: ждать. Предоставимъ все своему естественному развитію. Что нибудь выйдетъ.

XV.

Спустя нѣкоторое время, я долженъ былъ на цѣлый мѣсяцъ отлучиться изъ Петербурга. Хотя я уѣзжалъ по очень скучному дѣлу и въ очень скучный уголокъ Россіи, но тѣмъ не менѣе, былъ радъ покинуть и свою городскую квартиру, и особый складъ лѣтней петербургской жизни, и вечера за винтомъ гдѣ-нибудь на балконѣ, и даже... Вадима. Онъ сталъ до крайности нервенъ въ послѣднее время, потерялъ свою мягкую жизнерадостность и удручающимъ образомъ дѣйствовалъ на мое расположеніе духа. Романъ его съ Зоей хотя продолжалъ возбуждать мое любопытство, но я уже утомился лично слѣдить за его «естественнымъ развитіемъ». Зоя, какъ я слышалъ, уже не играла на сценѣ, но въ положеніи ея не было перемѣны.

Окончивъ болѣе или менѣе удачно всѣ дѣла въ отдаленномъ городѣ, куда мнѣ пришлось уѣхать, я почти передъ самымъ отъѣздомъ получилъ отъ Вадима телеграмму, извѣщавшую, что ему удалось выхлопотать себѣ заграничный отпускъ, и что онъ въ тотъ же день уѣзжаетъ. Ни о томъ, отчего онъ такъ внезапно собрался за границу, ни о Зоѣ въ телеграммѣ не упоминалось. Такимъ образомъ, въ Петербургѣ я нашелъ въ своей квартирѣ одного Патрикія и долженъ былъ провести конецъ лѣта въ полномъ одиночествѣ.

Я разсчитывалъ, что Вадимъ оставилъ мнѣ хоть какую-нибудь записку, и даже разспрашивалъ по этому поводу Патрикія, но ничего не оказалось.

Стояли ясные, теплые, почти жаркіе дни, послѣдніе хорошіе дни уходящаго лѣта. Я каждое послѣ-обѣда уѣзжалъ на острова и, оставивъ коляску гдѣ-нибудь у поворота, много гулялъ въ паркахъ, стараясь забираться въ самыя уединенныя мѣста.

Разъ, когда я шелъ по совершенно безлюдному и уже погружавшемуся въ ранніе сумерки берегу, на глаза мнѣ попался засохшій вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ, висѣвшій надъ самой водой на вѣтвяхъ ивы. Вѣнокъ этотъ тотчасъ напомнилъ мнѣ Зою и весь ея печальный романъ. Неужели это тотъ самый вѣнокъ, ко-

торый она плела для Вадима? Мнѣ сдѣлалось грустно, и вмѣстѣ съ тѣмъ на меня нахлынуло какое-то странное, необъяснимое и жуткое чувство, точно я находился въ ея присутствіи, точно она непремѣнно гдѣ-то близко тутъ была. Я даже всматриваться сталъ— и вдругъ мнѣ словно померещилась сквозь вѣтви какая-то фигура, вся въ бѣломъ, и даже ясно послышался голосъ—знакомый, несомнѣнный голосъ Зои... Онъ пѣлъ, этотъ голосъ, медленно и незвучно, съ странными паузами, иногда на половинѣ слова.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, и Зоя вся обрисовалась предо мной. Она сидѣла на травѣ, у самыхъ корней дуплистой, старой ивы. На колѣняхъ, въ складкахъ ея бѣлаго платья, лежала масса васильковъ, и она перебирала ихъ длинными, тонкими пальцами, совсѣмъ такъ, какъ тогда у меня въ гостиной. На маленькой соломенной шляпѣ ея лежалъ вѣнокъ изъ такихъ же васильковъ.

Я стоялъ и смотрѣлъ на нее и старался вслушаться въ слова ея пѣсни. Но я не могъ понять, что такое она пѣла. Это былъ какой-то одинъ простой мотивъ, безконечно повторяемый. И слова были одни и тѣ же; но, несмотря на то, ихъ трудно было разобрать. Я уловилъ только: «вѣнокъ», «люблю», «любимый», «онъ придетъ»...

— Зоя Алексѣевна!—рѣшился я окликнуть

Она вся вздрогнула и повернула голову. Глаза ея, все такіе же прекрасные, быстро скользнули по мнѣ и остановились. И въ нихъ, и во всемъ лицѣ ея отразилось напряженіе. Блуждающая улыбка сосредоточилась, въ ней мелькнула жизнь. Потомъ она поднялась поспѣшно, съ какою-то неестественною легкостью, точно вся состояла изъ воздуха, и остановилась прямо предо мною, спокойная, задумчивая, съ глубоко-темнѣющими зрачками, придерживая одною рукой перёдъ платья, чтобъ не разронять васильки.

— Здравствуйте,—сказала она первая и протянула свободную руку.

Мнѣ было немножко жутко, когда я пожалъ эту холодную, худую руку. И немножко даже непріятно, какъ будто я прикасался къ чему-то неживому, неизвѣстному...

— Какъ давно вы не приходили!—продолжала она тихо, всматриваясь въ меня широко-раскрытыми глазами.—И онъ тоже. Ахъ, какъ давно! Какъ я устала ждать! Но онъ придетъ...—добавила она еще тише, и вдругъ улыбнулась, но такой жалкой, страдальческой улыбкой, что я самъ почувствовалъ страданіе.

XVI.

Сумерки уже сгустились, рѣка подернулась туманомъ, надъ травою стелилась и клубилась, какъ дымъ, стынущая роса. Зоя, въ своемъ бѣломъ платьѣ, измятомъ, мокромъ, съ пятнами отъ зелени, рѣзко выдѣлялась среди темноты. Ей какъ будто не было холодно, только на блѣдныхъ губахъ ея лежалъ синеватый отливъ.

Недалеко отъ насъ стояла скамейка. Я предложилъ ей сѣсть.

— Зачѣмъ вы такъ поздно гуляете? Теперь сыро, вы простудиться можете,—сказалъ я.

Она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на меня.

— Отчего поздно? Луна еще только что показалась, — возразила она.

— Неужели вы при лунѣ, ночью, тутъ гуляете?

Она утвердительно кивнула головой.

— И не боитесь? Вѣдь васъ могутъ напугать, обидѣть...

Она засмѣялась короткимъ, тихимъ смѣхомъ.

— Меня не увидятъ. Я прячусь,—отвѣтила она, и на лицѣ ея мелькнуло лукавое выраженіе.

— Но зачѣмъ вы въ этомъ бѣломъ платьѣ? Ночью васъ въ немъ легче замѣтятъ,—сказалъ я.

— Мнѣ нельзя въ другомъ. Я всегда въ бѣломъ. Хотите, я вамъ скажу, почему?

— Пожалуйста.

Она оглянулась, потомъ потянулась ко мнѣ и сдѣлала знакъ, чтобъ я наклонилъ голову.

— Потому что я—невѣста,—прошептала она мнѣ на ухо, и опять засмѣялась все тѣмъ же разбитымъ, короткимъ смѣхомъ. У меня отъ этого смѣха холодокъ пробѣжалъ по спинѣ.

— Хорошо, пусть вы невѣста, но вѣдь не сегодня же ваша свадьба. Вы успѣете переодѣться, когда нужно будетъ. А теперь холодно, вамъ надо потеплѣе одѣваться, — сказалъ я, стараясь взять авторитетный тонъ.

Но она уже не слушала меня и, наклонивъ голову, принялась перебирать лежавшіе у нея на колѣняхъ цвѣты. Потомъ запѣла—медленно, вполголоса, какъ будто сама прислушивалась къ какой-то другой, далекой пѣснѣ.

— Право, вамъ пора домой. Вѣдь вамъ не близко. Хотите, я провожу васъ?—предложилъ я.

Она не слушала и принялась не спѣша, старательно заплетать вѣнокъ. Потомъ вдругъ взглянула на меня.

— Это для него,—проговорила она и усмѣхнулась своей жалкой улыбкой.

— Пойдемте, я васъ провожу домой,— повторилъ я.— Развѣ вамъ не холодно?

Она взглянула вверхъ, на небо.

— Мнѣ рано,—сказала она.—Луна еще низко. Онъ можетъ придти.

— Кто—онъ?

Она повела на меня блеснувшими стекляннымъ блескомъ глазами, близко придвинулась къ моему плечу, засмѣялась и погрозила мнѣ пальцемъ.

— Ахъ, какой вы хитрый! Ахъ, какой хитрый!—воскликнула она почти весело.— Точно вы не знаете! Но вы отлично знаете. Вы дядя, его дядя; вѣдь я тоже отлично знаю!

Мнѣ показалось, что и въ глазахъ ея, и въ улыбкѣ, и во всемъ лицѣ мелькнуло сознаніе. Но это было одно мгновенье. Она сейчасъ же заговорила совсѣмъ другимъ тономъ:

— Я знаю больше, чѣмъ вы. Я знаю, почему онъ не приходитъ. Потому что я еще не умерла. Я должна умереть. Пока я не умерла, я не могу быть его женой. А когда я умру, я совсѣмъ другая буду — святая, чистая. И платье это будетъ чистое, легкое, какъ воздухъ. И вездѣ, вездѣ будутъ померанцевые цвѣты, сверху до низу. А теперь...

Она потянула меня за плечо и, почти касаясь щекою моей щеки, прошептала мнѣ на ухо:

— Вѣдь я васъ обманула, будто я невѣста. Это только такъ, пока. Вы разсмотрите хорошенько мой нарядъ: это совсѣмъ не подвѣнечное платье. Вотъ пощупайте: развѣ изъ этого шьютъ платья для невѣстъ? И взгляните на вѣнокъ на шляпѣ: это вѣдь васильки, простые васильки.

Она безпокойно двигала руками, почти рвала на себѣ платье, передернула шляпу назадъ. Зрачки ея подозрительно ширились

Я всталъ и взялъ ее за руку.

— Зоя Алексѣевна, послушайтесь меня, пойдемте домой,— сказалъ я.—Тутъ холодно, сыро, вамъ нельзя оставаться. И мамаша ваша безпокоится.

Она глядѣла мнѣ прямо въ глаза и отрицательно качала головой.

— Пойдемте,—повторилъ я настойчиво.—Если вы не послушаетесь, я возьму васъ подъ руку и уведу силой.

Она какъ будто присмирѣла, усмѣхнулась съ виноватымъ видомъ и, сама взявъ меня подъ руку, прижалась ко мнѣ плечомъ.

— Какой вы злой! И хитрый! — проговорила она, по-дѣтски ласкаясь ко мнѣ.—Хорошо, мы пойдемъ. Но взгляните туда, на иву, виситъ ли тамъ мой вѣнокъ? Я хотѣла бы, чтобъ вы мнѣ достали его. Вы видите его?

Я невольно повернулся туда, куда она указывала свободною рукой, и сталъ соображать, можно ли, не рискуя упасть въ воду, снять вѣнокъ съ дерева. А въ это время другая рука ея тихо выскользнула изъ-подъ моей руки, и когда я оглянулся, Зои уже не было. Неясно, словно дымокъ послѣ выстрѣла, мелькнуло за деревьями ея бѣлое платье, и все исчезло...

XVII.

Я возвратился домой сильно разстроенный этой встрѣчей. Положеніе Зои представлялось безпомощнымъ. Я не могъ понять, какъ Вадимъ рѣшился уѣхать, бросивъ бѣдную дѣвушку на произволъ судьбы. Эгоизмъ въ такой голой формѣ казался мнѣ непростительнымъ. Хоть бы записку мнѣ оставилъ,—тогда я навѣстилъ бы Пустовскихъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ.

Впрочемъ, что̀ я могъ сдѣлать? Единственная мысль, на которой я остановился, была—отыскать опытнаго психіатра и переговорить съ нимъ, нельзя ли помѣстить Зою въ какое-нибудь заведеніе. Дома, безъ всякаго присмотра, она, очевидно, подвергалась ежеминутной опасности.

Знакомый докторъ-спеціалистъ, къ которому я рѣшилъ обратиться, жилъ на дачѣ. Я списался съ нимъ, и онъ обѣщалъ черезъ два дня обѣдать у меня, и сейчасъ послѣ обѣда съѣздить вмѣстѣ на дачу къ Пустовскимъ. Еслибы Зои не было дома, я уже зналъ, гдѣ найти ее.

Мы выѣхали еще за-свѣтло, часовъ въ семь. Стояла чудная, совершенно лѣтняя погода. Заря, словно растопленное золото, заливала небо и не гасла, а какъ будто еще ярче вспыхивала на водѣ. Желтѣвшіе листья е̓два трепетали въ тонкихъ нитяхъ облѣпившей ихъ паутины. Петербургская природа рдѣла необычными, осенними красками, и даже воздухъ былъ весь насыщенъ какою-то упругою свѣжестью...

На всякій случай, я велѣлъ кучеру взять той дорогой, гдѣ вчера встрѣтилъ Зою: было гораздо больше вѣроятности найти ее здѣсь, чѣмъ дома.

Но едва только коляска обогнула выдававшійся въ этомъ мѣстѣ берегъ, какъ вниманіе наше было привлечено громкимъ перекрикиваньемъ, доносившимся съ рѣки. По аллеѣ бѣжали люди и тоже что-то кричали. Мелькнула фуражка городового. Ясно было, что что-то случилось. «Ужъ не съ Зоей ли?—подумалъ я.—Не упала ли она въ воду?» Это было очень возможно.

Мы вышли изъ экипажа и быстрыми шагами направились къ тому мѣсту, гдѣ суетились люди.

— Что такое?—спросилъ я бѣжавшаго зачѣмъ-то на встрѣчу мужика.

— Утопленницу ищутъ. Женщина какая-то утопилась, а не то барышня. Къ помощнику пристава послали,—отвѣтилъ тотъ, широко забирая ногами.

— Пойдемте, докторъ, скорѣе; боюсь, что это именно наша больная,—сказалъ я, весь охваченный предчувствіемъ.

У берега, подлѣ той ивы, гдѣ я вчера встрѣтился съ Зоей, уже собралось нѣсколько яликовъ. Лодочники искали по дну веслами и баграми. Городовой распоряжался, взмахивая рукой, въ которой что-то пестрѣло. Вглядѣвшись, я сейчасъ же узналъ шляпку Зои. Даже вѣнокъ изъ васильковъ лежалъ на ней, какъ въ тотъ разъ.

— Докторъ, это она, — сказалъ я, схвативъ его за руку.— Какое счастье, что вы со мной: можетъ быть, удастся спасти ее.

Старикъ сторожъ, съ бляхой на рыжемъ кафтанѣ, съ одушевленіемъ разсказывалъ подлѣ меня любопытствовавшимъ:

— Никто ничего и не видѣлъ, какъ и что. Я первый услыхалъ, какъ кто-то бултыхъ въ воду. Я вонъ тамъ сидѣлъ, гдѣ скамейка. И вскрикнулъ кто-то тихо таково. А мы ужъ тутъ привычные, не впервой: по веснѣ еще тутъ барышня какая-то бросилась, утонула. Вотъ, я какъ услыхалъ, сейчасъ побѣжалъ къ берегу, вижу — круги по водѣ такъ и пузырятся. Я сейчасъ — свистокъ. Яличники тутъ близко, въ минуту слетѣлись... Найдутъ, какъ не найти! Полчаса времени не прошло.

— Полчаса!—повторилъ я и посмотрѣлъ на доктора. Тотъ покачалъ головой.

На берегу, между тѣмъ, собиралось все больше народа: очевидно, слухъ о происшествіи быстро распространился.

— Нашли! Тащимъ!—послышалось съ рѣки.

Мы съ докторомъ съ трудомъ протѣснились впередъ. Двое дюжихъ яличниковъ несли тѣло, съ трудомъ переступая по вязкой землѣ. Съ одежды утопленницы ручьями текла вода и обливала имъ ноги.

Это была Зоя. На ней было то же самое бѣлое платье, обратившееся теперь въ тряпку. Густыя пасмы волосъ, падая съ запрокинутой книзу головы, волочились по травѣ. Глаза были открыты, и страшнымъ показалось мнѣ ихъ мертвое мерцаніе...

Докторъ бросился къ тѣлу. Но прошло всего нѣсколько минутъ, какъ онъ отошелъ и, доставъ изъ кармана носовой платокъ, принялся старательно вытирать имъ руки.

— Все кончено. Возвратить къ жизни нельзя, — произнесъ онъ привычнымъ тономъ.

Въ толпѣ многіе перекрестились; послышались причитанія, пересуды и догадки. Явившійся полицейскій офицеръ обратился къ сторожу съ вопросомъ:

— Да ты развѣ не видалъ, упала она или нарочно бросилась?

— Ничего на видалъ, что и какъ, — повторилъ сторожъ.—Я только услыхалъ, какъ кто-то бултыхъ, и сейчасъ—свистокъ. Потому, мы уже привычные.

Очевидно, этому обстоятельству въ смерти Зои суждено остаться тайною для всѣхъ.

XVIII.

Я заявилъ помощнику пристава, что зналъ покойницу, и сообщилъ ея адресъ и фамилію. Приступили къ обычнымъ въ такихъ случахъ распоряженіямъ.

Мнѣ, собственно, больше нечего было тутъ дѣлать. Но мнѣ казалось жестокимъ предоставить матери узнать обо всемъ изъ повѣстки, посланной изъ участка съ городовымъ. Я взялъ на себя извѣстить ее о печальномъ происшествіи. Докторъ согласился сопровождать меня.

Старуха насъ удивила. Она не была ни потрясена, ни даже перепугана извѣстіемъ. Она только злобно, досадливо разволновалась, плакалась на судьбу, бранила дочь, бранила какъ-то вообще всѣхъ—въ томъ числѣ, кажется, и меня. И все это слабо-визгливымъ, брюзжащимъ голосомъ, съ суетливыми движеніями нищенки, у которой загорѣлась клѣтушка. Я постарался сократить наше посѣщеніе и, прощаясь, предложилъ ей на расходы сумму, которую имѣлъ при себѣ. Она приняла деньги съ нескрываемой радостью и сразу затихла.

Возвращаясь съ докторомъ въ городъ, я пытался вызвать его на разговоръ о печальномъ событіи и узнать его мнѣніе. Онъ от-

вѣчалъ, что предположенія могутъ быть разныя, но до вскрытія трупа ничего нельзя сказать положительнаго. Очевидно, онъ заботился охранить свой научный авторитетъ.

Дома я нашелъ письмо отъ Вадима изъ Aix-les-Bains. Онъ очень извинялся за свой внезапный отъѣздъ.

«Но это было единственнымъ способомъ выйти изъ того невыносимаго положенія, въ которомъ я очутился,—писалъ онъ.—Вы знаете, о чемъ я говорю. Но вамъ неизвѣстны милліоны подробностей, составлявшіе для меня милліоны терзаній. Болѣзнь Зои не подвигалась ни впередъ, ни назадъ; сознаніе совершенной невозможности что-нибудь сдѣлать для нея убивало меня. Я долженъ былъ держаться вѣчно на-сторожѣ, ежеминутно опасаясь какой-нибудь катастрофы, долженъ былъ вѣчно лгать и притворяться, разыгрывать роль сидѣлки или сторожа при душевно-больной, и... Сказать ли главное? Еслибъ я сохранялъ эту странную, непонятную для меня самого страсть, я, можетъ быть, сильнѣе страдалъ бы, но въ этихъ страданіяхъ заключался бы необъятный интересъ всепоглощающаго чувства. Но какъ сохранить страсть при томъ ужасномъ перерожденіи любимой женщины, какое производитъ эта роковая болѣзнь, самая ужасная изъ всѣхъ? Я тщательно провѣрялъ себя, и ничего не находилъ въ душѣ и сердцѣ, кромѣ мучительнаго чувства жалости. То, что обаятельно раздражало, пока казалось сладкою отравой для избалованнаго инстинкта, неизбѣжно стало отталкивать, когда выразилось въ опредѣленной патологической формѣ. Мы не властны надъ нашей физіологіей, дорогой дядюшка, не правда ли?

«Ничто такъ не изнуряетъ, какъ непрерывное расходованіе себя на безполезныя, безсмысленныя и тягостныя мелочи. Въ концѣ концовъ я почувствовалъ себя передъ опасностью — дойти до того же положенія, въ какомъ находилась Зоя. Не шутя, я по временамъ ощущалъ какую-то мучительную трескотню въ черепѣ, смѣнявшуюся подозрительнымъ нервнымъ онѣмѣніемъ. Не говорю уже о томъ, что исхудалъ и пожелтѣлъ до отвращенія. Что мнѣ было дѣлать? Въ положеніи Зои не замѣчалось никакой перемѣны. Тогда я пришелъ къ мысли, что если я уѣду, если Зоя перестанетъ ежедневно видѣть меня, то въ ней, послѣ рѣзкихъ припадковъ тоски, должна произойти перемѣна. Понемногу она успокоится, а это всего важнѣе при нервныхъ болѣзняхъ.

«И вотъ я уѣхалъ. Мой отъѣздъ походилъ на бѣгство, но я думаю, что поступилъ какъ разсудительный военачальникъ, кото-

рый иногда поспѣшно отступаетъ, чтобъ оправиться и занять лучшую позицію. Это соображеніе ободряетъ меня.

«Навѣстите, пожалуйста, Зою и дайте мнѣ вѣсточку о ней.

«Ахъ, дядя, какъ я былъ тысячу разъ правъ, когда отстаивалъ противъ васъ мой взглядъ на женщинъ и на наличность факта. Одинъ разъ въ жизни отступилъ отъ этого взгляда—и поплатился. Неужели вы еще будете спорить?»

Но спорить, собственно говоря, было не о чемъ, и въ отвѣтъ на письмо Вадима я послалъ только коротенькую телеграмму.

В. Авсѣенко.

ТРЕТЬЯ ПАЛАТА *).

Романъ Гэмлинъ Гарленда.

XI

Интересъ, возбужденный знаменитымъ слѣдствіемъ разросталcя съ каждымъ днемъ, и въ понедѣльникъ, много ранѣе десяти часовъ, любопытные начали собираться въ залу, гдѣ происходили засѣданія коммиссіи, и занимать мѣста, отведенныя для публики. Толпа быстро прибывала, подъемныя машины работали непрерывно. Тётль ждалъ въ коридорѣ прибытія коммиссіи и главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Онъ прохаживался взадъ и впередъ передъ дверью залы, не обращая вниманія на взгляды любопытныхъ.

Люди, непричастные къ дѣлу, увидавши его, шептались и обмѣнивались улыбками, такъ какъ почти всѣ знали его. Члены Третьей Палаты являлись по двое, весьма шумно, и замѣчанія, шутки и громкій смѣхъ разносились по коридору, какъ въ фойе театра во время антракта. Еслибъ побольше было женщинъ, сходство оказалось бы полнымъ.

Явился Бреннанъ, свѣжъ какъ роза, красовавшаяся у него въ петличкѣ. Онъ кивнулъ головой Тётлю.

— Ну, что, Тётль, какъ идутъ дѣла?

— Поберегите ваши шуточки къ вечеру,— отвѣтилъ Тётль спокойно.

— Хватитъ и на вечеръ, а самыми лучшими я буду вамъ обязанъ,—сказалъ Бреннанъ, проходя мимо.

Тётль ждалъ Уарда и Эвелину. Пріѣдетъ ли сенаторъ? Въ слишкомъ тяжелыя условія онъ поставленъ. Онъ старъ, денежныя дѣла его совершенно разстроены, его свидѣтельскія показанія оконча-

---

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1897 г.

тельно погубятъ его. Чѣмъ болѣе раздумывалъ Тётль, тѣмъ невозможнѣе казалось ему это. Нельзя такъ много требовать отъ человѣка.

Толпа продолжала прибывать. Тётль слышалъ, какъ проходившіе мимо шептали другъ другу:

— Вотъ онъ... вотъ Тётль.

Всякій разъ, когда хлопала дверь подъемной машины, онъ поворачивалъ голову и всматривался. Вошла Эленъ съ молодымъ Бруксомъ, студентомъ теологіи, глупымъ и претенціознымъ.

Она быстро взглянула на Тётля, потомъ, оживленно говоря что-то, обратилась къ Бруксу, котораго терпѣть не могла, и прошла мимо, какъ бы не замѣтивши Тётля.

Онъ видѣлъ это, приготовился къ удару и тѣмъ не менѣе зашатался. Онъ надѣялся, что до этого дѣло не дойдетъ. Такой способъ отвертываться отъ друзей всегда представлялся ему слабостью, ребячествомъ. Это не достойно, унизительно для обѣихъ сторонъ.

Наконецъ появились сенаторъ Уардъ и Эвелина.

Увидавши ихъ, Тётль почувствовалъ сильное волненіе. Старикъ тяжело опирался на руку дочери. По его очень блѣдному лицу проступали темныя пятна, широко раскрытые глаза смотрѣли жалобно, улыбка была страдальческая.

— Вотъ и я, Вильсонъ... Готовъ исполнить свою обязанность!

— Я предпочелъ бы найти какое-либо другое средство, сенаторъ,—сказалъ Тётль, пожимая руки обоихъ.—Я готовъ вернуть вамъ ваше слово. Я потребовалъ отъ васъ слишкомъ многаго и теперь отказываюсь.

На неподвижномъ лицѣ Эвелины появилась ясная улыбка, въ глазахъ блеснули слезы.

— О! какъ я счастлива тѣмъ, что вы это сказали! Отецъ очень страдаетъ... Это уже далеко не такимъ легкимъ представляется здѣсь, передъ всѣми этими людьми.

— Нѣтъ, свой долгъ я исполню,—возразилъ Уардъ. — Все равно, мнѣ уже не долго остается жить.

— О, отецъ!...

— Я правду говорю, Эвелина. Теперь мнѣ все равно, я готовъ, данное слово сдержу, лишь поскорѣе покончить бы съ этимъ.

Его глаза вспыхнули энтузіазмомъ отчаянія, онъ доходилъ почти до экстаза мученика.

— Быть можетъ, окажется возможнымъ избѣжать этого, — говорилъ Тётль Эвелинѣ.—Мы еще разъ спросимъ кое-кого изъ

скомпрометированныхъ, пустимъ въ ходъ самыя крайнія средства. Но если все-таки мы увидимъ, что наше дѣло готово провалиться, и если сенаторъ не откажется...

— Не откажусь никогда!—воскликнулъ старикъ.

Тётль взялъ его подъ руку, и они вмѣстѣ вошли въ залу засѣданій.

XII.

Зала была обширная, со сводами, съ окнами, изъ которыхъ видны были городъ, равнина и рѣка, сверкавшая какъ громадное зеркало темной стали подъ знойными лучами солнца.

Въ залѣ собралась многочисленная, крайне смѣшаная публика, люди различныхъ партій и просто любопытные, привлеченные желаніемъ присутствовать при томъ, что является наиболѣе драматическимъ въ дѣйствительной жизни,—при судебныхъ дебатахъ.

На одной сторонѣ помѣщалась публика. Противъ нея, на эстрадѣ, стояли полукругомъ ряды пюпитровъ. Въ свободномъ пространствѣ между публикой и эстрадой находился длинный столъ для репортеровъ. Ближе къ эстрадѣ, по обѣ ея стороны, было еще по столу. За одинъ изъ нихъ сѣли Желѣзный Герцогъ, его адвокатъ Бинней, Фуксъ и Бреннанъ. Тётль помѣстился за другимъ, рядомъ съ генеральнымъ адвокатомъ.

Позади членовъ коммиссіи заняли мѣста клерки и еще репортеры газетъ. У двери суетились дежурные пристава въ ожиданіи членовъ коммиссіи. Противъ двери приготовлены были стулья для депутатовъ Палаты. Изъ нихъ многіе присутствовали, преимущественно наиболѣе молодые. Они входили весело, дружески кивали Бреннану и беззаботно пересмѣивались между собою. Другіе имѣли видъ серьезный и озабоченный. Сенаторы тихо разговаривали, покачивая сѣдыми головами. Всѣ сознавали, что наступаетъ критическій моментъ. Если Тётлю не удастся ничего доказать въ этомъ засѣданіи, то не останется ему ничего иного, какъ удалиться изъ Палаты.

Появленіе сенатора Уарда и Эвелины, въ сопровожденіи Тётля, произвело сенсацію. Публика встрѣтила громкими аплодисментами молодого борца за права народа. Не замѣчая сдѣланной ему оваціи, Тётль помогалъ Эвелинѣ усадить старика Уарда.

— Какъ старикъ-то измѣнился,—замѣтилъ Меррить, обращаясь къ Бреннану.

«Онъ страшно осунулся,—подумалъ Бреннанъ.—Что за охота ему была выходить изъ дому въ такомъ положеніи?»

Затѣмъ онъ отвернулся отъ старика и продолжалъ разсказывать какой-то анекдотъ, разсмѣшившій всѣхъ окружавшихъ.

— Да, да,—проговорилъ предсѣдатель Смитъ,—Бреннанъ настоящій ирландецъ. Если васъ не убѣждаетъ въ томъ его выговоръ, такъ я разскажу вамъ, какую онъ штуку выпалилъ на-дняхъ. Уэдъ приглашалъ его кататься по морю въ будущую пятницу.— «Отлично,—отвѣтилъ Бреннанъ,—поѣдемте въ пятницу, если дождя не будетъ. А если въ пятницу будетъ дождь, то поѣдемъ въ четвергъ».

Въ то время, какъ они потѣшались надъ Бреннаномъ, вошли послѣдніе члены коммиссіи и заняли свои мѣста. Смѣхъ все еще не умолкалъ; президентъ постучалъ по пюпитру и сказалъ:

— Мы можемъ начать, господинъ генеральный адвокатъ.

Потомъ онъ наклонился къ сосѣду и прошепталъ ему на ухо что-то, разсмѣшившее ихъ обоихъ. Большинству членовъ коммиссіи все это дѣло представлялось скучнымъ и довольно нелѣпымъ, и они хватались за всякій поводъ, дававшій возможность пошутить.

Первымъ свидѣтелемъ былъ вызванъ братъ Бреннана, Робертъ, глухота котораго, на этотъ разъ нѣсколько преувеличенная, быть можетъ,—дѣлала допросъ затруднительнымъ, такъ какъ генеральный адвокатъ не могъ говорить громко.

Робертъ заявилъ, что постоянно занятъ работой въ своемъ бюро и не обращалъ вниманія на то, кто входилъ или уходилъ съ его братомъ. Что говорилось въ сосѣдней комнатѣ онъ слышать не могъ, именъ и лицъ посѣтителей онъ не помнитъ.

— Вызовите Томаса Бреннана,—сказалъ генеральный адвокатъ, отпуская Роберта, который невозмутимо всталъ и удалился.

— Мистеръ Бреннанъ!

Бреннанъ подошелъ къ креслу, поставленному для свидѣтелей.

Клеркъ привелъ Бреннана къ присягѣ, по установленной формулѣ:

— Поднимите руку. Вы даете клятву передъ Богомъ говорить всю правду и только правду?

Бреннанъ наклонилъ голову и сѣлъ.

Генеральный адвокатъ взялъ со стола листокъ бумаги, добродушно посмотрѣлъ на Бреннана поверхъ своихъ очковъ и спросилъ совершенно безучастнымъ тономъ:

— Мистеръ Бреннанъ, вы, кажется, членъ Третьей Палаты?

— Если вѣрить газетамъ, то имѣю честь быть таковымъ,— отвѣтилъ Бреннанъ развязно.

— Честь довольно сомнительная. Не можете ли сказать, въ чемъ заключаются обязанности члена Третьей Палаты?

— Они определены не были, насколько мнѣ извѣстно.

— Что вы хотите сказать этимъ, мистеръ Бреннанъ?—сказалъ генеральный адвокатъ, глядя на свидѣтеля.

— Хочу сказать, что я ихъ самъ доподлинно не знаю... Тѣмъ не менѣе, я охотно объясню, что состоятъ они въ томъ, чтобы подмазывать пружины законодательства.

— А это значитъ?

— Значитъ это—выяснять дѣло представителямъ страны.

Генеральный адвокатъ, повидимому, не удовлетворился такимъ объясненіемъ и снова заглянулъ въ клочокъ бумаги, бывшей у него въ рукахъ.

— Гмъ... Такова, я полагаю, признанная, законная дѣятельность этой Палаты. А какова незаконная?

— Этого я не умѣю сказать. Спросите другихъ. Я такими дѣлами не занимаюсь.

Въ залѣ послышался смѣхъ.

— Мистеръ Бреннанъ,—продолжалъ генеральный адвокатъ, наклоняясь впередъ и какъ-будто оживляясь немного, — не давали ли вы денегъ кому-нибудь изъ членовъ той или другой Палаты въ интересахъ общества Консолидированной желѣзной дороги?

— Не давалъ никому.

— Или въ вашихъ личныхъ интересахъ?

— Никогда не давалъ.

Генеральный адвокатъ помедлилъ немного, снялъ очки, протеръ ихъ платкомъ, потомъ спросилъ:

— Вы на службѣ у Консолидированнаго общества?

— Да.

— Что же вы дѣлаете? Жалованье-то вамъ за что-нибудь платятъ,—сказалъ генеральный адвокатъ, продолжая спрашивать машинально, автоматически, какъ бы не имѣя никакой опредѣленной цѣли.

— Пытаюсь дѣлать!—отвѣтилъ Бреннанъ, шутливо подмигивая президенту и, съ тѣмъ вмѣстѣ, насторожившись противъ лукаваго смысла вопроса.

— Позвольте, я спрашиваю, что вы дѣлаете, и прошу отвѣтить точно и коротко, въ чемъ заключается сущность вашихъ обязанностей.

Бреннанъ заговорилъ серьезно съ такимъ видомъ, будто считалъ всякія увертки ни на что не нужными.

— Я заручаюсь услугами Третьей Палаты, приглашая ея членовъ то въ качествѣ адвокатовъ, то въ качествѣ иныхъ агентовъ, коротко и просто.

Генеральный адвокатъ задумчиво смотрѣлъ въ потолокъ.

— Платите имъ деньги, разумѣется?—продолжалъ онъ, какъ бы обращаясь къ потолку.

— Разумѣется: они на то и существуютъ, чтобы получать деньги.

— А вы на то, чтобъ имъ платить. А платите вы имъ за какія-либо опредѣленныя услуги, или же за то, чтобъ они противъ васъ ничего не дѣлали?

— Да, вотъ именно за это.

Бреннанъ казался восхищеннымъ тѣмъ, что его такъ скоро поняли.

— И какую сумму вы такимъ образомъ выплатили членамъ Третьей Палаты?

— Опредѣлить не сумѣю... Очень много...

— Книги нѣтъ у васъ, я полагаю, для записи такихъ расходовъ?

— Форменной книги нѣтъ, отмѣчаю такъ въ своей записной книжкѣ.

Осторожно, не глядя на Бреннана, генеральный адвокатъ спросилъ какъ бы мимоходомъ:

— Вы никогда не давали денегъ, по ошибкѣ, членамъ *другихъ* Палатъ?

— Нѣтъ, никому ни цента.

Въ эту минуту Тётль шепнулъ что-то на ухо генеральному адвокату. Тотъ обратился уже прямо къ свидѣтелю и спросилъ:

— Кто устраивалъ эти ваши... ваши обѣды? Кто ихъ придумалъ, вы или господинъ Дэвисъ?

— Я. Я высказалъ ему мою мысль, что это будетъ полезно, и онъ согласился со мной.

— Да... А почему вы полагали, что это будетъ полезно?

— Я полагалъ, что это дастъ намъ возможность выяснить проекты законовъ. Какъ вамъ извѣстно, люди охотнѣе расположены слушать послѣ хорошаго обѣда.

— А хорошимъ вы называете обѣдъ въ десять долларовъ съ человѣка?

Бреннанъ широко улыбнулся.

— Конечно, я называю такой обѣдъ...

— Довольно приличнымъ... не такъ ли?—генеральный адвокатъ сухо разсмѣялся.

Потомъ, обращаясь къ Бреннану, нѣсколько болѣе суровымъ тономъ, чѣмъ до сихъ поръ, онъ сказалъ:

— Итакъ, мистеръ Бреннанъ, не представляется ли очевиднымъ, что намѣреніе ваше было повліять нелегальными способами на этихъ господъ, угощая ихъ такими обѣдами и хорошими винами?

Бреннанъ поколебался съ секунду, потомъ отвѣтилъ:

— Говоря по правдѣ, я не предполагалъ, что этимъ мы наживемъ враговъ.

— Вы разсчитывали расположить ихъ въ свою пользу?

— Совершенно вѣрно.

— Вы сказали, что не заплатили ни одного цента никому изъ членовъ законодательныхъ учрежденій,—продолжалъ генеральный адвокатъ, снова надѣвая очки и заглядывая въ свои замѣтки. — Долженъ ли я изъ этого заключить, что никакія цѣнности, ни процентныя бумаги, ни акціи или облигаціи...

— Это такъ и есть. Разъ навсегда я говорю, что незаконнымъ способомъ я ни цента не истратилъ въ интересахъ желѣзной дороги.

— Это не есть отвѣтъ на мой вопросъ.

— Какъ такъ?

— Дѣло въ томъ, что мы не совсѣмъ одинаково понимаемъ значеніе слова «законный»... Не обѣщали ли вы кому-нибудь изъ членовъ законодательныхъ собраній, что, въ случаѣ утвержденія проекта закона, онъ сдѣлается акціонеромъ дороги на извѣстную, опредѣленную сумму?

— Нѣтъ, не обѣщалъ.

— Вы утверждаете это, показывая подъ присягой, мистеръ Бреннанъ?—сказалъ генеральный адвокатъ холодно и строго.

Бреннанъ смѣло взглянулъ на него.

— Я этого не забываю.

Наступило короткое молчаніе.

— Этого достаточно, мистеръ Бреннанъ,—сказалъ генеральный адвокатъ.

Бреннанъ улыбался.

Президентъ обвелъ глазами полукругъ.

— Угодно кому-нибудь предложить еще вопросы?

Одинъ изъ членовъ коммиссіи, молодой человѣкъ безукоризненной честности, пользующійся большимъ авторитетомъ, извѣстный противникъ всякихъ монополій, обратился къ свидѣтелю и проговорилъ рѣзкимъ и твердымъ голосомъ:

— Мистеръ Бреннанъ, сколько вашего времени удѣляете вы Третьей Палатѣ?

— Теперь все мое время.

— Сколько получаете жалованья?

— Пять тысячъ долларовъ въ годъ.

— Этой суммы хватаетъ на всѣ ваши расходы?

— Нѣтъ... не на всѣ.

— Когда вы даете обѣдъ депутатамъ человѣкъ на двѣнадцать, то, быть можетъ, счетъ оплачивается Консолидированнымъ обществомъ?

— Да.

— Больше ничего не имѣю, господинъ президентъ, въ настоящую минуту...

Въ свою очередь президентъ сказалъ:

— Постойте, мистеръ Бреннанъ. Почему приглашенія дѣлались серіями въ десять человѣкъ? Имѣло это какое-нибудь особливое значеніе?

— О, нѣтъ. Это просто для нашего удобства, чтобы знать, когда мы дойдемъ до конца списка.

— Вы не находили нужнымъ угощать два раза одно и то же лицо, да?... Я допускаю, что политическаго значенія это не имѣло. Кому угодно еще спросить? Вамъ, мистеръ Бинней?

Бинней, начинавшій какъ будто дремать, поднялся съ мѣста и спросилъ своимъ страннымъ, громкимъ, лѣнивымъ и гнусливымъ голосомъ, полнымъ самодовольства:

— Мистеръ Бреннанъ, платили ли вы или обѣщались ли уплатить какую-либо сумму акціями, облигаціями, деньгами или иными цѣнностями кому-нибудь изъ членовъ законодательныхъ установленій?

— Нѣтъ.

— Этого достаточно! — сказалъ Бинней съ такимъ видомъ, будто этимъ отвѣтомъ разрѣшается все дѣло.

Взрывы смѣха пробѣжали по всей залѣ.

Генеральный адвокатъ вступился опять:

— Еще одинъ вопросъ, мистеръ Бреннанъ. Считаете ли вы все то, что вы дѣлали за счетъ Консолидированнаго общества, покупку Третьей Палаты, дѣяніемъ легальнымъ?

— Да, совершенно легальнымъ и, скажу болѣе, абсолютно необходимымъ! — возразилъ Бреннанъ съ порывистою откровенностью, снова вызвавшею смѣхъ.

Генеральный адвокатъ откинулся къ спинкѣ своего кресла.

— Есть ли у васъ счета,—чековыя книжки, реестры или расписки,—на выплаченныя вами суммы?

— Ничего такого нѣтъ.

— Вы, стало быть, вполнѣ довѣряете другъ другу?— сказалъ молодой членъ коммиссіи, все время не спускавшій глазъ съ Бреннана.—И обѣщанія заплатить деньги никогда не дѣлались письменно?

— Никогда.

— Такъ что, безъ чьей-либо нескромности, не найдется никакого слѣда выплаченныхъ вами суммъ?

— Ровно никакого, если только мы сами не дадимъ свѣдѣній объ этомъ, что мы, впрочемъ, сдѣлали въ широкихъ размѣрахъ.

— Ваша правдивость, какъ я замѣтилъ, не простирается до указаній на противозаконныя дѣйствія,— сухо проговорилъ генеральный адвокатъ.

— Потому что такихъ дѣйствій не было.

— Вотъ въ этомъ-то мы и стараемся убѣдиться.

— Желаю вамъ успѣха!—отвѣтилъ Бреннанъ смѣло.

Опять послышался смѣхъ, раздались апплодисменты въ рядахъ членовъ Третьей Палаты.

— Теперь все?

Президентъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головой.

— Все, мистеръ Бреннанъ. Вызовите господина Дэвиса... Мистеръ Дэвисъ,—началъ президентъ почтительнымъ тономъ,—коммиссія желала бы выслушать васъ еще разъ.

Дэвисъ покинулъ свой стулъ рядомъ съ Эленъ и подошелъ къ мѣсту для свидѣтелей. Онъ держалъ въ рукѣ вѣеръ и небрежно игралъ имъ.

— Вы уже присягали, кажется?

Дэвисъ поклонился молча.

Генеральный адвокатъ заглядывалъ въ свои замѣтки и началъ допросъ прежнимъ глухимъ голосомъ и совершенно безучастнымъ тономъ:

— Мистеръ Дэвисъ, вы видѣлись 24 апрѣля съ однимъ изъ представителей линіи электрическихъ двигателей и передали ему нѣкоторую сумму денегъ?

— Какъ я уже объяснялъ въ прошлую среду... это было

— За что вы дали ему эти деньги?

— Я... я купилъ...

— Какъ это понять? Судя по вашему прежнему показанію, онъ никакого имущества вамъ не продавалъ.

— Я заплатилъ ему за то, чтобы онъ держался въ сторонѣ,— отвѣтилъ Дэвисъ тономъ человѣка, поставленнаго въ затрудненіе непріятнымъ для него вопросомъ.

Генеральный адвокатъ смотрѣлъ на Дэвиса поверхъ очковъ кроткимъ взглядомъ.

— Вы знали, что онъ намѣревался представить законодательному собранію проектъ желѣзнодорожной линіи и просить на нее концессію, и сочли, какъ истинно дѣловой человѣкъ, что хорошо будетъ заплатить ему за то, чтобы онъ посторонился?

— Совершенно вѣрно: я заплатилъ за то, чтобы онъ посторонился. Я зналъ, что мы способнѣе ихъ выстроить дорогу, считалъ дѣломъ хорошей политики употребить всѣ легальныя средства на то, чтобы намъ самимъ получить концессію, и...

Генеральный адвокатъ прервалъ его спокойно, но рѣзко:

— Вы считаете честнымъ дѣломъ становиться между акціонернымъ обществомъ, ходатайствующимъ о концессіи, и законодательною властью, и покупать конкуррента?

Дэвисъ ничего не отвѣтилъ.

— Законодательная власть, представляющая собою народъ этого штата, должна имѣть возможность сама разсмотрѣть сравнительныя достоинства каждой системы. Какую сумму вы заплатили?

Въ залѣ наступило гробовое молчаніе. Репортеры, съ перьями въ рукахъ, ждали отвѣта капитальной важности.

Эленъ, не понимая, что все это значитъ, была въ высшей степени заинтересована. Дэвисъ на-половину привсталъ, съ лицомъ, пылающимъ отъ гнѣва.

— Я отказываюсь отвѣчать.

Наступилъ критическій моментъ, который предвидѣла защита. Бинней всталъ и сказалъ:

— Господа члены коммиссіи, я протестую. Я не вижу, въ силу какого законнаго права господинъ генеральный адвокатъ предложилъ этотъ вопросъ. Сдѣлка господина Дэвиса съ представителемъ линіи двигателей имѣетъ совершенно частный характеръ. Коммиссія не имѣетъ никакого права требовать о ней свѣдѣній. Я рѣшительно не допускаю такого вопроса, не имѣющаго никакого отношенія къ настоящему дѣлу,—вопроса, ничѣмъ не оправдываемаго и лишеннаго законныхъ основаній.

Генеральный адвокатъ поднялся съ мѣста, невозмутимо спокойный.

— Господа члены коммиссіи, я считаю нужнымъ заявить вамъ,

что по дѣйствующимъ у насъ законамъ, Консолидированная желѣзная дорога находится въ зависимости отъ штата и что, на основаніи 21 параграфа главы XVI, линія эта обязана представить свои отчеты во всякій моментъ, когда это потребуется коммиссіей одинаковаго характера съ настоящею.

Онъ взялъ книгу, которую Тётль раскрылъ и положилъ передъ нимъ.

— Я обращаю вниманіе слѣдственной коммиссіи на указанный мною параграфъ, которымъ это точно опредѣлено. Я говорю, господа, что вопросъ этотъ я обязанъ былъ предложить и что отвѣчать на него обязаны. Я утверждаю, что сумма эта израсходована не на пріобрѣтеніе реальнаго имущества, а на подкупъ, въ явное нарушеніе нашихъ законовъ. Консолидированная желѣзная дорога принадлежитъ акціонерному обществу, компанія Двигателей домогалась концессіи тоже въ качествѣ акціонернаго общества. Сдѣлка, состоявшаяся между ними, не можетъ почитаться сдѣлкою между частными лицами, и я настаиваю на томъ, чтобы все было выяснено до конца.

Онъ сѣлъ, при общемъ молчаніи.

Такова была первая стычка, начало настоящей, серьезной борьбы. Члены коммиссіи совѣщались между собой. Адвокаты дѣлали то же. Въ толпѣ слышался ропотъ одобренія. Дэвисъ кусалъ губы въ то время, какъ Бинней шепталъ ему что-то на ухо.

Наконецъ, президентъ проговорилъ:

— Мы согласны отложить на нѣкоторое время отвѣтъ на вопросъ о заплаченной суммѣ, въ настоящую минуту мы другимъ займемся. Мы желали бы, для уясненія дѣла, ознакомиться съ тѣмъ, что предшествовало.

— Вы, мистеръ Дэвисъ, не откажетесь, я надѣюсь, подтвердить, что уплачена была значительная сумма?—сказалъ генеральный адвокатъ благодушнымъ, ободряющимъ тономъ.

— Я этого не отрицаю,—отвѣтилъ Дэвисъ, помолчавши немного.

— Мистеръ Дэвисъ, судя по вашему показанію въ середу, вы не знали, сколькимъ членамъ были выданы деньги. Съ тѣхъ поръ получившимъ деньги составленъ списокъ, изъ котораго явствуетъ, что тридцать девять человѣкъ получили отъ васъ деньги или обѣщанія уплаты денегъ. Этого вы не отрицаете?

— Ихъ, быть можетъ, сорокъ или больше.

— Вы признаетесь, что выплачивали довольно крупныя суммы этимъ частнымъ лицамъ?

— Правда. Мнѣ это было необходимо. Къ тому вынуждали меня обстоятельства.

— Я восхищенъ вашею откровенностью, если не высотою нравственнаго чувства... Еслибы я сказалъ, что человѣкъ, подкупающій простое частное лицо, способенъ, при случаѣ, когда это вполнѣ безопасно, подкупить лицо должностное, вы не могли бы претендовать на меня за это, не правда ли?

Бинней счелъ своевременнымъ очнуться отъ своей дремоты и выступить съ новымъ возраженіемъ.

— Господа члены коммиссіи, я протестую противъ такого способа веденія допроса.

— Вы еще не разъ будете протестовать, прежде чѣмъ мы съ вами покончимъ,—сказалъ генеральный адвокатъ и, тономъ человѣка, напередъ угадывающаго отвѣтъ, обратился къ Дэвису:— Вамъ неизвѣстно, разумѣется, что деньги употреблялись на то, чтобы повліять на членовъ Парламента?

— Неизвѣстно.

— Неизвѣстно также, что раздавались акціи или мѣста, или обѣщаны были въ будущемъ?

Дэвисъ грызъ свои усы.

— Нѣтъ, ничего подобнаго я не знаю.

Генеральный адвокатъ опять оживился немного.

— Въ вашихъ книгахъ значатся уплаты этихъ различныхъ суммъ?... Я говорю, разумѣется, о книгахъ акціонернаго общества.

— Нѣтъ, это вписывалось только въ мой личный счетъ, въ счетъ мнѣ лично открытаго кредита.

— Такъ что руки у васъ всегда свободны, и обществу остается только выдавать деньги безъ какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ формальностей?

— Если вамъ угодно такъ поставить вопросъ, я отвѣчаю на него утвердительно.

— Я вопросъ такъ и поставилъ. Вы же, въ свою очередь уполномочивали дѣйствовать такъ же безотчетно Фукса и Бреннана?

Дэвисъ колебался и нервно барабанилъ пальцами по столу. Генеральный адвокатъ мягко продолжалъ:

— Я говорю, что въ дѣйствительности вы предоставили на ихъ усмотрѣніе пользоваться въ интересахъ линіи услугами людей всюду, гдѣ они найдутъ это возможнымъ, и что сами вы платили только деньги, не задавая этимъ двумъ господамъ нескромныхъ вопросовъ.

Дэвисъ выждалъ немного, какъ бы соображая, къ чему клонитъ дѣло его собесѣдникъ, потомъ отвѣтилъ:

— Да.

— Изъ чего вытекаетъ заключеніе, что вы какъ будто ничего не знали?

Дэвисъ въ первый разъ началъ раздражаться.

— Само собою разумѣется, что невозможно было мнѣ все знать.

Генеральный адвокатъ становился сурово-насмѣшливымъ.

— И разумѣется также, что вамъ невозможно было дозволить себѣ любопытство.

Онъ всталъ и заговорилъ, обращаясь къ коммиссіи:

— Милостивые государи, я настаиваю на томъ, чтобы на мой вопросъ былъ данъ отвѣтъ и чтобы книги Консолидированнаго общества были вамъ представлены. Я предполагаю, что сумма, выданная обществу двигателей, заключала въ себѣ деньги, предназначенныя къ употребленію въ интересахъ Консолидированной дороги. Я говорю, если вы установите, что пятьдесятъ тысячъ долларовъ были выплачены конкурренту, то это уже сразу представляетъ собою преступленіе. А потому я настаиваю на томъ, чтобы была опредѣлена выплаченная сумма.

Прежде, чѣмъ успѣлъ сѣсть генеральный адвокатъ, Бинней вскочилъ съ мѣста и своимъ тягучимъ, презрительнымъ тономъ проговорилъ:

— Если мой ученый сотоварищъ на самомъ дѣлѣ такъ думаетъ, то полагать надо, что онъ въ какой-нибудь имъ открытой книгѣ почерпнулъ столь новое понятіе о правѣ На самомъ же дѣлѣ, еслибы уплаченная сумма достигала и полумилліона, то этимъ все-таки нельзя ничего доказать. Я продолжаю настаивать на томъ, что это совершенно частное дѣло, и протестую противъ такихъ вопросовъ.

Президентъ поднялъ руку и показалъ записки отобранныхъ имъ голосовъ.

— На основаніи рѣшенія пяти голосовъ противъ двухъ, коммиссія требуетъ объявленія выплаченной суммы.

Дэвисъ и Бинней вскочили съ мѣстъ одновременно. Дэвисъ ревѣлъ:

— Господинъ президентъ, это оскорбленіе, это покушеніе на вмѣшательство въ мои частныя дѣла. Я не буду отвѣчать.

Бинней добавилъ:

— Господа члены коммиссіи, я крайне изумленъ такимъ невѣжествомъ и такимъ беззаконіемъ... ничего подобнаго никогда не бывало.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

Президентъ постучалъ молоткомъ по пюпитру, чтобы призвать присутствующихъ къ порядку. Его веселое лицо приняло серьезное выраженіе.

— Мистеръ Бинней забылъ, кажется, что онъ находится передъ однимъ изъ высшихъ судебныхъ установленій страны.

— А еслибы и такъ, то виновата къ томъ сама коммиссія. Здѣсь нарушаются не только законы, но и правила чести!

— Сядьте, мистеръ! Не вамъ учить коммиссію,— крикнулъ президентъ.—Прежде, чѣмъ поставить этотъ вопросъ, коммиссія тщательно разсмотрѣла дѣло и нашла, что тутъ не частная сдѣлка, тайна которой не подлежитъ раскрытію. Продолжайте, господинъ генеральный адвокатъ, мистеръ Дэвисъ будетъ отвѣчать.

Толпа была въ восторгѣ. Репортеры писали съ неимовѣрною быстротой, постоянно смѣняя другъ друга. Спеціальный рисовальщикъ *Планеты* спѣшно зачертилъ фигуры президента и Биннея.

Эленъ апплодировала, какъ въ театрѣ. Уардъ наклонился впередъ, забывая все, кромѣ Эвелины, которая все время держала его руку. Онъ хорошо понималъ всю важность поставленнаго вопроса.

Бинней дотронулся до руки Дэвиса и прошепталъ ему нѣсколько словъ на ухо. Фуксъ подошелъ къ нимъ и тихо высказалъ свое мнѣніе. Бреннанъ нервно прохаживался,—онъ въ первый разъ утратилъ видъ самодовольнаго равнодушія. Тётль и Россель совѣщались. Толпа ждала, не громко переговариваясь. Всѣ глаза были устремлены на Дэвиса, игравшаго первую роль въ этой драмѣ.

Наконецъ, генеральный адвокатъ заговорилъ убійственно-невозмутимымъ голосомъ:

— Мистеръ Дэвисъ, какую сумму заплатили вы представителю желѣзной дороги электрическихъ двигателей?

Бинней поднялся съ мѣста и сказалъ:

— По моей просьбѣ, г. Дэвисъ отвѣтитъ, такъ какъ объявленіе суммы не имѣетъ никакого значенія, разъ признанъ фактъ ея уплаты.

Дэвисъ отвѣтилъ, не безъ оттѣнка нѣкоторой бравады:

— Я заплатилъ сто тысячъ долларовъ.

Въ залѣ это произвело необыкновенное впечатлѣніе, послышались фразы:

— Что, я вамъ говорилъ?

— Ну, дѣло ясное...—и другія въ томъ же родѣ.

Послѣдовало молчаніе, затѣмъ, вопросъ генеральнаго адвоката:

— Наличными деньгами?

— Я отказываюсь отвѣчать на это.

— Не правда ли, мистеръ Дэвисъ, что половина этой суммы выдана вами наличными на предметъ проведенія желательнаго вамъ закона, а другая половина уплачена акціями вашей дороги?

— Я отказываюсь отвѣчать.

— Въ вашихъ книгахъ значится, въ чемъ состояла эта сдѣлка?

— Нѣтъ.

— Уплаченная сумма внесена въ нихъ?

— Нѣтъ.

— Но въ нихъ виденъ вашъ личный счетъ? Угодно вамъ доставить эти книги?

— Книги общества... да.

— Сегодня, послѣ полудня.—Дэвисъ утвердительно кивнулъ головой.—Очень хорошо, этого достаточно.

— Угодно кому предложить еще вопросъ?—обратился президентъ къ присутствующимъ.

Бинней, сводившій все къ одному вопросу, постоянно повторяемому ради вящаго доказательства невиновности его кліентовъ, проговорилъ особенно значительнымъ тономъ:

— Мистеръ Дэвисъ, было ли когда-нибудь съ вашего согласія или съ вѣдома вашего что-либо уплачено деньгами или акціями кому-нибудь изъ членовъ этихъ законодательныхъ собраній?

— Нѣтъ.

— Болѣе я ничего не имѣю,—закончилъ Бинней съ видомъ полнаго торжества.

— Угодно кому еще спросить?—повторилъ президентъ.

— Такъ какъ г. Дэвисъ явится сегодня послѣ полудня,—сказалъ молодой членъ коммиссіи,—то я тогда предложу ему вопросы, касающіеся той сдѣлки, о которой шла рѣчь сейчасъ.

— Этого достаточно, мистеръ Дэвисъ.

Дэвисъ всталъ и подошелъ къ Эленъ, восхищенной всѣмъ, что тутъ происходило.

— Слушайте, Эленъ,—сказалъ онъ,—вамъ здѣсь не мѣсто. Отправляйтесь домой съ Бруксомъ. Я скоро вернусь.

Эленъ и молодой человѣкъ встали и тихо удалились въ то время, когда члены коммиссіи совѣщались, а пристава подавали имъ подмороженную воду.

Одинъ изъ репортеровъ съ пачкой исписанной бумаги всталъ изъ-за стола и направился къ выходу, чтобъ успѣть помѣстить результаты допроса въ ближайшемъ выпускѣ газеты. Освободившееся мѣсто тотчасъ же занялъ его товарищъ.

По знаку президента снова водворилась тишина.

— Господинъ генеральный адвокатъ, мы готовы выслушать вашего слѣдующаго свидѣтеля.

— Я бы желалъ предложить одинъ или два вопроса мистеру Фуксу.

Въ публикѣ пробѣжалъ ропотъ удовольствія. Слышавшіе прежнія показанія Фукса дѣлились своими впечатлѣніями съ другими.

— Ну, этотъ молодчина! Его ни на чемъ не поймаютъ, могу въ томъ поручиться. Ему и кличка дана по шерсти *).

— Мистеръ Фуксъ, не угодно ли подойти.

Фуксъ съ любезною улыбкой приблизился къ креслу свидѣтелей.

— Мистеръ Фуксъ, вамъ извѣстно, конечно, все, что относится къ устраненію проекта общества двигателей?

Фуксъ отвѣчалъ совершенно рязвязно и самодовольно:

— Такъ, знаете, въ общихъ чертахъ... да, извѣстно въ общихъ чертахъ.

— Извѣстно было, когда улаживалось дѣло?

— И тогда тоже въ общихъ чертахъ.

— И въ этихъ общихъ чертахъ вы одобряли эту сдѣлку?

Онъ подумалъ съ секунду.

— Да, какъ будто.. помнится мнѣ, что одобрилъ.

— Вы, если не ошибаюсь, лично были знакомы съ господиномъ Мазономъ?

Фуксъ закинулъ ногу на ручку кресла съ видомъ человѣка, разсказывающаго анекдоты въ кондитерской.

— Да, былъ знакомъ черезъ его жену, урожденную Бёрбенекъ. Она изъ Лэкзейда. Я когда-то самъ былъ учителемъ въ Лэкзейдѣ и отлично помню мою первую встрѣчу съ нею. Я только что прибилъ къ моей двери дощечку, оповѣщавшую о моемъ адвокатскомъ званіи...

— Прошу уволить насъ отъ изложенія вашей біографіи,—сказалъ генеральный адвокатъ холодно.—Мы успѣемъ прочесть ее, когда васъ повѣсятъ.

Публика приходила въ восторгъ, дѣло принимало комическій оборотъ.

— Я хотѣлъ вамъ сказать...—началъ было Фуксъ.

Генеральный адвокатъ нетерпѣливо прервалъ его:

— Я спрашиваю васъ объ одномъ, знали ли вы его лично?

— Да, потому что я былъ...

---

*) *Фуксъ*—лисица.

— Прекрасно. Вы, надо полагать, одобряли уплату ему денегъ?

— О, нѣтъ, я находилъ, что сумма слишкомъ велика.

— Вы отлично знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло.

Фуксъ еще безцеремоннѣе развалился въ своемъ креслѣ.

— Я находилъ, что изъ ихъ проекта не выйдетъ ничего путнаго. Я считалъ пригодность электрическихъ двигателей крайне сомнительною. Я думаю, что г. Дэвисъ преувеличивалъ значеніе оппозиціи, которую предполагалось ему противопоставить, какъ онъ преувеличивалъ и значеніе Третьей Палаты.

— Весьма правдоподобно, что въ подобныхъ дѣлахъ всѣ склонны преувеличивать. Вы присутствовали при сдѣлкѣ?

— Нѣтъ, въ это время у меня было два дѣла въ...

— И вы, конечно, не знаете подробностей ихъ торга?

— Нѣтъ, не могу припомнить.

— Ваша память измѣняетъ вамъ всякій разъ, какъ мы касаемся факта, имѣющаго какую-либо важность для коммиссіи.

Фуксъ широко улыбнулся.

— Я не могу угадать, господинъ генеральный адвокатъ, какую важность придаетъ коммиссія моимъ показаніямъ.

— Это вы скоро увидите. Прошедшій разъ вы объяснили, что уплачивали крупныя суммы разнымъ частнымъ лицамъ, членамъ Третьей Палаты и другимъ. Имѣются ли у васъ счета по этимъ операціямъ?

— Нѣтъ, я не веду книги счетовъ.

— Такъ, книги нѣтъ. Уплачивали вы обыкновенно чеками или наличными деньгами?

— По большей части, наличными.

— Сохранялись ли у васъ какія-нибудь записки?

— Да, съ нѣкоторыми изъ этихъ господъ у меня были частные счеты.

— Я заключаю изъ этого, что вы такимъ образомъ выплачивали большія суммы за счетъ Консолидированнаго общества.

— Да, въ качествѣ стряпчаго общества, я пользуюсь въ этомъ случаѣ большою свободой.

— Даже слишкомъ большою.

Генеральный адвокатъ взялъ листокъ бумаги, поданный ему Тётлемъ.

— Теперь, еслибъ я сказалъ, что, по собственному сознанію вашему, ваши агенты получили уже около пятидесяти тысячъ долларовъ и разсчитываютъ получить еще того больше, вы удивились бы, не правда ли?

— Чему?—спросилъ Фуксъ хладнокровно.

— Вы сказали бы, вѣроятно, что тутъ много лишняго?

— Я сказалъ бы, что лишняго тутъ—пятьдесятъ тысячъ долларовъ. Мы израсходовали эту сумму по необходимости и нельзя было...

Генеральный адвокатъ пристально посмотрѣлъ на него и строго проговорилъ:

— Никакая необходимость не можетъ оправдать нарушенія закона.

— Я закона не нарушалъ!

— Можете ли вы удостовѣрить то же относительно вашихъ агентовъ?—спросилъ одинъ изъ членовъ коммиссіи.

— За нихъ отвѣчать я не уполномоченъ и не могу быть отвѣтственнымъ за ихъ поступки,—отвѣтилъ Фуксъ, обращаясь къ членамъ коммиссіи.

— Вотъ подождите, какъ заговоритъ который-нибудь изъ нихъ, вы и узнаете, на кого падетъ отвѣтственность,—сказалъ младшій изъ членовъ.

Генеральный адвокатъ обмѣнялся взглядами съ президентомъ.

— Я полагаю, что этого довольно.

— Угодно кому еще спросить?—предложилъ президентъ.

Фуксъ тѣмъ временемъ улыбался, оглядываясь кругомъ, заложивши пальцы въ жилетные карманы и закинувши ногу за ручку кресла. Свидѣтель онъ былъ крайне развязный и ставилъ людей въ затруднительныя положенія своимъ нахальствомъ.

— Достаточно, мистеръ Фуксъ. Слѣдующій свидѣтель.

Генеральный адвокатъ раздумывалъ. Тётль совѣщался съ сидѣвшимъ рядомъ съ нимъ молодымъ человѣкомъ, имѣвшимъ видъ ученаго. Онъ разъ или два взглянулъ на сенатора Уарда. Выраженіе скорби и опасенія видно было на его лицѣ, когда онъ всталъ и подошелъ къ Уарду.

— Чувствуете ли вы себя въ силахъ говорить? Если нѣтъ, мы отложимъ до завтра.

— Не надо. Говорить я долженъ теперь. Болѣе въ силахъ я никогда не буду,—отвѣтилъ старикъ рѣшительно.

Тётль колебался съ минуту, его глубоко трогалъ умоляющій взглядъ Эвелины. Но никакого иного средства не оставалось, и молодой человѣкъ вернулся на свое мѣсто.

— На сегодня мы этимъ могли бы покончить,—сказалъ генеральный адвокатъ,—если только коммиссія не найдетъ нужнымъ вызвать и допросить мистера Тётля.

— Да, разумѣется, господинъ генеральный адвокатъ,—воскликнулъ президентъ съ оттѣнкомъ подобающей важности.—Коммиссія готова выслушать мистера Тётля, если онъ имѣетъ заявить еще что-нибудь.

Тогда Тётль приблизился къ нему и оживленно проговорилъ:

— Прошу понять меня точно, господинъ президентъ: я нахожусь здѣсь въ качествѣ свидѣтеля въ полномъ распоряженіи коммиссіи. Но я не отвѣтственъ за ея дѣйствія и не намѣренъ принимать на себя такую отвѣтственность. Я отвѣчаю за мои личные поступки въ этомъ дѣлѣ и только. Я готовъ давать показанія, когда бы ихъ ни потребовали, буду отвѣчать на предложенные коммиссіей вопросы, но никакихъ заявленій дѣлать не желаю. Въ моемъ поведеніи я дамъ отчетъ, какъ депутатъ, передъ Палатой. Здѣсь я полагаюсь на вашу иниціативу.

Въ залѣ водворилась глубокая тишина, присутствующіе сообразили теперь, въ чемъ тутъ штука. Коммиссія хотѣла свалить на шею Тётля всю тяжесть пораженія, но попытка не удалась.

— Мистеръ Тётль, я нахожу, что коммиссія не имѣетъ надобности предлагать еще какіе-либо вопросы,—отвѣтилъ президентъ съ видимымъ неудовольствіемъ.

— Очень хорошо, и говорить мнѣ нечего,—возразилъ Тётль.— Но есть еще одинъ свидѣтель, котораго упустилъ изъ вида господинъ генеральный адвокатъ: это—сенаторъ Руфъ Уардъ.

Президентъ, повидимому, удивился. Въ толпѣ пробѣжалъ ропотъ любопытства.

— Вы желаете еще разъ вызвать сенатора Уарда?

— Да... сенатора Уарда,—подтвердилъ генеральный адвокатъ.

— Не угодно ли сенатору Уарду приблизиться?

Уардъ всталъ и тихо подошелъ, провожаемый тревожнымъ взглядомъ Эвелины. Тётль вскинулъ на нее глаза, и сердце у него замерло.

— Вы, кажется, уже присягали?

— Да,—отвѣтилъ Уардъ тихо.

Эвелина готова была броситься къ отцу и помѣшать ему говорить, но что-то совершенно особенное въ выраженіи его лица остановило ее.

Публика зачуяла драму. Интересъ, съ которымъ она до сихъ поръ относилась къ дебатамъ, былъ ничтоженъ въ сравненіи съ напряженнымъ вниманіемъ, съ которымъ теперь всѣ слѣдили за малѣйшими жестами, за интонаціями голосовъ членовъ коммиссіи и сенатора, вызваннаго во второй разъ.

— Не угодно ли сѣсть?—предложилъ президентъ.

Уардъ поклонился.

— Съ вашего позволенія, я буду давать показанія стоя.

— Какъ угодно,—отвѣтилъ президентъ вѣжливо.

Уардъ стоялъ, обратясь лицомъ къ коммиссіи и опираясь пальцами на столъ.

— Если коммиссія дозволитъ, я желалъ бы сдѣлать ей одно заявленіе.

Всѣ поняли, что сенаторъ не хочетъ, чтобы его спрашивали.

— Очень хорошо, сенаторъ. Мы противъ этого ничего не имѣемъ. Излагайте, какъ вамъ удобнѣе, то, что вы имѣете сказать.

Уардъ поклонился еще разъ и началъ твердымъ, но тихимъ и монотоннымъ, голосомъ:

— Милостивые государи и дорогіе сограждане, прошу выслушать мою исповѣдь...

Тишина была поразительная, многіе наклонялись впередъ, чтобы не проронить ни слова.

— Я являюсь сюда послѣ цѣлой недѣли борьбы и безсонницы, совершенно больной, чтобы исполнить мой долгъ. Члены этой коммиссіи знаютъ, какое позорящее обвиненіе было заявлено противъ меня. Клевета ополчилась на меня, и со времени моего показанія во вторникъ я въ себя прійти не могу отъ того волненія, въ которое все это меня повергло. Личная моя защита, по меньшей мѣрѣ, требовала, чтобы я опять пришелъ сюда и заговорилъ.

Онъ пріостановился.

— Господа, я старикъ, очень близко стоящій отъ могилы, и я былъ честнымъ человѣкомъ, насколько я могъ быть такимъ. Но я не былъ такимъ сильнымъ человѣкомъ, какъ молодой депутатъ, вызвавшій настоящее слѣдствіе. Со всѣмъ, что я видѣлъ на бѣломъ свѣтѣ, мнѣ приходилось мириться. Я не получилъ ни такого образованія, какъ этотъ молодой человѣкъ, ни достатка, и вся моя жизнь была только сплошною борьбой... Но дѣло не въ этомъ. Хотя я и былъ слабъ, но зла я никому не сдѣлалъ, мнѣ даже на мысль не приходило сдѣлать зло кому-нибудь, и всѣ мои обязанности я въ точности исполнялъ до этихъ послѣднихъ дней.

Онъ говорилъ съ достоинствомъ, ясно и отчетливо, безъ малѣйшихъ жестовъ.

— Господа, теперь передъ вами—человѣкъ несостоятельный, банкротъ. Дѣло, которому я посвятилъ всю мою жизнь, полную заботъ и труда, рухнуло. Съ нынѣшняго дня моя жена и моя дочь не имѣютъ ни цента.

Его голосъ оборвался. Въ притихнувшей залѣ пробѣжала едва замѣтная дрожь.

Эвелина смотрѣла на отца, не отрывая глазъ, по ея щекамъ текли слезы, губы были полуоткрыты, руки судорожно сжимались.

— Вамъ не угодно ли сѣсть, сенаторъ? — сказалъ президентъ почтительно.

Бреннанъ и Фуксъ обмѣнивались изумленными взглядами. Дэвисъ сидѣлъ неподвижно и смотрѣлъ куда-то въ одну точку.

— Нѣтъ, благодарю васъ, — отвѣтилъ Уардъ президенту.

— Извините, сенаторъ, — продолжалъ тотъ мягко, — такъ ли необходимо входить во всѣ эти печальныя подробности?

Уардъ поклонился еще разъ.

— Необходимо, господинъ президентъ, мнѣ нужно объяснить это, чтобы облегчить нѣсколько мою вину... Господа, въ то время, какъ я проводилъ безсонныя ночи, занятый выясненіемъ моего положенія, тщетнымъ изысканіемъ средствъ выйти изъ него, въ это-то время была сдѣлана попытка подкупить меня.

Въ публикѣ произошло волненіе, остановленное молоткомъ предсѣдателя.

— Боже мой! неужели онъ себя самого станетъ обвинять? — проговорилъ Дэвисъ, блѣднѣя до желтизны.

Въ выраженіи лица Уарда было что - то, приводившее его въ ужасъ.

— Да какъ же, чортъ возьми, меня-то вы не предупредили! — отвѣтилъ Бинней.

Молотокъ предсѣдателя принудилъ ихъ замолчать.

Уардъ продолжалъ:

— Я зналъ, разумѣется, что вокругъ меня существуетъ подкупъ, но меня лично онъ еще не касался. И вотъ, когда проектъ закона дошелъ до сената, самый выдающійся изъ членовъ Третьей Палаты обратился ко мнѣ. Ему извѣстно было мое критическое положеніе, онъ разсчитывалъ на то, что нѣтъ мнѣ спасенія, и предложилъ мнѣ денегъ.

Наступило продолжительное молчаніе, во время котораго Уардъ взглянулъ на Тётля, потомъ на Эвелину, представившуюся ему какимъ-то неяснымъ, свѣтлымъ пятномъ. Онъ хотѣлъ говорить и не могъ: горло судорожно сжималось, голосъ обрывался. Вниманіе публики было напряжено настолько, что реакція представлялась неизбѣжною.

— Вы можете назвать этого человѣка? — спросилъ Тётль такимъ тономъ, который заставилъ сенатора ободриться.

Онъ поднялъ голову съ вызывающимъ видомъ.

— Могу и хочу назвать, это—Томъ Бреннанъ.

На секунду у всѣхъ присутствующихъ замерло дыханіе, потомъ раздался громъ рукоплесканій. Многіе поднялись съ мѣстъ, блѣдные отъ волненія. Тамъ и сямъ слышались восторженные крики. Теперь все было ясно: Уардъ жертвовалъ собою.

Бреннанъ вскочилъ, задыхаясь отъ злости.

— Этотъ человѣкъ безстыдно лжетъ!

Фуксъ силою заставилъ его сѣсть на мѣсто.

Президентъ всталъ, неистово стуча молоткомъ. Репортеры бѣсновались. Художникъ нѣсколькими быстрыми взмахами карандаша набросалъ фигуру Бреннана.

Когда возстановилась тишина, президентъ сказалъ:

— Продолжайте, сенаторъ.

Уардъ заговорилъ опять безъ единаго жеста:

— Онъ предложилъ мнѣ десять тысячъ долларовъ наличными деньгами за то, чтобы я прекратилъ оппозицію, съ которою я выступалъ противъ привилегіи. Ему извѣстно было мое безвыходное положеніе, и онъ разсчитывалъ на мою... на мою слабость... Но я оказался сильнѣе, чѣмъ онъ предполагалъ.

— Онъ лжетъ... онъ взялъ деньги!—крикнулъ Бреннанъ внѣ себя, приподнимаясь съ мѣста, вопреки усиліямъ Фукса, державшаго его за руку.

— Не угодно ли вамъ сѣсть?!—приказалъ генеральный адвокатъ, поднимаясь во весь ростъ и бросая такой взглядъ, который сразу сократилъ воротилу Третьей Палаты.

Уардъ обернулся къ Бреннану и съ негодованіемъ, полнымъ достоинства, возразилъ:

— Встаньте передъ коммиссіей и повторите, что вы сказали, если у васъ на то хватитъ смѣлости! Повторите подъ присягой!

Онъ смолкъ на минуту. Инстинктъ оратора подсказывалъ ему, что необходимо воспользоваться этимъ по-истинѣ драматическимъ моментомъ. Его сверкающіе глаза были устремлены на Бреннана.

— Нѣтъ, господа члены коммиссіи, предложенныхъ мнѣ денегъ я не взялъ, но я... я отложилъ мой отвѣтъ... Поставленный въ отчаянное положеніе, я не отказался... Да, въ минуту слабости, я далъ обѣщаніе. Въ этомъ мой позоръ и безчестье. И потомъ, когда, въ безсонныя ночи, я взвѣшивалъ съ одной стороны мое неминуемое разореніе, съ другой — искушеніе, ко мнѣ въ домъ пришелъ человѣкъ, чтобы купить мой голосъ и мое вліяніе, ко мнѣ пришелъ самолично великій вождь Консолидированнаго общества.

Молотокъ предсѣдателя былъ въ эту минуту не нуженъ. Въ залѣ не было ни одного человѣка, который не сознавалъ бы всей важности положенія.

— Кого вы такъ называете, сенаторъ?—сказалъ Тётль.

И его голосъ еще разъ воодушевилъ старика.

— Такъ я называю Желѣзнаго Герцога, мистера Дэвиса.

Сдерживаемое до тѣхъ поръ возбужденіе присутствующихъ разразилось криками, неистовыми апплодисментами, доказывавшими, что публика оцѣнила произведенный эффектъ по достоинству, признала неизбѣжнымъ судъ надъ виновными.

Предсѣдатель былъ уже не въ силахъ водворить порядокъ.

Дэвисъ вскочилъ съ мѣста. Искаженное лицо Желѣзнаго Герцога покрылось багровыми пятнами, онъ въ бѣшенствѣ потрясалъ судорожно сжатыми кулаками.

— Это ложь, господинъ президентъ! Богомъ клянусь, что онъ лжетъ!

— Сидѣть!—ревѣла публика.—Сидѣть, разбойникъ! Молчать!

Предсѣдатель махалъ молоткомъ, надрывался, крича:

— Молчать! Садитесь!... Очистить залу!... Молчать, говорю я вамъ!

Толпа успокоилась лишь послѣ того, какъ дала полную волю выраженіямъ охватившаго ее волненія.

— Сидите на своемъ мѣстѣ,—строго обратился къ Дэвису генеральный адвокатъ, какъ только наступила возможность слышать его. — Продолжайте, сенаторъ. Что предлагалъ вамъ господинъ Дэвисъ?

Голосъ Уарда начиналъ слегка дрожать. Безсознательнымъ движеніемъ старикъ провелъ рукою по лицу.

— Онъ сказалъ мнѣ, что готовъ истратить еще пятьдесятъ тысячъ долларовъ на то, чтобы получить привилегію. Сумма эта не представлялась ему слишкомъ большою. Онъ сказалъ мнѣ, что привилегія необходима ему для того, чтобы сохранить то, что онъ уже имѣетъ. Онъ очень настойчиво убѣждалъ меня... и кончилъ тѣмъ, что прямо предложилъ мнѣ пятьдесятъ тысячъ долларовъ за то, чтобъ я привлекъ на его сторону шесть голосовъ, со включеніемъ моего.

Каждое слово падало страшною тяжестью на Дэвиса, помертвѣвшее лицо котораго и неподвижные глаза, устремленные на Уарда, носили отпечатокъ уличеннаго преступника, сидящаго передъ судьей.

— Я благодарю Бога за то, что Онъ помогъ мнѣ устоять передъ

искушеніемъ... Для разореннаго человѣка искушеніе было громадное. Силы на это во мнѣ не хватало, ее мнѣ дали моя дочь и этотъ молодой человѣкъ, присутствующій здѣсь. Я понялъ, что принявши такое предложеніе, никогда не посмѣю взглянуть имъ въ глаза. Вотъ что спасло меня!

Проговоривши это, онъ поднесъ руку къ головѣ, какъ будто не зная, что онъ хотѣлъ сказать еще.

Въ голосѣ президента слышалась нѣкоторая иронія, когда онъ спросилъ:

— Не объясните ли вы намъ, сенаторъ, почему вы сегодня дѣлаете заявленіе, которое отказались высказать въ прошедшій вторникъ?

Этотъ насмѣшливый тонъ снова приподнялъ энергію старика. Онъ выпрямился, его глаза сверкнули подъ сдвинутыми бровями, точно у бойца, готовящагося отразить нападеніе.

— Почему? Вы бы спросили лучше, изъ-за чего является сюда человѣкъ объявлять о собственномъ позорѣ! Я здѣсь сегодня потому, что это моя обязанность, потому, что жена и дочь напомнили мнѣ мой долгъ передъ избравшею меня страной. Я здѣсь потому, что эта коммиссія сдѣлалась сказкой и посмѣшищемъ цѣлой націи.

— Что вы хотите сказать этимъ? — угрожающимъ тономъ прозвучалъ голосъ президента.

— Я слышалъ, какъ всѣ говорили: «Они ничего не раскроютъ, они не докажутъ ни одного обвиненія, и Консолидированное общество получитъ свою привилегію...» И вотъ, господа члены коммиссіи, я пришелъ сюда заявить, что если исповѣдь разореннаго и осрамленнаго старика приведетъ на скамью подсудимыхъ этихъ безсовѣстныхъ дѣльцовъ, то я безъ сожалѣнія приму на себя весь позоръ, который за то падетъ на меня.

Снова раздались возгласы, но смолкли тотчасъ же, какъ только старикъ протянулъ руки къ публикѣ, точно въ ея лицѣ онъ умолялъ весь міръ вступиться за правду. Въ этомъ движеніи было величіе, въ глазахъ старика свѣтилось глубокое убѣжденіе.

— Граждане великой свободной страны, возможно ли, чтобы какой-нибудь человѣкъ или акціонерная компанія распоряжались вашими законодателями?

— Нѣтъ! Нѣтъ! — раздались крики.

— Что значитъ такой человѣкъ, какъ я, когда подумаешь о той очисткѣ, которая послѣдуетъ за осужденіемъ этихъ всеобщихъ развратителей? Господа, я готовъ теперь отвѣчать на вопросы, готовъ идти подъ судъ. Я не достоинъ служить...

Голосъ старика становился хриплымъ. Эвелина, въ смертельной тревогѣ, видѣла, что силы покидаютъ его, и не могла произнести ни слова.

— Я сказалъ правду, господа. Надо покончить съ этими безстыдными людьми, надо оградить права народа. Спрашивайте меня... я готовъ... я удовлетворенъ буду, если... если смогу...

Голова Уарда склонилась, онъ судорожно схватился за спинку кресла. Эвелина вскрикнула, Тётль бросился поддержать старика. Всѣ поднялись съ мѣстъ и наклонялись впередъ.

— Тише, садитесь!... Приставъ, распорядитесь удалить публику!... Помогите усадить сенатора! — кричали президентъ и члены коммиссіи.

— Посторонитесь! Пропустите дѣвушку!... Да отодвиньтесь же... Не толкайте!

Эвелина пробралась сквозь толпу, которую члены коммиссіи старались оттѣснить.

— Воды!... Отодвиньтесь же, наконецъ!

Тишина наступила такъ же моментально, какъ поднялся шумъ. Вильсонъ, державшій на рукахъ лишившагося чувствъ Уарда, проговорилъ спокойнымъ и необыкновенно внушительнымъ тономъ:

— Господинъ президентъ, сенаторъ въ такомъ состояніи, что допрашивать его нельзя. Я прошу позволенія увести его.

— Конечно, пристава помогутъ вамъ...

Всѣ члены коммиссіи заняли свои мѣста, за исключеніемъ президента, стоявшаго до тѣхъ поръ, пока увели Уарда въ сопровожденіи Эвелины.

Когда за ними затворилась дверь, Дэвисъ выдвинулся впередъ, взбѣшенный понесеннымъ пораженіемъ, безпощадный въ своемъ отчаяніи.

— Господинъ президентъ, я требую, чтобы меня еще разъ вызвали. Я докажу, что этотъ человѣкъ не болѣе, какъ пьяница и лгунъ!

Молотокъ президента рѣзко ударилъ по столу.

— Мистеръ Дэвисъ, потрудитесь сѣсть на свое мѣсто! Коммиссія обсудитъ положеніе. Пристава очистятъ залу при первомъ признакѣ безпорядка. Намъ необходимо полное спокойствіе.

Поднялся генеральный адвокатъ, суровый, сосредоточенный, неумолимый.

— Господинъ президентъ, въ виду новыхъ разъясненій, данныхъ сенаторомъ Уардомъ, я считаю нужнымъ допросить еще разъ

Томаса Бреннана, Роберта Беннета, Тимоѳея Шехена и Джемса Гольбрука.

— Коммиссія постановила отложить засѣданіе до двухъ часовъ завтрашняго дня, — сказалъ президентъ.

Репортеры схватили свои шляпы, торопливо собрали бумаги и бросились къ лѣстницѣ.

Тётль, при помощи двухъ или трехъ человѣкъ, перенесъ сенатора Уарда въ сосѣднюю комнату, гдѣ онъ скоро пришелъ въ себя. Вызванный по телефону врачъ улыбался Эвелинѣ, стараясь ее успокоить и щупая пульсъ ея отца.

Эвелина отвѣчала ему благодарною улыбкой.

— Что онъ, долго будетъ боленъ?

— О, нѣтъ, я не думаю! — сказалъ молодой докторъ. — Его пульсъ уже крѣпнетъ, онъ скоро совсѣмъ придетъ въ себя. Его, должно быть, что-нибудь утомило до изнеможенія?

— Онъ только что говорилъ слишкомъ страстно, — отвѣтилъ Тётль.

— Этимъ все и объясняется. Онъ не замедлитъ оправиться, только его нужно какъ можно скорѣе отвезти домой и дать ему полный покой.

И на самомъ дѣлѣ сенаторъ мирно спалъ на пароходѣ, увозившемъ его на дачу. Тётль проводилъ старика до его комнаты и, удаляясь, сказалъ:

— Я приду къ вамъ, какъ только освобожусь, быть можетъ, сегодня же вечеромъ. Буду вамъ очень благодаренъ, если вы дадите знать моей матери, что я здоровъ и чувствую себя прекрасно...

Когда онъ вышелъ на улицу, разносчики газетъ кричали: «Вечернія газеты! Всѣ подробности слѣдствія!...» И всѣ знакомые, встрѣчавшіеся Тётлю, останавливали его и совѣтовали принимать самыя крайнія мѣры, чтобы ускорить преслѣдованія.

— Хорошенько ихъ, Тётль!

— Какъ-никакъ, а доканали вы ихъ. Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ!

— Безъ Уарда ничего бы вы съ ними не подѣлали. Засадите-ка ихъ скорѣе, а то они удерутъ, навѣрное удерутъ...

— Не мнѣ ихъ засаживать, — отвѣчалъ Тётль. — Я свое дѣло сдѣлалъ, на своихъ плечахъ вынесъ всю тяжесть слѣдствія, а теперь пусть уже дѣло идетъ своимъ обычнымъ и законнымъ путемъ...

— О, Тётль, теперь мы уже всѣ будемъ за васъ! — говорилъ, смѣясь, одинъ молодецъ, бывшій до сихъ поръ, завѣдомо для Тётля, сторонникомъ Консолидированнаго общества.

XIII.

Во второмъ этажѣ ресторана Сема Брэди была въ сборѣ группа членовъ Третьей Палаты.

Дымъ ходилъ клубами по комнатѣ, запахъ пива и виски дѣлалъ атмосферу отвратительною. Мальчики приходили снизу, быстро пробѣгали, разнося на подносахъ напитки посѣтителямъ, сидѣвшимъ на диванахъ, обитыхъ красною кожей, и на стульяхъ съ высокими спинками.

То не было правильное собраніе людей, сошедшихся по созыву. Но общее убѣжденіе въ томъ, что наступилъ рѣшительный день процесса и что Тётль побитъ на голову, приводило всѣхъ присутствующихъ въ самое веселое настроеніе. Шехенъ былъ страшно пьянъ и за нимъ зорко слѣдилъ Маркъ Брэди, маленькій юркій ирландецъ, настоящій собственникъ заведенія, приходившій отъ времени до времени изъ ресторана понаблюсти за возраставшимъ опьяненіемъ посѣтителей съ тѣмъ, чтобы предупредить ихъ, когда это потребуется.

Онъ отозвалъ въ сторону двоихъ или троихъ изъ наиболѣе трезвыхъ и сказалъ имъ:

— Слушайте-ка, молодцы, очень вы неосторожны. Едва ли вамъ желательно, чтобы васъ прихватили тутъ за этою пустою болтовней и засадили бы куда слѣдуетъ. Для меня это совсѣмъ не подходящее дѣло теперь. Понимаете вы меня? Вы тамъ какъ хотите, а мнѣ это не съ руки.

Они обѣщали слѣдить за Шехеномъ и за другими, расположившимися, повидимому, провести тутъ всю ночь, и Маркъ Брэди сошелъ внизъ.

Вдругъ онъ вбѣжалъ снова, промчавшись по лѣстницѣ. Вся его забавная и невзрачная фигурка выражала тревогу и страхъ.

— Вотъ когда черти-то въ дѣло впутались!...

Всѣ бросились къ нему.

— Что случилось, Маркъ?

Онъ подпрыгнулъ, какъ акробатъ, и разразился цѣлымъ потокомъ самыхъ отборныхъ ругательствъ, прежде чѣмъ смогъ сказать что-нибудь понятное.

— Уардъ выдалъ!... Удирайте вы всѣ, несчастные, удирайте скорѣй!...

Раздался цѣлый хоръ криковъ и ругательствъ. Всѣ смотрѣли другъ на друга, какъ стадо крысъ, застигнутыхъ въ амбарѣ.

— Ничего они намъ не могутъ сдѣлать,—сказалъ кто-то.

— Неужели?—воскликнулъ Маркъ насмѣшливо и необыкновенно презрительно.—Газеты накинутся на насъ, какъ мухи на пирогъ съ медомъ... Чортъ же васъ возьми! Если вы не удерете, засадятъ васъ всѣхъ до единаго!

— Это вѣрно, — сказалъ старый капитанъ Бекеръ. — Если сцапаютъ одного, и онъ заговоритъ, заберутъ насъ всѣхъ сполна... Придется мнѣ прокатиться въ Новую Шотландію, здоровье надо поправить...

— Всѣ утекайте! На Фукса нельзя полагаться ни минуты!— кричалъ на лѣстницѣ чей-то громкій голосъ.

Не прошло десяти минутъ, какъ всѣ ушли, Маркъ остался вдвоемъ съ своимъ братомъ Семомъ, человѣкомъ атлетическаго сложенія.

— Что же будетъ теперь, Семъ?—спросилъ Маркъ.

— Арестуютъ Бреннана, Фукса, патрона и всѣхъ, кого успѣютъ захватить. Только и разговоровъ будетъ, что объ отдачѣ подъ судъ, объ уголовномъ процессѣ. Большія шишки будутъ выпущены на поруки, разумѣется, но насъ это не спасетъ, если заберутъ Шехена... Похлопочите, чтобъ онъ уѣхалъ, и приведите здѣсь все въ порядокъ, — добавилъ онъ, оглядываясь кругомъ. — Никто не долженъ видѣть эту комнату такою, какова она теперь. Если придетъ Томъ, скажите ему, что я буду дома, и посовѣтуйте удирать какъ можно скорѣй.

Съ той минуты, какъ сдѣлалось дурно съ сенаторомъ Уардомъ, все пришло въ смятеніе. Никто не зналъ навѣрное, что извѣстно сосѣду, и въ особенности никто не могъ предугадать, что сосѣдъ захочетъ раскрыть. Исчезло всякое чувство солидарности между членами Третьей Палаты и ихъ присными. Моментально исчезли всѣ прикосновенные къ дѣлу, точно крысы изъ опустѣвшаго амбара.

Никто не довѣрялъ Бреннану и Фуксу и всякій ждалъ, что они выдадутъ остальныхъ. И, съ своей стороны, эти два союзника были увѣрены въ томъ, что каждый изъ обвиняемыхъ не задумается выдать ихъ сообщниковъ по самому ничтожному поводу и что каждое признаніе повлечетъ къ отвѣту людей болѣе значительныхъ, вплоть до самыхъ опасныхъ кружковъ. Разгромъ былъ полный,—настоящее Ватерлоо.

Газеты изъ себя выходили на перебой другъ передъ другомъ. Одна изъ нихъ до того освирѣпѣла, что прямо восклицала: «Не выпускать ни на поруки, ни подъ залоги! Долой измѣнниковъ!»...

Постановленіе объ арестѣ Фукса, Бреннана и Дэвиса послѣдо-

вало тотчасъ же за представленіемъ доклада коммиссіи. Въ обѣихъ Палатахъ шумъ былъ неописуемый, многіе члены ихъ, одинъ за другимъ, оказывались скомпрометированными. Публика лихорадочно набрасывалась на каждый новый выпускъ газетъ и съ дикимъ восторгомъ читала извѣстія о послѣдовательныхъ арестахъ. Но сѣть оказалась закинутою слишкомъ поздно, и попадались въ нее только ничтожные посредники, люди дрянной репутаціи, знавшіе только одну изъ сторонъ, участвовавшихъ въ преступныхъ сдѣлкахъ. Тѣмъ не менѣе, они компрометировали другихъ, аресты продолжались, и правосудіе шагъ за шагомъ добиралось до Дэвиса, окружало его несокрушимою желѣзною стѣной.

Теперь уже не было недостатка въ людяхъ, ухаживавшихъ за Тётлемъ и хватавшихся за продолженіе начатаго имъ дѣла, чему онъ былъ весьма радъ. Онъ былъ искренно встревоженъ за Дэвиса и даже въ этотъ часъ вѣрилъ тому, что онъ скорѣе жертва, чѣмъ виновникъ во всей этой исторіи. Тётль поспѣшилъ на берегъ моря повидать свою мать и успокоить Эленъ.

Отъ матери онъ прошелъ къ сенатору Уарду и засталъ Эвелину около дома подъ деревьями.

— Какъ здоровье сенатора?—спросилъ онъ еще издали.

— Лучше,—отвѣтила дѣвушка.—Онъ сталъ замѣтно спокойнѣе... Скажите, мистеръ Тётль, что же съ нимъ сдѣлаютъ?

Въ ея голосѣ слышалась такая смертельная тревога, что Тётль не сразу отвѣтилъ на вопросъ.

— Я не думаю, чтобъ его стали преслѣдовать, — сказалъ онъ.— Возможно, что противъ него будетъ заявлено обвиненіе, если онъ только не подастъ въ отставку, что̀ онъ, я полагаю, сдѣлаетъ. Но такое обвиненіе будетъ лишь простою формальностью. Я твердо увѣренъ въ томъ, что своимъ поведеніемъ онъ заслужилъ общее уваженіе. Всѣ говорятъ съ восторгомъ объ его героизмѣ. Газеты...

— Я не посмѣла заглянуть ни въ одну изъ нихъ, — отвѣтила Эвелина.

— Совершенно напрасный страхъ. Онѣ уже вступаются за него, прославляютъ его геройство. Могу я повидать его? Онъ лежитъ?

— Дремалъ въ креслѣ, когда я сюда пошла. Онъ желалъ васъ видѣть, и вы хорошо сдѣлаете, если зайдете къ нему.

Сенаторъ Уардъ сидѣлъ въ креслѣ у окна, обратившись лицомъ къ морю. Онъ взглянулъ на Тётля широко раскрытыми вопрошающими глазами.

— Какъ вы чувствуете себя, сенаторъ?—сказалъ Тётль.

— Какъ потерпѣвшій кораблекрушеніе, Вильсонъ!—отвѣтилъ онъ, слабо улыбаясь и протягивая руку гостю.

Тётль пожалъ его руку и сѣлъ на стулъ рядомъ со старикомъ.

— Не теряйте бодрости, сенаторъ. Общее сочувствіе на вашей сторонѣ. Газеты полны вами. И на самомъ дѣлѣ вы отняли у меня лавры. Вотъ послушайте...

Онъ вынулъ изъ кармана газету и прочелъ вслухъ: «Если раскроется правда, то этимъ мы будемъ обязаны болѣе героизму сенатора Уарда, чѣмъ иниціативѣ Тётля. Шайка плутовъ укрывалась за непроницаемою стѣной. Слѣдствіе оказывалось безсильнымъ, когда сенаторъ Уардъ, какъ новый Винкельридъ, направилъ на свою грудь непріятельскія копья и тѣмъ очистилъ путь правосудію. Всѣ честные люди убѣждены въ томъ, что сенаторъ Уардъ не былъ самимъ собою, когда дотрогивался до предложеннаго ему золота».

Уардъ застоналъ и отвернулся. Напоминаніе о безчестьѣ, опубликованное въ передовой статьѣ газеты, падало на него всею тяжестью и давило его. Тётль понялъ это и постарался утѣшить старика.

— Не томите себя прошедшимъ, сенаторъ, смотрите лучше впередъ. Все уладится само собою. Какъ только я освобожусь черезъ день или два, я примусь за ваши дѣла и посмотрю, не смогу ли чѣмъ-нибудь помочь вамъ.

Уардъ хотѣлъ выразить свое отчаяніе, когда вошла его жена.

— Добрый вечеръ, мистеръ Тётль,—сказала она довольно сухо.

Онъ не замѣтилъ этого и остался на нѣсколько минутъ въ комнатѣ, слѣдя за стараніями мистрисъ Уардъ убѣдить сенатора съѣсть что-нибудь.

— Покушать надо, это подкрѣпитъ васъ, сами знаете. Я сама изжарила для васъ цыпленка, смотрите, какой онъ нѣжный, и чай превосходный. Лучше этого я никогда не приготовляла.

Старикъ подчинился женѣ, и когда она захотѣла непремѣнно повязать ему салфетку вокругъ шеи, какъ малому ребенку, онъ взглянулъ на Тётля, обмѣнялся съ нимъ улыбкой.

— Она, кажется, совершенно счастлива тѣмъ, что можетъ за мною ухаживать,—сказалъ Уардъ.

Тётль разсмѣялся отъ всей души, и въ комнатѣ какъ будто просвѣтлѣло. Полное невѣдѣніе г-жи Уардъ того, что происходитъ въ области политики, было въ данную минуту особенно благотворно.

Эвелина услыхала смѣхъ и вошла въ комнату. Тётль встрѣтилъ дѣвушку въ дверяхъ.

— Нашему больному лучше! —сказалъ онъ радостно.—Видѣли вы Эленъ? — продолжалъ молодой человѣкъ, когда они вышли на террасу.

— Нѣтъ, она рѣдко бывала это время. У нея была сегодня цѣлая толпа пріятельницъ.

— Я хочу къ ней пройти, — говорилъ Тётль на ступенькахъ лѣстницы. — А потомъ, какъ улучу минуту, займусь дѣлами вашего отца, посмотрю, нельзя ли помочь вамъ привести ихъ въ порядокъ. Прошу васъ, позвольте мнѣ сдѣлать это для него.

— Да, если вы думаете, что стòитъ ими заниматься. Я боюсь, что очень немного намъ останется,—закончила она мрачно.

Провожая его глазами, Эвелина думала, что все происходившее можетъ опять сблизить Эленъ съ Тётлемъ.

Тётль сталъ въ совершенный тупикъ отъ пріема молодой дѣвушки. Эленъ выбѣжала ему навстрѣчу, какъ ребенокъ, и припала головой къ его груди. Всѣ дѣловыя заботы сразу вылетѣли изъ его головы. Онъ обхватилъ руками ея станъ, цѣловалъ ея волосы, восторженно шепталъ ея имя.

Онъ разсказалъ ей далеко не всю правду и лишь въ утѣшеніе ей увѣрялъ, что ея отцу нечего бояться, что его арестъ есть чистѣйшая формальность, что онъ будетъ тотчасъ же отпущенъ на поруки и скоро вернется домой. Онъ убѣжденъ, что мистеръ Дэвисъ ничуть не виноватъ, что Фуксъ и Бреннанъ...

При этомъ имени онъ слегка запнулся, какъ бы собираясь что-то объяснить. Но всякія объясненія оказались излишними, такъ какъ Эленъ удовольствовалась тѣмъ, что прильнула къ нему еще крѣпче и обвила руками его шею.

Наконецъ, она подняла на него глаза, покраснѣвшіе отъ слезъ.

— Я знаю, что безобразна стала до страшноты, но не могу я не плакать. Всѣ говорятъ, будто его посадятъ въ тюрьму, и... и не съ кѣмъ мнѣ подѣлиться горемъ! Мнѣ такъ хотѣлось, такъ нужно было видѣть васъ. Не уходите отъ меня, пока не вернется папа...

— Я долженъ идти домой обѣдать.

— О, оставайтесь обѣдать со мной... Никого нѣтъ, одна я. Мои пріятельницы разбѣжались, какъ только были получены газеты... Прошу васъ, оставайтесь! —умоляла она.

— Хорошо, я останусь, если вы пошлете сказать объ этомъ моей матери.

Тётль былъ на седьмомъ небѣ. Всѣ событія дня представлялись

молодому человѣку какимъ-то тяжелымъ сномъ. Казалось совершенно невозможнымъ сообщничество Дэвиса съ Третьей Палатой. Тутъ, несомнѣнно, должна быть какая-нибудь ошибка. Телеграмма, принесенная въ половинѣ обѣда, подтвердила такое предположеніе. Эленъ прочла вслухъ:

«Не тревожьтесь, милая. Все это лишь политическая игра. Сегодня дома не буду. Я здоровъ. Не обращайте вниманія на газеты.

Папа Дэвисъ».

Эленъ поцѣловала депешу и весело смѣялась, когда Тётль, шутливымъ тономъ, очень рѣдкимъ у него, говорилъ, что она могла бы, уже за одно, поцѣловать и разсыльнаго. Эленъ написала отвѣтъ и отправила его съ маленькимъ телеграфистомъ, получившимъ, вмѣсто поцѣлуя, серебряную монету. Обѣдъ прошелъ восхитительно, у обоихъ было необыкновенно легко на сердцѣ...

На слѣдующій день утромъ Тётль читалъ газеты, наполненныя тробованіями начать судебныя преслѣдованія немедленно. Цѣлая страница была посвящена бесѣдамъ съ сенаторами: большинство говорило, что Руфа Уарда не слѣдуетъ отдавать подъ судъ. Передавался слухъ, что два виновныхъ депутата скрылись. Бреннанъ, Фуксъ и Дэвисъ были арестованы, но почти тотчасъ отпущены на поруки.

Тётль зашелъ на дачу Дэвиса и оставилъ Эленъ записку, въ которой просилъ молодую дѣвушку не ѣздить въ городъ,—онъ повидается съ Желѣзнымъ Герцогомъ и привезетъ его къ обѣду непремѣнно.

Когда Тётль вошелъ въ залу коммиссіи, тамъ царила торжественная тишина. Было сдѣлано распоряженіе публику не допускать. Президентъ уже не смѣялся шуткамъ Тома Бреннана. Король Третьей Палаты былъ низвергнутъ. Бинней совсѣмъ пересталъ дремать. Фуксъ и Дэвисъ не явились. Большинство свидѣтелей имѣло угнетенный видъ. Ихъ быстро допросили, потомъ поднялся говорить генеральный адвокатъ.

— Господинъ президентъ, возложенную на насъ обязанность мы исполнили.

Онъ надѣлъ очки, справился съ бумагой, которую держалъ въ рукѣ, обвелъ членовъ коммиссіи торжествующимъ взглядомъ и продолжалъ:

— Мы доказали виновность нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ съ самаго начала считали главными дѣятелями въ этомъ преступномъ дѣлѣ. Мы доказали, что Третья Палата существуетъ и получаетъ субсидіи. Законъ устранитъ, разумѣется, столь ненормальный по-

рядокъ вещей. Мы доказали, что сенаторъ Уардъ, сенаторъ Голвей и многіе другіе законодатели были подкупаемы. Преданіе ихъ суду зависитъ теперь отъ законодательнаго корпуса. Наступаетъ эра рэформъ. Заслуга инициіативы и успѣха принадлежитъ молодому человѣку, сидящему рядомъ со мной. Но закончить я не могу, не выразивши глубокаго сожалѣнія о томъ, что кулуарныя интриги разныхъ дѣльцовъ губятъ такихъ людей, какъ сенаторъ Уардъ и мистеръ Дэвисъ, ибо самъ онъ, если я не ошибаюсь, оказывается тутъ настолько же жертвою подкуповъ, насколько ихъ руководителемъ.

XIV.

Лауренсъ Дэвисъ никогда не былъ философомъ. Подобно многимъ людямъ, онъ всю жизнь отдалъ чисто матеріальнымъ заботамъ, и ему почти некогда было задумываться и углубляться въ себя. Въ шестьдесятъ лѣтъ онъ чувствовалъ себя утомленнымъ, сознавалъ упадокъ силъ, какъ разъ въ такое время, когда все, имъ нажитое, готово было ускользнуть изъ его рукъ.

Когда рука закона тяжело опустилась на его плечо, онъ въ первый разъ въ жизни испыталъ нравственный толчокъ, чуть не сразившій его на смерть отъ апоплексическаго удара. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ онъ былъ точно пьяный, потерявшій способность разсуждать и дѣйствовать. Когда онъ явился въ судъ, онъ едва держался на ногахъ. Его, разумѣется, отпустили тотчасъ же на поруки, благодаря вмѣшательству другихъ лицъ, акціонеровъ Консолидированнаго общества. Первою его заботой было телеграфировать дочери и успокоить ее. Онъ ясно представлялъ себѣ ея тревоги и хотѣлъ пощадить ее настолько долго, насколько это окажется возможнымъ. При каждомъ воспоминаніи о ней его охватывала дрожь.

Измѣнившійся тонъ газетъ приводилъ его въ ужасъ. Жестоко поразило его также бѣгство его сообщниковъ, исчезновеніе всѣхъ тѣхъ людей, которые еще наканунѣ такъ ухаживали за нимъ въ надеждѣ подѣлить съ нимъ добычу. Онъ зналъ, конечно, что въ жизни такъ всегда бываетъ, но когда онъ испыталъ это на себѣ, то впечатлѣніе получилось потрясающее. Съ наступленіемъ ночи онъ сѣлъ къ письменному столу въ своемъ большомъ, пустомъ и темномъ домѣ на Курней-Стритѣ и принялся торопливо писать, точно желая къ сроку окончить необходимую работу.

Въ наглухо запертомъ домѣ было свѣжо, тогда какъ на дворѣ

была духота. Толстый полицейскій, шагавшій по безлюдной улицѣ, раздумывалъ о томъ, почему въ нѣкоторыхъ кварталахъ города люди проводятъ ночи въ канавахъ за неимѣніемъ пристанища, тогда какъ этотъ домъ и многіе другіе на протяженіи нѣскольких миль стоятъ пустыми, съ запертыми дверями и закрытыми ставнями. Задачи этой онъ рѣшить не могъ и только покачивалъ головой.

У Желѣзнаго Герцога драпировки и ставни великолѣпной библіотеки были плотно закрыты, сквозь нихъ не проникалъ наружу ни малѣйшій лучъ свѣта. Было около десяти часовъ, въ домѣ царила полная тишина. Полъ былъ заваленъ бумагами, вынутыми изъ небольшихъ металлическихъ ящиковъ. Надъ столомъ висѣла электрическая лампа, при голубоватомъ свѣтѣ которой еще ярче выдавались багровыя пятна на лицѣ Дэвиса.

Откуда-то издали донесся свистокъ поѣзда. Дэвисъ прислушался безсознательно, держа перо въ рукахъ. Бой часовъ заставилъ его оторваться отъ гнетущихъ думъ. Дэвисъ всталъ, подошелъ къ своему частному телефону и рѣзко позвонилъ.

— Hallo!... Ну?... Это вы? Вернулся мистеръ Фуксъ?... Нѣтъ? Мнѣ ничего не присылалъ?... Очень странно! Когда вернется, скажите ему, что я у себя дома, здѣсь въ городѣ... Подождите минуту. Если спроситъ кто другой, говорите, что я на дачѣ. Больше ничего.

Онъ отошелъ, сжимая кулаки и ворча сквозь зубы:

— Проклятый трусъ!... Покинулъ меня!

Послышался стукъ въ дверь, Дэвисъ отозвался,—вошелъ Робертъ. Дэвисъ обрадовался ему.

— А, Робертъ! Что новаго?

— Я не могу нигдѣ найти ни Фукса, ни Тома.

— Что же это значитъ? Сбѣжали они?

— На то похоже, или, быть можетъ, скрываются гдѣ-нибудь въ городѣ. Если ничего не узнаю про нихъ и завтра...

— Что же это, однако, такое? Неужели они бросили меня? Вы какъ думаете?

Робертъ помолчалъ съ секунду.

— Объ этомъ я узнаю тотчасъ же, какъ вернусь въ контору. Я уже послалъ агентовъ по городу въ разныя мѣста, гдѣ ихъ можно разыскивать. О результатѣ буду вамъ телефонировать, да кстати, предупреждаю, будьте осторожны въ разговорѣ по телефону. Сырость воздуха увеличиваетъ силу индукціи, и наша спеціальная проволока перехвачена. Я буду называть васъ Кингъ. Если я ска-

жу, что Смитъ уѣхалъ на дачу, это будетъ значить, что Фуксъ бѣжалъ. Тома я буду называть Брауномъ. Попомните?

— Хорошо, Робертъ... Плохо мое дѣло, Робертъ?—спросилъ онъ, какъ бы взывая къ сочувствію молодого человѣка, собиравшагося уходить.

— Да, правда,—сказалъ Робертъ.—Но я думаю, что вы все-таки выкарабкаетесь. Я не выходилъ сегодня, но знаю... знаю, что въ Капитоліи сильно волнуются, обвиняютъ нѣсколькихъ сенаторовъ. Газеты полны этимъ, разумѣется. Какъ бы ни было, мучиться изъ-за этого безполезно.

— Милый мой, я бы очень желалъ быть сегодня въ вашей шкурѣ,—отвѣтилъ Дэвисъ.—Моя-то, знаете, очень ужъ не дорого стòитъ... Такъ вы сообщайте мнѣ все, что будетъ происходить въ конторѣ, хотя бы самое плохое. Ничего не скрывайте отъ меня.

— Такъ и будетъ. Пока все идетъ обычнымъ порядкомъ, и на публику это производитъ, кажется, хорошее впечатлѣніе. Покойной ночи! Вы хорошо бы сдѣлали, еслибъ легли въ постель и постарались уснуть. Я пробуду въ конторѣ до двѣнадцати часовъ. Если случится что-нибудь серьезное, я дамъ вамъ знать. Покойной ночи!

— Покойной ночи, Робертъ. Я бы очень желалъ, чтобы всѣ были такъ же вѣрны, какъ вы. Покойной ночи!

Робертъ ушелъ, Дэвисъ вернулся къ столу и сѣлъ, опустивши голову на руки. Въ дверь снова постучали, и вошла служанка.

— Вамъ ничего больше не потребуется?

— Ничего, Мери... Только не ходите сюда и не надоѣдайте мнѣ. Вотъ и все.

Говоря это, онъ рылся въ бумагахъ, и шарилъ въ своихъ карманахъ, будто потерялъ что-то очень нужное. Онъ кончилъ тѣмъ, что всталъ и вышелъ изъ комнаты, продолжая искать.

Мери удивленно осматривалась кругомъ, она начинала бояться за своего хозяина. Онъ казался ей совсѣмъ не такимъ, какъ всегда. Звонокъ наружной двери заставилъ ее вздрогнуть.

— Какъ, ночью-то? Кто бы это могъ быть такъ поздно?

Скоро она вернулась съ Эленъ.

— Вѣрно, миссъ, съ полудня отъ письменнаго стола не отходилъ, пишетъ, какъ сумасшедшій. Вечеромъ онъ и чай не пилъ, и ни кусочка хлѣба не съѣлъ. А я ему и ужинъ приготовила... «Не надоѣдай»,—говоритъ и рукой машетъ. А я и говорю: «Покушали бы лучше...»

Эленъ снимала перчатки, сіяя отъ счастья.

— Не ѣлъ ничего? Должно быть, очень его измучили. Но я заставлю его кушать...

— Мери, мнѣ звонокъ послышался,—сказалъ Дэвисъ, входя въ комнату.

Появленіе Эленъ удивило его, испугало.

— Вы здѣсь зачѣмъ въ такой часъ? Развѣ я вамъ не...

Эленъ подошла къ нему и обняла его шею.

— Ну-ну, не браните. Не могла я тамъ оставаться одна въ то время, какъ вы здѣсь, въ этомъ мрачномъ, пустомъ домѣ. Какъ вы блѣдны! Вы больны?

— Нѣтъ. Какъ же это вы одни пріѣхали?

— О, папа, не сердитесь. Я пріѣхала потому, что мнѣ Вильсонъ сказалъ: такъ лучше будетъ, я могу вамъ понадобиться.

Онъ пристально взглянулъ на дочь.

— Тётль сказалъ, что вы можете мнѣ понадобиться? Что онъ еще сказалъ? Говорите все!—добавилъ онъ строго.

— Все скажу, только не будьте такимъ сердитымъ... Онъ сказалъ, что вы одни, измучены... и вотъ я пріѣхала съ нимъ. Теперь вы мнѣ говорите все. Мери увѣряетъ, что вы не ужинали?

Дэвисъ отвернулся, отошелъ прочь.

— У меня довольно дѣла, помимо ѣды. Къ тому же я и не голоденъ.

Эленъ топнула ногой и сдвинула брови.

— Вы должны кушать. Я пойду принесу вамъ чего-нибудь, и вы здѣсь покушаете... Не дамъ я вамъ писать и спать не отпущу безъ ужина.

— Не могу я ѣсть, дитя мое, и у меня слишкомъ много дѣла,—возразилъ Дэвисъ болѣе мягкимъ тономъ.—И не приставайте вы ко мнѣ.

— Я приставать не буду, выпейте только чашку шоколада... Я сама приготовлю здѣсь на спиртовой лампѣ. Вы потомъ лучше уснете... Изжарю вамъ что-нибудь.

— Уснуть! Какъ бы я хотѣлъ уснуть... Ну, несите ваши припасы и стряпайте, пока я буду писать. Я еще не кончилъ...

Эленъ захлопала руками, какъ ребенокъ. Ее восхищала мысль расположиться въ этомъ большомъ домѣ, точно на бивакѣ: это было ново.

— О, какъ весело будетъ! Я увѣрена, что и вамъ будетъ лучше.

— Хорошо, хорошо! Занимайтесь стряпней и не очень много разговаривайте,—сказалъ Дэвисъ, садясь опять къ столу.

Эленъ вышла и скоро возвратилась съ Мери, принесшей на

подносѣ молоко, горячую воду и проч. Онѣ все устроили на маленькомъ столикѣ, Дэвисъ продолжалъ писать.

Когда Мери удалилась, онъ подошелъ къ Эленъ и сѣлъ на кресло рядомъ съ нею.

— Эленъ, дитя мое, я бы предпочелъ, чтобы вы остались на берегу моря съ Эвелиной и съ Тётлемъ. Я думаю, что это было бы лучше. А что ваша ссора съ Тётлемъ? Помирились вы!

Эленъ попыталась состроить очень строгую мину.

— Но, вѣдь, это... это все его вина... не могу же я...

Дэвисъ всталъ и принялся ходить по комнатѣ.

— Осуждать его не слѣдуетъ. Онъ поступалъ такъ, какъ бы и я поступилъ на его мѣстѣ. Но и меня тоже не должно осуждать. Я вынужденъ былъ дѣлать то, что я дѣлалъ. Проклятыя обстоятельства и эта дьявольская шайка денныхъ разбойниковъ втянули меня во все это!

Онъ подошелъ къ дочери.

— Еслибы мнѣ все удалось, я думаю, что не согласился бы отдать васъ замужъ за Тома Бреннана, а теперь... теперь и подавно... такой мужъ не годится для васъ. Тётль—вотъ это человѣкъ. Прочтите.

Онъ подалъ дѣвушкѣ письмо, которое она прочла вслухъ.

Господину Л.—Б. Дэвису.

«Я обращаюсь къ вамъ, чтобы высказать, какъ я былъ глубоко опечаленъ и изумленъ результатомъ нашего слѣдствія. Я никакъ не предполагалъ, что могу навлечь на *васъ* отвѣтственность за какую-либо *противузаконную сдѣлку*.

«Я пишу вамъ теперь въ надеждѣ, что вы поймете мое положеніе. Въ дѣлѣ этомъ не могутъ имѣть значеніе ни дружба, ни иныя личныя отношенія. Но я счастливъ буду, если мнѣ удастся всѣми честными средствами быть полезнымъ вамъ или Эленъ, если только смогу что-нибудь сдѣлать. Располагайте мною, какъ другомъ, и прошу васъ вѣрить въ мою искреннюю преданность.

Вильсонъ Тетль».

Эленъ сдвинула брови, дѣлая тщетное усиліе понять смыслъ этихъ фразъ.

— Я совсѣмъ не понимаю... это ужасная смѣсь... только чувство, побудившее его писать такъ, кажется мнѣ благороднымъ. Это на него похоже.

Вдругъ она бросилась на шею отцу.

— Папа, вы должны сдѣлать для меня одну вещь. Сдѣлаете? обѣщаете?

Дэвисъ привлекъ ее къ себѣ на колѣни и весело сказалъ:

— Я лучше отвѣчу вамъ, когда узнаю, въ чемъ дѣло.

Она спрятала лицо на груди отца и, запинаясь, робко проговорила:

— Видите, папа, я боюсь... а надо сказать, я должна вамъ сказать... я видѣла сегодня Вильсона... одна.

— Большой бѣды я въ этомъ не нахожу.

Эленъ выпрямилась на его колѣнахъ и теребила пуговицы его жакетки.

— Такъ вотъ... дорогой я объяснилась съ нимъ... О! папа, я чуть не заболѣла съ того дня, помните... Но я попросила у него прощенья... онъ, вѣдь, думалъ, что хорошо поступаетъ... хотя не знаю, что онъ въ сущности сдѣлалъ.

— А какъ же Томъ?... Развѣ вы не...

— Я, именно, и хотѣла просить,—заговорила она живо,—чтобы вы сказали Тому, что ни малѣйшаго намѣренія не имѣла... что на самомъ дѣлѣ не знала...

Дэвисъ невольно улыбнулся.

— Стало быть, ему нужно сказать, что вы отступаетесь?

— О, выраженіе это такое нехорошее!

— Ничего, такъ говорится между дѣловыми людьми! Не волнуйтесь, все уладится и для васъ кончится счастливо.

Онъ сдѣлалъ особенное удареніе на словахъ «для васъ», чего Эленъ не замѣтила.

— Теперь надо идти спать и не тревожиться за меня. Ничего дурного они мнѣ не сдѣлаютъ.

— Бѣдный папа!... А я настоящая эгоистка, весела и счастлива, когда васъ такъ мучаютъ. Но я думать уже ни о чемъ не могу, такъ мнѣ хорошо-хорошо! Неужели всѣ молодыя дѣвушки ведутъ себя такъ же глупо, когда онѣ...

— Ладно, ладно... Я переговорю съ Томомъ, когда увижу его. Предположеніе это никогда мнѣ особенно не улыбалось. Я зналъ, что и вамъ оно не по-душѣ... Но Томъ былъ мнѣ нуженъ, къ тому же я... Ну, теперь объ этомъ не стòитъ... Я покойнѣе усну сегодня, такъ какъ знаю, что съ Вильсономъ вы столковались...

Эленъ соскочила съ колѣнъ отца, услыхавши, что вода закипѣла, и налила ему чашку шоколада. Дэвисъ пилъ маленькими глотками, продолжая разговоръ.

— Обо мнѣ вы не безпокойтесь. Я покончу все очень хорошо.

И чтобы со мною ни случилось,—я разумѣю, чтобы ни говорили обо мнѣ,—не забывайте, что я старался все устроить къ лучшему.

— Разумѣется, папа!... А знаете, когда вотъ такъ въ головѣ одинъ человѣкъ и сказать это нельзя... потомъ, когда съ нимъ поссоришься, дашь слово другому, о комъ вовсе и не думаешь... и вдругъ помиришься съ первымъ и можешь любить, его сколько угодно... Ахъ! какъ это восхитительно, какъ на душѣ хорошо... Вѣдь, знаете, не правда ли?

— Какъ не знать... вѣдь, я былъ молоденькою дѣвушкой!... А теперь уходите, будьте милою дѣвочкой... Я буду пить шоколадъ и писать. Для меня большимъ утѣшеніемъ было, что я повидалъ васъ еще разъ.

— Папа! въ вашемъ голосѣ есть что-то, чего я не понимаю... О чемъ вы думаете?

— Я думаю, во-первыхъ, о томъ, что вы теперь невѣста, а, во-вторыхъ, что уже не долго вамъ такъ ухаживать за мной.

— Ровно ничего не измѣнится,—возразила она,—ни вотъ *настолько*!...

Но онъ хорошо видѣлъ, что неизбѣжная разлука уже началась.

— Посмотримъ... Теперь, покойной ночи!

Онъ долго смотрѣлъ на дверь, въ которую вышла Эленъ, тяжело вздохнулъ, и лицо его приняло опять сосредоточенное выраженіе.

Онъ взялъ связку бумагъ, просмотрѣлъ двѣ или три изъ нихъ, заглянулъ въ газету, скомкалъ ее и швырнулъ въ корзину; наконецъ, досталъ изъ стола револьверъ, внимательно осмотрѣлъ его, съ отвращеніемъ, но точно загипнотизированный.

«Какъ бы легко было покончить все это, еслибъ не было Эленъ!»—думалъ онъ въ ту минуту, когда Эленъ съ распущенными волосами и въ туфляхъ тихо вошла и приблизилась къ нему. У нея вырвался крикъ инстинктивнаго испуга:

— Что это вы дѣлаете?

Дэвисъ вздрогнулъ, какъ преступникъ. Его руки дрожали, когда онъ опускалъ пистолетъ обратно въ ящикъ.

— Такъ, осматривалъ... посмотрѣлъ, заряженъ-ли, и только. Я... знаете, воровъ много. Прошедшею ночью они забрались въ два или въ три дома.

Желая дать объясненіе, онъ хватилъ черезъ край: перепуганная Эленъ ухватилась за отца.

— Воры! О, какой ужасъ! Я ни за что не лягу въ моей ком-

патѣ... Я здѣсь устроюсь, рядомъ съ вами, въ голубой... и дверь оставьте отворенною.

— Перестаньте и не дѣлайте глупости!—сказалъ онъ торопливо.—Мнѣ не слѣдовало говорить объ этомъ. Ни малѣйшей опасности и быть не можетъ, разъ я и Тимъ дома. Ложитесь въ голубой комнатѣ, если хотите. Въ своей я не стану тушить лампу, это можетъ васъ успокоить... Да вы, собственно, зачѣмъ вернулись?

При этомъ вопросѣ страхъ Эленъ сразу прошелъ, она вся зарумянилась.

— Я забыла сказать: вѣдь, онъ взялъ съ меня обѣщаніе, что это будетъ будущею весной.

— Кто взялъ обѣщаніе?—спросилъ Дэвисъ въ недоумѣніи.

— Вильсонъ, разумѣется.

— А, да... понимаю, понимаю... Будущею весной? И прекрасно, ничего противъ этого не имѣю.

— Но мнѣ кажется, васъ это огорчаетъ. Я, пожалуй, и совсѣмъ не пойду замужъ, если хотите.

— Перестаньте! Не обращайте вниманія. Я просто вспомнилъ вашу мать и вашего брата, вотъ и все... Ему было бы теперь двадцать пять лѣтъ, ей сорокъ восемь... Идите и укладывайтесь въ постель сію минуту.

Онъ обвилъ рукой талію Эленъ и почти вынесъ ее изъ комнаты.

XV.

Бреннанъ былъ одаренъ темпераментомъ игрока, способнаго сохранять наружное спокойствіе при выигрышѣ и проигрышѣ: когда ему не везетъ, онъ останавливается, отправляется путешествовать, налагаетъ на себя воздержаніе, а покажется ему, что счастье опять на его сторонѣ, онъ принимается снова играть, безъ горечи, не переставая вѣрить въ себя и въ свое счастье. Возможность пораженія входила въ его разсчеты. Бреннанъ, бывшій такъ долго счастливымъ игрокомъ, отнюдь не считалъ, что все потеряно потому только, что счастье повернулось къ нему спиной.

Онъ нашелъ себѣ временное безопасное пристанище и оттуда тщательно наблюдалъ за всѣмъ, что дѣлалось. Онъ хорошо понималъ важность кризиса, но вѣрилъ въ себя и въ свою судьбу. Въ его годы ему было легче, чѣмъ Дэвису, пережить мрачные часы неудачи, не теряя надежды оправиться.

Бреннанъ понималъ, что разразилась не заурядная гроза. Будучи достаточно наблюдательнымъ, онъ отлично сознавалъ, что ничѣмъ нельзя утишить взрывъ общественнаго негодованія,—слѣдовательно, надо переждать бурю. Онъ зналъ это потому, что ближе, чѣмъ Дэвисъ, соприкасался съ массою людей и яснѣе видѣлъ грозные признаки въ новомъ тонѣ прессы цѣлой страны, такъ какъ день за день очень внимательно слѣдилъ за газетами.

Наступилъ день, когда онъ покинулъ свое пристанище и счелъ нужнымъ совсѣмъ скрыться. Разъ вечеромъ ему показалось, будто какой-то неизвѣстный человѣкъ исподтишка слѣдитъ за нимъ въ сѣняхъ гостиницы. Онъ, быть можетъ, не обратилъ бы на это особеннаго вниманія, еслибъ хозяинъ не далъ ему дружескаго совѣта.

— Скажите, Томъ, на что нуженъ вамъ агентъ Пинкертонъ, который ходитъ за вами, какъ тѣлохранитель?

— Агентъ? Гдѣ?—Томъ зорко оглянулся.

— Вонъ тамъ, въ бѣлыхъ панталонахъ. Я постоянно вижу его, какъ только вы...

— Э, не обращайте вниманія на него, скажите лучше, гдѣ друзья наши?

— Ни одного не видалъ я, Томъ, всѣ удрали, разбѣжались... Знаете, на вашемъ мѣстѣ я бы тоже отправился покататься.

Бреннанъ небрежно оперся на конторку и сказалъ:

— Что онъ, тутъ еще?

— Стоитъ тамъ, снаружи, разговариваетъ съ какимъ-то здоровеннымъ молодцомъ въ сѣрой шляпѣ.

— Вотъ что, я поднимусь наверхъ и не сойду раньше ночи. Получите, что я вамъ долженъ. Если меня спроситъ кто-нибудь, скажите, что я ушелъ черезъ боковую дверь.

— Понялъ, Томъ. Ступайте къ моей женѣ и скажите, что я васъ прислалъ, что самъ вернусь скоро... Я-то не выдамъ Тома Бреннана...

Бреннанъ незамѣтно выскользнулъ въ боковую дверь. Когда человѣкъ въ свѣтлыхъ панталонахъ заглянулъ опять, его уже не было.

Бреннанъ хорошо понималъ положеніе: люди, взявшіе его на поруки, безпокоились, не довѣряли ему, поручили своему агенту слѣдить за нимъ. Хозяинъ гостиницы, придя къ себѣ ужинать, передалъ Бреннану записку.

— Если явится Фуксъ, сообщите ему все, только осторожно. Скажите просто: «Томъ говоритъ, что поручительство ни на что не годится». Понимаете?

— Хорошо, Томъ.

Съ наступленіемъ ночи Бреннанъ прошелъ въ свою комнату, уложилъ въ чемоданъ кое-какіе пожитки, написалъ на немъ названіе желѣзнодорожной станціи и отправилъ его съ швейцаромъ къ курьерскому поѣзду, заплативши полдоллара за то, чтобы сдѣлано это было совсѣмъ незамѣтно. Потомъ онъ вышелъ изъ дому и быстро направился къ самому бѣдному кварталу города. Дойдя до одного кирпичнаго, почернѣвшаго дома, похожаго на огромный ящикъ, Бреннанъ поднялся по грязной, темной лѣстницѣ и позвонилъ у двери квартиры № 20.

Его встрѣтила женщина.

— А! Вы, Томъ!—сказала она мягкимъ контральто.— Милый вы человѣкъ! Входите. Почему такъ давно не были? Красавчикъ вы.

— Въ этомъ я никогда не сомнѣвался, Клео,—отозвался Томъ.

Она отстранила руку молодого человѣка отъ своей шеи.

— Гдѣ вы пропадали и что дѣлали? Садитесь и разсказывайте.

Она ввела его въ очень небольшую комнату съ дешевою и пестрою мебелью. Хозяйка была довольно красива, но уже не молода. Она привѣтливо улыбалась ему. Ея пеньюаръ не отличался чистотой, но охватывалъ очень изящный станъ.

— Я рада васъ видѣть, Томъ. Что новенькаго?

— Васъ какъ будто удивляетъ мой приходъ, Клео?

— А почему бы не такъ? Когда вы были въ послѣдній разъ? Шесть мѣсяцевъ назадъ.

— Гдѣ сэръ Джонъ?

— Въ театрѣ съ дѣвочками.

Она печально посмотрѣла на него и продолжала:

— Попались вы, милый мой. Карьера ваша лопнула, и приходится вамъ отправляться подышать холоднымъ воздухомъ Канады... или присмирѣть.

— Я никогда не присмирѣю. Но вы-то почему знаете?

— Читаю газеты, Томъ... А теперь говорите, что я могу для васъ сдѣлать? Вѣдь, вы уже никогда не пришли бы ко мнѣ, еслибъ я не была вамъ нужна.

— Клеопатра, хорошій вы человѣкъ! Да, нужны мнѣ: бритва, добрый совѣтъ, плащъ, пасторская шляпа, а затѣмъ надежный посланный и немного денегъ. Съ этимъ я могу отлично выпутаться изъ бѣды. Мнѣ необходимо послать записку кому-нибудь изъ друзей, Бобу или Марку.

— Хорошо, Томъ, все это я могу добыть вамъ, кромѣ денегъ

только. Къ счастью, никого нѣтъ дома. Я сейчасъ принесу бритву и пожитки сэра Джона.

Черезъ нѣсколько минутъ Томъ стоялъ передъ зеркаломъ съ бритвой въ рукѣ и комично вздыхалъ.

— Вотъ, Клео, самая тяжелая потеря.

Она поняла.

— Страшно тяжелая, Томъ. Ваши усы такъ красивы! Что-то *она* скажетъ?

— Отрастутъ прежде, чѣмъ она меня увидитъ.

Онъ брился, а Клеопатра сидѣла и смотрѣла на него.

— Вотъ ужасъ-то!... Я сбѣгаю къ теткѣ, можетъ быть, у нея наскребу для васъ сколько-нибудь.

Она подобрала юбку, надѣла ватерпруфъ и вышла.

Когда она вернулась, Бреннанъ читалъ газету, положивши ноги на стулъ. Клео удивленно посмотрѣла на него.

— Знаете, Томъ, вы имѣете видъ совсѣмъ ребенка. Боже мой, какою я-то должна казаться старою!

Она провела рукой по лицу, какъ бы ощупывая морщины. На ея глаза навертывались слезы.

— Перестаньте, Клео, не то я въ самомъ дѣлѣ, какъ ребенокъ, расплачусь... Скажите лучше, не прокатиться ли и вамъ со мной въ Канаду?

Она грустно покачала головой.

— Не говорите вы такъ со мной. Довольно... Вы не знаете, должно быть, что я была больна.

Ему какъ будто стыдно стало.

— Знаю, но я такъ былъ занятъ!...

— А я кое о чемъ пораздумала.

— Правда?—сказалъ Томъ, удивленно взглядывая на нее.

— Правда... А когда такая женщина, какъ я, по-настоящему начнетъ думать, она измѣняется.

— Ну, что-жъ,—сказалъ онъ, вздыхая, послѣ короткаго молчанія.—Коль не хотите, такъ не хотите, и дѣлу конецъ. Я очень радъ былъ бы увезти васъ съ собой. Вы совсѣмъ хорошій малый, Клео, совсѣмъ хорошій! Вы умнѣе всѣхъ женщинъ, какихъ я только знаю. И говорю я вамъ, что думаю. Въ моей искренности можете быть увѣрены... А теперь обнимемся по-братски, и я утекаю.

Глаза Клео были печальны и серьезны, когда онъ поднялся съ мѣста.

— Впередъ-то не ввязывайтесь вы въ эти мерзкіе подкупы,— сказала она.

— И въ томъ, что не ввяжусь, можете быть увѣрены,—отвѣтилъ онъ.—Да, вотъ еще что, записку-то надо доставить Бобу... Не дойдете ли вы сами до него? Вы найдете его въ нашей конторѣ. Это было-бы необычайно мило, Клео, такъ какъ, знаете, дѣло идетъ о жизни или смерти, и если вы возьметесь, то я буду увѣренъ, что сдѣлаете.

— Да, я пойду, Томъ. Но ни для кого на свѣтѣ я бы не пошла нынѣшнимъ вечеромъ.

— Знаю это, мой ангелъ!... Ну, прощайте!... Если вздумаете подышать воздухомъ Канады, дайте мнѣ знать объ этомъ черезъ Боба. До свиданія...

Бреннану нужны были деньги, и онъ твердымъ и быстрымъ шагомъ направился къ дому Дэвиса. Дойдя до Куртнэ-Стрита, онъ пошелъ тише, зорко оглядываясь изъ опасенія агентовъ, всматриваясь въ тѣни, которыя мелькали на другой сторонѣ улицы. Противъ дома Дэвиса горѣла лампа, бросая кругомъ красноватый свѣтъ. Бреннану показалось, будто въ глубокой впадинѣ двери притаилась круглая шляпа. Надо было соблюдать большую осторожность: онъ повернулъ назадъ, прошелъ переулкомъ и остановился передъ кухонною дверью, выходившею на сосѣднюю улицу.

Мери отперла ему и очень удивилась, увидавши пастора, вмѣсто Тома.

— Что новаго?—сказалъ онъ. — Мнѣ нужно видѣть мистера Дэвиса.

— Какъ, мистеръ Бреннанъ, это вы?

— Собственною особой. Впустите меня, милая Мери, я хочу сдѣлать сюрпризъ патрону.

— Охъ, и большой же вы плутъ! — смѣясь, воскликнула Мери, большая любительница подобныхъ шутокъ.

Онъ пошелъ по лѣстницѣ, грозя пальцемъ служанкѣ, которой все это представлялось забавною комедіей.

Въ библіотекѣ никого не было, но открытое бюро, маленькій столикъ съ шоколадомъ, бумаги, лежащія на стульяхъ, все доказывало, что Желѣзный Герцогъ вышелъ только на минуту. Ясно было, что онъ собирается уѣхать.

Когда Дэвисъ вернулся, Бреннанъ пилъ шоколадъ, сдвинувши шляпу на затылокъ и присѣвши на край стола. Дэвисъ остановился въ недоумѣніи.

— Кто вы?

Бреннанъ сдѣлалъ довольную гримасу.

— Въ этомъ я былъ увѣренъ! Чудесно, меня нельзя узнать.

Дэвисъ узналъ его по голосу и заговорилъ непріязненнымъ, раздраженнымъ тономъ.

— А, вы? Для чего же это вы такъ нарядились? Я думалъ, что вы уѣхали.

— Нѣтъ еще,—отвѣтилъ Бреннанъ холодно.

— Ну, какъ же идутъ дѣла?

— Генералъ, пляска началась.

— И значитъ это?

— Значитъ, что Голвей признался и удралъ, или удралъ и признался.

Дэвисъ тяжело опустился на стулъ и глухо зарычалъ сквозь зубы:

— Предатель проклятый! Его-то я и боялся... А Фуксъ?

— Фуксъ тоже уѣхалъ. Новость дня состоитъ въ томъ, что мы всѣ бѣжали. Вотъ послѣднія газеты,— добавилъ онъ, вынимая изъ кармана нѣсколько листовъ.

Дэвисъ схватилъ одинъ изъ нихъ и пробѣгалъ глазами. Бреннанъ продолжалъ:

— Городъ просто бѣснуется, точно во время выборовъ... Пріятное чтеніе, не правда ли?—онъ заглядывалъ въ газету, черезъ плечо Дэвиса.—«*Дэвисъ опрокинутъ.—Желѣзный Герцогъ побитъ на голову.—Возмущенный народъ требуетъ заключенія его въ тюрьму*»... Одна колонка посвящена мнѣ, какъ видите.

Дэвисъ вышелъ, наконецъ, изъ себя. На него страшно было взглянуть.

— Проклятые псы! Теперь они накидываются на меня, когда сами ничѣмъ не рискуютъ. Когда публика была за меня, они мои ноги лизали!

Онъ метался по комнатѣ, комкая и разрывая газеты, дрожа отъ злобы.

— Да я имъ покажу... чортъ ихъ задави! Я съ ними еще поборюсь! Поборюсь на смерть. Они узнаютъ, дамъ ли я себя зарѣзать, какъ баранъ!

Бреннанъ сидѣлъ на краю стола, слѣдя за припадкомъ гнѣва своего патрона.

— Безполезно, генералъ! — сказалъ онъ тихо, когда Дэвисъ почти упалъ на стулъ.—Бороться вы не можете.

— Я не могу? Почему я не могу?

— Потому что нельзя бороться съ цѣлымъ народомъ. Этихъ

безумцевъ охватила манія добродѣтели, а мы... мы козлы отпущенія. Ничего подобнаго я не видывалъ. Газеты преисполнились добродѣтелью, весь воздухъ ею пропитанъ. Легислатура парализована. Со времени дѣла Движимаго Кредита не было ничего подобнаго. Они давятъ насъ, какъ мокрицъ, чтобы спасти свои мерзкія головы. Они хотятъ показать на насъ ужасающій примѣръ. Нынѣшнимъ вечеромъ собрался митингъ, чтобы выразить свое негодованіе, осрамить законодателей, уничтожить кулуары, прикончить Желѣзнаго Герцога и его начальника штаба.

Дэвисъ всталъ.

— Это-то и бѣситъ меня! Все это существовало, съ ихъ вѣдома, много лѣтъ... полстолѣтія... и теперь они кидаются на меня... на меня одного!

— Надо полагать, что всему есть граница.

— Граница! Да, два поколѣнія жили подкупами, обдѣлывая всякія дрянныя дѣлишки... а когда мнѣ удается наладить хорошее, полезное для милліона людей, причемъ я вынужденъ прибѣгнуть къ подкупу тѣми условіями, въ которыя поставлено законодательство, они находятъ, что есть границы! Къ чорту такихъ безумцевъ!

— Не горячитесь, патронъ. Надо быть потише.

— Потише!—зарычалъ Дэвисъ.—Да если я...

Вдругъ онъ будто вспомнилъ что-то, подошелъ къ двери и заперъ ее на ключъ. Бреннанъ слѣдилъ за нимъ подозрительно.

— Вы это для чего же сдѣлали?

— Чтобы не вышла Эленъ.

— Развѣ она здѣсь?—спросилъ Бреннанъ.

— Да, пріѣхала вечеромъ. Не занимайтесь ею. Садитесь, надо обсудить дѣло, — сказалъ онъ спокойнѣе, съ своею прежнею авторитетностью.

— Давно бы такъ! Теперь вы говорите какъ человѣкъ разсудительный. Не забывайте, что и я залѣзъ въ эту кашу.

— Вы! а, да, забылъ было. Что же вы не слѣдуете примѣру Фукса?—спросилъ онъ насмѣшливо.

— Идея не дурная,—отвѣтилъ Бреннанъ,—только поздно немного.

— Что вы хотите сказать?

— Проходя сюда, я видѣлъ одного человѣка, стоящаго на той сторонѣ улицы. За домомъ присматриваютъ. Насъ могутъ арестовать черезъ какой-нибудь часъ.

— Этого не сдѣлаютъ!

— Неужели не сдѣлаютъ? Такъ я же вамъ скажу, не полагайтесь вы на людей, взявшихъ васъ на поруки. Дня черезъ два они отступятся, не могутъ они противиться давленію.

— Вы не знаете людей, поручившихся за меня. Вѣдь, они...

— Члены правленія нашего общества. Тѣмъ скорѣе они насъ предадутъ. Повторяю вамъ, мы попались. Общество вотъ-вотъ рухнетъ... У васъ есть наличныя деньги?

— Нѣсколько сотъ долларовъ. На что вамъ?

— Могутъ намъ понадобиться. Погасите-ка лампу.

Дэвисъ повернулъ кнопку. Бреннанъ подошелъ къ окну и посмотрѣлъ на улицу.

— Ага! вонъ онъ, въ дверяхъ погреба... За нами присматриваютъ. Это агентъ, нанятый Геллемъ, вашимъ поручителемъ. Ему приказано наблюдать за тѣмъ, кто приходитъ къ вамъ и кто отъ васъ уходитъ, и слѣдить за вами самими. Понимаете? Теперь мой планъ таковъ: вы надѣнете старое пальто и старую шляпу и скроетесь чернымъ ходомъ...

— Этого не будетъ. Не стану я удирать какъ кошка.

Бреннанъ начиналъ раздражаться.

— Тутъ уже не до соблюденія собственнаго достоинства. Положеніе такое: или удирать, или пятнадцать лѣтъ принудительныхъ работъ въ тюрьмѣ для каждаго изъ насъ.

— Пятнадцать лѣтъ!... Что вы говорите?

— Говорю, если насъ снова арестуютъ, то уже не выпустятъ на поруки. Повторяю вамъ, эта чортова публика забрала себѣ въ голову показать на насъ примѣръ, и сдѣлаетъ это навѣрное.

Дэвисъ поблѣднѣлъ.

— Пятнадцать лѣтъ!

— Ни больше, ни меньше... если мы не утечемъ сегодня ночью. Насъ могутъ законопатить въ швальню или въ кожевню. Не весело это для такихъ дѣльцовъ, какъ мы... Нѣтъ, лучше таскаться по дорогамъ въ Аркадіи, чѣмъ строчить здѣсь ремни подъ замкомъ.

Дэвисъ сидѣлъ, низко опустивши голову.

— А Эленъ!—проговорилъ онъ, какъ бы самъ съ собой.

— Преотлично останется здѣсь, окруженная друзьями. На дняхъ мы пришлемъ за нею. Если мое средство вамъ не нравится, то придется принимать ее въ полосатомъ костюмѣ и разговаривать съ нею изъ-за рѣшетки... Да въ такихъ обстоятельствахъ я бы оставилъ мать родную на смертномъ одрѣ... Не желаю я прогуливаться на одной цѣпи съ ворами и разбойниками. Пойдемте, времени терять нельзя, надо спасаться сейчасъ же.

Онъ искренно пытался разъяснить Дэвису опасность положенія. Тотъ вздрагивалъ только.

— Боже мой, какія вы картины рисуете!

Бреннанъ, оставивъ шутливый тонъ, заговорилъ горячо и рѣзко.

— Я и половины не высказываю! Для насъ съ вами это будетъ настоящій адъ! Вы привыкли распоряжаться ежедневно сотнями тысячъ долларовъ, командовать пятью тысячами служащихъ, тысячью вагоновъ, вы, финансистъ, человѣкъ большого дѣла, принуждены будете работать изъ-подъ неволи, пробивать дыры въ ремняхъ по десяти часовъ въ день...

— Довольно!—крикнулъ Дэвисъ съ помертвѣвшимъ и искаженнымъ лицомъ.—Вы хотите меня свести съ ума!

— Я стараюсь вывести васъ изъ оцѣпенѣнія. Уѣзжать надо сію минуту.

Дэвисъ скрежеталъ зубами.

— Не поѣду... останусь и буду бороться... Дайте мнѣ списокъ людей, которыхъ вы подкупали... скорѣе! Поѣду я не одинъ.

— Вотъ этого-то я не сдѣлаю! — холодно отвѣтилъ Бреннанъ.

— Почему?

— Потому, что имъ полный разсчетъ дать намъ возможность скрыться. Я не могу и не хочу выдавать пріятелей. Къ тому же въ нашей игрѣ это большой козырь. Имъ я не измѣню теперь.

— Но вы предали бы меня, еслибъ это нужно было!—воскликнулъ Дэвисъ.

То было новое, совершенно лишнее, оскорбленіе. Бреннанъ отвѣтилъ съ убійственнымъ спокойствіемъ:

— Я же говорю вамъ, что родного брата не пощажу, чтобъ избѣжать замковъ и рѣшетокъ... Но дѣло вотъ въ чемъ, мнѣ нужно немного денегъ. Дайте, сколько можете.

Дэвисъ машинально подалъ ему пачку кредитныхъ билетовъ.

— Вотъ, берите... берите все, мнѣ они не нужны.

Бреннанъ положилъ билеты въ карманъ.

— Вы ихъ скоро получите обратно. Я отправилъ кое-что про запасъ туда, гдѣ это можетъ мнѣ пригодиться, но получить ихъ тотчасъ же неудобно. Благодарю васъ. Я вышлю вамъ чекъ. Вамъ понадобятся всѣ ваши средства, если вы хотите продолжать борьбу... Но лучше бы вамъ уѣхать, Дэвисъ!

— Нѣтъ, я остаюсь.

— Ну, такъ до свиданія. А уѣхать легко, стòитъ только добраться до рѣки. Все налажено. Тамъ насъ ждутъ друзья съ паровою яхтой.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и вернулся. Ему не хотѣлось покидать Дэвиса, такъ какъ онъ зналъ, что тотъ остается на неминуемую гибель. Бреннанъ положилъ руку на его плечо.

— Уѣдемте, патронъ. Оставаться—чистѣйшее безуміе!

— Нѣтъ, говорю я вамъ, я остаюсь.

— Ну, какъ хотите!... Если передумаете, дайте знать Тиму Шехену черезъ Боба, онъ поможетъ вамъ.

Бреннанъ вышелъ и осторожно затворилъ за собою дверь.

Дэвисъ долго сидѣлъ за столомъ, погруженный въ думы. Онъ хорошо сознавалъ справедливость всего сказаннаго Бреннаномъ. Въ безвыходности положенія не могло быть сомнѣнія. Его состояніе, его вліяніе сгибли окончательно въ катаклизмѣ негодованія общества.

Дэвисъ быстро собралъ раскиданныя бумаги, привелъ ихъ въ порядокъ и разложилъ на мѣста, по ящикамъ. Потомъ заперъ дверь и сѣлъ, чтобы еще разъ, въ послѣдній разъ, обсудить, что можно сдѣлать. Онъ былъ въ положеніи человѣка, окруженнаго со всѣхъ сторонъ горящимъ лѣсомъ. Вся разница была въ томъ, что жизнь его нисколько уже не манила.

Къ рѣшенію вопроса онъ приступилъ рѣшительно и спокойно. Эленъ была обезпечена небольшимъ капиталомъ, положеннымъ на ея имя, и у Тётля было состояніе. Дэвисъ съ необычайнымъ хладнокровіемъ взвѣшивалъ такія разсужденія: пережить заключеніе въ тюрьмѣ онъ не могъ. А смерть осужденнаго лучше ли, чѣмъ... смерть теперь? Въ томъ или иномъ случаѣ горе Эленъ будетъ ужасно. Но не меньше ли пострадаетъ она, если это теперь случится?

Онъ всталъ, принесъ изъ уборной чемоданъ, досталъ изъ него потайной фонарь, фуражку и фуляръ. Разбросалъ все это по полу, опрокинулъ кресло у письменнаго стола, чтобы все имѣло такой видъ, будто тутъ происходила борьба. Потомъ онъ отворилъ окно и положилъ на подоконникъ стальной ломъ.

Въ эту минуту раздался звонъ колокола, оповѣщавшій о пожарѣ. Дэвисъ вернулся къ столу, снялъ жакетку и жилетъ и положилъ на стулъ у двери въ уборную.

Наконецъ, онъ взялъ револьверъ, осмотрѣлъ его, приставилъ дуло сначала къ виску, потомъ къ затылку. Повидимому, Дэвисъ боялся, что звукъ выстрѣла встревожитъ Эленъ. Отворенная въ уборную дверь привлекла вниманіе Желѣзнаго Герцога. Онъ осторожно прошелъ въ уборную, лѣвой рукой затворилъ за собою дверь и прислонился къ ней.

Черезъ секунду глухо раздался выстрѣлъ. Дверь отворилась подъ тяжестью тѣла, и Дэвисъ упалъ въ библіотеку лицомъ внизъ...

. . . .

Было девять часовъ утра, когда Бреннанъ поднялся на палубу подышать свѣжимъ воздухомъ. Яхта выходила въ море. Справа и слѣва зеленѣли холмы, подошвы которыхъ терялись въ желтомъ пескѣ. Рыбачьи лодки скользили, слегка накренившись подъ слабылъ вѣтеркомъ. Матросы пѣли, капитанъ прохаживался, заложивши руки въ свой бѣлый вестонъ, и беззаботно посвистывалъ.

Бреннанъ вспрыгнулъ на палубу и отозвался высокою теноровою нотой. Капитанъ оглянулся.

— Ну, дорогой мой, какъ чувствуете себя?

— Лучше, чѣмъ когда-либо въ жизни!—отвѣтилъ Бреннанъ радостно.—Видъ-то какой чудный! Вѣтеръ юго-западный, день будетъ восхитительный.

— Въ такіе дни на морѣ-то лучше, чѣмъ на желѣзной дорогѣ?

— Еще бы!

И онъ, съ сіяющимъ лицомъ, весело запѣлъ:

Сверкаетъ море передъ нами,
Надъ нами ясная лазурь,
Бѣжитъ корабль подъ парусами,
Ему не страшны вопли бурь!
Оге, впередъ!
Несись впередъ моя галера!...

— Знаете, капитанъ, съ превеликимъ удовольствіемъ я бы позавтракалъ!

У порога.

(Изъ Маріи Конопницкой).

У порога синій сумракъ стынетъ, притаясь,
Въ бѣдной хатѣ, въ душной хатѣ умираетъ Ясь;
Онъ лежитъ подъ образами—блѣденъ, недвижимъ...
— Дѣва, Матерь Пресвятая, смилуйся надъ нимъ!

Не успѣетъ въ темномъ небѣ свѣтъ зажечь звѣзда,
Улетитъ душа изъ тѣла дымкой навсегда,
И скорѣй, чѣмъ надъ землею слезы ночь прольетъ,
Станетъ камнемъ это сердце—навсегда замретъ.

Онъ ужъ видитъ зорь небесныхъ чистый свѣтъ кругомъ,
Божьи теплятся зарницы голубымъ огнемъ,
Тѣни носятся роями—легкія, какъ дымъ...
— Дѣва, Матерь Пресвятая, смилуйся надъ нимъ!

Слышенъ шепотъ, слышны звуки... Меркнетъ свѣтъ небесъ,
Скоро солнце тихо сядетъ за дремотный лѣсъ...
Тамъ, вдали, за чернымъ лѣсомъ коситъ смерть траву,
А въ избѣ вздыхаетъ кто-то, бредитъ на яву...

— Изъ какой страны, родная, звуки тѣ плывутъ?
— Тише, Ясь,—сверчокъ за печкой притаился тутъ
И скрипитъ—заводитъ пѣсню голоскомъ своимъ...
Дѣва, Матерь Пресвятая, смилуйся надъ нимъ!

— Не сверчокъ зоветъ, родная, кличетъ не сверчокъ,
То органы стройныхъ звуковъ разлили потокъ,—
Разлили потоки звуковъ по тропинкамъ тѣмъ,
По которымъ ухожу я, отхожу совсѣмъ...

— Изъ-за лѣса показался блѣдный рогъ луны,
Только лѣсъ сіяньемъ облитъ, но поля темны,
И еще клубится сумракъ синею волной,—
Будешь жить, мой ненаглядный, будешь жить, родной!

Въ хатѣ носятся чуть слышно звуки, голоса,
Тамъ, вдали, за чернымъ лѣсомъ звякаетъ коса,
Тамъ, вдали, за чернымъ лѣсомъ клонится трава,
Кто-то стонетъ, кто-то шепчетъ жалобы слова...

— Это кто, родная, горько плачетъ за окномъ?
— Это вѣтеръ, ненаглядный, вѣткой бьетъ по немъ,
Это листъ шуршитъ опавшій, вѣтеркомъ гонимъ...
Дѣва, Матерь Пресвятая, смилуйся надъ нимъ!

— Ночь зари потухшей краски не успѣла смыть,
Будешь жить еще, родимый,—будешь, будешь жить,
И пока роса не пала капельками слезъ,
Жизнь отъ Яся не отниметъ благодатныхъ грёзъ!

Затихаетъ Ясь—все тише, тише и блѣднѣй...
Тамъ, вдали, за чернымъ лѣсомъ звонъ косы слышнѣй,
Точитъ смерть косу за лѣсомъ, слышенъ стукъ бруска,
И трава печально никнетъ, пышно-высока.

— Что, родная, такъ грохочетъ, такъ гремитъ вдали?
— На рѣкѣ то, милый, волны споръ свой завели.
Успокойся, это—волны льнутъ однѣ къ другимъ...
Дѣва, Матерь Пресвятая, смилуйся надъ нимъ!

— Ой, родимая, не волны завели тамъ споръ,
То стучитъ, не уставая, по стволу топоръ,—
Онъ стучитъ и колетъ доски: здѣсь подъ дубомъ мать
Будетъ сына со слезами скоро погребать.

— Въ небѣ тихія зарницы свѣтятся еще,
Не глядятъ сквозь мракъ на землю звѣзды горячо,
Не блеститъ роса на полѣ, нѣжно серебрясь,—
Будешь жить еще, мой милый, ненаглядный Ясь!

За минутою минута въ вѣчный мракъ летитъ,
Кто-то жаркія молитвы въ хатѣ все твердитъ,

А вдали, за чернымъ лѣсомъ слышенъ звонъ косы;
Ночь идетъ, идетъ съ кувшиномъ зачерпнуть росы...

— Что, родная, тамъ далеко такъ шумитъ-гудётъ?
— Это, милый, слышенъ вѣтра по полямъ полетъ,
То колосья вѣтеръ треплетъ, что-то шепчетъ имъ...
Дѣва, Матерь Пресвятая, смилуйся надъ нимъ!

— Ой, родная, то не вѣтеръ колосъ гнетъ къ землѣ,
Это крыльевъ лебединыхъ слышенъ плескъ во мглѣ,
Скоро грубую сермягу, чуть сгустится мгла,
Серебристый пухъ прикроетъ теплаго крыла...

Крылья мчатъ меня высоко, мчатъ въ далекій свѣтъ...
Надо всѣмъ, что̀ будетъ только и чего ужъ нѣтъ...
Къ успокоенному морю мчатъ—на глубину,
Я лечу въ нее... О, Боже,—я тону! тону!...

— Скоро ночь совсѣмъ туманомъ затемнитъ зарю,
Взмахъ послѣдній нужно сдѣлать смерти-косарю.
Ночь наполнила росою до краевъ кувшинъ,—
Ужъ недолго ты со мною проживешь, мой сынъ!

И плыветъ-плыветъ мгновенье тихо, не спѣша,
Возвращается съ другого берега душа,—
Возвращается изъ темной бездны-глубины...
— Отзовись! Скажи, какіе снятся, милый, сны!

— Что, родная, тамъ бѣлѣетъ—видишь, у дверей?
— То сверкаетъ ленъ въ кудели серебра бѣлѣй,
Это пряжа серебрится тонкимъ льномъ своимъ...
Дѣва, Матерь Пресвятая, смилуйся надъ нимъ!

— Ой, не бѣлый лёнъ, родная, то не бѣлый лёнъ,
Это лиліи киваютъ мнѣ со всѣхъ сторонъ;
Для меня просторъ сверкаетъ млечнаго пути
И душа моя съ порога хочетъ отойти...

Тамъ, вдали, за чернымъ лѣсомъ звонъ затихъ косы
Смерть о саванъ вытираетъ капельки росы,
Съ лезвія стираетъ капли ѣдкихъ слёзъ земли,
Что на травы полевыя горько протекли.

— Нѣтъ, родимая! То хата плачетъ надо мной,
То кукушка мнѣ вѣщаетъ часъ послѣднiй мой,
Это крыша мнѣ пророчитъ близкую судьбу,
Что другая будетъ крыша у меня въ гробу...

У порога синiй сумракъ почернѣлъ, сгустясь,
Въ бѣдной хатѣ, въ душной хатѣ умеръ бѣдный Ясь.
Онъ лежитъ подъ образами—блѣденъ, недвижимъ...
— Дѣва, Матерь Пресвятая, смилуйся надъ нимъ!

Мих. Гербановскiй.

ФИЛЕМОНЪ И БАВКИДА.

(Разсказъ изъ временъ крѣпостного права.)

Село Протасово было отъ меня въ нѣсколькихъ верстахъ, и я въ лѣта своей невозвратимой молодости усердно посѣщалъ его, особливо во время осенняго и весенняго перелета вальдшнеповъ, которыхъ всегда въ это время было великое множество въ такъ называемомъ Протасовскомъ «паркѣ».

Паркъ этотъ, заброшенный и заглохшій, раскидывался десятинахъ на двадцати, если не больше, и служилъ всегда превосходнымъ притокомъ для высыпки вальдшнеповъ. Въ паркѣ этомъ, расположенномъ по отлогому склону горы, обращенному къ югу и спускавшемуся къ рѣкѣ Идолгѣ, прежде чѣмъ гдѣ-либо таялъ снѣгъ и обнажались проталинки, столь любимыя вальдшнепами, въ особенности когда по этимъ проталинкамъ гремятъ весенніе ручейки, заливая иломъ не вездѣ еще успѣвшій растаять снѣгъ.

Собственно говоря, это была просто-на-просто липовая роща, сохранившая названіе парка потому только, что когда-то дѣйствительно была паркомъ: имѣла нѣсколько затѣйливо разбѣгавшихся аллей, нѣсколько прудовъ съ искусственными островками, украшенными бесѣдками и статуями, а на мѣстахъ болѣе крутыхъ и обрывистыхъ виднѣлись таинственные гроты.

Когда-то на опушкѣ этого парка, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ горы, горделиво красовалась господская усадьба владѣльцевъ села Протасова съ террасами, бельведерами и съ церковью возлѣ самаго господскаго дома.

Когда-то въ этомъ домѣ гремѣлъ оркестръ крѣпостной музыки, подъ звуки котораго танцовались гавоты, менуэты, котильоны... Когда-то жилось тамъ и шумно, и весело: въ паркѣ сжигались потѣшные огни, раздавались хоры пѣсельниковъ и когда-то по тем-

нымъ аллеямъ весело расхаживали шумныя толпы гулявшихъ, а въ бесѣдкахъ и гротахъ разыгрывались цѣлые романы, полные нѣжной и пламенной любви и полные самоотверженія и поэзіи, романы такой любви, какою въ настоящее прозаическое время не только не умѣютъ любить, но даже ни оцѣнить, ни понять ея.

Казалось бы, господской усадьбѣ, столь прочно и красиво выстроенной, не должно быть и вѣку, но неумолимое время распорядилось по-своему: прежде всего оно уложило въ могилы первоначальныхъ владѣльцевъ этой усадьбы, а потомъ принялось за остальное. Усадьба давнымъ-давно превратилась въ безпорядочныя развалины, остались только слѣды кирпичнаго фундамента, указывавшіе на внутреннее расположеніе комнатъ дома, но и эти остатки успѣли мѣстами превратиться въ кучу мусора, поросшаго бурьяномъ и лопухами, и служившіе теперь удобнымъ пристанищемъ для разноцвѣтныхъ ящерицъ, съ быстротою молніи бѣгавшихъ по нимъ.

Аллеи парка поросли мелколѣсьемъ, бесѣдки и гроты поразвалились и сгнили, а пруды годъ отъ года мелѣли, покрывались плѣсенью, затягивались иломъ, зарастали камышомъ и, наконецъ, превратившись въ уродливыя ямины, также какъ и аллеи, начали зарастать мелколѣсьемъ.

Только одна церковь, обнесенная оградой, продолжала по-прежнему сіять въ небесной лазури своими позолоченными крестами и призывомъ колокола собирать подъ свои потемнѣвшіе своды внуковъ и правнуковъ первоначальныхъ своихъ прихожанъ, бывшихъ когда-то свидѣтелями какъ ея сооруженія и торжественно совершеннаго освященія, такъ и многаго другого, давно забытаго и исчезнувшаго съ лица земли...

Я очень любилъ бродить по этому парку даже и въ такое время, когда не было вальдшнеповъ и когда, взамѣнъ ихъ, онъ переполнялся соловьями и оглашался ихъ музыкальными трелями. Склонный всегда къ мечтательности, заберусь, бывало, въ этотъ паркъ, забьюсь въ его отдаленный уголокъ, засяду на какой-нибудь полуразвалившійся пень, сижу—и Богъ знаетъ, чего только не лѣзло тогда въ мою голову.

Любилъ я бродить и по той возвышенности, гдѣ когда-то красовалась усадьба. Видъ оттуда былъ дѣйствительно очаровательный: сперва разстилался паркъ, угрюмо покачивая верхушками столѣтнихъ липъ, а затѣмъ раскидывалась необъятная панорама, которой, казалось, не было ни конца, ни предѣла; потомъ бросалась въ глаза рѣка Идолга: она то причудливо извивалась по изум-

рудным̆ коврамъ поемныхъ луговъ, то скрывалась въ разбросанныхъ здѣсь и тамъ перелѣскахъ, то снова вырывалась оттуда и катилась по песчанымъ отмелямъ, образовавшимся послѣ ея вешняго разлива... Мѣстами Идолга перепруживалась мельницами, вокругъ которыхъ лѣпились разныя мельничныя постройки, почти всегда крытыя желѣзомъ и окрашенныя красною краской. А сколько селъ и деревень виднѣлось вокругъ!...

Разъ какъ-то попалъ я на эти развалины въ пасхальную недѣлю и невольно заглядѣлся на эту картину, какъ бы оживленную трезвономъ колоколовъ, раздававшимся съ нѣсколькихъ церквей, крикливымъ пѣніемъ богоносцевъ, быстро переходившихъ съ развѣвавшимися хоругвями и сіявшими на солнцѣ иконами изъ одной деревни въ другую. Повсюду слышалось пѣніе «Христосъ воскресе», и дѣйствительно все словно воскресло: воскресла природа послѣ долгой зимней спячки, воскресли люди, оживленные тепломъ и солнцемъ, и, видя всю эту картину, дѣйствительно словно воскресшую и ожившую, какъ-то особенно тяжело было смотрѣть на окружающія развалины, которымъ никогда не воскреснуть.

Однажды собрался я въ Протасовскій паркъ въ сопровожденіи мѣстнаго фельдшера, тоже страстнаго охотника. Фельдшеръ этотъ, происходившій изъ крестьянъ, обучался въ какой-то фельдшерской школѣ и почему-то брезгливо относился къ мужику; одѣвался онъ по-нѣмецки, говорилъ не иначе, какъ высокимъ слогомъ, и любилъ щегольнуть иностранными фразами, налету гдѣ-нибудь пойманными и заученными.

Чтобы попасть въ паркъ къ разсвѣту, намъ пришлось выѣхать изъ дома часовъ въ двѣнадцать ночи; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что часамъ къ десяти утра, вдоволь нашатавшись по парку, мы до того устали, что едва таскали ноги. Не менѣе насъ усталъ и нашъ благородный сеттеръ, начавшій подъ конецъ, какъ выражаются охотники, «чистить шпоры».

— Однако, — заговорилъ фельдшеръ, подходя ко мнѣ, — не найдете ли вы своевременнымъ и приличнымъ дать отдыхъ нашимъ утомившимся ногамъ и этому псу, который, кажется, утомился чуть ли не больше нашего... А вотъ à propos, — прибавилъ онъ, указывая на обвалившееся полусгнившее дерево, — и довольно комфортабельное канапе для совершенія этого, столь необходимаго отдыха.

— Пожалуй, отдохнемъ,—согласился я.

Но едва мы успѣли усѣсться и закурить папиросы, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ вдругъ выскочила изъ-за кустовъ пре-

хорошенькая левретка, завидѣвъ которую, медленно вскочилъ и нашъ сеттеръ. Пока собаки эти совершали обычныя собачьи церемоніи, практикуемыя при встрѣчахъ и новыхъ знакомствахъ, на тропинкѣ показался благообразный старичокъ подъ руку со старушкой, видимо слѣпой.

Оба были одѣты не только по-праздничному, но даже щепетильно: на старичкѣ былъ сюртукъ стариннаго покроя, высокій бѣлый галстукъ, бѣлое жабо и какой-то желтый жилетъ со стеклянными пуговочками, поверхъ котораго перевѣшивалась бисерная цѣпочка отъ часовъ. Лицо старичка было тщательно выбрито и только однѣ крошечныя бакенбарды, въ видѣ двухъ запятыхъ, какъ бы пятнали его свѣжее и розовое лицо сѣденькими волосами. На головѣ былъ картузъ въ видѣ низенькаго цилиндра съ большимъ козырькомъ, на рукахъ—бѣлыя фильдекосовыя перчатки, а изъ задняго кармана сюртука торчалъ кончикъ фуляроваго платка.

Не менѣе франтовато была одѣта и старушка: на ней было легкое свѣтлое платье съ фижмами, какой-то кружевной чепецъ съ розовыми лентами, на плечахъ накинута бѣлая кружевная косынка, а на рукахъ филейныя митенки.

Шли они довольно быстро и до того интимно о чемъ-то разговаривали, сопровождая свои разговоры жестами, что, кажется, ежели бы старушка не была слѣпа, то она была бы не прочь подарить своего элегантнаго кавалера и кокетливымъ взглядомъ. Они такъ были увлечены своимъ разговоромъ, что старичокъ, поровнявшись съ нами, даже не замѣтилъ насъ.

— Кузьмѣ Васильичу мое нижайшее почтеніе!— проговорилъ фельдшеръ, когда интересная парочка была возлѣ насъ.

Старичокъ вздрогнулъ, оглянулся, собрался было поклониться фельдшеру, но, увидавъ меня, почтительно приподнялъ картузъ, адресуя свое привѣтствіе первоначально ко мнѣ, а потомъ уже, фамильярно улыбнувшись фельдшеру, отвѣтилъ:

— Здравствуйте, Поликарпъ Захарычъ.

— Ахъ, это вы, Поликарпъ Захарычъ?—спросила вдругъ старушка, устремивъ свои оловянные глаза по направленію раздававшагося голоса фельдшера.

— Я, я, Прасковья Ивановна.

— Какъ поживаете?—жеманно спросила она.

— Мерси васъ... живемъ, отъ людей не отстаемъ.

— А супруга ваша, Неонила Капитоновна?

— Не отстаетъ и она... на-дняхъ пятаго родила...

Старушка словно какъ бы сконфузилась, покраснѣла, опустила глаза, а все-таки поздравила фельдшера съ новорожденной.

— Нашли съ чѣмъ поздравлять... Пора бы и совѣсть знать...

Старушка еще пуще сконфузилась.

— Ахъ, что вы! помилуйте,—проговорила она и вдругъ, перемѣнивъ тонъ, спросила торопливо:—Скажите, пожалуйста, Поликарпъ Захарычъ, правда ли, что въ нашъ городъ какой-то глазной докторъ пріѣхалъ, который превосходно бѣльма снимаетъ?... Правда ли это?

— Правда, правда,—поспѣшилъ я отвѣтить старушкѣ.

Услышавъ незнакомый голосъ, котораго она никакъ не ожидала, старушка слегка вздрогнула и шепотомъ спросила своего кавалера.

— Это кто такой, Кузьма Васильичъ?

Я поспѣшилъ отрекомендоваться.

Услыхавъ мою фамилію, Кузьма Васильичъ торопливо приподнялъ картузъ, а старушка сдѣлала книксенъ.

— Извините, милостивый государь,—проговорила она, смутившись.

Я поспѣшилъ успокоить ихъ, попросилъ Кузьму Васильича надѣть приподнятый картузъ, который онъ держалъ какъ-то на-отлетъ отъ головы, а старушкѣ сообщилъ, что самъ былъ свидѣтелемъ, какъ пріѣхавшій докторъ одному изъ моихъ служащихъ снялъ бѣльма.

— И видитъ?—вскрикнула старушка, всплеснувъ руками.

— Да, видитъ.

— Боже мой, вотъ счастье-то!—и, обратясь къ Кузьмѣ Васильевичу, прибавила:—Нѣтъ, Кузьма Васильичъ, какъ хотите, а свозите меня къ этому доктору... непремѣнно свозите и какъ можно скорѣе.

— Слушаю, Прасковья Ивановна, не просите пожалуйста... Будто я не понимаю вполнѣ естественнаго желанія вашего прозрѣть... Сегодня же попрошу у управляющаго дать мнѣ лошадку съ телѣжкой и завтра же свожу васъ въ городъ.

— Сейчасъ же попросите, благо мы идемъ къ управляющему.

— Сейчасъ же, Прасковья Ивановна,—успокоивалъ онъ ее.

— А вы къ управляющему направляете свои стопы?—спросилъ фельдшеръ.

— Къ нему, — отвѣтилъ Кузьма Васильичъ, — именинникъ вѣдь онъ сегодня, идемъ поздравить съ ангеломъ.

— Нельзя же,—жеманно прибавила Прасковья Ивановна:—

вѣжливость того требуетъ...—и вдругъ, измѣнивъ тонъ, какъ-то оживившись и даже разрумянившись, она прибавила:—Можетъ быть этотъ самый докторъ и меня вылѣчитъ... Господи!—чуть не вскрикнула она, всплеснувъ руками,—хоть бы однимъ глазкомъ на свѣтъ Божій посмотрѣть!... Посмотрѣть—и умереть...

— Зачѣмъ же умирать, Прасковья Ивановна? Мы съ вами не перестарки, поживемъ еще.

— Пойдемте, пойдемте скорѣе,—перебила его старушка и, сдѣлавъ въ мою сторону книксенъ, принялась тормошить за рукавъ Кузьму Васильича.

— Да куда вы торопитесь?—замѣтилъ тотъ, вынувъ часы:—одиннадцати часовъ нѣтъ еще... Кто же объ эту пору дѣлаетъ визиты? Мы съ вами, Прасковья Ивановна, поди не кое-какіе: въ Москвѣ живали, знаемъ эти порядки-то...

— Ну, ужъ вы пойдете балясничать,—перебила она, шутливо улыбаясь,—пойдемте, пойдемте... Тамъ на именинахъ успѣете еще побалясничать-то... Кстати и предметъ вашъ тамъ будетъ, дьяконица-то новая.

Кузьма Васильичъ расхохотался даже, видимо польщенный такимъ замѣчаніемъ.

— Нечего, нечего смѣяться,—перебила его Прасковья Ивановна, метнувъ на него своими бѣльмами.—Я хоша и не вижу, а уши-то все слышатъ...—и потомъ, опять затормошивъ Кузьму Васильича, прибавила:—пойдемте, пойдемте.

Тотъ снова приподнялъ картузъ, раскланялся со мною, и они пошли по тропинкѣ, ведущей вонъ изъ парка, а за ними побѣжала и левретка.

Странно какъ-то бросалась въ глаза эта молодившаяся парочка подъ тѣнью столѣтнихъ липъ, доживающихъ свой вѣкъ и среди этого всеобщаго разрушенія и замиранія.

— Кто это?—спросилъ я фельдшера.

— Ахъ, это очень курьезная парочка,—отвѣтилъ онъ.—Старичокъ былъ когда-то камердинеромъ Петра Ивановича Протасова, а старушка—камеристкой его супруги Афросиньи Павловны. Когда-то, говорятъ, Кузьма Васильичъ жениться хотѣлъ на Прасковьѣ Ивановнѣ... Не смѣю, впрочемъ, констатировать этотъ фактъ, такъ какъ мало интересуюсь этими полусумасшедшими субъектами.

— И что же?

— Барыня, говорятъ, не пожелала.

— Чѣмъ же они живутъ теперь?

— Какъ чѣмъ? Тѣмъ же, чѣмъ и другіе: получаютъ отъ конторы отсыпное, муку, пшено... У старика, говорятъ, деньжонки есть... много разнаго платья. Видѣли, щеголяетъ-то какъ?... При часахъ даже... У барина любимымъ камердинеромъ былъ... подарки получалъ... Помимо этого, портняжничаетъ немного, домишко свой имѣетъ, деревенскихъ ребятишекъ грамотѣ учитъ.

— А живутъ они вмѣстѣ?

— Вмѣстѣ неразлучно... они всегда вмѣстѣ... По праздникамъ вмѣстѣ въ церковь ходятъ и, кажется, до сихъ поръ влюблены другъ въ друга, точно Филемонъ и Бавкида,—прибавилъ онъ, щегольнувъ своими миѳологическими познаніями.

Свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ фельдшеромъ о влюбленной парочкѣ, оказались вѣрными, но слишкомъ краткими; почему я и рѣшаюсь пополнить ихъ еще нѣкоторыми, добытыми мною изъ достовѣрныхъ источниковъ.

Дѣйствительно Кузьма Васильичъ былъ когда-то камердинеромъ Петра Ивановича Протасова, а Прасковья Ивановича— горничной его супруги; но все это было очень много лѣтъ тому назадъ. Петръ Ивановичъ когда-то служилъ въ военной службѣ, совершилъ венгерскую кампанію, былъ слегка раненъ въ какомъ-то дѣлѣ, а по окончаніи кампаніи, въ чинѣ штабсъ-ротмистра, вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, гдѣ имѣлъ собственный домъ, переполненный челядью, доставшейся ему вмѣстѣ съ селомъ Протасовымъ по наслѣдству отъ отца. Въ деревнѣ Петръ Ивановичъ никогда не жилъ, а потому и не любилъ ея, а побывавъ въ Протасовѣ и увидавъ его развалины, махнулъ рукой на имѣніе и умчался опять въ Москву.

Въ Москвѣ онъ зажилъ на широкую ногу: бывалъ въ обществѣ, въ театрахъ, въ клубахъ... любилъ покутить, пошалить и дошалился, наконецъ, до того, что, влюбившись до безумія въ черноокую цыганку Фросю и не успѣвъ покорить ея сердца ни деньгами, ни оргіями, выкупилъ ее изъ табора и женился. Въ таборѣ Фрося была первою красавицей, первой пѣвуньей и весьма ласковой и симпатичной дѣвушкой; но, ставши барыней, Фрося сдѣлалась такой Афросиньей, что не приведи Господи!... Афросинья Павловна (такъ звали ее по отцу) оказалась женщиной до крайности сварливой, капризной, ревнивой, а въ довершеніе всего—до того злющей и мстительной, что ее всѣ возненавидѣли и въ то же время боялись, какъ огня. Малѣйшая бездѣлица выводила ее изъ себя и тогда она, словно потерявъ сознаніе, превращалась въ какую-то фурію. То казалось ей, что на нее косо взглянули, подали къ чаю

жидкія сливки, не такъ отвѣтили, какъ бы слѣдовало, нескоро исполнили ея приказаніе—и она принималась хлестать по щекамъ провинившихся, кричать, топать ногами и, докричавшись до истерики, падала въ изнеможеніи на постель и чуть не всю многочисленную дворню разгоняла разыскивать докторовъ.

Петръ Ивановичъ, не привыкшій къ такому шуму и столь бурнымъ сценамъ, а пуще всего не выносившій истерическихъ припадковъ, затѣялъ было воспользоваться примѣромъ Шекспира и укротить строптивую жену; но попытка эта кончилась тѣмъ, что Афросинья Павловна, чуть не выцарапавъ ему глаза, взяла да и убѣжала въ таборъ. «Плевать я на тебя, дурака, хотѣла»,—кричала она на весь домъ.

Петръ Ивановичъ сперва храбрился было:

— Врешь, шишимора,—кричалъ онъ,—врешь, вернешься...

Но такъ какъ шишимора не возвратилась, а Петръ Ивановичъ, до безумія привязавшійся къ ней, не походилъ на Шекспировскаго Петра, то онъ въ тотъ же день и откомандировалъ къ ней своего вѣрнаго Кузьму.

— Вотъ что, Кузьма, вели заложить коляску, да отправляйся-ка за ней.

— За кѣмъ это, сударь?—спросилъ Кузьма.

— За барыней.

— Я не смѣю, сударь.

Петръ Ивановичъ расхохотался даже:

— Ахъ, ты дуракъ, дуракъ!... Чужихъ женъ привозилъ бывало, а теперь вдругъ свою не смѣетъ. Дѣлай, что тебѣ приказываютъ... Ступай и скажи: баринъ, молъ, гнѣваются... такъ и скажи—гнѣваются, молъ и приказали, молъ, вамъ домой ѣхать...

— Слушаю-съ,—какъ-то нехотя пробормоталъ Кузьма и, пріфрантившись, поѣхалъ за барыней.

Но когда онъ возвратился не съ барыней, а съ синякомъ подъ глазомъ и оторваннымъ отъ фрака лацканомъ, то Петръ Ивановичъ тотчасъ же догадался, въ чемъ дѣло.

— Не поѣхала?—спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Что же она говоритъ?

— Не поѣду, говоритъ.

— Почему?

— Не могу знать-съ.

Петръ Ивановичъ выбѣжалъ на крыльцо, крикнулъ кучеру по-

давать коляску, которую не успѣли еще отложить, и поскакалъ самъ въ таборъ.

Таборъ принялся, разумѣется, заступаться за Фросю; поднялся шумъ, крикъ, ругань, потребовали выкупа и, только когда выкупъ былъ внесенъ, а таборъ угощенъ надлежащимъ образомъ, послѣдовало примиреніе, и Афросинья Павловна соблаговолила уважить просьбу мужа и возвратиться домой.

Съ той поры штабсъ-ротмистръ былъ приведенъ въ столь строгую дисциплину, что не смѣлъ пикнуть женѣ ни слова и утѣшалъ себя тѣмъ только, что принялся распѣвать солдатскія пѣсни, которыхъ зналъ великое множество. Жена, бывало, лупитъ башмаками горничныхъ по щекамъ, а штабсъ-ротмистръ ходитъ по заламъ и поетъ себѣ:

Наши жены—ружья заряжены,
Вотъ кто наши жены.
Наши сестры—сабли остры,
Вотъ кто наши сестры.

Одна только Прасковья Ивановна (или Паша, какъ звали ее тогда) умѣла какъ-то потрафлять барынѣ, почему и пользовалась ея особымъ благоволеніемъ. Барыня никогда даже пальцемъ не тронула Пашу, не сажала ее на цѣпь, чтò продѣлывала съ другими дѣвушками, которыхъ замѣчала въ частомъ исчезновеніи изъ дѣвичьей; отъ скуки призывала ее къ себѣ въ комнату, сажала на табуретку и учила ее гадать на картахъ и предсказывать судьбу по жилкамъ ладоней, а по праздникамъ брала ее даже съ собой, отправляясь кататься по улицамъ Москвы. Сама Афросинья Павловна говаривала, бывало, что никто, кромѣ Паши, не умѣетъ такъ хорошо причесать головы, обуть, одѣть и т. п.

Однимъ только не нравилось Пашѣ это барское благоволеніе, что ей волей-неволей приходилось торчать постоянно въ дѣвичьей и быть на стражѣ, что вотъ-вотъ сейчасъ позоветъ ее барыня. Другія дѣвушки имѣли время и за воротами посидѣть, и въ лавочку сбѣгать, и прогуляться даже, а она, несчастная, все сиди, да сиди и даже не смѣй помышлять о гуляньѣ. А ей такъ бы хотѣлось посидѣть за воротами, погрызть сѣмячки, особливо, когда за тѣми же воротами сидѣлъ щеголеватый и франтоватый бариновъ камердинеръ, котораго она, какъ только завидитъ, бывало, хотя бы издали,—то сейчасъ же вспыхивала яркимъ румянцемъ. Заглядывался на Пашу и Кузьма Васильичъ... Смотритъ, смотритъ на нее, бывало—глазъ отвести не можетъ и, вздохнувъ, прошепчетъ: «Ахъ и гдѣ же толь-

ко зародилась такая красота». А то лежитъ, бывало, навзничь на коникѣ въ передней, уткнется глазами въ потолокъ, а на потолкѣ-то Паша веселенькая такая, ласково смотритъ на него голубенькими глазами, привѣтливо улыбается, а на розовенькихъ щечкахъ двѣ ямочки... Онъ даже плюнетъ, бывало, вскочитъ на ноги и примется ходить по передней изъ угла въ уголъ. Точно такъ же и Пашѣ грезился, бывало, Кузьма Васильичъ. «Ахъ, хоть бы разокъ поговорить съ нимъ по душѣ!»—мечтала она.

И оба они только о томъ и мечтали, какъ бы имъ встрѣтиться гдѣ-нибудь и досыта наговориться. Наконецъ имъ удалось это. Они наговорились досыта и порѣшили тогда же при первомъ удобномъ случаѣ упасть барынѣ въ ножки, признаться ей въ своей взаимной любви и попросить ея благословенія на вступленіе въ законный бракъ.

Случай этотъ не замедлилъ представиться. И вотъ однажды, когда Афросинья Павловна была почему-то въ особенно добромъ расположеніи, Паша и открыла ей всю свою душу. Афросинья Павловна выслушала свою баловницу благосклонно, даже позволила ей приложиться къ ручкѣ, унизанной дорогими перстнями, погладила ее по головкѣ, ласково потрепала по щечкѣ, но согласія на замужство все-таки не дала.

— Ты съ ума сошла, Паша,—проговорила она,—какая же ты будешь мнѣ слуга, выйдя замужъ? Сама подумай: пойдутъ дѣти, придется кормить ихъ, нянчиться съ ними... Досугъ ли будетъ тебѣ за мной ухаживать. Не тебѣ за мной, а, чего добраго, мнѣ за тобой придется... Нѣтъ, нѣтъ, Паша, и думать не смѣй, лучше изъ головы выкинь.

Пришелъ было и Кузьма Васильичъ, палъ барынѣ въ ножки, побожился на иконы, что «по гробъ жизни оба они,—й онъ, и Паша,—не щадя живота, будутъ вѣрными рабами своихъ господъ»... Но все это кончилось тѣмъ, что Афросинья Павловна, возмутившись столь неслыханною неблагодарностью своей баловницы, отлупила ее, а кстати и Кузьму, по щекамъ, разгнѣвалась, раскричалась, а почувствовавъ приближеніе припадка, разогнала весь домъ за докторами.

Попытались было влюбленные обратиться за содѣйствіемъ къ Петру Ивановичу; но, замѣтивъ, что тотъ сталъ фертомъ и запѣлъ: «Бонапарту не до пляски—растерялъ свои подвязки», сочли за лучшее удалиться и покориться своей горькой участи.

Но когда, по истеченіи нѣкотораго времени, Паша, вопреки барской волѣ, все-таки родила, то Афросинья Павловна была на-

столько возмущена столь безстыднымъ поступкомъ своей горничной, что тотчасъ же собственноручно отрѣзала ей косу, приказала при себѣ же одѣть ее въ грубое посконное платье и немедленно же сослать и ее, и Кузьму въ деревню, въ Протасово, а Петра Ивановича заставила написать управляющему строжайшій приказъ слѣдующаго содержанія: «паскуду Парашку засадить за пяльцы, содержать въ черномъ тѣлѣ, не дозволять отпускать косы и сѣчь розгами каждую субботу, въ присутствіи всей дворовой челяди, а мерзавца Кузьку заставить пасть свиней и тоже сѣчь по субботамъ».

Нѣмецъ управляющій (тогда еще завѣдывалъ Протасовымъ управляющій нѣмецъ) съ нѣмецкой аккуратностью исполнилъ въ точности господское приказаніе: обулъ въ лапти Кузьму Васильича, надѣлъ на него самотканную рубаху и такіе же портки, далъ ему длинный кнутъ въ руки и заставилъ пасть свиней, а Пашу засадилъ за пяльцы. По субботамъ ихъ пороли въ назиданіе всей протасовской челяди, и такъ пороли бы долгое время, еслибы въ Протасово, на счастье сосланныхъ, не пріѣхалъ самъ баринъ Петръ Ивановичъ.

Онъ отмѣнилъ порку, освободилъ Кузьму отъ паствы свиней, а Пашѣ разрѣшилъ отпустить косу и по праздникамъ надѣвать ситцевое платье.

Молодые люди воспрянули духомъ и, ободренные столь великими милостями барина, отправились къ нему съ просьбой довершить благодѣяніе и разрѣшить имъ повѣнчаться. Баринъ принялъ ихъ ласково, пошутилъ съ ними, а когда они заикнулись насчетъ свадьбы, круто повернулся какъ-то на одной ногѣ, молодецки принялся крутить усы и громко запѣлъ: «Громъ побѣды раздавайся, веселися храбрый россъ», а повѣнчаться все-таки не дозволилъ: «Это не мое дѣло, просите барыню».

Однако возвратимся къ прерванному разсказу.

На слѣдующій день рано утромъ мимо моей усадьбы, расположенной какъ разъ на дорогѣ, ведущей изъ села Протасова въ городъ, ѣхала какая-то телѣжка, запряженная въ одну лошадь, а на телѣжкѣ сидѣли: мужчина, правившій лошадью, а рядомъ съ нимъ женщина съ распущеннымъ зонтикомъ въ рукахъ. Ѣхали они въ притрусочку и, судя по жестамъ, о чемъ-то разговаривали. Я тотчасъ же догадался, что то были Кузьма Васильичъ и Прасковья Ивановна, и поспѣшилъ выйти на дорогу.

— Здравствуйте! — крикнулъ я, когда телѣжка поровнялась со мной. — Въ городъ ѣдете?

Кузьма Васильичъ засуетился, остановилъ лошадь и приподнялъ картузъ.

— Такъ точно, сударь, въ городъ-съ.

Прасковья Ивановна узнала меня по голосу.

— Въ городъ, въ городъ, сударь, — заговорила она, улыбаясь, — къ доктору... Хочу попытать счастья... Богъ не безъ милости: можетъ и пожалѣетъ.

— А кстати, — заговорилъ Кузьма Васильичъ, понизивъ голосъ и кругомъ озираясь, какъ бы боясь, чтобы кто-либо не подслушалъ его, — хочу и еще кое о чемъ въ городѣ поразвѣдать, а то, вѣдь, въ деревнѣ-то ничего толкомъ не узнаешь... Положимъ, что болтать давно болтаютъ, но, вѣдь, сами изволите знать, сударь, деревенской болтовнѣ много довѣрять нельзя... Мало ли о чемъ наплетутъ.

— Ахъ, Кузьма Васильичъ, какіе вы, право...—перебила его Прасковья Ивановна. — Можетъ, барину непріятно даже подобные разговоры слушать... Не помните развѣ, какъ щемиловскій-то баринъ огнѣвался на васъ, когда вы про эту самую эманцыпацію заговорили... Кулакомъ по столу даже застучалъ: «А хочешь,—говоритъ,—я тебя за эти самыя слова къ исправнику отправлю?...» Надо разбирать,—добавила она жеманно,—на кого какіе разговоры могутъ дѣйствовать...

Я даже расхохотался.

— Слышите... слышите,—подхватила вдругъ Прасковья Ивановна, заслышавъ мой смѣхъ и вытаращивъ бѣльма на дѣйствительно переконфузившагося Кузьму Васильича.—Это баринъ надъ вами смѣется, надъ вашими неумѣстными разговорами... Развѣ такъ возможно...—чуть не вскрикнула она, укоризненно покачавъ головой.

Я поспѣшилъ успокоить ее, сообщилъ, что разсмѣялся совсѣмъ не надъ тѣмъ, надъ чѣмъ она полагаетъ, что эмансипаціи вполнѣ сочувствую, что искренно радуюсь за освобожденіе отъ рабства шестидесятимилліоннаго крѣпостного населенія, и въ то же время сообщилъ Кузьмѣ Васильевичу, что болтовня, существующая въ народѣ, не пустая болтовня, что дѣло освобожденія близится къ концу и что въ непродолжительномъ времени Россія будетъ такою же свободной, какъ и другія страны Европы.

— Да правда ли это? — вскрикнула Прасковья Ивановна, всплеснувъ руками.

— Правда, правда, — заговорилъ я, — а ежели не вѣрите, то пусть Кузьма Васильичъ на возвратномъ пути заѣдетъ ко мнѣ, и я

дамъ ему газеты, изъ которыхъ онъ подробно узнаетъ, въ какомъ именно положеніи находится дѣло освобожденія. Заранѣе могу васъ поздравить,— прибавилъ я,— что скоро вы будете свободны такъ же, какъ и я.

— Такъ это значитъ въ городѣ и толковать нечего объ этомъ.

— Конечно, нечего: изъ газетъ вы узнаете всѣ подробности.

— Въ такомъ случаѣ я заверну къ вамъ, сударь, безпремѣнно заверну. Ужъ не откажите, пожалуйте мнѣ газетки-то. Я ихъ мигомъ прочту и возвращу вамъ въ цѣлости.

— Только очень-то не зачитывайтесь, Кузьма Васильичъ,— подхватила Прасковья Ивановна, отыскавъ его руку и потрясая ее.— Вѣдь много-то читать то же, что въ пяльцахъ вышивать... Сохрани Господи глаза попортить! Вы и безъ того много книжками занимаетесь съ крестьянскими-то ребятишками. Сохрани Господи!...

— А вы развѣ отъ пяльцевъ зрѣніе-то потеряли?—спросилъ я.

— А не могу вамъ достовѣрно доложить, сударь, отъ чего,— заговорила Прасковья Ивановна, видимо лукавя, опасаясь открыть мнѣ правду.— То ли отъ пяльцевъ, то ли отъ пролитыхъ слезъ... Вышивала я много, сударь,— прибавила она, вздохнувъ,— очень много... А поплакала чуть ли не больше. А можетъ и Господь наказалъ за грѣхи тяжкіе...

И она поспѣшила достать платокъ изъ кармана, чтобъ отереть катившіяся изъ глазъ слезы.

Кузьма Васильичъ участливо посмотрѣлъ на нее и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Ну-съ, Прасковья Ивановна, — заговорилъ онъ весело,— вотъ вы сейчасъ нагоняй мнѣ задали, что я съ бариномъ про эманцыпацію заговорилъ... Ну-съ, а теперь что скажете? Кабы не заговорилъ, то и газетъ не было бы... Нѣтъ, теперь моя очередь пришла: теперь и я вамъ задамъ нагоняй.

— Что же, задавайте, коли заслужила.

— Задамъ, задамъ... Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, предполагать, что всѣ господа на щемиловскаго барина похожи. Есть и добрые и хорошіе... Ну-съ, что скажете?—вскрикнулъ онъ, захохотавъ и даже захлопавъ въ ладоши. — Что, переконфузились, небось?

Прасковья Ивановна дѣйствительно переконфузилась и не знала, какъ поправить свою вину, а Кузьма Васильичъ продолжалъ тѣмъ же веселымъ тономъ:

— Теперь, по правдѣ сказать, и барину слѣдовало бы задать

вамъ хорошую головомойку за то, что приравнивать всѣхъ господъ къ щемиловскому барину, что̀ хотѣлъ отправить меня къ исправнику, нельзя.

— Неужто я обидѣла васъ, сударь? — прошептала она, потупивъ глаза.

— Конечно, конечно, — заговорилъ я шутливо, — даже и очень... А чтобы загладить свою вину, я прошу васъ заѣхать ко мнѣ на возвратномъ пути извиниться передо мной и кстати взглянуть на мое житье-бытье.

Но едва я успѣлъ проговорить слово «взглянуть», какъ она моментально вздрогнула и чуть не вскрикнула:

— Такъ вы думаете, сударь, что я буду глядѣть?

— Увѣренъ даже въ этомъ.

— Вы не шутите?... Не смѣетесь надо мной?

— Непремѣнно, непремѣнно будете видѣть.

— Господи!—вскрикнула она опять, всплеснувъ руками.

— Вѣдь я разсказывалъ вамъ про своего служащаго, у котораго также были бѣльма и который теперь видитъ и ходитъ одинъ.

— Боже! — вскрикнула Прасковья Ивановна и принялась торопить Кузьму Васильича ѣхать поскорѣе въ городъ.

Сталъ накрапывать дождь. Кузьма Васильичъ вынулъ изъ рукъ Прасковьи Ивановны распущенный зонтикъ, сложилъ его, досталъ изъ-подъ себя какой-то суконный халатъ и, накрывъ имъ Прасковью Ивановну, распростился со мною и тронулъ лошадь.

— До свиданья! до свиданья, сударь! — кричала Прасковья Ивановна.

— Смотрите же, заѣзжайте.

— Безпремѣнно, безпремѣнно!—крикнули оба.

Кузьма Васильичъ пріударилъ, лошадь и телѣжка покатилась по гладкой дорогѣ, поднявъ цѣлое облако пыли.

Дождь покропилъ немного и пересталъ, словно это и не дождь былъ, а крупный жемчугъ, кѣмъ-то просыпанный на землю и только испестрившій собою толстый слой пыли, разстилавшійся по дорогѣ.

Въ тотъ же день, часовъ въ шесть вечера, я увидалъ какой-то экипажъ, запряженный четверкою, еле тащившійся по дорогѣ. Экипажъ этотъ заинтересовалъ меня, и я, вооружившись биноклемъ, вышелъ на балконъ. Оказалось, что то былъ дормезъ, дѣйствительно запряженный четверкою, а рядомъ съ дормезомъ шли три пѣшехода. Дормезъ, насколько я могъ разсмотрѣть, былъ всего о трехъ колесахъ, а вмѣсто четвертаго подвязана какая-то слега,

царапавшая по дорогѣ и поднимавшая густую струю пыли, разлетавшейся потомъ во всѣ стороны. Лошади шли шагомъ. Такъ какъ ни на козлахъ, ни на заднемъ сидѣньѣ дормеза никого не было, то я и предположилъ, что и ямщикъ и лакеи шли пѣшкомъ, а третій пѣшеходъ, по всей вѣроятности, былъ хозяинъ дормеза, оставившій его по случаю сломавшагося колеса. Предположеніе мое подтвердилось, какъ нельзя лучше, такъ какъ одинъ изъ пѣшеходовъ побѣжалъ по направленію къ моей усадьбѣ, а немного погодя, стоялъ уже передъ моимъ балкономъ.

— Не вы ли будете господиномъ этой усадьбы?— спросилъ онъ меня.

— Да, я.

— Меня баринъ къ вамъ послали... Колесо у насъ разсыпалось, и вотъ уже верстъ шесть мы идемъ пѣшкомъ... Баринъ приказали просить васъ, не можете ли вы имъ одолжить хоть телѣжку какую ни на есть до дому доѣхать.

— А кто твой баринъ?

— Господинъ Протасовъ Петръ Ивановичъ.

— Такъ вы вѣроятно въ Протасово ѣдете?

— Такъ точно-съ.

— А баринъ одинъ или съ барыней?

— Одни-съ.

— Такъ передай барину, что я прошу его завернуть ко мнѣ напиться чаю, а пока я прикажу запрячь ему тарантасъ.

— Слушаю-съ.

И лакей опять побѣжалъ къ продолжавшему тащиться по дорогѣ дормезу. Вскорѣ Протасовъ былъ у меня.

— Штабсъ-ротмистръ Протасовъ!—отрекомендовался онъ.— Извините, что, можетъ быть, обезпокоилъ васъ и что являюсь къ вамъ такимъ чумазымъ и запыленнымъ.

— Умыться не желаете ли?—предложилъ я ему.

— Весьма былъ бы вамъ обязанъ.

Я позвалъ человѣка, приказалъ провести барина въ кабинетъ, подать умыться и вычистить платье.

Протасовъ расшаркался, разсыпался въ любезностяхъ, еще разъ извинился, что обезпокоилъ меня, подшутилъ, что вольно же мнѣ было поселиться на большой дорогѣ—и ушелъ въ кабинетъ.

Полчаса спустя, онъ снова былъ уже на балконѣ чистенькій, умытый, съ припомаженными волосами и нѣсколько надушенный.

Это былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, съ сильно пробивавшеюся въ черныхъ волосахъ просѣдью, съ очень красивымъ и типич-

нымъ лицомъ и съ большущими черными глазами, полными огня и жизни. Одѣтъ онъ былъ по-дорожному и видимо питалъ слабость къ костюмамъ военнаго покроя. На немъ была черная венгерка изъ тонкаго сукна съ петлицами, рейтузы, заправленные за щегольскіе сапоги, и какой-то кавалерійскій картузъ. Онъ опять расшаркался со мною, протянулъ мнѣ выхоленную руку, украшенную дорогими перстнями и поблагодарилъ за оказанный радушный пріемъ.

— Въ деревню ѣду,—заговорилъ онъ, садясь за чайный столъ и наливъ въ стаканъ коньяку.—Ѣду и заранѣе предвижу ту тосчищу, которая ожидаетъ меня тамъ въ этихъ развалинахъ и въ этомъ всеобщемъ разрушеніи.

— А мнѣ этимъ-то именно и нравится ваше Протасово,—замѣтилъ я.

— Конечно, это дѣло вкуса. C'est selon... Но,—прибавилъ онъ, покручивая красивый усъ и метнувъ на меня выразительнымъ взглядомъ:—у меня вкусъ совсѣмъ иного сорта. Я люблю только то, что, такъ сказать, клокочетъ жизнью, полно жизни, а не корчится въ предсмертной агоніи. Я самъ живу и требую, чтобъ все жило вокругъ меня... Я вотъ сейчасъ даже,—вскрикнулъ онъ, указывая своею красивою рукой на только что привезенный поломанный свой дормезъ,—не могъ высидѣть въ этомъ искалѣченномъ дормезѣ и, несмотря на жарищу и пыль, выскочилъ на дорогу и пошелъ пѣшкомъ.

Протасовъ пробылъ у меня часа два. Онъ много говорилъ по поводу крестьянской реформы. Объявилъ, что пріѣхалъ въ деревню по совѣту многихъ своихъ знакомыхъ съ цѣлью, не дожидаясь эмансипаціи, отпустить на волю всѣхъ своихъ крестьянъ и предупредить тѣмъ самымъ надѣленіе ихъ землей; но что дорогой, обдумавъ и обсудивъ надлежащимъ образомъ эту комбинацію, пришелъ къ тому заключенію, что это будетъ съ его стороны великою подлостью.

— Помилуйте,—горячился онъ:—что же будетъ дѣлать мужикъ безъ земли? Положимъ, я сроду въ деревнѣ не жилъ, мужика не знаю; не знаю даже, что именно требуется для его благополучія, но, тѣмъ не менѣе, мнѣ все-таки думается, что мужикъ безъ земли пропадетъ, даже будучи свободнымъ... Вотъ распустить дворовыхъ, которыхъ у меня въ Протасовѣ великое множество, а въ Москвѣ чуть ли не больше,—я понимаю, если только правда, что надѣлять дворовыхъ землею не потребуется; но мужика... нѣтъ, нѣтъ, я на такую низость не пойду. Предложить я имъ предложу, но настаивать—сохрани меня Господи!

И, вскочивъ со стула, онъ принялся шагать по балкону.

— А я только что передъ вами видѣлся съ однимъ изъ вашихъ дворовыхъ,—проговорилъ я.

— Съ кѣмъ это?

— Съ Кузьмой Васильичемъ.

— Съ Листопадовымъ?

— Я не знаю его фамиліи, но знаю, что онъ былъ когда-то вашимъ камердинеромъ.

— Неужто онъ живъ? — вскрикнулъ онъ, остановившись и всплеснувъ руками.

— И живъ, и здоровъ.

— Очень, очень радъ буду повидать его... Онъ былъ всегда моимъ любимцемъ... Въ венгерскую кампанію всегда при мнѣ состоялъ... Преданъ мнѣ былъ, какъ собака... Да, я очень, очень любилъ его.

И вдругъ что-то вспомнивъ, спросилъ:

— Ну-съ, а возлюбленная-то его... какъ бишь ее звали-то?... Да, вспомнилъ: Паша... Она что? Умерла вѣроятно?

— Нѣтъ, и она жива.

— И здорова тоже?—спросилъ онъ, улыбаясь.

Я разсказалъ ему все, что только зналъ про Кузьму Васильича и про Прасковью Ивановну.

Протасовъ ужаснулся даже.

— Неужели ослѣпла?—чуть не вскрикнулъ онъ.

— Да, но, по всей вѣроятности, бѣльма будутъ сняты—и она прозрѣетъ.

— Ахъ, дай-то Богъ!... дай-то Богъ.

И пройдясь раза два по балкону, онъ прибавилъ:

— Да, по правдѣ сказать, обстоятельства такъ сложились, что я очень во многомъ виноватъ передъ ними... очень, очень во многомъ... Но,—вскрикнулъ онъ, откидывая назадъ, хотя и посѣдѣвшія, но все-таки роскошныя кудри,—я все-таки поправлю свою вину... Поздно, положимъ, но... mieux vaut tard que jamais.

Изъ только что сказаннаго я порѣшилъ, что вѣроятно супруга Протасова, Афросинья Павловна, умерла, и онъ, почувствовавъ себя свободнымъ, могъ распорядиться теперь по своему усмотрѣнію.

Вошелъ лакей Протасова и объявилъ, что лошади готовы.

— Отлично, превосходно!—вскрикнулъ Протасовъ и, протянувъ мнѣ руку, прибавилъ:—А теперь позвольте поблагодарить васъ за всѣ ваши одолженія, а главное—за ваше любезное госте-

пріимство. Очень, очень вамъ обязанъ!... Надѣюсь, что и вы навѣстите меня.

— Непремѣнно. Вы долго думаете пробыть здѣсь?

— И самъ не знаю.

Немного погодя, Протасовъ, наговоривъ мнѣ еще кучу любезностей, уѣхалъ.

— Вотъ баринъ-то добрѣйшій,—замѣтилъ мой лакей, проводивъ Протасова,—цѣлую трешницу на чай подарилъ.

— За что это?

— Должно, за то, что умываться подавалъ, да одежу почистилъ.—И затѣмъ какъ-то фыркнувъ и прикрывъ ладонью ротъ, добавилъ:—И чудакъ только, мотри...

— Почему?

— Да какъ же... Разговорился я за чаемъ съ лакеемъ его... Какъ, молъ, въ Москвѣ поживаете?... Есть ли барыня у васъ?

— У насъ, говоритъ, барынь сколько угодно... Настоящая-то состарилась, совсѣмъ старухой стала: и беззубая, и сѣдая, такъ мы, говоритъ, новыхъ завели: одну изъ цирка взяли, а другую прямо изъ моднаго магазина.

— А старая барыня жива, значитъ?—спросилъ я.

— Жива вишь... только теперь въ загонѣ: одна слава только, что барыня.

На слѣдующій день я собрался было къ Протасову, но онъ предупредилъ меня. На этотъ разъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ, опять наговорилъ кучу любезностей, просидѣлъ съ полчаса и уѣхалъ, а на другой день я отдалъ ему визитъ, и такимъ образомъ знакомство между нами завязалось форменное.

Нѣсколько дней спустя явился ко мнѣ и Кузьма Васильичъ. Онъ чуть не вбѣжалъ ко мнѣ въ кабинетъ, бросился мнѣ на шею и принялся цѣловать меня.

— Поздравьте, сударь,—кричалъ онъ, едва выговаривая слова,—вѣдь бѣльмо-то сняли съ одного глаза!

— А съ другого?

— А съ другого подождать приказалъ... Нельзя, говоритъ, вдругъ... повременить, говоритъ, надоть.

— А гдѣ же Прасковья Ивановна?—спросилъ я.

— Въ городѣ, сударь, осталась, въ городѣ... Я нашелъ ей квартирку. Такъ на квартиркѣ и живетъ и докторъ каждый день ѣздитъ... Ахъ, вотъ человѣкъ-то, вотъ душа-то!

— Ну что же,—перебилъ я его:—однимъ-то глазомъ видитъ Прасковья Ивановна?

— Видитъ, сударь, видитъ. Только много-то смотрѣть докторъ не позволяетъ, а только привелъ ее въ зальцу, указалъ на образъ: «Это что?» говоритъ.—Икона,—говоритъ Прасковья Ивановна.— «Какая?»— спрашиваетъ.— Спаситель,— говоритъ.— «Ну, такъ вотъ,—говоритъ,—помолитесь и отправляйтесь въ свою темную комнату».—Прасковья Ивановна помолилась, земной поклонъ положила, поплакала, конечно, отъ радости-то, и ушла себѣ въ свою темную комнату.

— Одна?—спросилъ я.

— Одна, сударь, одна,— закричалъ радостно Кузьма Васильичъ и, упавъ на кресла, не выдержалъ и заплакалъ, закрывъ руками лицо.

Я далъ ему время успокоиться, а потомъ сообщилъ ему о пріѣздѣ г. Протасова, о своемъ знакомствѣ съ нимъ и о томъ, что говорилъ онъ по поводу его и Прасковьи Ивановны.

— Баринъ-то онъ добрый, чего и толковать, ласковый, душевный, только, смѣю доложить, сударь: дѣло-то не въ немъ, а въ барынѣ. Не будь ея, нешто случилось бы это со мною и Прасковьей Ивановной. Ни въ жисть не случилось бы. А главное дѣло— она все.

Передалъ я ему и про слышанное мною о барынѣ, но за достовѣрность этого слуха не поручился, такъ какъ исходилъ онъ отъ протасовскаго лакея.

— А самъ-то баринъ ничего не говорилъ?

— Ни полслова.

— А можетъ и правда, — отозвался онъ. — Баринъ завсегда былъ охотникъ до красивыхъ. Можетъ и подъ старость сохранилъ эту привычку. А, впрочемъ, — прибавилъ онъ, вставая и взявъ картузъ:—поживемъ—увидимъ.

Я подалъ ему приготовленныя для него газеты.

— Премного вамъ благодаренъ, сударь. Только теперь надобности въ нихъ нѣтъ: все у доктора вычиталъ.

— Значитъ, убѣдились теперь, что дѣло эмансипаціи подходитъ къ концу?

— Убѣдиться-то убѣдился, только ждать этого конца не буду,—проговорилъ онъ,—а коли баринъ предложитъ мнѣ вольную, въ ту же секунду схвачу ее.

— А Прасковью Ивановну скоро привезете?

— Недѣльки черезъ три, не раньше, сударь: такъ докторъ приказалъ.

Не прошло и недѣли, какъ Протасовъ опять пріѣхалъ ко мнѣ.

— Не вытерпѣлъ, чтобы не подѣлиться съ вами новостями,— проговорилъ онъ весело, входя ко мнѣ на балконъ.—Ну-съ,—прибавилъ онъ, поздоровавшись:—толковалъ я со своими пейзанами— предлагалъ распустить ихъ на волю. Куда тебѣ!—и слушать не захотѣли. Зачѣмъ, говорятъ, намъ воля, коли мы и при твоей милости неволи не видимъ. Ты нашъ отецъ, а мы твои дѣти. Что, намъ живется что ли плохо?... Слава Тебѣ, Господи—барщиной ты насъ не тяготишь, оброкъ мы платимъ тебѣ посильный. Какого же намъ еще рожна надоть? Нѣтъ, не желаемъ мы твоей воли, а желаемъ по гробъ жисти быть твоими дѣтьми, а ты будь нашимъ отцомъ.—А на другой день натащили мнѣ яицъ, куръ, пряниковъ какихъ-то и сверхъ того оброкъ за полгода впередъ. «Получай,— говорятъ,—а про волю и говорить не моги». Прехитрые, подлецы, однако! И такія, знаете, рожи скорчили, какъ будто и правду говорятъ. Ну, разумѣется, я ихъ водкой накаталъ, перепились всѣ и разошлись по домамъ.

— Ну-съ, а дворовые что сказали?

Протасовъ расхохотался.

— Тоже и они себѣ на умѣ!—вскрикнулъ онъ:—молодые, да мастеровые—тѣ сразу согласились, въ ноги даже упали и слезно благодарить начали... ну, а старики—тѣ не пожелали. И то сказать въ самомъ дѣлѣ: куда же они дѣнутся? Земли имъ не полагается, да и на кой чортъ имъ земля, когда они даже и не знаютъ что дѣлать-то съ ней. Работать они не могутъ. Вѣдь они съ голода подохнутъ.

— Отказались, стало-быть?

— Ну, понимаете ли: въ одинъ голосъ.

— И Кузьма Васильичъ отказался?

— Ну, батюшка!—вскрикнулъ Протасовъ:—Кузьма это совсѣмъ иное дѣло, тотъ сразу согласился. Ужъ я ему и вольную отдалъ. Но вѣдь тому я далъ земли, во-первыхъ, купилъ флигелекъ хорошенькій, который сегодня же перевезутъ въ Протасово.

И вдругъ, увидавъ нѣсколько подводъ съ лѣсомъ, крикнулъ подводчикамъ:

— Это кому лѣсъ-то везете, ребята?

— Твоей милости, Петръ Ивановичъ!— раздалось нѣсколько голосовъ.

— Кузьмѣ флигель, что ли?

— Ему, ему, Кузьмѣ Васильичу.

— А земли-то вы много дали ему?

— Сколько пожелалъ,—столько и далъ... десятину, кажется. Онъ самъ и мѣсто выбралъ.

— Гдѣ же онъ выбралъ?

— Прехорошенькое, доложу вамъ, мѣстечко подыскалъ.

— Гдѣ же именно?

— Неподалеку отъ церкви и почти возлѣ самаго парка. Прехорошенькое мѣстечко. И какъ это мнѣ не пришло въ голову самому себѣ построить тамъ флигелекъ на случай моего пріѣзда. Вѣдь каждый разъ приходится у приказчика останавливаться, гдѣ и клопы, и блохи, и тараканы и чортъ знаетъ чего только не имѣется. Чего бы лучше?

— Ну, что же, счастливъ Кузьма Васильичъ?

— Ахъ, чуть съ ума не спятилъ отъ радости!... Теперь торопится къ пріѣзду своей Прасковьи Ивановны отдѣлать флигель.

— Да развѣ возможно такъ скоро?

— Почему же нѣтъ?—удивился Протасовъ:—фундаментъ подведенъ, плотники наняты, а поставить готовый флигель—минутное дѣло. Пари готовъ держать, что черезъ недѣлю, много черезъ двѣ, мы будемъ приглашены на новоселье.

— Да, если вы помогать будете—конечно.

— Ну, конечно, конечно: еще бы ему-то я не помогъ. Это была бы безпримѣрная cochonnerie!

Однако справлять новоселье мнѣ не довелось, а пришлось по очень экстренному дѣлу ѣхать въ Петербургъ, гдѣ я провелъ всю зиму и только въ концѣ марта вырвался домой. Въ то время желѣзная дорога доходила только до Рязани, а съ Рязани надо было ѣхать на лошадяхъ. Зимній путь почти «рухнулъ», лошади поминутно проваливались, и мнѣ по нѣскольку разъ въ день приходилось сидѣть въ зажорахъ. Чуть встрѣтится гдѣ лощина—ну и жди, что вотъ-вотъ сейчасъ либо искупаешься, либо насидишься въ ней нѣсколько часовъ.

Такъ или иначе, а я, все-таки, добрался до дома и даже довольно благополучно, ежели не считать нѣсколькихъ купаній и одной ночи, проведенной въ зажорѣ, въ виду Кирсанова, изъ оконъ котораго привѣтливо и заманчиво смотрѣли на меня сотни огоньковъ и гудѣли призывнымъ звономъ колокола нѣсколькихъ церквей.

Едва успѣлъ я пріѣхать домой, какъ явился знакомый намъ фельдшеръ Поликарпъ Захарычъ. Вошелъ онъ, конечно, на цыпочкахъ, какъ и подобаетъ благовоспитанному кавалеру, и заговорилъ обычнымъ высокопарнымъ слогомъ:

— Услыхавъ о вашемъ благополучномъ возвращеніи по столь опасному, не только для здоровья, но и для жизни, пути, я счелъ долгомъ доложить вамъ, сударь, о наступившемъ перелетѣ вальдшнеповъ.

— Много?—вскрикнулъ я.

— Могу васъ порадовать, сударь, что даже изъ годовъ вонъ. Такое великое изобиліе, какого я не запомню. Конечно,— продолжалъ онъ, приложивъ руку къ сердцу,—въ ожиданіи вашего пріѣзда, я не дозволилъ себѣ пугать ихъ выстрѣлами. (Только послѣ узналъ я, что фельдшеръ шатался по парку каждый день, разстрѣлялъ фунта два пороху и безпощадно колотилъ вальдшнеповъ.) Но, руководимый любопытствомъ,— продолжалъ онъ:—нѣсколько разъ безъ ружья ходилъ по Протасовскому парку. Великое множество!

Извѣстіе это, конечно, до того порадовало меня, что я, въ пылу охотничьяго азарта, порѣшилъ завтра же утромъ ѣхать въ Протасовскій паркъ.

— Въ такомъ случаѣ,— заговорилъ фельдшеръ,— не сочтете ли вы, въ виду распутицы, болѣе раціональнымъ ѣхать въ Протасово сегодня же, переночевать тамъ, хотя бы у нашего общаго знакомаго, Кузьмы Васильича, а завтра съ разсвѣтомъ открыть охоту.

— Отстроился, значитъ?

— Давнымъ-давно: даже зимовалъ въ новомъ домѣ, который сѣнями раздѣлилъ на двѣ половины: въ одной живетъ самъ, а въ другой Прасковья Ивановна. Обмеблировалъ его, зеркаловъ понавѣшалъ, картинокъ разныхъ, выписалъ Прасковьѣ Ивановнѣ модный журналъ и теперь она у насъ въ околоткѣ самой модной мадамой считается, одѣваетъ всѣхъ барынь и, кажется, хорошія деньги зарабатываетъ.

— Стало быть, зрѣніе поправилось?

— Совершенно.

— А Кузьма Васильичъ что подѣлываетъ?

— А онъ по-прежнему обучаетъ ребятишекъ грамотѣ. Только сейчасъ, по случаю наступившей весны, принялся за разбивку передъ домомъ палисадника, обнесъ этотъ палисадничекъ красивой рѣшеткой, покрасилъ ее и собирается развести цвѣтники. «Пусть, говоритъ, Прасковья Ивановна, хоть на старости лѣтъ поживетъ, какъ добрые люди живутъ и какъ ей нравится». Да чего... дѣвчонку ей нанялъ даже, чтобы, значитъ, служила ей на манеръ горничной.

— А новоселье справлялъ?

— Еще какое!... Самъ господинъ Протасовъ былъ, пилъ за здоровье обоихъ и каждому по сту рублей подарилъ. Теперь Кузьма Васильичъ живетъ не хуже иного помѣщика. Да вотъ вы и сами увидите.

Ѣхать въ Протасово въ тотъ же день я согласился, но ночевать у Кузьмы Васильича отказался, не желая тревожить стариковъ.

— Въ такомъ случаѣ, — заговорилъ фельдшеръ,—позвольте предложить вамъ слѣдующую комбинацію: переночевать у одного моего знакомаго крестьянина. Само собою разумѣется, что особой конфортабельности вы тамъ не найдете, но, все - таки, у этого крестьянина есть особая комнатка, отдѣляющаяся отъ избы досчатой перегородкой, и вамъ будетъ тамъ довольно хорошо.

На томъ мы и порѣшили.

Въ тотъ же день мы отправились въ Протасово, переночевали у крестьянина за перегородкой, не найдя въ ней, по случаю множества клоповъ «особой комфортабельности», а съ разсвѣтомъ были уже въ паркѣ.

Прошатались мы по парку часовъ пять безъ отдыха. Мой неутомимый сеттеръ метался изъ стороны въ сторону, громко фыркалъ чутьемъ, а все-таки, несмотря на столь усердное стараніе, «изъ годовъ вонъ изобильнаго перелета вальдшнеповъ» не оказалось, а которые имѣлись, до того были кѣмъ-то напуганы, что не только не выдерживали стойки, но даже близко не подпускали ни собаки, ни насъ. Убилъ я штукъ пять—и только.

— Это удивительно,—изумлялся фельдшеръ,—право, можно подумать даже, что кто-либо, крадучись, преусерднѣйшимъ образомъ охотился здѣсь и перепугалъ вальдшнеповъ.

— Конечно, охотился,—вскрикнулъ я, случайно наткнувшись на убитаго вальдшнепа, успѣвшаго уже полусгнить, и показывая его фельдшеру.—Конечно, охотился... вотъ и доказательство.

— Да и въ самомъ дѣлѣ,—забормоталъ онъ, немного сконфузившись.

— Но кто?—вотъ вопросъ, такъ какъ ни въ Протасовѣ, ни по его окрестностямъ нѣтъ такихъ охотниковъ, которые бы охотились по вальдшнепамъ.

Фельдшеръ махнулъ рукой.

— Помилуйте,—вскрикнулъ онъ,—теперь сколько угодно.

И, почему-то вздохнувъ и укоризненно помотавъ головой, добавилъ:

— О tempora, о mores!

— Однако вотъ что: «о tempora, о mores»,—подшутилъ я,—давайте-ка разойдемся... Вы ступайте по полугорью, а я пойду по этой аллеѣ, можетъ и наткнемся гдѣ-нибудь.

— Пойдемте, пойдемте...

Мы разошлись.

День былъ превосходный: теплый, ясный... Въ паркѣ почти не было снѣга, только кое-гдѣ по оврагамъ, да въ пересохшихъ искусственныхъ прудахъ виднѣлся онъ чахлыми и словно загрязнившимися кучами. Повсюду пробивалась зеленая травка, пересыпанная свѣжими синими подснѣжниками. По полугорью шумно бѣжали обильные ручьи и, ниспадая съ уступовъ каскадами, уносили на себѣ прошлогодніе желтые листья и сваливали ихъ въ кучки. Въ кучкахъ этихъ шуршали проснувшіеся отъ спячки ежи и всякій разъ приводили въ великое смущеніе моего сеттера, всячески изловчавшагося схватить колючаго звѣрка, но ежъ моментально свертывался клубкомъ и сеттеру оставалось только съ великою осторожностью покатать его лапкой. Неугомонные грачи наполняли паркъ своимъ крикомъ и усердно заваливали тяжелыми, большущими гнѣздами сучья могучихъ липъ. Всюду сновали скворцы, а вальдшнеповъ все нѣтъ, какъ нѣтъ; не поднималъ ихъ и фельдшеръ, такъ какъ я не слыхалъ ни единаго выстрѣла. «Вотъ тебѣ и изъ годовъ вонъ», подумалъ я и, спустивъ курки, вскинулъ ружье на плечо.

Вдругъ сеттеръ почуялъ что-то, поднялъ голову, остановился, началъ быстро поводить чутьемъ и осторожно побѣжалъ назадъ, а въ то же время раздался чей-то женскій голосъ, кричавшій:

— Не догоните, не догоните!...

А вслѣдъ за тѣмъ на тропинку, по которой я шелъ, съ легкостью балерины, вылетѣла знакомая намъ левретка.

«Ужъ не Прасковья ли Ивановна?» подумалъ я, обернулся и дѣйствительно увидалъ въ концѣ аллеи бѣжавшую Прасковью Ивановну, а нѣсколько сзади Кузьму Васильича, силившагося изо всей мочи догнать ее.

— Не догоните, не догоните!

— А ежели догоню...—кричалъ тотъ.

— Нѣтъ, ни за что...

Я спрятался за кустъ.

— Догоню, догоню!—продолжалъ Кузьма Васильичъ.

И дѣйствительно, онъ догналъ ее какъ разъ у того куста, за

которымъ я притаился; но Прасковья Ивановна, увидавъ меня, быстро оттолкнула его отъ себя, чуть слышно прошептавъ:

— Пустите, здѣсь есть кто-то...

Я вышелъ изъ-за куста и, раскланявшись, проговорилъ:

— Очень счастливъ познакомиться съ вами.

Прасковья Ивановна тотчасъ же узнала меня по голосу и бросилась мнѣ на шею. Кузьма Васильичъ почему-то отвернулся и суетливо доставалъ изъ кармана платокъ.

Никогда я не испытывалъ такой радости, какъ въ описанную минуту!

И. Саловъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ТИНА *).

Романъ К. Верніоля.

Переводъ съ французскаго.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

VIII.

Зима этого года,—третья, которую Дютрейль проводилъ въ Монтаньякѣ,—оставила по себѣ самыя грустныя воспоминанія. Театръ былъ закрытъ, въ салонахъ полный застой, почти никто не принималъ. Морэнъ-Шассанъ зажился въ Парижѣ въ надеждѣ получить дипломатическую должность. Мадемуазель Пейредуль похоронила тетку, мадамъ Тумазо—свою belle-soeur. Несмотря на чрезвычайный холодъ, де-Баржъ дольше обыкновеннаго осталась въ деревнѣ. Дютрейль всѣмъ этимъ не былъ огорченъ, но это лишило его возможности придумать отговорку, когда мадамъ Круазэ позвала его на «семейный вечеръ». Совсѣмъ за-просто! Нѣсколько друзей дома, чашка чаю, petits jeux, немного музыки и можетъ быть шарада.

Когда, ровно въ девять часовъ, онъ вошелъ въ гостиную мадамъ Круазэ, его встрѣтили, какъ встрѣчаютъ желанныхъ гостей, въ появленіи которыхъ сомнѣваются до послѣдней минуты. Въ то же время ему показалось, что на нѣсколькихъ лицахъ онъ прочелъ усмѣшку. То и другое заставило его призадуматься. Неопредѣленное смутное предчувствіе грозящей гибели ощутилъ онъ, и это предчувствіе подтвердилось, когда въ числѣ запоздалыхъ гостей вошли мадамъ Гарадель и мадемуазель Сирейголь. Увидя ихъ, мадамъ Круазэ сдѣлала видъ, что очень удивилась.

— Ахъ, моя дорогая!—воскликнула она,—какой чудный сюр-

---

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 97 г.

призъ!—И какъ это съ вашей стороны любезно,—сказала она Эмиліи.

— Я осмѣлилась привести съ собою Эмилію, которую отецъ, ужасный эгоистъ, держитъ въ заперти. Вы знаете, она очень застѣнчива. Я должна была ей пообѣщать, что вы ее не осудите,— повѣрите этому?

Есть минуты въ жизни, когда, находясь въ абсолютномъ одиночествѣ, чувствуешь какъ на васъ обращены взоры толпы, за вами слѣдятъ несмотря на пространство и стѣны и когда сознаешь, что слово, взглядъ, малѣйшее движеніе рѣшаютъ судьбу всей вашей жизни. Дютрейль переживалъ именно такую минуту. Онъ не ошибался и рѣшилъ быть стойкимъ. Онъ отлично понималъ, что напускная холодность или веселость, непринужденность или равнодушіе выдадутъ его боязнь *чего-то*, нужно было показать, что этого *чего-то* не существуетъ. Онъ дружески поздоровался съ мадамъ Гарадель, она сказала что-то относящееся къ Эмиліи, на что онъ почтительно поклонился дочери банкира. Эмилія, знавшая какое значеніе придавалось данному обстоятельству, имѣвшая превратное понятіе о намѣреніяхъ Дютрейля, покраснѣла, вздрогнула всѣмъ тѣломъ и старалась непринужденностью скрыть свое смущеніе. Все это не ускользнуло отъ Дютрейля. Онъ не хотѣлъ быть жертвой этой интриги; онъ возмущался устроенной ему ловушкой, любопытными взорами и той увѣренностью, съ которой всѣ, не исключая молодой дѣвушки, ждали близкой развязки. Онъ озлился и у него явилось безумное желаніе доказать, что если онъ захочетъ, то выйдетъ побѣдителемъ изъ всего этого. Мадамъ Круазэ доставила ему случай блеснуть, и онъ, подстрекаемый жаждой мщенія, дѣлалъ всѣ усилія, чтобы понравиться. Мужчины часто, увлеченные этимъ желаніемъ, поступаютъ неосторожно. Ему хотѣлось плѣнить собой, для того чтобы потомъ вызвать живое сожалѣніе, показать, какъ много теряютъ, теряя его. Но несчастье было въ томъ, что всѣ очевидцы не могли проникнуться его разсчетами, и впечатлѣніе получалось совершенно обратное.

Провожая домой Эмилію, мадамъ Гарадель спросила:

— Ну, милочка, какъ ты находишь г. Дютрейля?

Эта отвѣтила:

— Онъ былъ очень любезенъ.

— Такъ онъ тебѣ нравится?

— ...По крайней мѣрѣ онъ могъ бы мнѣ понравиться.

На слѣдующій день въ Монтаньякѣ уже спорили только о томъ, на какой день назначена свадьба. Фактъ казался явнымъ, несо-

мнѣннымъ, и тѣ, кто еще немного сомнѣвались, объявили, что Дютрейль «зашелъ слишкомъ далеко, чтобы пойти назадъ». Сирейголь не считалъ больше нужнымъ разубѣждать въ томъ, *что знали всѣ*.

Оставаясь вѣрнымъ совѣтамъ мадамъ Гарадель, онъ никому не говорилъ ничего положительнаго, не проронивъ слова, могущаго его компрометировать; но его улыбка, манера говорить, щурить глаза, трясти головой, пожимать подаваемыя ему руки,—подтверждали всѣ догадки. Что же касается молодого человѣка, то онъ былъ доволенъ собой, увѣренный, что ему удастся порвать когда вздумается и заранѣе предвкушая разочарованіе своихъ противниковъ. Онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на то, какъ всѣ ошиблись, и больше уже не старался вывести ихъ изъ этого заблужденія. Онъ только посмѣялся, когда пронесся слухъ, что пріѣхалъ его отецъ, чтобъ «устроить важныя дѣла». Вскользь было упомянуто имя мадемуазель Сирейголь во *французскомъ кафе*.

— Въ самомъ дѣлѣ, я видѣлъ эту дѣвушку,—сказалъ онъ.— Она очень мила. Она бы вамъ прекрасно подошла Фёгароль. Какъ вы о ней не подумали... Хотите я васъ отрекомендую ея отцу?

Онъ увидѣлъ ее еще разъ «случайно» у мадамъ Гарадель, куда банкиръ часто завозилъ ее вечеромъ передъ тѣмъ, какъ отправлялся въ Philo, неожиданно озабоченный доставить дочери развлеченіе, и «судьбѣ» было угодно, что онъ въ этотъ вечеръ оставался одинъ въ обществѣ обѣихъ женщинъ. Не имѣя больше надобности считаться съ публикой, онъ держался просто и скромно и, не стараясь больше поражать, онъ понравился. Понравилась эта простота Эмиліи гораздо больше, чѣмъ блестящая утонченность, которая была совершенно не въ ея вкусѣ; она на нее отвѣчала, забывъ свою застѣнчивость и показалась такою, какою она была на самомъ дѣлѣ, т.-е. достойной вниманія. Ея здравый смыслъ, откровенность, твердость взглядовъ, открытый характеръ поразили Дютрейля. «Она въ тысячу разъ лучше, чѣмъ можно было предполагать,—подумалъ онъ уходя, она будетъ хорошею женой. Ее отдадутъ какому-нибудь животному... жаль!...»

Дютрейль доканчивалъ чтеніе отчета, который Дюпюшъ разсѣянно слушалъ. Послѣдній сказалъ ему, какъ бы отпуская его:

— Ну, что же?... А эта свадьба?—Уже не первый разъ Дюпюшъ освѣдомлялся о событіи.—Дѣло подвигается?... Что же скоро?...— говорилъ онъ.—Хорошо, хорошо, я не касаюсь вашей тайны.—Въ теченіе двухъ недѣль онъ воздерживался отъ всякихъ намековъ.

— Даже Понъ-Каналь этому больше не вѣритъ,—отвѣтилъ Морисъ.—Всякой шуткѣ бываетъ конецъ.

— Шуткѣ?

— Замѣчательная шутка, очевидно, классическая, хотя немного избитая. Всякому свой чередъ. Теперь ищутъ другой жертвы. Дюпюшъ былъ очень удивленъ и повторилъ:

— Шутка?

— Надѣюсь, вы никогда въ этомъ не сомнѣвались...—Нѣтъ, г. Дюпюшъ не сомнѣвался, потому что его дорогой сотрудникъ утверждалъ. Но... но все же...

Дютрейль понялъ, что удивленіе старика было вполнѣ искреннее, онъ конечно вѣрилъ всей этой ерундѣ. Дютрейль объяснилъ ему, что не было ни тѣни правды въ этой глупой исторіи, все это исключительно плоды злословія и довѣрчивости! Правда, нѣкоторыя лица хотѣли осуществить этотъ безумный замыселъ. Онъ, Дютрейль, усталъ говорить съ глухими и избралъ самое разумное: молчаніе, и былъ правъ, такъ какъ уже всѣ толки затихали. Черезъ мѣсяцъ и слѣда отъ нихъ не останется.

— Вы такъ думаете?

— Неминуемо.

— Не всѣ одного мнѣнія съ вами. Сирейголь говорилъ вчера, что свадьба назначена во вторникъ на Святой.

— Ахъ!... онъ вамъ это сказалъ?

— Его при мнѣ спрашивали въ клубѣ, и онъ не отрицалъ.

Дютрейль выходилъ изъ себя. Въ самомъ дѣлѣ, это переходитъ всякую мѣру!... Какъ, несмотря на все, вымыслы продолжаются! Когда гроза, казалось ему, разсѣялась, прибѣгаютъ къ такимъ фокусамъ, распространяютъ дерзкую ложь!... И кто?—отецъ!... Къ чему это рвеніе? На что надѣются заговорщики? Что онъ женится только для того, чтобы доставить имъ удовольствіе... чтобы купить миръ?... Онъ ни въ чемъ не виноватъ, онъ исполнилъ свой долгъ, совѣсть его чиста. Тѣмъ хуже для клеветниковъ и для дураковъ!

Забывъ о присутствіи г. Дюпюшъ, онъ произнесъ этотъ монологъ яростно, сжимая кулаки и прохаживаясь большими шагами по кабинету. Потомъ онъ успокоился, постарался улыбнуться и извинился передъ г. Дюпюшъ въ этомъ припадкѣ гнѣва.

— Сожалѣю, милый другъ, что возбудилъ этотъ разговоръ, хотя онъ и не былъ лишнимъ. Я не сомнѣваюсь въ вашей искренности. Я даже убѣжденъ, что вы не сдѣлали никакой неосторожности. Нравы Монтаньяка мнѣ слишкомъ хорошо знакомы, чтобъ я не находилъ естественнымъ, что васъ преслѣдовали и продолжаютъ другихъ преслѣдовать. Это дань, которую мы всѣ должны платить.

Если я вамъ скажу, что даже я... недавно... да, не пощадили моихъ сѣдыхъ волосъ... Конечно, вы не можете себя считать отвѣтственнымъ... Это безразсудно... но очень досадно, очень досадно!...

— Меня, надѣюсь, не осудятъ за вымышленное преступленіе?

— Нѣтъ... Конечно, нѣтъ... Но все-таки... еслибы вы знали!... Повторяю вамъ: досадно, я бы дорого далъ, чтобы все это было кончено.

— А по вашему мнѣнію, какъ это кончится?

— Право, не знаю.

— Не свадьбой, клянусь вамъ!

Онъ собирался уходить. Г. Дюпюшъ казался озабоченнымъ. Сортируя положенныя передъ нимъ бумаги, онъ пристально посмотрѣлъ на Дютрейля.

— Я буду очень удивленъ,—сказалъ онъ грустнымъ тономъ,—если черезъ мѣсяцъ васъ не будутъ упрекать въ томъ, что вы ее компрометировали...

«Только этого не доставало! — подумалъ Дютрейль.—Компрометировалъ!... *Они* на это способны! Компрометировалъ!... Я!... Отецъ придетъ, будетъ просить поправить это дѣло, мадамъ Круазэ назоветъ меня подлымъ соблазнителемъ!... Компрометировалъ!... Нѣтъ, всему смѣшному долженъ быть предѣлъ, даже въ Монтаньякѣ!... Г. Дюпюшъ преувеличиваетъ... Надъ нимъ посмѣялись... Все уладится»...

Сколько плановъ ему приходило въ голову,—увы!—ни одинъ не могъ помочь бѣдѣ, не могъ ее исправить. Что же дѣлать?... Бѣжать!... Бѣжать отсюда, изъ этого зачумленнаго воздуха, отъ этихъ проклятыхъ людей!... Бѣжать изъ этой пропасти, въ которую онъ съ каждымъ днемъ падалъ все глубже и глубже, въ которой онъ растратилъ свои силы, потерялъ гордость, гдѣ исчезли его дорогія мечты, гдѣ его идеалы мыслителя и артиста опустились до уровня съ инстинктами этихъ грубыхъ *животныхъ*!...

Всѣ эти волненія имѣли только одно послѣдствіе—они привели его снова къ давно заброшеннымъ литературнымъ работамъ. Не то, чтобъ онъ надѣялся не встрѣтиться больше съ трудностями, которыя его останавливали, или разсчитывалъ, наткнувшись на нихъ, съ ними справиться. Насколько его желанія дѣлались скромнѣе! Теперь работа должна была только отвлекать его отъ новыхъ заботъ, защищать отъ его враговъ, помочь ему ничего не видѣть и ничего не слышать изъ того, что дѣлалось вокругъ него. Онъ взялся за *Сумерки*, и потому ли, что возбужденіе данной минуты по-

служило ему вдохновеніемъ, или потому, что онъ храбро отбросилъ прежнія сомнѣнія, но онъ свободно и легко написалъ нѣсколько главъ. Три недѣли онъ никуда не показывался. Но и это уединеніе произвело совсѣмъ не тотъ эффектъ, на который онъ разсчитывалъ, и вызвало разнорѣчивые толки: «Ему стыдно», говорили одни, «Онъ собирается съ мыслями», говорили другіе.

Скоро Дютрейль долженъ былъ сознаться, что ему не доставляло никакого удовольствія къ страницѣ прибавлять страницу. У него не хватало ни средствъ, ни силы воли довести свою задачу до конца. Онъ не испытывалъ больше этого неудержимаго влеченія къ литературѣ. Совсѣмъ другія мысли вертѣлись у него въ головѣ. Онѣ окутывали его, онъ проникался ими и постепенно испытывалъ ихъ очарованіе.

Оцѣпенѣніе, въ которомъ находился Дютрейль, мѣшало ему слышать и видѣть все, что замышлялось вокругъ него. Опасенія г. Дюпюшъ оправдались. Въ Монтаньякѣ находили и единогласно заявляли, что Дютрейль серьезно нарушилъ приличія. «Какая дерзость!» — говорила мадамъ Белюгу. «Это значитъ издѣваться надъ самыми священными вещами!» — прибавляла мадамъ Круазэ. Какое придумать извиненіе? Зачѣмъ играть такую гадкую роль?... Никто за нимъ не бѣгалъ, — напротивъ. Никто не заставлялъ его жениться и никто этого не добивался. Къ чему же эта гнусная комедія?

Эти упреки не высказывались Дютрейлю прямо. Онъ отгадывалъ ихъ по разнымъ намекамъ, по строгимъ лицамъ, по напускной холодности. Онъ смѣялся надъ всѣмъ этимъ.

А когда мадамъ Гарадель объявила ему, что доктора предписали мадемуазель Сирейгаль деревню отъ ея непонятной, загадочной болѣзни, безпокоющей ея друзей, онъ только пожалъ плечами. (Онъ зналъ, что всегда въ это время Эмилія ѣздила навѣщать въ деревню тетку, которая ее воспитала.)

Дютрейль взялъ отпускъ и поѣхалъ въ Рошфоръ. Тамъ онъ сознался отцу, что безъ сожалѣнія отказывается отъ своихъ плановъ — юношескихъ мечтаній, — и, какъ Ла Бюрту, онъ старался ему доказать, что избираетъ благое. Наканунѣ отъѣзда онъ небрежно замѣтилъ, что холостая жизнь начинаетъ его тяготить и что иногда, въ часы обѣда, онъ думаетъ о женитьбѣ. На вопросы старика, удивленнаго этимъ новымъ и скромнымъ желаніемъ, онъ отвѣтилъ, что сказалъ это безъ всякаго повода, что это просто жалоба испорченнаго желудка, отвращеніе къ меблированнымъ комнатамъ, къ табльдотамъ и къ кафэ, но что вообще онъ ничего, рѣшительно ничего не имѣетъ въ виду. И дѣйствительно, онъ былъ ис-

крененъ, не зная даже, что его побудило начать это неожиданное признаніе.

Онъ обѣщалъ вернуться до конца года. Когда онъ возвращался въ Монтаньякъ, то думалъ: «Что еще они могли придумать въ моемъ отсутствіи?»... И эта мысль нисколько не безпокоила его.

Тотчасъ же онъ замѣтилъ, что общественное мнѣніе измѣнилось. Онъ не встрѣчалъ больше угрюмыхъ и обиженныхъ физіономій, но замѣчалъ ироническіе улыбки и взгляды. Въ французскомъ кафэ,—гдѣ по его возвращеніи изъ Парижа ему была сдѣлана овація, онъ тоже замѣтилъ перешептываніе и лукавые взгляды,—онъ освѣдомился тамъ, что произошло за двѣ недѣли его отсутствія. Ахъ, ничего интереснаго! Тѣмъ не менѣе Дютрейль чувствовалъ, что «что-то есть». Морисъ подумалъ, что получитъ интересующія его свѣдѣнія отъ Фёгароля и обратился къ нему:

— А вы, что скажете новенькаго?

— Рѣшительно ничего.

— Не можетъ быть. Послушайте, что же,—въ слѣдующемъ мѣсяцѣ?

— Что такое?

— Ваша свадьба. Вы не заставите меня отказаться отъ мысли, что эти двѣ недѣли вы преслѣдовали подобную цѣль.

— Другъ мой,—сухо отвѣтилъ адвокатъ,—избавьте меня отъ этой пошлой шутки. Я такъ же мало думаю о женитьбѣ... такъ же мало, какъ вы; это достаточно убѣдительно.

— Подите! Я убѣжденъ, что вы плохо за это беретесь. Хотя это и не такъ трудно!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ. Хотите пари, что если бы я этого захотѣлъ, дѣло было бы скоро слажено.

— Я принимаю пари.

— Вы проиграете.

— Можетъ быть. Почему же вы недавно не испробовали ваши чары? Случай стоилъ того.

— Не считайте меня самодовольнымъ, но дѣло зависѣло только отъ моего согласія.

— О, разумѣется!... Виноградъ слишкомъ зеленъ!...

— Вы вѣрно на себѣ это часто испытывали?

— Извините, всѣмъ извѣстно, что иниціатива отказа всегда принадлежала мнѣ. Не мнѣ отказывали, какъ это сдѣлали съ вами.

— Что такое?...

Голоса двухъ мужчинъ громко раздавались въ небольшой залѣ.

Посѣтители прекращали игру и разговоры, обращая на нихъ вниманіе. Фѣгароль, долго сдерживавшій накипѣвшую злобу, потерялъ всякое самообладаніе и продолжалъ:

— Я говорю то, что всѣ знаютъ: Вы просили руки мадемуазель Сирейголь и, несмотря на ваши настоянія, вамъ отказали.

— Мнѣ?...

— Именно вамъ.

— А причина этого оскорбленія?...

— Вамъ не трудно ее найти. Поищите въ вашемъ прошломъ.

Дютрейль порывисто всталъ, задѣвъ и опрокинувъ стулъ, и раньше, чѣмъ его можно было удержать, нанесъ двѣ пощечины склонившемуся къ нему адвокату. Послѣдній отклонился назадъ, потомъ сдѣлалъ движеніе, точно онъ бросается на Дютрейля, но Брюандэ удержалъ его за талію.

Манури и Брюандэ, оба удивленные трагической развязкой шутки, повторяли:

— Перестаньте, господа, перестаньте... не ссорьтесь!

Морисъ сѣлъ и началъ качаться на своемъ стулѣ. Наступило молчаніе. Игроки вернулись къ своимъ столамъ и всѣ притворялись, будто никто ничего не видѣлъ. Вдругъ Фѣгароль, дрожащій, уставивъ глаза въ потолокъ, приподнялся и, замѣтивъ, что Манури боится новой вспышки съ его стороны, сказалъ:

— Не бойтесь. Я никогда не дерусь публично. Я знаю, что я долженъ дѣлать.

Онъ взялъ свой зонтикъ, стоявшій въ углу, шляпу и направился къ двери.

— Милый другъ, —тотчасъ же подскочилъ къ Дютрейлю Манури, —повѣрьте, что еслибъ я зналъ.

— Ахъ, оставьте! Этому нахалу нуженъ былъ маленькій урокъ, — и этотъ урокъ будетъ полнымъ, если онъ пожелаетъ. Я дамъ ему удовлетвореніе, — отвѣтилъ Дютрейль. — Онъ на него имѣетъ право. Въ этомъ случаѣ я могу расчитывать на васъ, не правда ли? прибавилъ онъ, обращаясь къ Брюандэ и Манури, выразившимъ свое согласіе жестами.

И онъ счелъ за лучшее удалиться.

Дютрейль шелъ по «аллеѣ вздоховъ». Несмотря на то, что было еще рано, набережная была пустынна. Густой туманъ подымался отъ рѣки, слышно было, какъ волны разбивались о набережную. Морисъ шелъ большими шагами, не замѣчая ничего, ударяя палкой по землѣ и отбрасывая камешки. Оскорбленіе, нанесенное Фѣгаролемъ, о которомъ онъ забылъ на мгновенье, начало

опять давить его. Разсужденія больше не успокоивали его, а наоборотъ волновали. Итакъ, *его не пожелали!*... Еслибъ онъ могъ отнестись хладнокровно къ этой новой клеветѣ, то она бы не показалась ему болѣе серьезной, чѣмъ предшествующія, и не взволновала бы его. Но самолюбіе было задѣто и этого было достаточно, чтобы забыть всякую мѣру. Подлецы!... Какую низость придумали! Какой-то Сирейголь его отвергъ! Какіе-то Малаваль, Кугуль, Шансарель и Сириньякъ, глупыя и вредныя животныя, выражали ему свое презрѣніе!... Вдругъ онъ остановился и посмотрѣлъ на часы. Стрѣлка показывала больше половины десятаго.— Онъ еще не ушелъ,—подумалъ Дютрейль. Онъ вернулся назадъ по маленькимъ улицамъ ведущимъ къ набережной и былъ озабоченъ исключительно тѣмъ, чтобы дойти поскорѣе. Онъ заглушалъ въ себѣ внутренній голосъ, говорившій ему:

— Подумай... ты жизнь ставишь на карту. Завтра, черезъ часъ, ты раскаешься въ твоемъ непоправимомъ поступкѣ. Сирейголь ему отказалъ!... Ну, что-жъ пусть, посмотрятъ!...

Какъ всѣ нерѣшительные люди стремятся подчинить чему-нибудь свою волю, навѣкъ связать себя, онъ испытывалъ потребность *такъ или иначе* покончить съ этимъ вопросомъ.

Во дворѣ Philo онъ наткнулся на выходившаго оттуда Кугуля.

— Г. Сирейголь здѣсь?—спросилъ онъ.

— Что? — отвѣтилъ желѣзоторговецъ, удивленный поспѣшностью и волненіемъ Дютрейля, котораго онъ не любилъ.—Да, кажется, я его видѣлъ...

Надѣясь, что произойдетъ что-нибудь пикантное, Кугуль вернулся. Убѣдившись, что банкира не было въ библіотекѣ, Дютрейль поднялся по лѣстницѣ. Онъ не нашелъ его и въ игорной и обратился къ Барсеголю, сидѣвшему у камина.

— Онъ только что пошелъ въ курилку, но...

Дютрейль уже спѣшилъ туда. Его манеры, измѣнившееся лицо и голосъ не ускользнули отъ игроковъ, которыхъ Фѣгароль успѣлъ посвятить въ случившееся, выставляя себя героемъ.

Сирейголь, разговаривавшій съ Шармолю и Малишекомъ, при видѣ Дютрейля, не могъ скрыть нѣкоторой досады и безпокойства.

Ему было донесено о разсказѣ адвоката и онъ боялся скандала, но услыхалъ только слѣдующее:

— Будете ли вы столь любезны дозволить мнѣ переговорить съ вами?

— Охотно. То-есть... (онъ посмотрѣлъ на часы).

— Ахъ, всего десять минутъ! Я очень жалѣю, что долженъ

васъ побезпокоить, но дѣло, приведшее меня сюда, не терпитъ отлагательствъ.

Оба вышли. Морисъ, казалось, пересталъ волноваться, а банкиръ держалъ себя вполнѣ непринужденно.

Они молча сдѣлали нѣсколько шаговъ. Отецъ Эмиліи, смущенный Дютрейлемъ, старался отгадать, что онъ отъ него узнаетъ. Дютрейль силился побороть свою нерѣшительность.

— Мой поступокъ,— началъ онъ,— въ этотъ часъ, здѣсь, вамъ покажется, я знаю, страннымъ. Тѣмъ не менѣе я не счелъ возможнымъ ждать, и вы, безъ сомнѣнія, согласитесь со мною, когда...

Онъ замолчалъ, потомъ быстро опять продолжалъ:

— Случаю было угодно свести меня съ мадемуазель Сирейголь. Я имѣлъ счастье видѣться съ нею. Ея достоинства, которыя я ставлю неизмѣримо выше восторженныхъ отзывовъ о ней, внушили мнѣ глубокое чувство. Если я объ этомъ не заявилъ раньше, то это потому, что я считалъ себя недостойнымъ и, я надѣюсь, вы не осудите мою скромность—качество довольно рѣдкое у влюбленныхъ. Моя сдержанность показалась подозрительной. Какъ она ни была естественна, люди, завидовавшіе мнѣ истолковали ее зло. Позвольте мнѣ высказаться. Я не знаю большей радости какъ соединить мою жизнь съ жизнью вашей дочери и прошу васъ принять это признанье снисходительно, хотя бы ради того, что оно искренно.

Удивленіе банкира было равносильно его удовольствію. Дютрейль, наконецъ, объясняется и зашелъ такъ далеко, что отступленіе для него уже невозможно! Какъ это и предвидѣла мадамъ Гарадель, «отказъ» на него подѣйствовалъ.

— Можетъ быть, я не долженъ былъ говорить вамъ о своихъ надеждахъ,— продолжалъ молодой человѣкъ.—Но можно ли справиться съ своимъ чувствомъ? Я никого здѣсь не знаю, кому бы я могъ поручить быть моимъ посредникомъ, мой отецъ скоро пріѣдетъ самъ... Вы молчите?

Сирейголь понималъ, что онъ долженъ былъ быть осторожнымъ.

— Само собою разумѣется, я цѣню честь, которую вы оказываете мнѣ. Я польщенъ... тронутъ... Но все же...

— Ахъ, вы видите препятствія?

— Скорѣе сомнѣнія. Если я не могу предвидѣть рѣшеніе моей дочери, то я безъ колебаній скажу вамъ, что мое личное рѣшеніе въ вашу пользу и я бы хотѣлъ быть настолько увѣренъ въ ва-

шемъ... какъ бы это сказать?—въ вашемъ постоянствѣ, какъ вы можете быть увѣрены въ моей симпатіи.

— Ничто васъ не заставляетъ сомнѣваться...

— Позвольте, вы сами считаете вашъ поступокъ страннымъ, то-есть, что касается формы, конечно. Обыкновенно не просятъ руки дѣвушки въ десять часовъ вечера на набережной. Васъ давила ваша тайна? Допустимъ! Вы бы могли повѣдать мнѣ вашу тайну не спѣша, у меня въ кабинетѣ. Откуда эта неудержимая потребность откровенности?... Увѣрены ли вы въ томъ, что вы не поддались мимолетному, необдуманному увлеченію, о которомъ вы будете сожалѣть завтра? Бракъ —вещь серьезная и надъ нимъ стòитъ призадуматься. Я не хочу ловить васъ на словѣ...

Банкиръ нисколько не сомнѣвался, какіе мотивы побуждали Дютрейля. Лучше чѣмъ кто-либо онъ понималъ, что давнишнее глубокое чувство, о которомъ говорилъ Морисъ, ловкая и необходимая уловка. Онъ слишкомъ долго ожидалъ предложенія Дютрейля и не могъ допустить, чтобъ онъ взялъ его назадъ. «Вниманіе!—думалъ онъ.—Онъ влопался, не нужно его выпустить... будемъ осторожны». Выражать сомнѣнія и опасенія,—случай для этого былъ болѣе чѣмъ благопріятный,—это вѣрный способъ заставить молодого человѣка еще прочнѣе попасть въ западню, такъ что вылѣзть изъ нея уже не будетъ никакой возможности.

— Послушайте,—продолжалъ онъ,—я буду съ вами говорить откровенно. Я знаю, что только что произошло въ *Французскомъ кафэ*. Нужно ли мнѣ говорить о томъ, что я глубоко порицаю эти продѣлки и что я тутъ не при чемъ?... Оскорбленія Фёгароля васъ возмутили. Вы его наказали,—я знаю его хвастливость, и я васъ оправдываю. И послѣ этого, еще не успѣвъ остыть отъ происшедшей ссоры, вы прибѣгаете ко мнѣ, между тѣмъ какъ избѣгали меня съ масляницы,—хотя въ сущности, что я вамъ сдѣлалъ? прибѣгаете просить руку моей дочери. И я долженъ вамъ ее пообѣщать здѣсь, немедленно, подъ этими деревьями!... Мщеніе, дѣйствительно, хорошее!... Но утро вечера мудренѣе. Когда вы проснетесь, ваше, вполнѣ искреннее и законное негодованіе уляжется и вы почувствуете, что напрасно связали себя невѣстой. Такъ нѣтъ же, пусть будетъ такъ, точно мы ни о чемъ не говорили и зайдите ко мнѣ черезъ недѣлю... Вы, вѣдь, ждали четыре мѣсяца!

Тактика банкира вполнѣ удалась. Дютрейлю невозможно было отказаться отъ этого, такъ любезно предложеннаго ему рѣшенія, не выказавъ самаго непростительнаго легкомыслія. Отступить онъ больше не могъ. Впрочемъ, онъ этого и *не хотѣлъ*. Дютрейль воз-

ражалъ: рѣшеніе его непоколебимо. Сарказмы Фёгароля только укрѣпили его давнишнее желаніе и ускорили признанье, которое жгло его уста. Банкиръ долженъ былъ сдерживать молодого человѣка, желавшаго немедленно приступить къ обсужденію серьезныхъ вопросовъ. Они отложили это до возвращенія Эмиліи, которую отецъ долженъ былъ немедленно вызвать изъ деревни и отъ которой зависѣло окончательное рѣшеніе вопроса. Прійдя къ соглашенію держать все происшедшее въ тайнѣ, они трактовали о различныхъ вопросахъ и, казалось, были въ восторгѣ другъ отъ друга. Прощаясь съ Дютрейлемъ на площади, Сирейголь сказалъ:

— Вы удовлетворены... мой зять?

Морисъ поспѣшилъ въ свою комнату. Онъ написалъ отцу о безповоротномъ рѣшеніи. Тысяча мыслей наполняли его голову. Онъ не вѣрилъ дѣйствительности. Это кошмаръ... Имъ овладѣла страшная, нестерпимая тоска, вытѣснившая всѣ другія чувства, не исключая злобы. Онъ долго предавался ей, находя въ ней какую-то сладость; потомъ, сдѣлавъ рѣшительный и отчаянный жестъ, воскликнулъ:

— Ну, что-жъ? Тѣмъ хуже!... Кончено!...

IX.

«Кончено!...» тоже сказалъ и Сирейголь. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что въ клубѣ его ждутъ съ нетерпѣніемъ, но не появился тамъ больше въ тотъ вечеръ. Онъ любилъ морочить любопытныхъ.

При новомъ свиданіи, Дютрейль заговорилъ о своемъ увлеченіи литературой, называя его «ошибкой». Онъ искренно обвинялъ себя въ заблужденіяхъ и при этомъ скорѣе какъ бы убѣждалъ самого себя, чѣмъ своего собесѣдника.

— Полноте!—добродушно отвѣчалъ отецъ Эмиліи.—Кто не гонялся за призраками?... Они никому не вредятъ. Теперь вы отъ нихъ избавились и это главное. Любите книги, если вамъ это будетъ позволять ваша жена. Бракъ, это, мой милый, не гасильникъ и мы въ Монтаньякѣ не дураки.

Морисъ признался потомъ, что онъ бѣденъ, что отецъ его живетъ на маленькую пенсію, на которую онъ не можетъ разсчитывать. Сирейголь прервалъ его: Эмилія будетъ его единственною наслѣдницей... возможно позднѣе, само собою разумѣется. Онъ не можетъ передать ей часть своихъ средствъ, потому что весь капиталъ въ дѣлахъ... Но обѣщаетъ выдавать молодымъ ренту въ 1,200 фр. въ годъ и увеличить ее до 2,000 при рожденіи ребенка. Дю-

трейль можетъ, если на это будетъ согласна его жена, оставить за собой занимаемое имъ мѣсто, или подать въ отставку. Въ послѣднемъ случаѣ банкиръ поможетъ ему черезъ двоюроднаго брата, имѣющаго большое вліяніе въ министерствѣ. Если молодые предпочитаютъ поселиться въ Монтаньякѣ, то банкиръ будетъ платить за ихъ квартиру. Нѣтъ, нѣтъ, только не совмѣстная жизнь: всякъ самъ по себѣ, молодые и старые плохо уживаются. Онъ безъ церемоніи назовется къ нимъ завтракать, и ихъ приборы будутъ всегда накрыты у его стола, такъ будетъ лучше. Какъ только вернется Эмилія, Дютрейль можетъ начать свое ухаживаніе и они сообща назначатъ время свадьбы. Итакъ, все рѣшено?... Никакихъ возраженій, сомнѣній?... Безполезно въ такомъ случаѣ откладывать и бояться завистниковъ или болтуновъ. Онъ ручается заставить ихъ замолчать.

На слѣдующій день, во *Французскомъ кафэ*, въ которомъ Фёгароль не показывался послѣдніе два дня, Дютрейль объявилъ о томъ, что онъ женится. Удивленіе, какъ оно ни кажется страннымъ, съ которымъ была принята эта новость, и гордый видъ Дютрейля, объявившаго объ этомъ, положили конецъ обычнымъ поздравленіямъ. Лабутіеръ только улыбнулся, Брюандэ пробормоталъ: «Очень счастливъ, мой другъ, право, очень счастливъ», Манури не докончилъ начатой фразы. Избѣгали всякихъ вопросовъ и когда Морисъ вышелъ, Гонселэнъ воскликнулъ: «Если онъ будетъ такимъ съ женой!»

Когда Эмилія узнала о предложеніи Дютрейля (понятно, что Сирейголь сгладилъ многое, умолчавъ о томъ, что произошло во *Французскомъ кафэ*), она выразила удовольствіе безъ малѣйшаго удивленія. Она считала себя давно любимой и не только не оскорблялась и не удивлялась долгому молчанію молодого человѣка, напротивъ, еще больше уважала его за это. Она была убѣждена, что онъ хочетъ провѣрить свое чувство и относится къ браку съ такою же серьезностью, какъ и она. Время, одиночество, слухи, которые до нея доносились, заключенія, къ которымъ она вслѣдствіе нихъ пришла, ея невѣдѣніе всѣхъ заговоровъ и сплетенъ, жертвою которыхъ сталъ Дютрейль, скоро преобразили симпатію къ Морису въ нѣжную привязанность. Она довѣрчиво ждала его признанья и готовилась къ счастью. Она приняла Дютрейля такъ, точно видѣлась съ нимъ наканунѣ и точно «это дѣло» было рѣшено давно. Онъ съ своей стороны понялъ, что не долженъ притворяться страстно влюбленнымъ. Онъ былъ искрененъ, признался въ своихъ сомнѣніяхъ и опасеніяхъ. Объясненіе было короткое. Молодая дѣ-

вушка начала съ того, что съ своей стороны подтвердила согласіе, данное ему уже ея отцомъ. Никогда еще не рѣшалась жизнь двухъ существъ съ меньшей торжественностью и безъ всякой излишней болтливости.

Съ этого времени Дютрейль началъ ухаживать. Онъ пожелалъ, чтобъ ихъ свиданія происходили вечерами. Скоро Сирейголь отказался присутствовать при нихъ. «Я вамъ буду мѣшать и вы вызовете во мнѣ слишкомъ тяжелыя воспоминанія». Морисъ, боявшійся этихъ tête-à-tête, находилъ въ нихъ, однако, большое удовольствіе. Не имѣя никакого общенія съ женщинами, онъ считалъ ихъ существами низшими, несовершенными, безразсудными и ограниченными, неспособными разсуждать, подняться до извѣстнаго уровня, живущими случайными и противорѣчивыми ощущеніями, занятыми исключительно пошлостями. Простота, откровенность, ясный умъ, здравый смыслъ Эмиліи очаровывали его въ противоположность выходкамъ Регины Баранси и «лекціямъ» мадамъ Гарадель. Они избѣгали излюбленныхъ темъ для жениха съ невѣстой. Эмилія воспользовалась этимъ случаемъ, чтобъ открыть рояль, къ которому она не присаживалась съ выхода изъ монастыря. Она углублялась въ какое-нибудь шитье, или вышиванье, и представляла Дютрейлю вести разговоръ. Она любила, когда онъ высказывалъ свои мнѣнія, просвѣщалъ ее, она сознавалась въ своемъ невѣжествѣ. Дютрейль, можетъ быть, въ первый разъ, не испытывалъ желанія блеснуть, и, чтодлявлю бленныхъ очень странно, они мало говорили объ искусствѣ и поэзіи. Казалось, что они знаютъ другъ друга давно, сходились въ мнѣніяхъ, не дѣлая никакихъ уступокъ и ихъ согласіе не было основано на лжи и желаніи понравиться другъ другу.

Когда было рѣшено, что Дютрейль остается при исполненіи своихъ обязанностей до тѣхъ поръ, пока г. Дюпюшъ остается при своихъ, молодой человѣкъ сталъ торопиться со свадьбой. Его нетерпѣніе было вполнѣ законно, такъ какъ не было никакой причины откладывать свадьбу. Банкиръ этому тоже вполнѣ сочувствовалъ, но по другимъ причинамъ: откладывая, онъ боялся дать поводъ къ новымъ сплетнямъ. Убѣждая торопиться со свадьбой, Дютрейль самъ себя успокоивалъ и чувствовалъ, какъ все съ меньшимъ и меньшимъ волненіемъ ждетъ приближенія *непоправимаго* событія, которое должно было принести ему, какъ смерть, избавленіе. Прежде, послѣ нѣсколькихъ свиданій съ Эмиліей, онъ искренно говорилъ себѣ: «Я ее не люблю и я ее не желаю». Теперь же, когда онъ рѣшилъ свою судьбу безъ возврата, когда только отъ него

зависѣло назначить фатальный срокъ, онъ считалъ всякое промедленіе глупымъ. Онъ чувствовалъ, какъ страсть разгарается въ немъ, опьяняетъ его, рвется наружу, и онъ хотѣлъ отдаться ей.

Но одновременно, несмотря на всѣ его старанія разсѣять сожалѣнія, сомнѣнія и отчаянія, онъ ихъ испытывалъ даже вблизи Эмиліи. Онъ бы желалъ заснуть, спать долго и проснуться только потомъ, когда все будетъ кончено, какъ больной по окончаніи операціи. Увы, рѣшимость и покой не одно и то же! Напрасно онъ старался не думать, силился склониться передъ совершившимся фактомъ; малѣйшее дуновеніе разсѣивало это благоразуміе. Онъ извѣстилъ о своей помолвкѣ Ла-Бюрта: «На этотъ разъ я увѣренъ, что не ошибусь,—писалъ онъ,—я былъ созданъ для покоя и я только упрекаю себя въ томъ, что я не пришелъ къ этому сознанію раньше,—этимъ я бы себя избавилъ отъ многихъ страданій... Ты будешь писать шедёвры, а я буду ихъ читать». Онъ просилъ Ла-Бюрта быть его шаферомъ.

Ла-Бюртъ не повѣрилъ этой философіи и передъ самымъ отъѣздомъ получилъ отъ Дютрейля слѣдующую записку: «Не пріѣзжай... Твое присутствіе будетъ мнѣ слишкомъ больно!»

X.

Дютрейль представилъ Сирейголю заботу о всѣхъ подробностяхъ торжества. Тотъ, желая укрѣпить за собою славу устроителя празднествъ, старался превзойти себя. Ратушу онъ хотѣлъ убрать матеріей и цвѣтами, въ церкви должны были быть пѣніе и музыка. Гражданскій бракъ былъ назначенъ на десять часовъ утра; слѣдовательно, можно было надѣяться, какъ бы ни было велико краснорѣчіе приглашеннаго камерарія Дориньяка и приходскаго священника, сѣсть за столъ около двѣнадцати. Обѣдъ былъ заказанъ у Сюшара въ отдѣльномъ кабинетѣ (150 кувертовъ, богатая сервировка). Несмотря на жару, послѣ маленькаго перерыва за обѣдомъ долженъ былъ слѣдовать балъ. Вечеромъ молодые уѣдутъ съ экспрессомъ въ Бордо, гдѣ они должны «спрятать свое счастье». Но ихъ отъѣздъ не долженъ нарушать общаго веселья и танцовать будутъ до утра.

Наканунѣ свадьбы Морисъ, его отецъ, пріѣхавшій въ этотъ день, оба свидѣтеля Мориса, Дюпюшъ и Турніе, шаферъ Барсеголь и еще нѣсколько истинныхъ друзей Сирейголя обѣдали у него. Эмилія заботилась обо всемъ. Она спокойно отвѣчала на чисто материнскіе вопросы мадамъ Гарадель, отдавала приказанія, подавала

чай, исправляла неловкости, или забывчивость прислуги и нѣжно улыбалась жениху. Ея счастье было такъ глубоко, такъ наивно, такъ довѣрчиво, что она не думала о томъ, раздѣляется ли это счастье. Дютрейль плохо скрывалъ свое безпокойство. Нервный, взволнованный, задумчивый и молчаливый онъ мысленно перечислялъ всѣ доводы, на основаніи которыхъ онъ могъ положиться на совершающееся событіе, могъ безъ опасенія довѣриться будущему, не говоря уже о томъ, что теперь всѣ сомнѣнія были не своевременными. Онъ боялся слишкомъ глубоко забираться въ свою душу, боялся взрыва злобы и былъ благодаренъ Сирейголю, когда тотъ посовѣтовалъ разойтись, какъ только часы показали половину одиннадцатаго.

— Будьте благоразумны, дѣти мои,—сказалъ банкиръ.—Вы завтра насмотритесь другъ на друга. А пока сонъ ниспошлетъ вамъ сладкія сновидѣнья и эти сновидѣнья сбудутся.

Эти!... А можетъ быть это правда. Можетъ быть, мадамъ Гарадель была права, когда въ отвѣтъ на ироническое прощаніе Дютрейля она сказала ему:

— Не жалѣйте ни о чемъ... Я хочу, чтобы черезъ три мѣсяца вы меня поблагодарили.

Ночью дорога отъ квартиры Сирейголя до ратуши была усыпана пескомъ. Съ девяти часовъ начали собираться нищіе. Имъ, согласно обычаю, роздали хлѣба и денегъ, но они разсчитывали получить еще нѣсколько грошей при слѣдованіи процессіи. Они собирались сюда изъ предмѣстьевъ и сосѣднихъ деревень. Тутъ были калѣки, рабочіе, оставшіеся безъ заработка, хищные крестьяне, дѣти, убѣжавшія изъ школы, хорошо одѣтыя, сытыя женщины, веселыя и смѣлыя, все это лѣнивое и позорное населеніе южныхъ городовъ, которое предпочитаетъ протянуть руку за милостыней, чѣмъ взяться за работу, и которое поддерживается неумѣстной благотворительностью. Появленіе табора цыганъ, остановившихся на ярморочной площади, вызвало всеобщее негодованіе. «Они даже не избиратели!»—крикнулъ одинъ каменщикъ, двадцать разъ приговоренный за явное пьянство и нарушеніе общественной тишины и спокойствія. Завязалась драка, женщина, обладавшая бараньею костью, собиралась ею замахнуться, когда вдругъ Голіаѳъ, повисшій на балконѣ театра, крикнулъ: «Вотъ они!... Вотъ они!...»

Дѣйствительно по улицѣ Принциповъ 1789 года (раньше улица Капуциновъ) былъ уже слышенъ шумъ экипажей. Нищіе тотчасъ же встали въ шеренгу, и наиболѣе искалѣченные, забывъ о своемъ безсиліи, протиснулись въ первый рядъ. Голіаѳъ

опять крикнулъ: «Вотъ они!... Вотъ они!...» По боковымъ улицамъ бѣжали цѣлыя толпы: женщины съ рынка въ фартукахъ, испачканныхъ кровью и рыбьей чешуей, мелкіе служащіе изъ ратуши и почты, сидѣлки изъ больницы, лавочники, швеи, въ попыхахъ вкалывавшія въ лифъ иголки съ нитками, оставшіяся у нихъ въ рукахъ. Недалеко послышался барабанный бой и скоро приходящіе воспитанники лицея, побросавъ на землю книги и ранцы, кинулись къ площади. Они знали, что и Брюандэ, ихъ профессоръ, присутствуетъ на свадьбѣ. Экипажи подвигались шагомъ. Благодаря вновь прибывающимъ, запоздавшимъ зрителямъ въ толпѣ происходило движеніе. Отцы сажали своихъ дѣтей на плечи. Нищіе просили подаянія. Слышался смѣхъ, пронзительные крики женщинъ, которыхъ толкали. Приглашенные, разсортированные по степени родства и по представительности, казались веселыми и торжественными. Мужчины, стѣсненные новымъ платьемъ, осторожно выпрыгивали изъ экипажей на тротуаръ и подавали руки дамамъ, которыя, благодаря своимъ нарядамъ, имѣли такой величественный видъ, что, казалось, онѣ не пройдутъ въ дверку.

Въ толпѣ замѣтили блѣдность Дютрейля, его смущенный видъ, лихорадочные взгляды и нервное дрожаніе рукъ:

— Молодой точно не присутствуетъ на свадьбѣ,—замѣтила одна старуха.

— Ему жмутъ сапоги...

— Онъ не чувствуетъ себя вдохновленнымъ для сегодняшняго вечера...

Любовались граціей Эмиліи, когда она, зарумянившаяся, подъ бѣлымъ кружевомъ, исчезла подъ руку съ отцомъ подъ темнымъ сводомъ ратуши. Городской голова «счелъ своимъ долгомъ», несмотря на нездоровье, самъ участвовать во всѣхъ формальностяхъ, требуемыхъ закономъ. Въ «маленькой и отеческой рѣчи», напечатанной потомъ въ *Патріотѣ*, онъ напомнилъ, что бракъ—основа общества и что, относясь къ этому обыденному факту серьезно, нужно признать, что онъ составляетъ всю исторію человѣчества или даже, можно сказать, цивилизаціи. Онъ поздравилъ Сирейголя, Эмилію, Дютрейля, поздравилъ затѣмъ и Монтаньякъ, который выражалъ свою благодарность мимоходомъ его устами, и, наконецъ, поздравилъ самого себя. Церемонія въ церкви вдохновила другую газету: «Никогда,—писалъ Малишекъ,—въ нашей старой базиликѣ не происходило болѣе трогательнаго зрѣлища. Оно должно успокоить тѣхъ, кого пугаетъ распространяющееся безвѣріе. Слава Богу, вѣра еще живетъ въ чистыхъ душахъ. Она увѣковѣчивается

въ нашей доблестной и честной буржуазіи, давшей нашему отечеству столько безвѣстныхъ героевъ и добродѣтельныхъ гражданъ». Торжественные звуки органа, ѳиміамъ ладона, убранство, цвѣты— все это тоже восхвалялось по достоинству. Какъ благодарить господина X*** и госпожу Z***, исполнившихъ своими страстными и могучими голосами *Pie Jesu* и *O Salutaris*!... Но проповѣдь Доріньяка превосходила всякую похвалу. «Перо отказывалось передать это краснорѣчіе, привыкшее съ каѳедры поражать заблужденія, смущать высокомѣрные умы, доказывать непоколебимость догмата, способное дѣйствовать на сердце и заставить проливать слезы».

Онъ доказалъ, что бракъ—основа общества, организованнаго Всевышнимъ, только Всевышнимъ!... Богъ благословляетъ браки, которымъ сочувствуетъ, и награждаетъ своей милостью вѣрныя существа. Онъ поздравилъ Сирейголя, Эмилію, Дютрейля; поздравилъ Монтаньякъ и поздравилъ самого себя.

— Вашими достоинствами, — обратился онъ къ Дютрейлю, — вашимъ умомъ, вашими просвѣщенными взглядами, благородствомъ вашей души вы заслужили общее уваженіе и сдѣлались членомъ нашего общества. Вы захотѣли, чтобы между нами была прочная и болѣе для васъ пріятная связь, которая бы упрочила дружескія отношенія, возникшія сами собою. Съ радостью привѣтствуемъ мы сегодня васъ, какъ нашего земляка. Пріемные дѣти не менѣе дороги матерямъ, чѣмъ родные. Будьте счастливы вы,— обратился онъ къ Эмиліи,—вы, которую Господь избралъ орудіемъ этого единенія въ покоѣ и любви. Безъ сомнѣнія, ваша задача велика, но вмѣстѣ съ тѣмъ для васъ она легка!... Чтобы въ вашемъ брачномъ союзѣ упрочились всѣ добродѣтели, вамъ стоитъ только перенести въ вашъ новый очагъ традиціи родительскаго дома!...

Какое неоцѣненное выраженіе общихъ симпатій!... Церковь, несмотря на значительные размѣры, не могла вмѣстить всю эту толпу друзей, желавшую выразить своимъ присутствіемъ сочувствіе молодымъ. Зачѣмъ называть имена? Вѣрнѣе сказать, что «весь Монтаньякъ» былъ на-лицо.

Выходя изъ церкви, Дютрейль, произнесшій твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ безповоротное «да», сказалъ Барсеголю:

— Вы видѣли?... Мадемуазель де-Берарь *нарочно* вернулась изъ деревни.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

По окончаніи свадебнаго путешествія господинъ и госпожа Морисъ Дютрейль заняли квартиру, выбранную ими изъ двадцати, на углу площади Оружій. Комнаты были большія, свѣтлыя и удобно расположенныя. Большой балконъ выходилъ на площадь, гдѣ по четвергамъ играла военная музыка. Ихъ квартира, удобная во многихъ отношеніяхъ, имѣла еще преимущество, что помѣщалась близко отъ церкви, отъ рынка и отъ квартиры банкира. Эмилія взяла на себя хлопоты по разстановкѣ мебели, по найму прислуги и распредѣленію бюджета. Дютрейль, ненавидѣвшій счеты и разсчеты, сознался, что онъ ничего не понимаетъ въ хозяйствѣ, а жена его, такая покорная во всѣхъ отношеніяхъ, не уступила бы ему ключей и разсчетовъ, находя, что это «не мужское дѣло».

Каждое воскресенье господинъ и госпожа Дютрейль обѣдали у Сирейголя. Послѣдній, наоборотъ, несмотря на частыя просьбы, рѣдко у нихъ обѣдалъ. «Я вамъ скоро надоѣмъ, — говорилъ онъ. — Какъ! Я оставляю васъ вдвоемъ и вы жалуетесь?... Вотъ такъ медовый мѣсяцъ!... Ахъ, еслибъ мнѣ было столько лѣтъ, сколько вамъ!...» И отказъ и огорченіе старика скоро нашли себѣ объясненіе. На слѣдующій день послѣ свадьбы банкиръ перевезъ въ Монтаньякъ Розетту Канаби. Онъ помѣстилъ ее у въѣзда города въ уединенномъ домикѣ. Такимъ образомъ онъ надѣялся держать это въ тайнѣ, но сосѣди, прохожіе—всѣ обратили вниманіе на незнакомку съ дерзкимъ лицомъ, въ эксцентричныхъ туалетахъ, напѣвавшую, при открытыхъ окнахъ, гривуазные мотивы и курившую папиросы въ саду. Замѣтили тоже появленія и исчезновенія Сирейголя. Покончивши съ дѣловою корреспонденціей, онъ ежедневно шелъ къ ней; тамъ ужиналъ и встрѣчалъ восходъ солнца. Розеттѣ такое заточеніе было не по душѣ и скоро она объявила, что не желаетъ, чтобъ ее держали въ клѣткѣ. Она показалась въ Монтаньякѣ. Банкиръ рискнулъ сдѣлать ей выговоръ, показалъ видъ, будто разсердился, пригрозилъ ей даже. Но уступилъ ей съ перваго же слова и съ этого дня она держала его въ рукахъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ она усѣлась съ нимъ на террасѣ *Французскаго кафэ*. Это рабство, тѣмъ не менѣе, доставляло ему удовольствіе. Онъ имъ гордился. Онъ самодовольно улыбался, когда его разспрашивали о ней въ *Philo*. Представлялся утомленнымъ, изнемогающимъ отъ ея ревности и навязчивой нѣжности и разсказывалъ невѣроятныя происшествія, чѣмъ злилъ Кугуля, выведен-

наго изъ терпѣнія «этой нахалкой». Повторялъ часто: «Розетта меня ждетъ... Розетта будетъ недовольна... Представьте, вчера Розетта...» А иногда восклицалъ въ экстазѣ: «Какъ она меня любитъ, эта крошка, какъ она меня любитъ!...»

Такая открытая связь не могла ускользнуть и отъ Дютрейля. Онъ никогда не отличался строгостью и нетерпимостью, кромѣ того онъ признавалъ, что его beau-père свободенъ въ своихъ поступкахъ и что общество относится снисходительно къ его похожденіямъ. Все же ему это было непріятно. Его достоинство, стыдливость были задѣты, вѣрнѣе даже, онъ испытывалъ какое-то новое чувство, появившееся съ женитьбой,—«самоуваженіе». Хотя онъ и не считалъ себя вправѣ вмѣшиваться, но сдѣлалъ бы Сирейголю замѣчаніе, еслибъ не боялся навлечь на себя подозрѣніе, что его главнымъ образомъ безпокоитъ возможность новаго потомства у старика. Онъ старался, по крайней мѣрѣ, скрыть этотъ «скандалъ» отъ жены и потому ли, что послѣдняя дѣйствительно не знала, или потому, что въ ней говорило почтеніе къ родителю, но она молчала. Ихъ счастье, то-есть однообразіе ихъ жизни, отъ этого не измѣнилось.

Совершенно увѣренный въ томъ, что Дюпюшъ не ускоритъ его отставку, Дютрейль думалъ только о томъ, чтобы поскорѣе избавиться отъ непріятности службы. Онъ ходилъ туда возможно позже и возвращался возможно раньше. Какъ только было четыре часа, онъ спѣшилъ домой съ увѣренностью, что встрѣтитъ веселую улыбку, нѣжный взглядъ и поцѣлуй жены. Онъ любилъ блестящую площадку прихожей, видъ на садъ, яркій свѣтъ на лѣстницѣ, полусвѣтъ маленькой гостиной, на порогѣ которой она его встрѣчала, любилъ все, даже то, какъ была разставлена мебель. Поставить палку въ уголъ, повѣсить шляпу, отдернуть занавѣски,—всѣ эти мелочи заставляли его испытывать чудное и всегда новое чувство покоя. Эмилія садилась возлѣ него. Онъ бралъ ее за руки и спрашивалъ: «Что ты дѣлала сегодня?» Даже однообразіе ея отвѣтовъ было полно очарованья. Она разсказывала, какъ слѣдила за всѣмъ, что дѣлалось въ домѣ, какъ направляла старательную, но немного медлительную Марселину, дѣлала «необходимыя» покупки, воспользовалась «исключительнымъ» случаемъ. Она гордилась полными шкафами, тѣмъ, чтобы все блестѣло, и массой посуды. Пятно, паутина, пыль гдѣ-нибудь ее омрачали. Онъ спрашивалъ: «Что у насъ будетъ къ обѣду?...—и одобрялъ выборъ, хвалилъ, какъ приготовлены кушанья, удивлялся ихъ дороговизнѣ или дешевизнѣ, интересовался стоимостью говядины и зелени. Спрашивалъ: «Ты

никого не видѣла?...—хотя почти былъ увѣренъ, что услышитъ обычное: «нѣтъ, никого...» Кромѣ того, что Эмиліи нравилось сидѣть дома, у нея было мало подругъ, съ которыми она могла бы видѣться. Она осторожно отклонила предложеніе мадамъ Гарадель приходить къ ней «поболтать время отъ времени». Какъ бы она ни проводила день, чѣмъ бы ни была занята, она кончала свои занятія къ приходу Мориса. Хотѣлось ли ему «посмотрѣть на прохожихъ» съ балкона, пройтись по набережной, по городу, пробѣжаться по извилистымъ дорожкамъ сада (онъ пристрастился къ садоводству, изучая прививку черенковъ и устройство питомника), Эмилія не знала лучшаго счастья, какъ удовлетворять всѣ его желанія. Они охотно оставались дома, имъ лѣнь было двинуться и они предпочитали безсвязные разговоры, безмолвную интимность.

Дѣйствительно, бракъ далъ Дютрейлю все, что онъ отъ него ожидалъ: спячку ума и спокойствіе тѣла. Больше того, онъ надѣялся покончить съ вѣчными сожалѣніями, искоренить въ зародышѣ безполезныя надежды, наконецъ обрѣсти спокойствіе духа и получить удовлетвореніе, — и на этотъ разъ онъ не ошибся. Если жизнь и не представлялась ему вѣчнымъ наслажденіемъ, если онъ и не испытывалъ жгучей страсти истыхъ любовниковъ, вѣчно трепещущихъ въ объятіяхъ другъ друга, то все-таки желанія были въ немъ очень сильны и неотступно руководили всѣми его мыслями. Ихъ вызывало окружавшее его благосостояніе, спокойствіе, царившее дома, и безпечность. Какъ большое горе, такъ и большая радость молчаливы.

Это блаженство Дютрейль испытывалъ обыкновенно къ концу дня, потому что тогда все складывалось для него пріятно. Обѣдъ не подавался, какъ завтракъ, впопыхахъ, и не отравлялся мыслью о неоконченной работѣ. Столъ былъ изысканный и обильный. Марселина убирала со стола безъ шума. Румяная, съ толстыми щеками, здоровымъ голосомъ, въ чепчикѣ и бѣлоснѣжномъ фартукѣ, она внушала довѣріе и дѣлала честь дому. Дютрейль охотно засиживался въ столовой, пропитанной запахомъ кушаній. Онъ сидѣлъ подбоченясь на *своемъ* стулѣ, разсматривая *свою* мебель, сжимая въ рукѣ *свой* стаканъ такъ, какъ бы онъ сжималъ руку друга. Онъ любилъ, чтобы лампа зажигалась рано, чтобъ она придавала своимъ свѣтомъ веселость и уютность. Онъ облакачивался на столъ, или качался на стулѣ, медленно выкуривая папироску. Его горизонтъ составляли или привѣтливое, улыбавшееся ему, личико Эмиліи, или деревья его сада, виднѣвшіяся въ открытое окно при свѣжемъ вечернемъ вѣтеркѣ. Онъ читалъ только что принесенныя

почтальономъ газеты, пробѣгая вслухъ «разныя разности». «... Вотъ какъ! хотятъ исправить улицу Свободной Мысли!... Ахъ, мадамъ Песшеро скончалась!... Ты была съ нею знакома?...» Такіе разговоры, прогулка, ничего недѣланіе вполнѣ удовлетворяли его. Ко дню его рожденія, въ концѣ сентября, Эмилія подарила ему книжный шкафъ, чтобъ убрать въ него книги, заброшенныя на чердакѣ; сдѣлала она это, главнымъ образомъ, потому, что «шкафъ украшалъ квартиру». Онъ ложился спать рано, спалъ въ увѣренности проснуться на слѣдующее утро съ тѣмъ же покоемъ на душѣ, съ которымъ провелъ день наканунѣ.

Однако, когда наступила зима, Дютрейль предложилъ нарушить это однообразіе. Не потому, чтобъ оно ему надоѣло, но потому, что настало время исполнять его новыя обязанности, пользоваться новыми правами. Когда онъ рѣшился жениться на мадемуазель Сирейголь, онъ взвѣшивалъ выгоды и невыгоды. Онъ понималъ, что этимъ связываетъ себя съ Монтаньякомъ, гдѣ придется долго прожить и можетъ быть даже умереть. Нужно же было упрочить выгоды этого положенія.

Мужъ считалъ себя удовлетвореннымъ; теперь, ставши монтаньякійцемъ, онъ искалъ удовлетворенія и въ тѣхъ привилегіяхъ мѣстнаго общества, которыми пользовались ея члены.

— Дорогая моя,— сказалъ онъ однажды Эмиліи, — теперь всѣ уже въ сборѣ, пора намъ сдѣлать визиты.

Она отвѣчала просто:

— Когда хочешь.

Она знала, что ей не доставитъ это ни малѣйшаго удовольствія, но не старалась избѣжать того, что тоже считала соціальной необходимостью. Правда, она бы желала, по возможности, сократить это утомительное занятіе. Но Морисъ ей доказалъ, что одинаково тяжело сдѣлать какъ десять, такъ двадцать и тридцать визитовъ, что она должна стараться никого не обидѣть, сообразоваться «съ требованіями ихъ положенія», думать о будущемъ, что единственное средство, наконецъ, увидѣть двери передъ собою открытыми, это постучаться въ нихъ.

Для безпристрастнаго наблюдателя представляетъ много интереснаго слѣдить за супругами, дѣлающими визиты, и изучать ихъ.

Мужъ въ сюртукѣ строгаго покроя, дѣлающій видъ будто застегиваетъ перчатки, чтобы занять свои руки и желающій быть развязнымъ, однако не настолько, чтобы отъ этого пострадала торжественность; жена, невѣроятно разряженная, молчаливая, какъ монахиня, или болтливая, какъ актриса, и всегда неестественная.

Изъ-за порога, или драпировокъ за ними слѣдятъ ротозѣи, критикуютъ ихъ манеры, костюмы и стараются проникнуть въ тайный смыслъ ихъ посѣщенія. «Ахъ! вотъ господинъ и госпожа Женеро... Ишь!... Мадамъ Женеро носитъ еще свое розовое платье!... Они отправляются къ мадамъ Белюгу.—Нѣтъ, къ мадамъ Эсгарисъ.—Хотите пари, что они повернутъ налѣво?... Видите, я говорилъ!...» И ошибаются рѣдко, развѣ только можетъ случиться, что мадамъ Женеро начнетъ съ мадамъ Эсгарисъ и кончитъ мадамъ Белюгу.

Съ каждымъ новымъ визитомъ супруги понемногу утрачиваютъ торжественность. Наступаетъ ночь, а они точно проклятые, какъ это бываетъ въ легендахъ, все еще ходятъ и ходятъ по городу. Уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своей квартиры они вдругъ вспоминаютъ: «Господи!... Мы чуть не забыли Дюфуровъ!...» и блѣдные спѣшатъ обратно. Они блуждаютъ въ потемкахъ усталые и измученные, подбодряя себя возгласомъ:

— Все равно!... намъ теперь осталось только девятнадцать!...

Господинъ и госпожа Дютрейль храбро переносили эту напасть. Морисъ объяснилъ Эмиліи, что все непріятное искупается оказаннымъ имъ пріемомъ, въ которомъ онъ видѣлъ доказательство особенной симпатіи, разсчитывая ею воспользоваться. Новая легенда была сочинена насчетъ ихъ свадьбы. Говорилось теперь о продолжительной и непоборимой любви. Радушный пріемъ мадамъ Белюгу и мадамъ Круазэ сдѣлали на Дютрейля меньше впечатлѣнія, чѣмъ пріемъ хотя и любезный, но оказанный имъ нѣсколько свысока мадамъ Баржъ и мадемуазель Бераръ! Онъ былъ очень доволенъ ихъ пріемомъ и посовѣтовалъ женѣ тоже «имѣть день», какъ другія,—она назначила среды.

Эти дни Морисъ проводилъ въ клубѣ, возвращаясь домой къ обѣду. Полный любопытства, не успѣвъ еще развернуть салфетку, онъ небрежно спрашивалъ:

— Кто у тебя былъ сегодня?...

Рвеніе это скоро было вознаграждено. Около половины ноября господинъ и госпожа Дютрейль были званы на обѣдъ, устраиваемый разъ въ мѣсяцъ мадамъ Эсгарисъ, а въ концѣ мѣсяца—на вечеръ «совершенно интимный» къ мадамъ Блантіе де-Жирессъ, желавшей воспользоваться временнымъ пребываніемъ въ Монтаньякѣ своей племянницы, вышедшей недавно замужъ за того самого гусара, который сильно ухаживалъ за маленькой мадамъ Женеро. Кромѣ того они получили еще одно приглашеніе—изъ префектуры.

Ходили слухи, что въ этомъ году будутъ много веселиться. Говорили объ утрѣ у мадемуазель Пейредуль и о костюмированномъ вечерѣ у мадамъ де-Баржъ. Но для молодоженовъ эти ожиданія не сбылись. Въ началѣ декабря Морисъ былъ вызванъ телеграммой въ Рошфоръ. Онъ пріѣхалъ слишкомъ поздно. Старикъ Дютрейль, здоровье котораго давно было разстроено, несмотря на то, что никто этого не подозрѣвалъ, не могъ бороться съ болѣзнью, сокрушившей его въ нѣсколько часовъ. Горе сына было глубоко. Онъ испытывалъ безконечную нѣжность къ этому, много страдавшему старику, любившему его больше всего на свѣтѣ. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что не отвѣчалъ ему какъ должно на эту любовь, не былъ достаточно ласковъ, покоренъ, преданъ. Упрекалъ, что разстался съ отеческимъ домомъ для того, чтобы преслѣдовать несбыточныя, безумныя, преступныя мечты. Онъ превозносилъ покойнаго, вспоминалъ его слова, поступки, которыхъ прежде не замѣчалъ, а теперь находилъ необычайными. Онъ представлялъ себѣ, какъ могъ бы вблизи этого человѣка провести всю свою жизнь, принося жертвы отмѣченныя впослѣдствіи исторіей и поэзіей; онъ чувствовалъ, онъ былъ увѣренъ, что такую жизнь онъ несъ бы безъ труда. Онъ оплакивалъ непрочность человѣческой привязанности, эти кажущіяся неразрывныя связи, разрушаемыя дуновеніемъ вѣтерка. Мысль, что его острое горе притупится, что, скоро можетъ быть, онъ забудетъ о немъ, какъ и всѣ, въ силу обстоятельствъ, его возмущала. Онъ старался оставаться подъ впечатлѣніемъ удара, возбуждать свое горе, поддерживать свое уныніе. Къ женѣ онъ чувствовалъ злобу, почти ненависть за то, что она оторвала его отъ семьи; потомъ подумалъ, что теперь только она одна его любитъ, и эта потребность чувствовать, что насъ любятъ и что мы любимъ, заставила его понять, насколько она ему дорога.

Поддавшись чувству жалости, Дютрейль предложилъ своей теткѣ переѣхать къ нему въ Монтаньякъ. Она отказалась, отговариваясь возрастомъ, привычками, желаніемъ никого не стѣснять и обязанностями по отношенію къ усопшимъ. Она прожила недолго и скончалась въ началѣ слѣдующаго года отъ тифозной горячки. На похоронахъ Дютрейль могъ убѣдиться въ очень быстромъ исчезновеніи своего горя и въ невозможности вновь возбудить его. Онъ зналъ, что его отецъ жилъ на небольшую пенсію, зналъ также, что у тетки были небольшія деньги, поэтому нисколько не удивился, когда получилъ изъ конторы Дарнажу извѣщеніе зайти «по дѣлу его касающемуся». Но былъ пораженъ, когда нотаріусъ передалъ ему, какъ единственному наслѣднику, 83,000 франковъ. Старая

дѣва сумѣла во-время продать желѣзнодорожныя акціи разорившейся компаніи. Эту удачную и неожиданную прибыль она скрыла какъ и другія удачныя операціи. Ничего не смысля въ дѣлахъ, Дютрейль поручилъ beau-père'у управленіе этимъ капиталомъ. Главную силу своего состоянія онъ видѣлъ въ томъ, что оно устанавливало равновѣсіе между нимъ и его женой.

Сирейголь предложилъ Морису сдѣлаться его компаніономъ.

Эта мысль понравилась Дютрейлю. Служба ему надоѣла, свое положеніе онъ считалъ невыясненнымъ и непрочнымъ. Г. Дюпюшъ рано или поздно удалится отъ дѣлъ, а что его тогда можетъ ожидать? Перемѣщеніе въ другой городъ? Маленькое жалованье, одиночество, бездѣлье, отсутствіе общества, ссоры, шпіонство, сплетни, вотъ на что онъ могъ только разсчитывать въ новой резиденціи.

Банкъ же стоялъ прочно и увеличеніе капитала могло только увеличить его кредитъ. Наконецъ, онъ будетъ *независимъ*, т.-е. свободенъ выбирать своихъ друзей, открыто говорить о своихъ симпатіяхъ и дѣйствовать, какъ ему вздумается. Онъ согласился.

Сирейголь сообразилъ, что, подъ предлогомъ пріученія зятя къ дѣлу, можетъ свалить на него черезъ нѣсколько недѣль всю черновую работу и свободнѣе отдаться своей любви къ Розеттѣ, настоящей страсти, которая росла съ каждымъ днемъ. Онъ снесъ свои туфли въ занимаемую ею съ зимы квартиру на углу бульвара и набережной, и часъ, проведенный безъ нея, казался ему вѣкомъ. Но однажды вечеромъ, возвращаясь къ Розеттѣ, онъ засталъ гнѣздо разореннымъ. Она продала всю мебель, купленную на ея имя, и бѣжала. Это бѣгство (потомъ узнали, что Розетта бѣжала съ военнымъ, получившимъ назначеніе въ Ліонѣ), продажа мебели съ молотка, насмѣшки, вызванныя этимъ происшествіемъ, удручали отца Эмиліи. Его не щадили. «Что-жъ, — сказалъ ему Шармулю, — это должно было случиться, не правда ли?... Вы были не въ ея вкусѣ». Кугуль передразнивалъ банкира: «Ахъ! какъ она меня любитъ, эта крошка, какъ она меня любитъ!» — восклицалъ онъ въ *Philo*, когда его въ картахъ преслѣдовала дама пикъ или дама бубенъ. Онъ же перечислялъ любовниковъ Розетты и давалъ понять, что самъ... Однако, скоро все это улеглось. Сирейголь уѣхалъ на двѣ недѣли на югъ и по возвращеніи казался излѣчившимся. Но такіе удары въ его возрастѣ переносить не легко. Съ нимъ произошла перемѣна. Онъ рѣже появлялся въ клубѣ, часто проводилъ вечера у камина, довольствовался чисто-семейными радостями, относился къ своему зятю съ уваженіемъ. Онъ упрекалъ себя въ холодности къ своимъ дѣтямъ и, чтобъ искупить ее и избѣжать же-

стокихъ воспоминаній, неизбѣжныхъ въ одиночествѣ, упрашивалъ ихъ согласиться жить подъ его крышей. Онъ не затруднялся найти убѣдительные доводы: уменьшеніе расходовъ, удовольствіе совмѣстной жизни... Мѣста достаточно: даже было мѣсто и для будущихъ дѣтей. Господинъ и госпожа не могли отказаться и въ концѣ апрѣля переѣхали къ нему. Старый домъ былъ обновленъ, блестѣлъ, а надпись на мраморной доскѣ золотыми буквами: Сирейголь и Дютрейль, предвѣщала ему эру спокойствія и благоденствія.

II.

Наступили законодательные выборы. До сихъ поръ депутатъ Лагролэ пользовался полнымъ сочувствіемъ и безъ борьбы съ 1876 года избирался постоянно. Онъ настолько былъ увѣренъ въ прочности своего положенія, что рѣдко показывался въ Монтаньякѣ, проводя свободное отъ засѣданій время за границей на водахъ, а на просьбы пріѣхать отвѣчалъ извиненіями: «... Неожиданно задержанъ. Мысленно всѣмъ сердцемъ съ вами»... Ему надоѣло ухаживать за избирателями, и онъ махнулъ на нихъ рукой. Друзья его предупредили о шаткости его положенія, однако онъ этому не повѣрилъ, считая себя необходимымъ дѣятелемъ. Тѣмъ не менѣе и печать стала относиться къ нему иначе, и на столбцахъ газетъ появилось новое имя кандидата Сериньяка, къ которому относились очень сочувственно. Самъ Сериньякъ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобъ обезпечить свое избраніе. Желая добиться популярности, онъ разъѣзжалъ по деревнямъ, знакомилъ съ собой населеніе. Онъ не пренебрегалъ никакими пріемами. Когда крестьяне бывали заняты полевыми работами, онъ обращался къ ихъ женамъ. Говорилъ о томъ, съ какимъ уваженіемъ относится къ ихъ здравому смыслу, выражалъ сожалѣнія, что женщинамъ не предоставлено на выборахъ право голоса, и заканчивалъ словами: «*Поцѣлуй въ удачный моментъ, а потомъ можно сказать мужу: избирай Сериньяка*». Послѣ довольно продолжительной борьбы выборы закончились избраніемъ Сериньяка, получившаго 11,657 голосовъ, причемъ Лагролэ получилъ всего 5,715. Толпа шумно привѣтствовала побѣдителя, вышедшаго на балконъ и обратившагося къ народу со слѣдующими словами: «Привѣтствуйте не меня, а кричите: да здравствуетъ Монтаньякъ!»

III.

Дютрейль не принималъ никакого участія въ этой борьбѣ. Прежде онъ свысока относился къ политикѣ. «Это,— говорилъ

онъ,—муза пустыхъ головъ и звонкихъ глотокъ». Въ данномъ же случаѣ онъ не могъ отдѣлаться отъ непріязненнаго чувства къ любовнику мадамъ Гарадель, въ которомъ не хотѣлъ сознаться. Завѣдываніе банкомъ, мало-по-малу переданное ему Сирейголемъ, поглотило его всецѣло. Сухость этого дѣла сначала отталкивала его, но потомъ онъ въ него втянулся. Черезъ три мѣсяца онъ уже пріобрѣлъ репутацію «серьезнаго человѣка», которую Сирейголь не сумѣлъ пріобрѣсти, несмотря на свое лукавство и осторожность. Полученное наслѣдство позволяло расширить ихъ операціи, почти всегда удачныя, благодаря практикѣ Сирейголя и его глубокому знакомству съ мѣстными условіями, а также благодаря крайней предупредительности и сдержанности Дютрейля. Онъ нравился кліентамъ, внушалъ къ себѣ довѣріе. Балансъ послѣдняго года показалъ, что доходъ значительно превышаетъ доходы предыдущихъ годовъ, и Сирейголь благородно приписалъ это Дютрейлю, несмотря на то, что тотъ только съ марта мѣсяца вступилъ въ компанію.

Этотъ успѣхъ при супружескомъ счастьи заставилъ его привести въ исполненіе давно задуманный планъ—дать вечеръ. Не то, чтобъ его вкусы измѣнились въ этомъ направленіи. Онъ не любилъ «свѣта» и его развлеченій. Онъ вовсе не думалъ блеснуть состояніемъ, поразить щедростью, возбудить зависть или благодарность. Онъ бы охотно избѣжалъ сопряженныхъ съ этимъ расходовъ и скуки, еслибъ могъ другимъ путемъ достигнуть тѣхъ же выгодъ, на которыя разсчитывалъ въ этомъ случаѣ. Но пригласить и принять у себя лицъ, избранныхъ по его собственному желанію, значило стать на одну ногу съ этими людьми, заставить ихъ признавать его равнымъ себѣ. Это значило оффиціально и окончательно овладѣть Монтаньякомъ. Прошло достаточно времени; уваженіе, которое онъ встрѣчалъ, позволяло ему думать, что такой шагъ будетъ своевременнымъ. Онъ высказался въ этомъ смыслѣ однажды въ воскресенье вечеромъ у камина въ присутствіи жены и тестя и, не дожидаясь подтвержденія, привелъ неопровержимыя доказательства. Развѣ они не обязаны отблагодарить за оказанное имъ вниманіе?—Трауръ въ свое время помѣшалъ имъ воспользоваться любезными приглашеніями, тѣмъ не менѣе они обязаны выразить благодарность. А если подумать о будущемъ,—они же собирались расширить свое знакомство, придерживаясь извѣстнаго круга. Нужно рѣшить, какой имъ вести образъ жизни, будутъ ли жить отшельниками, къ которымъ относятся пренебрежительно и которыхъ не хотятъ знать, или съ достоинствомъ завоюютъ себѣ законное по-

ложеніе, когда отшельничество указываетъ на извѣстнаго рода аристократизмъ...

Не возражая формально, Эмилія указала, какія неудобства сопряжены съ такимъ вечеромъ. Къ чему это безпокойство, зачѣмъ заставлять о себѣ говорить, подстрекать злословіе и зависть? Развѣ ихъ не могутъ упрекнуть въ тщеславіи? А въ случаѣ неудачи—какая непріятность!... Сколько заботъ! Сколько хлопотъ!

Но Сирейголь горячо поддержалъ зятя.

— Гораздо солиднѣе,—сказалъ онъ,—принять кого-нибудь, чѣмъ быть принятымъ. Морисъ правъ. Теперь время занять извѣстное и опредѣленное положеніе и вы имѣете возможность сами его избрать. Въ этомъ отношеніи вы счастливѣе многихъ другихъ. Что ты говоришь о насмѣшкахъ, презрѣніи и отказѣ?... Почему всѣ эти дамы откажутся пить твое шампанское и кушать твое пирожное?... Онѣ во многихъ домахъ и пили и ѣли!... Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто будетъ кобениться!... Что же касается расхода, я его беру на себя.

Чтобъ избѣжать подозрѣнія въ скупости, Эмилія уступила.

Не откладывая въ долгій ящикъ, они назначили день. Январь мѣсяцъ уже былъ на исходѣ. Въ февралѣ долженъ былъ состояться годичный балъ въ префектурѣ, прощальный вечеръ у податного инспектора въ надеждѣ воспользоваться послѣдней возможностью сбыть съ рукъ своихъ двухъ дочерей, — отставка его была неминуема. Еще предполагался любительскій спектакль у мадамъ Тумазо. Полковница была въ радужномъ настроеніи и выражала его въ неисчерпаемыхъ потокахъ краснорѣчія, но трудно было понять, что именно вызывало у нея такое настроеніе, свадьба ли ея дочери Анжэль съ Редёльемъ, или никѣмъ не ожидаемое образованіе труппы. Благодаря недавнимъ назначеніямъ, въ полку прибавились три супружества, опытныхъ и увлеченныхъ сценой и пользовавшихся успѣхомъ въ другихъ гарнизонахъ. Съ участіемъ ихъ, Шалэ, Дю-Фусса и другихъ, мадамъ Тумазо поставила «очаровательную пьеску» Фёлье и водевиль Лабиша. Говорили о чудныхъ исполнителяхъ, репетировавшихъ два раза въ день, выпрашивали другъ у друга пригласительныя карточки, прекрасно разрисованныя офицеромъ, бывшимъ когда то въ школѣ изящныхъ искусствъ въ Тулузѣ.

Чтобы дать нѣкоторый отдыхъ танцорамъ и дать время забыть объ этихъ великолѣпіяхъ, Сирейголь предложилъ назначить вечеръ въ половинѣ поста. Эмилія возстала, считала это неудобнымъ въ религіозномъ отношеніи. Она предпочла бы субботу масляницы, несмотря на то, что до этого срока оставалось уже очень мало времени. Но за то по крайней мѣрѣ избавишься отъ этого томленія.

Дютрейль высказался за понедѣльникъ на Святой, и такъ какъ назначенный имъ срокъ показался очень страннымъ, ему возражали, на что, въ свою очередь, онъ отвѣтилъ:

— У насъ будетъ больше времени все устроить и приготовиться ко всякимъ неожиданностямъ. Въ это время никто не даетъ баловъ, не такъ ли? А неожиданныя удовольствія больше цѣнятся. Подумайте, какъ всѣ будутъ рады потанцовать во время каникулъ. Такъ радуются источнику воды въ пустынѣ.

— Но вы не подумали о томъ, что это день Лекюссана!—замѣтилъ Сирейголь.

Напротивъ, Морисъ помнитъ объ этомъ. Ежегодно въ понедѣльникъ на Святой хозяинъ москательной лавки близъ дебаркадера, Лекюссанъ, принималъ въ своихъ салонахъ полчище голодныхъ лавочниковъ, скудныхъ рантье, писарей, убѣжденныхъ, что его пріемомъ искупаются оскорбленія, которыя они терпѣли отъ Баржъ и Пейредуль.

Молодые люди довольно приличнаго вида искали на этихъ вечерахъ развлеченія для своихъ глазъ и рукъ. Нѣкоторые изъ нихъ были друзьями дѣтства Сирейголя.

Бывая въ кругу хорошаго тона, онъ оставался вѣренъ своимъ друзьямъ, относящимся къ тому времени, когда онъ былъ еще маленькимъ человѣчкомъ. Онъ ставилъ себѣ въ заслугу это постоянство, какъ доказательство истиннаго благородства, дающее ему возможность чувствовать свое собственное превосходство.

— Быть у Лекюссана на Святой—это традиція,—прибавилъ онъ.—Мы вынудимъ нѣкоторыхъ лицъ выбирать между нимъ и нами, и если они уже дали слово, то заставимъ ихъ измѣнить ему, что оскорбитъ нашего стараго друга.

— Совсѣмъ нѣтъ,—отвѣтилъ Дютрейль.—Я не разсчитываю похитить у Лекюссана кого-либо изъ его обычныхъ посѣтителей. Эти люди нашего круга, онъ окажетъ намъ услугу избавиться отъ нихъ.

— Однако, Гарадель, Гальедро и Лепинасу.

Но Морисъ оказался несговорчивымъ. Онъ возражалъ на доводы старика и отстаивалъ свою мысль. Онъ строго все обдумалъ и не хотѣлъ уступать. Да, нужно «занять положеніе» и безъ компромиссовъ. Отъ него ожидали, что когда пройдетъ этотъ свадебный угаръ, онъ займетъ извѣстное положеніе, присоединится къ одному изъ лагерей. Онъ думалъ объ этомъ и въ немъ уже цѣлые мѣсяцы происходила внутренняя работа. Онъ все разсчиталъ, все взвѣсилъ, даже шелъ на рискъ, считая, что лучше быть отвергну-

тымъ лучшимъ обществомъ, чѣмъ занимать видное мѣсто въ его подонкахъ. Банкиръ рѣшилъ всю отвѣтственность свалить на зятя.

— А Гарадели?—сказалъ онъ насмѣшливымъ тономъ.—Вы и ихъ собираетесь отклонить?

Морисъ хотѣлъ бы этого, но боялся выказать мелочность и пустую мстительность.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—Только я имѣю основаніе думать, что они откажутся.

Предпріятіе это покажется, можетъ быть, безразсуднымъ, но оно было только смѣлымъ и его успѣхъ могъ превратиться въ тріумфъ. Приглашенныя Дютрейлемъ лица, которыхъ ничто не останавливало войти съ нимъ въ союзъ, были ему благодарны за такое открытое выраженіе своихъ симпатій и надеждъ. Какъ найти лучшее доказательство ихъ первенства? Какъ лучше отвѣтить тѣмъ, кто дѣлалъ видъ, будто не вѣритъ въ него? Значитъ это столь порицаемое избранное общество не утратило своей силы и значенія, если человѣкъ независимый, имѣющій возможность свободно высказаться, почиталъ за счастье быть зачисленнымъ въ его ряды?... Провинція помогаетъ тѣмъ, кто ее понимаетъ, сама себя превозноситъ, а главное — признаетъ своихъ. Сериньякъ одержалъ побѣду потому, что онъ болѣе другихъ обѣщалъ удовлетворить инстинкты своихъ земляковъ, т.-е. тщеславіе, служащее фундаментомъ ихъ натуры. Дютрейль тоже взывалъ къ этому тщеславію и былъ услышанъ. Неудовольствіе, въ которомъ наивно сознались отверженные, служило лучшимъ доказательствомъ того, что фортель этотъ удался вполнѣ. Если мадамъ Белюгу отворачивалась, чтобъ избѣжать поклона Дютрейля, если мадамъ Круазэ, какъ говорили, восклицала: «Какая неблагодарность!... Вѣдь онъ мнѣ обязанъ своимъ положеніемъ!»—то такое нарушеніе дружескихъ отношеній вовсе не было для него оскорбительнымъ и ему не приходилось разсыпаться въ смѣшныхъ извиненіяхъ, чего такъ боялась Эмилія и даже самъ Сирейголь. Важныя дѣла вызвали господина и госпожу Морэнъ-Шассанъ въ Парижъ въ концѣ поста (бывшій посланникъ, вошедшій въ милость у правительства, скоро получилъ дипломатическое назначеніе). Мадемуазель Пейредуль носила трауръ по двоюродной сестрѣ, къ которой почувствовала неожиданную нѣжность. Г. Нантёль оставался въ деревнѣ, благодаря разыгравшемуся ревматизму. Подозрительнымъ казалось только отсутствіе мадемуазель де-Бераръ. Господину и госпожѣ Гарадель что-то помѣшало въ послѣднюю минуту.

Этотъ успѣхъ заставилъ забыть Сирейголя о недовольствѣ и тя

желомъ для него молчанія его друзей. Онъ окончательно убѣдился, что зять его «очень силенъ», и ему хотѣлось вознаградить его за заслуженную имъ общую симпатію, поддержавъ и свою собственную репутацію. Онъ все устроилъ en grand, занялся буфетомъ и оркестромъ, и всѣми было признано, что никогда еще все это не было организовано лучше. Съ перваго взгляда Дютрейль убѣдился въ томъ, что выигралъ сраженіе. Онъ чувствовалъ, что понятъ и принятъ. Онъ понялъ, что полная солидарность, наступательный и оборонительный союзъ, заключаемый между членами отдѣльныхъ кружковъ, составляетъ ихъ силу и что отнынѣ онъ будетъ ею пользоваться. Этимъ онъ вполнѣ соединялся съ Монтаньякомъ. Душа его преобразилась. Теперь она составляла частицу города. Онъ былъ у себя, среди своихъ земляковъ, съ которыми его соединяло, больше чѣмъ кровь и общіе интересы, тождество нравовъ и мыслей. Жизнь его окончательно сложилась. Онъ былъ благодаренъ этому обществу, которое соединялось съ нимъ, давая ему права и преимущества. Развѣ Мартель не показывалъ ясно, что онъ находится въ домѣ, которому очень сочувствуетъ?... Любезность всѣхъ дамъ—развѣ не разсѣяла наконецъ застѣнчивость Эмиліи?... Какимъ тономъ обратился Малаваль къ графу Баржъ, дирижировавшему танцами: «Чудесное у васъ шампанское и очень дорогое»...

Большаго торжества нельзя было желать...

Миражъ.

По зыбучимъ пескамъ, въ Аравійскихъ степяхъ
Караванъ шелъ—верблюдъ за верблюдомъ... На нихъ,
На мѣшкахъ и попонахъ сидѣли въ чалмахъ
Съ длинноствольными ружьями въ смуглыхъ рукахъ
Молчаливые спутники ихъ.

Впереди шелъ съ копьёмъ проводникъ; и за нимъ
Наблюдалъ исподлобья хозяинъ всего
Каравана, тревожной догадкой томимъ,
Что надежный ходокъ и вожакъ, взятый имъ,
Сталъ сбиваться съ пути своего.

И томила ихъ жажда... Каралъ ихъ пророкъ:
Безъ костровъ былъ ихъ прошлый ночлегъ, и воды
Не хватало, и съ юга сухой вѣтерокъ
Мелъ сухую дорогу, и жгучій песокъ
Заметалъ каравановъ слѣды.

Гордо ноздри раздувъ и уныло бренча
Позвонками, шагали верблюды. Туманъ
Притуплялъ солнца блескъ, обезцвѣтивъ тѣхъ странъ
Темно-синее небо; ни пальмъ, ни ключа
На пути не встрѣчалъ караванъ.

На одномъ изъ верблюдовъ, качаясь, бѣлѣлъ
Длиннополый шатеръ; и оттуда порой
Говоръ струнъ, слабо тронутыхъ, тихо гудѣлъ...
И не разъ, въ духотѣ, женскій голосъ тамъ пѣлъ,
Надрываемый горькой слезой.

Тамъ скрывалась невольница—перлъ красоты,
И, склонясь на поклажу, въ цвѣтистый коверъ
Упиралась она бѣлой ножкой, и взоръ
Ея черныхъ очей былъ далекъ отъ мечты,
Услаждающей рабства позоръ.

Ее ждали въ гаремѣ, и ждали тайкомъ,
Чтобъ никто изъ гяуровъ не зналъ, что она
Сирота-христіанка, что есть у ней домъ,
И она, негодуя, не знала о томъ,
Что родными была продана.

И взывала она: не была я рабой,
И не буду... Господь! научи, какъ мнѣ быть!
А ея хищникъ, молча, расчетъ велъ иной:
За игру, да за голосъ ея молодой
Онъ дороже мечталъ ее сбыть.

Все-жъ онъ трусилъ, что рокъ или гнѣвный Аллахъ
Изморитъ ихъ... Какъ вдругъ, замелькала вдали
Роща пальмъ; и верблюды прибавили шагъ;
Ожила и надежда въ унылыхъ сердцахъ...
Рокъ ли спасъ ихъ, мольбы ли спасли?

Ключевыя струи, тѣ, что корни поятъ,
Утолятъ ли ихъ жажду, снабдятъ ли водой
Ихъ кувшины? Всѣ ждутъ, и—всѣ жадно глядятъ,
Какъ высокія пальмы листвой шевелятъ,
Зеленѣя сквозной бахромой.

Не оазисъ—Эдемъ, только гдѣ же ключи?!
— Погоди, господинъ, возразилъ проводникъ,
Воздержись и напрасно на рокъ не ропчи;
Тутъ, я помню, колодезь подземный... Ищи
Ты плиту и откроешь родникъ...

И ступеньки нашлись, и копыта слѣды
Были видны внизу въ подземельѣ сыромъ...
Лёжа, каждый верблюдъ ждалъ своей череды,
Свѣсивъ шеи, они ждали свѣжей воды,
И у спуска тѣснились кругомъ.

И семья рѣзвыхъ ящерицъ между ихъ ногъ
Извивалась, и тѣни пестрили ихъ кладь,
И трава тутъ росла, и коричневый мохъ;
Но никто изъ людей не признаться не могъ,
Что не все тутъ одна благодать...

Мало далъ имъ воды разоренный родникъ,
Но влекла на покой ихъ зеленая сѣнь:
Задымились кальяны; заснулъ проводникъ,
Самъ хозяинъ къ ковру головою приникъ
И не могъ одолѣть свою лѣнь.

А верблюдъ съ черноокою плѣнницей кустъ
Ощипалъ и возлегъ въ сторонѣ, одинокъ;
А въ рукѣ у нея ковшъ давно былъ ужъ пустъ;
И никто не слыхалъ зова жаждущихъ устъ,
Такъ кругомъ ея сонъ былъ глубокъ.

А за нею, въ пустынѣ, все тотъ же былъ зной,
То же жгучее небо и жгучiй песокъ.
Оглянулася плѣнница... Боже Ты мой!...
Тамъ, вдали, гдѣ земля золотой полосой
Выдѣляетъ лиловый востокъ,

Она видитъ озера—заливы озеръ,
Шевелятся ихъ струйки, бѣгутъ и блестятъ;
А за ними, ей видны, покатости горъ,
А на ихъ синевѣ бѣлыхъ башенъ узоръ,
И тѣнистый спускается садъ...

Что такое миражъ, ни отъ бѣдной семьи,
Ни отъ скучныхъ гостей не слыхала она;
Подсказала ей жажда мечтанья свои,
И она вѣритъ имъ, вѣритъ въ эти струи,
Въ эти грёзы ея полусна.

Высоко̀ она по̀лу шатра подняла
И привстала, и съ вѣрой промолвила: вонъ
Настоящiй оазисъ! Уйдемъ же отъ зла!
Божiй гнѣвъ ослѣпилъ торгашей и легла
Пелена на глаза ихъ.—Чу! звонъ,—

— Слышишь—звонъ!?...

И верблюдъ ея всталъ
Вмѣстѣ съ ней, и косматую выпятилъ грудь.
— Ну, идемъ!—И, казалось, верблюдъ угадалъ
Ея жестъ, и восторгъ ея рѣчи,—взалкалъ,
И къ миражу направилъ свой путь.

И у ней подъ рукой зазвенѣла струна,
И запѣла она.—Долго шли они, шли...
Но миражъ вдругъ исчезъ, какъ видѣніе сна...
И вернуться назадъ не могла ужъ она:
Вздохи дня ихъ слѣды замели...

А въ оазисѣ—гвалтъ... проводникъ лепеталъ:
— Видѣлъ самъ, какъ Шайтанъ уносилъ ихъ изъ глазъ...
А хозяинъ на пòискъ всѣхъ дò ночи гналъ,
Я ограбленъ, вопилъ, и пророка онъ клялъ,
Совершая вечерній намазъ.

Время шло... Костенѣлъ занесенный пескомъ
Трупъ красавицы. Тощій верблюдъ съѣденъ былъ
Хищнымъ звѣремъ, безплодной пустыни царемъ,
А затѣмъ, черный вихрь, закрутившись столбомъ,
И поклажу, и кости зарылъ...

Я. П. Полонскій.

ЖЕНА ЦЕЗАРЯ.

(Разсказъ).

Le mariage est une chose,
Que pour être prudent,
Il ne faut pas voir
Ce qu'il y a dedans.

I.

Небольшая коляска только что сдѣлала второй кругъ, и кучеръ, ожидая дальнѣйшихъ приказаній, сдерживалъ лошадей, полуобернувшись къ господамъ.

— Ступай въ Разумовское,—приказала ему Вава и, обратясь къ Сергѣю Павловичу, проговорила съ досадой, понижая голосъ:—Насъ разсматриваютъ такъ, точно никогда не видали прежде. Это невыносимо! Вы не находите? Удивляюсь!

Ей очень шло, когда она сердилась. Лицо дѣлалось энергичнымъ и чуть-чуть блѣднѣло, а сѣровато-голубые глаза становились ярче и больше. Она зябко приподняла воротникъ своей темносиней касторовой кофточки и нервно поправила на свѣтлыхъ, пушистыхъ волосахъ большую черную шляпу, очень шедшую къ ней.

Сергѣй Павловичъ тихо засмѣялся и, такъ чтобы не видѣли проѣзжавшіе мимо, слегка пожалъ ея руку въ узкой бѣлой перчаткѣ.

— Ну, положимъ, вы преувеличиваете,— сказалъ онъ, улыбаясь.— Не обращайте вниманія. Не стòитъ, право.

Но она уже вся пылала. О, глупое, несносное положеніе! Женихъ! Невѣста! Какая пошлость... Всюду появляться вмѣстѣ, кататься вмѣстѣ, дѣлать визиты вмѣстѣ, какъ будто потомъ на все это не будетъ еще довольно времени.

— Я не сержусь,— сказала Вава,—но не находите ли и вы, что насъ показываютъ точно ученыхъ птицъ? И какъ подумаешь,

что намъ предстоитъ еще тысяча и одна церемонія по кодексу глупыхъ приличій, до той минуты, когда насъ наконецъ оставятъ въ покоѣ.

— Я желалъ бы, чтобъ это было скорѣе, — очень серьезно и съ чувствомъ проговорилъ Сергѣй Павловичъ. Онъ былъ очень изященъ, очень сдержанъ и очень худъ.—Положимъ, отпускъ мнѣ дадутъ двухмѣсячный, — сказалъ онъ, раздумывая.— Но я не желалъ бы злоупотреблять. Теперь не такое время... и вы не можете себѣ представить, Варвара Александровна, сколько намъ предстоитъ еще работы въ будущемъ... Министръ проводитъ новыя реформы...

Вава сидѣла, откинувшись назадъ, въ позѣ молодой дамы, и слушала, полузакрывъ глаза. Она очень любила, когда мужчины съ нею или при ней говорили «объ умномъ», то-есть о политикѣ, финансахъ, проектахъ, назначеніяхъ и карьерахъ. Поэтому и Сергѣй Павловичъ, пріѣзжавшій на праздники въ Москву, гдѣ у него были родные, нравился ей именно этой своей молодой дѣловитостью, нервнымъ спокойствіемъ, энергіей и выдержкой.

«Далеко до него нашимъ московскимъ «тютькамъ», — думала Вава, и рѣшила, что непремѣнно выйдетъ за него замужъ. Да, не кто другой, а именно онъ будетъ ея мужемъ. Это ничего, что онъ такъ серьезенъ и солиденъ не по лѣтамъ. Мужъ даже долженъ быть немного скученъ,—рѣшила она.—Это—качество».

Кромѣ того, надо же было когда-нибудь на что-нибудь рѣшиться и выйти замужъ. Вавѣ было ровно 23 года, хотя въ свѣтѣ, по календарю ея maman, ей значилось всего девятнадцать. Но это была поэтическая и вполнѣ необходимая ложь, потому что за Вавой давно выросла и выровнялась Мэри, а за Мэри были еще двѣ младшія сестры, которыхъ, правда, еще никому не показывали, но которыя тоже необыкновенно быстро росли и выравнивались. Итакъ, Вавѣ надо было на что-нибудь рѣшаться.

«Пора,— думала она,— въ августѣ мнѣ будетъ 24 года. Хотя теперь и миновало время, когда выходили замужъ 16 и 17 лѣтъ и такимъ образомъ добровольно сокращали свою жизнь и убивали молодость беременностями и всякими домашними дрязгами, какія ужъ непремѣнно бываютъ въ жизни каждой женщины, какъ бы богата и титулована она ни была. Но теперь—извините!—дѣвушки стали умнѣе и не такъ рано выходятъ замужъ. Но въ 24 года надо же на что-нибудь рѣшиться».

И теперь, въ то время какъ Сергѣй Павловичъ своимъ ровнымъ голосомъ сообщалъ ей, почему совершенно необходимы такія-то и

такія-то реформы, а также какую записку онъ составилъ по этому поводу и какъ она была одобрена, — Вава слушала его серьезно и внимательно.

«Онъ далеко пойдетъ, безъ сомнѣнія»,—думала она, разсѣянно слѣдя за тоненькими полосками сѣраго тумана, поднимавшагося надъ молодой травой и зябкими деревьями, между тѣмъ какъ солнце закатывалось вдали огромнымъ огненно-краснымъ дискомъ, совершенно лишенное лучей.

Коляска, плавно подпрыгивая по мягкой, влажной землѣ, быстро катилась по прямой и сѣрой аллеѣ. Дорога, туманъ и монотонныя рѣчи Сергѣя Павловича убаюкивали Ваву и, въ то же время, на душѣ ея было гордое сознаніе того, что она достигла чего желала, и что онъ, а не кто другой будетъ ея мужемъ. И хотя она ничего не чувствовала къ этому сухому и совершенно чуждому ей человѣку, она была все-таки довольна и почти счастлива. Онъ сидѣлъ немного сгорбившись, сутуловатый отъ сидячей жизни, со своимъ равнодушнымъ, пергаментнымъ лицомъ молодого старика петербургскихъ канцелярій.

«Онъ очень изящный, очень...—думала Вава.—У него есть этотъ неуловимый, петербургскій отпечатокъ, какого совсѣмъ недостаетъ, напримѣръ, хотя бы Андрюшѣ Ламскому, да и всѣмъ другимъ... Конечно, съ ними веселѣе, но вѣдь это не главное въ жизни».

И Вава живо представила себѣ, какъ она входитъ съ Сергѣемъ Павловичемъ въ бальную залу, или ѣдетъ, вотъ такъ, какъ теперь, кататься. А въ слухъ она сказала:

— Мама̀ обѣщала давать мнѣ по 250 рублей въ мѣсяцъ; это, конечно, не много, но впослѣдствіи, послѣ смерти папа̀, я буду получать больше... Вообще я нахожу, что лучше обо всемъ переговорить заранѣе. Не правда ли?

Сергѣй Павловичъ сдѣлалъ изящный, немного брезгливый жестъ, точно что-то стряхивая со своихъ перчатокъ; жестъ этотъ онъ дѣлалъ всегда, когда рѣчь шла о деньгахъ. Тѣмъ не менѣе онъ очень внимательно слушалъ.

— Вы знаете, папа̀ говоритъ всегда: «въ деньгахъ черти сидятъ». Это очень хорошо сказано, не правда ли?—болтала Вава.— Кстати, сколько вамъ лѣтъ?

Сергѣй Павловичъ снисходительно улыбнулся.

— Мнѣ 34 года,—сказалъ онъ коротко.—Я родился въ 62-мъ году... Боюсь, что я старъ для васъ...

— Да мнѣ скоро будетъ 24 года,—весело подхватила Вава.—

Мамà говоритъ всѣмъ, что мнѣ 19, но не вѣрьте; понимаете, это дѣлается для сестеръ. Иначе нельзя.— Они помолчали немного.— Какъ это хорошо,— сказала вдругъ Вава,— между нами почти десять лѣтъ разницы. Это самая лучшая разница лѣтъ между мужемъ и женой. Вѣдь женщины старятся раньше мужчинъ, и потому это хотя небольшая гарантія... Я объ этомъ читала гдѣ-то,— не помню.

Вава читала вообще очень много, а главное—много такого, чего бы ей вовсе не слѣдовало читать. Едва бросивъ куклы, она стала читать,—читать безпорядочно и безъ всякаго разбора,—что ни попадалось подъ руку, съ тѣмъ, чтобы поскорѣе *все* узнать. Книжные шкафы въ кабинетѣ отца не запирались, потому что, по московской распущенности, ключи давно куда-то пропали, до и вообще въ домѣ мало заботились о книгахъ. Въ 18 лѣтъ Вава прочла почти всего Золя и почти *все* знала. Философскія книги прельщали ее и она принялась было за Канта и Шопенгауэра, но скоро бросила. За то она зачитывалась Монтегацца, Фламаріономъ и вѣрила въ переселеніе душъ. Какъ-то разъ Вава взяла Поль-де-Кока, но быстро соскучилась и рѣшила, что французская литература сдѣлала большіе успѣхи.

Но, несмотря на чтеніе, Вава многое понимала совершенно превратно, была наивна и жизни совсѣмъ не знала, какъ не знаетъ ее большинство дѣвушекъ обезпеченнаго класса.

Въ обществѣ Вава очень нравилась, но пугала молодыхъ людей своей оригинальностью, насмѣшливостью и злымъ языкомъ. За ней много ухаживали, съ ней любили разговаривать, но ся побаивались, и она уже начинала страдать отъ этого.

Когда коляска подъѣхала наконецъ къ дворцу въ Разумовскомъ, то уже настолько стемнѣло, что Вава приказала ѣхать обратно. Стало еще холоднѣе, такъ что пришлось поднять верхъ коляски. Когда это было сдѣлано, Вава усѣлась поудобнѣе въ свой уголокъ и, поднявъ теплый пледъ чуть не до самыхъ плечъ и кутая въ него свои руки, повидимому, не чувствовала никакого волненія отъ близости къ жениху въ темнотѣ экипажа.

— Да, я думаю,—говорила она,—что мы съ вами сойдемся во вкусахъ и сумѣемъ сдѣлать другъ другу жизнь если не безумно счастливой, то спокойной и пріятной. Увѣряю васъ, я немногаго требую отъ жизни. Я даже очень скромна. Напримѣръ, я выхожу за васъ и, право, не чувствую той пылкой любви, о которой пишутъ въ романахъ. Вы мнѣ нравитесь, да... и, мнѣ кажется, этого довольно. Лучшаго мужа мнѣ не надо. Я даже не влюблена ни-

сколько, но я надѣюсь, что это прійдетъ потомъ, когда мы женимся... Видите, Сержъ, я откровенна съ вами. Можетъ быть, у меня холодная натура и нѣтъ темперамента, но вѣдь этого тоже нельзя рѣшить заранѣе... Вообще, теперь, когда насъ такъ рѣдко оставляютъ вдвоемъ, я хочу переговорить съ вами откровенно обо всемъ. До дому еще далеко, и мы успѣемъ.

Сергѣй Павловичъ хотѣлъ было поклониться, но вспомнилъ, что въ экипажѣ съ поднятымъ верхомъ это не совсѣмъ удобно, и только сказалъ:

— Варвара Александровна, я—весь вниманіе.

— Сергѣй Павловичъ,—начала Вава насмѣшливо-торжественнымъ тономъ,—я всегда была того мнѣнія, что между мною и моимъ будущимъ мужемъ не должно быть ничего недоговореннаго. Я не хочу недомолвокъ. Это непрактично и не достойно ни васъ, ни меня. Послѣ свадьбы вы поразскажете мнѣ, конечно, кое-что изъ вашей холостой жизни, а теперь я должна сообщить вамъ кое-что о себѣ, потому что съ 19 и до 23 лѣтъ я, увѣряю васъ, не скучала. До этого времени я, къ сожалѣнію, была связана глупымъ воспитаніемъ и слишкомъ наивна.

Глаза Сергѣя Павловича блеснули въ темнотѣ, лицо его вытянулось и ему стало немного не по себѣ. «Гм... что-то она еще скажетъ!» Но онъ тутъ же успокоилъ себя тѣмъ, что Вава, повидимому, была одна изъ тѣхъ, что больше говорятъ, чѣмъ дѣлаютъ.— «Тихони опаснѣе».

— Итакъ, я буду каяться! —начала Вава и Сергѣю Павловичу даже показалось, что она слегка зѣвнула.—Къ сожалѣнію,—продолжала она,—все, что я имѣю сказать вамъ, очень не интересно, безцвѣтно и даже банально. Въ сущности и разсказывать-то нечего. Кое-кто мнѣ слегка нравился, кое съ кѣмъ я кокетничала, а кое-кто шелъ даже до формальнаго предложенія руки и сердца. Ну, да это все больше мелочь. Всѣ знаютъ, что насъ много и что каждая получитъ четвертую часть. Да, наконецъ, надо же и мама съ папа чѣмъ-нибудь жить. Что же еще сказать?—продолжала Вава, раздумывая.—За эти годы я много танцовала, ѣздила верхомъ, каталась на конькахъ, играла въ любительскихъ спектакляхъ и у меня было нѣсколько занимательныхъ, но — увы! — совершенно платоническихъ романовъ... На святкахъ мы ѣздили ряжеными. Я знаю, въ Петербургѣ это не принято, и очень жаль, потому что это очень весело и очень сближаетъ. Говорю это по опыту. Вѣдь у насъ, въ Москвѣ, вообще принято много такого, что не принято у васъ, въ Петер-

бургѣ. Напримѣръ, устраиваютъ пикники съ барышнями, ѣздятъ въ загородные рестораны на тройкахъ, танцуютъ и ужинаютъ тамъ. Послѣ шампанскаго,—продолжала Вава, увлекаясь все болѣе и болѣе,—я помню нѣсколько поцѣлуевъ, украденныхъ съ моего вѣдома и доставившихъ мнѣ, не скрою, большое удовольствіе. Наконецъ, если уже все говорить, я однажды ужинала вдвоемъ, съ кѣмъ,—я, разумѣется, вамъ не скажу. Пустите руки!... Но это и все! Право, больше нечего вспомнить... Влюблена была два раза. Одинъ разъ воображеніемъ, другой разъ сердцемъ. Не знаю, что опаснѣе. Но это скоро прошло. «Онъ» цитировалъ Спенсера и носилъ резиновыя калоши, и я быстро разочаровалась. Въ кого была влюблена сердцемъ, разумѣется, тоже не скажу,—да и къ чему?... И, несмотря на мою бурную молодость, я съ полнымъ правомъ надѣну въ великій день эти глупые, восковые цвѣты, которые почему-то принято надѣвать въ знакъ невинности.—Ну-съ, что вы на это скажете? — дразнила Вава, приближая свое хорошенькое, свѣжее лицо къ его блѣдному, усталому лицу. — Предупреждаю васъ, вы можете еще отказаться, это ваше священное право.

Вмѣсто отвѣта послышалась легкая борьба, и нѣсколько поцѣлуевъ, причемъ элегантная шляпа потерпѣла крушеніе, и Вава сказала немного задыхаясь и оправляя волосы:

— Вы испортили мою шляпу, но вы хорошо цѣлуетесь, и я прощаю вамъ за это.

Теперь ѣхали бульварами. Въ городѣ стало теплѣе и пошелъ мелкій, весенній дождикъ.

Коляска быстро катилась по мокрому асфальту, приближаясь къ дому, когда Вава вдругъ сказала очень торопливо:

— Сейчасъ мы пріѣдемъ и, кажется, я все сказала, что хотѣла. Ахъ, про главное-то я и позабыла. Пожалуйста, не надо дѣтей,—шепнула она,—я не хочу, я боюсь!

Сергѣй Павловичъ улыбнулся въ темнотѣ.

— Я тоже объ этомъ думалъ не разъ,—сказалъ онъ просто.— Конечно, лучше на первое время избѣжать этого; я совсѣмъ съ вами согласенъ. Вы знаете, что желанія ваши — для меня законъ.

Экипажъ остановился, и лакей Дмитрій уже выбѣгалъ съ раскрытымъ зонтикомъ навстрѣчу господамъ.

Сергѣй Павловичъ высадилъ Ваву, и на губахъ его все еще блуждала загадочная улыбка забавно озадаченнаго, но все-таки очарованнаго человѣка.

«Ого, вотъ ты какая!—думалъ онъ.—И, несмотря на все это, я все-таки женюсь, и все будетъ по-моему».

II.

На платформѣ было полутемно, когда поѣздъ наконецъ двинулся, увозя Ваву и Сергѣя Павловича послѣ свадьбы, бывшей въ деревнѣ,—въ Ялту. Позади осталась небольшая кучка провожающихъ въ свѣтлыхъ, нарядныхъ платьяхъ; тамъ слышался смѣхъ и веселые, возбужденные голоса.

Кто-то изъ посторонней публики, увидя Ваву въ окнѣ, крикнулъ изъ темноты:

— А вотъ и новобрачная!—Но поѣздъ, все прибавляя ходу, быстро убѣгалъ отъ платформы.

— Уфъ! кончились наконецъ всѣ церемоніи! — отъ глубины души вздохнула Вава. Еще счастье, что мы сдѣлали свадьбу въ деревнѣ,—воображаю, что бы это было въ городѣ! Должно быть, я не создана для представительства. Я страшно устала! А ты?

Они уже давно были между собой на «ты», и въ одну изъ жаркихъ іюльскихъ ночей Вава, не тò изъ любопытства, не то изъ каприза и оригинальности, отдалась ему.

— И ночь, и луна, и любовь! — продекламировала Вава насмѣшливо.—Я буду спать. Просто умираю отъ усталости. Дай мнѣ подушку.

— Хочешь конфетъ?

И когда онъ, немного разочарованный, нервный и очень влюбленный, устраивалъ ей постель, она милостиво позволила уложить себя. Но ей не спалось. Въ купэ, съ нагрѣвшейся за день желѣзной крышей, было жарко, и отъ выпитаго шампанскаго горѣли щеки и слегка кружилась голова.

Въ открытое окно виднѣлась темная степь, черное августовское небо съ крупными осенними звѣздами, а на самомъ горизонтѣ любопытно выглядывалъ край яркаго, молодого мѣсяца.

Пахло гарью, и мимо окна по временамъ пролетали снопы блестящихъ искръ.

Вава сидѣла съ ногами на диванѣ, ѣла конфеты и разсуждала о событіяхъ дня.

— Какая была по-истинѣ тропическая жара! Жениться надо зимой или поздней осенью. Лѣтомъ слѣдовало бы запретить всякіе браки.

— По-моему, бракъ—учрежденіе отжившее,—говорила Вава.— Право пора придумать что-нибудь новое!... А людямъ не достаетъ для этого ни ума, ни смѣлости. Это все равно, какъ еслибы вѣчно изъ самыхъ различныхъ матерій стараться выкроить всегда одинъ

и тотъ же фасонъ. Матерія не выдерживаетъ, иногда разползается, не гнется,—и ничего не выходитъ. Надо также сознаться, какъ много шаблоннаго и даже пошлаго въ каждой свадьбѣ! Даже если взять уже только одну обрядную сторону. Боже, сколько мученій! И обѣдъ, и сосѣди, и витіеватыя привѣтствія, и наконецъ, когда тотъ лохматый мировой судья вдругъ крикнулъ: «горько!» Идіотскій обычай!... Ну, да, слава Богу, что все кончено.

Вава облокотилась на подушку въ сѣрой дорожной наволочкѣ и съ облегченіемъ вздохнула.

— Мама̀ плакала, — продолжала она, широко открывая свои глаза,—и папа̀ былъ видимо тронутъ. Удивительное дѣло, всю-то жизнь готовятъ въ бракъ, тратятся на пріемы и выѣзды, и даже ставятъ свѣчи и молятся, а потомъ, когда удастся,—плачутъ.

Сергѣй Павловичъ сидѣлъ напротивъ, слегка сгорбившись, и блѣдное лицо его казалось еще старше и утомленнѣе.

— Ну, положимъ, ты преувеличиваешь немного, — сказалъ онъ лѣниво,—все было очень хорошо и просто. Именно такъ, какъ я этого желалъ.

Вава потянулась къ нему и передала атласную бонбоньерку, которая была слишкомъ тяжела, и сказала съ гримаской:

— Да, конечно. Но все-таки я довольна, что все кончено. И знаешь, давай теперь всѣмъ говорить, что мы уже женаты... ну, хоть... три мѣсяца? Вотъ только букетъ можетъ выдать насъ, но мы, такъ и быть, забудемъ его въ вагонѣ. Хорошо?

И Вава весело разсмѣялась, распустила волосы и стала заплетать ихъ на ночь.

Стройная, съ тонкимъ станомъ, изящной грудью и невиннымъ, дѣвическимъ лицомъ, она тихо покачивалась въ тактъ замедлившему ходъ передъ станціей поѣзду и смотрѣла на Сергѣя Павловича холодными, насмѣшливыми глазами.

— Что же ты молчишь?—сказала она и голосъ ея дрогнулъ.— Поцѣлуй же меня. Вѣдь теперь все можно, я твоя законная жена, и на долгіе, долгіе годы.

И она вдругъ нервно зарыдала.

III.

Всѣ свадебныя путешествія какъ двѣ капли воды похожи одно на другое, и почти всѣ они очень однообразны, уже потому одному, что отъ нихъ всегда почему-то ждутъ очень многаго, безразлично ѣдутъ-ли молодые въ Египетъ, или въ деревню Ивановку.

Собственно для Вавы и Сергѣя Павловича, такъ называемый, «медовый мѣсяцъ» окончился еще до свадьбы, когда они постоянно искали случая быть вмѣстѣ, ждали другъ друга на условленномъ мѣстѣ, цѣловались украдкой, бродили по вечерамъ по огромному старому саду и вдоль темной рѣчки, и когда Сергѣй Павловичъ незамѣтно выбирался подъ утро изъ комнаты Вавы на общую террасу, стараясь, чтобы не скрипнула дверь.

Теперь все вдругъ окончилось свадьбой и сразу потеряло свою прелесть. Нечего было уже прятаться и бояться. Все было испытано, дозволено и притомъ навсегда, на всю жизнь.

Постоянное бездѣлье, ѣда, сонъ и это освященное обычаемъ одиночество—вдвоемъ наводили скуку и скоро надоѣли.

Въ первое время, нѣкоторое разнообразіе внесли, правда, разсказы Сергѣя Павловича о своей холостой жизни и анекдоты, которыхъ Вавѣ никогда не приходилось слышать раньше. Теперь, къ удивленію своему, она узнала, что существуетъ цѣлая литература этого рода, служащая источникомъ развлеченій и наслажденій для мужчинъ всѣхъ возрастовъ.

Но и это скоро наскучило. Одно изъ двухъ: или Сергѣй Павловичъ разсказывалъ о своемъ прошломъ съ большимъ выборомъ,—или же онъ разсказывалъ слишкомъ неинтересно и скучно. Можетъ быть и то, и другое.

Что же касается анекдотовъ, то Вава хотя и смѣялась вначалѣ короткимъ, отрывистымъ смѣхомъ, широко открывая свои невинные, сѣрые глаза, но и они очень скоро ей опротивѣли. Все было такъ пошло, грязно и гадко. Неужели Сергѣй Павловичъ могъ находить удовольствіе въ этихъ разсказахъ?

Синее море, южныя краски и звѣздныя ночи обѣщали такъ много и говорили своей красотой и гармоніей, что на свѣтѣ должна быть любовь, поэзія и безумное счастье, за мигъ котораго можно отдать всю жизнь,—и сознаніе этого мучительно волновало Ваву.

«Рама слишкомъ хороша для картины нашей любви», иронически думала она, и первая заговорила объ отъѣздѣ. Пробывъ двѣ недѣли въ Крыму, молодые вернулись въ Петербургъ, гдѣ на первое время поселились въ гостиницѣ. Надо было устраиваться и подыскивать квартиру. Этимъ, впрочемъ, занималась одна Вава. Утромъ ей приносили изъ конторы объявленій печатные списки съ указаніями квартиръ, и она тотчасъ же послѣ завтрака, когда Сергѣй Павловичъ отправлялся на службу, шла на поиски. Первое время это даже занимало ее, мысль свить свое гнѣздо пріятна каж-

дой женщинѣ, но она скоро утомилась, особенно когда Сергѣй Павловичъ во всемъ старался ограничивать ея начинанія и порывы.

Онъ очень серьезно объяснилъ Вавѣ, что при бюджетѣ въ 7—8 тысячъ можно только очень скромно прожить въ Петербургѣ. Что экипажа держать нельзя, что квартиру надо брать скромную, и вообще во всемъ ограничивать свои желанія, а главное—не выходить изъ бюджета.

Сергѣй Павловичъ былъ тягучъ и нуденъ, и Вава съ большимъ нетерпѣніемъ выслушала его.

— До женитьбы,—сказалъ онъ, между прочимъ, своимъ вялымъ, безстрастнымъ голосомъ,—я жилъ на Офицерской улицѣ во дворѣ, въ пятомъ этажѣ, и держалъ одну прислугу. У меня была квартира изъ двухъ комнатъ съ кухней, и я платилъ за нее 25 рублей въ мѣсяцъ. Но тогда я не былъ женатъ, а это большая разница. Тѣмъ болѣе,—прибавилъ онъ,—надо быть осмотрительнѣе теперь и не бросать денегъ зря. Твои три тысячи вѣдь не Богъ знаетъ что!

Вава слушала и кусала губы. Ей казалось, что она съ высоты воздушнаго шара попала прямо въ мрачное, илистое болото. Она испуганно посмотрѣла на блѣдное и равнодушное лицо Сергѣя Павловича и не нашлось ничего отвѣтить ему.

Вѣдь онъ былъ только логиченъ и совершенно правъ.

Квартира отыскалась наконецъ въ одной изъ тихихъ аристократическихъ улицъ, въ громоздкомъ домѣ самой новѣйшей архитектуры, со стрѣльчатыми, узкими окнами, похожими на бойницы, съ лѣпными потолками и полутемными, неудобными комнатами. За то подъѣздъ, лѣстница и швейцаръ были великолѣпны. Вообще домъ былъ самый современный. На каждой площадкѣ стояло по велосипеду, а на лѣстницѣ цѣлый день не умолкалъ грохотъ игры на фортепіано, несшійся изо всѣхъ квартиръ. Комнатъ было пять, и всѣ онѣ были темноваты и неуютны. Но дѣлать было нечего. Все, что было лучше и нравилось Вавѣ, стоило гораздо дороже. Надо было также скорѣе устраиваться, потому что Сергѣю Павловичу необходимъ былъ, при его занятіяхъ, покой и строго регулярная жизнь.

При покупкѣ мебели и отдѣлкѣ квартиры Вавѣ снова пришлось выслушивать наставленія мужа и сдерживать свои художественныя порывы и желанія. Все было тѣсно, бѣдновато и мизерно.

И гостиная съ поэтическимъ безпорядкомъ мягкой мебели, роялемъ, зеркалами и ковромъ, и кретоновая спальня, и крытый кожей кабинетъ, и дубовая столовая—все было очень прилично,—точная копія множества другихъ квартиръ, въ которыхъ потомъ пришлось

бывать Вавѣ. Во всѣхъ комнатахъ не было ничего лишняго, чего-нибудь такого, что̀ бы говорило объ оригинальности вкуса, или наклонностей хозяевъ.

Сергѣй Павловичъ больше всего любилъ порядокъ и аккуратность и строго взыскивалъ за малѣйшее отступленіе съ жены и прислуги. Поэтому всѣ комнаты скоро приняли видъ мертвенный и не жилой.

Когда, наконецъ, все было поставлено, повѣшено и готово, Вава почувствовала большое уныніе и сказала:

— Всякій разъ, когда я представляла себѣ, какъ я устрою свой «home»,—это было совсѣмъ, совсѣмъ иначе!

Сергѣй Павловичъ вопросительно поднялъ брови и сказалъ своимъ спокойнымъ голосомъ:

— А чего же ты хотѣла? Что за фантазіи! Къ чему онѣ? Эта квартира и обстановка какъ разъ именно то, что намъ нужно, и я не желаю пока ничего лучшаго. И вообще, другъ мой, ты настолько умна, что надѣюсь поймешь, что живость рѣчи, оригинальность и вообще многое изъ того, что ты могла позволить себѣ въ Москвѣ, надо будетъ пока совсѣмъ оставить здѣсь, такъ какъ это не согласуется съ тѣмъ поведеніемъ, какого я желаю, чтобы держалась моя жена, замѣть себѣ это. Я не настолько подвинутъ еще по службѣ, чтобы жена моя могла позволить себѣ поступать такъ, какъ ей угодно.

Въ первый разъ Сергѣй Павловичъ выразился такъ ясно и опредѣленно, и Вава, всегда скорая на языкъ, не нашлась, что ему отвѣтить, хотя душа ея была полна негодованія. Но Сергѣй Павловичъ даже не взглянулъ на нее. Онъ спокойно проглотилъ послѣдній кусокъ, методично сложилъ салфетку и, поцѣловавъ руку жены, отправился на службу пѣшкомъ, что дѣлалъ ради моціона.

Вава пошла въ гостиную и, взглянувъ на поэтическую тѣсноту, длинныя зеркала и узкія окна, скупо пропускающія свѣтъ съ улицы, подумала съ горечью: «Готова моя тюрьма!»

Какая разница съ Москвой! Тамъ даже и названіе переулка происходило отъ ихъ фамиліи.

Просторный домъ-особнякъ стоялъ между большимъ дворомъ и хорошенькимъ садомъ, куда выходила терраса, обвитая дикимъ виноградомъ. Зимой въ саду устраивали катокъ и катанье съ горъ. Весною вокругъ дома благоухала сирень, а въ саду густо цвѣли яблочныя и вишневыя деревья, и Вава и ея сестры носили въ волосахъ блѣдно-розовые цвѣты. Позже зацвѣталъ жасминъ, розы и липовыя деревья, такъ что можно было вообразить себя на дачѣ.

Комнатъ было много. Невысокія, уютныя, съ антресолями, со старинной мебелью и веселыми уголками, гдѣ росли, учились и выравнивались всѣ четыре барышни Ламскія. По вторникамъ были назначенные дни. Въ залѣ танцовали, пѣли, играли въ фанты, гадали на святкахъ и ухаживали. Въ угловой диванной и въ кабинетѣ играли въ карты по четырехсотой въ винтъ, и никто не считалъ такую игру недостойной вниманія. Въ гостиной на стѣнахъ рядомъ со старинными, цѣнными картинами висѣли простыя олеографіи. И никто этимъ не смущался. Картина—и все тутъ. За ужиномъ подавали удивительную, необыкновенно вкусную вишневую наливку и домашній квасъ, и это всѣмъ очень нравилось. А главное, всего было много, все было просто, но широко и «по-душамъ», и главное никто не хотѣлъ казаться выше того, чѣмъ онъ былъ. А въ Петербургѣ все было натянуто, узко и часто очень непріятно задѣвало самолюбіе.

Когда все въ домѣ было налажено и устроено, то Вава сдѣлала визиты нѣкоторымъ роднымъ, знакомымъ и сослуживцамъ своего мужа. Сергѣй Павловичъ строго проконтролировалъ ея туалетъ, а также сказалъ маленькую рѣчь о тѣхъ лицахъ, къ которымъ предстояло ѣхать. А именно, онъ разсказалъ ихъ краткія біографіи (причемъ нисколько не щадилъ ихъ), включивъ сюда ихъ послужной списокъ, а также сообщилъ, чѣмъ они могутъ быть полезны и какимъ вліяніемъ пользуются. Кромѣ того, Сергѣй Павловичъ научилъ Ваву, гдѣ что говорить и въ какомъ духѣ, а также какъ держать себя въ томъ или другомъ домѣ.

Со стороны можно было подумать, что они какъ сообщники приготовляются идти въ атаку, причемъ старшій и болѣе опытный обучаетъ младшаго и неопытнаго.

— Помни, мой другъ,— сказалъ Сергѣй Павловичъ въ заключеніе:—помни, что главное въ жизни и свѣтскихъ отношеніяхъ— это выдержка и тактъ, они даже часто замѣняютъ умъ и даютъ возможность съ честью выходить изъ самыхъ трудныхъ положеній.

Вава лежала на кушеткѣ, смотрѣла въ потолокъ, слушала и зѣвала.

— Ну, нечего сказать,—произнесла она насмѣшливо,—весело у васъ въ Петербургѣ. Славное общество и хорошенькія у тебя знакомыя!

Сергѣй Павловичъ снисходительно улыбнулся этой ребяческой выходкѣ Вавы и, поцѣловавъ ея руку, продолжалъ:

— Развѣ я виноватъ? Ничего не подѣлаешь. Но все-таки необходимо помнить, что все это люди нужные, съ положеніемъ и

вліяніемъ. Такими связями слѣдуетъ дорожить, онѣ могутъ пригодиться въ будущемъ. А это не мѣшаетъ помнить!

Повидимому, Сергѣй Павловичъ болѣе всего боялся оригинальности, живости языка, а также независимости мнѣній своей жены.

— Мой другъ,—говорилъ онъ,—обѣщай мнѣ, что ты будешь поступать именно такъ, какъ я просилъ тебя, и не захочешь испортить мнѣ отношеній, которыми я дорожу.

И Вава обѣщала, насмѣшливо кивнувъ головой.

О, она не станетъ портить отношеній! Да и къ чему?

Послѣ визитовъ у Вавы разболѣлась голова и разстроились нервы. Спустя два дня, по желанію мужа, она засѣла дома, ожидая отдачи визитовъ. Погода была хорошая, ей хотѣлось гулять, а потомъ надѣть блузу, передникъ и рисовать, но она должна была чинно сидѣть въ гостиной, съ книгой въ рукахъ и ожидать. Она сердилась, возмущалась, но все-таки сидѣла и ждала.

Когда всѣ визиты были отданы, Ваву очень удивило странное любопытство Сергѣя Павловича и то значеніе, которое онъ придавалъ разнымъ мелочамъ. Такъ, онъ желалъ непремѣнно узнать кто былъ, и когда именно; долго ли пробылъ и о чемъ говорилъ, и что отвѣчала Вава. Тутъ же Сергѣй Павловичъ указалъ женѣ на нѣкоторыя ошибки, сдѣланныя ею въ разговорѣ,—конечно, по незнанію и неопытности,—и строго осудилъ ее.

Но это было еще не все. Надо было дать два обѣда тѣмъ лицамъ, съ которыми обмѣнялись визитами. И это тоже принесло съ собой много хлопотъ и треволненій для Вавы и множество указаній и поученій со стороны Сергѣя Павловича.

Когда все было строго обдумано и обсуждено: и меню обѣда, и вина, и закуски, и сервировка стола, а также самое главное, какъ, куда и съ кѣмъ кого посадить, и даже какъ одѣться хозяйкѣ, Вава почувствовала головокруженіе. Придя къ себѣ, она заперлась на ключъ, приняла валеріановыхъ капель и фенацетину и, распустивъ волосы, стала читать Бодлера, чтобы дать мыслямъ другое направленіе.

Первый обѣдъ сошелъ не совсѣмъ благополучно, Вава сдѣлала нѣсколько промаховъ въ разговорѣ, за то на второмъ все прошло превосходно, и Сергѣй Павловичъ получилъ много лестныхъ отзывовъ о своей супругѣ отъ лицъ, мнѣніемъ которыхъ онъ дорожилъ. Но этимъ дѣло не кончилось. Надо было ѣздить на скучные обѣды, журъ-фиксы и вечера, во время которыхъ слѣдовало поступать во всемъ по указаніямъ Сергѣя Павловича.

На этихъ обѣдахъ и вечерахъ говорилось о назначеніяхъ, на-

градахъ, рескриптахъ и повышеніяхъ, но теперь всѣ эти разговоры, которые такъ нравились Вавѣ въ Москвѣ, уже не доставляли ей никакого удовольствія. И все время, особенно въ началѣ, у нея было такое чувство, точно она ходитъ по туго натянутому канату, рискуя каждую минуту потерять равновѣсіе.

И Вава вездѣ имѣла успѣхъ, прочный и солидный, именно такой, какого желалъ Сергѣй Павловичъ. Ее находили въ свѣтѣ, даже въ самыхъ строгихъ домахъ, «très gentille» и даже «très spirituelle». Но отъ этого не было легче. Сергѣй Павловичъ былъ очень занятъ, и Вава почти все время была одна. Но она не унывала. Въ сущности же она продолжала вести какъ бы свою прежнюю, дѣвичью жизнь.

Она пѣла и рисовала по утрамъ, много гуляла и писала письма къ сестрамъ и подругамъ въ Москву. Вечеромъ, если не надо было ѣхать куда-нибудь, она читала, или бывала въ оперѣ и посѣщала концерты, съ одной пожилой родственницей Сергѣя Павловича. Мужъ рѣдко сопровождалъ ее. Вкусы его, несмотря на серьезную внѣшность, были самые легкомысленные. Такъ, онъ любилъ циркъ, оперетку, фарсы Михайловскаго театра, да изрѣдка Александринскій театръ, когда игралъ Варламовъ. Такимъ образомъ тихо и незамѣтно проползла зима. Со стороны можно было подумать, что Вава и Сергѣй Павловичъ женаты уже много лѣтъ,—такъ все шло методично и скучно. Весной Вава вздумала учиться по-итальянски, и потому къ ней два раза въ недѣлю приходила нѣкая дѣвица, похожая на Дузе, и она съ нею читала д'Аннунціо, Матильду Серао и Аду Негри въ подлинникѣ. Кромѣ того, чтобы занять время, Вава начала брать уроки пѣнія у извѣстнаго профессора. Она, попрежнему, читала очень много и рисовала по утрамъ карандашомъ съ гипса.

Но скоро ей этого показалось мало, и кромѣ итальянки въ свободные дни, къ ней приходила Miss Mabel, для практики англійскаго языка, а также для того, чтобы гулять вмѣстѣ.

Сергѣй Павловичъ былъ рѣшительно противъ одинокихъ прогулокъ.

— Я не желаю, — говорилъ онъ, — чтобы жену мою видѣли одну на улицѣ.

Вава подчинилась и этому требованію. Не все ли равно? Вдвоемъ гулять веселѣе, англичанка все-таки что-нибудь болтаетъ.

Сестры писали веселыя письма, и Вавѣ хотѣлось домой. Что-то они всѣ тамъ подѣлываютъ. Когда она жила съ ними вмѣстѣ, то и не воображала, сколько нѣжности испытывала къ нимъ. Боже мой

сколько тамъ у нихъ смѣха, веселья и самыхъ разнообразныхъ, маленькихъ интересовъ, которые кажутся имъ очень важными и нужными. Мэри влюблена въ Корицкаго, это видно изъ писемъ; Катя была на своемъ первомъ балу, а Иннокентій, должно быть, выросъ, и воюетъ, попрежнему, съ своими гувернантками... Хоть бы взглянуть на ихъ жизнь... Гдѣ-то теперь Андрюша? Любитъ ли онъ ее еще? Или забылъ?... Всѣ мужчины на одинъ ладъ... Негодяи, а безъ нихъ скучно!

Время шло быстро, насталъ великій постъ, и Ваву еще сильнѣе потянуло къ своимъ. Неужели она не будетъ во время заутрени въ университетской церкви, а потомъ въ Кремлѣ?

Она говѣла въ Удѣлахъ, гдѣ встрѣчала нѣкоторыхъ изъ нужныхъ и высокопоставленныхъ знакомыхъ Сергѣя Павловича, и тамъ же была у заутрени въ очень простомъ, серьезномъ бѣломъ платьѣ, рядомъ съ мужемъ, только что получившимъ новый знакъ отличія.

Лѣтомъ у Сергѣя Павловича не было отпуска, пришлось жить на дачѣ. И это была все та же тѣсная жизнь, особнякомъ, какъ и въ городѣ. Оффиціальные знакомые всѣ разъѣхались, а близкихъ никого не было. Однимъ изъ житейскихъ правилъ Сергѣя Павловича было никогда не имѣть интимныхъ знакомыхъ. «Это только портитъ отношенія», говорилъ онъ.

Каждое утро Сергѣй Павловичъ уѣзжалъ въ городъ, недовольный тѣмъ, что его рано разбудили. Возвращался онъ также большею частью не въ духѣ, обѣдалъ и тотчасъ же ложился отдыхать; и такъ было каждый день.

Вава вставала рано, ходила купаться и, распорядившись по хозяйству, гуляла въ паркѣ, или сидѣла тамъ съ книгой. Она начала также гигантскую работу и, сидя въ дождливые дни на балконѣ, вышивала птицъ, бабочекъ и жучковъ, шелками и золотомъ по атласу, и радовалась, что работа эта притупляетъ мысли и утомляетъ глаза и руки.

Осенью у Сергѣя Павловича стало еще больше работы, а къ Рождеству онъ надѣялся снова получить повышеніе по службѣ. Его заботило теперь, впрочемъ, одно, а именно, что придворное званіе, которое онъ носилъ, было не совмѣстимо съ ожидаемымъ повышеніемъ. Но онъ надѣялся на свои связи и, дѣйствительно, получилъ то, чего желалъ. Съ переѣздомъ въ городъ для Вавы началась та же прошлогодняя жизнь. Теперь она уже не дѣлала никакихъ ошибокъ и держала себя съ замѣчательнымъ тактомъ и выдержкой. Она превосходно знала также, что отъ кого можно ожидать и на что надѣяться, и держала себя сообразно этому.

Но ея взглядъ на людей странно измѣнился. Прежде она раздѣляла людей на интересныхъ и безразличныхъ, какъ раздѣляла ихъ на молодыхъ и старыхъ. Теперь люди были: «нужные» и «не нужные». Нужныхъ людей было меньшинство. Благодаря ихъ связямъ и положенію, ими надо было дорожить и поддерживать съ ними дружескія отношенія. Остальное большинство — это были люди не нужные. Съ ними нечего было церемониться, и ихъ можно было просто не узнавать при встрѣчахъ. Вава называла ихъ «мелочью», а Сергѣй Павловичъ въ откровенныя минуты — просто «мусоромъ» .Прежде Вава предпочитала однихъ людей передъ другими за какое нибудь нравственное или физическое преимущество, напримѣръ: за умъ, талантъ, красоту. Теперь нужными и интересными оказывались люди, не обладавшіе часто никакими личными достоинствами, очень часто тупые и отсталые по вкусамъ и понятіямъ.

Точно также Вава измѣнила теперь свой взглядъ на отношенія людей къ себѣ самой. Прежде, когда за ней ухаживали или влюблялись въ нее, она вѣрила, что нравится своими личными качествами: хорошенькимъ лицомъ, умомъ, голосомъ. Теперь она уже не могла быть увѣрена въ этомъ и склонна была думать, что къ ней относятся такъ, а не иначе, благодаря служебному положенію Сергѣя Павловича. И она смотрѣла на взаимныя отношенія людей предубѣжденными глазами.

Въ томъ скучномъ, замкнутомъ и высокопоставленномъ кругу, гдѣ бывала Вава, про нее иначе теперь и не говорили, какъ «c'est une femme charmante». А это что-нибудь да значило! И Сергѣй Павловичъ былъ гордъ и доволенъ.

Вообще онъ былъ радъ, что не ошибся и что Вава оказалась именно такою женой, какая была ему нужна. Онъ радовался также и тому, что Вава такъ скоро «обошлась», оставила всѣ свои дѣвичьи фанаберіи и позволила выдрессировать себя.

Къ Рождеству Вава окончила новую прелестную работу, которая была выставлена на выставкѣ поощренія женскаго труда. Вава сдѣлалась членомъ этого общества, и даже дежурила раза три у колеса безпроигрышной лотереи въ пользу Краснаго Креста. Дамы-членши этого общества были всѣ чопорно-любезны съ нею, потому что, вѣроятно, знали о блестящемъ положеніи, котораго добивался и понемногу достигалъ Сергѣй Павловичъ, но Вава жестоко скучала и дала себѣ слово не записываться впредь въ члены какого-либо общества.

Письма сестеръ развлекали ее, и ей сильно хотѣлось домой. Но

уѣхать такъ, среди года, было неудобно, и она сама понимала это. Что скажутъ и что еще подумаютъ!

Но такъ какъ все-таки было много свободнаго времени, то Вава по-прежнему старалась убивать каждую минуту и усерднѣе прежняго придумывала себѣ разныя занятія. Она прекратила уроки пѣнія, но за то серьезно занялась живописью. Заслуженный профессоръ академіи, съ громкимъ именемъ, пріѣзжалъ къ ней два раза въ недѣлю и однимъ взмахомъ кисти одухотворялъ ея этюды. А она думала, что дѣлаетъ успѣхи, и радовалась.

IV.

На Пасху она поѣхала къ своимъ и, поживъ съ недѣлю въ прежней обстановкѣ, почувствовала себя такъ, какъ будто у нея выросли крылья.

Неужели она замужемъ? Неужели живетъ въ узкомъ, темномъ и гадкомъ Петербургѣ? Неужели должна принимать «нужныхъ людей», а въ остальное время выискивать и выдумывать, чѣмъ бы занять умъ и руки?

Когда Вава пріѣхала, ей очень обрадовались. Сестры наперерывъ цѣловали, тормошили, ахали и жадно разглядывали ее, и всѣ единодушно рѣшили, что она очень похорошѣла. Стала совсѣмъ другая,— ну, однимъ словомъ, настоящая петербургская grande dame.

Мать Вавы, игравшая цѣлый день въ карты съ постоянными партнерами, оглядѣла опытнымъ взглядомъ изящную фигуру дочери и многозначительно сжала губы.

— А бэби?—необдуманно выпалила Инночка, самая младшая сестра, которую отецъ, да и вся семья звали Иннокентіемъ, потому что, когда она родилась, ждали сына.—Гдѣ у васъ бэби? Эхъ, вы, стоило жениться, нечего сказать!

Иннокентій еще держалась того мнѣнія, что выходятъ замужъ для того, чтобъ имѣть дѣтей и заниматься съ ними.

— Бэби не будетъ, должно быть,—сказала Вава, улыбаясь,— ужъ не сердись, Иннокеній! Я—пустоцвѣтъ, моя крошка,—и она, напѣвая, ушла въ залу, чтобы показать Мэри привезенные съ собою новые романсы.

Мать Вавы посмотрѣла ей вслѣдъ, покачала головой и ничего не сказала. Странныя теперь настали времена. Дѣтей почти ни у кого нѣтъ... Какая ужъ тутъ семья и семейное счастье!...

Вавѣ было хорошо. Знакомая, милая жизнь обняла ее со всѣхъ

сторонъ, какъ теплая, нѣжная ванна. Сестра Мэри была невѣстой того самаго Корицкаго, который раньше тщетно ухаживалъ за Вавой. И хотя Корицкій былъ просто помѣщикъ и, не обладая никакими выдающимися качествами, могъ доставить своей женѣ только самую сѣренькую жизнь,—Мэри такъ и сіяла отъ счастья. Иннокентій увѣряла даже, что видитъ «лучи».

Въ домѣ было шумно, весело и пахло счастьемъ. Весна была ранняя, такъ что къ концу Святой на березкахъ въ саду уже стали развертываться клейкіе, зеленые листики. Земля была влажная, солнце ярко свѣтило и грѣло, и Вава чувствовала себя молодой, жизнерадостной и красивой. За ней много ухаживали, но совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Петербургѣ, и это смѣшило и радовало ее. Она встрѣтилась также съ Андрюшей Ламскимъ, дальнимъ родственникомъ и однофамильцемъ, въ котораго была «влюблена сердцемъ» до своего замужества.

Этотъ Андрюша былъ молодой человѣкъ, какихъ спеціально производитъ одна Москва. Онъ гдѣ-то служилъ, но ни отъ кого не скрывалъ, что дѣла его очень плохи. Огромное состояніе было прокучено еще дѣдомъ и докончено отцомъ. Андрюшѣ оставался заложенный домъ съ огромнымъ гербомъ, но со ржавою крышей, и тысячъ тридцать денегъ, которыя онъ и проживалъ, не мудрствуя лукаво, надѣясь впослѣдствіи поправить дѣла выгодною женитьбой. «Конечно, скверно жениться изъ-за денегъ,— разсуждалъ онъ,— но вѣдь жить безъ денегъ гораздо хуже». Вообще Андрюша былъ фаталистъ и дилетантъ. Онъ любилъ всѣ искусства: музыку, живопись, театръ и литературу. Еслибъ у него были деньги, то изъ него непремѣнно вышелъ бы грандіозный меценатъ, какимъ былъ дѣдъ его, знаменитый Илларіонъ Ламской. Но такъ какъ денегъ не было и меценатствовать было нельзя, то Андрюша лично отдавалъ дань всѣмъ искусствамъ.

Онъ импровизировалъ очень недурно на фортепіано, и хотя ему, конечно, не доставало школы, но за то онъ былъ своимъ человѣкомъ въ музыкальномъ мірѣ. Лавры Мейсонье не давали ему покоя, и онъ писалъ масляными красками микроскопическія картинки и дѣлалъ иногда довольно удачныя копіи. Андрюша дружилъ съ артистами Малаго театра, самъ нерѣдко участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ и даже пользовался извѣстностью на этомъ поприщѣ. Онъ писалъ недурные стихи, которые, правда, напоминали не то Апухтина, не то Мюссэ, но печатались въ нѣкоторыхъ московскихъ изданіяхъ. Такимъ образомъ у Андрюши были связи и въ литературномъ мірѣ. Родныхъ, пріятелей и знакомыхъ у него

было пол-Москвы, и вездѣ его любили, баловали и ласкали. И наружность у него была родовитаго, избалованнаго барича. Говорилъ онъ лѣниво, постоянно щуря близорукіе темно-каріе глаза. Движенія его были изнѣженныя и походка съ развальцемъ, и Вава шутя называла его «Обломовымъ». Онъ сильно нравился ей, но она ненавидѣла себя за эту слабость и потому изводила его насмѣшками. Разъ не то изъ каприза, не то изъ желанія пооригинальничать Вава согласилась ужинать съ нимъ вдвоемъ въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана, гдѣ они оба все время вели себя такъ же сдержанно и примѣрно, какъ будто бы присутствовали на оффиціальномъ пріемѣ. Замужество Вавы глубоко оскорбило Андрюшу и доказало ему, какъ онъ ничтоженъ въ ея глазахъ и чего она хочетъ отъ жизни.

Когда они случайно встрѣтились теперь, его полное лицо слегка измѣнилось, но, быстро овладѣвъ собой, онъ подошелъ къ Вавѣ. Цѣлуя кончики ея пальцевъ, онъ проговорилъ:

— Ma cousine, я благоговѣю, теперь вы—«жена цезаря» и этимъ все сказано.

Вава разсмѣялась, а потомъ задумалась.

Жена цезаря!

Да, жена маленькаго цезаря одного изъ петербургскихъ министерствъ... Андрюша, самъ того не понимая, попалъ очень мѣтко. Но какая иронія въ этомъ названіи, какая насмѣшка!

Жена римскаго цезаря была выше подозрѣній и могла дѣлать все, что ей угодно. За то жена современнаго цезаря обязана зорко слѣдить за всѣми своими поступками и чувствовать всю тяжесть своего высокаго положенія. Времена и взгляды перемѣнились...

Во время этой единственной встрѣчи съ Вавой Андрюша былъ очень сдержанъ, холоденъ и ни слова не сказалъ о прошломъ. Вава его больше не видала. Ей сказали, что онъ уѣхалъ въ деревню, и она была недовольна и зла. «Какая глупость эта, такъ-называемая, «мужская гордость!»—думала она съ досадой.

Вава пробыла еще двѣ недѣли. Она осталась бы еще дольше, но отецъ и мать находили, что разлучаться съ мужемъ на болѣе долгій срокъ неудобно.

— Но, увѣряю васъ, мамà,—говорила Вава взволнованнымъ голосомъ,—увѣряю васъ, что я ему вовсе не нужна... Онъ такъ занятъ, что я ему только мѣшаю. Да наконецъ и вижу я его только за завтракомъ и въ шесть часовъ, за обѣдомъ. Согласитесь, что это немного.

Мамà на минуту воззрилась съ испугомъ въ лицо Вавы. Она подозрѣвала, что дочь не особенно счастлива съ этимъ «сухаремъ»,

какъ она давно уже мысленно окрестила зятя. Но, какъ бывалая, осторожная женщина, она боялась разспрашивать и тѣмъ, можетъ быть, раздуть едва намѣчавшееся несогласіе.

— Ну, ты преувеличиваешь, Варенька,—сказала она, избѣгая смотрѣть въ глаза дочери.—Всѣ мужчины заняты, и это еще слава Богу, а то бы они одурѣли совсѣмъ. А твой мужъ дѣлаетъ карьеру, и это надо цѣнить... Повѣрь матери, ты только ему повредить можешь, если станешь такъ разъѣзжать... Ты знаешь Москву... Надо и о сестрахъ подумать... Сейчасъ что-нибудь наплетутъ...

Вава немного поблѣднѣла. Лицо ея стало печально, но она гордо подняла голову и ничего не сказала.

Передъ отъѣздомъ Вава очень просила отпустить съ ней Иннокентія хоть на недѣлю погостить, но ей и этого не разрѣшили. «Иннокентію надо учиться,—сказалъ отецъ,—а у тебя она въ конецъ избалуется». И Вава уѣхала одна.

Сергѣй Павловичъ явился встрѣтить жену на вокзалъ такой величественный, спокойный, настоящій петербургскій цезарь изъ молодыхъ, да ранній. Онъ поцѣловалъ руку Вавы и освѣдомился, какъ она провела ночь. Потомъ онъ отвезъ ее домой въ каретѣ, разсказывая дорогой, какія существенныя перемѣны произошли во время ея отсутствія въ канцеляріи. Впрочемъ, онъ тотчасъ же долженъ былъ проститься съ Вавой, такъ какъ торопился на службу.

Вава машинально обошла всѣ комнаты, и ей пришли въ голову все тѣ же слова: «Вотъ она, моя тюрьма». Знакомые предметы: зеркала, картины, рояль и мебель стояли все на тѣхъ же мѣстахъ какъ она оставила ихъ, и говорили о скучныхъ дняхъ и длинныхъ, томительныхъ вечерахъ. Все то же, то же, то же! Никакой перемѣны... И какъ все тускло, темно и скучно... Вава распорядилась по хозяйству и заказала обѣдъ. Потомъ она вернулась въ спальню, легла на кровать и пролежала такъ весь день. Она не спала, но ее мучила неотступная, навязчивая мысль: Неужели всегда, всегда такъ будетъ? Изо дня въ день? Безъ жизни, безъ перемѣны, безъ счастья? Такъ до самой могилы?

V.

Снова потянулся рядъ тусклыхъ, однообразныхъ дней и все пошло по-старому, по разъ навсегда отлитой формѣ, и такъ, какъ было всего удобнѣе для Сергѣя Павловича и его службы.

Вава старалась вставать позднѣе. День все-таки тогда казался покороче, но это ей не всегда удавалось. Иногда же вовсе не хо-

тѣлось вставать и начинать все то же. А между тѣмъ жизнь била въ ней ключомъ, и удовлетворить эту жажду жизни было нечѣмъ.

Сергѣй Павловичъ всегда вставалъ поздно. Первый разъ его будили въ одиннадцать часовъ, но окончательно просыпался онъ только къ 12-ти. Тогда онъ вставалъ блѣдный, апатичный, едва ворочая языкомъ, совершалъ свой туалетъ, завтракалъ и отправлялся на службу. Возвращался онъ къ шести часамъ, голодный и утомленный. Обѣдалъ и ложился отдыхать. Иногда, когда не было засѣданія или какой-нибудь коммиссіи, онъ такъ и спалъ весь вечеръ. И Вава все время была одна. А когда Сергѣй Павловичъ вставалъ, то Вава шла спать.

Ночью Сергѣй Павловичъ занимался. Тогда онъ жилъ лихорадочной жизнью, писалъ талантливые журналы, постановленія и опредѣленія, читалъ книги и газеты, выкуривалъ множество папиросъ и засыпалъ часа въ четыре или пять утра. Онъ такъ привыкъ къ этому режиму, что уже не могъ жить иначе. Поэтому съ перваго же дня по устройствѣ въ Петербургѣ Вава и Сергѣй Павловичъ нашли всего удобнѣе каждому имѣть свою спальню, чтобы не стѣснять другъ друга.

— Мы съ тобой, какъ солнце и мѣсяцъ, — сказала какъ-то Вава;—когда ты ложишься, я встаю!

Лѣто прошло такъ же скучно и уныло, какъ и предыдущее, и хотя жили не въ Царскомъ, а въ Финляндіи, разницы отъ этого не было никакой. А по возвращеніи въ городъ снова потянулись тѣ же однообразные дни, похожіе другъ на друга, какъ старые, стертые двугривенные.

Хорошо выдрессированная прислуга была исправна. Все дѣлалось и подавалось по часамъ, и домашняя машина шла какъ по маслу, каждый день повторяя то же самое. Порядокъ былъ самый образцовый, такой, какого требовалъ Сергѣй Павловичъ во всемъ и ото всѣхъ. Снова были визиты нужнымъ людямъ, званые обѣды и скучные, натянутые вечера. Изрѣдка ѣздили въ театръ, но Вава не любила этихъ выѣздовъ,—они утомляли ее. Къ тому же Сергѣй Павловичъ бывалъ всегда слишкомъ нервозенъ, такъ какъ лишался послѣобѣденнаго сна. Онъ начиналъ бранить игру актеровъ и сердиться на жену изъ-за всякаго пустяка. А на другой день ему уже было гораздо труднѣе вставать утромъ.

Поэтому Вава старалась отклонять рѣдкія предложенія Сергѣя Павловича ѣхать въ театръ.

Одѣтая въ свободное, домашнее платье, она читала, запершись въ своей комнатѣ, или играла цѣлыми часами на рояли.

Музыка и чтеніе для множества женщинъ—тотъ же гашишъ. Это занимаетъ время, будитъ и развиваетъ мечтательность, успокоиваетъ, развлекаетъ, а также слегка разстраиваетъ нервы. Иногда Вава думала о томъ, что̀ бы она стала дѣлать безъ книгъ и безъ музыки? Мало-того, что стали-бы дѣлать множество праздныхъ, неудовлетворенныхъ и неуравновѣшанныхъ женщинъ, еслибъ къ ихъ услугамъ не было романовъ и фортепіано.

Жизнь такъ скупа и удовлетворяетъ не многихъ.

Такъ протекали дни за днями—безцвѣтные и безвкусные какъ вода.

Теперь художественныя гигантскія работы были заброшены,—онѣ слишкомъ надоѣли. Уроки рисованія, языковъ и пѣнія были тоже оставлены. Чтобы работать и учиться, необходимо добиваться какой-нибудь цѣли—заниматься чѣмъ-нибудь безъ всякаго стимула скучно и неинтересно. Пѣть было трудно, потому что горло сжималось очень часто безо всякой причины, и тамъ стоялъ точно какой-то кусокъ, и дыханіе точно останавливалось въ груди. Хотя это было очень непріятно, но Вава сначала не обращала никакого вниманія.

— Сержъ, знаешь, я страдаю, кажется, астмой,—сказала она, какъ-то, смѣясь за обѣдомъ.—Право же, увѣряю тебя. Дыханіе останавливается вотъ здѣсь и ужасно тяжело!...

Сергѣй Павловичъ взглянулъ на нее разсѣянно, очевидно, думая о другомъ, потомъ пожалъ плечами и сказалъ спокойно:

— Какія глупости, не выдумывай пожалуйста! Астма бываетъ только у стариковъ.

Но маленькія недомоганія все увеличивались; мало того, все рождались новыя и новыя. Сонъ сталъ очень капризенъ и неправиленъ, потомъ совсѣмъ исчезъ аппетитъ. Противно было не только ѣсть, но даже думать о кушаньяхъ, когда приходилось заказывать обѣдъ. Потомъ начались головокруженія, невыносимая тоска по утрамъ, сердцебіенія и несвязныя мысли о томъ, что жить не сто̀итъ, и страхъ смерти.

Боязнь внезапно умереть была такъ велика, что Вава, выходя изъ дому, всегда брала съ собою визитную карточку съ самымъ точнымъ, подробнымъ адресомъ, для того, чтобы знали куда отвезти ее... Свои недомоганія Вава тщательно скрывала ото всѣхъ, боролась съ ними сколько хватало силъ и старалась не поддаваться имъ. Сидя въ своей комнатѣ длинными вечерами, она иногда вспоминала свои смѣлыя, дѣвичьи мечты, свое полное незнаніе жизни и людей,—а также многія свои неосторожныя слова, значе-

ніе которыхъ она не всегда хорошо понимала, и на лицѣ ея тогда бродила жалкая улыбка. Какая она была тогда живая, рѣшительная и смѣлая! Какъ многаго ждала отъ жизни и какъ горько раскаивалась теперь...

Вава ничего не сказала мужу, но отправилась въ пріемные часы къ извѣстному профессору по нервнымъ болѣзнямъ.

Въ большой, красивой гостиной было уже нѣсколько человѣкъ и почти на всѣхъ лицахъ было написано равнодушіе и покорность судьбѣ. И всѣ поглядывали другъ на друга съ недовѣріемъ, видимо подозрѣвая въ каждомъ изъ присутствующихъ душевно-больного; кто знаетъ, можетъ быть, и буйнаго? Шурша шелковыми юбками, вошли двѣ красивыя, молодыя дамы на видъ такія цвѣтущія и здоровыя, что Вава невольно удивилась и не понимала, отъ чего бы онѣ могли лѣчиться?

— Des detraquées, quoi! — подумала она презрительно, но тутъ же спохватилась.—А я-то сама? А я зачѣмъ здѣсь?

И ей стало обидно и досадно до слезъ.

Сидя потомъ въ роскошномъ кабинетѣ психіатра, Вавѣ казалось, что знаменитость видитъ ее насквозь. Мало того, даже подсказываетъ ей о тѣхъ болѣзненныхъ симптомахъ, какіе она ощущала, точно сразу понявъ, чѣмъ и отчего она страдала.

И Вава не ошиблась. Профессоръ видѣлъ ее насквозь. Лицо его выражало утомленіе и сочувствіе. Онъ дѣлалъ короткіе вопросы, опредѣленные какъ удары ножа, и что-то быстро записывалъ въ памятную книгу, которую держалъ у себя на колѣняхъ, прислонивъ ее къ письменному столу. Потомъ онъ заговорилъ,—выражаясь сжато и опредѣленно, точно отдавая короткія приказанія. Да, онъ сразу понялъ въ чемъ дѣло. И то сказать, сколько ему пришлось уже видѣть за свою долголѣтнюю практику, современныхъ женщинъ, у которыхъ, казалось, все было для счастья, а между тѣмъ онѣ искренно страдали. Не могъ же онъ сказать имъ: «Надо въ корень измѣнить вашу жизнь, которая уродлива и ненормальна. Надо измѣнить общество, людей, законы нравственности и справедливости. Все!» Точно также какъ онъ не могъ сказать теперь Вавѣ: «Вы больны и несчастны потому, что ваша жизнь не удовлетворяетъ васъ. Вы переутомлены одиночествомъ, обстановкой, мужемъ и вообще всѣмъ, что васъ окружаетъ. И потому оставьте эту жизнь, этого мужа и чтобы все было новое. Любите, имѣйте дѣтей, живите нормально, и все будетъ иначе. Вы выздоровѣете».

Но такъ какъ профессоръ не могъ сказать всего этого от-

кровенно (да это ни къ чему бы и не послужило), то онъ только прописалъ бромъ, холодныя обтиранія, прогулки и развлеченія. Кромѣ того, онъ рекомендовалъ поѣздку за границу на продолжительное время. Эта поѣздка, безъ сомнѣнія, могла тоже принести свою долю пользы.

VI.

Весну и лѣто Вава провела за границей, въ Франценсбадѣ, Виши и потомъ на морскихъ купаньяхъ. Она поправилась, окрѣпла и, благодаря пріемамъ бромистыхъ препаратовъ, испытывала какое-то спокойное, безразличное состояніе, которое было довольно пріятно.

Осенью прямо изъ-за границы она проѣхала въ имѣніе молодыхъ Корицкихъ, гдѣ все лѣто гостили отецъ съ матерью и младшія сестры.

Мэри еще не совсѣмъ оправилась отъ родовъ, но была очень счастлива. Объ этомъ не нужно было говорить, такъ какъ полнота счастья чувствовалась во всемъ, въ воздухѣ, въ мелочахъ, виднѣлась на лицахъ гостей и прислуги. Сидя въ залитой осеннимъ солнцемъ спальнѣ и смотря, какъ Мэри, похожая на мадонну, томная и гордая, кормила своего бэби, Вавѣ приходили въ голову мысли, никогда не приходившія ей прежде.

— Мама,—сказала она какъ-то матери,—вотъ теперь Мэри приготовила себѣ вторую жизнь, а для васъ начнется третья. И вы обѣ будете все переживать съ начала—и дѣтство, и первые шаги, и первые зубки, и первыя слова. Развѣ это не чудесно? А потомъ ученье, а потомъ ранняя юность, свѣжесть первыхъ впечатлѣній, любовь, замужство... Какъ все мудро устроено, и какъ это я никогда не думала объ этомъ. И ничего этого у меня нѣтъ, да, вѣроятно, и не будетъ...

«Теперь для Мэри жизнь полна интереса, у нея есть будущее и ей не страшна утрата молодости и личной жизни, —думала Вава.—Да, надо стремиться исполнить въ жизни все, что слѣдуетъ по рутинѣ, иначе природа жестоко отомститъ впослѣдствіи». И Вавѣ казалось, что эта месть уже началась для нее.

Когда она вернулась въ Петербургъ, то въ первый же день она вошла въ кабинетъ мужа и сказала просто:

— Я хочу ребенка!—и она пояснила: — Жизнь безъ цѣли утомила ее, она все одна и не особенно счастлива. А когда пройдетъ молодость... Что тогда? Чѣмъ жить и для чего?

Сергѣй Павловичъ слушалъ ее съ забавнымъ изумленіемъ приподнявъ брови: «Развѣ она одинока? Развѣ несчастлива»?— мысль эта никогда не приходила ему въ голову.

— Но, вѣдь, ты же сама,—сказалъ онъ скептически,—вѣдь ты сама ставила еще невѣстой условіемъ, чтобы не было дѣтей... Конечно, я не послушался тебя, въ этомъ ты можешь быть увѣрена... и несмотря на это дѣтей у насъ все-таки нѣтъ... A qui la faute? Право, ты должна быть только довольна. А... впрочемъ, посовѣтуйся съ докторомъ.

Сергѣй Павловичъ замолкъ, и Вава, взглянувъ на него, убѣдилась, что онъ очень усталъ и хочетъ спать. Она безшумно выскользнула изъ кабинета и, притворивъ по дорогѣ всѣ двери и спустивъ драпировки, стала ходить взадъ и впередъ по гостиной. Теперь она догадывалась, какой совѣтъ могъ бы ей дать знаменитый психіатръ. А такъ какъ она, подобно многимъ женщинамъ, любила искать примѣровъ въ литературѣ, по отношенію къ себѣ и своей жизни, — то она вдругъ вспомнила одно изъ остроумнѣйшихъ предисловій къ театру Александра Дюма.

Тамъ, гдѣ онъ говорилъ, что для женщины, не нашедшей личнаго счастья въ замужствѣ, существуютъ три исхода. А именно: ребенокъ, любовникъ и Богъ; то-есть любовь материнская, любовь земная и любовь духовная... И Вава долго ходила по гостиной и думала, думала.

Потомъ она открыла фортепіано и заиграла Andante лунной сонаты, которое такъ хорошо игралъ Андрюша Ламской и которое напоминало ей Москву.

VII.

Къ Рождеству Сергѣй Павловичъ получилъ новое назначеніе, и придворное званіе, дававшее Вавѣ права пріѣзда ко двору.

Все шло прекрасно, и Вава казалась вполнѣ довольной. Мужъ ея блестящимъ образомъ оправдалъ всѣ ея ожиданія. Успѣхъ имѣетъ магическое свойство гипнотизировать, и побѣдителей не судятъ. Нерѣдко Вава сама заглядывала теперь въ *Правительственный Вѣстникъ*, интересуясь наградами и производствами.

Бюджетъ теперь настолько увеличился, что Сергѣй Павловичъ самъ предложилъ женѣ перемѣнить квартиру, обстановку и вообще весь строй жизни.

— Теперь ты, пожалуй, разрѣшилъ бы мнѣ даже быть живой и оригинальной,—подумала Вава съ горечью,—да жаль: это уже невозможно!

Вообще, многое измѣнилось къ лучшему въ смыслѣ удобства и разнообразія жизни. Вава проводила время шумно и весело, и домъ ея уже не казался ей тюрьмою.

Здоровье было хорошо, нервы, повидимому, окрѣпли и только въ большихъ сѣровато-голубыхъ глазахъ появилось ужъ слишкомъ холодное, равнодушное выраженіе.

Послѣ своей заграничной поѣздки Вава даже похорошѣла,—это было общее мнѣніе.

Она сдѣлалась еще изящнѣе, женственнѣе и обаятельнѣе и высматривала совсѣмъ молоденькой женщиной, со своей тонкой таліей и хорошенькимъ, нѣжнымъ лицомъ. Нерѣдко въ магазинахъ, гдѣ ее не знали, ее называли «барышней» и «mademoiselle», и это смѣшило ее.

Между тѣмъ Сергѣй Павловичъ, вслѣдствіе условій своей жизни и усиленныхъ занятій, быстро старѣлся, горбился и лишался волосъ и аппетита. Вава хорошѣла, чувствовала свою силу и ждала. Чего? Она сама хорошенько не знала. Но вмѣстѣ съ выздоровленіемъ у нея явилась увѣренность въ томъ, что жизнь готовитъ ей еще кое-что впереди. И надежда эта теплилась въ ея душѣ и давала ей желаніе жить.

VIII.

Въ большой полутемной столовой съ массивнымъ рѣзнымъ буфетомъ и тяжелой бронзовой лампой кончали обѣдать.

Вава облокотилась руками на столъ и внимательно слѣдила за обоими мужчинами, точно сравнивая ихъ.

Противъ нея сидѣлъ Сергѣй Павловичъ. Свѣтъ лампы обливалъ его сухую, немного сгорбленную фигуру и начинающую сильно лысѣть голову. Онъ сосредоточенно и очень серьезно чистилъ мандаринъ, методично раздѣляя его на части.

— Онъ далеко пойдетъ, — говорилъ Сергѣй Павловичъ про кого-то изъ общихъ знакомыхъ.—Я предсказываю, что онъ пойдетъ далеко,—такіе люди намъ нужны.

И Вава внутренно смѣялась:

«Боже мой, какъ важно! Намъ. Кому намъ? Россіи? Отечеству? Государству?... Выражается, точно въ манифестѣ...»

Но ей стало еще веселѣе, когда она взглянула на Андрюшу, на его открытое, жизнерадостное лицо, съ нѣжными, какъ у женщины, глазами.—Какой контрастъ!

Вотъ кто просто разрѣшаетъ задачу жизни, не вдаваясь въ крайности и не мучая ни себя, ни другихъ.

Пріѣхалъ онъ обѣдать въ смокингѣ и бѣломъ жилетѣ на московскій ладъ, и это очень шло къ нему; между тѣмъ какъ Сергѣй Павловичъ даже у себя дома былъ въ сюртукѣ. И Вавѣ казалось, что въ темныхъ зрачкахъ Андрюши вспыхивали ироническія искорки, когда онъ смотрѣлъ на Сергѣя Павловича.

Послѣ кофе Вава позволила курить, но уже десять минутъ спустя Сергѣй Павловичъ всталъ со своего мѣста извиняясь. Ему надо было ѣхать къ военному министру, который въ прошломъ засѣданіи остался при особомъ мнѣніи, и показать ему для подписи свой журналъ.

— Надѣюсь, Андрей Петровичъ, вы простите меня,—сказалъ онъ,—къ сожалѣнію, мы не всегда принадлежимъ себѣ.

Потомъ, уже переодѣтый во фракъ, со скромною брошью микроскопическихъ орденовъ, онъ зашелъ еще разъ въ гостиную, поцѣловалъ руку жены и сухо-любезно простился съ Андрюшей, пустенькимъ московскимъ дворянчикомъ, по его мнѣнію, который велъ себя не достаточно сдержанно и почтительно въ его, цезаря, присутствіи.

«Ну, да Вава, какъ умная женщина, сумѣетъ его поставить на мѣсто,—думалъ Сергѣй Павловичъ уже сидя въ каретѣ.—Надо будетъ также непремѣнно представить графинѣ этого медвѣдя, вѣдь онъ недавно получилъ большое наслѣдство,—Вава что-то говорила объ этомъ. Для благотворительныхъ учрежденій такіе люди—кладъ. Графиня будетъ довольна».—И въ воображеніи цезаря Андрюша мгновенно превратился въ «нужнаго» человѣка.

— Ma petite cousine, — говорилъ между тѣмъ Андрюша Ламской,—неужели «онъ» у васъ всегда такой?... Я не женщина, но, ей-Богу, мнѣ стало тяжко и захотѣлось выпрыгнуть въ окно.

Вава разсѣянно кивнула головой и повела Андрюшу въ свою комнату. Тамъ горѣла большая лампа, подъ свѣтло желтымъ абажуромъ, стоялъ рояль, было много цвѣтовъ, книгъ и журналовъ,— а на мольбертѣ начатый этюдъ углемъ. Здѣсь было тепло, свѣтло и уютно, а главное не было того строгаго мертвящаго порядка, какъ во всѣхъ остальныхъ комнатахъ. Вава устроила себѣ этотъ уголокъ, вернувшись изъ-за границы, и любила проводить здѣсь все свободное время. Прислугѣ было приказано никого не вводить сюда изъ постороннихъ и самой никогда безъ звонка не являться.

Вава усѣлась съ ногами на широкій диванъ и прислонилась головой къ подушкамъ, въ позѣ усталаго человѣка.

— Какъ здѣсь у васъ хорошо, Вава,—говорилъ Андрюша, ходя большими шагами по комнатѣ.—И вы здѣсь совсѣмъ другая,

милая и прежняя, Вава до замужства... Знаете, — продолжалъ онъ,—всѣ слова кажутся мнѣ такими ничтожными, такими слабыми, чтобы выразить то, что я чувствую... Всѣ эти годы я любилъ васъ одну и не могъ забыть, хотя зналъ, что вы для меня потеряны... Не отталкивайте же меня теперь, умоляю васъ, я право очень несчастенъ.

И хотя жизнерадостная наружность Андрюши, его бѣлый жилетъ, изящный смокингъ и не совсѣмъ гармонировали съ этимъ признаніемъ, Вава чувствовала, что онъ былъ искрененъ.

Но она молчала. Лицо ея было блѣдно и равнодушно и вся она походила на изящную парижскую куклу, безъ мысли и выраженія застывшую въ небрежной усталой позѣ.

«Разсердилась. Сейчасъ прогонитъ... Боже мой, что дѣлать»,— думалъ Андрюша, чувствуя, какъ у него холодѣютъ руки.

— Сыграйте что-нибудь,—сказала Вава,—я давно не слыхала, какъ вы играете... Сыграйте Andante той сонаты... Вы его недурно играли.

Андрюша послушно подошелъ къ рояли и заигралъ. А она лежала, закрывъ глаза, и думала о томъ, какъ скупа и несправедлива была къ ней судьба, и какъ хорошо было бы умереть поскорѣе, съ тѣмъ, чтобы возродиться вновь въ какомъ-нибудь сильномъ, здоровомъ и счастливомъ существѣ, для того, чтобы узнать наконецъ, что такое настоящая, полная жизнь. Андрюша кончилъ сонату и заигралъ «Consolation» Листа, а потомъ что-то свое, очень грустное и мечтательное, все состоящее какъ бы изъ длинной цѣпи мучительныхъ, ничѣмъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. И музыка эта волновала Ваву.

Вспомнились ей лунные вечера въ Ялтѣ и за границей, когда природа обѣщала такъ много, а жизнь оказывалась такой скудной и бѣдной... Вспомнились долгіе годы, прожитые безъ радости, длинные дни, томительные вечера и безсонныя ночи, и та жажда жизни, которую она топила въ никому ненужныхъ занятіяхъ и работахъ.

Руки Андрюши нѣжно скользили по клавишамъ и бередили ея усталую душу. Ей хотѣлось, сбросивъ съ себя старый гнетъ, стать снова прежнею Вавой. Ей хотѣлось жаловаться, плакать и любить.

Андрюша кончилъ играть, съ шумомъ отодвинулъ табуретъ и снова заговорилъ о своей любви. Говорилъ онъ горячо и увлекательно, но Вава слушала его равнодушно и молчала.

— Зачѣмъ онъ пересталъ играть?—думала она съ досадой.

Видя ея недовольство, Андрюша заговорилъ о другомъ.

— Сергѣй Павловичъ,—сказалъ онъ,—подалъ мнѣ надежду,

что я могу быть причисленъ къ канцеляріи... Что вы объ этомъ думаете, Вава?

— Я думаю,—медленно проговорила она,—я думаю о совсѣмъ другомъ! Еслибъ вы знали только, какъ пусто и уныло у меня сейчасъ на душѣ,—вы испугались бы и ушли бы поскорѣй. Вотъ, вы говорите мнѣ о любви, а я слушаю васъ спокойно, какъ соловья или пѣвца въ оперѣ. Между тѣмъ я еще не старуха, вы тоже молоды, вы интересны и когда-то очень нравились мнѣ; мнѣ кажется даже, что я любила васъ... Еслибъ вы также знали, какъ я одинока и какъ я устала... Я устала отъ недостатка жизни. Неправда ли, странно? Устать отъ недостатка жизни, отъ недостатка душевныхъ и сердечныхъ волненій! Устать отъ спокойствія... А между тѣмъ это такъ.

Вава оживилась. Щеки ея порозовѣли, а глаза стали темнѣе и больше.

— Выслушайте меня, Андрюша,—продолжала она,—я буду съ вами откровенна, потому что,—всему виною ваша музыка... Если обстоятельства противъ насъ, то надо бороться. Непремѣнно бороться. Иначе легко погибнуть. А я не хочу, не хочу гибнуть... У меня нѣтъ будущаго, — говорила Вава, — если не считать будущимъ тѣхъ степеней и орденовъ, которыхъ вѣроятно достигнетъ еще Сергѣй Павловичъ. Передо мною постоянно точно глухая, высокая стѣна. Но я хочу бороться, я не хочу гибнуть... И вы, вы можете спасти меня вашей любовью...—Она положила обѣ руки на плечи Андрюши и первая поцѣловала его въ горячія губы. Но глаза ея были мрачны и полны слезъ.

X.

Черезъ полчаса, сидя близко возлѣ Вавы, обнимая и цѣлуя ея ноги и руки и все тѣло сквозь тонкую ткань домашняго платья, Андрюша говорилъ счастливымъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Вава, Вава прелесть моя, любовь моя, ты моя теперь, моя навсегда... Господи, за что мнѣ такое счастье?

И Андрюша съ восторженнымъ видомъ схватывался за голову, бѣгалъ по комнатѣ, улыбаясь себѣ самому и своимъ счастливымъ мыслямъ въ зеркало, и снова принимался цѣловать Ваву. Она улыбалась, слѣдила за нимъ глазами и позволяла цѣловать себя. Ей было хорошо.

Любовь Андрюши трогала ее, слегка волновала и точно нѣжно

баюкала. Ничего подобнаго она никогда не испытывала. Но, Боже, что бы это было, еслибы и она любила также сильно... Какія ощущенія, какой восторгъ! Счастливъ всегда тотъ, кто любитъ.

— Онъ дастъ разводъ,—говорилъ между тѣмъ Андрюша горячо и скоро.—Онъ обязанъ дать его и мы женимся. Мы уѣдемъ отсюда навсегда. За границу, въ деревню, въ Москву,—куда хочешь..- Нужно уйти отъ этой узкой оффиціальной, лживой жизни и зажить какъ-нибудь совсѣмъ по-новому... Мы оба еще молоды... жизнь, счастье, все это наше. Вава, Вава, ты теперь моя, моя!

Но лицо ея было нѣмо, и она не отвѣчала на его страстные порывы, а только тихо покачала головой въ отвѣтъ на его слова.

— Разводъ? Новое замужство? Скандалъ? Потому что скандалъ будетъ непремѣнно. Совѣщанія съ адвокатами, вся эта грязная процедура?... Неужели же все это такъ необходимо? Неужели безъ этого нельзя? Ломать свою съ такимъ трудомъ налаженную жизнь? Уѣзжать куда-то? Вести бродячую жизнь для чего-то? И находиться въ двусмысленномъ положеніи разводки, хотя бы и короткое время? И зачѣмъ все это? Ради чего? Когда все можетъ такъ прекрасно устроиться безъ треска, скандала и непріятностей.

Отчего бы, напримѣръ, Андрюшѣ и въ самомъ дѣлѣ не поступить на службу и не остаться совсѣмъ въ Петербургѣ? Это такъ просто и легко сдѣлать, съ его связями и при его средствахъ. Да, наконецъ, разводъ, да и вообще вся эта исторія можетъ отразиться на служебномъ положеніи Сергѣя Павловича. А этого она уже не можетъ допустить.

Каждому свое.

Не надо также забывать, что судьба жестоко мститъ за всякое отступленіе отъ разъ навсегда заведеннаго порядка вещей.

Разумѣется, женщины, когда сильно любятъ, то не разсуждаютъ, а жертвуютъ всѣмъ ради своей любви,—но она, Вава, вѣдь даже не увѣрена въ силѣ своего чувства къ Андрюшѣ.

И точно провѣряя себя, она обняла его за шею и сказала тихимъ голосомъ:

— Ты, конечно, вполнѣ правъ, и поступить слѣдуетъ именно такъ, какъ ты говоришь... Но, дорогой, поступить такъ я не въ силахъ. Я говорила тебѣ, что душа моя больна. Всѣ тѣ хорошія, идеальныя чувства, на которыя я, можетъ быть, и была способна прежде, давно уничтожены жизнью. А главное—то, что я страшно устала... Я уже не въ состояніи ломать свою старую жизнь и начинать сызнова, для этого у меня нѣтъ ни энергіи, ни силы, и даже желанія. Можетъ быть также, я уже настолько обратилась въ

«жену цезаря» (какъ ты, помнишь, тогда назвалъ меня?) и настолько дорожу своимъ покоемъ, положеніемъ и связями, что лишиться всего этого было бы для меня слишкомъ трудно. Лучше оставь меня и уйди, я только внесу разладъ въ твою жизнь и испорчу ее!—окончила Вава совсѣмъ тихо.

— Мой совѣтъ, — прибавила она, чуть-чуть улыбаясь, — это жениться тебѣ поскорѣй на какой-нибудь невинной и глупенькой дѣвочкѣ и постараться быть съ нею счастливымъ. Такъ, право, будетъ всего лучше.

Голосъ Вавы все слабѣлъ, послѣдпія слова она сказала почти шепотомъ и въ изнеможеніи откинулась на подушки.

Въ комнатѣ было очень тепло, пахло какими-то цвѣтами и ни звука не долетало изъ-за плотно спущенныхъ портьеръ.

«На дворѣ холодъ, морозъ,—думала Вава,—вѣтеръ задуваетъ и колеблетъ пламя фонарей, а Сергѣй Павловичъ въ засѣданіи, изящно опершись кончиками пальцевъ о зеленое сукно огромнаго стола, говоритъ: «Мы рѣшили», «мы постановили», «мы соблюли», а я только что цѣловала Андрюшу.

И ей казалось, что она грезитъ, что счастье наконецъ слетѣло къ ней, съ надеждами, мечтами и сладкимъ волненіемъ,—но что она добровольно отказывается отъ этого счастья, потому что уже недостойна его, такъ какъ слишкомъ испорчена жизнью.

Но когда Андрюша со взрывомъ отчаянія, силы котораго она испугалась, сталъ умолять ее только не гнать его отъ себя, потому что она все для него и жизнь безъ нея невозможна,—тогда на нѣжномъ лицѣ Вавы промелькнула улыбка высшаго торжества.

Жена цезаря нашла наконецъ свой исходъ.

Е. Шавровъ.

Не весной благовонной сошлись мы съ тобой,—
Убирался ужъ лѣсъ золотой бахромой,
Опустѣло, замолкло раздолье полей,
И сверкали Плеяды во мракѣ ночей,
Былъ задумчивѣй день и грустнѣй тишина,—
А у насъ на душѣ воцарялась весна,
Точно снова для насъ въ темной чащѣ вѣтвей,
Полонъ счастья любви, зарыдалъ соловей,
Точно снова, какъ въ царствѣ весенней мечты,
Распустились надъ сонной рѣкою цвѣты,—
И я рвалъ ихъ тебѣ, и подъ говоръ валовъ
Украшалъ ими яркую пестрядь стиховъ,
И, любуясь на ихъ благолѣпный нарядъ,
Ты склоняла ко мнѣ свой задумчивый взглядъ.

В. Саводникъ.

Начало передѣловъ земли на сѣверѣ Россіи *).

VII.

По случаю раздѣла земель въ Кулойско-Покровской волости Вельскаго округа возникъ споръ между деревнями Дуравинской и Симоновской—съ одной стороны и остальными поселеніями волости съ другой. Первыя въ поданной ими жалобѣ объясняли (въ 1801 г.), что, несмотря на неоднократныя предписанія о раздѣлѣ земель, крестьяне ихъ волости (всего 1,014 ревизскихъ душъ, не считая 88 душъ въ названныхъ деревняхъ) только постановляли приговоры и составляли вѣдомости раздѣла, дѣйствительнаго же уравненія не производили; что, провѣряя владѣнія отдѣльныхъ деревень, они показывали у себя менѣе земли, а у дд. Дуравинской и Симоновской болѣе настоящаго ея количества, и что въ удовлетвореніе малоземелія послѣднихъ деревень, отдали имъ такіе сѣнокосы по рѣкѣ Тевтенгѣ, которые еще требуютъ расчистки. Такъ какъ волостные начальники принадлежали къ многоземельнымъ крестьянамъ, то обиженныя деревни въ теченіе трехъ лѣтъ (приговоръ о разверсткѣ состоялся въ 1797 г.) не могли добиться справедливаго раздѣла земли и принуждены были для прокормленія своего скота покупать сѣно, въ то время, какъ многоземельные крестьяне получали избытки для продажи. Совѣтникъ архангельской экспедиціи, Степановъ, по этому же предмету объяснилъ, что многоземельные крестьяне Кулойско-Покровской волости, вмѣсто отдѣленія части своихъ владѣній для малоземельныхъ, приняли на себя платежъ повинностей за недостаточныхъ крестьянъ, «которые, однако же, не желая сего, просятъ причитающееся каждому количество отвести въ свое владѣніе».

Крестьяне остальныхъ деревень Кулойско-Покровской волости объясняли, что, производя въ 1800 г. уравненіе своихъ земель, они принимали во вниманіе не только количество, но и качество уравниваемыхъ участковъ, безъ чего нельзя достигнуть правильнаго распредѣленія земли между домохозяевами. Въ доказательство важнаго значенія оцѣнки качества земли, крестьяне приводили то обстоятельство, что такая оцѣнка признавалась

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 97 г.

начальствующими учрежденіями въ древнія и въ новыя времена. «Сочинители писцовыхъ и дозорныхъ книгъ въ концѣ XVII вѣка правиломъ поставляли къ уравненію земли доброй и худой разную мѣру, и для того принимали по тогдашнимъ названіямъ въ цѣлую обжу лучшія земли—12, среднія—14, а плохія—16 четвертей. Главная дворцовая канцелярія въ 1769 году предписала сборъ денегъ оброчныхъ располагать такимъ образомъ, чтобы крестьяне одной волости, живущіе въ разныхъ селеніяхъ, въ разсужденіе ихъ выгодностей въ земляхъ и въ прочихъ угодьяхъ, одни больше, а другіе менѣе платили, наблюдая только, чтобы положенная генерально на всю ту волость денежная сумма доходила въ казну безъ уменьшенія. Какія же тогда выгодности въ земляхъ разумѣемы были? Въ одномъ ли токмо количествѣ земли заключались, или относятся купно и до качества оной? По всякой справедливости и то, и другое требуется къ составленію прямой выгоды; такъ какъ и въ другихъ чувствами и разумомъ понимаемыхъ вещахъ доброта, разумѣется, не въ одной токмо величинѣ или наружности». «Принявъ въ основаніе сію истину,—продолжаютъ довѣренные крестьянъ,—вологодская казенная палата въ 1795 г. предписала землю раздѣлить по числу душъ, въ 5-ю ревизію написанныхъ не только между жителями каждой деревни, но и между самими деревнями, приглася къ той разверсткѣ повѣренныхъ отъ каждаго селенія, присягою утвержденныхъ и приговорами уполномоченныхъ». И крестьяне Кулойско-Покровской волости, приступивъ въ 1800 г. (послѣ предписанія департамента Удѣловъ отъ 11 августа 1799 г.) къ раздѣлу своихъ земель, которое производили «по числу душъ и работниковъ, въ каждомъ селеніи состоящихъ», имѣли въ виду «возможное наблюденіе тѣхъ резоновъ, кои относятся къ уравненію выгодъ не въ одномъ токмо количествѣ, но купно и въ добротѣ земли и въ способностяхъ къ обрабатыванію оной по мѣстному положенію каждаго селенія. Такое уравнительное расположеніе принявъ за благо, крестьяне всѣхъ деревень добровольно и безпрекословно утвердили своимъ рукоприкладствомъ, и владѣли земельными участками по оному разверстанію спокойно до нынѣшняго (1801 г.) лѣта». Но деревни Симоновская и Дуравинская «въ теченіе прошедшихъ предъ симъ тридцати лѣтъ имѣли случаи пользоваться корыстолюбіемъ въ облегченіе себя противъ прочихъ деревень и въ платежѣ подати, и въ другихъ повинностяхъ, къ чему ближайшіе способы находили съ той стороны, что мѣсто къ народному собранію для мірскихъ дѣлъ, а впослѣдствіи времени и волостное правленіе содержали по большей части въ своихъ деревняхъ, да и волостные начальники изъ сихъ же деревень, — по нахальству и усилію тѣхъ крестьянъ,—обыкновенно опредѣлялись; сія самая привычка и нынѣ, какъ видно, возбудила ихъ послѣ миролюбной поверстки общительно, мірскимъ согласіемъ и подписью утвержденной, искать себѣ предъ прочими крестьянами излишнихъ выгодъ въ отношеніи къ разверсткѣ земли».

Совѣтникъ Степановъ, которому архангельской экспедиціей было поручено, при осмотрѣ удѣльныхъ селеній,—въ случаѣ жалобъ крестьянъ на раз-

дѣлъ земель,—производить «рѣшительное и съ основаніемъ положеніе, дабы изъ-за сего не могло быть никакихъ жалобъ»,—въ 1801 г. составилъ на мірскихъ сходкахъ новый проектъ перераспредѣленія участковъ, руководствуясь однимъ только принципомъ количественнаго уравненія земель; по этому проекту крестьянамъ деревень Дуравинской и Симоновской (кромѣ покосовъ по рѣкѣ Тевтонгѣ) должно было отойти отъ другихъ поселянъ 8 дес. пашни и около 16 дес. (на 166 возовъ сѣна) сѣнокоса. Получивъ соотвѣтствующее донесеніе Степанова и убѣдясь изъ плана и описной книги, что при сдѣланномъ проектѣ раздѣла общее количество земли въ волости принималось, со словъ крестьянъ, менѣе дѣйствительнаго, и что средній душевой надѣлъ равняется не 1 дес. 225 саж. пахоти и 1 дес. 387 саж. сѣнокоса, какъ принималъ Степановъ, а 3 дес. 1,605 саж. перваго и 3 дес. 403 саж. второго, архангельская экспедиція предписала приказу предоставить міру произвести раздѣлъ земли, согласно составленной Степановымъ вѣдомости, но примѣнительно къ настоящему количеству земли въ волости, причемъ она прибавляла, что считаетъ болѣе удобнымъ «въ сѣнахъ раздѣлъ имѣть къ навсегдашнему владѣнію по десятинамъ, а не по возамъ, которые каждогодно должны быть раздѣляемы». Но такъ какъ распоряженіе о раздѣлѣ земли, согласно проекту Степанова, дано было послѣднимъ приказу словесно, а исполненіе словесныхъ распоряженій приказъ не считалъ для себя обязательнымъ, то онъ предоставилъ это дѣло волостному выборному, который въ свою очередь отнесся къ крестьянамъ, а этими послѣдними было рѣшено, не приводя въ исполненіе проекта раздѣла, составленнаго Степановымъ, принести на дѣйствія совѣтника жалобу въ департаментъ удѣловъ. Въ жалобѣ крестьянъ объяснялось, что Степановъ вынуждалъ «волостныхъ крестьянъ угрозами, усиліемъ и притѣсненіемъ» утвердить рукоприкладствомъ составленную по его приказанію вѣдомость и что хотя его проектъ раздѣла не былъ приведенъ въ исполненіе и въ силу распоряженія экспедиціи, сельскій выборный неоднократно собиралъ сходъ, но соглашеніе по этому вопросу, по причинѣ упорства деревень Дуравинской и Симоновской, не было достигнуто.

Получивъ жалобу крестьянъ Кулойско-Покровской волости и объясненія по этому предмету архангельской экспедиціи, департаментъ удѣловъ 6 октября 1802 г. постановилъ: «за отдачу къ исполненію составленной безъ мірского согласія вѣдомости о раздѣлѣ земель» сдѣлать совѣтнику Степанову выговоръ; въ прекращеніе же ссоръ, вызываемыхъ уравненіемъ земель Кулойско-Покровской волости, произвести черезъ землемѣра повѣрку ея владѣній въ количественномъ и въ качественномъ отношеніяхъ, а до тѣхъ поръ крестьянамъ этой волости продолжать владѣть угодьями по раздѣлу 1800 г. При этомъ предписывалось внушить крестьянамъ Дуравинской и Симоновской деревень, «дабы старались отданные имъ сѣнные покосы» (по р. Тевтонгѣ) «сдѣлать удобными»; а приказу повелѣть «войти въ подобное разсмотрѣніе, могутъ ли одни тѣ крестьяне безъ отягощенія привести покосы въ удобность и когда по изслѣдованіи это признано будетъ

труднымъ или невозможнымъ, то чтобы съ общаго мірского согласія сдѣлали положеніе о нарядѣ для этого въ свободное отъ полевыхъ работъ время нужнаго числа работниковъ изъ селъ Кулойско-Покровской волости, имѣющихъ у себя достаточное количество земли, ибо справедливость требуетъ этой помощи, когда не желаютъ они сдѣлать уступки изъ излишества своего сосѣдямъ, имѣющимъ въ земляхъ крайнюю нужду, кои наравнѣ оплачиваютъ съ ними всѣ государственныя повинности».

Это постановленіе состоялось въ октябрѣ мѣсяцѣ 1802 г., а между тѣмъ крестьяне деревни Дуравинской, основываясь на распоряженіи Степанова, воспользовались въ 1802 г. сѣномъ съ предназначеннаго имъ участка, на что крестьяне 3-хъ обиженныхъ деревень, раньше пользовавшихся этой землей, подали жалобу департаменту, который поручилъ разобрать дѣло старостамъ Кулойско - Покровской волости совмѣстно съ двумя сосѣдними приказами. По убѣжденію послѣднихъ, спорящія стороны, «изыскавъ въ сердцахъ своихъ правду», примирились на томъ, что крестьяне деревни Дуравинской за увезенное сѣно согласились заплатить обиженной сторонѣ 30 руб. асс.

Измѣреніе земель Кулойско-Покровской волости начато было въ 1803 г., но за недостаткомъ землемѣровъ затянулось больше чѣмъ на 7 лѣтъ, причемъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній. Такъ, въ 1806 г. крестьяне 41 селеній (изъ 46 селеній волости) не допустили было землемѣра до измѣренія на томъ основаніи, что въ Вельскій округъ прибыла лѣсная коммиссія для удовлетворенія крестьянъ 15-ти десятинной пропорціей земли, вслѣдствіе чего, по ихъ мнѣнію, въ передѣлѣ ихъ земель не предстоитъ надобности. Къ 1809 г. пахотная земля и неудобная были измѣрены во всѣхъ 46 селеніяхъ, а сѣнокосная—лишь въ 34. Окончательное рѣшеніе этого дѣла намъ неизвѣстно.

Въ 1796 г. отъ лица крестьянъ деревень Филяевской и Городища Устьвельской десятины Вельскаго округа (состоявшая тогда еще въ завѣдываніи казенной палаты) на имя директора экономіи подано было прошеніе, въ которомъ излагалось, что, несмотря на многократныя предписанія объ уравненіи казенныхъ крестьянъ землею, это уравненіе не осуществляется, такъ какъ крестьянинъ деревни Муравьевскія Горки «Бородулинъ съ товарищами этому противоборствуетъ». Послѣ новаго предписанія, вызваннаго прошеніемъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1797 г., староста Устьвельской десятины «съ выборными присяжными людьми, по сдѣланному съ общаго мірского ихъ согласія приговору», отвелъ первымъ двумъ деревнямъ отъ послѣдней 8 дес. сѣнокоса.

Изъ вышеизложеннаго нельзя вывести опредѣленнаго заключенія о томъ, былъ ли упомянутый приговоръ, постановленный въ 1797 г., первымъ приговоромъ о раздѣлѣ земель въ Устьвельской десятинѣ, или подтвердительнымъ. Но если бы до этого времени крестьяне Устьвельской десятины и не приступали формально къ исполненію распоряженія казенной палаты объ уравненіи земель, то изъ содержанія прошенія видно, что этотъ во-

просъ подвергался ихъ обсужденію, что производились соотвѣтствующіе разсчеты и было даже опредѣлено, что деревня Муравьевскія Горки должна будетъ поступиться въ пользу Филяевской и Городища частью своихъ сѣнокосовъ.

Отводомъ земли отъ однѣхъ деревень къ другимъ дѣло объ уравненіи, однако, не окончилось. Когда пришло время везти снятое сѣно на гумна, крестьяне деревни Муравьевской не допустили до этого крестьянъ всѣхъ тѣхъ деревень, къ которымъ была прирѣзана часть муравьевскихъ покосовъ, и только послѣ двукратной жалобы обиженной стороны вологодскому губернатору и двукратной угрозы предать ослушниковъ суду, крестьяне деревни Муравьевской въ 1798 г. отступились отъ чужого сѣна, «сдѣлавъ между собою любовный договоръ». Въ это же время, какъ извѣстно, департаментомъ удѣловъ издано было распоряженіе объ отмѣнѣ раздѣла земель, произведеннаго по предписанію казенной палаты, и вѣроятно на этомъ-то основаніи 8 десятинъ покоса поступили опять во владѣніе деревни Муравьевской, на что филяевскіе и городищенскіе крестьяне подали жалобы въ мѣстный приказъ, въ архангельскую экспедицію и, наконецъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1801 г. на Высочайшее имя.

Между тѣмъ отношеніе удѣльной администраціи къ вопросу о раздѣлѣ земель успѣло измѣниться. 11 августа 1799 г. появился, какъ намъ извѣстно, указъ департамента о производствѣ такого раздѣла, а въ 1800 г. совѣтникъ Степановъ былъ командированъ на мѣста для возможнаго упорядоченія этого дѣла. И вотъ весной 1800 г. «всѣми крестьянами и сельскими старшинами Устьвельской десятины», въ присутствіи Степанова, постановленъ приговоръ о раздѣлѣ по стаяніи снѣговъ всей состоявшей въ ихъ пользованіи земли по числу наличныхъ душъ 5 ревизіи, и экспедиція предписала верховскому приказу по окончаніи раздѣла представить о томъ подписки отъ сельскихъ выборныхъ. На это со стороны верховскаго приказа послѣдовало объясненіе, что хотя, согласно приговору о раздѣлѣ, отъ деревни Муравьевской и предстоитъ отвести деревнямъ Филяевской и Городищамъ около 10 дес. покосу, но это не приведено въ исполненіе, потому что первые имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ недостатокъ въ пашнѣ въ размѣрѣ около 10 дес., а послѣдніе много запустошили годныхъ для обработки пространствъ. Архангельская экспедиція по предмету этого донесенія 13 августа 1800 г. предписала, чтобы запустошенная деревнями Филяевской и Городище земля при общей разверсткѣ была положена въ раздѣлъ и отведена тѣмъ, кто ее запустошилъ. Муравьевскіе крестьяне, тѣмъ не менѣе, продолжали удерживать у себя покосъ, назначенный къ отводу деревнямъ Филяевка и Городище, и при новомъ посѣщеніи Степановымъ Устьвельской десятины, въ 1801 г., объяснили ему свое поведеніе тѣмъ, что раздѣлъ 1797 г. произведенъ былъ безъ точнаго измѣренія земли, что распредѣленіе послѣдней сдѣлано «не по мѣрѣ земли, но по добротѣ оной» (по числу возовъ снимаемаго съ нея сѣна) и просили провѣрить землю трехъ спорящихъ деревень.

Архангельская удѣльная экспедиція поручила произвести измѣреніе земель и уравненіе трехъ деревень верховскому приказу, при посторонних посредникахъ и при старшинахъ двухъ сосѣднихъ приказовъ («для произведенія уравненія съ большей дѣятельностью и безпристрастіемъ»), съ выдачею крестьянамъ удостовѣрительныхъ билетовъ о количествѣ отведенной имъ земли.

Провѣривъ, прежде всего, владѣнія д. Филяевской и найдя ихъ сходными съ показаніями прежде составленной вѣдомости, и имѣя въ виду единогласное заявленіе всѣхъ 24 довѣренныхъ о томъ, что спорныя земли подвергались уже двукратному измѣренію и что новая провѣрка считается ими излишнею, «старшины и лучшіе люди» постановили, не производя дальнѣйшаго измѣренія земли, отдѣлить отъ д. Муравьевской къ д. Филяевской и Городище 5 дес. покосу на такъ называемомъ «низу» и 3 дес. на «ваймежѣ». Послѣ приведенія этого постановленія въ исполненіе, въ экспедицію въ 1802 г. поступила жалоба отъ крестьямъ д. Муравьевской, утверждавшихъ, что на ваймежѣ вмѣсто 3 дес. отъ нихъ отобрано 4 дес., а на низу ихъ лишаютъ всего покоса, площадь котораго превышаетъ назначенныя къ отводу 5 дес. Экспедиція предписала приказу отвести филяевскимъ и городищенскимъ крестьянамъ,—согласно послѣднему приговору разбиравшихъ это дѣло довѣренныхъ,—ровно 8 дес., «полагая оныя по мѣрѣ, а не по счету возовъ». Но выборные Устьвельской десятины и присягою утвержденные люди приговоромъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1803 г. постановили: въ виду плохого качества травы на низу, считать весь этотъ покосъ, хотя и превосходящій мѣрою 5 дес., равноцѣннымъ только 5 дес. По новой жалобѣ муравьевскихъ крестьянъ совѣтнику архангельской экспедиціи при объѣздѣ селеній, совѣтникъ предписалъ старшинамъ тавренскаго приказа, при избранныхъ обѣими сторонами посредникахъ, измѣрить площадь сѣнокосовъ на низу; и послѣ того какъ оказалось, что здѣсь находится 8 дес. 950 саж., совѣтникъ предложилъ верховскому приказу отвести филяевскимъ и городищенскимъ крестьянамъ только одинъ этотъ покосъ, а участокъ на ваймежѣ оставить въ пользованіи крестьянъ д. Муравьевской. А такъ какъ сѣно получаемое съ отводимаго дд. Филяевской и Городище участка не отличалось особеннымъ достоинствомъ, то онъ предположилъ отдать въ безоброчное пользованіе названныхъ деревень оброчную земельную статью, приносившую удѣлу 11 р. 5 к. асс. дохода. Крестьяне д. Муравьевской завладѣли послѣ этого спорнымъ участкомъ (на ваймежѣ) и не допустили новой провѣрки земли, предписанной въ 1804 г. ревизоромъ Марковымъ, по жалобѣ крестьянъ дер. Филяевской и Городищенской; а послѣ жалобы послѣднихъ въ департаментъ удѣловъ архангельская экспедиція распорядилась объ отведеніи отъ первой деревни въ пользованіе послѣднихъ отобраннаго отъ нихъ покоса на ваймежѣ на время, пока состоится предположенная совѣтникомъ передача деревнямъ Городищенской и Филяевской удѣльной оброчной статьи. Теперь настала опять очередь принесенія жалобы со стороны крестьянъ д. Муравьевской, и разбиравшій въ 1805 г. это дѣло, по порученію экспе-

диціи, тавренскій приказъ, вмѣстѣ со старшиной верховскаго приказа и посторонними довѣренными людьми, нашелъ, что сѣнокосный участокъ на ваймежѣ долженъ быть возвращенъ муравьевскимъ крестьянамъ, въ виду того обстоятельства, что 26 дес. принадлежавшей имъ пашни затопляется водою, что крестьяне дер. Филяевской и Городищенской по нерадѣнію даже не снимаютъ съ своихъ покосовъ всего сѣна и не обращаютъ въ пашни и сѣнокосы находящихся при нихъ удобныхъ для расчистки мѣстъ и сверхъ всего получаютъ въ безоброчное пользованіе удѣльную земельную статью. Въ это же какъ разъ время получилось разрѣшеніе департамента на передачу городищенскимъ и филяевскимъ крестьянамъ оброчнаго сѣнокоса, о которомъ шла рѣчь, послѣ чего архангельская экспедиція рѣшила отдать спорный участокъ во владѣніе д. Муравьевской.

Въ 1808 г. въ департаментъ удѣловъ поступила новая жалоба изъ Устьвельской волости отъ крестьянъ д. Овсянниковой, Каратаева и Занина, на крестьянъ д. Аргуновской, которые будто бы въ теченіе трехъ лѣтъ не давали просителямъ снимать сѣно съ участка, отведеннаго имъ въ 1805 г. по общему мірскому согласію отъ деревни Аргуновской, у которой сѣнокосы оказались въ излишествѣ. Аргуновскіе крестьяне за такіе поступки были архангельской экспедиціей отдаваемы на сужденіе уѣзднаго суда, но послѣдній освободилъ ихъ отъ отвѣтственности. Тогда разслѣдованіе дѣла было поручено старшинамъ двухъ приказовъ, которые донесли, что у аргуновскихъ крестьянъ излишнихъ покосовъ не имѣется. Вслѣдствіе новой жалобы въ департаментъ удѣловъ овсяниковскихъ крестьянъ, управляющій вологодской удѣльной конторой, съ согласія обѣихъ сторонъ, приказалъ устьвельскому приказу измѣрить всѣ покосы обѣихъ деревень, «тяглые, крѣпостные и расчистные, по принятому поселянами обыкновенію, при избранныхъ съ обѣихъ сторонъ посредникахъ». При этомъ оказалось, что аргуновскіе крестьяне не только не имѣли излишка сѣнокосовъ, а овсяниковскіе—недостатка ихъ, но послѣдніе, вмѣстѣ съ крѣпостными участками, владѣли даже сравнительно большей площадью земли, нежели первые, и недостатокъ въ покосахъ по числу ревизскихъ душъ испытывали только три семьи просителей. Въ виду такихъ обстоятельствъ дѣла управляющій вологодской конторой испросилъ разрѣшенія департамента удѣловъ на удовлетвореніе просителей изъ дачъ д. Овсяниковской участками, удобными для расчистки съ тѣмъ, чтобы разработка для нихъ этихъ участковъ была произведена общими силами овсяниковскихъ и аргуновскихъ крестьянъ и чтобы, до приведенія упомянутыхъ участковъ въ полную удобность, Занины и Каратаевы пользовались сѣномъ съ тяглыхъ покосовъ д. Овсяниковской, которые на это время должны быть раздѣлены между всѣми домохозяевами по числу ревизскихъ душъ *).

*) Представляя объ этомъ департаменту удѣловъ, управляющій вологодскимъ имѣніемъ объяснялъ, что еслибы для удовлетворенія крестьянъ - просителей отвести имъ участокъ покоса отъ деревни Аргуновской, то „отъ сего не только въ двухъ селеніяхъ, но и въ прочихъ той волости деревняхъ послѣдовалъ бы не окон-

Въ 1798 г. крестьянинъ д. Ермолинской, нижняго конца Верхотоемской вол., Сольвычегодскаго округа, Меркурій Меньшиковъ, просилъ архангельскую экспедицію возвратить ему, въ виду его малоземелья, землю, проданную его предками еще въ 1723 г. предкамъ крестьянина Пашкова, который въ описываемое время имѣлъ по числу душъ вдвое больше земли, нежели Меньшиковъ. Въ 1799 г. онъ подалъ просьбу о томъ и въ департаментъ удѣловъ; но такъ какъ оказалось, что на спорную землю у Пашкова имѣлась законно утвержденная крѣпость, то она была оставлена у него въ счетъ слѣдуемой ему по числу ревизскихъ душъ, а Меньшикову «по мірскому положенію» назначено отдѣлить отъ крестьянина Кочемцова 1,865 саж. пахоти. Когда «присяжные старшины приступили (въ 1801 г.) сію землю отбирать, то Кочемцовъ съ поля ихъ согналъ и выбросилъ колья, на отводъ въ его полосахъ поставленные», за что былъ отправленъ въ земскій судъ и здѣсь обязался подчиниться мірскому рѣшенію.

Между тѣмъ многочисленныя ссоры по раздѣламъ земли въ Верхотоемской волости, поддерживавшіяся, между прочимъ, неизвѣстностью площадей отдѣльныхъ владѣній, побудили архангельскую экспедицію командировать на мѣсто землемѣра съ тѣмъ, чтобы (начавъ съ д. Ермолинской) онъ привелъ въ точную извѣстность количество и качество земли у домохозяевъ, «между которыми въ тяглыхъ участкахъ должно быть общее поравненіе», составилъ имъ планы и передалъ въ приказъ. Двумъ же приказамъ экспедиція предписала, основываясь на этихъ планахъ, «при лучшихъ стороннихъ крестьянахъ и особо избранныхъ къ тому присяжныхъ довѣренныхъ, не участвующихъ въ принадлежности дѣлимыхъ участковъ, приступить къ безпристрастному между крестьянами уравненію земляныхъ угодій», съ постановленіемъ на то мірскихъ приговоровъ.

Въ то время Кочемцовъ, вмѣстѣ съ другими многоземельными домохозяевами (числомъ 66) разныхъ деревень нижняго конца Верхотоемской волости, подалъ въ началѣ 1803 г. въ департаментъ удѣловъ прошеніе, въ которомъ объяснялъ, что волостной голова въ 1801 г. принуждалъ крестьянъ насильно подписываться подъ приговоромъ о раздѣлѣ земли, «билъ и сажалъ на цѣпь, чтобъ отдали въ надѣлъ другимъ крестьянамъ печищныя и причистныя земли и сѣнные покосы, состоящіе изъ древнихъ лѣтъ какъ за предками ихними, такъ и за ними самими въ безспорномъ владѣніи, и вновь расчищенные собственнымъ ихъ капиталомъ и трудами». А тѣ крестьяне, которымъ поступила эта земля, «прежнія свои владѣнія, неудобныя и неудобренныя оставили впустѣ». Изложивъ дѣло, просители ходатайство-

---

чательный раздѣлъ, а между крестьянами возродились бы непримиримыя ссоры и несогласія, такъ какъ многіе крестьяне Устьвельской десятины владѣютъ землями въ другихъ деревняхъ по назначенію мірскому и въ случаѣ новаго раздѣла или отобранія отъ одного селенія къ другому нѣкоторой части земли, никакъ нельзя окончить уравненіе между всѣми крестьянами". И такъ какъ одни хозяева „трудолюбивые", а другіе „не столь къ земледѣлію рачительны, то посему черезъ отводъ земли первые лишатся удобренныхъ угодій, а послѣдніе воспользуются готовыми ихъ участками".

вали о томъ, чтобы земля, о которой идетъ рѣчь, была возвращена имъ «по прежнему владѣнію». Къ прошенію была приложена вѣдомость о количествѣ сѣна, насильственно увезеннаго малоземельными крестьянами у десяти изъ числа жалобщиковъ. Архангельская удѣльная экспедиція по поводу этой жалобы объясняла, что просители были лишены части своей земли потому, что имѣли ее по числу душъ въ излишествѣ и что эта земля не была укрѣплена за ними крѣпостнымъ порядкомъ, и увѣдомляла, что разслѣдованіе по другимъ пунктамъ вышеизложеннаго прошенія (въ томъ числѣ и по жалобѣ на отводъ земли «нерачительнымъ хлѣбопашцамъ») поручено совѣтнику экспедиціи, Карюкину.

Карюкинъ, собравъ крестьянъ на сходъ и разсмотрѣвъ здѣсь поданную «за руками выборныхъ» вѣдомость о владѣніяхъ всѣхъ домохозяевъ нижняго конца Верхотоемской волости (изъ коей видно, что на душу причиталось 2,200 саж. пашни и $38^1/_2$ копенъ сѣна по урожаю двухъ послѣднихъ лѣтъ), согласно мірскому приговору 1800 г. о раздѣлѣ земли по душамъ,— нашелъ, что просители имѣютъ столько именно земли, сколько имъ слѣдуетъ по разсчету *). Изъ разспросовъ же относительно другихъ обстоятельствъ дѣла выяснилось, что отводъ земли отъ многоземельныхъ домохозяевъ малоземельнымъ «предположенъ въ 1800 г. всѣми вообще крестьянами, въ числѣ коихъ и оные вѣрители участвовали», въ присутствіи совѣтника экспедиціи Степанова; что согласно постановленному о томъ приговору и произведенному «волостными избранными» измѣренію было приступлено къ раздѣлу земли въ натурѣ и «даваны сельскими мѣрщиками, называемыми присяжными, билеты». Но такъ какъ нѣкоторые изъ многоземельныхъ домохозяевъ не допускали до приведенія въ исполненіе мірского приговора, то тѣ изъ малоземельныхъ крестьянъ, кому были назначены участки этихъ хозяевъ, свезли къ себѣ уродившееся на нихъ сѣно, «но не по насилію, а по упорствамъ» тѣхъ, отъ кого должны были отойти къ нимъ участки. Въ моментъ разслѣдованія этого дѣла изъ 40 домохозяевъ-просителей (въ ихъ семьяхъ числилось около 100 душъ изъ 637 душъ во всемъ нижнемъ концѣ Верхотоемской волости), часть земли которыхъ подлежала отводу малоземельнымъ крестьянамъ, около 10 еще удерживали эту землю въ своихъ рукахъ.

По предмету насилій, къ которымъ будто бы прибѣгалъ волостной го-

---

*) Изъ 62 просителей до раздѣла имѣли пахотной земли на семью: до 1—2 дес.— 1 хозяинъ, 2—3 дес.—20 хоз., 3—4 дес.—23 хоз., 4—5 дес.—10 хоз., 5—6 дес.— 5 хоз., 6—7 дес.—3 хоз.; въ томъ числѣ крѣпостную землю имѣли 13 хозяевъ. Отъ 40 изъ этихъ хозяевъ, владѣвшихъ въ совокупности 138 дес. пашни, по мірскимъ приговорамъ подлежало отводу 19 дес. или 14%, въ томъ числѣ менѣе $^1/_4$ дес. отрѣзано у 12 домохозяевъ, до $^1/_2$ дес.—у 13 хоз., до $^3/_4$ дес.—у 9 хоз., до 1 дес.—у 5 хоз. и $2^1/_4$ дес.—у 1 хоз. Разсчетъ по другому основанію показываетъ, что до 5% площади стараго участка пахотной земли отрѣзано у 8 хоз., 5—10%—у 8 хоз., 10—15%—у 13 хоз., 15—20%—у 3 хоз., 25—30%—у 2 хоз., 30—35%—у 1 хоз., 35—40%—у 1 хоз. и у одного хозяина 71% (у 3 хозяевъ проценты отрѣзанной земли неизвѣстны).

лова, послѣдній объяснилъ Карюкину, что раздѣлъ земель «по общественному мірскому приговору» производилъ не онъ, а присяжные; голова же только «понуждалъ къ отдачѣ по раздѣлу сѣнныхъ покосовъ» и что по жалобѣ на одного большеземельнаго, что «не допускалъ косить и метался бить», таковой, «во избѣжаніе упорства и дерзости посаженъ былъ имъ на цѣпь, но не на долгое время», и что тѣмъ же наказаніемъ голова грозилъ и другому упорствующему. «Больше никакихъ и никому притѣсненій чинено не было, а хотя бы и строгость его употреблена была, то, управляя народомъ въ три тысячи человѣкъ, которые противъ повелѣнія упорствуютъ и не дѣлаютъ повиновенія, и необходимо былъ обязанъ строже поступать». Это объясненіе старшины было предъявлено просителямъ, которые «ничего въ дальнѣйшее притѣсненіе не отозвались, кромѣ того, что принуждалъ-де къ раздѣлу подписываться».

Въ это же время производилась повѣрка земель, предположенная архангельской экспедиціей, и хотя измѣреніемъ было подтверждено, что отъ Кочемцова должно было отойти къ Меньшикову 1,400 саж. пашни въ двухъ полосахъ, но первый одну изъ этихъ полосъ засѣялъ самъ (другая осталась безъ засѣва) и продолжалъ препятствовать Меньшикову пользоваться назначенной ему землей, несмотря на внушенія, сдѣланныя ему лично совѣтникомъ экспедиціи. Въ 1805 г. было произведено новое разбирательство этого дѣла, и такъ какъ Кочемцовъ и послѣ этого не выразилъ желанія отказаться отъ своихъ правъ на землю, то архангельская экспедиція, предписавъ приказу отвести Меньшикову назначенный ему отъ Кочемцова участокъ земли, повелѣла въ то же время объявить Кочемцову, что въ случаѣ дальнѣйшаго упорства онъ будетъ отправленъ въ земскій судъ.

Изъ описанныхъ случаевъ споровъ и недоразумѣній видно, что очень важнымъ условіемъ, препятствовавшимъ миролюбивому разрѣшенію вопроса объ уравненіи волостной земли, было отсутствіе точныхъ данныхъ о количествѣ и качествѣ отдѣльныхъ клочковъ общиннаго владѣнія, вслѣдствіе чего трудно было провѣрить правильность заявленія недовольныхъ передѣломъ о томъ, что имъ было отведено меньше земли, нежели слѣдовало по разсчету. И такъ какъ въ случаяхъ, когда за провѣрку земель бралась сама удѣльная администрація, такая провѣрка продолжалась иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (см. выше случай Кулойско-Покровской волости), то этимъ самымъ на много лѣтъ задерживалось и осуществленіе передѣла земель, распоряженіе о которомъ было издано въ 1795 г. Не малое замѣшательство въ это дѣло было внесено также взаимно противорѣчивыми распоряженіями департамента удѣловъ въ первые годы существованія этого учрежденія, а также вмѣшательствомъ чиновниковъ удѣльнаго вѣдомства, превышавшихъ иногда свои полномочія и—вмѣсто контроля надъ дѣятельностью обществъ, совѣтовъ имъ и внушеній—требовавшихъ, чтобы послѣдніе осуществляли предположенные ими самими проекты уравненія.

VIII.

Наши свѣдѣнія о ходѣ перваго уравненія земли среди удѣльныхъ крестьянъ Вологодской губерніи, заимствованныя изъ прошлыхъ дѣлъ центральнаго учрежденія удѣловъ, заканчиваются приблизительно срединой перваго десятилѣтія восьмисотыхъ годовъ. Это значитъ, что возникавшія позже этого времени недоразумѣнія при раздѣлѣ разрѣшались на мѣстѣ и не восходили на разсмотрѣніе департамента удѣловъ. Изъ сказаннаго, однако, не слѣдуетъ заключать, что было достаточно одного передѣла для разрѣшенія всѣхъ затрудненій, связанныхъ со введеніемъ формы уравнительнаго пользованія землей взамѣнъ наслѣдственнаго, и что послѣдующіе акты этого рода совершались гладко и безъ запинокъ. Во время перваго раздѣла уравненіе коснулось лишь части — тяглой; что же касается расчистныхъ земель, то въ большинствѣ, вѣроятно, случаевъ онѣ оставались за прежними домохозяевами; крѣпостныя же (по законнымъ документамъ) участки вовсе не подвергались раздѣлу, а лишь зачислялись въ число площади слѣдуемой домохозяевамъ, по количеству числящихся у нихъ ревизскихъ душъ, и если этой земли оказывалось даже больше, чѣмъ слѣдовало домохозяевамъ по разсчету, то она все-таки цѣликомъ оставалась въ ихъ пользованіи. Между тѣмъ большая часть крестьянъ стремилась къ тому, чтобы распространить уравненіе на всѣ волостныя земли, и при слѣдующемъ передѣлѣ (по душамъ 6-й ревизіи) въ общинахъ удѣльныхъ крестьянъ Вологодской губерніи возгорѣлась, поэтому, такая же горячая борьба, какъ и при первомъ уравненіи крестьянскихъ угодій.

Къ передѣлу земель по душамъ 6 ревизіи удѣльные крестьяне вообще приступили послѣ распоряженія о томъ со стороны департамента, изданнаго послѣ производства шестой ревизіи въ 1812 г. Получивъ это распоряженіе, управляющій вологодской конторой доносилъ департаменту удѣловъ, что подвѣдомственные ему крестьяне, при предстоявшемъ уравненіи земель, намѣревались пустить въ раздѣлъ также покупныя и расчистныя земли или облагать домохозяевъ, имѣвшихъ такія земли, излишними платежами сверхъ числящихся за ними ревизскихъ душъ. Находя, что такія намѣренія крестьянъ и несправедливы, и противорѣчатъ изданнымъ до сихъ поръ относительно передѣла земель указамъ, управляющій вологодскимъ имѣніемъ предполагалъ воспретить крестьянамъ прибѣгать къ такимъ средствамъ уравненія, если на это не будетъ согласія самихъ многоземельныхъ домохозяевъ. Что же касается семей, «имѣющихъ въ себѣ души, неспособныя къ работѣ», таковыя, по его мнѣнію, могли бы быть удовлетворены, между прочимъ «общественнымъ, какъ то и должно, пособіемъ въ расчисткѣ земель».

Департаментъ удѣловъ на это отвѣтилъ, что распоряженіе о раздѣлѣ крестьянскихъ земель по душамъ 6 ревизіи издано имъ въ тѣхъ видахъ, чтобы «для пользы самихъ крестьянъ, *если они признаютъ то сами нужнымъ*, уравнять между собою ихъ выгоды отъ земли и тѣмъ доста-

ивть способы къ бездоимочному оплачиванію податей за души прибылыя въ послѣднюю перепись въ нѣкоторыхъ семействахъ». Поэтому, управляющіе конторами отнюдь не должны входить въ разбирательство относительно расчищенныхъ разными домохозяевами въ большемъ или меньшемъ количествѣ земель, такъ какъ «всякій хлѣбопашецъ, имѣя на то свободу, обязанъ для общей пользы по мѣрѣ трудолюбія приложить стараніе». Что же касается покупныхъ земель, то департаментъ удѣловъ ссылался на новыя правила, которыми опредѣлялись права удѣльныхъ крестьянъ относительно пріобрѣтенія въ собственность земель, не состоявшихъ въ вѣдѣніи удѣловъ, и пояснялъ, что оцѣнка имѣвшихся у отдѣльныхъ домохозяевъ документовъ на владѣніе землями должна быть предоставлена мірскимъ обществамъ «посредствомъ добросовѣстныхъ въ приказахъ».

Это рѣшеніе департамента удѣловъ было постановлено въ срединѣ 1812 года, а черезъ два года управляющій вологодскою конторой доносилъ, что предписанный распоряженіемъ департамента раздѣлъ угодій по душамъ 6 ревизіи еще не приведенъ въ исполненіе, по причинѣ сопротивленія, оказываемаго передѣлу крестьянами, владѣвшими покупными и расчистными землями, и потому что избранные мірскимъ обществомъ мѣрщики, дѣйствуя «каждый только въ предѣлахъ своей волости и располагая такъ называемыми добросовѣстными» пристрастно расчисляли участки, назначая зажиточнымъ домохозяевамъ больше, нежели имъ слѣдовало. Находя, что имѣвшіеся у нѣкоторыхъ крестьянъ давніе крѣпостные акты «нисколько не относятся на продажу имъ земель, а только лишь однихъ повытковъ или по ихъ названію тяголъ, коихъ однакожъ имъ продавать не слѣдовало, — о чемъ отъ 3 іюня 1811 г. было подтверждено и департаментомъ удѣловъ» и задаваясь цѣлью привести раздѣлъ земель къ надлежащему окончанію, управляющій «согласивъ крестьянъ», издалъ распоряженіе о томъ, чтобы въ раздѣлъ между домохозяевами, въ числѣ прочихъ, были пущены купленныя съ давнихъ лѣтъ и расчистныя земли, съ тѣмъ, однако, чтобы таковыми прежде всего удовлетворялись (по числу душъ) ихъ старые хозяева и чтобы обмѣръ, оцѣнка и распредѣленіе между домохозяевами земли были производимы избранными обществами (волостями) мѣрщиками «при участіи одного изъ засѣдающихъ въ приказѣ» сразу во всѣхъ волостяхъ, составлявшихъ приказъ. При донесеніи управляющаго былъ приложенъ, для образца, приговоръ одного общества о томъ, чтобы при предстоявшемъ передѣлѣ пустить въ разверстку также находившіяся у нѣкоторыхъ крестьянъ покупныя земли, въ виду тѣхъ соображеній, что онѣ были пріобрѣтены у одновѣдомственныхъ крестьянъ, а не у постороннихъ; что за нихъ были заплачены очень незначительныя суммы, съ избыткомъ уже покрывшіяся доходомъ, извлеченнымъ изъ земли; что владѣльцы купленныхъ участковъ не несли платежей въ большей мѣрѣ, чѣмъ остальные домохозяева, и что лежащія на обществѣ подати отъ времени до времени увеличиваются, почему обществу становится «отяготительно оставить таковыя угодія безъ раздѣла за прежними владѣльцами».

Департаментъ удѣловъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1814 г. утвердилъ эти распоряженія управляющаго, послѣ чего уравненіе крестьянскихъ участковъ пошло быстрѣе, и въ январѣ слѣдующаго года управляющій уже доносилъ, что въ нѣкоторыхъ приказахъ раздѣлъ земли приведенъ къ окончанію, каждый домохозяинъ получилъ на доставшійся ему участокъ письменное свидѣтельство, и что при этомъ были дѣлаемы постановленія о томъ, чтобы скошенное въ предшествовавшемъ году сѣно поступило къ новому владѣльцу соотвѣтствующаго участка, а этотъ владѣлецъ въ свою очередь долженъ былъ уплатить старому его владѣльцу за уборку сѣна по цѣнѣ, назначенной мірскимъ приговоромъ.

Приведеніе въ исполненіе приговоровъ о раздѣлѣ расчистныхъ и купчихъ земель имѣло слѣдствіемъ подачу недовольными крестьянами жалобъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые хозяева, имѣвшіе крѣпостныя земли, при передѣлѣ вовсе лишались таковыхъ и долю, слѣдующую имъ по числу душъ, получали изъ чужихъ угодій. Тѣмъ не менѣе, до центральнаго органа удѣловъ въ это время доходило меньше жалобъ, нежели это было при первомъ уравненіи волостныхъ земель въ Вологодской губ., а благодаря указанному обстоятельству о техникѣ и деталяхъ второго передѣла земель въ Вологодской губ. менѣе свѣдѣній, нежели о первомъ. Собственно относительно раздѣла купчихъ и расчистныхъ земель въ департаментъ удѣловъ было принесено четыре жалобы. По одной изъ нихъ управляющимъ было постановлено (и по требованію департамента утверждено мірскимъ приговоромъ), чтобы проситель получилъ слѣдующую ему (по числу душъ 7 ревизіи) пропорцію изъ его крѣпостной земли по собственному выбору. Другая просьба повела къ составленію мірского приговора крестьянъ дер. Алексѣевской Кирежской боярщины о томъ, чтобы, при предстоявшемъ передѣлѣ земель по душамъ 7 ревизіи, тягольныя земли дѣлились по жеребьямъ (т.-е. допускалась пересадка хозяевъ съ прежнихъ участковъ на новые), «а прежде распаханныя новины оставлялись по прежнимъ владѣніямъ и только излишняя (по разсчету душъ),—отъ кого будетъ отходить,—отдавалась и хорошей, и плохой».

Въ двухъ приведенныхъ случаяхъ жалобы приносились отдѣльными лицами; но кромѣ того въ департаментъ поступили двѣ коллективныя жалобы на раздѣлъ купчихъ и расчистныхъ земель: отъ 11 домохозяевъ разныхъ волостей Спасскаго и Шевденицкаго приказовъ Тотемскаго округа и отъ 13 человѣкъ однофамильцевъ Рычковыхъ (участвовавшихъ также въ жалобѣ, поданной 66 домохозяевами при первомъ передѣлѣ земель въ Вологодской губерніи) верхняго и нижняго концовъ Верхотоемской волости, Сольвычегодскаго округа. Въ послѣднемъ прошеніи (составленномъ губернскимъ секретаремъ Сафоновымъ) Рычковы объясняли, что въ ихъ распоряженіи, кромѣ тяглыхъ, имѣлись земли расчищенныя собственными трудами, а иныя и съ затратой на это капитала. «Сіи части, приведеныя въ удобность съ общественнаго соглашенія и съ позволенія мѣстнаго начальства, до сихъ временъ оставляемы были въ ихъ пользованіи сколько изъ

уваженія къ употребленнымъ издержкамъ, а не менѣе и въ поощреніе трудолюбія». Вмѣстѣ съ тѣмъ у просителей находились участки, пріобрѣтенные ихъ предками покупкою «у разныхъ людей своего сословія», по закладнымъ и уступнымъ письмамъ и, наконецъ, земля, перешедшая къ нимъ по наслѣдству. «Всѣ эти сдѣлки, бывшія гораздо прежде, нежели передача тяглыхъ участковъ изъ рукъ въ руки была крестьянамъ воспрещена, совершены съ дозволенія обществъ и начальства и съ платежемъ существовавшихъ въ тѣ дни пошлинъ». До сихъ поръ просители владѣли своими землями безпрепятственно; имѣвшіеся у нихъ документы на право владѣній неоднократно подвергались разсмотрѣнію подлежащаго удѣльнаго начальства и признавались имѣющими законную силу, и при передѣлѣ начальство «нѣсколько разъ подтверждало, при встрѣчавшихся спорахъ, не отводить этихъ земель отъ просителей и распространяло это запрещеніе, сообразуясь съ предписаніемъ департамента, даже на случай производства раздѣла земель по новой ревизіи».

Что же касается вопроса объ обращеніи теперь этихъ земель въ общій раздѣлъ, то Рычковы приписывали это проискамъ богатаго крестьянина Василія Долинина «различными оборотами увеличившаго состояніе свое до мѣры, въ коей онъ можетъ малозначущими противу обрѣтаемыхъ имъ выгодъ пособіями преклонить большую часть крестьянъ (неимущихъ, кромѣ обыкновенныхъ тяглъ) къ единомыслію съ нимъ». Рычковы жаловались во-1-хъ, на отнятіе у нихъ вышеописанныхъ хорошо притомъ удобренныхъ земель, взамѣнъ которыхъ они получили запустошенные участки, «тогда какъ казенные крестьяне, съ утвержденія правительствующаго сената, воспользовались оставленіемъ въ ихъ распоряженіи покупныхъ и расчистныхъ земель»; во-2-хъ, на то, что, въ случаяхъ сохраненія за ними купчихъ и расчистныхъ земель, общества накладывали на нихъ платежи за постороннія души, «лѣностію и нерадѣніемъ запустошившіе свои участки и не хотящіе употребить рукъ своихъ на подобное просителямъ воздѣлываніе мѣстъ, въ довольномъ количествѣ и доднесь еще свободныхъ». Обращая вниманіе департамента удѣловъ на то, что въ селеніяхъ Верхотоемской волости находится больше 60 дес. запустошенной пашни и на 500 копенъ такого же сѣнокосу, Рычковы просили оставить купчія и расчистныя земли въ ихъ владѣніи, запретить причислять на нихъ платежныя души, просителямъ не принадлежащія и надѣлить ихъ, наравнѣ съ прочими, общественными тяглыми участками, которые они должны были бы имѣть,—«какъ одинаковые съ другими по крестьянскому званію плательщиками податей»,—еслибы собственность ихъ заключалась въ деньгахъ (потраченныхъ на пріобрѣтеніе земель), а не въ участкахъ.

Крестьяне Рычковы въ своемъ протестѣ противъ раздѣла земель не ограничились жалобами по начальству. Они не соглашались отдать свои участки тѣмъ, кому таковые были назначены, увозили снятое съ нихъ сѣно, не платили наложенныхъ на нихъ податей за постороннія души и п Глядя на нихъ, такимъ же образомъ поступали и нѣкоторые другіе

крестьяне, участки которыхъ подлежали сокращенію; а домохозяева, не получившіе причитающуюся имъ долю земли, отказывались отъ платежа за нее подати. Такимъ образомъ, разстройство коснулось не только хозяйственныхъ, но и финансовыхъ отношеній, и все это въ совокупности побудило сельское общество обоихъ концовъ Верхотоемской волости обратиться съ просьбой на Рычковыхъ по начальству; но такъ какъ въ это время подоспѣла 7 ревизія, то департаментъ удѣловъ отложилъ разрѣшеніе вопроса до новаго передѣла земель.

По причинѣ убыли населенія въ отечественную войну, производство новой седьмой переписи его объявлено было черезъ 3 года послѣ шестой. Въ это время назначенъ былъ новый управляющій вологодскимъ удѣльнымъ имѣніемъ. Разсматривая производившіяся въ конторѣ дѣла о раздѣлѣ земель, онъ обратилъ вниманіе на то, что уравненіе угодій по душамъ 6 ревизіи не было еще закончено, что на земляныхъ мѣрщиковъ и сельскихъ начальниковъ подано было до 12,000 жалобъ «о неуравненіи между крестьянами надѣла» и что почти отъ всѣхъ крестьянъ приносились жалобы на неуравненіе и во время объѣзда управляющимъ подвѣдомственнаго ему округа. Находя, что пристрастныя дѣйствія мѣрщиковъ, «отдѣляя крестьянъ отъ владѣнія принадлежащею имъ по всѣмъ правиламъ собственностью», ведутъ къ разстройству крестьянскаго хозяйства и «желая однажды навсегда положить конецъ спорамъ, ссорамъ и жалобамъ», управляющій, «по зрѣломъ разсужденіи съ старѣйшими изъ поселянъ», въ началѣ 1817 г. издалъ предписаніе о томъ, какими правилами слѣдовало руководствоваться при раздѣлѣ земель по душамъ 7 ревизіи, заимствуя эти правила какъ изъ прежнихъ распоряженій департамента, такъ и изъ практики бывшихъ уже раздѣловъ крестьянскихъ угодій.

Въ этомъ предписаніи подтверждалось, чтобы надѣленіе отдѣльныхъ домохозяевъ производилось главнѣйшимъ образомъ изъ купленныхъ или расчищенныхъ ими земель, какъ потому, что «всякій, воздѣлывая землю, сдѣлалъ издержки на удобреніе почвы, осушеніе топей, огораживаніе и т. п. поправки, составляющія такъ называемый поземельный капиталъ», такъ и въ тѣхъ видахъ, чтобы крестьянинъ, обращая вновь неудобныя мѣста въ культурныя, былъ увѣренъ въ томъ, что плоды его трудовъ въ полной мѣрѣ используются именно имъ, а не другими. При отрѣзкѣ земли отъ многоземельной деревни къ малоземельной, мѣрщикамъ предлагалось назначать отрѣзанный участокъ не бѣдному домохозяину, не имѣющему возможности обработать отдаленную отъ его мѣстожительства полосу, а зажиточному, который въ случаѣ надобности въ состояніи пользоваться наемнымъ трудомъ. Землею вообще надѣлялись лица мужского пола; но еслибы въ какой-либо семьѣ женскій полъ преобладалъ надъ мужскимъ и эта семья въ состояніи была нести всѣ подати, мірскія и общественныя повинности, то «таковымъ позволять брать къ себѣ для обрабатыванія излишне остающіяся отъ общаго надѣла тягла». При работѣ мѣрщиковъ должны были находиться кто-либо изъ сельскихъ

должностныхъ лицъ; но опи не имѣли права сами производить раздѣлъ, а обязаны были только «находиться при томъ справедливыми посредниками и защитниками угнетаемаго крестьянина», наблюдать, чтобы со стороны мѣрщиковъ не было «поползновеній отнести кому-либо по родству и другимъ связямъ лучшія угодья, а особенно въ черезполосномъ ихъ раздробленіи, безъ согласія всѣхъ поселянъ». Присутствующая при раздѣлѣ сельская власть должна была утверждать своею подписью «сдѣланное между поселянами миролюбивое постановленіе; ибо черезъ сіе никогда уже никакія не будутъ возникать на кого-либо жалобы, да и самые просители, по изобличеніи ихъ въ несправедливости, не избѣгнутъ должнаго и справедливаго наказанія». Раздѣлъ земель повсюду долженъ былъ начатъ съ открытіемъ весны 1817 г. и непремѣнно законченъ въ теченіе лѣта. Изданныя правила предписывалось прочесть на мірскихъ сходкахъ и объявить крестьянамъ, что, по полученіи конторою подписанныхъ сельскими властями соглашеній между всѣми крестьянами о раздѣлѣ, «никакія частно отъ крестьянъ на неуравнительность раздѣла земель жалобы не будутъ уже имѣть мѣста».

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года управляющій доносилъ департаменту удѣловъ, что при объѣздѣ подвѣдомственнаго ему района онъ разсматривалъ «послѣдне-сдѣланныя мірскими обществами, подъ наблюденіемъ сельскихъ начальниковъ, въ подѣлѣ всѣхъ вообще угодій уравненія» и, находя ихъ правильными, «утвердилъ въ полной мѣрѣ». При этомъ онъ «не оставилъ внушать крестьянамъ, что правительство, пекущееся о благосостояніи каждаго изъ нихъ, замѣчаетъ особенно трудолюбивыхъ и попечительныхъ о сельскомъ хозяйствѣ и потому-то поселяне, удабривавшіе участки тягольныхъ земель и расчищавшіе, сверхъ того, пустопорожнія и зарослыя мѣста, преимущественно надѣляются нынѣ полными участками изъ тѣхъ же угодій». «Покончивъ такимъ образомъ всѣ между крестьянами распри и поставя учиненный раздѣлъ земель единственнымъ фундаментальнымъ правиломъ», управляющій выражалъ полную увѣренность, что этимъ положенъ будетъ конецъ жалобамъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду поступавшимъ въ удѣльную контору и затруднявшимъ также высшее начальство.

То же увѣреніе управляющимъ было повторено въ концѣ 1817 года, когда онъ представлялъ департаменту о дозволеніи 9-ти крестьянамъ произвести расчистку подъ пашню участковъ, отведенныхъ имъ изъ мірскихъ запольныхъ земель.

Это предсказаніе управляющаго, повидимому, оправдалось на практикѣ. По крайней мѣрѣ, до 1820 г. въ департаментъ удѣловъ не поступало жалобъ на раздѣлъ земель отъ бывшихъ дворцовыхъ крестьянъ Вологодской губерніи, и слѣдующіе передѣлы (при ревизіяхъ), повидимому, проходили также безъ серьезныхъ недоразумѣній. Впрочемъ, въ 1828 г. управляющій вологодской удѣльной конторой для прекращенія споровъ между волостями и деревнями о земляхъ, — споровъ, происходившихъ вслѣдствіе

«неизмѣнія границъ»,—предписалъ произвести (черезъ посредство избранныхъ волостями мѣрщиковъ—по 2 человѣка па волость) обмѣръ земли и опредѣленіе границъ «между волостями, селеніями и даже, если нужно будетъ къ совершеннѣйшему спокойствію, тишинѣ и доставленію каждому его собственности, и между крестьянскими участками». Это распоряженіе было приведено въ исполненіе въ теченіе одного года.

Такова исторія начала уравненія крестьянскихъ земель на сѣверѣ Россіи, имѣвшаго мѣста въ предѣлахъ нынѣшней Вологодской губерніи. Нѣсколько позже передѣлъ волостныхъ земель осуществился среди удѣльныхъ крестьянъ и другой сѣверной губерніи—Архангельской.

IX.

Какъ извѣстно, первое уравненіе земель среди казенныхъ крестьянъ Архангельской губ. имѣло мѣсто въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія; у удѣльныхъ же крестьянъ (коихъ въ концѣ прошлаго вѣка насчитывалось около 19½ тысячъ ревизскихъ душъ, имѣвшихъ въ совокупности 18,200 дес. пахотной и 12,140 дес. сѣнокосной земли) оно было произведено двадцатью годами раньше. Впрочемъ, попытка уравненія крестьянскихъ земель въ названной губерніи была сдѣлана еще въ 1785 г. Именно, въ этомъ году со стороны директора экономіи Архангельской губ. послѣдовало распоряженіе о томъ, чтобы крестьяне «всѣ тяглыя земли уравняли между собой безобиднымъ раздѣломъ, и гдѣ оныхъ недостаточно,—чтобы приступили къ разрабатыванію новыхъ полевыхъ земель общими мірскими силами». Но идея уравнительнаго раздѣла земель въ этой слабо населенной губерніи тогда, повидимому, еще не достаточно назрѣла, и потому, послѣ жалобъ нѣкоторыхъ крестьянъ па отнятіе у нихъ при передѣлѣ купчихъ и расчистныхъ земель, правительство сначала было предписало оставлять названныя угодья за старыми владѣльцами, а затѣмъ вовсе отмѣнило раньше изданное распоряженіе о раздѣлѣ, взамѣнъ котораго директоромъ экономіи было предписано, чтобы крестьяне «общими силами расчистили такое количество земли, какое, по измѣренію, нужно будетъ для снабженія какъ недостаточныхъ, такъ и безземельныхъ полною пропорціей всѣхъ угодій» и снабдили неимущихъ необходимымъ инвентаремъ *).

Къ этому эпизоду, безъ сомнѣнія, относится имѣющійся у насъ документъ, изъ котораго видно, что вышеописанныя распоряженія о раздѣлѣ земель касались не только бывшихъ черносошныхъ, но и дворцовыхъ крестьянъ. Документъ этотъ заключается въ предписаніи директора архангельской экономіи старостѣ и крестьянамъ Прилуцкой волости, Шенкурскаго уѣзда, населеннаго почти исключительно только дворцовыми крестьянами. Въ предписаніи (отъ 1 октября 1786 года) директора говорится, что всѣ крестьяне названной волости «единогласнымъ приговоромъ и подпис-

*) *Александра Ефименко*: „Изслѣдованія народной жизни", стр. 331—4.

кою», данною ему, директору, относительно недостатка пашенныхъ и сѣнокосныхъ земель по числу ревизскихъ душъ обязались «неимущихъ и малоземельныхъ крестьянъ удовольствовать расчистными пустопорослыми годными землями» осенью того же 1786 года. Не сомнѣваясь въ томъ, что крестьяне для собственной пользы выполнятъ это обязательство, «однакоже, для приведенія всего того въ желаемое содѣйствіе», директоръ счелъ нужнымъ подтвердить «старостѣ, сотскому и всѣмъ лучшимъ крестьянамъ, нимало не упуская нынѣ наступившаго удобнаго къ расчисткѣ времени, непремѣнно приступить общими силами не только къ расчисткѣ, но и къ распашкѣ земель, такъ, чтобы съ наступленіемъ первобудущей весны можно было насѣвать и самый хлѣбъ». Дѣлая это распоряженіе, директоръ вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалъ, чтобы казенная палата и земскій судъ еженедѣльно увѣдомлялись о томъ, сколько текущей осенью и слѣдующей весной будетъ расчищено земли: 1) общими мірскими силами для безпахотныхъ домохозяевъ и 2) личными усиліями остальныхъ крестьянъ каждымъ для себя самого и кому именно и въ какомъ количествѣ отведена будетъ расчищенная міромъ земля. Въ случаѣ неисполненія этого предписанія, «болѣе всѣхъ прочихъ отвѣтствовать будутъ волостные старосты, сотскіе и всѣ волостные лучшіе крестьяне, ибо за всѣмъ тѣмъ имъ надлежитъ имѣть попеченіе, яко волостные старшины».

Сомнительно, чтобы изложенное распоряженіе привело къ какимъ-нибудь практическимъ результатамъ, и вѣрнѣе будетъ предположить, что и послѣ его изданія среди дворцовыхъ крестьянъ Архангельской губ. продолжала существовать прежняя неравномѣрность въ распредѣленіи земли.

Новая попытка къ нѣкоторому уравненію землепользованія дворцовыхъ крестьянъ Архангельской губерніи была сдѣлана уже послѣ перехода ихъ въ удѣльное вѣдомство.

Выше было указано, что для скорѣйшаго достиженія цѣли уравненія землепользованія удѣльныхъ крестьянъ Вологодской губ., по возможности безъ нарушенія интересовъ многоземельныхъ домохозяевъ, департаментъ удѣловъ въ 1802 году предписалъ надѣлить малоземельныхъ крестьянъ изъ земель, имѣющихъ быть расчищенными общими силами селенія, и для приведенія этого распоряженія въ исполненіе командировалъ совѣтника Карюкина для осмотра всѣхъ впустѣ лежащихъ при селеніяхъ пространствъ. И хотя «раздѣлъ земель по душамъ въ Шенкурской округѣ впредь до разсмотрѣнія остановленъ», но приведенное распоряженіе о расчисткѣ пустующихъ земель спустя нѣсколько лѣтъ было распространено и на Архангельскую губернію, по отношенію къ которой предполагалось «удовлетворить малоземельныхъ изъ того, сколько общими силами изъ пустопорожнихъ земель обработано будетъ, а потомъ и другимъ въ поравненіе по душамъ, хотя и большеземельнымъ, предоставить». Но и это предположеніе, повидимому, имѣло не больше успѣха, чѣмъ и аналогичное распоряженіе директора экономіи.

Къ настоящему уравненію своихъ участковъ крестьяне Шенкурскаго

уѣзда приступили послѣ 6 ревизіи, когда (въ 1812 г.) департаментомъ удѣловъ вообще было разрѣшено подвѣдомственнымъ ему крестьянамъ передѣлить состоявшія въ ихъ пользованіи земли и были объявлены основныя правила передѣла.

Уравненіе земель предписывалось произвести «напередъ во всѣхъ тѣхъ селеніяхъ и волостяхъ, которыя обмежеваны въ однѣ окружныя межи по вѣдомству каждаго приказа». «По окончаніи такого уравненія, еслибы встрѣтилось, что въ иномъ приказѣ противу другого оказалось за разверсткою недостаточное количество земельныхъ угодій или превосходное, то самая справедливость требуетъ, посредствомъ переселенія (которое, впрочемъ, только дозволялось, но не требовалось) уравнять участками всѣхъ крестьянъ разныхъ селеній, такъ, чтобы въ каждомъ приказѣ всякій хлѣбопашецъ удовлетворенъ былъ одинаковою и равномѣрною пропорціей».

Изъ приведенной, не совсѣмъ, правда, ясной выдержки изъ циркуляра 1812 г. о раздѣлѣ земель, видно, что окончательной земельной единицей при раздѣлѣ департаментомъ признавался искусственный административный округъ—приказъ, и малоземельныя волости получили право требовать увеличенія своихъ надѣловъ на счетъ другихъ волостей того же приказа. Но—потому ли, что такого уравненія между крестьянами значительно удаленныхъ другъ отъ друга территорій можно было достигнуть лишь путемъ переселенія нѣкотораго числа семей изъ малоземельныхъ волостей въ многоземельныя, на что не всегда могло найтись достаточное число охотниковъ, или по другимъ соображеніямъ, но удѣльные крестьяне Шенкурскаго округа обыкновенно не пользовались предоставленнымъ имъ правомъ уравненія цѣлыми приказами и производили раздѣлъ земель въ каждой волости отдѣльно отъ другихъ. Тѣмъ не менѣе указаніе департамента удѣловъ на приказъ, какъ на возможную земельную единицу, отразилось на техникѣ раздѣла въ томъ отношеніи, что первый приступъ къ нему (по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ) совершался цѣлымъ приказомъ и обмѣръ земли производился по всему приказу. Такъ, наприм., мірскія общества Предтеченскаго приказа начали съ того, что положили сдѣлать перемѣръ земли во всѣхъ волостяхъ, командируя добросовѣстныхъ «изъ одной волости въ другую взаимно» (на что приказъ испрашивалъ разрѣшенія управляющаго). Перемѣръ земли одновременно во всѣхъ волостяхъ и разсмотрѣніе добытыхъ данныхъ представителями всѣхъ волостей приказа было сдѣлано также въ Великониколаевскомъ приказѣ, и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ общемъ сходѣ представителей всѣхъ волостей приказа долженъ былъ разрѣшаться и вопросъ о томъ, будетъ ли происходить уравненіе земель въ предѣлахъ отдѣльныхъ волостей или цѣлаго приказа; и здѣсь же могли быть подымаемы и другіе вопросы о предстоявшемъ раздѣлѣ.

Какъ общее правило, уравненіе земель производимо было, повторяемъ, въ предѣлахъ одной волости или нѣсколькихъ волостей, связанныхъ какимъ-либо общимъ интересомъ; но нѣкоторыя общества требовали уравненія участковъ въ границахъ цѣлаго приказа. Такъ, сельскіе выборные,

избранные мірскими обществами (согласно правиламъ департамента) для разверстки земли добросовѣстные, и лучшіе крестьяне «разныхъ волостей и боярщинъ» Великониколаевскаго приказа на общей сходкѣ разсмотрѣли собранныя мѣрщиками данныя о земляхъ, и хотя по разсчету оказалось, что среднее количество земли на душу въ разныхъ волостяхъ приказа не одинаково, «да и земля у однихъ лучшая, горная, а у другихъ каждогодно вешнею водой заимствующая, иная и плохая», тѣмъ не менѣе они рѣшили, «согласно разводу земель по прочимъ приказамъ», гдѣ уже было произведено расчисленіе угодій, причемъ крестьяне «не вступались полученіемъ сторонниxъ земель, а довольствовались имѣвшимися при каждой волости»,—примѣнить тѣ же основанія и къ данному случаю. А именно: Афонасовская и Трифоновская боярщины, имѣвшія смежныя земли «и въ покосахъ переходя съ одной на другую пожню, принимаютъ, сколько земель по измѣреніи оказалось, разверстать на число душъ по равной части»; Груздоровская и Ѳедоровская боярщины рѣшили «на такомъ же условіи», «имѣвшія въ двухъ волостяхъ земли, поравнять по числу душъ по равной части»; Шаповская, Есиповская, Владиміровская, Васильевская и Ивановская боярщины Едемскихъ деревень и Нижнеедемская волость, имѣвшія земли въ смежности, «а особливо изъ одной въ другую волости крестьяне пользуются землями владѣніемъ и платежъ податей съ оныхъ производимъ былъ въ ту волость, въ коей кто пользуется землей», положили: пахотную землю разверстать по каждой волости отдѣльно, не требуя одна отъ другой прибавки, «а сѣнокосную—на число душъ по равной части, сколько по качеству и количеству земель и сортамъ достанется, не смѣшиваться съ прочими волостями и считаться довольными»; Тарпянская же волость, Устарнянскія и Катаскія деревни и Верхолецкая слободка, всего 1,006 душъ, напротивъ того, не желали оставаться на своихъ земляхъ, «а намѣревались переходить цѣлыми волостями на новые участки». Но такъ какъ названныя общества отъ другихъ дальнихъ волостей находятся на разстояніи отъ 25 до 65 верстъ, «то если сдѣлать имъ переселеніе, въ такомъ случаѣ придти они могутъ въ разореніе и будутъ платежемъ податей несостоятельными, да и здѣшнихъ привести хотятъ въ разореніе». Признавая, что земля разсматриваемыхъ обществъ дѣйствительно нѣсколько хуже, чѣмъ въ остальныхъ волостяхъ, «бывшіе въ приказѣ выборные и крестьяне», однако, находили, что это невыгодное обстоятельство выкупается имѣющимися у нихъ лучшими лѣсными угодьями, съ которыхъ они получаютъ доходы путемъ звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ, куренія смолы и разработки подсѣкъ, а потому полагали оставить названныя общества при ихъ владѣніяхъ, а если они будутъ «утруждать начальство просьбами», то всѣмъ остальнымъ, подписавшимся подъ приговоромъ, «отвѣтствовать вообще». По вопросу объ уравненіи въ предѣлахъ вышеочерченныхъ районовъ принято было, чтобы на первый сортъ пашни давать по одному возу покосовъ, на второй—по два и на третій—по 3 воза *).

*) Что касается техники раздѣла земель въ Архангельской губ., то мы обладаемъ

X.

Важнѣйшимъ вопросомъ уравненія крестьянскихъ земель въ Архангельской губерніи было то, какимъ образомъ отнесутся общины къ купчимъ и расчистнымъ землямъ. Въ одномъ изъ первыхъ предположеній мірскихъ обществъ по поводу передѣла, — предположенія обществъ Предтеченскаго приказа (въ маѣ мѣсяцѣ 1812 г.),—относительно расчистныхъ и новоприсадныхъ земель, «не въ десятинномъ числѣ по нынѣ состоящихъ, настоящаго предположенія къ разверсткѣ не сдѣлано», впрочемъ нѣкоторыя общества рѣшали «брать въ мѣру» росчисти, разработанныя 15—25 лѣтъ тому назадъ. Приказъ обратился съ запросомъ по этому предмету къ управляющему конторой, а послѣдній испрашивалъ указаній у департамента удѣловъ. Департаментъ далъ по этому предмету такой же отвѣтъ, какъ и на подобный же запросъ вологодскаго управляющаго, а именно, что рѣшеніе вопроса о раздѣлѣ расчистныхъ земель должно принадлежать самимъ обществамъ, что имъ же слѣдуетъ предоставить разсмотрѣніе документовъ на право владѣнія купчими землями, «а въ случаѣ дальнѣйшихъ споровъ на сіе акты—о причинахъ доносить г. министру, съ приложеніемъ съ нихъ копій».

Послѣ этого мірскія общества начали назначать купчія и расчистныя земли въ общій раздѣлъ. Такъ, общества Великониколаевскаго приказа, въ 1813 г., «уничтожа имѣвшіяся у нѣкоторыхъ крестьянъ крѣпости», положили пустить купчія земли въ раздѣлъ и сдѣлать то же самое съ землями, расчищенными до 1795 г.; что же касается участковъ, разработанныхъ послѣ названнаго момента, ихъ рѣшено было оставлять нетронутыми, а «не имѣвшихъ таковыхъ расчистокъ снабдить удобными для пашни и покоса мѣстами; если же оныхъ не окажется, то раздѣлить и тѣ расчистки по равной части». Впрочемъ, окончательное рѣшеніе этого вопроса на общемъ сходѣ представителей Великониколаевскаго приказа предоставлено было отдѣльнымъ волостямъ, которыя «могутъ разойтись безобидно и сдѣлать особыя положенія». Было только постановлено, что кто впредь сдѣлаетъ расчистку, «таковой уже вѣчно въ раздѣлъ не полагать, а имѣть тому, яко своей собственностью, безъ всякаго отъ общества прекословія, и платежа податей съ оной не взыскивать; кто же предназначеннаго удобнаго мѣста не расчиститъ, таковаго никому разработкою не занимать, а пусть оно остается его полосою».

только нѣкоторыми весьма скудными свѣдѣніями, относительно уравненія крестьянъ Пуйской волости въ пользованіи сѣнокосами. Избранные мірскимъ обществомъ и приведенные къ присягѣ 25 мѣрщиковъ провѣрили сѣнокосы всѣхъ деревень, измѣряя ихъ количествомъ собраннаго въ томъ году сѣна: коренные сѣнокосы — по вѣсу послѣдняго, „смотря по добротѣ“, а расчистные—по числу возовъ („не менѣе, было бы 40 пудъ возъ“). „Въ какой деревнѣ сколько оказалось сѣна — дѣлано положеніе и обыватели кто принималъ за сколько вѣсомъ въ остожьяхъ, за то и было отдавано, а кто не принималъ—вѣсили пудами и записывали въ имѣющуюся при нихъ (деревняхъ?) тетрадь“.

Такъ какъ владѣльцы купчихъ земель не соглашались отдать ихъ въ раздѣлъ, то управляющій архангельскою конторой предписалъ Великониколаевскому и другимъ приказамъ—до разрѣшенія этого вопроса департаментомъ—оставить спорные участки въ прежнихъ рукахъ, съ тѣмъ, однако, «чтобъ оныя земли безъ насѣва и обрабатыванія отнюдь не оставались».

Департаментомъ этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ вѣроятно въ пользу раздѣла. По крайней мѣрѣ въ жалобѣ 12 домохозяевъ отъ 1816 г. говорится, что, несмотря на вышеизложенное распоряженіе управляющаго, мірское общество Великониколаевскаго приказа положило купчія и расчистныя земли въ общій раздѣлъ, и что хотя они тогда же просили управляющаго о возвращеніи отобранныхъ у нихъ участковъ, но удовлетворенія не получили. При новомъ разсмотрѣніи, вызванномъ жалобой, этого вопроса, мірскія общества Великониколаевскаго приказа нашли, что дѣйствительно имѣвшіяся у 12 вышеупомянутыхъ и у другихъ недовольныхъ купчія крѣпости «писаны до манифеста 1765 г. и тогда же у крѣпостныхъ дѣлъ засвидѣтельствованы съ платежемъ казенныхъ пошлинъ» и что спорныя земли предками настоящихъ владѣльцевъ куплены у «своей собратіи» и у постороннихъ лицъ. Несмотря на законность документовъ, общества однако не соглашались изъять эти земли изъ раздѣла. «Тягольной земли,—сказано въ приговорѣ объ этомъ,—имѣется на всѣхъ крестьянъ недостаточное количество, и если отдать прежнимъ владѣльцамъ крѣпостныя земли, то неминуемо могутъ дойти всѣ крестьяне до совершенной бѣдности и несостоянія къ оплачиванію податей». Назначая поэтому спорныя земли въ общій раздѣлъ, мірскія общества вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщали по окончаніи передѣла (по душамъ 7 ревизіи) уплатить прежнимъ ихъ владѣльцамъ «тѣ самыя деньги, кои были употреблены на покупку».

Департаментъ удѣловъ утвердилъ эти постановленія обществъ и, такимъ образомъ, не удовлетворилъ просителей, находя съ своей стороны «что всѣ прежнія купчія сдѣлки могли относиться къ праву своему только до преобразованія хозяйственнаго управленія удѣльныхъ имѣній, а съ состоянія онаго въ ихъ обязанностяхъ подлежатъ уже крестьяне подъ общія правила» (новыя); и что ходатайство просителей не только о возвращеніи купчихъ и расчистныхъ земель, но и о надѣленіи ихъ наравнѣ съ прочими домохозяевами тягольными участками обнаруживаетъ противъ равной собратіи неумѣренныя требованія «къ обидѣ ихъ при недостаткѣ вообще тягольной земли». Предписывая объявить о такомъ его рѣшеніи на мірскихъ сходкахъ, департаментъ удѣловъ вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ объяснить крестьянамъ, что еслибы «и за учиненною разверсткою на число душъ по настоящей (7-й) ревизіи оказался въ земляхъ недостатокъ по узаконенной пропорціи *), то дабы они въ благонадежномъ терпѣніи оста-

---

*) Въ разныхъ волостяхъ Великониколаевскаго приказа при раздѣлѣ по душамъ 7 ревизіи пришлось на душу: пашенной земли отъ 2,202 кв. саж. до 1 дес. 780 саж.,

вались», такъ какъ имѣетъ уже предположеніе объ общемъ «надѣленіи удѣльныхъ крестьянъ изъ казенныхъ земель нужною пропорціею».

Въ Великониколаевскомъ приказѣ въ раздѣлъ были пущены, повидимому, всѣ земли, расчищенныя до 1795 г., вопросъ же о болѣе позднихъ расчисткахъ предоставленъ былъ, какъ мы видимъ, на разрѣшеніе отдѣльныхъ волостей. Въ Пуйской волости Благовѣщенскаго приказа, при передѣлѣ по душамъ 7 ревизіи (въ 1817 г.) раздѣлу подлежали всѣ земли,—какъ бы то ни было расчищенныя, — по рѣчкамъ и ручьямъ; что же касается участковъ, раздѣланныхъ изъ-подъ чернаго лѣса, то уравненіе распространилось лишь на земли, обращенныя въ культурное состояніе 18 лѣтъ назадъ и раньше (т.-е. въ концѣ прошлаго вѣка); участки же, расчищенные позже этого времени (а также росчисти, слишкомъ удаленныя отъ селеній), были оставлены въ распоряженіи прежнихъ хозяевъ на время, пока крестьяне, не имѣвшіе такихъ росчистей, не раздѣлаютъ въ свою очередь «такое же количество»; а «буде ими таковыхъ (росчистей) по своему трудолюбію учинено не будетъ, то оныхъ впредь никогда въ раздѣлъ не полагать». Постановленіемъ общества Пуйской волости о раздѣлѣ старо-расчистныхъ земель остались недовольны 33 домохозяина д. Бяковской; но ихъ ходатайство о возвращеніи имъ расчищенныхъ земель, послѣ разслѣдованія дѣла, было отклонено.

Кромѣ этой жалобы до департамента удѣловъ доходили еще двѣ-три жалобы на раздѣлъ земель въ Архангельской губерніи. Изъ этихъ жалобъ особенный интересъ имѣетъ прошеніе крестьянина д. Трофимовской Благовѣщенской волости и приказа, Пшеницына, о замѣнѣ отведеннаго ему на одну душу участка въ другой деревнѣ соотвѣтствующимъ участкомъ изъ его прежняго владѣнія. Не получая удовлетворенія отъ удѣльнаго начальства, Пшеницынъ обращался къ заступничеству петербургскаго генералъ-губернатора. Управляющій вологодской конторой убѣждалъ общество отвести Пшеницыну землю изъ его прежняго владѣнія. Но крестьяне «ни на какія его убѣжденія сдѣлать сіе не согласились», говоря, что не одинъ Пшеницынъ, но и прочіе крестьяне, его сосѣди, по недостатку въ ихъ деревнѣ земли на все число душъ, часть ея получили изъ прежнихъ своихъ владѣній, въ самой деревнѣ, а часть—изъ чужихъ земель, за 3—5 верстъ (Пшеницынъ, владѣвшій ранѣе $5^1/_2$ дес. земли, еще при передѣлѣ по душамъ 6 ревизіи, получилъ изъ нея $3^1/_4$ десятины, а при раздѣлѣ по душамъ 7 ревизіи ему на двѣ души былъ оставленъ этотъ-же участокъ, а на прибылую за это время третью душу отведена земля на сторонѣ); и

сѣнокосной отъ 1,596 кв. саж. до 1 дес. 694 саж. Въ большей части другихъ волостей Шенкурскаго округа душевой участокъ удѣльныхъ крестьянъ не достигалъ и одной десятины, причемъ сѣнокосный участокъ обыкновенно былъ значительно меньше пахотнаго. Въ Пуйской волости пришлось на душу 2,136 саж. пахоти и 1,219 саж. сѣнокоса (кромѣ имѣвшихся у нѣкоторыхъ крестьянъ новыхъ расчистокъ); по другимъ же свѣдѣніямъ подѣленные сѣнокосы давали здѣсь на душу: коренные 95 возовъ и расчистные $28^1/_2$ пуд. сѣна.

если удовлетворить просьбу Пшеницына, то «нужно будетъ сдѣлать всѣмъ пахотнымъ землямъ новый перемѣръ или отобрать для него землю у сосѣдей», которые тогда и сами «возмутятся».

Первые передѣлы земли (по душамъ 6 и 7 ревизіи) среди удѣльныхъ крестьянъ Архангельской губерніи вызывали жалобы преимущественно на раздѣлъ росчистей, сдѣланныхъ нѣкоторыми домохозяевами, «между тѣмъ какъ другіе, занимаясь въ то время разными промыслами, пріобрѣтали себѣ значительные доходы». Вмѣстѣ съ тѣмъ, при обозрѣніи подвѣдомственнаго ему имѣнія, архангельскій управляющій замѣтилъ, что новыя расчистки производились въ очень ограниченномъ количествѣ и что даже тяглыя земли, особенно лежащія вдали отъ деревень, забрасывались ихъ владѣльцами и заростали лѣсомъ. Для прекращенія жалобъ по этому предмету, «для поощренія трудолюбивыхъ земледѣльцевъ» къ производству новыхъ расчистокъ и осушки болотъ «и къ отнятію всякой надежды у тѣхъ, кои, занимаясь другою промышленностью или по нерадѣнію своему къ трудолюбію, воспользовались при новой переписи трудами другихъ», управляющій въ 1818 г. предположилъ объявить крестьянамъ о нижеслѣдующемъ:

1. Всѣхъ крестьянъ, получившихъ по раздѣлу, сверхъ тягольной, также расчистную землю, «не прилагавшихъ къ тому трудовъ своихъ», обязать подпискою расчистить въ свободное отъ полевыхъ занятій время по крайней мѣрѣ такое же количество земли, какимъ они сами воспользовались, съ тѣмъ, чтобы расчищенныя пространства отданы были на все общество. На расчистку каждымъ того или иного количества земли должны быть составлены мірскіе приговоры, а наблюденіе за расчисткой должно быть возложено на старшинъ приказа, сельскихъ выборныхъ и тѣхъ самихъ крестьянъ, росчисти которыхъ поступили въ раздѣлъ.

2. Объявить крестьянамъ на мірскихъ сходкахъ, что запустошенный кѣмъ-либо участокъ будетъ отъ него отобранъ и переданъ безъ всякаго вознагражденія наиболѣе трудолюбивому домохозяину.

Департаментъ удѣловъ утвердилъ это предположеніе управляющаго, дальнѣйшая судьба котораго намъ неизвѣстна. Врядъ-ли, однако, не слѣдуетъ признать, что это распоряженіе начальства, подобно многимъ другимъ, не вызвавшимъ къ себѣ сочувствія крестьянской массы, остались мертвой буквой.

При передѣлѣ земель (по душамъ 7 ревизіи) въ Архангельской губерніи удѣльной администраціей было обращено вниманіе на положеніе семей, состоявшихъ исключительно изъ лицъ женскаго пола или съ значительнымъ преобладаніемъ послѣднихъ. Вопросъ этотъ возникъ отчасти по представленіямъ приказовъ, частью по личнымъ жалобамъ управляющему такихъ семей на то, что общества не отводятъ земли на лицъ женскаго пола, вслѣдствіе чего возникаетъ большая неравномѣрность въ землевладѣніи семей, съ преобладаніемъ женскаго и мужского пола, причемъ послѣднія семьи не только имѣли много надѣльной земли, но и «берутъ у немогущихъ обрабатывать изъ доставшейся по раздѣлу на 2 и на 3 души,

а малосемейныхъ въ мужскомъ полѣ до сего не допускаютъ». По донесеніи объ этомъ департаменту удѣловъ, послѣдній предписалъ управляющему, чтобы тотъ настоятельно убѣдилъ крестьянскія общества отвести вдовамъ и сиротамъ необходимую для ихъ пропитанія землю и дать «имъ всѣ способы къ своевременному ея обрабатыванію». А если это представляется затруднительнымъ, то чтобъ управляющій «склонилъ общества къ согласію не могущихъ трудами своими снискивать безбѣднаго пропитанія вдовъ и сиротъ содержать на общій счетъ выдачею денегъ изъ запасныхъ магазиновъ, съ употребленіемъ же ихъ посильными трудами въ пользу общественную».

Передѣлами 1812—1818 гг. были разрѣшены всѣ вопросы объ уравненіи землепользованія отдѣльныхъ домохозяевъ, и послѣдующіе передѣлы земель въ Архангельской губерніи, насколько извѣстно, не вызывали среди крестьянъ серьезныхъ недоразумѣній.

XI.

Повторимъ вкратцѣ главнѣйшіе факты изъ сдѣланнаго выше описанія исторіи первыхъ передѣловъ земли въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи.

1. Первыя распоряженія казенной палаты о раздѣлѣ крестьянскихъ земель въ Вологодской губерніи сдѣланы были въ концѣ прошлаго вѣка по просьбѣ нѣкоторыхъ малоземельныхъ крестьянъ объ удовлетвореніи ихъ землею по числу душъ производившейся тогда 5-й ревизіи. Это распоряженіе осуществилось въ дѣйствительности, благодаря настоянію малоземельныхъ крестьянъ, обращавшихся по начальству съ жалобами на сопротивленіе раздѣлу со стороны многоземельныхъ домохозяевъ.

2. Черезъ три года послѣ изданія распоряженія о раздѣлѣ земель—въ видахъ упорядоченія этого дѣла,—вельскимъ нижнимъ земскимъ судомъ были изданы для подвѣдомственнаго ему округа правила уравненія крестьянскихъ участковъ, согласно которыхъ: а) изъ раздѣла исключались не только земли, купленныя по законно-утвержденнымъ крѣпостямъ (что предполагалось и въ распоряженіи казенной палаты), но и расчищенныя настоящими владѣльцами и ихъ предками; б) домохозяева, имѣвшіе достаточное (по числу душъ) количество крѣпостной земли, не могли требовать отведенія себѣ еще изъ общественныхъ угодій; в) деревнямъ, получившимъ при передѣлѣ часть пахотной земли изъ угодій другаго отдаленнаго поселенія, рекомендовалось переводить на житье въ это послѣднее соотвѣтствующее число семей.

3. Черезъ три года послѣ состоявшагося предписанія вологодской казенной палаты о раздѣлѣ земель, дворцовые крестьяне поступили въ завѣдываніе удѣльнаго вѣдомства, центральные органы котораго не имѣли опредѣленной точки зрѣнія на этотъ предметъ и колебались между ограничительными и поощрительными мѣрами по отношенію къ уравненію крестьянскихъ участковъ. Такъ, по одному представленію органа мѣстнаго

управленія, департаментъ удѣловъ отмѣнилъ начатый раздѣлъ земель, по другому—вновь возстановилъ его.

4. Какъ общее правило, удѣльная администрація не вмѣшивалась непосредственно въ процессъ раздѣла крестьянскихъ земель и входила въ это дѣло, обыкновенно лишь по жалобамъ недовольныхъ, которыя прежде всего обращала на разсмотрѣніе обществъ или выборныхъ представителей спорящихъ сторонъ. Въ предупрежденіе же новыхъ жалобъ, удѣльная экспедиція поручала въ 1801 и 1802 гг. своимъ членамъ, при осмотрѣ удѣльныхъ селеній, принимать мѣры къ тому, чтобы, съ одной стороны, состоявшіеся уже мірскіе приговоры о раздѣлѣ общественныхъ земель, буде они справедливы, были приведены въ исполненіе; съ другой,—чтобы общества, гдѣ приговоры о раздѣлѣ еще постановлены не были, но гдѣ не обнаружено и единодушнаго желанія оставаться при прежнемъ владѣніи, сдѣлали по этому предмету мірскіе приговоры.

5. Описываемыя мѣры не привели, однако, къ желательному умиротворенію крестьянъ, и департаментъ удѣловъ, въ видахъ ослабленія борьбы за уравненіе крестьянскихъ участковъ, издалъ распоряженіе о томъ, чтобы малоземельные крестьяне получали удовлетвореніе своихъ требованій, по возможности, не отводами земли отъ многоземельныхъ домохозяевъ, а надѣленіемъ изъ впустѣ лежащихъ при селеніяхъ земель, которыя должны были быть предварительно расчищены общими силами всего селенія, и командировало совѣтника Карюкина для соотвѣтствующихъ распоряженій на мѣстахъ. Но и эта мѣра осталась, повидимому, безъ практическаго осуществленія, и распоряженіе департамента не прекратило возгорѣвшейся между крестьянами борьбы и стремленія со стороны малоземельныхъ крестьянъ къ распространенію уравненія на участки многоземельныхъ домохозяевъ.

6. Первое уравненіе землепользованія бывшихъ дворцовыхъ крестьянъ въ Вологодской губерніи затянулось на десять лѣтъ и болѣе и было исполнено очень несовершенно, какъ по отсутствію точныхъ свѣдѣній о качествѣ и количествѣ крестьянскихъ земель, по невыработанности техники этого дѣла, такъ и по причинѣ необходимости,—путемъ взаимныхъ уступокъ и соглашеній,—примирять разнообразные сталкивающіеся интересы. Въ это время въ практикѣ уравненія прочно утвердился пріемъ примиренія разныхъ интересовъ, заключающійся въ перенесеніи платежа отъ малоземельныхъ домохозяевъ на многоземельныхъ. Первоначально къ этому пріему прибѣгали, повидимому, ради сохраненія за многоземельными домохозяевами ихъ крупныхъ участковъ; впослѣдствіи же онъ сталъ примѣняться и вопреки желанію такихъ домохозяевъ. Удѣльная администрація то боролась противъ распространенія этого средства уравненія, то поощряла его.

7. Во время перваго уравненія крестьянскихъ участковъ изъ раздѣла были исключены расчистныя и преимущественно купчія земли. Включеніе этихъ земель въ общій раздѣлъ было сдѣлано по настоянію крестьянъ и съ дозволенія департамента удѣловъ при передѣлахъ по душамъ 6-й и 7-й

ревизій, отдѣленныхъ одна отъ другой промежуткомъ всего только въ три года. Эти послѣдніе передѣлы также сопровождались горячею борьбой и многочисленными спорами и жалобами, но за то при этомъ всѣ главнѣйшіе вопросы уравненія земель были окончательно разрѣшены и послѣдующіе передѣлы не вызывали серьезныхъ недоразумѣній.

8. Такимъ образомъ, можно сказать, что процессъ обращенія наслѣдственнаго пользованія волостной крестьянской землей въ уравнительное въ Вологодской губерніи окончательно завершился въ теченіе приблизительно 20 лѣтъ. Среди удѣльныхъ крестьянъ Архангельской губерніи этотъ процессъ начался пятнадцатью годами позже, сопровождался менѣе горячей борьбой партій и закончился въ теченіе менѣе одного десятилѣтія.

Общее-же заключеніе, вытекающее изъ всего вышеизложеннаго состоитъ въ томъ, что осуществленіе идеи уравнительнаго пользованія землей среди удѣльныхъ крестьянъ сѣверныхъ губерній было достигнуто благодаря настойчивому требованію уравненій со стороны малоземельнаго большинства домохозяевъ.

В. В.

Армія спасенія и ея „соціальная схема" *).

Къ 1890 году появилась въ Лондонѣ книга, весьма быстро обратившая на себя вниманіе всего цивилизованнаго міра. Авторъ этой сенсаціонной книги генералъ арміи спасенія, Вильямъ Бутсъ, ссылаясь на опытъ и успѣхи, достигнутые арміей на поприщѣ благотворительности, взялся «извлечь изъ водоворота нищеты и порочности» три милліона разнаго рода пролетаріевъ, насчитывавшихся въ то время, по его разсчету, въ Великобританіи. Этотъ грандіозный проектъ, крайне живо изложенный и подробно мотивированный, нашелъ себѣ многочисленныхъ сторонниковъ и союзниковъ какъ въ самой Англіи, такъ и за границей. Въ Россіи проф. Янжулъ въ своей статьѣ, посвященной изложенію книги В. Бутса, назвалъ его планъ «наиболѣе выдающимся и практически осуществимымъ проектомъ переорганизаціи рѣзкихъ аномалій изъ жизни массы населенія всѣхъ промышленныхъ городовъ Западной Европы» **). Редакторъ англійскаго журнала *The Review of Reviews* В. Стэдъ далъ еще болѣе благопріятный отзывъ о «соціальной схемѣ» В. Бутса, выразивъ увѣренность, что «съ успѣхомъ его предложеній настанетъ для человѣчества заря новой и болѣе свѣтлой эры». Англійское общество не ограничилось одними выраженіями сочувствія, но выразило въ то же время полную готовность оказать В. Бутсу содѣйствіе въ осуществленіи его схемы, предоставивъ ему потребованные имъ 100,000 ф. ст. (около милліона рублей на наши деньги) и давъ ему, такимъ образомъ, возможность приступить къ дѣлу.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе шести лѣтъ и, поэтому, является крайне любопытнымъ ознакомиться съ тѣмъ, что вышло изъ «соціальной схемы» за этотъ промежутокъ времени. Подобное ознакомленіе, помимо удовлетворенія нашей любознательности, представляетъ въ то же время большой научный и практическій интересъ. Разносторонняя и многолѣтняя борьба арміи спасенія съ пауперизмомъ проливаетъ достаточно свѣта какъ на ха-

---

*) Докладъ читанный въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ 10 ноября 1897 г.

**) См. статью „Въ трущобахъ Англіи", помѣщенную въ его сборникѣ *Въ поискахъ лучшаго будущаго.* Спб., 1893 г.

рактеръ этого общественнаго зла, такъ и на пригодность тѣхъ или другихъ пріемовъ борьбы съ нимъ. Но для того, чтобы всесторонне выяснить характеръ предпріятія В. Бутса, необходимо предварительно ознакомиться съ тѣмъ, что армія спасенія изъ себя представляетъ, какія цѣли она преслѣдуетъ и вслѣдствіе какихъ причинъ обратилась она отъ чисто-миссіонерской дѣятельности къ соціальнымъ начинаніямъ всякаго рода.

I *).

Въ 1865 году одному талантливому и энергичному методистскому проповѣднику В. Бутсу удалось образовать небольшой религіозный кружокъ, принявшій названіе «христіанской миссіи восточной части Лондона». Своею цѣлью эта миссія поставила «борьбу съ дьяволомъ», другими словами, обращеніе на путь истины низшихъ слоевъ народа, погрязшихъ въ нищетѣ и порокѣ. Борьба съ дьяволомъ велась первоначально путемъ проповѣди «истинъ христіанской религіи, признанныхъ почти всѣми вѣроисповѣданіями» жителямъ лондонскихъ трущобъ. Къ 1870 году названный кружокъ настолько разросся, что распространилъ свою дѣятельность по всей Англіи, принявъ названіе «христіанской миссіи». Въ 1878 г. состоялся конгрессъ членовъ этой миссіи, на которомъ она получила военную организацію и была переименована въ армію спасенія. Въ восьмидесятыхъ годахъ дѣятельность арміи выходитъ за предѣлы Великобританіи, измѣняя въ то же время свой характеръ. На-ряду съ заботами о духовномъ возрожденіи пролетаріата, армія спасенія начинаетъ все болѣе и болѣе заботиться объ удовлетвореніи его матеріальныхъ потребностей. Дѣятельность арміи въ этомъ послѣднемъ направленіи, понемногу расширяясь, обратила на себя вниманіе англійскаго общества во время извѣстной стачки портовыхъ рабочихъ съ доковъ, состоявшейся въ 1889 г. Появившаяся въ слѣдующемъ году книга В. Бутса, переведенная вскорѣ чуть ли не на всѣ европейскіе языки, доставила, наконецъ, арміи всемірную извѣстность. Въ какихъ размѣрахъ ведетъ армія спасенія свою борьбу съ дьяволомъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры, взятыя изъ ея отчетовъ за 1895 и 1896 годъ. Вся армія раздѣлена на 8,673 корпуса и насчитываетъ однихъ только офицеровъ на дѣйствительной службѣ 11,869 человѣкъ; число рядовыхъ въ отчетахъ, къ сожалѣнію, не приводится. Эти силы распредѣлены по всѣмъ частямъ свѣта въ 34 странахъ и госу-

---

*) Главными источниками этой главы послужили слѣдующія изданія арміи спасенія: „A Review of the progress of the Salvation Army during the year 1891". London, 1891. „The S. A. Thenty-sixth annual statement of Account for the year 1892". London, 1892. *Others*: „A glance at the Work of the Salvation Army in its 29 the year. 1894—5". London, 1895. *Why Not*. „A salvation army question, by Commissioner Railton. „Vainqueur", par Arthur S. Booth-Clibborn. Deuxieme edition. Paris, 1888. „The Salvation Army": Heathen England. Fifth edition. London, 1889. При переводѣ фунтовъ стерлинговъ на наши деньги мы принимали 1 ф. ст. равнымъ 10 руб.; шиллинги же и пенсы нами совершенно отбрасывались.

дарствахъ. Проповѣдь ведется арміей на 29 языкахъ въ 4.633 пунктахъ (station). Количество митинговъ, устраиваемыхъ арміей еженедѣльно, доходитъ до 66,000; изъ нихъ 30,000 устраиваются подъ открытымъ небомъ. Число лицъ, посѣщающихъ эти митинги, доходитъ до пяти милліоновъ. Для пропаганды своей дѣятельности армія издаетъ 38 еженедѣльныхъ и 10 ежемѣсячныхъ журналовъ на 14 языкахъ. Количество печатныхъ произведеній, изданныхъ арміей въ 1894 г., дошло до 51.000,000 экземпляровъ, отъ продажи которыхъ было выручено около двухъ милліоновъ рублей на наши деньги. За послѣднія десять лѣтъ арміей устроено до 138 благотворительныхъ учрежденій разнаго рода въ Великобританіи и до 207 аналогичныхъ учрежденій въ другихъ странахъ земного шара.

Развитіе дѣятельности въ подобныхъ размѣрахъ возможно, конечно, лишь при наличности соотвѣтствующихъ матеріальныхъ средствъ. И дѣйствительно путемъ пожертвованій армія получила и продолжаетъ получать громадныя суммы: такъ въ 1895 г. она получила около 400,000 р., изъ нихъ болѣе половины было пожертвовано на осуществленіе «соціальной схемы». Щедрыя пожертвованія дали возможность арміи пріобрѣсти разнаго недвижимаго имущества на сумму 583,276 ф. ст. (болѣе $5^1/_2$ м. р.) и вывести общій балансъ за 1895 г. въ суммѣ 736,869 ф. ст. (свыше 7 милл. руб.).

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ исторія возникновенія и развитія арміи спасенія. Уже одинъ необычайно быстрый ходъ этого развитія свидѣтельствуетъ, что она представляетъ изъ себя далеко не заурядное миссіонерское общество. Еще болѣе можно убѣдиться въ этомъ, если ознакомиться съ организаціей арміи и съ характеромъ ея дѣятельности.

Подобно всякой другой арміи, армія спасенія дѣлится на корпуса и имѣетъ своихъ рядовыхъ и офицеровъ всевозможнаго ранга. Строгая дисциплина и безпрекословное повиновеніе начальству, во главѣ котораго стоитъ генералъ В. Бутсъ, господствуетъ въ этомъ своеобразномъ религіозномъ обществѣ. Для того, чтобы поступить въ ряды арміи, требуется предварительно выдержать 4-хъ-недѣльное испытаніе, послѣ чего кандидатъ обязанъ присягнуть въ томъ, что не будетъ употреблять спиртныхъ напитковъ, табака и другихъ наркотическихъ средствъ; откажется отъ всякаго комфорта и будетъ жертвовать, по крайней мѣрѣ, десятую часть всего того, что получаетъ, на Божье дѣло; откажется, наконецъ, совершенно отъ міра съ его удовольствіями, свѣтскою литературой, общественною жизнью и вообще будетъ жить лишь для своихъ ближнихъ и ради вѣчнаго спасенія.

Для подготовки офицеровъ учреждены особыя воспитательныя заведенія—такъ называемыя «Traning Houses». «Изъ нихъ никогда не предполагалось сдѣлать заведенія для интеллектуальнаго развитія, но скорѣе особые воспитательные институты для дисциплинированія души (soul culture), въ которыхъ лица, не стремящіяся исключительно къ Божьей славѣ и спасенію душъ, могли бы быть отдѣлены отъ остальныхъ кандидатовъ при помощи строгаго искуса въ трущобахъ Восточнаго Лондона, лица же

дѣйствительно набожные научались, какъ преодолѣвать всевозможнаго рода затрудненія».

Кромѣ этихъ заведеній арміей устроены за послѣднее время особыя заведенія (Social Wing Training Garrison) для подготовки подходящихъ выполнителей «соціальной схемы». Курсъ обученія въ этихъ заведеніяхъ чрезвычайно разносторонній. «Воспитанникъ долженъ умѣть прибирать спальни, обращаться съ паровымъ котломъ, варить, приправлять и подавать ѣду; въ то же время онъ долженъ хорошо знать, какъ пріобрѣтать довѣріе бѣдныхъ, отыскивать между ними заслуживающихъ помощи и, сверхъ того, находить что-нибудь хорошее въ тѣхъ людяхъ, которыхъ другіе признали бы въ конецъ испорченными. Это отвѣтственный, тяжелый и утомительный трудъ, который начинается въ 6 ч. 30 м. утра и рѣдко оканчивается къ 10 ч. вечера. Еженедѣльно читаются лекціи объ обязанностяхъ соціальнаго офицера, ночные же митинги, устраиваемые каждую ночь въ ночлежныхъ домахъ, доставляютъ кадетамъ возможность непосредственно упражняться въ духовной дѣятельности». Доступъ въ ряды арміи открытъ и женщинамъ, дѣятельность которыхъ значительно содѣйствовала ея успѣху. Не говоря уже о супругѣ самого В. Бутса, вдохновлявшей и помогавшей ему во всѣхъ его начинаніяхъ, всѣ женщины арміи спасенія обнаружили самоотверженную дѣятельность на поприщѣ милосердія и оказались даже болѣе успѣшными проповѣдниками, чѣмъ самые краснорѣчивые мужчины. «Потоки слезъ, льющіеся изъ глазъ, которые никогда до того времени не плакали о грѣхѣ, вздыхающія груди и сокрушенныя сердца доказываютъ милліонъ разъ, каждое воскресенье, силу краснорѣчія женщины, когда сердце ея смягчается и лицо орошается слезами при видѣ собравшихся вокругъ нея грѣшниковъ».

Рядовые арміи спасенія, не принимая большого участія въ ея дѣятельности, не получаютъ никакого жалованья, а каждый изъ нихъ живетъ на свой заработокъ. Что же касается офицеровъ арміи, то вознагражденіе, получаемое ими за свою тяжелую службу, крайне мало; «они существуютъ на тѣ деньги, которыя удастся имъ собрать во время митинговъ. Но изъ этой выручки они должны покрыть сперва всѣ расходы по содержанію ввѣреннаго имъ поста или станціи, 10% вырученной суммы отослать въ главную квартиру арміи, и лишь остатокъ выручки идетъ на ихъ содержаніе, да и то не цѣликомъ; еженедѣльное жалованье холостого капитана не должно превышать 18 шил., а жалованье лейтенанта—16 ш.; незамужнія женщины въ этихъ чинахъ получаютъ еще менѣе, самое большее—15 и 12 шил.; на мужа съ женой полагается не болѣе 27 ш. и на каждаго ребенка по 1 ш. Въ случаѣ, если выручки не хватаетъ на это вознагражденіе, что случается нерѣдко, офицеръ получаетъ его изъ главной квартиры. Но офицеры предпочитаютъ большею частью какъ-нибудь перебиться, чѣмъ ввести въ расходы центральную кассу» *). Такимъ образомъ,

*) *Charles Booth*: „Life and Labour of the people in London". Vol. VIII, стр. 197. London, 1896.

офицеры арміи спасенія получаютъ такой же незначительный и случайный заработокъ, какъ и тѣ англійскіе чернорабочіе, объ улучшеніи положенія которыхъ она заботится.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что сдѣлаться офицеромъ арміи спасенія можетъ далеко не всякій, а лишь человѣкъ энергичный и беззавѣтно преданный своему дѣлу. И дѣйствительно, кому только ни приходилось наблюдать дѣятельность арміи, всѣ отзываются болѣе или менѣе благопріятно объ ея членахъ. Такъ, одно должностное лицо извѣстнаго лондонскаго общества для организаціи благотворительности въ своемъ докладѣ о соціальной схемѣ В. Бутса говоритъ слѣдующее: «офицеры, занятые въ соціальномъ предпріятіи, составляютъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный подборъ людей; это не подлежитъ сомнѣнію. Ихъ самоотверженность и горячая преданность дѣлу выше всякихъ похвалъ; ихъ обращеніе съ людьми въ высшей степени симпатично и въ большинствѣ случаевъ крайне тактично».

Таковы главные дѣятели въ арміи спасенія. Посмотримъ, въ чемъ выражается ея дѣятельность. Когда В. Бутсъ впервые принялся за свое дѣло спасенія, ему казалось, что достаточно обратиться къ отверженному пролетаріату съ словомъ участія, пробудить въ немъ сознаніе своей грѣховности и внушить ему надежду на спасеніе —и дьяволъ будетъ посрамленъ. Держась такого взгляда, Бутсъ и его первые послѣдователи все вниманіе свое обратили на возможно большее развитіе проповѣднической дѣятельности. Низшіе слои народа не посѣщали церковь; Бутсъ и его сторонники поселились въ трущобахъ и стали проповѣдывать на перекресткахъ улицъ подъ открытымъ небомъ, въ кабакахъ и другихъ публичныхъ заведеніяхъ, куда только удавалось имъ проникнуть. Многіе бѣдняки были слишкомъ заняты днемъ и не въ состояніи были посѣщать устраиваемыхъ арміей митинговъ; она стала тогда устраивать ихъ и позднимъ вечеромъ. Народъ обращалъ мало вниманія на уличныхъ проповѣдниковъ, и вотъ Бутсъ и его послѣдователи облекаются въ мундиръ, и съ музыкой, пѣніемъ и знаменами торжественно маршируютъ по многолюднымъ улицамъ, стараясь собрать вокругъ себя побольше толпу. Обыкновенная проповѣдь не оказывала на послѣднюю желаемаго дѣйствія, и вотъ армія спасенія обставляетъ свои проповѣди и митинги цѣлымъ рядомъ аксессуаровъ, расчитанныхъ на то, чтобы произвести на слушателей возможно большее впечатлѣніе.

Открывается обыкновенно митингъ пѣніемъ гимна, въ которомъ бичуются человѣческіе грѣхи и пороки; подобный гимнъ болѣе способенъ, будто бы, привлечь рабочій элементъ, чѣмъ пѣснь, въ которой говорилось бы о любви. Послѣ гимна слѣдуетъ молитва съ колѣнопреклоненіемъ, сопровождаемая пѣніемъ. Затѣмъ начинаются рѣчи; говорятъ въ большинствѣ случаевъ новообращенные, разсказывая, какъ они спаслись; на каждую рѣчь полагается не болѣе пяти минутъ. Приведемъ нѣсколько образчиковъ такихъ рѣчей, помѣщенныхъ въ уже цитированной нами книгѣ одного изъ высшихъ офицеровъ арміи спасенія.

№ 1. «Друзья, я омылся въ крови Агнца».

№ 30. «Какъ я радуюсь своему спасенію; я знаю, что я спасенъ».

№ 34. «Іисусъ такъ много далъ мнѣ, что я долженъ говорить».

№ 50. «Друзья, я спасенъ не на *половину* и не *отчасти*, а *весьсполна* спасенъ. Десять лѣтъ я былъ бѣднымъ бродягой, пьяницей, богохульникомъ и полнѣйшимъ негодяемъ, но теперь я и моя жена попадемъ на небо».

№ 11. «Я выслушала проповѣдь на открытомъ воздухѣ и обратилась къ Христу; въ немъ теперь мой свѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я пришла къ нему. У меня трое дѣтей преставилось (gone to glory), и я иду туда, чтобы встрѣтиться съ ними. Мой дорогой мужъ уже отправился туда».

Остальныя рѣчи въ этомъ же родѣ, представляя собой безсвязные обрывки, въ которыхъ говорится о спасеніи, Агнцѣ и Іисусѣ Христѣ. Въ промежуткѣ между рѣчами возобновляется пѣніе, «которое вообще вызываетъ и поддерживаетъ большой интересъ къ митингу и въ то же время необходимо для того, чтобы показать необращеннымъ радость лицъ, принимающихъ участіе въ службѣ». Поютъ съ чувствомъ, но такъ какъ «гармоніи бываетъ мало, то получается иногда большой шумъ». «Но къ чему намъ обращать вниманіе на такіе пустяки?—говоритъ одинъ членъ арміи,—вѣдь каждому хочется пѣть независимо отъ того, имѣетъ ли онъ пріятный голосъ, или нѣтъ». Нерѣдко митингъ прерывается насмѣшливыми замѣчаніями и вопросами со стороны какого-нибудь посѣтителя, но на нихъ армія отвѣчаетъ обыкновенно молчаніемъ,—тактика, которая, по свидѣтельству ея членовъ, быстро пріобрѣтаетъ симпатіи и поддержку со стороны остальной публики. Случаются во время митинговъ и другіе инциденты, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующій характерный отчетъ одного офицера арміи объ устроенномъ имъ митингѣ: «Шестьдесятъ шесть мужчинъ и женщинъ говорило,—сообщаетъ онъ,—десять разъ мы принимались пѣть; съ однимъ мужчиной случился припадокъ, одна женщина упала въ обморокъ, было произнесено благословеніе, все совершилось въ 66 минутъ, и мы пошли по домамъ, восхваляя Бога». Если митингъ бываетъ въ закрытомъ помѣщеніи, то во время или послѣ него устраивается въ складчину чаепитіе, за которымъ завязывается бесѣда членовъ арміи съ посѣтителями. Послѣ митинга предпринимаются иногда процессіи.

Таковы тѣ пріемы, съ помощью которыхъ старалась армія «спасти» пролетаріатъ. Увѣнчивались ли эти старанія успѣхомъ? По отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ несомнѣнно,—фактъ, который не вяжется, повидимому, съ тѣми странными формами, въ которыя облекается употребляемое арміей религіозное воздѣйствіе. Между тѣмъ стóитъ только принять во вниманіе психику тѣхъ лицъ, на которыхъ оказывается религіозное воздѣйствіе, и фактъ этотъ станетъ вполнѣ понятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь армія имѣетъ дѣло съ такъ называемыми подонками общества: съ бродягами, бывшими преступниками, пьяницами, проститутками, бездомными, полуголодными и не имѣющими постоянной работы пролетаріями. Всѣ эти лица

въ большинствѣ случаевъ до того опустились и такъ привыкли встрѣчать со стороны своихъ ближнихъ подозрѣніе, брезгливость или презрѣніе, что въ концѣ-концовъ и сами стали считать себя за отпѣтыхъ людей. И вотъ къ такимъ-то погибшимъ и «падшимъ» существамъ обращаются люди съ теплымъ словомъ братскаго участія, напоминаютъ имъ давно забытыя хорошія слова, подаютъ надежду на спасеніе и открываютъ возможность бросить опостылѣвшій имъ образъ жизни, вступивъ въ ряды арміи. Вполнѣ понятно, что этимъ отверженнымъ людямъ не до того, чтобъ обращать вниманіе или придавать большое значеніе тому, что ихъ благодѣтели одѣты въ необычайный костюмъ и ведутъ себя нѣсколько странно.

Но вѣдь служба въ рядахъ арміи далеко не всякому по силамъ, почему и самые ряды эти сравнительно немногочисленны. Неужели же въ результатѣ массы митинговъ, устраиваемыхъ арміей и днемъ и ночью, въ закрытыхъ помѣщеніяхъ и подъ открытымъ небомъ, было одно лишь пополненіе рядовъ арміи? Неужели тѣ милліоны народа, которые перебывали на этихъ митингахъ, не поддались ея религіозному воздѣйствію? Если судить по изданіямъ и отчетамъ арміи, то можно было бы насчитать сотни тысячъ «спасенныхъ» ею лицъ, такъ какъ не проходитъ будто бы ни одного митинга безъ того, чтобы не обратилось на путь истины нѣсколько человѣкъ. Но вотъ что говоритъ по этому поводу Чарльзъ Бутсъ, безпристрастный изслѣдователь жизни трудящихся классовъ Лондона въ своемъ замѣчательномъ трудѣ: «Я готовъ допустить, что средства, употребляемыя арміей для обращенія, оказываютъ свое дѣйствіе на многихъ; но мнѣ хотѣлось бы получить болѣе достовѣрныя свидѣтельства, чѣмъ тѣ, какія мнѣ приходилось имѣть, для того, чтобъ убѣдиться, что вліяніе, оказываемое чрезмѣрной экзальтаціей и возбужденіемъ, которыя такъ щедро пускаютъ въ дѣло, продолжительно и прочно. Съ другой стороны, нѣчто большее, нежели собственное спасеніе обращенныхъ, должно было бы получиться въ результатѣ самоотверженной жизни, которую ведутъ на самомъ дѣлѣ эти современные крестоносцы» *).

Да и самъ генералъ В. Бутсъ свидѣтельствуетъ въ своей книгѣ, что успѣхи миссіонерской дѣятельности арміи были далеко не такъ велики, какъ можно было бы судить по ея отчетамъ. Такъ, сообщивъ о томъ, что ему удалось сдѣлать для облегченія участи страдающаго человѣчества, В. Бутсъ продолжаетъ: «Это часто достигалось при помощи религіи. Я знавалъ тысячи людей, которые безъ всякой или при самой ничтожной матеріальной помощи, благодаря религіозному воздѣйствію, освобождались отъ пути разврата, порока и преступности, снова становились счастливыми и честными гражданами и вѣрными сынами небеснаго нашего Отца. И тѣмъ не менѣе я постоянно живо чувствовалъ, что средства, обыкновенно указываемыя въ христіанскихъ поученіяхъ и примѣняемыя христіанской филантропіей,

---

*) *Labour and Life of the people.* Vol. I, стр. 126. Edited by Charles Booth. London, 1889.

совершенно несостоятельны, когда дѣло идетъ о борьбѣ съ тяжелыми невзгодами этихъ отверженныхъ классовъ. Спасенныхъ бываетъ очень мало. Они составляютъ ничтожное меньшинство сравнительно съ массою обездоленныхъ, которые борятся съ нуждою и погибаютъ въ ея зіяющей пропасти. Вотъ почему мое человѣколюбіе и христіанское чувство требовали, чтобы найдено было иное, болѣе дѣйствительное средство спасенія гибнущихъ массъ» *). Въ другомъ мѣстѣ своей книги В. Бутсъ обстоятельно разъясняетъ, почему «религіозное воздѣйствіе» не оказало на народныя массы сколько-нибудь прочнаго и замѣтнаго вліянія и въ чемъ заключается «иное, болѣе дѣйствительное средство спасенія гибнущихъ массъ». «Взгляните, въ какихъ условіяхъ живутъ сотни и тысячи обездоленныхъ,—говоритъ В. Бутсъ.—Они до такой степени поглощены заботами о насущныхъ своихъ нуждахъ, подавлены нищетою и отчаяніемъ, что думать о нравственномъ своемъ спасеніи они не въ состояніи... Возьмемъ голоднаго человѣка, который не знаетъ, откуда онъ получитъ хлѣбъ, и даже сомнѣвается, чтобъ онъ его вообще получилъ. Всѣ его помыслы, понятно, будутъ направлены на то, какъ добыть хлѣбъ, безъ котораго онъ обойтись ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Все, что ему нужно, это — хлѣбъ. Его нравственные интересы отступаютъ на задній планъ... Я наблюдалъ за обездоленными съ тѣхъ поръ, какъ впервые столкнулся сорокъ пять лѣтъ тому назадъ съ этой голодной толпой, и я вполнѣ увѣренъ, что при нынѣшнихъ условіяхъ ее нельзя спасти. Нравственное возрожденіе ихъ (обездоленныхъ) немыслимо, если мы ихъ не выведемъ изъ нищеты и отчаянія. Они прежде всего должны имѣть кровъ, хлѣбъ, работу, опрятное жилище и видѣть что-нибудь впереди, кромѣ безконечнаго, однообразнаго, изнурительнаго труда и одинокой смерти въ больницѣ или рабочемъ домѣ» **). Но, предлагая новое средство, В. Бутсъ не отказался отъ прежнихъ. «Этимъ несчастнымъ и обездоленнымъ можно помочь, только добиваясь ихъ нравственнаго перерожденія. Архитекторъ, который вздумалъ бы строить домъ изъ необожженнаго кирпича, былъ бы признанъ помѣшаннымъ. Достоинства плана, затрата капитала, усилія рабочихъ—все это оказалось бы въ этомъ случаѣ тщетнымъ. Надо сперва развести огонь и обжечь кирпичъ. Такъ и въ данномъ вопросѣ. Нельзя разсчитывать на прочное измѣненіе условій существованія и нравственности обездоленныхъ классовъ общества, пока самъ человѣкъ не будетъ измѣненъ» ***). «Во многихъ современныхъ системахъ соціальной реорганизаціи объ этомъ забывается, и хотя я рискую, что слова мои будутъ непоняты или ложно истолкованы, я долженъ заявить категорически, что хлопочу о спасеніи тѣла главнымъ образомъ для того, чтобы спасти душу» ****).

---

*) *В. Бутсъ:* „Въ трущобахъ Англіи“. Переводъ Сементковскаго, стр. XIV. Спб., 1891 г.

**) Ibid., стр. 301—302.

***) Ibid., стр. XV.

****) Ibid., стр. 53

Болѣе опредѣленно формулируетъ В. Бутсъ соотношеніе между новымъ и прежнимъ средствомъ спасенія въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ, соблюденіе которыхъ онъ считаетъ существенно необходимымъ для успѣха задуманнаго имъ предпріятія. «Если характеръ и поведеніе человѣка,—говоритъ онъ,—являются причинами его неудачъ въ житейской борьбѣ, то для успѣха дѣла, необходимо прежде всего измѣнить самого человѣка. Если же причиною паденія человѣка являются внѣшнія условія его жизни, надъ которыми онъ не властенъ, то надо измѣнить эти условія» *).

Такимъ образомъ, матеріальная помощь во всѣхъ ея видахъ и нравственно-религіозное воздѣйствіе—таковы два средства, съ которыми выступилъ В. Бутсъ въ своемъ новомъ планѣ спасенія народныхъ массъ. Къ разсмотрѣнію этого плана мы и переходимъ.

II.

Сущность плана В. Бутса сводится, по его собственнымъ словамъ, «къ образованію изъ обездоленныхъ общинъ самопомощи, нѣчто вродѣ кооперативныхъ обществъ или патріархальныхъ семействъ, управляемыхъ на основаніи принциповъ, которые такимъ блистательнымъ образомъ оправдались на дѣятельности арміи спасенія». Эти общины или колоніи раздѣляются на городскія, земледѣльческія и заморскія. Подъ городскими колоніями Бутсъ подразумѣваетъ цѣлый рядъ учрежденій, которыя, находясь въ самомъ центрѣ трущобъ и человѣческой нищеты, служили бы своего рода «гаванями спасенія» для всѣхъ потерпѣвшихъ крушеніе въ жизни. «Эти колоніи будутъ служить прибѣжищами для обездоленныхъ, удовлетворять ихъ неотложныя нужды, давать имъ временныя занятія, ободрять ихъ надеждою на будущее и подготовлять ихъ къ перерожденію путемъ нравственнаго и религіознаго воздѣйствія. Изъ этихъ колоній многія лица будутъ переводиться на постоянную работу или отсылаться къ друзьямъ, которые, узнавъ объ ихъ нравственномъ перерожденіи, охотно примутъ ихъ. Тѣ же, которые останутся на моихъ рукахъ, подвергнутся своего рода искусу. Послѣ испытанія ихъ искренности, честности, трудолюбія, они будутъ препровождаться въ земледѣльческія колоніи. Здѣсь будетъ продолжаться процессъ перерожденія личности при помощи того же промышленнаго, нравственнаго и религіознаго воздѣйствія, которое началось въ столицѣ. Изъ этой колоніи нѣкоторые колонисты возвратятся къ прежнимъ своимъ профессіямъ, другіе поселятся въ избахъ на участкахъ земли, которые мы имъ отведемъ, или на кооперативныхъ фермахъ, которыя мы намѣрены основать. Большинство же послѣ испытанія и выучки будутъ переведены въ заморскія колоніи». Для устройства подобныхъ колоній В. Бутсъ разсчитывалъ закрѣпить за собою какую-либо территорію въ Южной Африкѣ, Канадѣ или Австраліи, подготовить эту территорію для

*) Ibid., стр. 104—105.

поселенія, водворить тамъ администрацію, постепенно заселить ее подготовленными людьми; съ помощью строгаго управленія и справедливыхъ законовъ сдѣлать изъ колонистовъ свободныхъ гражданъ и положить, такимъ образомъ, основаніе новому государству, которое приметъ со временемъ широкіе размѣры. «Мы увѣрены, — добавляетъ В. Бутсъ, — что это не мечта, а вполнѣ осуществимая мысль» *).

Изъ этихъ трехъ колоній городская, въ свою очередь, развѣтвляется на цѣлый рядъ учрежденій, приноровленныхъ для спасенія слѣдующихъ трехъ категорій пролетаріата: 1) нищихъ, бродягъ, безработныхъ и другихъ «честныхъ» обитателей трущобъ; 2) «рабовъ порока» — проститутокъ и пьяницъ; 3) бывшихъ преступниковъ.

Для послѣдней категоріи «обездоленныхъ» В. Бутсъ проектировалъ создать особую тюремную бригаду и учредить исправительные пріюты. Для борьбы съ порокомъ В. Бутсъ предполагалъ устроить пріюты для падшихъ дѣвушекъ (Rescue Homes) и пріюты для алкоголиковъ. Съ тою же цѣлью арміей былъ созданъ еще ранѣе отрядъ трущобныхъ сестеръ милосердія (Slum sisters). Для оказанія помощи всѣмъ остальнымъ обитателямъ трущобъ должны служить слѣдующія учрежденія: 1) склады дешевой пищи; 2) ночлежные пріюты; 3) рабочія мастерскія; 4) бюро для найма рабочихъ; 5) бригада для собиранія домашнихъ отбросовъ; 6) контора для справокъ о пропавшихъ безъ вѣсти; 7) походный лазаретъ; 8) пріюты для уличныхъ дѣтей; 9) промышленныя школы; 10) пріюты для честныхъ дѣвушекъ и 11) дома для сумасшедшихъ. Кромѣ этихъ мѣропріятій, В. Бутсъ намѣтилъ еще другія, имѣющія цѣлью удовлетворить «законныя стремленія тѣхъ людей, которые хотя и зарабатываютъ хлѣбъ и избѣгли бездны порока и нищеты, но находятся въ трудномъ положеніи». Въ этихъ видахъ В. Бутсъ включилъ въ свою «соціальную схему» еще образцовыя квартиры и подгородныя поселенія; приморскій Уайтчепель, въ которомъ «бѣдный людъ будетъ имѣть то, что достаточные и богатые классы имѣютъ въ Брайтонѣ» совѣщательную контору, третейскій судъ, учрежденіе кооперативныхъ предпріятій разнаго рода, брачную контору, школу домоводства и, наконецъ, информаціонный отдѣлъ (Intelligence Department), въ которомъ сосредоточивались бы свѣдѣнія о всякаго рода соціальныхъ начинаніяхъ и опытахъ.

Уже изъ этого перечисленія задуманныхъ В. Бутсомъ мѣропріятій видно, что его «грандіозное предпріятіе» охватываетъ своими многочисленными развѣтвленіями рѣшительно всѣ отрасли общественнаго призрѣнія и благотворительности; нѣкоторыя же изъ этихъ развѣтвленій переходятъ даже въ область экономической политики. Отмежевывая себѣ такое обширное поле дѣятельности, В. Бутсъ довольно прозрачно даетъ понять читателю, что охотно занялъ бы это поле одинъ съ своей арміей; а то и правительство съ своей нераціональной системой общественнаго призрѣнія, и частныя об-

*) Ibid., стр. 112—115.

щества съ ихъ «филантропическимъ пустозвонствомъ» не оказываютъ бѣднымъ дѣйствительной помощи. «Правительственные пріюты для временно нуждающихся (casual wards),— утверждаетъ В. Бутсъ,— въ лучшемъ случаѣ—не что иное, какъ грязные и зловонные этапные пункты на пути обездоленныхъ къ окончательной гибели». Частная благотворительность также «не достигаетъ существенныхъ результатовъ», хотя на нее тратится въ Англіи около десяти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. «Несмотря на всѣ усилія благотворительныхъ учрежденій, имъ не удается осушить безпредѣльную трясину человѣческихъ бѣдствій. Все, что въ ихъ силахъ,—это помочь отдѣльнымъ лицамъ выкарабкаться изъ нея. Конечно, лучше помогать отдѣльнымъ лицамъ, кормить ихъ изо дня въ день, перевязывать ихъ раны и лѣчить ихъ болѣзни, чѣмъ ничего не дѣлать; но нельзя двинуть вопроса, продолжая топтаться на одномъ мѣстѣ. Къ тому же, всѣ авторитеты сходятся во мнѣніи, что если вы удовольствуетесь теперешнею благотворительностью, то вы, по всей вѣроятности, лишь усилите зло, противъ котораго хотите бороться, и что въ такомъ случаѣ лучше отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ этотъ вопросъ» *).

Указывая на недостатки общественнаго призрѣнія и частной благотворительности, В. Бутсъ подчеркиваетъ въ то же время преимущества своего плана. «Мой планъ,— говоритъ онъ,— обнимаетъ собою всѣ классы и категоріи людей, которые могутъ оказаться въ безпомощномъ положеніи, независимо отъ ихъ недостатковъ или поведенія, и имѣетъ цѣлью доставить имъ средства существованія и сравнительныя удобства подъ единственнымъ условіемъ, чтобъ они желали работать и подчинялись дисциплинѣ... Мой планъ направленъ къ тому, чтобъ измѣнить тѣхъ лицъ, которыя по своей винѣ дошли до гибели... Нашъ планъ клонится къ измѣненію внѣшнихъ обстоятельствъ жизни такихъ людей, которые обѣднѣли вслѣдствіе какого-либо несчастнаго случая. Однако, главная задача нашего плана— дать работу людямъ, страдающимъ отъ безработицы. Въ теченіе вѣковъ умы экономистовъ и филантроповъ заняты вопросомъ: какъ найти работу для всѣхъ, кто въ ней нуждается? Никакая другая помощь, помимо пріисканія работы, не можетъ быть дѣйствительна... Каждый человѣкъ найдетъ себѣ у насъ работу по своимъ силамъ и способностямъ, хлѣбопекъ будетъ печь хлѣбъ для всей общины, портной — шить платье для всѣхъ, сапожникъ—тачать сапоги для всѣхъ, поваръ будетъ готовить для всѣхъ, а земледѣлецъ—пахать поле для всѣхъ. Всякій будетъ приносить какую-либо пользу общинѣ своими знаніями, будетъ приставленъ къ своей спеціальности, а лицъ, ничего не умѣющихъ, мы обучимъ какому-либо ремеслу... Мой планъ удаляетъ порочныхъ и преступныхъ людей изъ той среды, въ которой они пали. Оказывая помощь одному общественному классу, мой планъ не наноситъ никакого вреда интересамъ остальныхъ... Дѣйствіе моего плана отразится немедленно и осязательно не только на

*) Ibid., стр. 91.

спасенныхъ, но и на тѣхъ, кого намъ спасти на первый разъ еще не удастся. И они почувствуютъ его благотворное вліяніе, такъ какъ, отвлекая сто человѣкъ, мы избавимъ остальныхъ отъ опасныхъ конкуррентовъ... Мой планъ будетъ дѣйствовать непрерывно. *Это будетъ не временное средство, вродѣ тѣхъ, которыя до сихъ поръ пускались въ ходъ. Общественныя работы, народныя кухни, эмиграція, благотворительность въ безчисленныхъ ея видахъ, рабочіе дома, дома для призрѣнія нищихъ и всѣ эти многообразныя средства лѣченія болѣзни помогаютъ только временно и слѣдовательно являются лишь палліативами. Но мой планъ,—я смѣло это могу сказать,—представляетъ радикальное и постоянно дѣйствующее средство*... Три милліона людей живутъ въ безвыходной нищетѣ, и ихъ надо вывести изъ ужаснаго положенія. Это — грандіозная задача, но она *можетъ* быть осуществлена при помощи моего плана, и она при нѣкоторомъ счастьи *будетъ* осуществлена. Конечно, исцѣленіе не совершится разомъ,—на это потребуется время; тѣмъ не менѣе, вліяніе моего плана на обездоленныя массы проявится немедленно. Мы будемъ извлекать изъ бездны нищеты и отчаянія по крайней мѣрѣ сотню людей еженедѣльно, и нѣтъ основанія думать, что это число не будетъ постоянно увеличиваться» *).

Но, несмотря на такую увѣренность въ успѣхѣ своего предпріятія, В. Бутсъ, тѣмъ не менѣе, счелъ необходимымъ на первый разъ нѣсколько сузить его рамки, рѣшивъ имѣть дѣло пока только съ тѣми обездоленными, о которыхъ не заботится ни правительство, ни общество; больныхъ и престарѣлыхъ онъ также рѣшилъ оставить пока въ покоѣ. Для осуществленія своего предпріятія въ этихъ болѣе скромныхъ размѣрахъ В. Бутсъ потребовалъ 100,000 ф. ст., вполнѣ достаточныхъ, по его мнѣнію, для устройства всѣхъ трехъ колоній; «дальнѣйшія издержки будутъ уже ничтожны, потому что отдѣльныя операціи будутъ сами окупаться». Эти ничтожныя издержки В. Бутсъ исчислилъ въ 30,000 ф. ст. Болѣе опредѣленныхъ расчетовъ, которые показывали бы число, характеръ, размѣръ и стоимость предположенныхъ къ открытію учрежденій, В. Бутсъ не представилъ. Несмотря на это деньги, потребованныя имъ отъ англійскаго общества, были получены, и «грандіозное предпріятіе» изъ области предположеній и мечтаній перешло въ дѣйствительность.

Попробуемъ же ознакомиться съ ходомъ и результатами этого предпріятія, насколько выяснились они за истекшій промежутокъ времени.

III **).

Городская колонія, основаніе которой было положено В. Бутсомъ еще до выхода его книги, представляетъ въ настоящее время обширную сѣть

*) Ibid., стр. 294—302. Курсивъ въ первомъ случаѣ нашъ, а въ двухъ послѣднихъ—подлинника.

**) Источниками настоящей главы послужили слѣдующія изданія арміи спасенія: „The „Darkest England“ Social Scheme. A brief Review of the first year's Work“.

разнаго рода учрежденій. Бо́льшая часть ихъ имѣетъ цѣлью помочь бродягамъ, нищимъ и рабочимъ, потерявшимъ заработокъ и очутившимся безъ всякихъ средствъ существованія. Ночлежные пріюты въ соединеніи со складами дешевой пищи доставляютъ этимъ лицамъ кровъ и пищу, а посредническая контора и рабочія мастерскія обезпечиваютъ имъ заработокъ.

Устройствомъ ночлежныхъ пріютовъ В. Бутсъ расчитывалъ избавить бѣдный людъ отъ необходимости подвергаться ужасамъ, связаннымъ, по его мнѣнію, съ ночевкой въ правительственныхъ пріютахъ (casual wards) и частныхъ ночлежныхъ домахъ.

Въ этихъ видахъ, плата, взимаемая въ пріютахъ арміи за ночлегъ и пищу, крайне мала, не превышая шести пенсовъ, а удобства, доставляемыя пріютами, сравнительно велики. Пріюты хорошо отапливаются и освѣщаются, провѣтриваются и содержатся въ большой чистотѣ; въ каждомъ пріютѣ посѣтители могутъ получить задаромъ горячую и холодную воду для умыванья и полотенце. Родъ пищи и приспособленій для спанья зависитъ отъ размѣра платы. Такъ, за одинъ пенсъ посѣтитель получаетъ лишь отдѣльное мѣсто для спанья и кусокъ хлѣба; за полпенса лишнихъ онъ можетъ получить горячій супъ. За два пенса посѣтитель получаетъ матрацъ, подушку и одѣяло; за четыре пенса онъ получаетъ, сверхъ того, какао, кофе или чай съ хлѣбомъ къ ужину и завтраку. Въ тѣхъ же пріютахъ, гдѣ за входъ взимается 4 и 6 пенсовъ, къ услугамъ посѣтителей имѣется особая комната для бесѣдъ и чтенія. Въ исключительныхъ случаяхъ пища выдается безплатно, на что ассигнуются особыя пожертвованія. Около 8 ч. вечера въ каждомъ пріютѣ устраивается митингъ, присутствіе на которомъ необязательно. Послѣ митинга члены арміи «обходятъ скамьи и, замѣтивъ человѣка, на котораго пѣніе и разсказъ произвели впечатлѣніе, садятся возлѣ него и, вступая въ бесѣду, стараются оказать на него нравственное воздѣйствіе». По послѣднему отчету 1896 г., общее количество ночлежныхъ пріютовъ, устроенныхъ арміей въ Великобританіи, доходитъ до 40 *), съ приспособленіями на 5,172 человѣкъ обоего пола; одинъ пріютъ устроенъ спеціально для дѣтей. О дѣятельности пріютовъ и складовъ дешевой пищи даютъ понятіе слѣдующія цифры:

London, 1891.—„Work in Darkest England. 1894. Bramwell Booth". London, 1894.—„Light in Darkest England. 1895. A Review of the year by Bramwell Booth". London, 1895.—„The Darkest England Scheme. Notes on the Work in 1896 mith Review by *General Booth*. By Bramwell Booth". London, 1896. — „Women's Rescue and Social Work of the Salvation Army: 1) Quenched: Report and Balance Sheets 1895—96. 2) The Hand of Love. Report and Statements of Accounts 1896—97".

*) Эта цифра, очевидно, ошибочна, такъ какъ въ 1894 г. армія имѣла всего 21 пріютъ на 5,418 ч.; а въ 1895 г.—23 пріюта на 5,450 ч. Выходитъ, такимъ образомъ, что за 1896 г. число пріютовъ возросло на 16, количество же приспособленій для спанья уменьшилось на 278. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что статистическія данныя, приводимыя въ отчетахъ арміи спасенія, въ высшей степени неполны и не совсѣмъ точны; данныя же за 1896 г., кромѣ того, и перепутаны.

	За 1896 г.	За все время существованія пріютовъ.
Число сдѣланныхъ посѣщеній. . . .	1.339,246	6.382,471
Число проданныхъ порцій пищи. . .	3.231,917	18.324,641
Число устроенныхъ митинговъ. . . .	5,353	26,927

Что касается стоимости разсмотрѣнныхъ учрежденій, то нельзя сказать, чтобъ они всегда окупались, на что надѣялся В. Бутсъ. Правда, въ 1894 и 1895 гг. *мужскіе* ночлежные пріюты окупились; но за то въ слѣдующемъ году какъ мужскіе, такъ и женскіе пріюты принесли убытка приблизительно на 4,000 р., при затратѣ на нихъ около 345,000 р. Въ 1891 г. убытокъ былъ еще больше—15,000 р.

Посредническихъ конторъ для найма рабочихъ (Labour Bureau) учреждено арміей—21. О дѣятельности ихъ даютъ понятіе слѣдующія данныя:

	За 1891 г.	За 1894 г.	За 1895 г.	За 1896 г.	Съ 1890 г. по 1896 г.
Обратилось работодателей. . .	1,445	248	—	—	—
Обратилось рабочихъ.	15,697	11,091	15,923	11,142	67,115
Пристроено къ мѣстамъ . . .	4,863	5,159	19,372	11,898	48,637

Въ отчетахъ за 1891 и 1894 годы, кромѣ приведенныхъ цифръ, указывалось число мужчинъ и женщинъ, ищущихъ работы, число лицъ, отправленныхъ въ мастерскія арміи, количество лицъ, которымъ было найдено постоянное или временное занятіе, и сообщалось, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ контора доставляетъ лишь временное занятіе. Въ отчетахъ же за два послѣдніе года подобныхъ свѣдѣній не приводится и вообще о дѣятельности посреднической конторы не говорится ни слова; такъ что самому читателю предоставляется догадываться, какимъ образомъ работа была найдена для бо́льшаго количества лицъ, чѣмъ какое обратилось въ контору. Но куда же пристраиваетъ контора своихъ кліентовъ, разъ работодатели перестали въ нее обращаться? Да почти исключительно въ мастерскія и другія учрежденія арміи, гдѣ они находятъ, конечно, лишь временное занятіе.

Такимъ образомъ, разсмотрѣнное учрежденіе отнюдь не является посреднической конторой между работодателями и рабочими, а скорѣе пріемной арміи, гдѣ она принимаетъ лицъ, обращающихся къ ней за помощью, сортируетъ ихъ и распредѣляетъ по своимъ многочисленнымъ учрежденіямъ. Содержаніе посреднической конторы обошлось въ 1895 г. около 12,900 р., причемъ былъ полученъ небольшой дефицитъ въ 1,320 р.; въ 1896 г. дефицитъ уменьшился до 1,200 р.

Среди всѣхъ учрежденій, составляющихъ городскую колонію, особенно выдающееся мѣсто занимаютъ рабочія мастерскія. Цѣлью ихъ является дать возможность человѣку безъ всякихъ средствъ существованія заработать на пищу и ночлегъ и тѣмъ самымъ перебиться временно впредь до пріисканія работы. На дверяхъ этихъ мастерскихъ можетъ быть написано, по мнѣнію В. Бутса, слѣдующее изреченіе: «Ни для кого нѣтъ необходи-

кости голодать, попрошайничать, нищенствовать, воровать или лишать себя жизни. Если онъ согласенъ работать, пусть придетъ сюда».

Но этимъ назначеніе мастерскихъ не ограничивается. Онѣ должны являться, по мысли В. Бутса, «гаванью спасенья», «элеваторами», въ которыхъ совершалось бы нравственное возрожденіе всѣхъ лицъ, которыя только туда попадаютъ. Но и этого мало. «Наши мастерскія,—писалъ по ихъ поводу В. Бутсъ,—дадутъ намъ возможность противодѣйствовать эксплоатаціи труда. Такъ, напримѣръ, мы приступимъ къ изготовленію спичечныхъ коробковъ и надѣемся, что намъ можно будетъ платить втрое больше, чѣмъ зарабатываютъ теперь на этомъ дѣлѣ голодающіе рабочіе».

Подобныхъ мастерскихъ насчитывается въ настоящее время 11, и въ нихъ бываетъ занято ежедневно до 1,400 мужчинъ и женщинъ. Поступаютъ въ мастерскія, главнымъ образомъ, лица, побывавшія предварительно въ ночлежныхъ пріютахъ и посреднической конторѣ. Лишь около 10% всѣхъ поступающихъ присылается въ мастерскія благожелателями арміи Главный контингентъ поступающихъ составляютъ, по словамъ отчетовъ, чернорабочіе (unskilled labourers); но встрѣчаются и болѣе искусные рабочіе, ремесленники, купцы, юристы, доктора и лица другихъ профессій. Лица, обязанныя содержать родныхъ, принимаются въ мастерскія лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Занимаются въ мастерскихъ пилкой дровъ, плотничьими, столярными и токарными работами; набивкой матрацовъ; щеточнымъ, корзиночнымъ, портняжнымъ и башмачнымъ мастерствомъ; производствомъ тамбуриновъ, издѣлій изъ жести, мѣшковъ и циновокъ; сортировкой и переработкой домашнихъ отбросовъ и, наконецъ, производствомъ всѣхъ работъ, какія только требуются для удовлетворенія многочисленныхъ потребностей арміи.

Женщины занимаются стиркой бѣлья, бѣлошвейнымъ и вязальнымъ мастерствомъ и разнаго рода домашними работами. Наконецъ, для противодѣйствія эксплоатаціи рабочихъ арміей учреждена небольшая спичечная фабрика и переплетная мастерская, которыя носятъ въ отчетахъ громкое названіе «anti-sweating establischments».

Издѣлія, изготовляемыя въ мастерскихъ, идутъ на удовлетвореніе многочисленныхъ потребностей арміи; тѣ же, которыя поступаютъ на рынокъ, продаются не дешевле рыночной цѣны. Рабочій день въ мастерскихъ равняется восьми часамъ. Всѣ лица, поступающія въ мастерскія, заносятся сперва въ третій классъ и за свою работу получаютъ лишь ночлегъ и пищу. По мѣрѣ того, какъ поведеніе ихъ улучшается, и они обнаруживаютъ бо́льшую охоту и умѣнье работать, они переводятся въ слѣдующій классъ, гдѣ получаютъ лучшую пищу и болѣе комфортабельный ночлегъ. Наконецъ, лица, переведенныя въ первый классъ, получаютъ за свою работу незначительную плату, двѣ трети которой выдаются на руки, а остальная треть удерживается и выдается имъ лишь при оставленіи мастерской на дорогу и покупку платья. Самая высокая плата, которую можетъ получить лишь наиболѣе искусный («skilled») рабочій, пять шиллинговъ въ недѣлю.

Подобная система вознагражденія дѣйствуетъ на рабочихъ, по словамъ отчетовъ, очень благопріятно, пробуждая въ нихъ чувство собственнаго достоинства и стремленіе къ соревнованію. Той же цѣли «нравственнаго возрожденія» служатъ частыя молитвы и митинги, устраиваемые ежедневно съ 7 час. 45 м. до 9 час. вечера. Посѣщеніе этихъ митинговъ обязательно: «спальни въ это время запираются, и никому не позволяется оставаться въ комнатахъ, предназначенныхъ для стирки и сушки бѣлья подъ предлогомъ мытья своего платья» *).

Прежде чѣмъ перейти къ результатамъ, достигнутымъ арміей спасенія при помощи ея мастерскихъ, посмотримъ, какъ организованы В. Бутсомъ собираніе и утилизація домашнихъ отбросовъ, оригинальное предпріятіе, на которое В. Бутсъ возлагалъ самыя радужныя надежды. Это предпріятіе ведется въ довольно широкихъ размѣрахъ, занимая до 400 (?) человѣкъ. Особые «коллекторы» съ ручными тачками и мѣшками объѣзжаютъ еженедѣльно дома тѣхъ лицъ, которыя согласились жертвовать домашніе отбросы арміи спасенія. Такихъ лицъ насчитывается въ одномъ Лондонѣ до 8,000. Коллекторы, забирая мѣшки, наполненные всякаго рода отбросами, оставляютъ взамѣнъ ихъ пустые. Въ мастерскихъ мѣшки съ отбросами поступаютъ въ руки особыхъ сортировщиковъ, которые вываливаютъ ихъ сперва въ особыя рѣшета. Мелкіе отбросы, грязь и соръ (a great deal of the dust and dirt), которые получаются въ результатѣ такого просѣиванія, утилизируются въ качествѣ топлива. Оставшіяся вещи и отбросы сортируются и распредѣляются въ зависимости отъ рода, объема, качества и цѣнности на 30 или 40 кучекъ и затѣмъ продаются. «Ничто не пропадаетъ; почти ничего не бываетъ, что не имѣло бы какой либо цѣнности».

Въ отчетѣ 1895 г. приведены слѣдующія цифры, показывающія, въ какихъ размѣрахъ ведутся описанныя операціи.

Собрано было.	156	тоннъ	всякаго	рода	отбросовъ.
Вышло изъ сортировки. . .	148	»	»	»	»
Отобрано для продажи . . .	120	»	»	»	»
Хранится въ кладовыхъ въ несортированномъ видѣ. .	436	»	»	»	»

На всѣ операціи, связанныя съ утилизаціей отбросовъ, было издержано въ 1895 г. болѣе 170,000 р. и получено убытка болѣе 21,000 р. Въ слѣдующемъ году издержано было нѣсколько болѣе—около 193,140 р., а убытка получено менѣе—14,690 руб. Такимъ образомъ, и разсмотрѣнная часть плана В. Бутса осуществилась далеко не въ томъ видѣ, какъ онъ предполагалъ. Армія спасенія собираетъ всякаго рода отбросы, тогда какъ предполагалось собирать только такіе «предметы, которыхъ никто не со-

*) The „Darkest England“ Social Scheme. London., 1891 г., стр. 43. Въ книгѣ самого Бутса, вышедшей годомъ ранѣе названнаго отчета, и въ другихъ менѣе подробныхъ отчетахъ утверждается, что посѣщеніе митинговъ необязательно, но ничего не говорится о томъ, запираются ли во время ихъ спальни и прачечная.

бираетъ», съ тѣмъ, чтобы не вступать въ конкурренцію ни съ «тряпичникомъ, совершенно необезпеченнымъ въ своемъ насущномъ хлѣбѣ», ни съ благотворительными учрежденіями, которыя собираютъ уже для бѣдныхъ разнаго рода отбросы *). Затѣмъ большинство собираемыхъ арміей вещей поступаетъ въ продажу; между тѣмъ какъ В. Бутсъ предполагалъ утилизировать ихъ иначе: такъ изъ жестянокъ, «самыхъ прибыльныхъ отбросовъ», онъ расчитывалъ «основать отрасль промышленности, которая теперь составляетъ монополію Франціи». Но ни объ этихъ жестянкахъ, ни вообще о какой-либо переработкѣ иныхъ отбросовъ въ отчетахъ ничего не говорится. Наконецъ, В. Бутсъ расчитывалъ, что разсматриваемая «отрасль дѣятельности арміи послужитъ источникомъ значительныхъ доходовъ». Въ дѣйствительности оказалось обратное.

Не оправдались расчеты В. Бутса и относительно переплетной мастерской и спичечной фабрики. Оба эти предпріятія эксплоатаціи рабочихъ въ аналогичныхъ частныхъ предпріятіяхъ нисколько не уменьшили, а убытка принесли арміи не мало. Еще переплетная мастерская въ нѣкоторые годы окупала свои издержки; да и дѣла спичечной фабрики пошли было недурно; по крайней мѣрѣ въ 1891 г. на нее было издержано 4,813 ф. ст., выручено же отъ продажи товара 2,638 ф. ст. и осталось непроданнаго товара на 2,649 ф. ст.; при этомъ и работницы получали хотя и не втрое и не вдвое больше обычной платы, но все-таки нѣсколько большую плату, чѣмъ въ другихъ аналогичныхъ предпріятіяхъ. Но такъ шли дѣла не долго. Уже въ 1894 г. составитель отчета Bramwell Booth долженъ былъ констатировать дефицитъ въ 5,000 руб., полученный фабрикой, и вмѣстѣ съ тѣмъ признаться, что своей цѣли это «antisweating establischment» не достигло. И въ слѣдующіе годы фабрика принесла дефицитъ, причемъ въ 1895 г. онъ возросъ до 8,410 р.

Что касается общей стоимости мастерскихъ, то о ней даютъ понятіе слѣдующія цифры, обозначающія величину расходовъ и дефицита и еженедѣльную стоимость содержанія человѣка въ мастерской за вычетомъ стоимости сработанныхъ имъ издѣлій.

Годы.	Расходъ.	Дефицитъ.	Еженедѣльная стоим. содержанія.
1891	211,440 р.	6,650 р.	—
1894	345,180 »	13,580 »	1 р.
1895	469,980 »	38,800 »	1 »
1896	515,020 »	11,710 »	58 к.

Всматриваясь въ эту табличку, нельзя не замѣтить, что вплоть до послѣдняго года дефицитъ возрасталъ гораздо быстрѣе расходовъ; значительное уменьшеніе его въ 1896 г. объясняется тѣмъ, что въ этомъ году бы-

*) Въ парламентской коммиссіи, изслѣдовавшей положеніе англійскихъ рабочихъ, было засвидѣтельствовано нѣсколько случаевъ подобной конкурренціи. См. *The labour question by T. Spyers*, стр. 164. London, 1894 г.

ло принято въ мастерскія 1,239 лицами менѣе, чѣмъ въ предшествующемъ. Еще болѣе бросается въ глаза тотъ странный фактъ, что еженедѣльная стоимость содержанія человѣка въ мастерскихъ была въ 1894 и 1895 годахъ одна и та же, несмотря на громадную разницу въ дефицитѣ. Какимъ образомъ могло это произойти, объ этомъ въ отчетахъ не говорится ни слова. Таковы финансовые результаты мастерскихъ арміи.

Посмотримъ, удовлетворяютъ ли мастерскія своему назначенію—служить для бѣднаго люда «гаванями спасенія» или «элеваторами», въ которыхъ совершалось бы его нравственное возрожденіе. Объ этой сторонѣ дѣла свидѣтельствуютъ слѣдущія данныя, имѣющіяся, къ сожалѣнію, лишь въ отчетахъ 1891 и 1895 годовъ.

	Въ 1891 г.	Въ 1895 г.
Пристроено къ мѣсту, занятію или отослано къ друзьямъ	352	1,081
Получило временную помощь.	857	1,350
Отправлено въ земледѣльческую колонію.	291	91
Отправлено въ госпиталь.	75	177
Удалено изъ мастерскихъ и покинуло ихъ.	183	1,041
Оставалось въ мастерскихъ	322	—
Всего перебывало въ мастерскихъ. . .	2,080	3,740

Въ отчетѣ 1896 г. приведено лишь число лицъ, побывавшихъ въ мастерскихъ въ продолженіе этого года—2,501, и общее количество лицъ, побывавшихъ въ мастерскихъ за все время ихъ существованія—15,305. Но ни въ этомъ послѣднемъ отчетѣ, ни въ предшествовавшихъ совсѣмъ не приводится свѣдѣній о повторныхъ посѣщеніяхъ; вслѣдствіе этого и число лицъ, перебывавшихъ въ мастерскихъ, является, очевидно, выше дѣйствительнаго. Обращаясь къ вышеприведенной табличкѣ, нельзя не обратить вниманія на значительное число лицъ, которымъ была оказана временная помощь. Подъ ними слѣдуетъ разумѣть, по словамъ отчета, такихъ лицъ, «которымъ по дорогѣ къ мѣсту работы понадобилось переночевать, и которыя обратились поэтому въ посредническую контору съ просьбой отправить ихъ въ мастерскія, гдѣ они могли бы заработать себѣ пищу и ночлегъ». Въ эту же рубрику включены и лица, «которыя покинули мастерскія, послѣ того, какъ нѣсколько отдохнули и возъимѣли надежду сами найти себѣ занятіе». Но что же собою эти лица представляютъ? Рабочихъ, потерявшихъ работу или профессіональныхъ нищихъ и бродягъ? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ въ отчетахъ нѣту. Но многолѣтній опытъ германскихъ рабочихъ колоній, основанныхъ на тѣхъ же началахъ, что и мастерскія арміи, свидѣтельствуетъ, что главный контингентъ ихъ посѣтителей составляютъ бывшіе преступники, нищіе и бродяги. Что послѣдніе посѣщаютъ въ значительной степени мастерскія арміи спасенія, это доказывается уже одной наличностью повторныхъ посѣщеній; кромѣ того, объ этомъ свидѣтельствуетъ и одинъ безпристрастный и компетентный свидѣ-

тель полковникъ Даніель, главный констэбль Гертфордшира, по мнѣнію котораго дѣятельность арміи спасенія является наиболѣе плодотворной и благодѣтельной по отношенію къ бродягамъ.

Но кого бы ни подразумѣвать подъ лицами, коимъ была оказана временная помощь, одно несомнѣнно: о томъ «великомъ исправленіи характера, которое является истиннымъ ключомъ къ прочному измѣненію обстоятельствъ» по отношенію къ этимъ лицамъ, не можетъ быть и рѣчи. По отношенію къ лицамъ, отправленнымъ въ земледѣльческую колонію для дальнѣйшаго «тренированія», покинувшимъ мастерскія или удаленнымъ изъ нихъ, также приходится констатировать, что нравственно-религіозное воздѣйствіе арміи оказалось недостаточнымъ или прямо-таки безрезультатнымъ. Да и какъ можетъ это воздѣйствіе быть успѣшнымъ, когда въ мастерскихъ соприкасаются и рабочій, потерявшій заработокъ, и алкоголикъ, и профессіональный бродяга? Лица же всѣхъ перечисленныхъ категорій составляютъ, по даннымъ обоихъ годовъ, около двухъ третей всѣхъ лицъ, перебывавшихъ въ мастерскихъ. Не имѣется никакихъ основаній предполагать, что и лицамъ, «пристроеннымъ арміей къ какому-либо мѣсту или занятію», «была доставлена этимъ самымъ возможность начать новую жизнь». По крайней мѣрѣ данныя, которыя свидѣтельствовали бы, каково поведеніе этихъ лицъ на мѣстѣ и насколько постояннымъ оказалось пріисканное арміей занятіе, ею не собираются.

Такимъ образомъ, мастерскія В. Бутса, предназначавшіяся имъ для противодѣйствія эксплоатаціи рабочаго класса, для его нравственнаго возрожденія, оказались въ дѣйствительности скорѣе гаванями отдохновенія для профессіональныхъ бродягъ и нищихъ, чѣмъ «гаванями спасенія» для рабочихъ.

Разсмотрѣнными учрежденіями дѣятельность арміи спасенія на пользу бѣднаго люда еще не ограничивается. Съ цѣлью болѣе быстрой и дѣйствительной помощи обитателямъ трущобъ, армія устроила въ нихъ до 40 постовъ, находящихся въ завѣдываніи 82 «трущобныхъ сестеръ милосердія». Дѣятельность этого отряда заключается въ ознакомленіи съ нуждами бѣдняковъ и подачѣ имъ посильной помощи. Слѣдующія данныя за 1896 годъ болѣе опредѣленно характеризуютъ дѣятельность этихъ сестеръ милосердія:

Посѣщено семей съ цѣлью проповѣди	48,982
Всего посѣщено семей.	58,573
Оказана помощь больнымъ	3,325
Посѣщено увеселительныхъ заведеній	19,653
Организовано митинговъ въ частныхъ ночлежн. домахъ	300
Посѣщено домовъ терпимости съ цѣлью проповѣди. .	31
Число часовъ, употребленныхъ на посѣщенія	32,875

Въ среднемъ, стало быть, на одно посѣщеніе приходится около 25 минутъ—время, вполнѣ достаточное для произнесенія проповѣди, но не для распространенія порядка и чистоты въ домахъ, ослабленія пьянства, рас-

пространенія любви къ труду и вообще для оказанія той дѣйствительной помощи, о которой свидѣтельствуютъ текстъ отчетовъ. Несомнѣнно, приведенныя цифры раздуты, чтобы представить дѣятельность арміи въ болѣе благопріятномъ видѣ; въ результатѣ оказалась скрытой и скомпрометированной та дѣйствительная помощь, которую, можетъ быть, и оказываютъ эти своеобразныя сестры милосердія.

Изъ случайныхъ мѣропріятій арміи спасенія на пользу бѣднаго люда слѣдуетъ упомянуть о выдачѣ пособій эмигрирующимъ лицамъ; на этотъ предметъ было издержано въ 1891 г. около 950 р.; въ слѣдующіе годы подобный расходъ не повторялся. Затѣмъ въ 1894 году была учреждена справочная контора для бѣдныхъ, причемъ было издержано на нее около 3,940 р.; въ слѣдующемъ году расходъ былъ уменьшенъ до 1,160 р., а въ 1896 году объ этой конторѣ нигдѣ въ отчетѣ не упоминается.

Переходимъ къ обзору мѣропріятій арміи, предпринимаемыхъ ею для спасенія «рабовъ порока».

Здѣсь на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить учрежденіе особаго рода пріютовъ для исправленія уличныхъ женщинъ и обращенія ихъ на путь добродѣтели. Эти пріюты пользуются большою популярностью среди англійскаго общества, и на устройство ихъ жертвуются значительно бóльшія суммы, чѣмъ на какія-либо другія учрежденія арміи. Въ 1895 году было пожертвовано на эти пріюты около 41,680 р., а въ 1896 г. еще болѣе—57,490 р.,—фактъ, краснорѣчиво говорящій, насколько созрѣло въ англійскомъ обществѣ сознаніе необходимости оказать помощь несчастнымъ жертвамъ проституціи. Въ настоящее время армія насчитываетъ 16 пріютовъ; при трехъ изъ нихъ устроенъ покой для беременныхъ (Maternity House), при двухъ—школа для обученія прислуги, нянекъ, кормилицъ, и при одномъ—ясли.

Для привлеченія уличныхъ женщинъ въ свои пріюты армія организовала особыя «ночныя бригады», которыя съ этой цѣлью совершаютъ обходы многолюдныхъ улицъ, домовъ терпимости и другихъ подобныхъ заведеній. Въ 1896 г. офицеры этой своеобразной бригады имѣли дѣло съ 3,858 уличными женщинами, посѣтили 611 домовъ терпимости и 1,156 другихъ подобныхъ вертеповъ. Кромѣ проститутокъ въ пріюты принимаются и женщины, выпускаемыя изъ тюремъ.

Средства, употребляемыя въ пріютахъ для исправленія поступающихъ въ нихъ женщинъ, тѣ же, что и въ другихъ учрежденіяхъ арміи, т.-е. частыя молитвы, митинги и работы. Изъ послѣднихъ въ ходу стирка бѣлья, вязанье, шитье и другія рукодѣлья, переплетаніе книгъ и разнаго рода домашнія работы.

Каждая женщина остается въ пріютѣ въ среднемъ около четырехъ мѣсяцевъ. Но и по оставленіи пріюта она не прерываетъ съ нимъ сношеній, заходя туда по праздникамъ или же переписываясь съ администраціей. Въ 1896 г. во всѣхъ пріютахъ перебывало 1,535 женщинъ; изъ нихъ:

поступило въ услуженіе или получило иное занятіе	743
отослано къ мужу, роднымъ и друзьямъ	275
поступило на фабрики и другія промышленныя заведенія	64
отправлено въ больницы и другіе пріюты	184
вышло замужъ и эмигрировало	3
оказалось плохого поведенія	266
	1,535

За все время существованія пріютовъ (съ 1884 по 1896 г.) въ нихъ перебывало 14,032 женщинъ; изъ нихъ 11,048, т.-е. болѣе 78%, было пристроено къ занятіямъ или отослано къ друзьямъ. Но изъ пристраиваемыхъ такимъ путемъ женщинъ по прошествіи трехъ лѣтъ лишь 85% оказываются хорошаго поведенія, 9% теряются изъ виду и 6% попадаютъ на прежній путь порока. Результаты, которыхъ нельзя не признать крайне благопріятными, хотя слѣдуетъ замѣтить, что абсолютныя цифры, изъ которыхъ выведены эти проценты, въ отчетахъ не приводятся и сами эти проценты повторяются изъ года въ годъ.

Въ тѣсной связи съ описанными учрежденіями возникъ особый, такъ называемый, «сыскной департаментъ» (Enquire Deparŧement), въ задачу котораго входитъ разыскивать пропавшихъ безъ вѣсти женщинъ и лицъ, злоупотребившихъ чьей-либо невинностью, для доставленія ихъ въ судъ. Въ 1896 г. въ названный департаментъ подано было 1,530 заявленій о пропавшихъ женщинахъ; 505 изъ нихъ удалось разыскать.

Въ 1896 г. арміей былъ открытъ пріютъ для женщинъ алкоголиковъ, на сколько человѣкъ—въ отчетѣ не сказано. Паціентки этого пріюта раздѣляются на три класса: 1) на лицъ вполнѣ состоятельныхъ, которыя могутъ платить за свое содержаніе; 2) на менѣе состоятельныхъ, которыя могутъ дѣлать лишь небольшіе взносы, и, 3) наконецъ, на такихъ, у которыхъ никакихъ матеріальныхъ средствъ не имѣется. «Спасеніе, симпатія и горячая вѣра являются тѣми лѣкарствами, которыя употребляются для лѣченія этой ужасной болѣзни, и майоръ Рейнгольдсъ (завѣдующій пріютомъ) сообщаетъ уже о значительныхъ успѣхахъ. Паціентки остаются въ пріютѣ отъ шести до двѣнадцати мѣсяцевъ». На медицинскую помощь пріютомъ не было издержано ни копейки.

Бюджетъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ учрежденій таковъ *):

	Израсходовано.	Выручено.
На всѣ лондонскіе пріюты	58,260 р.	23,990 р.
» всѣ провинціальные пріюты	33,280 »	31,450 »
» сыскной департаментъ	10,600 »	6,090 »

*) Къ приведеннымъ въ табличкѣ расходамъ слѣдовало бы присоединить часть издержекъ по центральному управленію всѣми учрежденіями, предназначенными для женщинъ (women's work), и часть издержекъ на женскія мастерскія. Но сдѣлать это оказалось невозможнымъ, такъ какъ эта искомая часть издержекъ въ отчетахъ не выдѣляется. Слѣдуетъ отмѣтить и другую неточность приведенной таблички. Провинціальными пріютами выручено не 31,450 руб., а гораздо меньше, такъ какъ въ отчетѣ включены въ эту сумму и пожертвованія.

Содержаніе одной женщины въ пріютѣ обходится въ среднемъ нѣсколько болѣе 2 ф. ст. (около 20 р.), за вычетомъ, конечно, стоимости ея работы.

Для спасенія преступныхъ обитателей трущобъ арміей устроенъ въ Лондонѣ также особый пріютъ. Для привлеченія въ него лицъ, выпускаемыхъ изъ тюремъ, у воротъ ихъ ежедневно дежурятъ по двое офицеровъ такъ-называемой «тюремной бригады». Правомъ посѣщенія тюремъ съ цѣлью предварительнаго знакомства съ арестантами члены арміи пока не пользуются. Около 10% поступающихъ въ пріютъ лицъ присылается туда судьями и тюремною администраціей. Принимаются въ пріютъ только мужчины. Любопытно, что обстановка его нѣсколько болѣе комфортабельна, чѣмъ обстановка ночлежныхъ пріютовъ и мастерскихъ, въ виду того, что преступники пользуются въ англійскихъ тюрьмахъ большимъ комфортомъ, чѣмъ англійскіе бѣдняки въ своихъ трущобахъ. Пріемы исправленія, практикуемые въ пріютахъ, тѣ же, что и въ рабочихъ мастерскихъ, только порядки здѣсь нѣсколько строже, да изъ работъ въ ходу только колка и пилка дровъ, плетеніе цыновокъ и починка обуви. О результатахъ, достигаемыхъ пріютомъ, свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя, относящіяся къ 1895 году.

Всего перебывало въ пріютѣ за этотъ годъ 514 человѣкъ; изъ нихъ:

Получило постоянное занятіе	85 ч.
Ушло на работу послѣ удовлетворительнаго поведенія (leaving, after satisfactory conduct to work)	275 »
Отправлено въ земледѣльч. колонію и другія учрежденія арміи	71 »
Удалено за неповиновеніе и нехорошее поведеніе. . .	60 »
Отослано въ больницу	61 »
Всего . .	514 ч.

Что касается лицъ, исправившихся въ пріютѣ, то черезъ годъ по оставленіи его 86% ихъ продолжаютъ вести себя хорошо, 10% начинаетъ вести себя подозрительно, 2% ворочается на прежній путь и 2% исчезаетъ изъ виду. Эти процентныя данныя обнаруживаютъ замѣчательное постоянство и неизмѣнно повторяются изъ года въ годъ. Въ 1896 г. перебывало въ пріютѣ 411 человѣкъ, за все же время его существованія перебывало въ немъ 2,124 ч.; изъ нихъ около половины—1,094—поступило на мѣста или было отослано къ друзьямъ. Сколько изъ этихъ 1,094 лицъ оказалось черезъ годъ по оставленіи пріюта удовлетворительнаго поведенія, объ этомъ отчетъ умалчиваетъ. Тюремный комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ (Home Office Prisons Commitee) въ своемъ докладѣ о дѣятельности пріюта хотя и «воздерживается отъ окончательнаго сужденія», но констатируетъ все-таки, что «въ довольно значительномъ числѣ случаевъ арміи удалось достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ».

Въ тѣсной связи съ только что описаннымъ пріютомъ дѣйствуетъ и такъ-называемый «департаментъ по уголовному разслѣдованію» («Criminal

Investigation Departement»), цѣлью котораго является юридическая помощь лицамъ, привлекаемымъ къ суду. О дѣятельности этого департамента свѣдѣній въ отчетѣ не приводится.

Содержаніе пріюта обошлось въ 1896 г. около 57,670 руб.; было же выручено отъ работы воспитанниковъ пріюта 44,310 р., причемъ непроданныхъ товаровъ осталось на сумму 3,390 руб., такъ что въ результатѣ получился дефицитъ около 10,000 р. Содержаніе уголовнаго департамента обошлось болѣе 1,300 рублей.

Таковы учрежденія, составляющія городскую колонію.

Земледѣльческая колонія представляетъ изъ себя имѣніе пространствомъ около 1,500 акровъ, расположенное на берегу Темзы, въ 37 миляхъ отъ Лондона. Большая часть этого имѣнія—болѣе 800 акровъ—отведена подъ ферму, 304 акра подъ огородъ и фруктовый садъ; остальное пространство занято оранжереей, паркомъ, птичьимъ дворомъ, свинарней, кирпичнымъ заводомъ, булочной, разнаго рода складами и помѣщеніями какъ для администраціи, такъ и для колонистовъ. Въ числѣ этихъ помѣщеній имѣется 7 спальныхъ бараковъ на 350 колонистовъ, больничка на 20 человѣкъ, большой баракъ для митинговъ и крытый навѣсъ для работы въ дурную погоду. На берегу рѣки устроена пристань, отъ которой проведена къ центру колоніи небольшая желѣзная дорога.

Изъ земли, отведенной подъ ферму, лишь 229 акровъ занято пашней, все же остальное пространство—581 акръ—отведено подъ пастбище; такимъ образомъ, хлѣбопашество является въ земледѣльческой колоніи отнюдь не главнымъ занятіемъ, хотя В. Бутсъ и считалъ необходимымъ сдѣлать изъ нея «своего рода школу для эмигрантовъ, гдѣ они получатъ практическія свѣдѣнія, необходимыя имъ для того, чтобы быть полезными дѣятелями тамъ, гдѣ требуется поднимать новину, корчевать пни и собирать жатву». Что касается скотоводства, то о размѣрахъ, въ какихъ оно ведется, свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры: въ 1895 г. имѣлось въ колоніи около 150 штукъ крупнаго рогатаго скота, около 25 лошадей, 195 овецъ и барановъ и 431 свиней; кромѣ того имѣлось около 300 штукъ разной домашней птицы. Большая часть продуктовъ скотоводства посылается на продажу въ Лондонъ и ближайшую деревню, въ которой заведена арміей даже особая мясная лавка.

Огородъ и фруктовый садъ занимаютъ пространство въ 304 акра, и въ нихъ бываетъ занято обыкновенно до 75 человѣкъ, работающихъ заступами. Въ какихъ размѣрахъ ведется эта отрасль хозяйства, лучше всего показываютъ слѣдующія цифры: за лѣто 1895 г. было отправлено на рынокъ 28 тоннъ клубники, 3¼ т. крыжовника, болѣе 8 т. малины, 12 т. красной и черной смородины; всего-на-всего 50½ тоннъ или 2,020 пудовъ всякой ягоды, не считая значительнаго количества фруктовъ и овощей.

Подъ оранжерею, питомникъ и парники отведено около 6 акровъ и въ нихъ разводится до тысячи разныхъ деревьевъ, растеній, цвѣтовъ, овощей и сѣмянъ.

Въ колоніи имѣется также обширный образцовый птичникъ, въ которомъ разводятся и выводятся нѣкоторые особые сорта домашней птицы. За нѣкоторыхъ птицъ армія получила даже на мѣстныхъ выставкахъ около 14 наградъ и почетныхъ отзывовъ.

Занимаются въ колоніи и разведеніемъ особыхъ породъ домашняго скота, для чего устроенъ небольшой племенной заводъ.

Перевозкой и отправкой продуктовъ колоніи завѣдуетъ особый департаментъ путей сообщенія (The Traffic Department), въ распоряженіи котораго имѣется нѣсколько локомотивовъ и баржъ и элеваторъ для разгрузки послѣднихъ. Въ 1895 г. этимъ департаментомъ было получено и доставлено по назначенію 165 баржъ нагруженныхъ углемъ, золой, лѣсомъ, навозомъ и т. п. Въ большихъ размѣрахъ производится въ колоніи и выдѣлка кирпича—до 3.000,000 кирпичей ежегодно.

Слѣдуетъ упомянуть и о столярной мастерской, въ которой работаетъ до 35 человѣкъ, изготовляя мебель, оконныя рамы и т. п. предметы. Въ 1894 г. колонія подрядилась выстроить въ окрестностяхъ фермы около 6 домовъ, а также изготовить значительное количество стульевъ, рамъ и дверей. На какихъ условіяхъ состоялся подрядъ и какъ разочлась администрація колоніи съ своими колонистами, объ этомъ, къ сожалѣнію, ничего въ отчетѣ не говорится. Имѣются въ колоніи и кузница, пильная мельница, колесная мастерская и даже цирульня.

Всѣ работы по устройству колоніи и по веденію разныхъ отраслей хозяйства были выполнены преимущественно колонистами подъ руководствомъ и при содѣйствіи нѣкотораго (какого именно въ отчетѣ не сказано) числа наемныхъ рабочихъ.

Что касается до внутренняго распорядка, господствующаго въ колоніи, то допускаются въ нее лишь мужчины; при этомъ въ колонисты выбираются арміей только лица крѣпкаго здоровья, способныя работать на вольномъ воздухѣ, выдержавшія мѣсячное испытаніе въ городскихъ мастерскихъ и выразившія желаніе отправиться въ колонію. Режимъ дня въ ней, способъ вознагражденія колонистовъ и правила поведенія тѣ же, что и въ городскихъ мастерскихъ за нѣкоторыми исключеніями. Такъ, напримѣръ, пищу колонисты получаютъ чаще и въ большемъ количествѣ, чѣмъ лица, работающія въ городскихъ мастерскихъ. Затѣмъ по своему поведенію и величинѣ получаемаго вознагражденія колонисты дѣлятся не на три, а на четыре класса; на руки выдается колонистамъ не $^2/_3$, а $^1/_3$ заработной платы и maximum ея установленъ не въ 5, а въ 4 шил. На поведеніе колонистовъ обращается самое тщательное вниманіе, причемъ за неповиновеніе и нарушеніе правилъ колонисты подвергаются штрафу, переходу въ низшій классъ и удаленію изъ колоніи.

Слѣдующая маленькая выдержка изъ оффиціальнаго донесенія одного изъ должностныхъ лицъ колоніи лучше всего показываетъ, какого рода поведеніе желательно было бы имъ водворить среди колонистовъ. «Около 50 человѣкъ публично исповѣдались въ томъ, что сердца ихъ обратились

къ Богу. Изъ нихъ 20 человѣкъ подписало «военныя условія» (articles of war) арміи и сдѣлалось ея солдатами; 16 человѣкъ ведетъ себя хорошо и можетъ быть завербовано въ солдаты (can be made soldiers) въ продолженіе немногихъ недѣль. Въ конечномъ итогѣ изъ 50 человѣкъ 36 ведутъ себя хорошо, а шестеро лучше, чѣмъ раньше». Поведеніемъ колонистовъ администрація колоніи въ общемъ довольна. «Поведеніе колонистовъ хорошее,—говорится въ отчетѣ 1895 г.;—лишь 10% ихъ удалили мы изъ колоніи за пьянство и лѣность». Посмотримъ, что говорятъ о поведеніи и дальнѣйшей судьбѣ колонистовъ, цифры.

	Съ 1891 г. по 1894 г.	Съ 1891 г. по 1895 г.	Съ 1891 г. по 1896 г.
Оставило колонію вскорѣ по прибытіи. .	128	—	—
Получило работу до оставленія колоніи. .	—	334	404
Отослано къ друзьямъ.	51	76	87
Пристроено къ занятіямъ, добытымъ черезъ посредство арміи (situations obtained through the scheme).	283	—	—
Поступило на военную службу . . . . }	51	52	53
Эмигрировало . . . . }		32	35
Оставило колонію, имѣя въ виду получить мѣсто (with situations in view)	602	854	1,059
Умерло.	—	—	6
Вступило въ бракъ.	—	8	10
Остальные удовлетворительные случаи . .	6	—	—
Тайкомъ покинуло колонію.	146	332	415
Удалено изъ колоніи за лѣность и пьянство	349	383	520
Оставалось въ колоніи.	—	—	211
Всего перебыв. въ кол. со дня открытія .	1,616	2,061	2,799

Обращаясь къ анализу приведенной таблицы, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что показанное въ ней число лицъ, перебывавшихъ въ колоніи, значительно выше дѣйствительнаго, такъ какъ оно представляетъ собой, выражаясь точно, количество сдѣланныхъ посѣщеній какъ единичныхъ, такъ и повторныхъ. Крайне характерная неточность, дающая поводъ предполагать, что колонія дѣйствуетъ не такъ ужъ успѣшно, какъ хотятъ увѣрить публику отчеты. О томъ же свидѣтельствуетъ и тотъ фактъ, что процентъ лицъ, удаленныхъ изъ колоніи за пьянство и лѣность, равняется не 10, а 21 по даннымъ 1894 г. и 18 по даннымъ последнихъ двухъ отчетовъ *). Затѣмъ нельзя не обратить вниманія на то, что лица, «оставившія колонію вскорѣ по прибытіи» и «пристроенныя къ занятіямъ, добытымъ черезъ посредство арміи», фигурирующія въ отчетѣ 1894 г., въ

*) Въ выше упоминавшихся германскихъ рабочихъ колоніяхъ было уволено по даннымъ за 1887 — 89 гг. 4,4% всѣхъ колонистовъ за дурное поведеніе и всего 0,5% за пьянство.

двухъ послѣднихъ отчетахъ включены въ довольно неопредѣленную рубрику лицъ, «получившихъ работу до оставленія колоніи», каковая рубрика должна свидѣтельствовать повидимому объ успѣшной дѣятельности колоніи. Между тѣмъ позволительно спросить: когда и гдѣ успѣли «нравственно переродиться» эти лица, — отправленныя въ колонію очевидно съ цѣлью болѣе успѣшнаго достиженія этой цѣли, разъ они покинули колонію тотчасъ по прибытіи?

Врядъ-ли свидѣтельствуютъ о достиженіи колоніей своей цѣли и остальныя цифровыя данныя. Сравнивая ихъ съ соотвѣтствующими данными, относящимися къ лицамъ, работающимъ въ мастерскихъ арміи, приходится даже констатировать, что названныя учрежденія дѣйствуютъ въ разсматриваемомъ отношеніи успѣшнѣе земледѣльческой колоніи. Въ самомъ дѣлѣ: процентъ лицъ, бѣжавшихъ и удаленныхъ изъ послѣдней за все время ея существованія, равняется—33,5; тогда какъ соотвѣтствующій процентъ для мастерскихъ (по отчету 1895 г.) равняется 27,8; процентъ лицъ, которымъ былъ данъ временный пріютъ и которыя покинули его, имѣя занятіе въ виду, равняется въ колоніи 37,8; въ мастерскихъ—36; наконецъ, процентъ лицъ, отосланныхъ къ друзьямъ и пристроенныхъ къ какому либо мѣсту, равняется въ мастерскихъ 28,9; въ колоніи же 17,5. Если принять во вниманіе, что въ колонисты армія выбираетъ людей, выдержавшихъ болѣе или менѣе продолжительный искусъ въ мастерскихъ, то придется признать достигаемые колоніей результаты довольно плачевными.

Но гдѣ же земледѣльческія поселенія, кооперативная ферма или даже сколько-нибудь значительное содѣйствіе эмиграціи? Все это, если не считать 35 человѣкъ, которымъ армія за 6 лѣтъ помогла эмигрировать, осталось лишь на бумагѣ. И заморская колонія осуществленія не получила, хотя деньги на ея устройство были получены и составили особый фондъ.

Что касается до бюджета земледѣльческой колоніи, то на пріобрѣтеніе земли и первоначальное устройство ея было затрачено болѣе 300,000 р.; на веденіе же ея въ продолженіе первыхъ шести мѣсяцевъ ея существованія было израсходовано около 84,497 р. О дальнѣйшемъ ростѣ и предметѣ расходовъ свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя:

	Въ 1894 г.	Въ 1895 г.	Въ 1896 г.
На различныя отрасли сельск. хоз. .	181,070 р.	242,950 р.	245,800 р.
На промышленныя предпріятія . . .	293,600 »	244,060 »	242,249 »
На управлен. и разные мелкіе расходы.	13,990 »	22,920 »	27,671 »
Всего израсходовано. . .	488,660 р.	509,930 р.	515,720 р.

Изъ приведенной таблички видно, что лишь въ послѣднемъ году расходы на разныя отрасли сельскаго хозяйства сравнялись съ расходами на разныя промышленныя предпріятія; фактъ довольно характерный, показывающій, какую школу для эмигрантовъ представляетъ собой земледѣльческая колонія арміи спасенія. Вмѣстѣ съ возрастаніемъ расходовъ на колонію росъ, ко-

нечно, и дефицитъ. Въ 1894 г. онъ равнялся 27,740 р., въ 1895 г.—64,670 р. и въ 1896 г.—65,604 р.

Такимъ образомъ, и съ финансовой точки зрѣнія учрежденіе и веденіе земледѣльческой колоніи нельзя признать удачнымъ. Въ то время, какъ на содержаніе всей городской колоніи съ ея многочисленными и разнородными учрежденіями было израсходовано въ 1896 г. болѣе 1.072,000 р., на земледѣльческую колонію, черезъ которую проходитъ въ годъ лишь около 1,500 человѣкъ, было израсходовано около половины этой суммы.

IV.

«Шесть лѣтъ прошло,—говоритъ В. Бутсъ во введеніи къ отчету 1896 года,—съ тѣхъ поръ, какъ моя соціальная схема была опубликована. Въ продолженіе этого времени каждый принципъ, положенный въ ея основу, каждое указанное въ ней средство подверглись самой рѣзкой критикѣ и самому тщательному изслѣдованію. Изъ этого испытанія они вышли, мнѣ думается, въ общемъ съ торжествомъ. Съ чувствомъ радости я могу удостовѣрить, что дѣйствительный опытъ оправдалъ въ очень значительной степени ожиданія, возлагавшіяся мною на соціальную схему; и я думаю, что всякій безпристрастный изслѣдователь согласится со мной, что факты, приводимые на этихъ страницахъ, представляютъ существенныя доказательства этого. Тотъ фактъ, что армія имѣетъ 317 отдѣльныхъ учрежденій въ разныхъ частяхъ свѣта, подъ руководствомъ 1,322 офицеровъ, доказываетъ это. Тотъ фактъ, что она даетъ ежедневно пріютъ и пищу 10,000 обездоленныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, доказываетъ это...» и такъ далѣе въ томъ же родѣ. Таковы многочисленныя доказательства, которыми В. Бутсъ доказываетъ успѣшность своего опыта, нисколько не сомнѣваясь въ ихъ убѣдительности. Но выше указывалось уже, съ какой осторожностью слѣдуетъ относиться къ статистическимъ даннымъ, приводимымъ въ отчетахъ арміи спасенія. И число учрежденій, и число ихъ посѣтителей, и процентъ лицъ, удачно пристроенныхъ или исправившихся,—всѣ эти данныя въ отчетахъ значительно преувеличены; тѣ же факты и цифры, которые раскрываютъ обратную сторону дѣятельности арміи, затушеваны или же даже совершенно скрыты. Но допустимъ, что факты, приводимые В. Бутсомъ, безспорны. Доказываютъ ли они, въ такомъ случаѣ, успѣшность его плана? Никоимъ образомъ. Самъ В. Бутсъ въ своей книгѣ, прежде чѣмъ приступить къ изложенію задуманнаго имъ плана, счелъ нужнымъ указать тѣ принципы, которые положены въ его основаніе и которые онъ считалъ «существенно необходимыми условіями для его успѣха». Поэтому, для того, чтобы правильно оцѣнить то, что сдѣлано арміей спасенія для помощи и спасенія пролетаріата, необходимо войти въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, соблюдены ли были эти условія.

Въ числѣ принциповъ, положенныхъ В. Бутсомъ въ основу своего

плана, находился, между прочимъ, слѣдующій справедливый, къ сожалѣнію, многими игнорируемый принципъ: «помогая одному классу общества, планъ не долженъ вредить интересамъ другихъ классовъ. Стараясь поставить на ноги обездоленныхъ, не слѣдуетъ наносить ударъ тѣмъ, кто съ трудомъ держится на ногахъ».

Сознавая, насколько важно соблюденіе этого принципа, Бутсъ всячески старался оградить себя отъ упрековъ въ нарушеніи его. Такъ, предвидя возраженіе противъ своего плана, что онъ, создавая новыхъ трудолюбивыхъ рабочихъ, увеличитъ число рабочихъ рукъ на переполненномъ уже рынкѣ труда, В. Бутсъ счелъ нужнымъ опровергнуть его. «Увеличеніе числа рабочихъ рукъ на рынкѣ,—говоритъ онъ,—будетъ незначительно. Усиленное производство съѣстныхъ продуктовъ въ нашей земледѣльческой и заморской колоніяхъ, должно косвеннымъ образомъ послужить на пользу необезпеченнаго рабочаго. Отвлеченіе отъ рынка труда значительнаго числа рабочихъ, теперь не вполнѣ занятыхъ, принося непосредственную пользу имъ самимъ, въ то же время дастъ новые заработки остальнымъ. Кромѣ того, такъ какъ всѣ рабочіе будутъ болѣе обезпечены, то соотвѣтственно увеличатся и ихъ потребности. Такъ, напримѣръ, бывшій пьяница, довольствовавшійся нѣсколькими обломками мебели, ящикомъ изъ-подъ мыла и узломъ тряпья, пожелаетъ имѣть столъ, стулъ, кровать и другія принадлежности благоустроеннаго хозяйства, хотя бы средства его и были очень скромны» *).

Для обезпеченія того же принципа предполагалось заводить въ мастерскихъ арміи лишь такія мастерства, издѣлія которыхъ шли бы, главнымъ образомъ, на удовлетвореніе потребностей организовываемыхъ арміей «общинъ самопомощи»; излишекъ же издѣлій, поступающихъ на рынокъ, продавать «не ниже, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже выше рыночной цѣны».

Приведенныя выдержки, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ о томъ, что Бутсъ вполнѣ сознавалъ тотъ вредъ, какой можетъ нанести рабочему классу конкурренція лицъ, пристраиваемыхъ имъ къ работамъ въ городской и земледѣльческой колоніяхъ. Но онъ понадѣялся, что при помощи нѣкоторыхъ предохранительныхъ мѣръ ему удастся избѣжать или парализовать эту конкурренцію. Къ сожалѣнію только нѣкоторыя изъ этихъ предосторожностей были плохо расчитаны, другія же не были приняты. Такъ, въ земледѣльческой колоніи вмѣсто «усиленнаго производства съѣстныхъ продуктовъ» въ широкомъ ходу различнаго рода промышленныя предпріятія, хлѣбопашество ведется въ болѣе чѣмъ скромныхъ размѣрахъ; даже на скотоводство расходуется столько же, сколько на огородничество, фруктоводство и разведеніе цѣнныхъ породъ птицъ вмѣстѣ. Между тѣмъ очевидно, что продукты послѣднихъ отраслей хозяйства поступаютъ главнымъ образомъ, если не исключительно, на рынокъ и уже никоимъ образомъ не могутъ «послужить на пользу необезпеченнаго рабочаго». Въ мастерскихъ

---

*) *Въ трущобахъ Англіи*, стр. 317—318.

городской колоніи также заведены нѣкоторыя производства, издѣлія которыхъ поступаютъ главнымъ образомъ на рынокъ. Для продажи издѣлій вязальной и бѣлошвейной мастерскихъ арміей открытъ даже магазинъ, въ которомъ принимаются и всевозможнаго рода заказы. Между тѣмъ какъ разъ въ этихъ мастерскихъ господствуетъ та эксплоатація работницъ (такъ-назыв. sweating system), которой «объявила войну» армія. И бригада для собиранія домашнихъ отбросовъ вступила въ конкурренцію съ разнаго рода старьевщиками, собирая все, что даютъ, и продавая все, что только можно продать.

Такимъ образомъ, армія выпустила на рынокъ значительно большее количество товаровъ и нѣсколько иного рода, чѣмъ предполагала. Правда, эти товары продаются по рыночной цѣнѣ, а иногда будто бы даже дороже. Но это обстоятельство ничуть не устраняетъ тѣхъ послѣдствій, предупредить которыя надѣялся Бутсъ. Эту сторону разсматриваемаго вопроса прекрасно разъяснилъ извѣстный англійскій экономистъ Д. Гобсонъ. «Предположимъ,—говоритъ онъ,— что столяръ А лишается работы потому, что имѣется болѣе столяровъ, чѣмъ сколько необходимо для того, чтобъ удовлетворить существующій на рынкѣ спросъ на стулья и столы по достаточной цѣнѣ; армія спасенія подаетъ А руку помощи, снабжая его капиталомъ, процентовъ на который онъ не обязанъ платить. Въ такомъ случаѣ доставленные на рынокъ стулья А могутъ вытѣснить стулья, доставленные Б, В, Г,—его прежними конкуррентами. Если только не возрастетъ спросъ на стулья, въ результатѣ получится то, что стулья А вытѣснятъ съ рынка стулья Б, и Б очутится безъ работы. Такимъ образомъ, А благодаря содѣйствію арміи спасенія исполнилъ по-просту работу Б. Если теперь армія спасенія захочетъ оказать помощь Б, то она въ состояніи будетъ это сдѣлать, лишь вытѣснивъ съ рынка В. Предположимъ, что рабочіе, занятые въ производствѣ спичекъ, лишились работы вслѣдствіе условій рынка, и армія спасенія пристраиваетъ ихъ въ мастерскую и начинаетъ продавать на рынкѣ изготовляемыя ими спички; въ такомъ случаѣ публика, покупающая эти спички, не будетъ уже покупать спички другихъ фирмъ, и послѣднимъ придется примѣнить трудъ въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ ранѣе. Дѣйствуя такимъ образомъ армія нисколько не расширяетъ области примѣненія труда и вслѣдствіе этого ничуть не приближается къ разрѣшенію проблемы о безработныхъ. Армія доставила только занятіе извѣстнымъ ей лицамъ, лишивъ его въ то же время нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ ей лицъ. А такъ какъ лица, вытѣсненныя ранѣе съ рынка, и по характеру, и по работѣ являются въ среднемъ ниже тѣхъ, которые находились при работѣ, то въ результатѣ той политики, которой держится армія, является замѣна высшихъ рабочихъ низшими» *). Еще болѣе нежелательные результаты могли бы получиться, еслибъ армія продавала издѣлія, изготовляемыя въ ея мастерскихъ, дороже рыночной цѣны, на что никакихъ указаній въ от-

*) *J. Hobson*: „Problems of poverty". Second edition. London, 1895, стр. 144—145.

четахъ не встрѣчается. Лица, которыя покупали бы въ такомъ случаѣ эти болѣе дорогія издѣлія, перестали бы покупать подобныя же, но болѣе дешевыя издѣлія у тѣхъ фирмъ, у которыхъ покупали раньше, и послѣднія вслѣдствіе этого сократили бы или даже забросили бы свое производство. Кромѣ того лица, оплачивающія издѣлія дороже обычнаго, принуждены были бы сократить свое потребленіе какихъ-либо другихъ товаровъ, производство которыхъ вслѣдствіе этого должно было бы сократиться. Въ конечномъ результатѣ, поэтому, должна была бы сузиться область примѣненія труда и увеличиться количество безработныхъ.

Бутсъ расчитывалъ избѣжать этихъ роковыхъ послѣдствій съ помощью другой предосторожности — путемъ удаленія рабочихъ съ переполненнаго городского рынка въ деревню и занятія ихъ въ разныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, продукты котораго Англія вынуждена ежегодно ввозить изъ-за границы. Но онъ упустилъ изъ виду, что этимъ самымъ онъ подрываетъ тѣ промышленныя предпріятія, которыя заняты производствомъ товаровъ, уплачивавшихся ранѣе за ввозимые продукты сельскаго хозяйства. Однимъ словомъ, Бутсу слѣдовало бы помнить, что «разъ область примѣненія труда (the amount of employment) опредѣляется и видоизмѣняется въ зависимости отъ размѣровъ потребленія, единственно вѣрный способъ расширенія этой области состоитъ въ поднятіи установившагося въ странѣ уровня потребленія» *).

Но вѣдь Бутсъ утверждалъ, что «такъ какъ всѣ рабочіе будутъ болѣе обезпечены, то соотвѣтственно увеличатся и ихъ потребности». Да утверждалъ, но только утвержденіе это совершенно необосновано. Еслибъ армія ставила лицъ, оставляющихъ ея колоніи, въ иную, болѣе благопріятную обстановку, чѣмъ въ какой они находились до поступленія въ нихъ; еслибъ она измѣняла «тѣ внѣшнія условія ихъ жизни, которыя привели ихъ къ паденію и надъ которыми они не властны», — тогда Бутсъ вправѣ былъ бы утверждать, что эти лица не только пожелали бы увеличить свое потребленіе, но и имѣли бы къ тому полную возможность. А еслибъ арміи удалось достигнуть этого результата, не вытѣснивъ съ рынка рабочихъ, имѣвшихъ уже постоянный заработокъ, то въ конечномъ результатѣ несомнѣнно «всѣ рабочіе оказались бы болѣе обезпечены и уровень потребленія значительно возросъ бы». Но «измѣненіе внѣшнихъ условій, надъ которыми отдѣльный человѣкъ не властенъ», каковое измѣненіе является, по мнѣнію Бутса, другимъ существеннымъ условіемъ, необходимымъ для успѣшности его предпріятія, оказалось, конечно, не по силамъ арміи. Врядъ ли можно сомнѣваться и въ томъ, что борьба съ этими внѣшними условіями оказалась роковой и для бывшаго пьяницы, преступника, бродяги или всякаго другого лица, покинувшаго «гавань спасенія», пріютившую его, и «пустившагося снова въ открытое море», гдѣ онъ только что «потерпѣлъ крушеніе».

*) Ibid., стр. 147.

Правда, Бутсу не удалось устроить заморской колоніи, куда онъ могъ бы направить излишекъ рабочихъ рукъ и тѣмъ самымъ улучшить положеніе рабочихъ, остающихся въ Англіи. Но опытъ съ заморской колоніей могъ бы удаться лишь въ томъ случаѣ, еслибы земледѣльческая колонія удовлетворяла своему назначенію «быть своего рода практической школой для эмигрантовъ», чего въ настоящее время про нее сказать отнюдь нельзя. «Селить же неподготовленную толпу мужчинъ и женщинъ на невоздѣланной землѣ какого-нибудь новаго материка» или же «превращать колоніи въ мусорную яму для свалки отбросовъ нашего общества» самъ Бутсъ считаетъ преступленіемъ.

Такимъ образомъ, арміей спасенія были нарушены два наиболѣе существенныхъ принципа, положенныхъ Бутсомъ въ основу его плана; въ силу этого, мастерскія и земледѣльческая колонія, въ которыхъ заключается центръ тяжести всѣхъ мѣропріятій арміи, наносятъ вредъ тому самому рабочему классу, для помощи которому онѣ, главнымъ образомъ, и созданы. Польза, приносимая названными учрежденіями профессіональнымъ бродягамъ, нищимъ и отдѣльнымъ представителямъ другихъ классовъ не можетъ ни устранить, ни перевѣсить вышеупомянутыхъ вредныхъ послѣдствій. Правда, въ настоящее время эти послѣдствія, въ виду ограниченнаго количества мастерскихъ, не успѣли еще проявиться во внѣ сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ, а дѣйствуютъ скрытно. Но еслибы Бутсу удалось понастроить мастерскихъ не на 1,500 человѣкъ, а хотя бы на нѣсколько десятковъ тысячъ, «рѣзкія аномаліи изъ жизни массы населенія всѣхъ промышленныхъ городовъ» Англіи не замедлили бы возрасти въ ужасающей степени и разрѣшились бы тѣми сценами, которыми сопровождалось во Франціи учрежденіе національныхъ мастерскихъ въ 1789 и 1848 годахъ.

Слѣдуетъ отмѣтить еще другое вредное послѣдствіе, которое повлекло за собою осуществленіе «соціальной схемы» В. Бутса.

Критикуя въ своемъ трудѣ частную благотворительность, Бутсъ, между прочимъ, замѣтилъ, что «объединеніе силъ въ сферѣ благотворительности еще не практикуется. Всякій дѣйствуетъ въ одиночку, и вслѣдствіе этого расходы оказываются громадными, а результаты—увы!—ничтожными». Между тѣмъ ни въ одной странѣ частная благотворительность не получила такого широкаго развитія и не поставлена такъ раціонально, какъ въ Англіи. Въ Англіи же впервые возникли и получили большое развитіе общества, стремящіяся организовать и объединить отдѣльныя благотворительныя учрежденія (такъ называемыя Charity organisation Societies). Очень распространены въ Англіи и разные исправительные пріюты для уличныхъ женщинъ и бывшихъ преступниковъ. Когда Бутсъ выступалъ съ своей «соціальной схемой», въ этой странѣ насчитывалось, напримѣръ, нѣсколько сотенъ пріютовъ для уличныхъ женщинъ. Въ 1890 году 278 такихъ пріютовъ было зарегистрировано лондонскимъ обществомъ для организаціи благотворительности и вступило между собой въ извѣстнаго рода кооперацію, въ силу чего каждая женщина отсылается въ наиболѣе подходящій для нея пріютъ. Ге-

нералъ Бутсъ въ эту кооперацію не вступилъ, понимая, очевидно, «объединеніе силъ въ сферѣ благотворительности» лишь подъ его властью.

Въ результатѣ такого поведенія Бутса, во многихъ пріютахъ стало увеличиваться число дѣвушекъ, оставляющихъ пріютъ по своему собственному желанію и переходящихъ изъ пріюта въ пріютъ. Такъ одно извѣстное и давно дѣйствующее общество для спасенія падшихъ женщинъ (The Female Mission to the Fallen connected with the Reformatory and Refuge Union), устроившее для нихъ до 300 пріютовъ, замѣчаетъ въ своемъ отчетѣ: «Обиліе пріютовъ облегчаетъ нерасположеннымъ къ исправленію женщинамъ переходить изъ одного пріюта въ другой, мѣшая этимъ самымъ только исправленію тѣхъ, которыя расположены къ этому» *). «Такимъ образомъ,—говоритъ въ своемъ докладѣ о соціальной схемѣ Бутса, C. Loch, секретарь вышеупомянутаго лондонскаго общества для организаціи благотворительности,—генералъ Бутсъ приступаетъ не къ объединенію дѣятельности пріютовъ, а къ разъединенію. Онъ хочетъ усилить дезорганизацію, а не устранить ее. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣешь дѣло съ лицами, ищущими ночлега, необходимо изслѣдованіе каждаго случая; генералъ же Бутсъ ни въ этомъ, ни въ другихъ случаяхъ, не придаетъ никакого значенія этому изслѣдованію. Какъ будто безъ знанія можно дѣйствовать успѣшнѣе, чѣмъ съ нимъ. Онъ не хочетъ выбирать себѣ тѣ случаи, въ которыхъ можетъ оказать дѣйствительную помощь; наоборотъ, онъ ставитъ въ зависимость отъ случая выборъ между нимъ и многими другими устроителями дешевыхъ и благотворительныхъ ночлежныхъ домовъ. Такимъ образомъ, генералъ Бутсъ вмѣсто того, чтобы содѣйствовать объединенію силъ въ сферѣ благотворительности, стремится разъединить ихъ» **).

Наконецъ, нельзя не указать еще на слѣдующую сторону дѣятельности арміи, упускаемую многими изъ виду. Вѣдь Бутсъ и его армія «хлопочутъ о спасеніи тѣла главнымъ образомъ для того, чтобы спасти душу». Другими словами, вся «соціальная схема» задумана и осуществляется лишь для того, чтобы вступить въ болѣе тѣсныя и продолжительныя сношенія съ бѣднымъ невѣжественнымъ людомъ; пріобрѣсть черезъ посредство матеріальной помощи его довѣріе, внушить ему вѣру въ дьявола и побудить его для борьбы съ послѣднимъ вступить въ ряды арміи. Для этого же требуется, какъ говорилось выше, отреченіе не только отъ спиртныхъ напитковъ, житейскаго комфорта и всякихъ удовольствій, но также и отъ литературы—этого вѣками накопленнаго знанія и опыта и отъ всякой общественной жизни, такъ какъ «она вводитъ человѣка въ искушеніе и мѣшаетъ полному общенію съ Богомъ». Врядъ ли можно признать желательнымъ распространеніе такой фанатической секты, имѣющей подобно католическому міру своего папу и заботящейся о пропагандѣ не столько христіанской вѣры, сколько самой грубой вѣры въ дьявола и его козни.

*) *C. Loch:* „An examination of Gnl. Booth's Social scheme"; second edition. London, 1890, стр. 74—83.

**) Ibid., стр. 90—91.

Но если таковы скрытыя цѣли арміи спасенія, если «соціальная схема» ея имѣетъ опасную тенденцію расшатать и безъ того шаткое положеніе рабочаго класса, а осуществленіе ея связано съ цѣлымъ рядомъ нежелательныхъ явленій, то чѣмъ же объясняется содѣйствіе и сочувствіе, оказываемое арміи спасенія со стороны англійскаго общества? Тутъ играютъ роль, на нашъ взглядъ, симпатичность цѣлей, выставленныхъ въ соціальной схемѣ, искренность и самоотверженіе исполнителей, дѣйствительная помощь, оказываемая отдѣльнымъ лицамъ, большіе размѣры, въ которыхъ ведется предпріятіе, внѣшняя, казовая и техническая сторона его, и, наконецъ, непосредственные, видимые результаты его, заслоняющіе собой болѣе отдаленныя, скрытыя, но въ то же время и болѣе вредныя соціальныя послѣдствія. Кромѣ того, весьма многіе жертвователи поддерживали предпріятіе арміи спасенія потому, что видѣли въ немъ своего рода соціальный экспериментъ, результаты котораго должны быть поучительными независимо отъ его успѣшности или неуспѣшности. По мѣрѣ же того, какъ результаты эксперимента стали выясняться и, притомъ, не въ пользу Бутса, пожертвованія сокращались; въ 1896 г. они уменьшились, напримѣръ, болѣе, чѣмъ на 40,000 р., благодаря чему Бутсъ былъ вынужденъ сократить нѣсколько размѣры своего предпріятія. И несомнѣнно, что по мѣрѣ того, какъ въ англійскомъ обществѣ будетъ расти критическое отношеніе къ арміи спасенія и ея «соціальной схемѣ», послѣдняя изъ дѣйствительности перейдетъ въ область исторіи; тамъ она займетъ видное мѣсто въ качествѣ крайне любопытнаго явленія, характеризующаго нашъ вѣкъ, столь богатый какъ нервными эпидеміями, такъ и соціальными начинаніями всякаго рода. Чѣмъ скорѣе это произойдетъ и чѣмъ энергичнѣе англійское правительство и общество будутъ заботиться о поднятіи матеріальнаго благосостоянія и нравственнаго уровня народныхъ массъ, тѣмъ и для послѣднихъ и для остальныхъ классовъ общества будетъ лучше.

А. Горбуновъ.

Къ вопросу о положеніи учащихъ въ народной школѣ *).

Въ теченіе нынѣшняго года коммиссія для изученія вопроса о положеніи учащихъ въ народныхъ школахъ бывшаго комитета, нынѣ Общества грамотности, разрабатовала отвѣты учителей и учительницъ на разосланные ею вопросные пункты. До настоящаго времени, въ разныхъ изданіяхъ, напечатаны коммиссіею систематизированныя свѣдѣнія объ учащихъ въ слѣдующихъ губерніяхъ: 1) Тамбовской (въ *Педагогическомъ Листкѣ* при *Дѣтскомъ Чтеніи*, 1897 г. кн. первая); 2) Владимірской (*Образованіе*, 1897 г. апрѣль); 3) Самарской; 4) Пензенской; 5) Тверской (въ *Русской Мысли*, 1897 г. іюнь). Н. В. Тулуновъ обработалъ данныя по Казанской губерніи. Кромѣ того готова работа по Костромской, Олонецкой, Орловской и Нижегородской губерніямъ. Всего въ десяти губерніяхъ. Свѣдѣнія объ одиннадцатой Московской, губерніи, использовалъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ г. Петровъ.

Нашею работой уже пользуются въ статьяхъ, посвященныхъ вопросу о русскихъ учителяхъ и учительницахъ въ начальной школѣ. Укажу, напримѣръ, на *Новое Слово* (сентябрь 1897 г., статья бывшаго учителя: *Къ вопросу объ экономическомъ положеніи учащихъ въ народныхъ школахъ*), *Сынъ Отечества*, статья Я. Абрамова № 183), *Нижегородскій Листокъ* (№ 123), на книгу г. Петрова *Вопросы народнаго образованія въ Московской губерніи* (изданіе московскаго губернскаго земства).

Полученныхъ коммиссіею отвѣтовъ (около 5,000) недостаточно для того, чтобы дать полную картину положенія учителей и учительницъ въ народныхъ школахъ. Кромѣ того, многіе изъ этихъ отвѣтовъ необстоятельны и неточны. Тѣмъ не менѣе, можно утвердительно сказать, что, въ общемъ и главномъ, свѣдѣнія, полученныя коммиссіею, рисуютъ положеніе учащихъ въ типическихъ чертахъ. Всѣ достовѣрные другіе источники убѣждаютъ насъ въ этомъ.

Въ общемъ положеніе учащихъ нельзя не признать весьма неудовлетво-

*) Докладъ въ московскомъ Обществѣ грамотности.

рительнымъ. Жалованье недостаточно, помѣщеніе плохое, учебныхъ пособій и книгъ для собственнаго чтенія очень мало, — такъ звучатъ отвѣты въ большинствѣ случаевъ. Еще болѣе печальна та необезпеченность, которая грозитъ учителю подъ старость или въ случаѣ продолжительной болѣзни. На вопросъ о томъ, по какой причинѣ предшественникъ учителя покинулъ службу, часто отвѣчаютъ, что онъ умеръ, оставивъ семью на произволъ судьбы, безъ всякихъ средствъ. Въ Олонецкой губерніи одинъ учитель оставилъ мѣсто по болѣзни, а по выздоровленіи ему пришлось поступить въ урядники.

Многіе изъ учителей и учительницъ живутъ съ семьями или помогаютъ роднымъ. Помощь эта иногда бываетъ весьма значительна: нѣкоторыя учительницы отдаютъ до половины своего жалованья. И при этомъ среди учительницъ замѣчается большее довольство своимъ положеніемъ, онѣ рѣже, чѣмъ учителя, стремятся перемѣнить родъ занятій. Конечно, это объясняется отчасти тѣмъ, что для женщины меньше выбора, чѣмъ для мужчины. Но, принимая во вниманіе это обстоятельство, придется только подчеркнуть преимущества женскаго труда въ области начальнаго народнаго образованія и воспитанія.

На разныхъ курсахъ бывали относительно немногіе изъ приславшихъ отвѣты, но всѣ признаютъ ихъ большую пользу и желаютъ побывать на нихъ. Часто выражаютъ сожалѣніе, что нѣтъ курсовъ плодоводства и пчеловодства. Желаніе имѣть садикъ, огородъ или пчельникъ мы не рѣдко встрѣчаемъ въ отвѣтахъ.

Отношенія съ населеніемъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ хорошія. Жалобы на враждебныя или непріязненныя отношенія раздаются рѣдко, гораздо чаще говорится о близкихъ, теплыхъ, дружественныхъ. Тамъ, гдѣ учителя преподаютъ пѣніе, это очень сближаетъ съ ними населеніе. Крестьяне сами просятъ, чтобы дѣтей учили пѣнію, и про хоръ одного учителя (въ Орловской губерніи) говорятъ въ восторженныхъ выраженіяхъ: «поютъ, якъ ангели на небеси».

Вечернія занятія и чтенія съ фонаремъ устраиваются рѣдко, отчасти по скудости средствъ, отчасти по массѣ формальныхъ препятствій. Эти препятствія и юридическая необезпеченность учителя, котораго могутъ произвольно переводить и увольнять, являются сильнымъ препятствіемъ правильному развитію у насъ учебно-воспитательнаго дѣла. Вопросъ объ юридическомъ положеніи учителя былъ поднятъ мною на второмъ съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію *). Желательно, чтобы онъ получилъ дальнѣйшую разработку и движеніе.

Образовательный цензъ учителей и учительницъ весьма разнообразенъ, но сильно преобладаютъ кончившіе курсъ въ мужскихъ и женскихъ учительскихъ семинаріяхъ. Затѣмъ идутъ духовныя семинаріи, женскія епархіальныя училища, женскія гимназіи и т. д. Учителей и учительницъ съ выс-

*) Докладъ напечатанъ въ *Педагогическомъ Листкѣ* Д. И. Тихомирова.

шимъ образованіемъ мало. Въ восьми губерніяхъ (Тамбовской, Владимірской, Самарской, Пензенской, Тверской, Орловской, Олонецкой и Костромской) изъ 794 учителей и учительницъ въ учительскихъ семинаріяхъ было 303 (въ томъ числѣ 68 женщинъ). То же самое отмѣчаетъ г. Петровъ въ Московской губерніи (здѣсь процентъ еще значительнѣе).

Покойный К. Д. Кавелинъ писалъ въ 1881 году: «Теперешнее культурное состояніе нашихъ крестьянъ составляетъ самую существенную, самую непобѣдимую помѣху не только для улучшенія ихъ быта, но и вообще для всего нашего развитія» *). Кавелинъ жаловался, что въ сужденіяхъ о народномъ образованіи у насъ господствуетъ разноголосица и нельзя добиться никакихъ сколько-нибудь опредѣлительныхъ указаній, каковы въ этомъ отношеніи взгляды самихъ крестьянъ **). Теперь это измѣнилось къ лучшему. Изъ доклада С. Г. Смирнова видно, какъ относятся крестьяне къ открытію библіотекъ; данныя коммиссіи о положеніи учащихъ свидѣтельствуютъ, что учитель становится другомъ и руководителемъ народа. Естественно поэтому, что надо прійти на помощь учителю, облегчить ему честное исполненіе трудныхъ и отвѣтственныхъ задачъ.

Той разноголосицы мнѣній о народномъ образованіи, о которой говорилъ Кавелинъ, теперь не существуетъ. Мнѣнія эти опредѣлились съ достаточною точностью: одни стоятъ за земскую народную школу съ улучшенною общеобразовательною программой, другіе являются противниками такой школы. Правда, у насъ обнаружилось довольно сильное теченіе, которое угрожало народной школѣ съ иной стороны: теорія экономическаго или діалектическаго матеріализма понималась многими въ фаталистическомъ смыслѣ, причемъ распространеніе у насъ образованія обусловливалось бы лишь предварительнымъ благопріятнымъ измѣненіемъ производственныхъ отношеній. Но, къ счастью, въ теорію вносится въ настоящее время весьма существенная поправка какъ разъ по интересующему насъ вопросу. Въ упомянутой мною статьѣ *Новаго Слова* говорится слѣдующее: Необезпеченность положенія учащихъ зависитъ отъ всего государственнаго строя, отъ общихъ спеціально-экономическихъ условій *«и въ особенности отъ степени развитія въ обществѣ сознанія полезности и необходимости учительскаго труда, какъ прогрессивно-цивилизующаго фактора»*. И дѣйствительно, развѣ сознаніе—продуктъ производственныхъ отношеній? Развѣ при одинаковыхъ производственныхъ отношеніяхъ не могутъ быть разныя степени сознанія?

Изъ глубины провинціи до насъ доносится вопль этого «прогрессивно-цивилизующаго фактора». Мы не возбуждаемъ духовныхъ потребностей учителя: у насъ нѣтъ средствъ для удовлетворенія уже давно пробудившихся и неотложныхъ его потребностей, умственныхъ, нравственныхъ, матеріальныхъ. Въ мѣру силъ содѣйствовать развитію и укрѣпленію обще-

---

*) *Крестьянскій вопросъ*, стр. 142.
**) Ibid., стр. 155.

ственнаго вниманія къ положенію учителей и учительницъ и въ скромной,— къ сожалѣнію, въ очень скромной,— долѣ помогать учителю книгой или учебнымъ пособіемъ—такова цѣль нашей коммиссіи, таково значеніе и предпринятой ею разработки полученныхъ отъ народныхъ учителей отвѣтовъ.

В. Гольцевъ.

О положеніи учащихъ въ народныхъ школахъ Казанской губерніи.

Коммиссія о положеніи учащихъ въ народныхъ школахъ бывшаго московскаго комитета грамотности въ 1895 году предприняла изслѣдованіе о положеніи народнымъ учителей и учительницъ, разославъ съ этою цѣлью нѣсколько тысячъ экземпляровъ вопросныхъ листовъ по народныхъ школамъ разныхъ наименованій. Собранный такимъ путемъ довольно богатый матеріалъ разрабатывается въ настоящее время по отдѣльнымъ губерніямъ. Опытъ разработки его по Казанской губерніи мы и имѣемъ въ виду предложить здѣсь читателю. Въ распредѣленіи данныхъ мы будемъ по возможности придерживаться того же порядка, который былъ принятъ коммиссіей въ вопросныхъ листахъ.

Всего изъ Казанской губ. получено 204 отвѣта (27 изъ Казанскаго уѣзда, 24 изъ Спасскаго, 22 изъ Мамадышскаго, 19 изъ Чистопольскаго, 18 Царево-Кокшайскаго, 18 изъ Ядринскаго, 17 изъ Цивильскаго, 13 изъ Свіяжскаго, 9 изъ Лаишевскаго, въ 37 отвѣтахъ уѣзда не обозначено).

По происхожденію учащіе распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Крестьяне.	Мѣщане.	Купеческ.	Духовн.	Дворян.	Другія.
Учителя . . .	57	15	—	18	5	2
Учительницы .	42	21	4	18	16	6
Помощницы. .	4	5	—	1	4	—
Всего	103	41	4	37	25	8
%% отношеніе	47,25%	18,85%	1,8%	17%	11,5%	3,6%

Образовательный цензъ учащихъ:

	Учительск. семинарій.	Гимназій.	Прогимназій.	Духовныхъ семинарій.	Городскихъ училищъ.	Уѣздныхъ училищъ.	Духовныхъ училищъ.	Начальныхъ училищъ.	Домашнее образованіе.
Учителя	45	1	—	6	16	13	4	10	2
Учительницы	51	23	6	—	—	—	9	6	12
Помощники.	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Помощницы.	5	4	4	—	—	—	1	—	—
Всего	102	28	10	6	16	13	14	16	14

Такимъ образомъ изъ 204 учащихъ только 102 чел. получили спеціально-педагогическое образованіе, что составляетъ 48,4% общаго числа учащихъ; процентъ этотъ въ отдѣльности для учителей и учительницъ нѣ-

сколько видоизмѣняется: такъ, для первыхъ онъ=47, а для вторыхъ 46,3. Если же къ категоріи учительницъ и помощницъ съ педагогическимъ образованіемъ присоединить и лицъ, окончившихъ женскую гимназію, то процентъ этотъ повысится до 68,6%; въ среднемъ, слѣдовательно, образовательный уровень учительницъ стоитъ нѣсколько выше, чѣмъ учителей. Это положеніе подтверждается еще и тѣмъ, что учителя съ образованіемъ начальнаго училища составляютъ 10,2%, между тѣмъ какъ учительницы только 5%. Семейное положеніе учащихъ представляется въ такомъ видѣ:

Учителя.			Учительницы.		
Женатые . . .	67	69 проц.	Замужнія . . .	4	3,7 проц.
Холостые. . .	28	29 »	Дѣвицы. . . .	96	89,8 »
Вдовцы. . . .	2	2 »	Вдовы	7	6,5 »

Совершенно одинокими живутъ 20 учителей, съ семьями и родственниками—77; въ среднемъ на семью учителя приходится 4 человѣка (отъ 2 до 9 чел.). Учительницъ-одиночекъ 57 чел., остальныя живутъ съ семьями и родственниками, въ среднемъ на одну такую семью приходится 3 чел. (отъ 2 до 5 чел.). Здѣсь умѣстно будетъ привести данныя о размѣрѣ содержанія, получаемаго учащими. Среднее жалованье для всѣхъ вообще по губерніи равно 230 р. 89 к., причемъ учителя въ среднемъ получаютъ 234 руб. (отъ 156 до 312 р.), учительницы 228 р. (отъ 156 до 360 руб.), помощники 180 р. (1 случай) и помощницы 176 руб. (отъ 120 до 222 р.).

По отдѣльнымъ уѣздамъ среднее жалованье выражается въ слѣдующей таблицѣ:

УѢЗДЫ.	Учителя.	Учительницы.	Помощник.	Помощницы.
Цивильскій	278 р. 40 к.	167 р. 50 к.	—	—
Ядринскій	247 » 75 »	240 » — »	180 р.	—
Свіяжскій	247 » 20 »	237 » — »	—	—
Казанскій	241 » 50 »	247 » — »	—	178 р.
Царевококшайскій .	231 » 50 »	230 » 40 »	—	150 »
Чистопольскій. .	223 » 65 »	246 » 50 »	—	188 »
Мамадышскій. . .	223 » — »	237 » — »	—	—
Лаишевскій. . . .	212 » — »	174 » — »	—	—
Спасскій.	200 » — »	200 » — »	—	180 »

Въ 119 случаяхъ (почти 60%) жалованье доставляется на мѣсто; въ 82 случаяхъ (40%) за жалованьемъ приходится ѣздить или посылать довѣренное лицо. Разстояніе это колеблется отъ 2 до 60 верстъ.

Квартиры учащихъ оставляютъ желать очень и очень многаго. 44 случая отмѣчены, когда квартиры учащихъ находятся отдѣльно отъ помѣщенія училища, причемъ въ 28 случаяхъ квартиры нанимаются учащими на свои скудныя средства; наемная плата колеблется отъ 12 до 48 руб. въ годъ. Удобными квартиры признаются въ 104 случаяхъ и въ 100—неудобными. Почти всегда квартира состоитъ изъ одной комнаты, и очень нерѣдки случаи, когда не имѣется даже отдѣльной кухни, такъ что рус-

ская печь помѣщается въ этой же единственной комнатѣ. Наиболѣе частыя неудобства, на которыя слышатся жалобы, это—холодъ, сырость, тѣснота, отсутствіе вентиляціи, пыль, такъ какъ нерѣдки случаи, когда перегородки, отдѣляющія классное помѣщеніе отъ жилой комнаты, не доходятъ до потолка. Одна учительница пишетъ, что комната ея помѣщается на чердакѣ. Учитель выселковскаго училища сообщаетъ, что онъ живетъ на задворкахъ у псаломщика, за что послѣдній платы не беретъ. Каковы удобства этого безплатнаго помѣщенія, видно изъ слѣдующаго: все помѣщеніе состоитъ изъ одной комнаты, имѣющей $6^1/_2$ арш. длины, 6 арш. ширины и $3^1/_2$ арш. высоты; въ комнатѣ помѣщается и русская печь; семья учителя, обитающаго въ этой комнатѣ-кухнѣ, состоитъ изъ семи человѣкъ. Нужно ли что-либо прибавлять къ этому! Школьныя помѣщенія въ 97 случаяхъ (47,5%) страдаютъ тѣми же недостатками—тѣснота, сырость, холодъ и отсутствіе вентиляціи.

На одного учащаго въ среднемъ приходится 44 ученика. 145 учащихъ (71%) занимаются съ тремя отдѣленіями, 54 (26%) — съ двумя и только 5 чел. (3%) занимаются съ однимъ отдѣленіемъ. Въ среднемъ въ недѣлю на одного учащаго приходится $30^1/_2$ часовъ классныхъ занятій; наибольшее число часовъ занятій въ день 7—8, наименьшее 2—3 часа при 164 учебныхъ дняхъ въ году. Помимо предметовъ начальнаго обученія въ 85 школахъ учителями преподается пѣніе, въ 15—гимнастика; 34 случая отмѣчены, когда учительницы преподаютъ рукодѣлье; въ 12 школахъ преподается огородничество, въ 11—садоводство, въ 4—пчеловодство, въ 1—столярное и въ 1—башмачное ремесло. Въ 25 школахъ учащими ведутся воскресно-повторительныя занятія съ окончившими курсъ, въ 4—воскресныя чтенія, въ 4 учителя по воскресеньямъ бываютъ заняты выдачей книгъ изъ школьной библіотеки взрослому населенію; въ 1 школѣ учитель по воскресеньямъ занимается со слабыми и отстающими учениками; 9 случаевъ отмѣчено такихъ, когда учитель занимается со слабыми учениками по вечерамъ ежедневно.

Учительскія библіотеки существуютъ при 155 школахъ. Судя по тому, что составъ этихъ библіотекъ очень часто исчерпывается 10—15 названіями, съ увѣренностью можно сказать, что подъ «библіотекою» здѣсь разумѣется присутствіе въ школьномъ шкафу нѣсколькихъ методическихъ руководствъ и учебныхъ пособій. Только въ 33 случаяхъ отмѣчено присутствіе въ училищѣ книгъ общеобразовательныхъ (научнаго и беллетристическаго содержанія); самая большая библіотека послѣдняго типа заключаетъ въ себѣ 209 томовъ.

Снабженіе учащихъ книгами для чтенія болѣе или менѣе правильно поставлено въ Чистопольскомъ уѣздѣ. Здѣсь земствомъ для учителей открыты 5 окружныхъ библіотекъ, изъ которыхъ и пользуются книгами всѣ учителя уѣзда. Составъ окружныхъ библіотекъ неизвѣстенъ, но можно предполагать, что онъ вообще недуренъ, по крайней мѣрѣ учителя этого уѣзда въ большинствѣ случаевъ заявляютъ, что въ книгахъ для чтенія недостатка

не чувствуется. Изъ періодическихъ изданій въ эти библіотеки выписываются всѣ педагогическіе и 2 общеобразовательныхъ журнала. Другая форма снабженія учащихъ книгами для чтенія существуетъ въ Лаишевскомъ уѣздѣ: здѣсь учащіе пользуются книгами изъ городской библіотеки, за что земствомъ вносится въ пользу библіотеки 120 руб. въ годъ. Въ другихъ уѣздахъ болѣе или менѣе правильной системы въ дѣлѣ снабженія учащихъ книгами не замѣчается, и удовлетвореніе этой наиболѣе важной потребности учителя предоставляется случаю. Въ 56 отвѣтахъ указано, что учащіе берутъ книги для чтенія у частныхъ лицъ, въ 36 — изъ городской библіотеки, причемъ 2—съ платой 20 коп. въ мѣсяцъ, одинъ—1 руб. въ годъ, одинъ—60 коп. въ годъ, одинъ—1 руб. 30 коп. въ годъ и одинъ—25 коп. въ мѣсяцъ; остальные—или безплатно, или за счетъ земства. Въ 24 случаяхъ книгами приходится пользоваться изъ земской управы, въ 10—изъ образцовыхъ библіотекъ, въ 2—изъ ученическихъ библіотекъ; въ 34 случаяхъ книгами совершенно не пользуются по тѣмъ или другимъ причинамъ. Въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи находится и выписка періодическихъ изданій. Въ отдѣльныя школы земствомъ журналы почти не выписываются, если не считать 5 школъ, куда выписывается журналъ *Плодоводство*, и одной школы, гдѣ получается *Ремесленная Газета*. Газетами учителя, повидимому, совершенно не пользуются: только въ 3 случаяхъ учителя отмѣчаютъ, что они берутъ для прочтенія газеты изъ мѣстнаго волостного правленія. Очень рѣдко также приходится выписывать періодическія изданія и на свой счетъ: изъ 204 учащихъ 4 выписываютъ *Родину*, 2 — *Ниву* и по одному — *Вятскую Газету, Русскій Листокъ, Русь, Вокругъ Свѣта, Новь* и *Живописное Обозрѣніе*. Вообще расходъ на пріобрѣтеніе книгъ для чтенія и выписку журналовъ показанъ въ 73 (36%) отвѣтахъ; количество денегъ, расходуемыхъ на этотъ предметъ въ годъ, колеблется отъ 15 коп. (на пріобрѣтеніе календаря) до 50 руб. Въ 9 случаяхъ учащіе пишутъ, что, при всемъ желаніи пріобрѣтать книги для чтенія, принуждены отказывать себѣ въ этомъ за недостаткомъ средствъ, которыхъ не хватаетъ даже на удовлетвореніе самыхъ первыхъ потребностей въ пищѣ и одеждѣ. Наибольшая потребность ощущается въ книгахъ педагогическаго содержанія, наименьшая—въ сельско-хозяйственныхъ.

Стремленіе улучшить свое положеніе черезъ принадлежность къ тому или другому обществу, имѣющему своею цѣлью улучшеніе быта учащихъ, развито далеко не въ достаточной степени: изъ 204 учащихъ только 42 (20%) состоятъ членами общества взаимопомощи учителей и учительницъ въ Казанской губ., внося отъ 1 до 2 рублей въ годъ, и 38 человѣкъ (18%)—членами ссудо-сберегательныхъ кассъ для земскихъ служащихъ, со взносомъ 3 коп. съ рубля получаемаго жалованья. Между тѣмъ, подобныя общественныя организаціи могли бы имѣть весьма важное значеніе въ дѣлѣ воспитанія дѣтей. И здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ въ жизни учителя, нельзя сказать, чтобы все обстояло благополучно. Въ двухъ случаяхъ учителя сообщаютъ, что они не въ состояніи дать своимъ

дѣтямъ образованіе выше начальнаго училища, въ 11 случаяхъ обученіе дѣтей производится или на субсидіи отъ земства, или на средства частныхъ лицъ и только въ 3 случаяхъ учащіе ухитряются тратить изъ своего жалованья нѣкоторую долю на содержаніе дѣтей, обучающихся въ городѣ; 10 случаевъ отмѣчено, когда дѣти обучаются въ той же школѣ, гдѣ учительствуетъ отецъ или мать. Несмотря на тяжелое матеріальное положеніе, сильнаго стремленія среди учащихъ къ перемѣнѣ рода занятій не замѣчается: число лицъ, не желающихъ оставить учительскихъ занятій, втрое превосходитъ тѣхъ, которыя стремятся перемѣнить родъ дѣятельности вслѣдствіе недостаточнаго вознагражденія. На это же указываетъ и средняя продолжительность службы, которая для учителей равняется 9,75 года, для учительницъ—9 годамъ.

Съ мѣстнымъ населеніемъ учащіе въ громадномъ большинствѣ случаевъ находятся въ хорошихъ отношеніяхъ; только въ 4 отвѣтахъ (2%) указывается на непріязненныя отношенія. Почти всегда въ своихъ отвѣтахъ учащіе отмѣчаютъ тотъ фактъ, что взрослое населеніе деревни очень часто обращается къ нимъ за совѣтомъ по тому или другому вопросу; не мало приводится и такихъ случаевъ, когда крестьяне, по просьбѣ учителя, производили разныя улучшенія въ школьномъ помѣщеніи. Несомнѣнно, что на прочныя отношенія учащихъ къ населенію много вліяетъ продолжительность службы учителя на одномъ мѣстѣ. Изъ полученныхъ отвѣтовъ видно, что средняя продолжительность службы на одномъ мѣстѣ (послѣднемъ) для учителей равняется 5 годамъ, для учительницъ—4$^{3}/_{5}$ годамъ.

На педагогическихъ курсахъ участвовало 56 человѣкъ (27%), на сельско-хозяйственныхъ—16 человѣкъ (8%), причемъ нѣкоторые участвовали на курсахъ по нѣсколько разъ. Всѣ участвовавшіе на курсахъ признаютъ за ними несомнѣнную пользу и выражаютъ желаніе, чтобы курсы (педагогическіе) устраивались возможно чаще. Очевидно, что, помимо своего прямого назначенія—пополнить педагогическія знанія учащихъ, курсы вносятъ еще и не мало оживленія въ однообразную трудовую жизнь учителя. Съ этой стороны они, конечно, не могутъ не цѣниться учащими. Въ 105 случаяхъ (51%) учителя свидѣтельствуютъ, что имъ очень рѣдко приходится бывать даже въ своемъ ближайшемъ городѣ; двое сообщаютъ, что въ городѣ имъ совсѣмъ не приходится бывать.

Въ вакаціонное время 68 человѣкъ (33%) занимаются огородничествомъ или садоводствомъ, 9 чел. (4%)—хлѣбопашествомъ, 4 чел. (2%)—письмоводствомъ. Занятія остальныхъ носятъ случайный характеръ и не представляютъ чего-либо постояннаго. Только въ 15 отвѣтахъ (7%) находимъ указаніе на то, что лѣтнее время посвящалось чтенію книгъ, какъ преобладающему занятію; въ 4 отвѣтахъ (2%) отмѣчается, что лѣто посвящалось самообразованію.

Въ заключеніе приведемъ мнѣнія, высказанныя учащими о положеніи учителя, объ условіяхъ, вліяющихъ на его дѣятельность, и о желательныхъ измѣненіяхъ въ нихъ. Въ большинствѣ отвѣтовъ положеніе учителя

признается незавиднымъ, въ нѣкоторыхъ—тяжелымъ, необезпеченнымъ, даже плачевнымъ. Учитель Верхне-Услонскаго училища пишетъ: «Вознагражденіе учителя скудно и старость его ничѣмъ не обезпечена. Между тѣмъ учитель тратитъ свои силы, свои лучшіе годы, несетъ свои познанія и трудъ на образованіе молодого поколѣнія. Что же остается бѣдняку-учителю подъ старость? Одна непокрытая бѣдность, нищенство!» «Трудъ сельскаго учителя,—читаемъ въ другомъ отвѣтѣ,—тяжелый, требующій значительныхъ усилій. Учитель страдаетъ каждый день отъ головной боли, вслѣдствіе духоты и другихъ недостатковъ школьнаго помѣщенія. Въ будущемъ—полная необезпеченность, а въ случаѣ болѣзни или старости — голодная смерть!» «Положеніе сельскаго учителя,—замѣчаетъ учитель Тихонравовъ,—по своимъ изнурительнымъ трудамъ и неблагопріятнымъ условіямъ нельзя сравнивать ни съ какимъ другимъ родомъ службы». «Я не вѣрю, чтобы сельскій учитель могъ достигнуть до старости, — пишетъ другой корреспондентъ,—преждевременная смерть почти всегда сводитъ его въ могилу, оставляя жену и дѣтей его на произволъ судьбы». «Всю жизнь находишься въ душной атмосферѣ,— читаемъ въ отвѣтѣ учителя Козлова,— всю жизнь окруженъ невѣжественной средой, которая съ годами все болѣе и болѣе тянетъ назадъ,—нужны книги, газеты! Матеріальная скудость мѣшаетъ общенію съ людьми болѣе образованными, мало того — даже съ своей братіей по профессіи!» Учительница Яковлева взываетъ къ обществу. «Еслибъ общество,—пишетъ она,—должнымъ образомъ сочувствовало и цѣнило трудъ народнаго учителя, еслибъ оно стремилось улучшить его положеніе, поднять его духъ, то онъ съ бо̀льшимъ усиліемъ, съ бо̀льшей энергіей отдавалъ бы свои силы на великое дѣло народнаго образованія!» «Обезпечить старость,— мечтаетъ учитель Степановъ,— увеличить жалованье, а главное—еслибы можно было на казенный счетъ воспитывать дѣтей!» И такъ далѣе—все въ томъ же родѣ! Приведенныя выписки въ достаточной степени, думается намъ, знакомятъ насъ съ тѣмъ взглядомъ, который усвоилъ себѣ сельскій учитель на свое положеніе. Насъ нисколько не удивляетъ поэтому то обстоятельство, что очень многіе (50%) учителя высказываютъ желаніе заниматься на каникулахъ садоводствомъ, огородничествомъ, даже ремеслами, чтобы такимъ путемъ хотя нѣсколько улучшить свое плачевное матеріальное положеніе. Было бы большой ошибкой видѣть въ этомъ фактѣ отсутствіе болѣе высшихъ стремленій со стороны учителя, тѣсно соприкасающихся съ его прямою дѣятельностью: среди этихъ жалобъ на свое положеніе почти всегда то тамъ, то здѣсь проглядываетъ и забота о школѣ, объ учебномъ дѣлѣ, о дѣтяхъ и т. п. Не мало находимъ указаній на необходимость введенія у насъ всеобщаго обязательнаго обученія, такъ какъ неисправное посѣщеніе дѣтьми школъ сильно отражается на общемъ ходѣ школьнаго дѣла. Нѣкоторые высказываются за необходимость устройства при школахъ ночлежныхъ пріютовъ, за необходимость устройства повторительныхъ курсовъ для взрослыхъ, чтобъ укрѣпить и пополнить тѣ свѣдѣнія, которыя получилъ ученикъ въ школѣ. Не мало встрѣчается жалобъ

на отсутствіе хорошихъ учительскихъ библіотекъ, на невозможность получать хорошіе журналы и газеты; есть указанія на необходимость болѣе частаго устройства педагогическихъ курсовъ и съѣздовъ. Все это, вмѣстѣ взятое, несомнѣнно, указываетъ на то, что, при наличности дѣйствительно невозможныхъ экономическихъ условій учительскаго существованія, онъ, учитель, все-таки не погрязъ въ заботы исключительно только о своемъ существованіи, онъ не опускаетъ безнадежно руки, а, наоборотъ, горячо принимаетъ къ сердцу многочисленные школьные недуги, болѣетъ о нихъ душой и всѣми силами стремится къ ихъ излѣченію. Въ этомъ еще большая заслуга его передъ обществомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—залогъ того, что школьное дѣло будетъ неуклонно развиваться и совершенствоваться.

Въ заключеніе упомянемъ о томъ, что громадное большинство учащихъ мечтаютъ о пенсіи и эмеритурѣ.

Не нужно быть большимъ пессимистомъ, чтобы на основаніи этихъ данныхъ слѣдующимъ образомъ охарактеризовать положеніе учащихъ въ народныхъ школахъ: недостатокъ матеріальной и духовной пищи смолоду, полная необезпеченность до голодной смерти включительно подъ старость; полная невозможность дать своимъ дѣтямъ, не прибѣгая къ благотворительности, хотя какое-нибудь образованіе; наконецъ, полное одиночество,—одиночество, которое не скрашивается даже присутствіемъ достаточнаго количества книгъ и журналовъ—этихъ, хотя и холодныхъ, но вѣрныхъ друзей. Вотъ тѣ условія, при которыхъ приходится жить и работать громадному большинству нашихъ народныхъ учителей, этихъ незамѣтныхъ героевъ, этихъ скромныхъ тружениковъ, беззавѣтно отдающихъ свои знанія, силы и здоровье на великое дѣло просвѣщенія народа, ведущихъ къ лучшему будущему темныя народныя массы, на благосостояніи и благополучіи которыхъ зиждется, вѣдь, благополучіе всей страны. Какими же средствами помочь учителю въ его положеніи?

Суммируя отвѣты учителей на этотъ вопросъ, мы приходимъ къ слѣдующему:

1. Необходимо, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, обезпечить учителя пенсіей.

2. Создать учительскую эмеритуру.

3. Предоставить учителю право безплатно обучать и воспитывать своихъ дѣтей во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ.

4. Помочь учащимъ организоваться въ общества взаимопомощи.

5. Облегчить доступъ къ учителю книгъ, періодическихъ изданій и газетъ.

Это послѣднее положеніе, какъ наиболѣе легко осуществимое, и должно на первое время составить предметъ нашихъ заботъ.

Н. Тулуповъ.

О положеніи учащихъ въ народныхъ школахъ Костромской губерніи.

Получено 115 отвѣтовъ (33 изъ Костромского уѣзда, 7 — изъ Юрьевецкаго, 19—изъ Макарьевскаго, 14—изъ Кологривскаго, 3—изъ Солигалическаго, 14—изъ Галическаго, 8—изъ Буйскаго, 17—изъ неизвѣстныхъ уѣздовъ).

Изъ 115 школъ, изъ которыхъ получены были отвѣты:

школъ земскихъ. . . .	112
казенно-приходская . .	1
министерскихъ	2
въ нихъ:	
учителей	41
учительницъ	74
помощниковъ	3
помощницъ	6

Составъ учителей по сословіямъ.

	Дворянскаго сословія.	Почетныхъ гражданъ.	Чиновнич.	Духовнаго.	Купеческаго.	Мѣщанскаго.	Разночинцы.	Крестьянск. сословія.
Учителей	2	1	—	18	1	10	—	9
Учительницъ . .	22	2	8	27	1	10	—	4
Помощниковъ . .	1	1	—	1	—	—	—	—
Помощницъ . . .	1	—	1	2	—	—	1	1

Семейное положеніе.

Учителя:		Учительницы:	
Женатыхъ	26	Замужнихъ	5
Холостыхъ	14	Дѣвицъ	65
Вдовыхъ	1	Вдовъ	4
Помощники:		Помощницы:	
Женатыхъ	1	Замужнихъ	3
Холостыхъ	2	Дѣвицъ	3

Возрастъ учителей и учительницъ.

Средній возрастъ учителей 29 лѣтъ, младшій—19, старшій—47.

(Изъ 74 учительницъ 4 учительницамъ отъ 20 до 21 лѣтъ; 38 — отъ 21 до 30 лѣтъ; 32—отъ 30 до 45 лѣтъ.)

Помощники 19 и 22 лѣтъ.

Помощницы отъ 17 до 37 лѣтъ.

Средняя продолжительность педагогической дѣятельности въ земствѣ учителей 8 лѣтъ, самая меньшая—1 годъ, наибольшая—27 лѣтъ.

Средняя продолжительность педагогической дѣятельности учительницъ въ земствѣ $8^1/_2$ лѣтъ, наименьшая—1 годъ, наибольшая—24 года.

Образовательный цензъ учащихъ.

	Учительская семинарія.	Гимназія.	Прогимназія.	Епархіальное училище.	Духовная семинарія.	Уѣздное училище.	Духовное училище.	Городское училище.	Свидѣтельст. изъ реальн.	Дѣт. костромской пріютъ.	Монастырск. пріютъ.	Сиротскій домъ.	Домашнее образованіе.
Учителя . .	19	1	1	—	8	2	6	1	2	—	—	—	—
Учительницы	28	14	13	2	—	—	6	1	—	4	4	—	1
Помощники .	1*)	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Помощницы	1	2*)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Жалованье учащимъ по всѣмъ отвѣтамъ, среднее:

Учителямъ . . 235 р. 25 к. Учительницамъ . 220 р.
Помощникамъ. 150 » — » Помощницамъ. . 132 »

Въ Костромскомъ уѣздѣ:

Учителямъ . . . . 228 руб. (отъ 200 до 380).
Помощникамъ . . . .
Учительницамъ . . . . 200 руб. (200—200).
Помощницамъ . . . . 150 руб. (150—150).

Въ Юрьевскомъ уѣздѣ:

Учителямъ . . . . 266 руб. (200—360).
Учительницамъ. . . . . 240 руб. (240—240).

Въ Солигалическомъ уѣздѣ:

Учителямъ . . . . 240 руб. (240—240).

Въ Макарьевскомъ уѣздѣ:

Учителямъ . . . . 336 руб. (200—350).
Учительницамъ . . . . 200 руб. (200—200).

Въ Галическомъ уѣздѣ:

Учителямъ . . . . 274 руб. (200—330).
Учительницамъ . . . . 288 руб. (200—330)

Въ Буйскомъ уѣздѣ:

Учителямъ . . . . 200 руб. (200—200).
Учительницамъ . . . . 196 руб. (180—200).

Въ Кологривскомъ уѣздѣ:

Учителямъ . . . . 200 руб. (200—200).
Учительницамъ . . . . 200 руб. (200—200).
Помощникамъ . . . . 90 руб. (90—90).

Въ другихъ уѣздахъ:

Учителямъ . . . . 213 руб. (200—240).
Учительницамъ . . . . 217 руб. (200—300).
Помощницамъ . . . . 150 руб. (150—150).

Большая часть квартиръ учителей находится при школѣ, но нѣкоторые учителя, за тѣснотою помѣщеній, живутъ на отдѣльныхъ квартирахъ, за

*) Свѣдѣнія объ образовательномъ цензѣ 1 помощника и 3 помощницъ не были даны.

которыя платятъ или сельскія общества, или земства отъ 15 до 30 руб. въ годъ; въ рѣдкихъ случаяхъ эта плата бываетъ больше или меньше (такъ, одна волость платитъ 5 руб. въ годъ за комнату учителя; другая 60 руб. за квартиру). Бываютъ случаи, когда учитель помѣщается въ волостномъ правленіи и при ночлежномъ пріютѣ. Изъ 115 отвѣтовъ видно, что удобныхъ помѣщеній оказывается 47, не совсѣмъ удобныхъ—25, неудовлетворительныхъ—37. Удовлетворительныя помѣщенія свѣтлы, теплы, но часто обладаютъ дурнымъ воздухомъ отъ близкаго сосѣдства съ классами или вслѣдствіе отсутствія вентиляціи. Дурныя помѣщенія представляютъ полную невозможность жить учителямъ. Они малы, холодны и темны, особенно зимой, когда окна замерзаютъ сверху до низу.

Отвѣты о классныхъ помѣщеніяхъ больше чѣмъ на половину благопріятны. Часть отвѣтовъ показываетъ намъ неудовлетворительность классныхъ помѣщеній,—они тѣсны, холодны, темны и отличаются недостаткомъ воздуха. Такъ, изъ одного отвѣта мы узнали, что старшее отдѣленіе учениковъ отдѣляется отъ младшаго холщевою перегородкой; въ другомъ — что въ классѣ такъ холодно, что мерзнутъ чернила; въ третьемъ—отъ недостатка воздуха у учениковъ вызывается головокруженіе и тошнота.

Изъ полученныхъ 115 отвѣтовъ мы видимъ, что большая часть учительскихъ библіотекъ имѣютъ чисто-педагогическій характеръ. Всѣ почти состоятъ изъ методикъ, учебниковъ и руководствъ. Число книгъ въ нихъ очень ограничено: такъ, мы встрѣчаемъ библіотеки, состоящія изъ 5, 10, 11 и т. д. книгъ; двѣ библіотеки имѣютъ по 30 книгъ. Другія имѣютъ отъ 30 до 75 книгъ. Всѣ эти библіотеки состоятъ преимущественно изъ педагогическихъ и духовно-нравственныхъ книгъ, рѣже встрѣчаются книги историческаго и образовательнаго характера. Такъ, въ одной библіотекѣ, состоящей изъ 75 томовъ, 62 тома педагогическаго характера, 10—духовноправственнаго и 3—истор. характера. Въ 22-хъ томахъ другой библіотеки—10 педагогическихъ и 12 книгъ образовательнаго характера. Изъ одной школы учитель сообщаетъ, что книгъ для учителя совсѣмъ нѣтъ, кромѣ «Здоровье» и «Берегите здоровье».

Только изъ 19 отвѣтовъ мы узнаемъ, что существуютъ библіотеки для учителей чисто-образовательнаго и беллетристическаго характера. Такъ, имѣются, напримѣръ: 1) 7 небольшихъ библіотекъ; затѣмъ 2) двѣ передвижныя библіотеки (одна изъ нихъ имѣетъ 4 шкафа книгъ и снабжаетъ книгами въ настоящемъ году 4 училища); 3) изъ отвѣта одного учителя мы видимъ, что библіотека при школѣ небольшая, но земство устраиваетъ передвижную библіотеку; 4) при одномъ училищѣ имѣется библіотека самого учителя, состоящая изъ педагогическихъ, историческихъ и беллетристическихъ книгъ и журнала «Русская Мысль» за нѣсколько лѣтъ; 5) есть библіотека, которая состоитъ изъ 125 томовъ (45 педагогическихъ, 25 духовно-нравственныхъ, 30 историческихъ и 25 беллетристическихъ книгъ); 6) одна библіотека состоитъ изъ 100 книгъ (духовно-нравственныхъ и историческихъ); 7) библіотека изъ 57 томовъ (20 книгъ и брошюръ педагоги-

ческаго характера, 10 книгъ и брошюръ духовно-нравственнаго, 5 историческихъ, 15 естественно-научныхъ, 15 географическихъ и 7 по отечествознанію); 8) одна имѣетъ духовно-нравственныхъ 25 названій, беллетристическаго отдѣла 20 названій (они скорѣе для учениковъ, чѣмъ для учителей) и историческаго 10. Встрѣчается только одна очень большая библіотека, состоящая изъ 1,048 экземпляровъ. Она раздѣляется на 3 отдѣла: 1) учительскій состоитъ изъ 424 экземпляра (226 названій); 2) ученическій — 374 экземпляра (168 названій); 3) учебныя пособія и учебники — 250 экземпляровъ. Книги въ этой библіотекѣ духовно-нравственнаго, педагогическаго, историческаго, беллетристическаго и т. п. содержанія. Остальныя библіотеки очень небольшія и отвѣты о нихъ чрезвычайно скудны.

Замѣчается большая нужда въ книгахъ среди учителей. Одиннадцать, напримѣръ, учителей нуждаются въ книгахъ по *всѣмъ отдѣламъ*; 13—по педагогическому отдѣлу (одинъ изъ нихъ и въ учебникахъ); 5—по беллетристикѣ; по педагогикѣ, беллетристикѣ и исторіи нуждается 1 учитель; по педагогикѣ, исторіи и въ духовно-нравственныхъ книгахъ—1 учитель; духовно-нравственныхъ и историческихъ—1; по беллетристикѣ, исторіи и духовно-нравственныхъ книгахъ—1; по педагогикѣ и въ общеобразовательныхъ и духовно-нравственныхъ книгахъ—1; по педагогическому и историческому отдѣламъ—1; по педагогикѣ, исторіи и философіи—1; по педагогикѣ, садоводству и исторіи—1; по сельскому хозяйству, огородничеству, садоводству и пчеловодству — 1; по исторіи, географіи, естествовѣдѣнію, огородничеству, садоводству—1; по исторіи, естествовѣдѣнію и географіи—2; по беллетристикѣ, исторіи, естествовѣдѣнію и географіи — 1; по педагогикѣ и въ книгахъ общеобразовательнаго характера—1; по беллетристикѣ и исторіи—1, по исторіи, сельскому хозяйству—3; по педагогикѣ и психологіи—1; по педагогикѣ, исторіи, естествовѣдѣнію, техническому отдѣлу и сельскому хозяйству—1; по общеобразовательному и медицинскому отдѣламъ—1; по беллетристикѣ и землемѣрству—1; по беллетристикѣ и общеобразовательному отдѣлу—1; по общеобразовательному отдѣлу—6; по педагогикѣ и духовно-нравственному отдѣлу—2; по духовно-нравственному отдѣлу—1; по педагогикѣ и географіи—1; по исторіи—1; по сельскому хозяйству—2; по закону Божьему и русскому языку—1.

Въ одномъ изъ отвѣтовъ мы видимъ, что учитель желаетъ получать не какой-нибудь педагогическій журналъ, какъ, напримѣръ, «Русскій Начальный Учитель», а какую-нибудь газету. Изъ другого мы видимъ, что въ школѣ замѣчается нужда въ учебникахъ и въ сочиненіяхъ русскихъ писателей, за исключеніемъ Пушкина, сочиненія котораго пріобрѣлъ учитель на свои деньги. Далѣе мы видимъ, что 3 учителя желаютъ книгъ для внѣкласснаго чтенія учениковъ.

Въ 4-хъ школахъ на земскій счетъ выписываются журналы и газеты: «Пчеловодство», «Сельскій Вѣстникъ», «Дѣтскій Отдыхъ», «Русскій Начальный Учитель» (еженедѣльно), «Новь».

За плату 3 рубля въ годъ изъ библіотеки учитель получаетъ: «Русскую Мысль», «Сѣверный Вѣстникъ», «Историческій Вѣстникъ», «Русскую Старину», «Новь», «Ниву», «Родину», газеты: «Сынъ Отечества», «Свѣтъ», «Новое Время».

Безплатно отъ частныхъ лицъ журналами и газетами пользуются 25 учителей: «Сынъ Отечества», «Свѣтъ», «Нива», «Живописное Обозрѣніе», «Родина», «Православный Вѣстникъ», «Костромскія Губернскія Вѣдомости», «Биржевыя Вѣдомости», «Новости», «Русь», «Сельскій Вѣстникъ», «Пчеловодство», «Русская Мысль», «Вокругъ Свѣта», «Вѣстникъ Европы», «Сѣверный Вѣстникъ», «Русскій Вѣстникъ», «Русскій Начальный Учитель», «Русская Старина», «Сѣверъ».

Выписываютъ на свой счетъ 7 учителей журналы и газеты: 1) «Недѣлю» съ приложеніемъ и «Образованіе», 2) «Русскую Мысль» и газету «Русь», 3) «Недѣлю», «Міръ Божій» и «Русское Богатство», 5) «Родину», 6) «Свѣтъ», 7) «Недѣлю».

Въ 15-ти школахъ выписываются журналы и газеты: 1) «Живописное Обозрѣніе» и «Сѣверъ» на счетъ попечителя школы; 2) «Нива» присылается отъ имени петербургскаго литературнаго кружка; 3) «Русскій Начальный Учитель» выписывается на средства министерства народнаго просвѣщенія; 4) «Нива» присылается попечителемъ школы; 5) «Нива»; 6) «Историческій Вѣстникъ» на средства волостного правленія, а также сочиненія Гоголя, въ прошломъ году выписывался «Міръ Божій», «Образованіе» на средства попечителя; 7) «Родникъ», «Воспитаніе и Обученіе» (листокъ); 8) «Русскій Паломникъ» и «Родину»; 9) получаютъ черезъ инспектора «Русскій Начальный Учитель» (въ прошломъ году); 10) «Русскій Начальный Учитель»; 11) «Русскій Начальный Учитель»; 12) «Русскій Начальный Учитель»; 13) «Русскій Начальный Учитель»; 14) «Русскій Начальный Учитель»; 15) «Родина», «Задушевное Слово», газеты и журналы выписываются на счетъ попечителя.

Для одной школы ничего не выписывается вслѣдствіе бѣдности волости. Въ двухъ отвѣтахъ мы находимъ жалобы учителей на то, что они въ продолженіе цѣлаго года остаются безъ книгъ для чтенія, такъ какъ не имѣютъ возможности выписывать газеты и журналы.

На педагогическихъ курсахъ было 8 учителей, причемъ 3 изъ нихъ были по три раза на курсахъ: въ 74, 75 и 76 годахъ; одинъ въ Костромѣ, одинъ въ 74—75 годахъ въ Макарьевѣ и Костромѣ; одинъ въ 73 г. у Водовозова; одна учительница у Бунакова и Егорова въ 74 году.

Одинъ учитель былъ на курсахъ садоводства, огородничества и ручного труда; на курсахъ пчеловодства и садоводства, при Бурашевской школѣ, была одна учительница, на которыхъ она пріобрѣла мало знаній вслѣдствіе краткости. На курсахъ одного огородничества были трое учителей. Въ одной школѣ земство ассигновало 50 руб. на устройство огорода при школѣ.

Всѣ учителя признаютъ несомнѣнную пользу педагогическихъ и другихъ

курсовъ и учительскихъ съѣздовъ: «польза курсовъ заключается въ томъ, что знаніемъ, полученнымъ на нихъ, можно дѣлиться не только съ учениками, но и съ населеніемъ вообще и черезъ это сблизиться съ нимъ», находимъ мы въ одномъ отвѣтѣ; «учительскіе съѣзды очень полезны, потому что они даютъ возможность совершенствоваться въ знаніяхъ и педагогическихъ пріемахъ черезъ общеніе между учащими», находимъ мы въ другомъ. Въ одномъ отвѣтѣ отзывъ такой о съѣздахъ и курсахъ: «польза отъ съѣздовъ и курсовъ очень большая: это — обновленіе утомленныхъ силъ и энергіи, не говоря уже о пріобрѣтеніи новыхъ знаній».

Нѣсколько учителей состоятъ членами разныхъ обществъ. Такъ, 1 состоитъ членомъ въ обществѣ потребителей, 6—членами въ ссудо-сберегательной кассѣ, одинъ изъ нихъ, кромѣ того, состоитъ корреспондентомъ губернской земской управы по доставленію хозяйственно-статистическихъ свѣдѣній и агентомъ добровольнаго земскаго страхованія скота.

Шесть учительницъ занимаются рукодѣліемъ, двѣ уроками за плату, девять сельскимъ хозяйствомъ, огородничествомъ—1, домашнимъ хозяйствомъ—2, рукодѣліемъ и чтеніемъ—1, рукодѣліемъ, чтеніемъ и сельскимъ хозяйствомъ—1, чтеніемъ и уроками—1, занимается рукодѣліемъ, желала бы заняться самообразованіемъ—1, занимается рукодѣліемъ, желала бы заняться огородничествомъ—1, занимается рукодѣліемъ и садоводствомъ, желала бы заняться огородничествомъ—1, занимается чтеніемъ, желала бы заняться огородничествомъ—1, занимается сельскимъ хозяйствомъ и шелководствомъ—1, занимается сельскимъ хозяйствомъ и домашнимъ—1, желалъ бы заниматься самообразованіемъ, огородничествомъ, садоводствомъ и сѣнокошеніемъ на собственномъ уголкѣ земли при собственномъ домѣ—1, занимается огородничествомъ, садоводствомъ, ягодничествомъ и пчеловодствомъ—1, занимается огородничествомъ, пчеловодствомъ, рыбной ловлей—1, желала бы давать уроки и заниматься пчеловодствомъ—1, занимается огородничествомъ, но желала бы заниматься еще пчеловодствомъ—1, занимается домашнимъ хозяйствомъ, желала бы заняться самообразованіемъ—1, занимается садоводствомъ, пчеловодствомъ—1, занимается домашнимъ хозяйствомъ, желала бы заниматься пѣніемъ—1, одинъ занимается тоже сѣнокошеніемъ; 7 человѣкъ желали бы заниматься уроками; желали бы заниматься огородничествомъ и садоводствомъ—4, желали бы заниматься огородничествомъ и пчеловодствомъ—2, желалъ бы заниматься огородничествомъ, садоводствомъ и пѣніемъ—1, желалъ бы заниматься садоводствомъ, сельскимъ хозяйствомъ, пчеловодствомъ—1, желали бы заниматься переплетнымъ мастерствомъ 1, 1 ремеслами, 1 ручнымъ трудомъ, 2 служить за плату, 1 заниматься самообразованіемъ. Трое учителей уѣзжаютъ отдыхать.

Одинъ учитель занимается сельскимъ хозяйствомъ на арендуемомъ имъ кускѣ земли, платя 15 руб. въ годъ; держитъ корову, овцу и телятъ. Одинъ состоитъ въ имѣніи управляющимъ. Одинъ два мѣсяца (май, іюнь) занимается огородничествомъ и пчеловодствомъ на арендуемой имъ землѣ;

другой два мѣсяца (іюль и августъ) находится у нижегородскаго купца приказчикомъ. Одинъ желаетъ на лѣто мѣсто конторщика. Одинъ имѣетъ книги и журналы и читаетъ крестьянамъ обыкновенно въ праздничные дни; занимается также хозяйствомъ (посѣвомъ ржи и овса и огородныхъ овощей). Онъ желалъ бы заняться хозяйствомъ въ большомъ размѣрѣ и на своей землѣ. Одинъ желаетъ изучить мастерство для заработка; желаетъ изучить часовое мастерство и знакомилъ бы съ нимъ учениковъ. Другой желаетъ «увеличить денежный приходъ».

Въ 67 отвѣтахъ мы находимъ, что отношенія установлены хорошія, порой даже дружественныя, крестьяне обращаются съ просьбами во время болѣзни, просятъ писать письма, ходятъ за совѣтами, слушаютъ чтеніе учительницы. Въ одномъ мѣстѣ волость, несмотря на бѣдноту, дала 55 р. на ремонтъ зданія; въ другомъ—помогаютъ всѣмъ, чѣмъ можно. Въ одномъ мѣстѣ ежегодно прибавляютъ на письменныя принадлежности и учительницу любятъ. Въ одномъ мѣстѣ очень любятъ учителя, такъ какъ онъ проводитъ почти весь день съ учениками и подаетъ медицинскую помощь до прибытія врача, пользуясь медикаментами. Одинъ учитель выходилъ нѣсколько разъ на сходы, гдѣ къ нему относились съ уваженіемъ и по его совѣту хотятъ выстроить школу въ 1,500 руб. Трое учителей въ отчужденіи съ народомъ (населеніе чуждается), въ его глазахъ учитель не высоко стоитъ, виноваты въ этомъ сами учителя (признается учитель), отцы и матери заходятъ иногда въ классъ, къ учителямъ не заходятъ, только молодежь приходитъ брать книги. Одна учительница ведетъ замкнутый образъ жизни, такъ что ее никто не знаетъ въ лицо, и получила названіе «затворницы» (ей 21 годъ и она окончила въ VIII классѣ женской гимназіи). Другая тоже находится въ отчужденіи съ населеніемъ (ей 26 лѣтъ), она кончила епархіальное симбирское училище.

8 учителей не имѣютъ никакого отношенія къ народу.

12 учителей еще не выяснили отношеній, потому что недавно на своихъ мѣстахъ.

25 учителей совсѣмъ не отвѣчаютъ на этотъ вопросъ.

Количество учащихся въ 112 школахъ (3 учителя не дали отвѣта)—8,431 чел.

Наименьшее число учениковъ въ школѣ съ однимъ учителемъ 20, наибольшее—93; съ двумя учителями наименьшее 57, наибольшее—137.

Церковному пѣнію обучаютъ въ 24 школахъ, просто пѣнію въ 4 школахъ, рукодѣлію въ 11 школахъ, гимнастикѣ въ 4 школахъ, огородничеству въ 1, садоводству въ 2, церковному пѣнію и гимнастикѣ въ 1, церковному пѣнію и рукодѣлію въ 1, просто пѣнію и гимнастикѣ въ 2 школахъ, огородничеству и садоводству въ 4. Въ одной школѣ священникъ преподаетъ церковное пѣніе, садоводство, огородничество и пчеловодство.

Вечернія дополнительныя занятія были въ 15 школахъ (въ одной изъ нихъ учитель занимался съ малоспособными), а въ нѣкоторыхъ устра-

кались не только чтенія, но и дѣтскія игры. Въ одной изъ школъ велись народныя чтенія по вечерамъ.

Учебный годъ въ 49 школахъ начинается 1 или 10 октября и кончается въ послѣднихъ числахъ апрѣля или мая 1 и 2 числа. Въ остальныхъ школахъ занятія начинаются въ 1-хъ или 20 числахъ сентября и кончаются въ концѣ апрѣля, или въ первыхъ числахъ (иногда въ серединѣ) мая. 1 сентября открываютъ свои занятія только 4 школы (продолжаются до первой половины мая). Всѣхъ учебныхъ дней въ 3 школахъ 180 и 190 дней. Въ 25 школахъ учебныхъ дней 130—140, въ 55 школахъ отъ 140 до 165 дней, въ 7 школахъ отъ 170 до 180 дней, въ 4 школахъ отъ 109 до 115 дней. Отъ 11 школъ нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ.

О. Г.

Русскій ученый школы Тэна.

(*А. Шаховъ:* «Гёте и его время». Изданіе 2-е. 1897 г.).

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилась замѣчательная книга А. Шахова, и уже въ прошломъ году съ трудомъ можно было достать ее въ продажѣ. Одинъ этотъ успѣхъ, рѣдко выпадающій на долю ученыхъ разсужденій, свидѣтельствуетъ о томъ, что трудъ покойнаго отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляетъ къ серьезной книгѣ современная образованная публика. Вопросъ объ исторіи литературы, какъ наукѣ, объ ея методѣ до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ, и трудно встрѣтить среди ученыхъ два совершенно тождественныхъ мнѣнія объ этомъ предметѣ.

Всякій новый историкъ литературы является съ своей собственной точкой зрѣнія.

Не далѣе какъ въ нынѣшнемъ году вышелъ русскій переводъ *Исторіи французской литературы* Лансона. Авторъ ея, въ предисловіи къ этому труду, договорился до того, что даже не призналъ за исторіей литературы права существованія въ видѣ отдѣльной науки. До чего несостоятеленъ такой взглядъ, видно изъ того, что книга Лансона является опроверженіемъ его собственнаго предисловія. Въ виду того сумбура, который господствуетъ во взглядахъ на исторію литературы, всякій трудъ, удовлетворяющій современнымъ требованіямъ науки, заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Извѣстно, что начало новой стадіи въ исторіи интересующаго насъ вопроса положилъ знаменитый историческій методъ Тэна, сущность котораго изложена въ *Philosophie de l'art* и *Histoire de la litt. anglaise.* Первый изъ названныхъ трудовъ съ неотразимой послѣдовательностью показалъ, въ чемъ заключается сущность художественнаго произведенія; связь между художественнымъ произведеніемъ и породившей его исторической обстановкой раскрыта съ поразительной ясностью, и послѣ этого для историка литературы не остается никакого сомнѣнія, на что главнымъ образомъ онъ долженъ обратить свое вниманіе. Историческій методъ Тэна от-

личается отсутствіемъ догматизма. Старая эстетика начинала съ опредѣленія прекраснаго и, вооружившись произвольно созданными правилами, измѣряла ими достоинство художественныхъ произведеній. Тэнъ стремился объяснить ихъ, смотрѣлъ на нихъ какъ на «факты и явленія, которыхъ должно обозначить характеристическія черты и отыскать причины—и только». Для него не существуетъ произведеній, недостойныхъ вниманія; всѣ формы искусства, всѣ школы, даже тѣ, которыя кажутся наиболѣе противоположными, въ глазахъ послѣдователя историческаго метода являются различными проявленіями человѣческаго духа; онѣ одинаково подлежатъ его изслѣдованію, подобно тому какъ апельсинное дерево и лавръ, ель и береза равно цѣнны въ глазахъ ботаника.

Историческій методъ даетъ Тэну возможность выяснить сущность художественныхъ произведеній и объясняетъ ихъ возникновеніе.

II.

Цѣль художественнаго произведенія—подражаніе ощутимой внѣшности предмета, но искусство не стремится къ безусловно-точному подражанію: оно воспроизводитъ въ ощутимой внѣшности предметовъ лишь соотношенія между частями, причемъ выдвигаетъ на первое мѣсто тѣ черты, которыя являются главными въ самомъ предметѣ. Отсюда вытекаетъ слѣдующее опредѣленіе художественнаго произведенія: оно «имѣетъ цѣлью обнаружить какой-либо существенный или наиболѣе выдающійся характеръ, стало-быть какую-нибудь преобладающую идею яснѣе и полнѣе, чѣмъ она проявляется въ дѣйствительныхъ предметахъ».

Опредѣливъ художественное произведеніе, Тэнъ обнаруживаетъ процессъ его возникновенія. Съ помощью тонкаго тщательнаго анализа онъ раскрываетъ безчисленныя звенья той цѣпи, которая соединяетъ художника съ окружающей средой. Въ эпоху горести и унынія не можетъ явиться и существовать художникъ съ чувствами, потребностями и склонностями противоположнаго характера. Много зеренъ и сѣмянъ заносится вѣтромъ на извѣстную почву, но только тѣ изъ нихъ примутся и дадутъ богатые всходы, которымъ благопріятствуютъ и почва, и физическая температура, и совокупность массы другихъ условій, остальныя погибнутъ въ чуждой атмосферѣ. Такъ и для развитія таланта необходимо благопріятное состояніе умовъ и нравовъ окружающей среды. Талантъ, не пришедшійся ко времени, погибнетъ, не найдя сочувствія и поддержки; современники не замѣтятъ его созданія; они съ восторгомъ встрѣтятъ и поддержатъ только тѣ творенія, въ которыхъ воплотятся ихъ собственныя чувства, потребности и склонности.

Нравственное и умственное состояніе одно и то же для общества и художниковъ. «Только голосъ этихъ послѣднихъ,—говоритъ Тэнъ,—слышимъ мы на разстояніи вѣковъ, но въ звукахъ этого гремящаго голоса, дрожанія котораго достигаютъ нашего слуха, мы распознаемъ сложный

гулъ и какъ бы необъятное глухое жужжаніе,—распознаемъ великій, безконечный, сложный говоръ народа, вторившаго имъ вокругъ. Они и великими-то сдѣлались вслѣдствіе этой гармоніи».

Отсюда сама собою опредѣляется задача историка литературы; онъ долженъ уловить этотъ неясный гулъ, несущійся изъ глубины вѣковъ, указать намъ нити, связывающія общее міровоззрѣніе эпохи съ тѣми литературными произведеніями, которыя дошли до насъ; для этого онъ долженъ всесторонне разъяснить преобладающіе типы и идеи, господствовавшіе въ литературѣ каждой эпохи, такъ какъ въ нихъ воплотилось современное міросозерцаніе. Таково общее опредѣленіе его задачи. Но при ея выполненіи возникаетъ цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ, и прежде всего вопросъ о выборѣ тѣхъ произведеній, которыя подлежатъ изученію историка литературы. Для правильнаго пониманія общихъ идей извѣстной эпохи недостаточно изучить одни художественныя произведенія. Для всесторонней оцѣнки этихъ послѣднихъ, стоящихъ въ центрѣ изученія, необходимо нерѣдко обращаться къ трудамъ философскимъ и научнымъ. Умѣлое и своевременное пользованіе ими составляетъ одно изъ главныхъ требованій, которыя мы предъявляемъ къ историку литературы. Далѣе вопросъ о характерѣ писателя. Творецъ художественнаго произведенія никогда не можетъ отрѣшиться отъ идей и взглядовъ своего времени, но его личныя склонности и идеалы, свойственные ему одному, какъ извѣстной индивидуальности, не могли не отразиться въ его произведеніяхъ. Если историкъ литературы стремится во всѣхъ деталяхъ постигнуть міросозерцаніе эпохи, онъ долженъ выдѣлить въ произведеніи личный, біографическій элементъ, а для этого—постоянно имѣть въ виду типическія черты художника. Наконецъ, изучая художественное произведеніе, необходимо остановиться на его значеніи для всѣхъ эпохъ и народовъ, указать въ немъ вѣчный элементъ, разсмотрѣть его источники, исторію сюжета, степень оригинальности и проч.

Только тогда, когда всѣ эти вопросы получатъ надлежащее освѣщеніе, процессъ распространенія въ массѣ господствующихъ идей будетъ постигнутъ во всѣхъ деталяхъ, и задача историка литературы будетъ выполнена.

Мы не имѣемъ въ виду здѣсь разсматривать историко-литературные труды самого Тэна. Знаменитому французскому философу и публицисту можно было бы сдѣлать нѣкоторые упреки, когда онъ переходитъ изъ области философской теоріи къ ея примѣненію. Сосредоточивъ все свое вниманіе на главномъ центрѣ тяжести, онъ не всегда съ достаточной полнотой освѣщаетъ остальныя, указанныя выше стороны вопроса, но его великая заслуга состоитъ уже въ томъ, что онъ первый сумѣлъ указать этотъ центръ тяжести и своей стройной теоріей, исполненной неотразимой логики, объяснилъ первенствующее значеніе вопросовъ, до него остававшихся на заднемъ планѣ.

III.

Книга Шахова является блестящимъ примѣненіемъ историческаго метода къ одной изъ любопытнѣйшихъ эпохъ въ исторіи литературы.

Авторъ начинаетъ со сжатой и яркой картины полнаго оскудѣнія литературы и научныхъ силъ въ Германіи XVII и первой половины XVIII вѣка. Сдѣлавъ затѣмъ краткую характеристику умственныхъ теченій во Франціи и Англіи XVIII в. и весьма тонко подмѣтивъ причины, помѣшавшія распространенію этихъ теченій въ Германіи, Шаховъ переходитъ къ литературѣ, предшествовавшей времени Гёте. На нѣсколькихъ страницахъ въ живомъ изложеніи обрисовываются три главныхъ факта: появленіе спеціальной буржуазной литературы параллельно съ развитіемъ буржуазіи и увеличеніемъ степени ея образованности; паденіе ложно-классическаго направленія и въ замѣнъ этого обращеніе къ германской старинѣ; возникновеніе національной литературы. Авторъ мастерски связываетъ сантиментализмъ буржуазной литературы съ будущей поэзіей *міровой скорби*, справедливо видя въ этомъ сантиментализмѣ первые ростки «мірового» скептицизма.

Благодаря этимъ интереснымъ страницамъ читатель сразу введенъ въ кругъ идей эпохи. Характеристика литературной дѣятельности Лессинга, Клопштока и Виланда раскрываетъ мысли и чувства, которыми жило современное общество; элементы, изъ которыхъ разовьются послѣдующія умственныя теченія, уже указаны. *Гецъ*, *Вертеръ* и *Фаустъ* не будутъ одиноко стоящими литературными произведеніями; каждый изъ нихъ отмѣтитъ извѣстную стадію въ развитіи идей.

Указавъ, что однимъ изъ идеаловъ, завѣщанныхъ просвѣтительнымъ французскимъ движеніемъ, была борьба лица съ традиціонными стѣсненіями, протестъ личности противъ общественныхъ отношеній, выработанныхъ преданіями и предразсудками, Шаховъ показываетъ, какое направленіе приняла эта борьба въ Германіи, какъ благодаря ей возникла знаменитая литература *бурныхъ геніевъ*. Логика событій привела къ тому, что принципъ индивидуализма, господствомъ котораго отмѣчена вся новая исторія литературы, начиная съ эпохи Возрожденія, породилъ въ Германіи геніальныхъ или правильнѣе—геніальничающихъ писателей, воплотившихъ этотъ принципъ въ странныя, часто комическія формы. Но, указавъ отрицательныя стороны литературы Sturm und Drang'а, Шаховъ, со свойственнымъ ему тонкимъ умѣньемъ связывать событія, уже разглядываетъ въ комическихъ позахъ мятежныхъ «геніевъ» новые ростки, изъ которыхъ выростутъ впослѣдствіи два великихъ творенія новаго времени: «Критика чистаго разума» укажетъ границы гордому разуму человѣка, стремящемуся переступить предѣлы дозволеннаго, а Гёте—еще недавно самъ мятежный геній—въ своемъ «Фаустѣ» изобразитъ намъ безсиліе человѣка въ его стремленіи объять необъятное и разскажетъ муки этого стремленія.

Такова связь Sturm und Drang'а съ предшествующими и послѣдующими

литературными фактами. Какъ главная вершина этого движенія, во всѣхъ развѣтвленіяхъ ярко изображеннаго Шаховымъ, высится одно изъ лучшихъ произведеній Гете: «Гецъ фонъ-Берлихингенъ». На этомъ произведеніи Шаховъ еще разъ выясняетъ во всѣхъ деталяхъ, какое направленіе приняла въ Германіи идея протеста личности противъ традиціонныхъ стѣсненій.

Переходя къ Вертеру, авторъ предварительно указываетъ на три комбинаціи, которыя получаются обыкновенно въ человѣкѣ изъ столкновенія его идеаловъ съ дѣйствительностью, и объясняетъ такимъ образомъ сущность и происхожденіе *міровой скорби*. Блестящій психологическій анализъ знаменитаго скорбника даетъ возможность глубоко заглянуть въ его душу и въ ужасныхъ страданіяхъ этой души прочесть великій разладъ между идеаломъ и дѣйствительностью, начало «послѣдней схватки» между метафизикой и наукой. «Въ этотъ моментъ,—говоритъ авторъ, — мы застаемъ міровую скорбь, какъ знаменье какого-то страшнаго интеррегнума въ понятіяхъ».

Сдѣлавъ обзоръ другихъ литературныхъ направленій, явившихся результатомъ разлада между идеаломъ и дѣйствительностью, Шаховъ переходитъ къ главному предмету своей работы, Гётевскому «Фаусту» и сопоставляетъ его съ «Критикой чистаго разума» Канта. Значеніе художественнаго произведенія, какъ посредника между философскими идеями эпохи и массой, никогда не раскрывалось такъ остроумно, такъ ярко, какъ въ этомъ блестящемъ сопоставленіи. Въ *Критикѣ чистаго разума* Кантъ опредѣлилъ границы нашей познавательной способности, призналъ полную несостоятельность чистаго разума въ вопросахъ о сверхчувственныхъ и безусловныхъ предметахъ, и, по словамъ Шахова, «прочелъ отходную всякой метафизикѣ». *Фаустъ* Гёте приводитъ къ тѣмъ же выводамъ: та же борьба между унаслѣдованными стремленіями къ абсолютному и критическою мыслью, тотъ же выводъ объ ограниченности человѣческаго разума. Своими сарказмами по адресу метафизическихъ измышленій Мефистофель въ сущности выражаетъ мысли Канта. Такъ проходитъ предъ нами процессъ освобожденія личности и ея освободительныхъ мученій въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.

Этотъ процессъ оканчивается сознаніемъ необходимости разумно ограничить личность. Вѣдь Вертеръ потому и гибнетъ, что даетъ полную волю своему сердцу. На зарѣ новѣйшаго времени возникаетъ новый взглядъ на личность: человѣкъ—членъ союза; сословныя различія исчезаютъ и взаимный равный трудъ является принципомъ новаго общества. Шаховъ съ его обычной искусной манерой улавливаетъ первые признаки «новыхъ вѣяній» въ послѣднемъ изъ крупныхъ произведеній Гёте, въ его *Вильгельмѣ Мейстерѣ*. «Отъ старика-Гёте, принадлежавшаго своими лучшими идеалами другому столѣтію—гуманитарно-либеральному, нельзя было требовать систематическаго выясненія идей, которыя только начали всплывать на поверхность общественнаго сознанія. Онъ почуялъ новое вѣяніе и уже въ

этомъ обнаружилъ геніальность своей натуры». Этимъ вступленіемъ литературы въ новый періодъ своего существованія оканчивается характеристика Гётевской эпохи.

IV.

Мы отмѣтили главные моменты въ этой характеристикѣ, но они не даютъ еще представленія о богатствѣ содержанія всей книги. Съ главнымъ процессомъ развитія идей авторъ сумѣлъ искусно связать побочныя умственныя теченія, такъ что всѣ они сходятся у него въ общемъ источникѣ, какъ многочисленные ручейки и притоки стекаются въ общую рѣку. Съ другой стороны избранная эпоха не является чѣмъ-то одинокимъ. Авторъ сумѣлъ расширить рамки своей задачи до крайнихъ предѣловъ: изучая по Шахову время Гёте, читатель мало-по-малу начинаетъ постигать общій духъ четырехъ послѣднихъ вѣковъ, исторію которыхъ принято называть новой исторіей. Авторъ умѣетъ вовремя перенести его въ средніе вѣка, поднять предъ нимъ кончикъ завѣсы, скрывающей античный міръ, кстати упомянуть о ложно-классическомъ направленіи. Остроумными сближеніями и сопоставленіями онъ переноситъ насъ и во Францію, и въ Англію, и въ Польшу, и даже въ Россію. Въ результатѣ на заднемъ планѣ получается картина умственнаго и нравственнаго движенія Европы на протяженіи всего новаго времени, а впереди ярко вырисовывается избранная авторомъ эпоха.

Этотъ методъ требуетъ огромнаго таланта и великаго чутья: нужно выбирать изъ всемірной литературы только то, что служитъ къ болѣе яркому освѣщенію основной темы и разъясняетъ роль данной эпохи въ общей исторіи человѣческаго прогресса; иначе изслѣдователь рискуетъ увлечься и превратить науку въ фельетонную болтовню. Эта широта взгляда, дающая возможность расширить кругозоръ читателя до крайнихъ предѣловъ, а съ другой стороны чувство мѣры, придающее изслѣдованію строго-научный характеръ—вотъ два главныя свойства, отличающія нашего ученаго. Ими обусловливаются и другія достоинства его историко-литературнаго метода.

Тэнъ въ своихъ историко-литературныхъ трудахъ, напримѣръ, въ *Hist. de la litt. anglaise* или въ этюдѣ о Бальзакѣ, для характеристики среды и исторической обстановки, въ которой возникло то или другое художественное произведеніе, часто прибѣгаетъ почти къ беллетристической формѣ изложенія. Въ художественныхъ образахъ представитъ онъ вамъ эпикурейскую жизнь милетскаго гражданина, салонъ эпохи Ренессанса, или парижскую гостиную XIX вѣка. Воображеніе читателя легко переносится въ соотвѣтствующую эпоху. Но строгій ученый могъ бы указать порою невѣрные штрихи въ этихъ мастерскихъ по своей художественности картинкахъ; онъ могъ бы иногда упрекнуть Тэна въ отсутствіи историческихъ документовъ, оправдывающихъ его красивую, детально отдѣланную кар-

тину, нерѣдко созданную на основаніи тѣхъ самыхъ художественныхъ произведеній, которымъ она должна предшествовать.

Шаховъ для знакомства съ настроеніемъ и духомъ эпохи прибѣгаетъ къ другому, болѣе вѣрному методу. Еще не подвергнувъ анализу даннаго художественнаго произведенія, онъ выбираетъ характерный трудъ по какой-нибудь изъ научныхъ отраслей: по философіи или изъ области юридическихъ знаній, даже по естественнымъ наукамъ и богословію. На нихъ онъ старается показать, какъ тѣ или другія потребности и склонности эпохи вылились въ отвлеченныя положенія. Когда читатель такимъ образомъ познакомился съ воззрѣніями эпохи въ научной обработкѣ, Шаховъ разъясняетъ художественное произведеніе, отразившее тѣ же взгляды. Мы уже упоминали о замѣчательномъ сопоставленіи *Критики чистаго разума* и *Фауста*. Не менѣе талантливо сопоставляетъ авторъ трактатъ Юстуса Мёзера «О кулачномъ правѣ» съ «Гецомъ». Изложеніе основныхъ идей знаменитаго въ свое время нѣмецкаго юриста уже заранѣе указываетъ читателю, какое направленіе получила въ Германіи XVIII в. идея индивидуализма, и «Гецъ» служитъ художественнымъ воспроизведеніемъ тѣхъ самыхъ взглядовъ, которыхъ ученымъ апологетомъ явился Мёзеръ.

Этотъ методъ съ научной точки зрѣнія имѣетъ огромное преимущество, такъ какъ основаніемъ его служитъ всѣмъ доступный историческій документъ.

V.

Разсмотримъ теперь отношеніе Шахова къ другимъ вопросамъ, поставленнымъ въ началѣ нашей статьи. Шаховъ очень внимательно изучаетъ источники, изъ которыхъ художникъ почерпнулъ сюжетъ для своего произведенія. Если даннымъ сюжетомъ пользовались и другіе писатели, нашъ ученый всегда даетъ сжатый и яркій обзоръ литературы, посвященной этому сюжету. Но и здѣсь сказывается общая тенденція, которой проникнута вся книга, именно—постоянное стремленіе во всѣхъ подробностяхъ разъяснить общее міросозерцаніе данной эпохи.

Разбирая «Автобіографію рыцаря Геца», которой воспользовался Гёте для своей драмы, онъ проводитъ параллель между средневѣковыми взглядами на личность и воззрѣніями на индивидуальность конца XVIII вѣка. Эти сравнительныя параллели позволяютъ лучше уразумѣть ту стадію, въ которой находится данная эпоха по отношенію, если можно такъ выразиться, къ вѣчнымъ вопросамъ, и убѣдиться въ непрерывномъ прогрессѣ добра и гуманности.

Занимаясь эпохой Гёте, авторъ не можетъ обойти вопроса о вѣротерпимости, разрѣшеніе котораго въ духѣ лучшихъ идеаловъ времени мы находимъ въ *Натанѣ* Лессинга. Зорко всматривается авторъ въ далекое, темное прошлое и извлекаетъ оттуда типы «жидовъ». Литература увѣковѣчила фанатическій энтузіазмъ среднихъ вѣковъ, когда народная ненависть

экономическаго происхожденія подавала руку грубому суевѣрію и находила исходъ въ дикой рѣзнѣ и огульныхъ сожженіяхъ евреевъ. Марло и Шекспиръ изобразили намъ воззрѣнія на евреевъ въ ту эпоху, когда уже чувствовалось вѣяніе новаго времени, но «душный запахъ міра католическаго и феодальнаго еще не выдохся». Изъ устъ Шейлока несутся исполненныя неумолимой логики тирады противъ вѣковой несправедливости, униженій и гоненій, но «жиду» не возвращены еще права человѣческой природы.

Но вотъ является Натанъ, и сынъ гонимой націи получаетъ наконецъ «возмездіе за прежнее горе-злосчастіе», получаетъ его въ столѣтіе свободы мысли, терпимости и гуманизма: «представитель еврейства—Натанъ—является представителемъ лучшихъ стремленій человѣчества, апостоломъ гуманности»...

Еще большею широтой отличается блестящій обзоръ литературы, посвященный *Фаусту*. Именно на развитіи этого сюжета удобно показать роль избранной авторомъ эпохи въ исторіи новѣйшей культуры. «Сага о докторѣ Фаустѣ,—говоритъ онъ,—какъ бы открываетъ и закрываетъ для насъ тотъ періодъ человѣческаго развитія, который простирается приблизительно съ конца XV до начала XIX вѣка. Фаустъ — герой всей новой исторіи, этихъ столѣтій усиленнаго умственнаго труда человѣчества и его тяжкихъ душевныхъ мученій».

Народная фантазія въ XVI вѣкѣ создала изъ этого героя типъ вольнодумца-колдуна. «Повѣсть о докторѣ Фаустѣ», изданная въ 1587 году Шписомъ, главный источникъ для всѣхъ послѣдующихъ литературныхъ редакцій фаустовской саги, имѣетъ поучительную цѣль — предостереженіе христіанъ отъ дьявольскихъ наважденій: первые взрывы человѣческаго вольномыслія получаютъ достойную кару въ столѣтіе, еще не избавившееся отъ старыхъ традицій. И въ драмѣ Марло стремленія пытливаго изслѣдователя еще трактуются какъ грѣховныя и безбожныя, хотя знаменитый докторъ уже начинаетъ пріобрѣтать сочувствіе зрителя,— не даромъ пуритане обличали его творца въ невѣріи.

Писатели XVIII вѣка впервые рѣшились превратить Фауста изъ чернокнижника и грѣшника въ философа, неудовлетвореннаго міросозерцаніемъ своей эпохи. У Лессинга *Фаустъ* выходитъ побѣдителемъ въ борьбѣ со зломъ; ангелы провозглашаютъ будущее торжество науки. Фридрихъ Мюллеръ сдѣлалъ *Фауста* мятежнымъ геніемъ во вкусѣ Sturm und Drang'a. Клингеръ создалъ изъ саги ѣдкую сатиру на цивилизацію и пессимистическую апологію первобытнаго человѣка. Такимъ образомъ при помощи литературной исторіи *Фауста* Шаховъ искусно раскрываетъ путь, которымъ шло освобожденіе человѣческой личности, и «Фаустъ» Гёте замыкаетъ собою это грандіозное шествіе.

VI.

Перейдемъ теперь къ вопросу объ отношеніи Шахова къ характерамъ литературныхъ дѣятелей. Его характеристики по большей части кратки

но личность, обрисованная имъ въ своихъ главныхъ особенностяхъ, навсегда запечатлѣвается въ памяти читателя. Въ его книгѣ нѣтъ формулярнаго списка писателей; фактическая біографія почти всегда отсутствуетъ. Но тѣ черты характера, которыя могутъ объяснить роль литературнаго дѣятеля въ томъ или другомъ умственномъ движеніи, подмѣчены имъ съ изумительнымъ чутьемъ. Связь между индивидуальными наклонностями и общимъ духомъ эпохи указана всегда такъ хорошо, что читатель заранѣе чувствуетъ, какое литературное направленіе должно получиться изъ воздѣйствія этихъ двухъ элементовъ, какое мѣсто данный писатель долженъ занять при данномъ направленіи умовъ и каково должно быть его вліяніе на общество.

Стоитъ прочесть мѣткую характеристику Якоби, чтобы заранѣе понять, что система Спинозы вызоветъ ужасъ въ нервномъ мистикѣ. Или вотъ строки, которыя лучше цѣлыхъ диссертацій объясняютъ роль Лафатера въ современной литературѣ: «Перейдемъ къ пророку того времени, къ Лафатеру, съ которымъ въ половинѣ семидесятыхъ годовъ находились въ близкихъ отношеніяхъ и Гёте и Гердеръ. Отрицаніе мертвящаго догматизма и культъ чувствительности—вотъ та общая почва, которая ихъ соединяла съ человѣкомъ, позже окончательно перешедшимъ на сторону самаго крайняго мистицизма. Къ Лафатеру можно приложить то же замѣчаніе, которое я высказалъ по поводу Ленца. Не талантъ, не личныя природныя дарованія и богатства доставили ему въ свое время значеніе и выдвинули его изъ толпы, а то обстоятельство, что его природныя данныя и наклонности отвѣчали тенденціямъ той эпохи. Всякій историческій періодъ благопріятствуетъ развитію извѣстныхъ специфическихъ натуръ и придаетъ имъ интересъ. Въ наше время личность Лафатера промелькнула бы вѣроятно незамѣтно въ толпѣ магнетизеровъ, шарлатановъ-спиритовъ и фантастовъ; кругъ ея дѣятельности не вышелъ бы за предѣлы темныхъ общественныхъ закоулковъ. Но во второй половинѣ XVIII вѣка, благодаря обозначенной мною мистической тенденціи въ обществѣ, Лафатеръ съ компаніей всякихъ Калліостро и Месмеровъ одно время привлекалъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ общественныхъ кружковъ, имѣвшихъ извѣстное значеніе и извѣстное положеніе въ литературномъ мірѣ. Даже люди совершенно различные съ нимъ по направленію, интересовались имъ и вопросительно относились къ личности, которая въ наше время, въ нашихъ интеллигентныхъ кружкахъ, была бы интересна только съ точки зрѣнія физіолога или психіатра».

Льюисъ написалъ замѣчательную біографію Гёте. Всякій годъ жизни великаго поэта подвергся самому тщательному изученію, незначительнѣйшіе факты его біографіи вызвали со стороны біографа остроумныя догадки и нашли всестороннюю оцѣнку. Но едва ли книга Льюиса объяснила зависимость между личностью Гёте и его литературнымъ направленіемъ лучше, чѣмъ одна краткая лекція Шахова, озаглавленная: «Основныя черты типа Гёте». Прочтите въ этой лекціи превосходную характеристику гётевской многосторонности, его конкретизма и пресловутаго «олимпійства»,—и его анти-

патія къ отвлеченной метафизикѣ и родство съ Спинозой объяснены заранѣе: самъ собой становится понятнымъ его быстрый разрывъ съ идеалами Sturm und Drang'a; мы заранѣе предвидимъ, что французская революція, потрясшая всю Европу, вызоветъ на лицѣ *олимпійца* только презрительную улыбку; подъ громъ этой революціи онъ напишетъ *Германна и Доротею,* очаровательную эпопею филистерства.

VII.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о личности самого Шахова, присутствіе которой невидимо чувствуется въ его книгѣ. Авторъ ни на минуту не оставляетъ строго-научной, исторической точки зрѣнія. Но эта объективность не помѣшала ему согрѣть свою книгу идеалами добра и гуманности, горячею вѣрой въ торжество прогресса. Благородная цѣльная натура самого автора видна въ оцѣнкѣ каждаго явленія, въ характеристикѣ каждаго литературнаго дѣятеля.

Несмотря на объективный анализъ «Вертера», результатомъ его является отрицательное отношеніе читателя къ безплодному разочарованію и бодрое стремленіе къ разумной дѣятельности. Характеристика Вагнера по производимому ею впечатлѣнію равносильна самой ѣдкой сатирѣ на кабинетную науку, отрѣшенную отъ жизни. «Такихъ ученыхъ,—говоритъ Шаховъ,—много и доселѣ, но число ихъ убавляется по мѣрѣ сближенія науки съ жизнью, теоріи съ практикой». Анализъ «Натана Мудраго» есть въ сущности блестящая апологія вѣротерпимости, а разборъ «Фауста» не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно исхода, который приготовило само время борьбѣ между метафизикой и научнымъ знаніемъ.

Каждый читатель невольно чувствуетъ правду того вывода, къ которому привело Шахова изученіе гётевской эпохи.

«Положительное знаніе направитъ людей отъ тщетныхъ поисковъ абсолютнаго къ задачамъ для нихъ возможнымъ, доступнымъ ихъ личнымъ средствамъ. Бросивъ праздныя умствованія и несбыточныя надежды, человѣкъ тѣмъ внимательнѣе будетъ озираться кругомъ, тѣмъ тверже будетъ стоять на ногахъ и, покинувъ грёзы объ абсолютномъ блаженствѣ, объ абсолютномъ успокоеніи, тѣмъ съ бо̀льшимъ рвеніемъ будетъ работать надъ устроеніемъ своего относительнаго, ограниченнаго земного счастья».

П. С. Коганъ.

Народное образованіе во Франціи и Англіи *).

I.

И во Франціи, и въ Англіи давно все сказано въ теоріи о необходимости пополнить первоначальное народное образованіе и основать цѣлый рядъ новыхъ учрежденій для взрослыхъ и для юношества. Моя цѣль указать на весьма вѣроятный въ этомъ дѣлѣ успѣхъ и несомнѣнныя неудачи. Я добровольно ограничиваюсь Франціей и Англіей: во-первыхъ, потому, что это двѣ свободныя страны, въ которыхъ вопросъ о народномъ образованіи—самый существенный и лучше всего поставленный; во-вторыхъ, мы имѣемъ объ этомъ двойномъ опытѣ достаточное количество документовъ **), на которые мы можемъ ссылаться; а въ-третьихъ, сравнивая два столь различныхъ типа демократіи, изъ которыхъ одинъ даетъ намъ ясное понятіе объ англо-саксонскомъ, а другой о греко-латинскомъ духѣ, мы имѣемъ въ высшей степени удобный случай остановиться на вопросѣ, интересующемъ весь образованный міръ.

Когда на-ряду со многими другими Дантонъ восклицалъ въ національномъ конвентѣ: «Хлѣбъ и образованіе одинаково необходимы народу», онъ выражалъ этою фразой мысль всего XIX столѣтія; она была логическимъ выводомъ всей революціи. Кондорсе, Лаканаль и многіе другіе еще въ 1792 г. убѣждали національный конвентъ издать декретъ, по которому всякая коммуна (община) должна была имѣть народныхъ учителей; учителя обязаны были организовать курсы и чтенія для народа. Этотъ проектъ не могъ быть введенъ до 1815 г. благодаря внѣшнимъ и внутреннимъ войнамъ, къ тому же народное образованіе вовсе не входило въ планы Наполеона; онъ тре-

*) Статья Анри Беранже въ *La Revue de Paris*.

**) Вотъ списокъ книгъ для желающихъ подробно заняться этимъ вопросомъ: *Народное образованіе взрослыхъ въ Англіи*, Ферд. Бьюссонъ и А. Шевалэ; *Общественное образованіе въ Англіи*, Максъ Леклеркъ; *Вокругъ народнаго образованія*, Эдуарда Пети; *Докладъ министру народнаго просвѣщенія о курсахъ и чтеніяхъ для взрослыхъ*, Эд. Пети; *Нантскій и Бордосскій конгрессы* (напечатано лигой преподаванія); *Новая школа*, Поль Бурделэ; *Преподаваніе въ демократической средѣ*, Леонъ Буржуа; *Католическія попечительства*, Максъ Тюрманъ (въ журналѣ *Quinzaine*).

бовалъ отъ своего народа только подчиненности себѣ и военнымъ законамъ. Въ 1815 г., съ появленіемъ конституціоннаго режима, либеральное направленіе восторжествовало, и Лазарь Карно основалъ «общество первоначальнаго образованія». Цѣлью этого общества было дать нѣкоторое образованіе дѣтямъ парижскаго народонаселенія. Дѣло пошло вполнѣ успѣшно. Въ 1830 г., въ періодъ сенъ-симонизма, политехники, принимавшіе среди рабочихъ самое дѣятельное участіе въ баррикадахъ, рѣшили основать для нихъ «союзъ политехниковъ» (Association politechnique); у нихъ были организованы вечерніе курсы, съ первоначальной программой общаго и профессіональнаго образованія.

Устройство этихъ двухъ учрежденій имѣло несомнѣнное вліяніе на законъ Гизо, обнародованный въ 1833 г. и по которому народное первоначальное образованіе было признано необходимымъ и приведено въ извѣстную систему. Нѣкоторые крупные центры промышленности и торговли, какъ Бордо, Ліонъ, Марсель, Амьенъ и др., организовали у себя «филоматическія» общества профессіональнаго образованія, счетоводства и др. Это образовательное движеніе еще было ускорено республикой 1848 г. Учителя и профессора учредили, по программѣ политехническаго союза, «филотехническій союзъ», прибавивъ нѣсколько предметовъ практическаго изученія дѣла.

Возвращеніе къ наполеоновскимъ традиціямъ пріостановило нѣсколько образовательное движеніе, но уже въ 1866 г. имперія стала на сторону этого движенія. Викторъ Дюрюи расширилъ программу первоначальнаго образованія и возстановилъ курсы для взрослыхъ или «вечернія школы», о которыхъ говорилъ еще Гизо въ 1833 г.

Около того же времени Жаномъ Масэ была основана «лига преподаванія» (Ligue de l'Enseignement). Разгромъ 1870 — 71 годовъ и водвореніе третьей республики ускорили реформы, задуманныя Дюрюи. Усиливающееся вліяніе лиги и твердое убѣжденіе, что «школьный учитель, нѣмецъ, побѣдилъ при Садовой и Седанѣ, помогли Гамбеттѣ и Ферри организовать цѣлую систему первоначальныхъ школъ—не духовныхъ, а свѣтскихъ безплатныхъ и обязательныхъ. Законъ 1882 г. упрочилъ за народомъ легальный minimum образованности. Реформаторы удовольствовались тѣмъ, что поддерживали въ каждой общинѣ возможность имѣть курсы для неграмотныхъ взрослыхъ. Эти курсы не могли остаться прочнымъ дополненіемъ первоначальной школы. Для воспитанія и образованія ребенка съ 7 и до 13-лѣтняго возраста удвоили матеріальныя средства, число учителей, причемъ расширили помѣщенія школъ; для образованія же юношества и взрослыхъ ничего не сдѣлали, не ввели ничего новаго, какъ будто забыли, что въ 13 лѣтъ опаснѣе всего бросать ребенка на произволъ судьбы, что въ томъ возрастѣ, когда пробуждается возмужалость, индивидуальная и общественная совѣсть, а характеръ принимаетъ опредѣленныя очертанія, нельзя предоставить ребенка личной отвѣтственности. Реформаторы того времени воображали, что стóитъ имъ распространить въ народѣ свое ученіе, и всѣ поймутъ и оцѣнятъ это уче-

ніе; они думали, что 12-лѣтній ребенокъ немедленно постигнетъ всю суть ихъ уроковъ морали и исторіи, а разъ заученные, эти уроки, по мнѣнію реформаторовъ, должны были пустить глубокіе корни на всю жизнь въ юной душѣ ребенка. Они убѣдились на опытѣ въ своей глубокой ошибкѣ. Нѣкоторыя частныя общества попробовали сдѣлать то, чего не сдѣлало правительство. Общество первоначальнаго образованія, политехническій союзъ и филотехническій старались удержать у себя не только прежніе курсы, но прибавить новые, увеличивая при этомъ требованія и высшаго, и техническаго образованія. Образовалось еще два новыхъ союза: «союзъ французской молодежи» въ 1879 г. и «союзъ республиканской молодежи» въ 1880 г., при которыхъ устраивались каждую недѣлю вечернія бесѣды и пренія между студентами, профессорами, адвокатами и т. д. Муниципальный совѣтъ частью перекупилъ, а частью основалъ вновь первоначальныя образцовыя и профессіональныя школы по программѣ школы Елизъ Лемонье *).

Въ Лиможѣ, Гаврѣ, Руанѣ и др. большихъ городахъ усиленно заботились о развитіи профессіональнаго и обще-научнаго образованія въ средѣ рабочихъ.

Только о деревняхъ какъ будто совершенно забыли и это начинало уже нѣсколько безпокоить самыхъ выдающихся дѣятелей того времени. Въ 1891 г. было учреждено новое общество, «общество народныхъ бесѣдъ и чтеній». Молодой президентъ этого общества, г. Геренъ Катаденъ, предлагалъ вмѣстѣ со своими добровольными сотрудниками издать рядъ бесѣдъ и чтеній по вопросу о гражданскомъ и соціальномъ образованіи; онъ брался ихъ разослать даромъ во всѣ французскія общины, гдѣ учителя обязаны были прочитать ихъ съ объясненіями въ аудиторіяхъ передъ толпой рабочихъ и сельскихъ обывателей. Три года спустя, въ апрѣлѣ 1894 г., лига преподаванія, находя, что общественная миссія лиги не могла ограничиться однимъ устройствомъ школъ, собираетъ въ Парижѣ исполнительный комитетъ, уполномочиваетъ его издать манифестъ и собрать какъ можно больше голосовъ за устройство вечернихъ курсовъ для совершеннолѣтнихъ **). Лига раздѣлилась на отдѣльныя, мѣстныя, вліятельныя группы и предложила имъ всѣмъ новый планъ дѣйствія. Она въ общихъ чертахъ намѣтила новую программу преподаванія, составила планы чтеній и бесѣдъ, собрала необходимыхъ для этого лекторовъ. Въ началѣ, подъ предсѣдательствомъ Жана Масэ, а затѣмъ Леона Буржуа, лига имѣла громадное вліяніе на правительство. По иниціативѣ лиги, въ августѣ 1894 г. въ Нантѣ былъ устроенъ конгрессъ публицистовъ и педагоговъ, на которомъ впервые былъ затронутъ вопросъ о совмѣстномъ планѣ дѣйствій. Министръ народнаго просвѣщенія, Фердинандъ Бьюссонъ, признавая всю серьезность этой задачи, находилъ участіе государства необходимымъ. Въ декабрѣ 1894 г.

*) „Ел. Лемонье—учредительница общины женскаго профессіональнаго образованія“. Парижъ, 1893 г., маленькая книжечка, in 8⁰, 3-е изданіе.

**) Членами этого комитета были: гг. Жанъ Масэ, Л. Буржуа, Едуардъ Пети, Рено Леблапъ, Герэнъ Кателэнъ, Генрихъ Беранжэ и др.

«главный совѣтъ народнаго просвѣщенія» (le conseil supérieur de l'instruction publique) одобрилъ проектъ декрета, въ которомъ рѣшено было нѣсколько измѣнить прежніе курсы для взрослыхъ. Публицисты много писали объ этомъ педагогическомъ движеніи и, наконецъ, въ 1895 г. наступило время приняться за дѣло. Въ маѣ 1895 г. «приморское гаврское общество нагляднаго преподаванія», воспользовавшись случаемъ, а именно 15-лѣтнимъ юбилеемъ своего существованія, собрало «общедоступный національный конгрессъ народнаго просвѣщенія». Г. Раймондъ Пуанкарэ, министръ народнаго просвѣщенія, тогда только что послалъ (въ іюлѣ 1895 г.) уѣзднымъ делегаціямъ свое замѣчательное письмо по поводу школьнаго образованія. Онъ согласился быть предсѣдателемъ конгресса, открытаго въ Гаврѣ 29 августа 1895 года. Президентъ республики пробылъ нѣкоторое время въ залѣ засѣданія конгресса; прежніе министры и настоящіе, депутаты, сенаторы, академики, всѣ высшіе заправилы университета, масса учителей, откомандированныхъ первоначальными училищами и большими городскими учебными учрежденіями, всѣ смѣшались въ одной безчисленной массѣ. Послѣ продолжительныхъ преній между «индивидуалистами» и «государственниками» конгрессъ, наконецъ, постановилъ слѣдующее рѣшеніе, которое было прочтено г. Фердинандомъ Бьюссономъ и утверждено большинствомъ голосовъ: всѣ учебныя учрежденія, какъ вспомогательныя, такъ и дополнительныя, не могутъ быть организованы по однообразному и оффиціальному плану. Требуется, наоборотъ, непрерывное, дѣятельное участіе всей націи, независимая мѣстная дѣятельность въ пользу народнаго просвѣщенія.

Конгрессъ рѣшилъ тогда же, что общія точныя программы не обязательны. Устроители курсовъ для совершеннолѣтнихъ должны были имѣть полную свободу при выборѣ одной изъ существующихъ программъ; или же, не придерживаясь никакой программы, ввести предметы преподаванія, по ихъ мнѣнію, болѣе другихъ подходящіе къ мѣстнымъ требованіямъ и нуждамъ слушателей.

Наконецъ, конгрессъ указалъ на главныя статьи доходовъ для этихъ курсовъ: 1) плата, установленная по взаимному соглашенію учениковъ съ основателями курсовъ; 2) вспомоществованія отъ различныхъ обществъ, какъ торговыя или синдикальныя конторы и т. п., и кромѣ того частныя пожертвованія; 3) субсидіи по соглашенію общинъ съ департаментомъ и 4) помощь государства въ видѣ жалованья или наградъ. Судя по рѣшеніямъ, конгрессъ желалъ примѣнить къ дѣлу просвѣщенія главные принципы общественной дѣятельности, т.-е. добровольную дѣятельность всякой единичной личности, децентрализацію, примѣненіе къ самымъ разнообразнымъ общественнымъ требованіямъ.

Нѣсколько недѣль спустя въ сентябрѣ 1895 г. на бордосскомъ конгрессѣ, президентомъ котораго былъ Леонъ Буржуа, лига преподаванія, соглашаясь со всѣми постановленіями гаврскаго конгресса, коснулась болѣе подробно сложнаго вопроса объ общественномъ «попечительствѣ» или

патронатѣ. Движеніе вызванное этими, слѣдующими одинъ за другимъ, конгрессами привело къ быстрымъ и очевиднымъ успѣхамъ. Въ 1896 г. всюду возникаютъ новые курсы для юношества и для совершеннолѣтнихъ, прежнія школьныя попечительства преобразованы или заново организованы, къ прежнимъ обществамъ народнаго просвѣщенія прибавили новыя.

Въ мартѣ 1896 г. министръ народнаго просвѣщенія нашелъ нужнымъ навести общія справки, что и было поручено Эдуарду Пети, извѣстному профессору и публицисту. Его сообщенія даютъ намъ ясное понятіе о настоящемъ положеніи дѣлъ.

Въ августѣ 1896 и 1897 гг. лига устроила въ Руанѣ и Реймсѣ два конгресса, на которыхъ она предложила серьезныя измѣненія въ гаврскихъ и бордоскихъ программахъ. Въ настоящее время дѣло средняго образованія какъ будто окончательно упрочено во Франціи. За послѣднее столѣтіе къ тому же стремится и общественное народное образованіе.

Параллельное движеніе въ Англіи меньше отличается отъ вышесказаннаго во Франціи, чѣмъ вообще принято думать, хотя несомнѣнно національность и накладываетъ извѣстный отпечатокъ на образъ дѣйствій каждой изъ этихъ двухъ націй. До 19 вѣка единственныя доступныя народу школы были воскресныя и церковно-приходскія, притомъ очень плохо устроенныя. Многіе не умѣли ни читать, ни писать. Журналы въ 4 пенса не могли расходиться въ большомъ количествѣ, а налогъ на бумагу 1771 года на долгое время затормазилъ распространеніе книгъ въ народѣ. Въ 1800 г. докторъ Бирбекъ, профессоръ естественной исторіи въ Глазговѣ, задумалъ подъ вліяніемъ французскихъ идей того времени устроить курсы механики «Mechanic's class». Онъ не стремился превратить простого ремесленника въ ученаго недотрогу, который бы гнушался своего скромнаго дѣла: нѣтъ, онъ хотѣлъ только, чтобъ этотъ самый ремесленникъ выучился разсуждать, давать себѣ отчетъ въ томъ, чѣмъ онъ занимается у себя въ мастерской, однимъ словомъ, вывести его изъ того состоянія безсмысленной машины, въ которомъ онъ былъ до тѣхъ поръ. Бирбекъ не отчаивался въ успѣхѣ, несмотря на преслѣдованіе и презрительное отношеніе высшихъ аристократическихъ сферъ, и устроилъ курсы механики, набравъ 75 слушателей-рабочихъ. Мѣсяцъ спустя у него уже было до 5-ти сотъ слушателей. Эти развивающіе курсы были вполнѣ въ духѣ рабочихъ и уже въ 1823 г. въ Глазговѣ основали, по желанію тѣхъ же рабочихъ, на ихъ личныя средства, такъ называемыя «Mechanic's Institute» институтъ механики. Подобные институты были основаны и въ Лондонѣ (въ 1824 г.), въ Ливерпулѣ (1825 г.), въ Манчестерѣ (1828 г.), въ Брадфордѣ (1828 года) и Бирмингамѣ (1834 г.) несмотря ни на недовольство аристократіи, ни на непріязнь духовенства и правительства. Движеніе это выразилось настолько сильно, что государство не могло не принять въ немъ участія и принуждено было организовать министерство народнаго образованія («Boord of Education»). Далеко еще было до того времени, когда въ каждой деревнѣ будетъ своя школа, но все-таки первый-то толчокъ былъ данъ,

и послѣ смерти Бирбека (41 г.) школъ для рабочихъ дѣлалось все больше и больше, учреждались новые курсы, устраивались чтенія, на которыхъ въ 1883 г. общимъ числомъ перебывало до 500 т. слушателей; что-то вродѣ такихъ чтеній устраивалось даже въ деревняхъ.

Несмотря на всѣ эти учрежденія уровень первоначальнаго образованія въ Англіи до 1870 г. былъ еще очень низокъ, образованіе было очень неполно и подчасъ даже безнравственно (вспомните Николая Никклеби). Учителямъ и учительницамъ, служащимъ почти безъ всякаго болѣе или менѣе необходимаго контроля, нельзя было довѣрять. «Education Act» законъ о воспитаніи, обнародованный въ 1870 г. положилъ всему этому конецъ; устройство народныхъ дневныхъ школъ подняло элементарное преподаваніе; эти школы были обязательны для дѣтей простонародья и напоминаютъ нѣсколько французскія школы первоначальнаго образованія, хотя и стоятъ гораздо ниже ихъ по своему устройству. Главный недостатокъ ихъ заключается во внезапной пріостановкѣ всякаго дальнѣйшаго образованія дѣтей послѣ десяти лѣтъ или, въ крайнемъ случаѣ 12 лѣтъ.

Вопросъ объ этомъ былъ затронутъ въ Англіи раньше, чѣмъ во Франціи. Около 1885 года справки, наведенныя по этому вопросу, показали, что изъ 400 сотъ т. дѣтей, ежегодно получающихъ образованіе въ первоначальныхъ школахъ, много—много 20 тыс. продолжаютъ такъ или иначе свое образованіе. Для дѣтей, треть которыхъ по крайней мѣрѣ готовилась зарабатывать себѣ хлѣбъ какимъ-нибудь ремесломъ, для этихъ дѣтей не было никакихъ учрежденій, гдѣ бы они могли обучиться этому ремеслу, кромѣ впрочемъ, школы кройки и шитья для дѣвочекъ. Уже въ 1885 г., опасность лишать дѣтей такъ рано школы и подвергать ихъ уличнымъ соблазнамъ навела на мысль учредить частное общество «Recreative Evening school Association». Это общество преобразовало прежніе курсы для неграмотныхъ, утратившіе всякій смыслъ со времени Education Act.; теперь эти курсы обратились въ новые вечерніе классы, гдѣ предметы изучались практически и служили какъ бы отдыхомъ и увеселеніемъ для рабочихъ. Митинги, обозрѣнія, журналы и брошюры, все заговорило о новомъ дѣлѣ, въ которомъ уже былъ свой опредѣленный бюджетъ, своя программа преподаванія и персоналъ преподавателей. Recreative Evening School Association имѣло рѣшающее вліяніе на правительство, такъ что въ 1893 г., по постановленію палаты депутатовъ, департаментъ народнаго просвѣщенія издалъ «Evening Continuation School Code», который упрочивалъ участіе государства въ новомъ дѣлѣ. Англія не ограничилась этимъ, она организовала у себя «Extention University», т.-е. общество распространенія университетскихъ знаній въ народѣ.

Чтобы вполнѣ ясно понять, что такое University Extention, прежде всего нужно вспомнить, что англійскіе университеты вообще были учрежденіями исключительно аристократическаго и религіознаго характера и независимы отъ государства. До 1860 г. они не имѣли никакого отношенія къ низшимъ классамъ и заботились только объ образованіи и обновленіи

высшихъ классовъ. По мѣрѣ того, какъ демократія понемногу усиливалась и развивалась, университеты начинали тревожиться существующей между ними и демократіей рознью.

Въ 1855 г. было сдѣлано воззваніе къ университетамъ Кэмбриджа и Оксфорда съ предложеніемъ подѣлиться своими знаніями съ народомъ. Приняться за это они могли слѣдующимъ образомъ: 1) принявъ на себя руководство средними школами и обязанность экзаменовать учащихся; 2) посылать лекторовъ и учителей въ большіе промышленные центры. Послѣ нѣкотораго колебанія университеты согласились наконецъ въ 1857 г. на первое требованіе благодаря стараніямъ М. Акланда, а второе было приведено въ исполненіе ровно черезъ 10 лѣтъ, въ 1867 г., по настоянію Джэмса Стюарта; и вотъ эта дѣятельность университетовъ и называется «University Extention». Дѣла общества распространенія университетскихъ знаній шли быстро и успѣшно до 1880 г., благодаря именно практической постановкѣ дѣла съ самаго начала.

Изъ университетовъ Кэмбриджа (1873 г.), Оксфорда (1877 г.), Лондона (1877 г.) и, наконецъ, Викторіи и Дургама были разосланы по всей Англіи нѣчто вродѣ «миссіонеровъ просвѣщенія». Въ 1895 г. насчитывали до 500 такихъ народныхъ университетскихъ курсовъ и отъ 50 до 60 тысячъ слушателей. Но профессора и студенты скоро замѣтили, что преподаваніе Extention, предназначенное въ сущности для рабочихъ, не достигало своей цѣли потому, что большинство слушателей были изъ буржуазіи. Только тѣ приходили на курсы, которые сами занимались самообразованіемъ. Нужно было какъ-нибудь повернуть такъ дѣло, чтобы привлечь, заинтересовать всѣ милліоны жителей, заполоняющихъ собой пригороды и предмѣстья городовъ. Имъ мало было однихъ курсовъ и бесѣдъ, имъ нужна была пропаганда. Эта мысль преслѣдовала и Денисона, и Мориса, и Грина, и Тойнби, и наконецъ въ 1880 г. эти молодые студенты рѣшили переселиться въ кварталы East-End'а, чтобы раздѣлить тамъ долю бѣдняковъ. Въ память благороднѣйшаго изъ нихъ, Арнольда Тойнби, былъ основанъ въ 1884 г. Тойнби—залъ, «Toynbee-Hall». Арнольдъ Тойнби умеръ 28 лѣтъ. Toynbee-Hall что-то вродѣ квартала ремесленниковъ, куда переселились нѣсколько студентовъ и ученыхъ; живя въ средѣ рабочихъ, они не забрасывали ни своихъ занятій, ни образованія. Toynbee Hall была первой университетской колоніей, а по ея примѣру и въ другихъ большихъ городахъ одна за другой организовались такія University settlements. Писатели Вальтеръ Безонтъ и Гумфри Уордъ написали по этому поводу прекрасные романы. Основаніе «Народнаго дворца» въ Лондонѣ 1889 г. было слѣдствіемъ брошюры *All sorts and conditions of men*. Въ самыхъ глухихъ кварталахъ East-End'а среди тумановъ, трактировъ и питейныхъ домовъ возвышается громадное зданіе, окруженное просторнымъ зимнимъ садомъ; въ этомъ зданіи вы найдете библіотеку, школу ремеслъ, залу для чтеній, и для концертовъ. Въ 1888 г. Гогъ, одинъ изъ очень извѣстныхъ лондонскихъ негоціантовъ, основалъ цѣлое политехническое учрежденіе «Insti-

tution polytechnique» на Regent street'ѣ, на которое онъ пожертвовалъ около 8 милліоновъ и которое служитъ теперь центромъ образованія для 20 тыс. бѣдной молодежи. Съ 1889 г., благодаря «Charity commission», въ этомъ дѣлѣ заинтересовано само правительство. Въ Лондонѣ были учреждены еще три новыхъ политехническихъ института на средства частныхъ лицъ и правительства. Въ 1890 г. Гошенъ, министръ финансовъ, по ходатайству депутата Аклонда, отдалъ распоряженіе, чтобы «Совѣтъ графствъ» употребилъ деньги, получаемыя съ налоговъ на алкоголь, на расширеніе и развитіе политехническаго и профессіональнаго образованія. Тогда же были основаны «University Halls не только въ городахъ, но и въ деревняхъ.

Мечта Роберта Ольсмера реализировалась и всего удивительнѣе то, что дѣйствительность оказалась лучше, чѣмъ была мечта. Наконецъ, въ 1892 г. появились «Free Public Libraries». Это были прекрасныя большія библіотеки, устроенныя на самыхъ людныхъ улицахъ, всегда ярко-освѣщенныя, безъ всякихъ формальностей при входѣ или выходѣ: входя въ нихъ, вы видѣли передъ собой просторныя залы, массу обозрѣній, газетъ, рабочіе кабинеты, вы могли читать и брать книги даже на домъ. Теперь въ Лондонѣ до 30 такихъ библіотекъ и болѣе 250 во всей Англіи; открыты онѣ съ 9 часовъ утра и до 9 вечера, тысячи читателей безпрерывно смѣняютъ другъ друга. Тѣ, которыхъ интересуетъ историческое развитіе этого вопроса, должны были несомнѣнно убѣдиться, что между Франціей и Англіей говаздо больше общаго, чѣмъ кажется. Въ обѣихъ странахъ теорія предшествовала практическому примѣненію дѣла, и частная иниціатива опередила участіе государства. И тутъ и тамъ развитіе вопроса шло равномѣрно и употреблялись почти одинаковыя мѣры для достиженія поставленныхъ цѣлей.

II.

Методы и результаты.

1. *Первые вечерніе классы, дополняющіе первоначальную школу.*

Составляя программу для вечернихъ школъ, обѣ націи имѣли въ виду сохранить и увеличить знанія, полученныя въ обыкновенной школѣ, помочь бывшимъ ученикамъ приложить эти знанія къ жизни. Въ Англіи этого достигли двоякимъ образомъ: во-первыхъ, выбирая наиболѣе интересный предметъ, пользуясь при этомъ наиболѣе привлекательными пріемами преподаванія (волшебнымъ фонаремъ, нагляднымъ обученіемъ, экскурсіями, устройствомъ концертовъ); во-вторыхъ, вводя курсы, не обязательные для слушателей, по предметамъ, которые можно было бы изучить практически (такъ, наприм., употребленіе инструментовъ, рисунки для ручныхъ работъ, стенографія и бухгалтерія).

При этомъ было уничтожено ограниченіе по отношенію къ возрасту (21 г.). Благопріятный результатъ этихъ нововведеній выразился уже въ томъ, что

въ 1893 г. было около 1,997 платныхъ и неплатныхъ курсовъ, которые посѣщались 115,580 слушателями; между тѣмъ какъ въ 1894 году платныхъ было 3,742, а неплатныхъ—266,683. Плата за посѣщеніе курсовъ доходила въ среднемъ до 10 сантимовъ въ недѣлю со слушателя. Эту незначительную сумму отдавали тѣмъ ученикамъ, которые аккуратнѣе другихъ посѣщали курсы: такимъ образомъ удавалось устранить лѣнивыхъ и пріохотить сомнительныхъ. Курсы устраивались, въ общемъ, учителями народныхъ школъ. Средства на нихъ получались, во-первыхъ, отъ «Департамента народнаго просвѣщенія», потомъ отъ «School Boords» и «County Councils». Размѣръ этихъ субсидій былъ очень разнообразенъ, находясь въ зависимости отъ школы и мѣстности. Устройство «Evening Schools» было принято народными массами съ радостью и самыя послѣднія свѣдѣнія заставляютъ вѣрить, что эти учрежденія пустили глубокіе корни.

Курсы взрослыхъ, предназначенные для неграмотныхъ, совершенно исчезли во Франціи и вмѣсто нихъ функціонируютъ въ настоящее время новые, на которыхъ безграмотные обучаются отдѣльно отъ окончившихъ первоначальную школу и получающихъ здѣсь же какъ дополнительное, такъ и начатки профессіональнаго образованія. Этой цѣли стараются достигнуть преимущественно публичными чтеніями, болѣе всего посвященными географіи, естественной исторіи и сравнительно менѣе исторіи (по разсказамъ Тьера, Мишлэ, Огюстена Тьерри), литературѣ (Корнель, Мольеръ, Ла - Фонтенъ, Гюго, Коппэ, А. Додэ, Эркманъ - Шатріанъ); перечисленные авторы были всегда любимцами публики. Но особенно удачно были поставлены курсы, имѣющіе практическое значеніе: въ деревняхъ землемѣріе, лекціи о расцѣнкѣ имѣній, право, почвовѣдѣніе, садоводство; въ городахъ: рисованіе, счетоводство, химія, промышленное электричество, рѣзьба, тканье; въ морскихъ портахъ: плотничество, изученіе географической карты, рыболовство. Въ общемъ преимущественно придерживались системы нагляднаго преподаванія. Какъ и въ Англіи, здѣсь курсы не обязательны, а возрастъ никогда не былъ ограниченъ. Въ 1894 году курсовъ было 9,000; въ 1895 же году число ихъ доходило до 17,000, а учениковъ было до 400,000, изъ которыхъ 270,000 посѣщали курсы очень аккуратно. Въ 1896 г. на 24,000 курсахъ было уже 700,000 учениковъ, изъ которыхъ 420,000 были постоянными посѣтителями. Почти повсюду обученіе было безплатное. Плата, взимаемая на нѣкоторыхъ изъ курсовъ, была очень незначительна. Для поощренія раздавались наградныя книги, книжка въ сберегательную кассу и т. п. Эти курсы устраивались исключительно преподавателями. Слѣдуетъ замѣтить, что во Франціи люди, отдававшіе себя этому дѣлу, занимались добровольнѣе и безкорыстнѣе, чѣмъ въ Англіи, какъ мы видимъ уже изъ одного того, что 33,000 воспитателей и воспитательницъ предложили свое свободное время и свои знанія, покупали приборы для опытовъ, фотографическіе виды и употребляли деньги, полученныя со сборовъ и пожертвова-

ній, на покупку книгъ и инструментовъ. Воспомоществованіе, назначенное государствомъ и общинами, было гораздо ничтожнѣе того, что давалось правительствомъ въ Англіи. Общая цифра поднимается до 1.900,000 франковъ, изъ которыхъ 1.650,000 были пожертвованы общинами, 37,000 генеральными совѣтами, 120,000—министерствомъ народнаго просвѣщенія. Эта послѣдняя цифра смѣшна въ сравненіи съ 140 милліонами, которые составляютъ бюджетъ первоначальнаго образованія. Несмотря на скудныя средства, вечерніе курсы были вполнѣ удачными; почти повсюду народъ встрѣчалъ ихъ съ сочувствіемъ и можно безъ излишняго оптимизма предсказать имъ прочное существованіе.

2. *Общедоступное высшее образованіе.*

Это образованіе распространяется въ Англіи главнымъ образомъ благодаря «University Extension» и «Free Public Libraries». Цѣль «Extension University» ввести преподаваніе высшихъ наукъ, приспособленное ко взрослымъ слушателямъ изъ рабочихъ. Каждый годъ всѣ 5 англійскихъ университетовъ посылаютъ нѣсколько профессоровъ-миссіонеровъ по просьбѣ ремесленныхъ и земледѣльческихъ обществъ. Каждый изъ нихъ устраиваетъ цѣлый рядъ чтеній по одному какому-нибудь опредѣленному отдѣлу высшихъ наукъ (исторіи, литературы) или соціальныхъ вопросовъ. Лекціи бываютъ разъ въ недѣлю или 2 раза въ мѣсяцъ. Передъ каждой лекціей или же послѣ нея устраиваютъ объясненія и пренія. Напечатанныя руководства (syllabus) заключаютъ въ себѣ конспекты такихъ чтеній и темы для письменныхъ упражненій. Ни одинъ изъ слушателей не допускается къ выпускному экзамену, если онъ не посѣщалъ аккуратно курсовъ и не исполнилъ данныхъ преподавателями упражненій.

Кромѣ удостовѣреній, выдаваемыхъ въ концѣ каждаго года, народные университеты выдаютъ еще другіе высшіе дипломы для того, чтобы поощрять тѣхъ, которые систематично прослушали курсы въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ августѣ и сентябрѣ, во время вакацій студентовъ, университеты организовали «Summer Meetings», т.-е. родъ лѣтнихъ классовъ, предназначенныхъ для самыхъ достойныхъ учениковъ «Extension». Эти классы устраиваются выдающимися профессорами и систематически связаны съ работами въ лабораторіяхъ и посѣщеніемъ музеевъ. Рудокопы сѣвера, ткачи Ланкашира, сотни учителей народныхъ школъ, — всѣ вмѣстѣ они составляютъ одну общую аудиторію въ центрѣ самыхъ древнихъ университетовъ. Съ 1888 г. «Summer Meetings» съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширялись. Болѣе 400 англійскихъ городовъ имѣютъ мѣстныя отдѣленія «Extension», обладающія почти полной автономіей. Каждый мѣсяцъ генеральные секретари университетовъ Оксфорда, Кембриджа, Лондона и Викторіи, съѣзжаются въ Лондонѣ для рѣшенія общихъ административныхъ вопросовъ и тѣхъ, которые касались редакціи журнала *University Extension*, который является органомъ этого учрежденія. 150 лекторовъ составляютъ главное управленіе «Extension»: большинство изъ нихъ по-

лучаютъ отъ 300—400 фунтовъ стерлинговъ въ годъ (отъ 8—10 тысячъ франковъ). Всего около 500 курсовъ съ 50-ю и 60-ю тысячами постоянныхъ слушателей, изъ которыхъ приблизительно 10% подвергаются испытаніямъ при университетѣ. Расходы на лекціи покрываются слушателями, или муниципальными общинами, частью же университетами, а за послѣднее время и департаментомъ народнаго просвѣщенія. Расходы эти доходятъ до 30,000 фунтовъ (750,000 франковъ), т.-е. около 10 шилинговъ на человѣка. Темы выбираемыя для курсовъ очень разнообразны: такъ, напримѣръ, въ Шефильдѣ, въ самомъ центрѣ мануфактурной промышленности, читаютъ «Вѣкъ Перикла»; «Исторію Флоренціи»—въ Ольдгамѣ передъ 600 ткачами и прядильщиками; «Греческую трагедію»—въ Ньюкастлѣ, въ центрѣ каменоугольныхъ копей и т. д., но во всѣхъ курсахъ придерживались принципа, что лучше выучить одну вещь хорошо и основательно, чѣмъ много и поверхностно.

Изъ всѣхъ этихъ подробностей мы видимъ, что «Extension» стремится сдѣлаться обширной интеллектуальной федераціей, которая имѣетъ своею цѣлью распространеніе среди народныхъ массъ общаго, необходимаго для жизни образованія и развитіе вкуса и уваженіе къ высшей культурѣ.

Нежелательною чертой этихъ лекцій является то обстоятельство, что слушателей больше изъ буржуазіи, чѣмъ изъ рабочаго класса, и это противорѣчитъ существенному стремленію «Extension».

На-ряду съ послѣднимъ *Free Public Librairies*, обезпечивая богатый матеріалъ читателямъ, преслѣдуютъ тѣ же цѣли общаго образованія. Достаточно 10-ти голосамъ плательщиковъ податей попросить въ муниципальномъ совѣтѣ объ устройствѣ библіотеки, чтобъ этотъ вопросъ былъ пущенъ на общее голосованіе остальныхъ, и въ случаѣ благопріятнаго результата библіотека открывается въ скоромъ времени. Въ Англіи въ настоящее время такихъ библіотекъ насчитываютъ около 300, составляющихъ, по выраженію Т. Гринвуда, «университетъ для рабочихъ».

Въ Ливерпулѣ въ 1894—95 году взяли на прочтеніе до 543,000 книгъ (изъ которыхъ 429,000—романы); въ Бристолѣ—385,000; въ Лайчестрѣ—390,000 и т. д. Наконецъ, по извѣстнымъ днямъ въ библіотекахъ бываютъ бесѣды, засѣданія и народныя чтенія.

Во Франціи нѣтъ учрежденія подобнаго «Extension» и причина тому весьма понятна. Во-первыхъ, здѣсь среднее образованіе не нуждается въ контролѣ потому, что оно оффиціально контролируется баккалаврскимъ дипломомъ и спеціальными школами. Кромѣ того, французскіе университеты не аристократическое, закрытое для народа учрежденіе; публичные курсы могутъ слушаться самыми бѣдными. Наконецъ, такъ какъ во Франціи не 5, а 18 университетовъ, то умственная децентрализація не является такой крайней необходимостью. Если мы къ этому прибавимъ еще, что профессора, которыхъ приглашаетъ оффиціально государство, не принимаютъ никакого участія въ какихъ бы то ни было частныхъ предпріятіяхъ, что университеты только недавно приняли обликъ юридически-гражданской и нравственной

личности, легко понять, почему «Extension» не могла возникнуть на французской почвѣ. Конечно, нѣтъ закона, который бы запрещалъ рудокопамъ Лиля, ткачамъ Ліона, чиновникамъ Бордо и рабочимъ Парижа слушать курсы итальянской литературы, греческой поэзіи и исторіи Франціи, которые читаютъ гг. Геберъ, Краузе, Лависъ и друг., но можно сдѣлать одно маленькое возраженіе: вѣдь лекціи-то читаются въ тѣ часы, когда ни одинъ чиновникъ и ни одинъ рабочій не бываетъ свободенъ, и демократическіе принципы тутъ рѣшительно ни къ чему, какъ почти всегда и бываетъ во Франціи безсмертныхъ великихъ принциповъ и въ то же время безсмертной рутины. Чтобы хоть сколько-нибудь исправить этотъ существующій пробѣлъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ были сдѣланы серьезныя попытки—если не государствомъ, то, по крайней мѣрѣ, частными дѣятелями. Прежде всего не нужно упускать изъ виду, что Парижъ уже какъ бы положилъ начало вечернему народному университету, своими вечерними курсами высшаго образованія, которые существуютъ съ 1889 г.; тамъ читаютъ цѣлыя серіи лекцій по исторіи Парижа, по отечественной исторіи, біологіи, исторіи религіи и племенъ. Эти курсы слушаются среднимъ числомъ 200 чиновниковъ, ремесленниковъ и мелкой буржуазіи.

Вторымъ учрежденіемъ въ этомъ направленіи можно назвать «союзъ французской молодежи» и «союзъ республиканской молодежи»; оба союза съ большимъ успѣхомъ устраиваютъ каждую недѣлю въ одномъ изъ кварталовъ Парижа бесѣды по поводу какого-нибудь общаго вопроса по высшей культурѣ. Эти чтенія посѣщаются больше мелкой буржуазіей, чѣмъ народомъ, и недостатокъ ихъ въ томъ, что они черезчуръ разбросаны, не систематизированы и не имѣютъ логической связи между собой. Въ провинціи уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ существуетъ національное «общество публичныхъ чтеній» (Société nationale des conférences populaires), которое пополняетъ первоначальное образованіе. Это общество издаетъ научныя, литературныя или нравственныя бесѣды, изложенныя компетентнымъ писателемъ въ тысячахъ экземплярахъ. Въ рукахъ учителей такія бесѣды служатъ предметомъ комментарій передъ цѣлой аудиторіей сельчанъ и рабочихъ; за комментаріями слѣдуетъ еще объяснительное преніе.

Въ 1896 г. общество имѣло 9,000 учителей-лекторовъ, а количество составленныхъ бесѣдъ превышало 22,000.

Оффиціальный отчетъ констатируетъ, что общая цифра чтеній, устроенныхъ во Франціи въ продолженіе послѣдняго года, дошла болѣе чѣмъ до 97 тысячъ, изъ которыхъ 47 тысячъ происходили съ волшебнымъ фонаремъ. Большинство лекторовъ были педагоги, хотя между ними встрѣчаются часто и медики, и студенты, и адвокаты, и профессора. Особенно нравилось чтеніе о путешествіяхъ, открытіяхъ, біографіяхъ великихъ людей, о современныхъ событіяхъ *) и, наоборотъ, бесѣды чисто-литературныя и религіозно-нравственныя какъ-то меньше интересовали слушателей.

---

*) Отмѣтимъ бесѣды по поводу колоній и противъ алкоголизма.

Въ Парижѣ, въ Напси, въ Клермонѣ-Феранѣ, въ Канпѣ, Пуатье и Монпелье были сдѣланы попытки, до сихъ поръ, правда, неудачныя, устроить во Франціи что-нибудь похожее на «Extension».

Нѣсколько профессоровъ лицеевъ и университетовъ пытались было устроить въ залахъ, префектурахъ и супрефектурахъ цѣлый рядъ бесѣдъ и лекцій безъ заранѣе опредѣленной программы. Эти попытки пока еще очень рѣдки и слабы. Правительство не дѣлаетъ почти ничего или очень мало для высшаго народнаго образованія страны, развѣ только за исключеніемъ Парижа.

Лекторы и профессора не получаютъ никакого вознагражденія, а что самое главное—ихъ публика непостоянна. Что касается городскихъ библіотекъ, онѣ нисколько не напоминаютъ «Free Public Libraries», о которыхъ сказано выше. Съ очень небольшимъ количествомъ книгъ, плохо освѣщенныя, открытыя только въ тѣ часы, когда ни одинъ ремесленникъ не бываетъ свободенъ, онѣ поручены лицамъ, которые какъ будто считали своей обязанностью не привлекать, а устранять публику; такія библіотеки ничѣмъ не могутъ быть полезными ни рабочему, ни другому какому - нибудь служащему. Ихъ необходимо окончательно передѣлать. Нѣсколько частныхъ обществъ, потерявшихъ всякую надежду добиться такихъ измѣненій, попробовали какъ - нибудь помочь горю и устроили народныя передвижныя библіотеки, всѣ безъ исключенія безплатныя. Нужно сознаться, что это учрежденіе только что начинаетъ развиваться.

3. *Техническое профессіональное образованіе.*

Выше уже было сказано, что первоначальное техническо-профессіональное образованіе уже было дано на вечернихъ курсахъ. Но вопросъ, могли ли бы продолжить и усовершенствоваться въ немъ юноши и взрослые рабочаго класса? Въ Англіи была устроена цѣлая серія такихъ заведеній, вродѣ института механики, учрежденнаго, какъ было сказано, еще въ 1820 г. д. Бирбекомъ. Въ нихъ читались лекціи по высшему техническому образованію. Въ 1894 г. по оффиціальному докладу было извѣстно, что уровень техническаго образованія нѣсколько ниже въ Англіи, чѣмъ въ другихъ странахъ. Тогда мѣстныя общества усиленно стали хлопотать о возможности какъ-нибудь измѣнить положеніе дѣлъ, и вотъ въ Лондонѣ «City and Guilds of London Institute» организовало «Central Institution», нѣсколько похожее на нашу центральную школу, и затѣмъ «Finsbury Technical College», гдѣ до 200 учениковъ, окончившихъ въ «grammar chool», обучаются какому - нибудь ремеслу вдвое скорѣе, чѣмъ они это сдѣлали бы въ мастерской. Въ Бирмингамѣ «Birmingham and Midland institute» представляетъ изъ себя настоящій профессіональный народный университетъ съ вечерними курсами; здѣсь обширное помѣщеніе, бюджетъ доходитъ до 200,000 франковъ, 6,000 учениковъ посѣщаютъ лекціи. Въ 1885 году Чемберленъ, тогдашній мэръ Бирмингама, и друзья его основали технически - художественную школу, которая обошлась въ 2 милліона и насчитываетъ въ своихъ

стѣнахъ до 2 т. учениковъ: они день работаютъ, а вечеромъ слушаютъ курсы; прежде всего имъ дается серьезное общее образованіе по рисованію и анатоміи, и уже послѣ они специализируются и дѣлаются, смотря по желанію, граверами, рѣзчиками, золотыхъ дѣлъ мастерами и т. д. Въ Манчестрѣ имѣется мѣстная техническая школа съ дневными курсами для дѣтей отъ 13—17 лѣтъ и вечерними курсами для взрослыхъ. Въ этой школѣ 400 учен. Іосифъ Хуайтуордъ и его наслѣдники основали въ 1891 году «Whitworth Institute»; на это дѣло они пожертвовали пять милліоновъ франковъ. Въ Брайтфордѣ есть техническая школа, основанная въ 1882 году довольно извѣстными фабрикантами суконъ; въ ней теперь 1,500 учениковъ. Въ Шеффильдѣ техническая школа металлургіи, основанная въ 1888 году, имѣетъ теперь болѣе 600 учениковъ на дневныхъ и вечернихъ курсахъ. Всѣ эти учрежденія были организованы по частной инициативѣ.

Имъ оффиціально благопріятствовалъ «Technical Education Acte», который былъ изданъ парламентомъ, благодаря Генриху Раскоэ и Артуру Аклонду, учредившимъ «National Association for the Promotion of Technical Education». Этотъ законъ ни къ чему новому не обязываетъ, онъ только разрѣшаетъ графскимъ совѣтамъ употреблять часть своихъ доходовъ на развитіе народнаго профессіональнаго образованія. Въ 1890 году М. Аклондъ и г. Гошенъ добились того, чтобы новый налогъ на алкоголь былъ назначенъ графскими совѣтами въ пользу этого образованія. Вотъ почему въ 1895 году лондонскій «County Council» имѣлъ возможность отдать два милліона съ половиной въ пользу техническаго образованія. Опять-таки замѣтимъ, что большинство этихъ учрежденій служатъ гораздо больше для мелкой буржуазіи, чѣмъ для народа, за очень малымъ исключеніемъ.

«Народный Дворецъ» и политехническіе институты стремились охватить всю народную массу; добивались, главнымъ образомъ, соціальнаго воспитанія народа; у нихъ мы находимъ библіотеки и ремесленныя школы, прекрасно устроенныя. Въ политехническихъ институтахъ, — какъ, наприм., въ «Regent Street»,—мы встрѣчаемъ массу техническихъ профессіональныхъ курсовъ. На каждую отдѣльную вечернюю лекцію допускаются только тѣ рабочіе, къ ремеслу которыхъ относится читаемая лекція (гравированіе по мѣди, работы изъ гипса, отдѣлка мебели, экипажное дѣло, кройка платья). Около 10 тысячъ рабочихъ вносятъ за слушаніе лекцій плату среднимъ числомъ отъ 5—12 франковъ въ семестрѣ. Въ политехническихъ институтахъ въ Боругродѣ, Нью-Кроссѣ и Батерзеѣ, устроенныхъ по одному и тому же образцу, насчитываютъ во всѣхъ трехъ вмѣстѣ до 12 тысячъ посѣщающихъ вечерніе курсы. Уже многіе города Англіи слѣдуютъ примѣру Лондона. При этомъ старались по возможности не устраивать ничего блестящаго, бросающагося въ глаза, занимали помѣщенія уже давно всѣмъ извѣстныя (школы, церкви, читальни и т. д.). Цѣлый рядъ профессіональныхъ курсовъ, которые могутъ намъ послужить типомъ средняго образованія, былъ устроенъ въ Бунсловѣ, Твиксигамѣ и Иследорсѣ и въ маленькихъ городахъ Мидлезекскаго графства. На этихъ курсахъ десятокъ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.—СТАТИСТИКА.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

ГЕОГРАФІЯ.—ЭТНОГРАФІЯ.—ПУТЕШЕСТВІЯ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

———

———

МЕДИЦИНА.

ТЕХНОЛОГІЯ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 ч. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока уничтожаются.

При этой книгѣ для всѣхъ подписчиковъ прилагаются: объявленія отъ конторы журнала „Русская Мысль", отъ редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи", отъ редакціи газеты „Недѣля", отъ книжнаго магазина Готье, отъ книгоиздательства Девріена, отъ страховаго общ. „Якорь", каталогъ изданій Юргенсона и Листокъ книжныхъ объявленій.

„Русская Мысль“.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Открыта подписка на 1898 г.

(ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста России	12 р.	9 р. — „	6 р.	3 р. —	1 р.
За границу.	14 „	10 „ 50 к.	7 „	3 „ 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получать «Р. М.» безъ перерыва, благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годоваго экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 50 коп. За перемѣну иногородняго адреса на иногородній и иногородняго на городской уплачивается по 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Большая Никитская, Брюссовскій пер., домъ Вельтищевой, кв. № 28.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала — при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

Книжный магазинъ журнала «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимаетъ подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

профессоровъ учитъ молодежь и взрослыхъ, во-первыхъ, работѣ по дереву, потомъ стенографіи, рисованію, шитью, мастерству переплетчиковъ. Средняя плата для желающихъ поступить на курсы колеблется между 1—6 франками, смотря по предмету, который желаютъ изучить.

Что Франція опередила Англію въ профессіонально - техническомъ образованіи, это—старая, давно извѣстная истина, о которой нечего говорить. «Центральная школа искусствъ и мануфактуръ», консерваторія искусствъ и ремеслъ, три такія же школы въ Эксѣ, Шалони и Анжерѣ, многочисленныя «профессіональныя школы»—всѣ они уже старыя учрежденія, служившія примѣромъ для многихъ англійскихъ техническихъ школъ. Замѣтимъ только, что еслибы рабочіе прослушали курсы во всѣхъ трехъ школахъ, т.-е. въ «профессіональной школѣ», «искусствъ и ремеслъ» и «центральной», то толковый рабочій достигнетъ очень прочныхъ техническихъ знаній. Громадные успѣхи мы замѣчаемъ за послѣднее время и въ коммерческомъ образованіи, (въ высшей «школѣ торговли» и «школѣ высшихъ коммерческихъ наукъ».

Но необходимо замѣтить, что во Франціи эта школа даже больше, чѣмъ въ Англіи, служитъ для мелкой буржуазіи, а не для народа. Несмотря на казенныя стипендіи, на вспомоществованія и т. д., большинство сыновей рабочихъ не могутъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ посѣщать эти школы или вслѣдствіе недостатка средствъ, или оттого, что слишкомъ рано становятся поддержкой семьи. Тогда возникаетъ вопросъ: не есть ли демократическій принципъ невольный обманъ? Возникли ли во Франціи хоть одни народные курсы съ техническимъ преподаваніемъ, которые были бы полезны народу? Напримѣръ, вечерніе курсы послѣ занятій въ мастерской? Вспомнимъ, во-первыхъ, о «Conservatoire des Arts et Metiers», при которомъ устроены подъ руководствомъ лучшихъ инженеровъ и профессоровъ прекрасные общедоступные вечерніе классы, вполнѣ техническіе и профессіональные. Эти курсы посѣщаются весьма усердно. Съ другой стороны, за послѣднія 10 лѣтъ извѣстныя частныя учрежденія стремятся пріурочить свои вечерніе курсы къ профессіональному и техническому образованію. Такъ, мы видимъ, что въ «Société pour l'Instruction élémentaire» насчитывается до 20 различныхъ курсовъ шитья, кройки, вышиванья, гравированія, типографіи; «политехническій союзъ» дѣлится на 21 секцію при 12,400 ученикахъ, и предметы преподаванія въ немъ слѣдующіе: курсъ ремесленнаго рисованія, архитектуры, зодчества, работы по дереву, искусственныхъ цвѣтовъ, пряденія и т. д.; филотехническій союзъ имѣетъ 30 секцій, 520 курсовъ и болѣе 10,300 учениковъ, предметы преподаванія: проценты, проценты и векселя, страховка, электрическое освѣщеніе, бухгалтерія etc... «Союзъ французской молодежи» съ 420 курсами и 12,000 слушателями занимается стенографіей, механикой, промышленнымъ электричествомъ, шитьемъ и золотыхъ дѣлъ мастерствомъ. Всѣ курсы этого общества читаются безплатно. Въ большой части промышленныхъ торговыхъ городовъ Франціи были учрежденія для высшаго техническаго профессіональнаго образованія, до-

ступныя народнымъ массамъ. Въ Бордо, въ «филоматическомъ обществѣ», слушаются 91 курсъ тремя тысячами молодыхъ людей, изучающихъ химію винодѣлія, столярную рѣзьбу, кузнечное дѣло, управленіе и завѣдываніе морскими машинами и т. д. Въ Ліонѣ «общество профессіональнаго образованія» читаетъ пяти тысячамъ учениковъ лекціи о ткацкомъ ремеслѣ, рѣзьбѣ на камнѣ, техническомъ рисованіи. Въ Амьенѣ въ «обществѣ промышленности» читаются курсы тканья, крашенія и тисненія по бархату etc... Въ Рубе, Сентъ-Кентинѣ, въ Лиллѣ и другихъ городахъ существуютъ подобныя же «общества техническаго образованія». Много содѣйствовали этому образовательному движенію также синдикальныя палаты. Изъ многихъ тысячъ курсовъ выдаются «Fédération des chauffeurs mecaniciens» въ Парижѣ; «L'union des Chambres syndicales des ouvriers passementiers et tisseurs» въ Сентъ-Этьенѣ и др. Наконецъ, въ мелкихъ промышленныхъ центрахъ курсы, читаемые въ городской думѣ и при торговыхъ палатахъ, правда, пока еще немногочисленные, замѣняютъ профессіональныя школы для большинства молодыхъ рабочихъ, вынужденныхъ зарабатывать себѣ хлѣбъ тотчасъ же по выходѣ изъ первоначальной школы.

Нравственно-общественное образованіе.

Духъ англійскаго протестантизма или, если хотите, духъ вообще христіанства былъ главнымъ двигателемъ великаго дѣла общественнаго образованія. Христіанство, способствовавшее устройству образовательныхъ учрежденій, не наложило на нихъ узкихъ религіозныхъ рамокъ и всѣ они были чисто-свѣтскія. Прототипомъ всѣхъ «University settlements» есть Тойнби Галль. По опредѣленію его директора, это—«клубъ общественной солидарности въ одномъ изъ промышленныхъ кварталовъ». Главное условіе для поступленія въ него состоитъ въ исполненіи гражданскихъ обязанностей; это—жилище среди бѣдняковъ, обитатели котораго люди образованные, желающіе и способные предложить свою дружбу бѣдняку» (С. Барнетъ). Въ этомъ семейномъ кружкѣ, созданномъ въ самомъ круговоротѣ промышленности, каждый вечеръ въ 7 часовъ собирается толпа слушателей и слушательницъ изъ народа, которые приходятъ туда: одни прослушать лекцію или какое-нибудь чтеніе, другіе бесѣду или получить книгу, третьи за справкой или за совѣтомъ. Ихъ набирается до 25,000. Это все молодые рабочіе и работницы, которые приходятъ закончить трудовой день въ средѣ оксфордскихъ и кэмбриджскихъ профессоровъ и студентовъ. Насчитываютъ около 9 подобныхъ settlements, разросшихся и преуспѣвающихъ въ предмѣстьяхъ Лондона. Въ Глазговѣ, Бристолѣ, Манчестерѣ и Эдинбургѣ съ одинаковымъ успѣхомъ замѣчается распространеніе такихъ университетовъ.

Политехническое учрежденіе Regents Street'а служитъ прототипомъ «Народнаго дворца». Этотъ центръ научнаго, нравственнаго и общественнаго образованія для 18 тысячъ бѣдняковъ былъ созданъ коммерсантомъ Quentin Hoggs. На устройство его пошло 8 милліоновъ, и ему Q. H. посвятилъ

всю свою жизнь; въ молодости даже онъ переодѣвался мастеровымъ, чтобы вербовать себѣ учениковъ и заманивать въ свою вечернюю школу. Для поступленія въ число членовъ «Poly», независимо отъ прошлаго, рожденія, національности, религіи и партій, требуется только два условія: быть не моложе 16 и не старше 25 лѣтъ и вносить въ общую кассу по шиллингу въ мѣсяцъ. За эту плату членъ имѣетъ въ обширномъ и удобномъ помѣщеніи школу, клубъ гимнастическихъ упражненій, общество для политическихъ споровъ, оркестръ, орфеонъ, духовые инструменты, библіотеку изъ 6,000 томовъ, читальни со всѣми газетами и обозрѣніями, дешевый ресторанъ, общество взаимной помощи, юридическую консультацію и т. п., не считая курсовъ профессіональнаго образованія, о которыхъ сказано выше. И всѣмъ этимъ членъ «Poly» можетъ пользоваться по своему желанію и вкусу за 15 франковъ въ годъ. Онъ не стѣсненъ: ему не навязываютъ ни своихъ мнѣній, ни правилъ. Это мѣсто свободы и общности, Thélème народнаго образованія, выше которой ничего не можетъ быть.

По примѣру «Poly», было основано еще три политехническихъ института въ бѣднѣйшихъ кварталахъ Лондона—Нью-Гросса, Беттерзенъ и Боругъ-Годи. На ихъ устройство было положено 4 милліона частныхъ пожертвованій и столько же изъ государственной казны, и на эти средства они существуютъ до сихъ поръ. Слѣдуетъ назвать еще: 1) Cleveland Hall, любопытный опытъ устроить «народный салонъ»; 2) соціальные институты, нѣчто вродѣ демократическихъ клубовъ, доступные мужчинамъ и женщинамъ, гдѣ за 30 сантимовъ въ недѣлю, въ теплыхъ, освѣщенныхъ и хорошо провѣтренныхъ залахъ, встрѣчаются знакомые и сосѣди, могутъ бесѣдовать, веселиться или, если хотятъ, читать, образовываться, слушать курсы; 3) союзъ лигъ Надежды, который поставилъ себѣ цѣлью бороться противъ народнаго пьянства; 4) домъ вечернихъ собраній для молодыхъ дѣвушекъ, съ удобнымъ помѣщеніемъ, гдѣ бѣдныя молодыя мастерицы учатся шить и кроить; имъ предлагается чай съ хлѣбомъ, онѣ слушаютъ музыку и чтеніе, сюда же онѣ могутъ обратиться съ просьбой о работѣ и проч.

Но пока объ этомъ довольно. Во Франціи нѣтъ ни одного учрежденія ни публичнаго, ни частнаго, которое хоть въ чемъ-нибудь напоминало бы Toynbee-hall или политехническій институтъ. Главная причина этого заключается въ розни нашей страны за послѣдніе три вѣка. Католики и протестанты, ультрамонтанцы и франкмасоны, роялисты, бонапартисты и республиканцы,—я чуть было не забылъ о соціалистахъ и антисемитахъ,—оспариваютъ другъ у друга первенство во Франціи и дѣлаютъ невозможнымъ никакое великое дѣло, исключая развѣ порывовъ патріотизма въ минуту внѣшней опасности. До тѣхъ поръ, пока во Франціи не установятся терпимость и солидарность, великое дѣло народнаго образованія будетъ идти не удовлетворительно. Пока у насъ оставались учрежденія съ цѣлью народнаго образованія подъ духовнымъ попечительствомъ и были только попытки

устроить свѣтскія. Разсмотримъ ихъ. Участіе гг. де-Мена и Гармеля въ устройствѣ попечительствъ о католическихъ рабочихъ не безызвѣстно. Этими учрежденіями завѣдывали большею частью священники; Максъ Тюрманъ говоритъ, что ихъ къ 1897 г. было около трехъ тысячъ; въ нихъ собираются юноши и совершеннолѣтніе въ обширныхъ помѣщеніяхъ, примыкающихъ къ какой-нибудь часовнѣ или общинѣ. Въ будничные дни собранія бываютъ вечеромъ, а по воскреснымъ среди дня. Въ этихъ попечительствахъ мы находимъ: гимназіи, рекреаціонный залъ, духовную библіотеку, справочное рекомендательное бюро, и все это въ перемѣшку съ церковною службой. Типомъ такихъ католическихъ попечительствъ служитъ попечительство г. Гармеля; оно устроено недалеко отъ Реймса, при заводѣ Val-des-Bois, директоромъ котораго состоитъ г. Гармель. У него 1,200 рабочихъ и работницъ, надъ которыми онъ считаетъ себя не только хозяиномъ, но и отцомъ. Раздѣливъ ихъ на четыре группы, онъ устраиваетъ 4 общины: 1) основную общину, 2) корпоративное и экономическое учрежденіе, 3) общество наблюденія за нравственностью и 4) общество благотворительности. Всѣ секціи этихъ группъ носятъ чисто-религіозный характеръ. Солидарность ихъ заключается въ общемъ вѣроисповѣданіи; у каждой изъ нихъ есть свой собственный праздникъ въ году; члены ихъ собираются каждое воскресенье послѣ обѣда. Мужская община, доступная всѣмъ достигшимъ 18 лѣтъ, не что иное, какъ кружокъ католическихъ работниковъ; тремъ стамъ членамъ отданы въ распоряженіе большая зала, шесть билліардовъ, библіотека для чтенія, буфетъ и разнообразныя игры. Для ремесленниковъ и рабочихъ устраиваются чтенія, пренія и ежемѣсячно на общемъ собраніи они могутъ поднимать соціальные и экономическіе вопросы. Юноши отъ 13—17 лѣтъ принимаются въ «Кружокъ младшихъ», учащіеся дѣти—въ общество св. Людовика Гонзаго. Женщины и молодыя дѣвушки раздѣлены на нѣсколько секцій и находятся подъ вѣдѣніемъ монахинь изъ Sacré-Coeur'а, которыя также занимаются преподаваніемъ. Для матерей семействъ устроенъ кружокъ дамами патронессами, для юношества—«общество молодежи», въ которомъ по воскреснымъ днямъ устраиваются празднества, состоящія изъ драматическихъ представленій, спорта и хорового пѣнія. Вся промышленная колонія Val-des-Bois управляется центральнымъ комитетомъ изъ членовъ семьи Гармеля, мѣстныхъ священниковъ и нѣсколькихъ управляющихъ мастерскими; этотъ комитетъ является главнымъ посредникомъ во всѣхъ столкновеніяхъ. Таково устройство католическаго попечительства: работники, живущіе подъ наблюденіемъ г. Гармеля или другихъ, должны подчиняться ему. Но кто изъ молодыхъ работниковъ и французскихъ служащихъ, еслибъ они были только свободны выбирать желаемый образъ жизни, согласился бы на такой контроль, на такой клерикальный надсмотръ?

«Союзъ христіанской молодежи» является примѣромъ немногочисленныхъ протестантскихъ общинъ. Въ большомъ домѣ, заново отдѣланномъ, благодаря щедрости одного богатаго американца, вспомнившаго о Франціи, на

улицѣ Тревизъ помѣщаются: гимназія, бани, дешевый ресторанъ, библіотека, аудиторія для слушателей, зала для чтенія, хоровое общество и общество спорта. Около 600 молодыхъ слушателей посѣщаютъ его. Благодаря черезчуръ религіозному характеру, эти учрежденія пользуются гораздо меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ англійскіе политехническіе институты, съ которыхъ оно, очевидно, взяло примѣръ.

Не можетъ быть полнаго общественнаго образованія безъ свободы личности. Въ основѣ всякаго «религіознаго попечительства» при самомъ лучшемъ отношеніи другъ къ другу все-таки есть доля извѣстнаго деспотизма для однихъ, подчиненія и рабства для другихъ. Англія прекрасно это поняла. Она придала своему народному образованію исключительно свѣтскій характеръ.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, по обнародованіи школьныхъ законовъ 1882 г., вокругъ первоначальныхъ школъ образуется цѣлый рядъ учрежденій, которыя могли бы сдѣлаться въ будущемъ образцами для французскихъ попечительствъ. Эти многочисленныя и усиленныя попытки представляютъ въ высшей степени интересный матеріалъ для посторонняго наблюдателя. Первое «свѣтское попечительство» для подмастерьевъ и служащихъ было основано въ третьемъ округѣ Парижа, въ ноябрѣ 1885 г., г. Лувелемъ, директоромъ общественной школы. Цѣлью этого попечительства было продолжать первоначальное воспитаніе и образованіе дѣтей, предохранять молодыхъ слушателей отъ послѣдствій полнаго одиночества и опасностей уличной жизни, пріучить молодое поколѣніе уважать свои гражданскія обязанности и приносить пользу отечеству. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ оно открыто для молодыхъ людей не старше 17 лѣтъ, независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія и профессіи. Они находятъ здѣсь вмѣстѣ съ увеселеніями различныя средства къ образованію: упражненія въ стрѣльбѣ, гимнастику и фехтованіе, вокальную и инструментальную музыку, библіотеку, пренія по вопросамъ о промышленности и т. д. Административный комитетъ заботится о мѣстахъ для молодыхъ людей въ мастерскихъ и у негоціантовъ, которые съ этимъ обращаются въ комитетъ.

Попечительство посѣщаютъ аккуратно около 160 молодыхъ подмастерьевъ или вообще служащихъ, изъ которыхъ большинство имѣетъ книжку отъ сберегательной кассы. Такія попечительства послужили примѣромъ цѣлой массѣ другихъ подобныхъ же попечительствъ и съ 1885 г. къ августу 1887 г. было организовано около 648; они встрѣчаются чаще всего въ департаментахъ Сены, Сѣвера (ихъ больше всего въ Рубэ), въ Э, въ Жирондѣ, Марнѣ, въ Луарэ и Нижней Сенѣ. Въ Парижѣ попечительства, вродѣ «Ассоціаціи учителей для физическаго воспитанія и покровительства молодежи», нѣчто совсѣмъ другое. Попечительство это учреждено въ 1880 г.; во главѣ его стоитъ директоръ общественной школы; учителя школы стараются урвать свободную минуту, чтобы посвятить ее своимъ бывшимъ ученикамъ; въ попечительствѣ до 15 секцій, 2,400 членовъ, изъ которыхъ 1,500 совсѣмъ молодые люди; они выбираютъ себѣ

хорошее помѣщеніе въ какой-нибудь изъ городскихъ школъ для того, чтобы читать тамъ лекціи, устраивать чтенія и спектакли; тамъ же устраиваются гимнастическія упражненія и цѣлыя лекціи по гимнастикѣ, даютъ уроки бокса, фехтованія, стрѣльбы, ѣзды на велосипедѣ, плаванья и т. д.; не меньше любятъ и игру, пѣніе и декламацію; изрѣдка устраиваютъ экскурсіи и прогулки въ окрестностяхъ Парижа. Ассосіація заботится помѣстить молодыхъ людей къ хорошимъ хозяевамъ. Въ нынѣшнемъ году она устраиваетъ народный кабинетъ для чтенія, напоминающій Free Public Libraries, о которомъ мы писали выше.

Если мы перенесемся въ провинцію, то увидимъ уже третій типъ «школьнаго свѣтскаго попечительства», какъ, напримѣръ, въ Орлеанѣ «Кружокъ Карно», дружеское общество бывшихъ учениковъ начальной школы; кружокъ былъ основанъ въ 1894 году по инициативѣ директора школы г. Дюпона. Начало было самое скромное, а теперь этотъ кружокъ процвѣтаетъ. Въ члены его могутъ записываться молодые люди до 21 года. Это общество такъ говоритъ о себѣ: «кружокъ нашъ состоитъ изъ молодыхъ людей, желающихъ пополнить свое образованіе и воспользоваться преимуществами дружескаго сообщества; они обѣщаютъ посѣщать всякое общее собраніе и помогать другъ другу по мѣрѣ силъ и возможности».

Собранія этого кружка бываютъ въ школьныхъ помѣщеніяхъ черезъ каждыя двѣ недѣли по воскресеньямъ, дума освѣщаетъ и отапливаетъ эти помѣщенія на свой счетъ; въ среднемъ такихъ засѣданій бываетъ до сорока. Въ теченіе двухъ лѣтъ тамъ были организованы: читальни и библіотеки, профессіональные курсы и гимназіи; устраивались физическія упражненія, декламація, чтеніе, руководимое профессорами лицеевъ, докторами и адвокатами; доставлялись мѣста молодымъ людямъ у разныхъ негоціантовъ и т. д.

Этотъ типъ «дружественнаго союза» прежнихъ учениковъ первоначальной школы вошелъ въ большую моду за послѣдніе годы. Теперь мы можемъ насчитать до 1,550 такихъ обществъ; чаще они встрѣчаются на сѣверѣ около Сены, въ Côte d'Or, въ Жирондѣ, по низу Сены. Эти три типа свѣтскаго школьнаго попечительства, о которыхъ я только что писалъ, принимаютъ въ свою среду молодежь только до 21 года и стремятся не только къ соціальному, но и національному воспитанію молодежи. Во Франціи 21 годъ — эпоха, и въ этомъ мы сразу видимъ разницу Франціи съ Англій. Франція—военная нація; Англія—промышленная и торговая, гдѣ военная служба является ремесломъ, а не обязательствомъ для всѣхъ. Въ одной есть, а въ другой нѣтъ арміи. Но служитъ ли армія для французской молодежи школой энергіи? Я не позволю себѣ рѣшать такія трудныя задачи.

Если французская демократія и пыталась что-нибудь сдѣлать для народнаго образованія кромѣ школьныхъ попечительствъ, то во всякомъ случаѣ очень мало въ сравненіи съ тѣми англійскими учрежденіями, о которыхъ я уже упомянулъ раньше; мы могли бы еще указать на два

типа французскихъ учрежденій, проникнутыхъ духомъ общественной солидарности: 1) типъ городской и 2) сельскій. «Клубъ взаимной братской помощи и соціальныхъ наукъ» былъ основанъ г-мъ Фалло въ Парижѣ въ 1883 г., директоромъ котораго теперь г-нъ Рауль Алье. Учредителями клуба были профессора, литераторы и студенты, которые добровольно смѣшались съ народной массой съ искреннимъ желаніемъ и надеждой помочь и облегчить людскія страданія и сродниться съ низшими классами и подѣлиться своими болѣе полными и глубокими знаніями. Въ субботу вечеромъ, черезъ каждыя двѣ недѣли, въ клубѣ (74 rue des Tournaux), происходятъ собранія въ большомъ помѣщеніи, гдѣ около 100 слушателей; нѣсколько студентовъ устраиваютъ тамъ музыкально-литературные вечера, которые съ удовольствіемъ посѣщаются рабочими. Помѣщеніе клуба открыто всю недѣлю и бѣдняки могутъ проводить тамъ всѣ вечера, читать въ библіотекѣ или разсуждать о интересующемъ ихъ вопросѣ, играть въ шашки, домино. Студенты организовали кромѣ того «Secretariat populaire», т.-е. безплатное агентство для медицинскихъ и юридическихъ справокъ. Въ залахъ Secretariat дежурятъ въ извѣстное время по очереди студенты. Тѣ же студенты и профессора устраиваютъ и болѣе многолюдныя собранія въ просторномъ помѣщеніи на rue Allemande, гдѣ могутъ собраться отъ 250 до 300 человѣкъ. Въ аудиторіяхъ собираются большею частію взрослые рабочіе, и соціалисты, даже анархисты; они съ большимъ вниманіемъ слушаютъ: Мольера, В. Гюго и др. и тутъ же музыку и пѣніе *).

«Клубъ братской помощи и соціальныхъ наукъ» въ декабрѣ 1895 г. соединился съ союзомъ народнаго образованія, организованнаго нѣсколькими молодыми профессорами и студентами университета и вмѣстѣ эти два учрежденія даютъ намъ хотя и очень скромное но довольно яркое подражаніе «University Extension».

Не забудемъ еще о народномъ клубѣ студентовъ и рабочихъ въ Везѣ, около Ліона, преслѣдующемъ ту же цѣль.

Самымъ законченнымъ типомъ общественнаго соціальнаго образованія въ деревнѣ служитъ кантональное «общество поощренія» въ Лонжюмо. Оно было основано въ 1884 году г-мъ Л. Робеленомъ и началось передвижнымъ, даровымъ кабинетомъ для чтенія. Теперь у него до 1,500 единомышленниковъ, бюджетъ въ 12,000 франковъ и 26,000 томовъ въ библіотекѣ. Оно же устроило въ окрестностяхъ 10 библіотекъ и со времени ихъ основанія книгъ уже было прочтено 600,000. Оно же учредило и попечительство для подмастерьевъ обоего пола, земледѣльческіе курсы, гимнастическіе; это общество привлекло къ себѣ участниковъ съ ближай-

---

*) Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ извѣстный поэтъ Морисъ Бюшоръ, увлеченный примѣромъ, устроилъ съ помощью Филоматическаго союза, народныя чтенія о лирической и драматической поэзіи въ бѣднѣйшей части Парижа. Передъ многочисленными семействами рабочихъ были прочтены Корнель, Расинъ, Ла-Фонтэнъ, Мольеръ, де-Виньи Ришпэнъ, В. Гюго. Попытка М. Бюшора и его друзей увѣнчалась полнѣйшимъ успѣхомъ (700 — 1200 слушателей на каждомъ засѣданіи).

шихъ трехъ округовъ; здѣсь чувствуется такая естественная, жизненная и демократическая забота о сельчанахъ, которой могла бы при случаѣ позавидовать и Англія.

Такимъ образомъ за послѣднія 10 лѣтъ провинціальныя общества народнаго образованія сильно размножились *) на французской почвѣ, сгруппировывая вокругъ себя другіе учрежденія: «Mutualité scolaire», «Sou des Bibliothèques», «Sou des Adolescents», и т. д.

Можемъ еще назвать среди многихъ другихъ общества народнаго образованія: въ Бургѣ (Энъ), въ Шатиліонѣ на Сенѣ (Объ), въ Шилонѣ (Индра и Луара), въ Питивье (Луаретъ) и т. д. Такимъ образомъ намъ приходится теперь наблюдать за развитіемъ цѣлаго ряда учрежденій, естественно вытекающихъ изъ школы и пополняющихъ школьное образованіе въ средѣ мѣстной молодежи. Рано еще судить объ этихъ учрежденіяхъ, мы будемъ пока ожидать ихъ полнаго расцвѣта, цвѣтовъ и плодовъ. Будемъ отъ всей души поощрять это процвѣтаніе, какъ слѣдствіе народнаго самосознанія. Кто знаетъ, можетъ быть, наши городскія и сельскія попечительства составятъ одинъ великій союзъ, какъ французская лига просвѣщенія, можетъ быть черезъ 20 лѣтъ они добьются тѣхъ же результатовъ, какъ и Extention или политехническіе институты въ Англіи, которыми она такъ гордится.

III.

Заключеніе.

Мы разсматривали вопросъ народнаго школьнаго образованія со всѣхъ сторонъ и въ обѣихъ демократіяхъ, какъ въ англійской, такъ и во французской. Мнѣ кажется еще нѣсколько рискованнымъ выводить какія-либо заключенія, поэтому я ограничусь лишь нѣкоторыми общими замѣчаніями.

1. Съ перваго взгляда кажется очевиднымъ, что половина дѣла уже сдѣлана и достигнута почти одинаковымъ путемъ въ обѣихъ странахъ. Съ одной стороны были устроены курсы для юношества съ цѣлью пополнить образованіе первоначальной школы, а съ другой—профессіональное техническое образованіе; несомнѣнно, что обѣ задачи еще не закончены, что многое еще остается додѣлать, улучшить, измѣнить, но нововведенія будутъ заключаться въ томъ, какъ бы улучшить методы, измѣнить нѣкоторыя детали, а самое главное уже сдѣлано. Къ сожалѣнію, я не могу того же сказать объ умственномъ образованіи вообще и о нравственно-соціальномъ. Англія опередила въ этомъ Францію на много. Extension даетъ рабочимъ классамъ возможность принять участіе въ высшей интеллектуальной жизни; университетскія колоніи и народный дворецъ развиваютъ въ народѣ вкусъ и способность къ правильной общественной жизни.

2. Народное образованіе во Франціи находилось въ частныхъ рукахъ

*) Въ 1896—1897 гг. тамъ насчитывали болѣе 200.

болѣе, чѣмъ даже въ Англіи. Эта истина, благодаря своей очевидности, будетъ, можетъ быть, не совсѣмъ пріятна для тѣхъ англомановъ, которые утверждаютъ, что Франція была жертвой якобинскаго государства. Участіе французскаго правительства въ послѣ-школьномъ образованіи заключалось только въ ежегодно выдаваемой суммѣ: 20 тысячъ франковъ до 1895 г. и 130 тысячъ до 1897 г. Въ Англіи же правительство выдало по Charity Comission 7 милліоновъ, не считая ежегодныхъ 10 милліоновъ, получаемыхъ съ налога на алкоголь, и другихъ пособій, выдаваемыхъ университетамъ. Но вопросъ о народномъ образованіи затрогивался гораздо чаще въ Англіи частными лицами, чѣмъ во Франціи; народный духъ, проявлявшійся самымъ разнообразнымъ образомъ, требовалъ разрѣшенія этого вопроса, и разрѣшилъ его наконецъ общими совмѣстными усиліями.

3. Въ Англіи насъ поражаетъ то, что народъ платитъ за свое образованіе; во Франціи же оно дается безплатно, а между тѣмъ результаты кажутся въ Англіи благопріятнѣе: ученики усидчивѣе, а учителя лучше. Во Франціи воспитатель ничего не получаетъ и народъ ничего не платитъ, а работа идетъ гораздо менѣе добросовѣстно, чѣмъ въ Англіи, гдѣ учитель получаетъ жалованье, а работникъ оплачиваетъ лекціи.

4. Замѣчательно то, что въ Англіи всѣ принимали участіе и помогали въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ низшіе классы, такъ и аристократія, и торговое сословіе, промышленники, профессора университетовъ, отдѣльные рабочіе и цѣлыя корпораціи рабочихъ; во Франціи этого совсѣмъ нѣтъ: нѣсколько воспитателей, нѣсколько публицистовъ и самъ народъ—вотъ заинтересованные въ этомъ дѣлѣ. Не могу сказать, чтобъ это говорило въ пользу нашихъ богатыхъ классовъ и избранной интеллигенціи. Самые бѣдные учителя и рабочіе безъ всякихъ средствъ и свободнаго времени взялись на свой рискъ за просвѣщеніе народныхъ массъ; это не пришло въ голову ни студентамъ, ни профессорамъ, ни докторамъ, ни адвокатамъ, да вообще никому изъ интеллигенціи. Мы видимъ учителя, зарабатывающаго какихъ-нибудь 1,200 фр. въ годъ, занятаго по 10 часовъ въ день, и онъ находитъ возможность устраивать на свои личныя средства курсы для взрослыхъ или попечительства для молодежи; тутъ же молодой рабочій, проработавши какъ волъ 12 часовъ въ день, получающій какихъ-то 30—40 сантимовъ въ часъ, сокращаетъ часы своего сна или отдыха, чтобъ пополнить свое образованіе—вотъ люди, у которыхъ больше любви къ Франціи, чѣмъ у милліонера или студента, оканчивающаго свой день въ театрѣ, клубѣ или кафе.

Въ 1897 году было 33 тысячи воспитателей, посвятившихъ себя, почти безплатно, чтенію вечернихъ курсовъ и занятіямъ въ попечительствахъ; они дѣйствовали одни, что говоритъ много въ пользу образованія въ нормальныхъ первоначальныхъ школахъ и очень мало въ пользу университетовъ.

Учителя первоначальныхъ школъ, несмотря на всю свою бѣдность могутъ все-таки кое какъ справиться съ курсами для взрослыхъ, такъ какъ

для такихъ курсовъ требовалось много времени, энергіи, но не денегъ; дѣло же общественныхъ попечительствъ требуетъ и массы денегъ, и значительныхъ связей,—они не могутъ быть организованы мелкими бѣдными учителями народныхъ школъ; вотъ почему во Франціи сравнительно мало большихъ общественныхъ учрежденій для простого народа.

Въ то же время народные учителя не могутъ передать народу высшаго образованія, лично не имѣя необходимыхъ для этого знаній, и оттого во Франціи нѣтъ высшаго народнаго образованія. Въ Англіи все это есть, и Extention, и университетскія колоніи и политехническіе институты. Профессора и студенты распространяютъ высшія знанія въ народѣ и развиваютъ его. Высшая интеллигенція, финансисты Англіи поняли свои обязанности въ личныхъ же интересахъ. Не знаю, способны ли наши обезпеченные классы, наши университеты къ такому единодушному усилію. Если бы они воспользовались превосходнымъ случаемъ позабыть свою классовую рознь, всю свою партійность, разрозненность, литературную полемику, то вмѣстѣ со своимъ народомъ составили бы самый лучшій благородный союзъ, т.-е. будущую Францію, передъ которой цѣлый рядъ вѣковъ для гуманной дѣятельности.

Прогулка по Сициліи.

I.

Тирренское море съ незапамятныхъ временъ пользуется незавидною славой укачивать всѣхъ плавающихъ въ немъ. Ѣдете ли вы изъ Ниццы въ Кальви, на Корсику, или изъ Ливорно въ Бастію, или изъ Неаполя въ Палермо либо Мессину — явленіе одинаково, хотя въ это же самое время Средиземное море по пути изъ Марсели въ Алжиръ отличается тишиною и поверхностью столь гладкою и блестящею, какъ сафиръ. Особенно тревожны воды, окружающія Липарскіе острова, гдѣ потому древніе и водворили на жительство бога вѣтровъ — Эола. Отсюда многовѣковыя жалобы путешественниковъ, переѣзжавшихъ съ материка Италіи на сосѣдніе острова: Сицилію, Сардинію, Корсику; отсюда ихъ радость по случаю не очень давняго соединенія желѣзною дорогою Неаполя съ Реджіо, на югѣ Калабріи, у пролива Мессинскаго. Кто куритъ очень крѣпкія сигары и соотвѣтственно тому не страдаетъ морскою болѣзнію, тому, конечно, жаль пароходнаго пути изъ Неаполя къ Мессинѣ, который проходитъ вблизи вѣчнодѣятельнаго волкана Стромболи; но большинство путешественниковъ предпочитаетъ нынѣ ѣхать сухимъ путемъ, хоть оно и дороже *). Дикое величіе Калабрійскихъ горъ и туннели, какъ въ генуезской Ривьерѣ, отчасти вознаграждаютъ за потерю Стромболи; а видъ на море почти тотъ же изъ вагоновъ, бѣгущихъ вдоль берега, что и съ палубы корабля, иногда даже лучше. Мнѣ, видавшему Стромболи съ парохода дважды, ночью и днемъ, жалѣть его, разумѣется, было нечего.

Въ Реджіо надо остановиться, вздохнуть послѣ 473 километровъ вагоннаго заключенія и передъ переправою съ материка на островъ. Жаль, что эту остановку неудобно замѣнять другою, въ Сциллѣ, двадцатью минутами ранѣе: тамъ можно бы познакомиться съ знаменитымъ водоворотомъ, тогда какъ теперь придется дѣлать для него особую поѣздку по морю, изъ Мес-

*) Во II классѣ *сухопутно*, безъ продовольствія, 37 ф. 45 с., *моремъ*, съ продовольствіемъ—27 ф. 60 с. На сушѣ буфеты довольно дороги и дневное продовольствіе обходится около 10 франковъ или, по-итальянски, лиръ.

сины. Ну, да и черезъ Реджіо дорога нескучна; на востокѣ—высшая изъ Калабрійскихъ горъ, Аспромонте, близъ которой итальянцы разбили и ранили своего благодѣтеля, Гарибальди; на западѣ—Мессинскій проливъ, съ красивымъ городомъ Мессиною на берегу и съ рядомъ садовъ и дачъ на югѣ и сѣверѣ отъ него. Переправа черезъ проливъ, на пароходѣ, дѣлается въ одинъ часъ, стоитъ 3—4 франка, и если погода хороша, то доставляетъ удовольствіе, не то что переѣздъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ осенью, то-есть теперь, когда надъ Мессиной свѣтитъ такое привѣтливое, теплое солнце.

Красивый городъ Мессина и «смотритъ лицомъ въ море», должно быть, чтобы проѣзжіе (а ихъ много) могли любоваться. Длинная набережная обставлена довольно высокими домами, почти подъ одну крышу и чисто выбѣленными. Оффиціально, это—«корсо Виктора Эммануила», въ частныхъ бесѣдахъ—просто «марина», т.-е. набережная моря. Высадитесь на ней и проникнете въ ближайшій поперечный переулокъ: черезъ двадцать шаговъ вы на главной улицѣ города, «корсо Гарибальди», куда дома уже смотрятъ лицомъ, а не тыломъ. Прямая, какъ струна, «довольно широкая, улица эта тянется на нѣсколько верстъ и продолжается даже за городомъ, въ видѣ дороги къ Фаро, т.-е. къ маяку, освѣщающему входъ въ Мессинскій проливъ съ сѣвера. Улица вымощена плитами и хорошо освѣщена не только днемъ (какъ тянущаяся по меридіану), но и ночью. Напрасно было бы ожидать на ней грязи, хотя бы послѣ дождя: она опрятна, какъ rue Royale въ Брюсселѣ или площадь вокругъ кремлевскихъ дворцовъ и соборовъ въ Москвѣ. Да и не одна она: улицы Кавурова, Монастырская, Бокчета и др. содержатся чисто, вопреки обычаю многихъ присредиземныхъ городовъ, не исключая Генуи и даже Неаполя. Особую прелесть представляетъ продолженіе корсо Гарибальди за городомъ, улица Помпейская: сами мессинцы зовутъ ее раемъ. По трамваю можно пробѣгать ее въ часъ времени и наслаждаться при этомъ ароматомъ померанцевыхъ и другихъ деревьевъ, когда они бываютъ въ цвѣту. Осенью и даже зимою эта прогулка лучше всего другого убѣдитъ васъ, какой *мягкій* климатъ имѣетъ Мессина, *рѣзкаго* холода не бываетъ совсѣмъ. Лѣтомъ тутъ бываетъ въ среднемъ + 27°С., зимой + 13°, т.-е. столько, сколько мы держимъ въ топленыхъ комнатахъ. Можно, стало быть, зимою ходить въ лѣтнемъ пальто, а лѣтомъ въ легкой шерстяной или шелковой курткѣ и совсѣмъ безъ пальто.

Туристъ, прибывшій въ городъ, разумѣется, прежде всего, ищетъ осмотрѣть его «замѣчательности»: музеи, дворцы, памятники, да притомъ такіе, которые бы бросились въ глаза. Въ Мессинѣ онъ, пожалуй, обманется въ ожиданіяхъ, потому что такихъ вещей тамъ почти нѣтъ. Самая «артистическая» вещь въ этомъ городѣ есть фонтанъ на соборной площади; но въ этомъ сооруженіи мы видимъ лишь три яруса или этажа нагихъ классическихъ фигуръ людей, а никакого общаго смысла. Работа, пожалуй, искусная но вычурная, такъ что, взглянувъ на нее, проходишь мимо или даже спрашиваешь себя: зачѣмъ потрачены деньги, вѣроятно, не малыя?

Развѣ, чтобъ обезсмертить имя ваятеля, Монторсоли, который былъ ученикомъ Микель-Анджело; но до учителя ему далеконько.

Въ соборѣ, очень богатомъ, по внутренности, зданіи, я почти увѣренъ, наиболѣе замѣчательнымъ предметомъ для обыкновеннаго туриста покажется щель въ сводѣ, пропускающая солнечные лучи въ полдень. Но такъ какъ это будетъ истинный полдень, а не средній, то для провѣрки часовъ этотъ солнечный кадранъ не годится. Въ Парижѣ долгое время роль солнечныхъ часовъ исполняла пушка *), поставленная въ Палерояльскомъ саду: она стрѣляла въ истинный полдень. Теперь ее сняли, чтобы не портить часовъ у наивныхъ парижанъ, которые ихъ повѣряли «по пушкѣ». Въ Мессинѣ до такого упраздненія ложно идущаго механизма еще не дошли, хотя образованные члены муниципалитета и знаютъ, въ чемъ дѣло. Другою замѣчательностью собора служатъ многочисленныя мозаики: ихъ стóитъ смотрѣть, особенно Іисуса и Дѣву. На главномъ алтарѣ четыре ляписъ - лазуревыя колонки поддерживаютъ ящичекъ съ письмомъ... кого бы вы думали? Самой Богородицы, о чемъ есть письменное удостовѣреніе римскаго папы Бенедикта XIII. И къ кому обращено письмо? Да къ мессинцамъ же, которые, видите ли, слушали проповѣдь христіанства отъ апостола Павла! По азіатскому обычаю, письмо начинается словами: «Дѣва Марія, дочь Іакима, раба Господня, Христа Іисуса мать; изъ колѣна Іудина, изъ рода Давидова, мессинцамъ всякія почитанія и Бога Отца благословеніе».

Отъ собора идя на сѣверъ, то ли по корсо Кавура, то ли по корсо Гарибальди, черезъ полверсты приходишь къ королевскому дворцу и лежащему передъ нимъ скверу, по-здѣшнему виллѣ. Это—любимое,—да, пожалуй, и единственное,—мѣсто для городскихъ прогулокъ мессинцевъ, гдѣ они слушаютъ музыку. Затѣмъ, замѣчательностей въ городѣ нѣтъ, потому что нельзя же считать замѣчательнымъ университетъ съ 45 профессорами и 325 студентами. Въ Женевѣ, которая имѣетъ всего 50,000 жителей, тогда какъ Мессина 150,000, и профессоровъ, и студентовъ гораздо болѣе. И едва ли Мессинскій университетъ скоро разростется: мѣста въ городѣ мало, а студентамъ удобнѣе ѣхать учиться въ Неаполь или Палермо, гдѣ ученый персоналъ и учебныя средства гораздо многочисленнѣе и, пожалуй, совершеннѣе. Съ Палермо, конечно, мессинцевъ раздѣляетъ давнишняя антипатія; но затѣмъ-то теперь и проведена между ними желѣзная дорога, чтобы стереть остатки антипатіи. Скорѣе можно бы сказать, что палермское общество, и въ томъ числѣ студенты—аристократы, щеголи, а мессинцы—демократы; но и эта рознь не вѣчна же и мало-по-малу пройдетъ. Университетъ въ Катаньѣ, несмотря на близость его къ Мессинскому, не представляетъ соперника сколько-нибудь опаснаго, хотя онъ нѣсколько больше Мессинскаго и лежитъ въ самой густо населенной части Сициліи и вблизи

*) Точнѣе, мортира, у которой къ югу отъ запада было утверждено зажигательное стекло, которое въ полдень воспламеняло зарядъ пороху, находившагося въ мортирѣ.

Этны. Я бы думалъ, что въ Мессинѣ лучше всего быть хорошей коммерческой академіи, или такъ называемому, камеральному факультету, а въ Катанъѣ—естество-историческому. Три восточныя провинціи Сициліи имѣли бы тогда два высшихъ учебныхъ заведенія, соотвѣтственныхъ характеру и потребностямъ мѣстнаго населенія и природѣ страны; четыре же прочія считали бы своимъ умственнымъ центромъ Палермо, и число студентовъ въ обѣихъ половинахъ острова было бы пропорціонально числу ея населенія.

Отъ собора и университета на югъ и особенно на юго-востокъ начинаются новыя части города, которыхъ экономическій,—да, вѣроятно, и нравственный,—бытъ больше всего обусловленъ близостью желѣзно-дорожной станціи, таможни и порта. Тутъ-то особенно замѣтно возрастаніе населенія. Надо замѣтить, что еще не очень давно изъ Мессины не было ни одной желѣзной дороги, а теперь ихъ двѣ: одна—на Катанью-Сиракузы и внутрь острова, другая—на сѣверное его побережье и въ Палермо. Обѣ дороги имѣютъ одну станцію, но раздѣляются тотчасъ по выходѣ изъ города. Одна идетъ на югъ, другая на западъ, притомъ первая по морскому берегу, а вторая сначала черезъ горы, туннелемъ и даже многими туннелями, потому что сѣверный берегъ Сициліи очень утесистъ и береговыхъ долинъ почти не имѣетъ. А южная дорога идетъ по болѣе ровной мѣстности.

Мессинскій портъ есть своего рода европейская знаменитость, да не только географическая, современная, а и историческая. Онъ-то и привлекалъ издревле завоевателей въ Сицилію. Фигура его извѣстна: это глубокая котловина, обставленная съ запада берегомъ острова, на коемъ стоитъ городъ, а съ юга, востока и частію съ сѣвера полуостровомъ, имѣющимъ видъ довольно широкаго серпа. Бурбоны, во время ихъ господства въ Сициліи, устроили цитадель, будто бы для защиты Мессины отъ враговъ съ моря, на самомъ дѣлѣ, чтобы, въ случаѣ нужды, обстрѣливать этотъ городъ, что и было дѣлано въ 1848—49 годахъ. Портъ, какъ мѣсто стоянки, какъ убѣжище отъ бурь, очень хорошъ; но довольно ли онъ великъ для теперешнихъ громадныхъ кораблей—сомнѣваюсь. Большимъ военнымъ судамъ тамъ должно быть тѣсно и имъ лучше стоять въ проливѣ. Впрочемъ, кажется, теперешнее итальянское правительство и не думаетъ дѣлать изъ Мессины военной гавани; на это у него есть Спеція, пожалуй, Генуя, Венеція и Тарентъ, на Сициліи—Палермо. А съ Мессины будетъ довольно, если на защиту ея, въ случаѣ войны, придутъ два-три броненосца береговой обороны: имѣли бы только прочные бока и хорошую артиллерію. Въ мирное же время мессинцы обойдутся гражданскими пароходами, даже парусными судами, потому что возить имъ нечего, кромѣ лимоновъ, апельсиновъ, фигъ, масла, пожалуй, вина и винограда, липарской сѣры и коекакихъ европейскихъ товаровъ для мѣстнаго употребленія. Въ Мессинѣ даже не дѣлаютъ своихъ кораблей, довольствуясь купленными или нанятыми у иностранцевъ или въ самой Италіи. Самые большіе изъ пароходовъ, посѣщающихъ Мессину, суть пакетботы итальянскіе, изъ Генуи и

Неаполя, и французскіе, изъ Марсели; для нихъ въ городѣ существуютъ агентства.

Само собою разумѣется, что кромѣ пароходныхъ агентовъ есть въ городѣ и чисто-торговые, т.-е. приказчики европейскихъ купцовъ, торгующихъ фруктами, оливковымъ масломъ и т. п., да есть всегда немалое число и туристовъ. Одни изъ нихъ тутъ проѣздомъ на два-три дня, другіе на болѣе продолжительное время, ради климата и возможности быть въ близкихъ сношеніяхъ съ родиной, благодаря пароходству и желѣзной дорогѣ чрезъ южную Италію. Пачки газетъ и писемъ приходятъ ежедневно два и три раза; столько же разъ можно и отвѣчать съ увѣренностью, что отвѣтъ немедленно отправится въ путь. Иностранцевъ, пользующихся этими услугами почты, въ Мессинѣ всегда не мало, особенно англичанъ, австрійцевъ и нѣмцевъ. Есть, кажется, и два-три русскихъ изъ Одессы и балтійскихъ портовъ; они, несомнѣнно, дѣятельные люди, потому что мессинскіе апельсины, при открытіи навигаціи, весною, всегда бываютъ однимъ изъ самыхъ раннихъ товаровъ въ Ригѣ, Ревелѣ и Петербургѣ. Говорятъ, что теперь появляется по временамъ на мессинскокъ рынкѣ одесская пшеница; но мнѣ не случилось удостовѣриться въ этомъ... Какъ это? Сицилія, историческая житница Рима, покупаетъ хлѣбъ у скиѳовъ! Что̀ бы сказали современники Августа и Тиверія? Французы, къ удивленію, провели свои вина и въ мессинскіе столовыя и буфеты, хотя тутъ и своихъ винъ довольно. Дѣло, кажется, въ томъ, что французскіе винодѣлы умѣютъ приготовлять напитки, способные выдержать перевозку, но не слишкомъ крѣпкіе, деликатные; не то что англичане, которые въ Марсалѣ, въ Сициліи, выдѣлываютъ пресловутое вино этого имени для «адмиральскаго часа» на корабляхъ, т.-е. очень «забористое», для дамъ неприличное. У меня одинъ знакомый морякъ всегда называлъ марсалу «сногсшибательной жидкостью», а какой-нибудь лафитъ назначалъ «для барышенъ». Представьте, что это «вино для барышенъ» мнѣ удалось пить и въ Мессинѣ! Только дорого, а что всего любопытнѣе, оно доставляется туда нѣмцами, оптовыми виноторговцами въ самомъ Бордо!... Всего обиднѣе для французовъ должно быть то, что ихъ собственные пакетботы, отходящіе изъ Бордо же и Марсели, снабжаютъ свои буфеты изъ погребовъ этихъ нѣмцевъ: фактъ несомнѣнный и замѣчательный!

Туристу въ Мессинѣ подобаетъ не все же жить въ пресловутой гостиницѣ Тринакріи и слоняться по городу, между горами и моремъ, т.-е. въ узкой полосѣ земли, растянутой отъ сѣвера къ югу, но не превосходящей 350 саженъ отъ запада на востокъ: надо прогуляться и по горамъ. Открывающіеся оттуда виды очень хороши, хотя программа пейзажа вездѣ одна и та же: городъ, проливъ и Калабрія. Обыкновенно прогулка начинается на юго-западѣ отъ Мессины, гдѣ-нибудь у форта Гонзаго или какого иного, устроеннаго Бурбонами для внушенія страха городу и въ 1860 г. служившаго исходною точкой бомбардированія самихъ Бурбоновъ (точнѣе, ихъ приверженцевъ) въ цитадели, причемъ Мессина и получила

свободу. Переходя съ горы на гору, черезъ отроги хребта Пелоро, изучаешь постепенно всю мѣстность à vol d'oiseau,—мѣстность очень разнообразную и привлекательную; но за то и устаешь порядкомъ, такъ что многіе слабоногіе предпочитаютъ ѣздить на мулахъ, съ проводниками, чѣмъ портится впечатлѣніе прогулки. Противу сѣвернаго конца города обыкновенно спускаются въ береговую долину и садятся на конку (паровую), чтобы ѣхать на Фаро. Сверхъ живописныхъ видовъ на Калабрію, за проливомъ, тутъ открывается рядъ небольшихъ озеръ по сю сторону пролива; потомъ вы прибываете на Фаро и, буде можно, поднимаетесь на башню маяка, чтобы полюбоваться двумя морями и гористымъ сѣверо-восточнымъ концомъ Сициліи. Иногда внизу пробѣжитъ пароходъ, дѣлающій тутъ крутой поворотъ направо или налѣво, смотря по цѣли плаванія. Противъ Сциллы, въ Харибдѣ пароходы иногда вертятся около вертикальной оси, вслѣдствіе *періодическаго* водоворота, измѣняющаго направленіе черезъ каждые шесть часовъ. Теперь его никто не боится, и капитаны судовъ изловчились плавать по немъ безъ всякихъ непріятныхъ случайностей.

Въ Мессинѣ хорошій театръ, лучшій изъ сицилійскихъ; но теперь не сезонъ и представленій нѣтъ. Такъ какъ время далеко за-полдень, а въ 5 ч. 10 м. вечера идетъ поѣздъ въ Катанью, то ѣдемте на желѣзподорожную станцію. Ночь, вѣроятно, будетъ безоблачна: вечеръ, какъ видите, ясенъ, а потому увидимъ и освѣщеніе Калабрійскихъ горъ лучами заходящаго солнца, и зарево Этны, которая, по слухамъ, «нагрѣвается». Вотъ и въѣдемъ въ Катанью съ иллюминаціей, а пожалуй—еще съ громомъ или грохотомъ горы.

II.

Предвидѣніе оправдалось лишь отчасти. Видъ на Реджіо и Аспромонте, освѣщенные розовыми лучами заходящаго солнца, былъ дѣйствительно очень хорошъ, особенно отъ контраста темносиняго моря съ нѣжно-розоватыми домами города; но въ Катаньи геологической иллюминаціи или грозы мы не нашли. Даже простое уличное освѣщеніе оставляло желать многаго, потому что со станціи, лежащей за городомъ, мы ѣхали въ гостиницу довольно долго, въ полутемномъ дилижансѣ. На утро можно было осмотрѣться въ Катаньѣ и увидѣть, что это городъ побольше Мессины, но менѣе ея живописный. Главное—онъ «не смотрится въ море», хотя юго-восточною своею стороной и прилегаетъ къ нему; да и то, какъ прилегаетъ?—Желѣзная дорога отрѣзываетъ городскія постройки отъ порта, а послѣдній состоитъ изъ ряда мелкихъ бассейновъ, либо пустыхъ, либо наполненныхъ небольшими судами. Внутри городъ имѣетъ довольно запутанный планъ, и если двѣ главныя его улицы пересѣкаются подъ прямымъ угломъ, то остальныя составляютъ довольно сложную сѣть. Первая изъ большихъ улицъ, Стезикоро-Этнея, идетъ почти по меридіану, въ направленіи къ Этнѣ, вто-

рая тянется по параллели и зовется корсо Витторе-Эммануеле. Разумѣется, рядомъ съ ней, почти въ одномъ направленіи, есть віа Гарибальди, съ площадкой Маццини по рединѣ; но, къ удивленію, во всемъ городѣ нѣтъ ни улицы, ни площади въ честь Кавура. Должно быть, катанцы не любили его. У нихъ, впрочемъ, есть своя, домашняя знаменитость, которую они и выставили, гдѣ могли: это—музыкантъ Беллини, авторъ «Пуританъ», «Нормы», «Сомнамбулы» и другихъ оперъ. Есть памятникъ Беллини, театръ Беллини, вилла (гулянье) Беллини. Патріотическіе и благодушные люди! Ихъ бы слѣдовало награждать, въ примѣръ другимъ; но вотъ подите: даже дома ихъ патронессы, нѣкоей Агаѳьи, землетрясенія не пожалѣли, и его, на-ряду съ другими, приходилось чинить.

Туристамъ, конечно, мало дѣла до Агаѳьи и до Беллини, даже до Маццини и Гарибальди: имъ давай Этну, благо она видна изъ города во всю ея высоту. Вотъ почему всѣ заранѣе знаютъ наизусть улицу Стезикоро, деревню Николози, домикъ (казу) Боско и другія станціи на пути къ вершинѣ горы. И теперь иные готовы броситься въ путь по избитой дорогѣ, благо она хорошо описана у Бедекера. Но, позвольте, современность, прогрессъ тутъ ставятъ препятствія, точнѣе—возбуждаютъ сомнѣніе: стóитъ ли дѣлать восхожденіе на гору? Поставленная *одиноко* надъ надутостью почвы, имѣющею до 35 верстъ въ поперечникѣ, и возвышающаяся надъ сосѣднимъ моремъ на 12,000 футовъ, она видна со всѣхъ сторонъ простыми глазами, а въ бинокль и съ большими подробностями; стóитъ ли дѣлать расходъ силы въ 60,000 пудо-футовъ, чтобы постоять у кратера и, пожалуй еще, ничего не увидѣть, если этотъ кратеръ наполнится дымомъ? Вѣдь предсказать *съ увѣренностью,* что этого не будетъ, вы не можете; такъ подумайте: не лучше ли вертикальный подъемъ замѣнить горизонтальною прогулкой вокругъ горы, по желѣзной дорогѣ, недавно устроенной въ видѣ кольца въ 109 километровъ (100 верстъ) длиною? При предпочтеніи вертикальности ступайте на Николози и далѣе (по возможности втроемъ), заберите съ собой теплыя одѣяла, провизію на два дня, посуду и уголь, чтобы на кухнѣ обсерваторіи, на верху горы, утолить голодъ. Въ обсерваторіи вы, вѣроятно, будете единственными обитателями, потому что ни директоръ, ни даже сторожа не живутъ тамъ постоянно, а наѣзжаютъ лишь періодически, для взятія записей съ самопишущихъ снарядовъ и установки ихъ на новый срокъ. Кухня и двѣ спальни для заѣзжихъ (остальныя комнаты заперты) позволятъ вамъ согрѣться и отдохнуть не на морозѣ, подъ открытымъ небомъ; но вы даже и при этомъ не можете быть увѣренными, что увидите съ вершины Этны, завтрашнимъ утромъ, восходящее солнце, то-есть то, зачѣмъ восхожденіе дѣлается съ трудомъ и лишеніями. А если пойдетъ снѣгъ или гора станетъ извергать горячую золу или даже просто подуетъ вѣтеръ-ураганъ (что нерѣдко на Этнѣ) такъ что вы станете дѣлать?

Эти скептическія соображенія, очевидно, приходятъ въ голову не мнѣ одному, 66-лѣтнему старику, но и многимъ другимъ, болѣе свѣжимъ лю-

дямъ. По крайней мѣрѣ, на желѣзной дорогѣ Катанья-Бранте-Джіара-Катанья, мнѣ встрѣтилось много спутниковъ и изъ нихъ лишь немногіе заявляли желаніе пробираться потомъ наверхъ. Не спорю, что геологъ-ученикъ, желающій во-очію ознакомиться съ вершиной волкана и совершающимися тамъ явленіями, хорошо сдѣлаетъ, пробравшись до кратера; но и то лучше сдѣлать на Везувіи, т.-е. на горѣ втрое низшей, чѣмъ Этна. А тамъ самыя поучительныя наблюденія будутъ дѣлаться лишь по склонамъ волкана. Многія огнедышащія горы въ Европѣ, Америкѣ, на Малайскомъ архипелагѣ, въ Японіи имѣютъ хорошія карты, и на нихъ вы можете отмѣчать потоки лавы, направленіе воздушныхъ изверженій (золы) и т. п., глядя не съ вершины горы, а сбоку. Если же, сверхъ того, ваша станція подвижная, какъ на катанской желѣзной дорогѣ, то вы единолично можете собрать больше данныхъ, чѣмъ многіе наблюдатели неподвижные, хотя бы они стояли на вершинѣ горы, гдѣ кругомъ нихъ адъ. Стóитъ прибавить, что для Везувія вопросъ о мѣстѣ наивыгоднѣйшихъ наблюденій рѣшенъ устройствомъ желѣзной дороги къ вершинѣ; на Этнѣ это было бы еще лучше, а пожалуй и легче, потому что общій скатъ горы, отъ вершины до подошвы не круче 17 градусовъ. Тамъ, гдѣ паденіе верхнихъ слоевъ почвы значительнѣе, можно дорогу повести извилинами. Вотъ только землетрясенія легко могутъ испортить подобную дорогу: тутъ вѣдь не спокойная почва Швейцаріи и не Риги или Пилатъ, а Этна.

Двѣ катанскія обсерваторіи, въ городѣ и на Этнѣ, самымъ своимъ сосуществованіемъ представляютъ явленіе рѣдкое въ ученомъ мірѣ и очень полезное, потому что даютъ возможность дѣлать, наприм., метеорологическія наблюденія въ двухъ точкахъ, близкихъ горизонтально и сравнительно далекихъ вертикально, совершенно въ одни и тѣ же часы. Въ текущемъ году, для удобства сношеній между наблюдателями наверху и внизу, ихъ станціи соединяются телефономъ. Не мало дѣльныхъ предостереженій можетъ посылать верхній наблюдатель нижнему и обратно. Директоромъ обоихъ учрежденій состоитъ г. Рикко, но у него есть нѣсколько помощниковъ, и въ нагорной обсерваторіи, сверхъ метеорологическихъ и сейсмическихъ инструментовъ установленъ рефракторъ въ пять съ половиною метровъ длины, чтò даетъ возможность работать надъ фотографическою картой неба, предпринятой астрономами. Ясность, прозрачность воздуха на Этнѣ не оставляетъ ничего желать, разумѣется, когда нѣтъ облаковъ и волканическихъ изверженій. Стараніями наблюдателей на верхней обсерваторіи найдено, что тамъ на высотѣ 2,942 метровъ и подъ 37°44,3′ широты, температура воздуха бываетъ: зимою—6,6°, весною—1,5°, лѣтомъ+7,3°, осенью+2,7°, а за годъ+0,4°, что напоминаетъ климатъ Барнаула (53°20′ ш.), но съ гораздо меньшими рѣзкостями въ перемѣнахъ температуры. Снѣгу на этнической обсерваторіи выпадаетъ столько, что иногда слой его бываетъ отъ 2 до 5 метровъ толщиною, чего въ сухомъ климатѣ Барнаула наблюдать невозможно, хотя и на Этнѣ число дождливо-снѣжныхъ дней въ году не превосходитъ 77. Любопытно, что удары электрической грозы

столь рѣдки на Этнѣ, что съ самаго основанія обсерваторіи (въ 1892 г.) не было ни одного случая, несмотря на то, что обсерваторія не имѣетъ громоотвода.

Южныя части полуденнаго ската Этны, вмѣстѣ съ сосѣдними Катаньѣ равнинами по Симето и ея притокамъ, суть богатѣйшія по растительности части Сициліи, а можетъ быть и цѣлой Европы, не исключая Андалузіи. Это страна апельсиновъ, гранатовъ, миндаля и множество другихъ плодовъ, общихъ у Европы съ передней Азіей и сѣверною Африкой. Нерѣдки и пальмы. Та пшеница, которая въ древности доставила Сициліи славу житницы Рима, даетъ здѣсь такіе же урожаи, какъ въ нижнемъ Египтѣ, лежащемъ на 500 верстъ южнѣе. Еслибы не *что-то* мѣшающее, обитатели этой земли должны бы благоденствовать, какъ никто изъ европейцевъ, особенно въ виду легкости сбыта природныхъ богатствъ по Средиземному морю. Но на дѣлѣ мы видимъ не совсѣмъ то. Масса народа бѣдна. Почему? Да потому, что земледѣлецъ нагло эксплоатируется землевладѣльцемъ передъ посѣвомъ, торговцемъ—послѣ жатвы. Капитала для борьбы съ этими врагами у него нѣтъ и не будетъ, пока не кончатся теперешніе аграрные порядки. М. Ковалевскій, съ присущею ему въ этихъ вопросахъ компетентностью, разобралъ этотъ вопросъ именно по отношенію къ сицилійцамъ. Бѣдности прикатанскаго деревенскаго населенія соотвѣтствуетъ зажиточность горожанъ. Паны часто чинятъ и воздвигаютъ вновь пышные дома въ Катаньѣ и другихъ большихъ городахъ; а хлопы съ трудомъ питаются и пріобрѣтаютъ одежду и другую движимость. О поземельной собственности имъ не позволяютъ мечтать; и исключенія очень рѣдки. Торговцы всегда въ барышахъ.

Оставимъ однако Катанью, Этну, ихъ обсерваторію и даже университетъ, да посмотримъ на одинъ сосѣдній городъ, нѣкогда бывшій поважнѣе и побогаче Катаньи, а теперь забытый, заброшенный и едва ли возстановимый, хотя приблизительно въ прежнемъ блескѣ. Разумѣю Сиракузы, до которыхъ отъ Катаньи 87 километровъ и три часа ѣзды по желѣзной дорогѣ. На первомъ же переѣздѣ, до Лентинъ, вы пересѣкаете долины Симето и Горналунги, знаменитыя своимъ плодородіемъ, но гдѣ же жители? Они приходятъ туда лишь на время посѣвовъ и жатвъ, потому что жить тамъ опасно, благодаря болотнымъ лихорадкамъ. Отъ изобилія воды, зимою, образовалось даже озеро Лентины, не существовавшее въ древности, когда устья Симето, вѣроятно, лежали западнѣе нынѣшняго ихъ мѣста, и вода уходила въ море. Лѣтомъ тутъ болѣзни, для иныхъ даже смерть, несмотря на хину, какъ у насъ на западномъ Кавказѣ, у Чернаго моря. Отъ Лентины до Августы, портоваго городка, дорога вьется по уваламъ, прилегающимъ къ морю и довольно высокимъ, чтобы наводненій тутъ не было. Августа, должно быть, въ свое время имѣла торговую или политическую важность, потому что изъ-за нея бывало не мало войнъ, между прочимъ—пресловутая война Аѳинъ съ Сиракузами, въ близкое сосѣдство которыхъ (25—30 в.) мы тутъ вступаемъ. Дорога вьется

по берегу моря и на послѣднихъ шести верстахъ по краю того плоскогорья, на которомъ стояли древнія Сиракузы. Желѣзно-дорожная станція теперешнихъ Сиракузъ стоитъ тоже въ предѣлахъ античнаго города; но для него эта мѣстность была внутреннею, а теперь она загородная. Впрочемъ, сиракузцы могутъ утѣшаться тѣмъ, что теперешнее ихъ мѣстопребываніе есть тотъ же островокъ Ортигія, на которомъ въ 734 г. до Р. Хр. ихъ греческіе предки основали городъ. Злые языки говорятъ только, что эта бывшая колыбель нынѣ служитъ могилою, что пожалуй и правда, потому что теперь въ Сиракузахъ есть 22,000 жителей, а въ цвѣтущія времена, напримѣръ, при Тимолеонѣ, ихъ было болѣе полумилліона.

Кстати! Помните ли вы, читатель, Тимолеона?—Я почти увѣренъ, что забыли, если только знали когда-нибудь, несмотря на ваше *классическое* образованіе. Изъ сиракузцевъ у насъ принято знать тирана Діонисія, математика Архимеда, пожалуй еще Герона или Гелона (два разныя лица); ну, а Тимолеонъ неизвѣстенъ. Между тѣмъ это былъ великій правитель. Подъ старость онъ ослѣпъ и долженъ былъ возвратиться на свою родину, въ Коринѳъ. Узнавъ о кончинѣ его, сиракузяне явили рѣдкій примѣръ общественной благодарности къ бывшему ихъ государственному человѣку: они не только отпустили двѣсти минъ (2,500 р.) на его похороны (въ Сиракузахъ), но постановили, чтобы въ день его кончины ежегодно справлялись игры, музыкальныя и гимнастическія, конскія скачки и т. п., наконецъ, соорудили ему памятникъ на мѣстѣ разрушеннаго дворца прежнихъ властителей-тиранновъ, вродѣ извѣстнаго Діонисія. Гдѣ онъ теперь этотъ памятникъ?—неизвѣстно; но оно, пожалуй, и къ лучшему, а то могли бы показывать заѣзжимъ какую-нибудь штуку сомнительной достовѣрности, вродѣ пресловутой могилы Архимеда. Многіе вѣдь ходятъ смотрѣть эту послѣднюю, забывая, что уже Цицеронъ, черезъ 139 лѣтъ послѣ смерти Архимеда, съ трудомъ находилъ ее и упрекалъ сиракузянъ за эту заброшенность, за забвеніе памяти великаго человѣка и ихъ защитника.

Сиракузы, какъ извѣстно, въ наши дни есть вполнѣ археологическій городъ, масса развалинъ, на которыхъ большею частью распахиваются поля; но все же кое-что осталось и въ сохранности. Въ современной жилой части города вамъ, во-первыхъ, показываютъ храмъ Минервы, который обратился въ католическій соборъ, потомъ фонтанъ Аретузы. Съ Минервой католики распорядились *sans façon*: забрали стѣнами промежутки между колоннами древняго храма и на западномъ концѣ его придѣлали фасадъ въ стилѣ рококо! Почти то же, что женевцы сотворили съ готическою церковью Петра, къ которой приставили фасадъ изъ коринѳскихъ колоннъ. Фонтанъ Аретузы счастливѣе: онъ сохранился въ первоначальномъ видѣ, только вода въ немъ не прѣсная, а соленая, что̀ впрочемъ приписывается землетрясенію. Какъ могъ прѣсный ключъ бить въ городѣ, построенномъ на островкѣ, среди моря, объ этомъ обыкновенно умалчиваютъ; но преданіе утверждаетъ, что это было такъ: иначе де зачѣмъ бы и строить фонтанъ?... Предлагаю подумать надъ вопросомъ.

Это внутри города, гдѣ, разумѣется, есть улица Виктора-Эммануила, улица Гарибальди, площадь Маццини, а внѣ его, внѣ острова Ортигіи, что можно и стоитъ видѣть? Ну, конечно, *латоміи*. Что это за латоміи? А бывшія каменоломни, глубокія ямы съ вертикальными стѣнами и съ разросшимися иногда среди нихъ садами и рощами. Мѣстами изъ нихъ входъ въ катакомбы, т.-е. въ подземныя кладбища. Ни въ одномъ европейскомъ городѣ такихъ ямъ нѣтъ и, кажется, не бывало. Латоміи иногда такъ обширны, что въ одной изъ нихъ сиракузяне держали 7,000 плѣнныхъ аѳинянъ, которымъ уйти изъ ямы съ отвѣсными стѣнами въ десять саженъ было нельзя. За латоміями, или еще прежде ихъ, вниманіе туриста въ старомъ городѣ привлекаетъ амфитеатръ, порядочно сохранившійся: онъ имѣлъ 27,000 мѣстъ. Затѣмъ стоитъ вниманія Евріель, старое укрѣпленіе въ сѣверо-западномъ углу древнихъ Сиракузъ, приспособленное къ производству вылазокъ не только пѣхоты, но и конницы. Я впрочемъ отказываюсь отъ изученія историческихъ Сиракузъ и даже музея ихъ древностей, помѣщеннаго въ новомъ городѣ, этой колыбели-могилѣ знаменитаго города. Идите сами и запаситесь временемъ, котораго у меня нѣтъ.

III.

Юговосточная Сицилія, между Сиракузами и Джирженти, не создана для прогулокъ, по крайней мѣрѣ, сѣверянъ: слишкомъ жарко и по временамъ дуетъ сирокко, къ которому даже туземцы не приспособились. Тутъ однако есть нѣсколько городковъ, какъ Модика, Рагуза, Палаццоло, Терранова и проч. съ 20—25 тыс. жителей и со множествомъ хуторовъ, разсѣянныхъ въ промежуткахъ. Города связаны между собою желѣзною дорогой; но по ней ходятъ только поѣзды пассажиро-товарные, а скорыхъ нѣтъ. Для прибрежныхъ городковъ есть пароходная линія по морю; но тутъ движеніе еще медленнѣе. Видно, что это глухая часть острова,—надо вернуться въ Катанью и изъ нея уже ѣхать въ Джирдженти. «Нѣтъ, зачѣмъ же въ Катанью? — говоритъ мнѣ мой спутникъ, итальянецъ, котораго я зналъ еще въ Парижѣ и подъ руководствомъ котораго совершалъ набѣгъ въ Сиракузы:—доѣдемте до станціи Бикоки, гдѣ раздвоеніе дорогъ; тамъ я васъ отпущу. Вы поѣдете налѣво, внутрь страны, а я направо, въ городъ. Изъ Бикоки слѣдуйте безостановочно до Кастанисеты, а оттуда ужъ и рукой подать до Джирдженти или до Палермо, какъ вздумаете... Только въ Джирдженти теперь очень жарко». Я поблагодарилъ за совѣтъ и послѣдовалъ ему. А по дорогѣ до Бикоки мой спутникъ еще пояснилъ мнѣ, почему онъ рекомендовалъ мнѣ Кастанисету, а не какой другой пунктъ, наприм. Кастро-Джіовани, съ его горами и послѣднимъ видомъ на Этну: Кастанисета, молъ, есть центръ провинціи того же имени, самой внутренней изъ семи, составляющихъ Сицилію. Она же, по населенію, самая суевѣрная и невѣжественная. «Я вамъ совѣтую провести тамъ день-другой. Сходите къ обѣдни, благо тамошній соборъ устроенъ въ честь вашего патрона, архангела

Михаила, а потомъ, вечеромъ, около того же собора, на площади, будете слушать музыку и наблюдать собравшійся народъ». Сказано—сдѣлано. Отъ Бикоки я повернулъ на западъ, сначала по равнинѣ, потомъ по горамъ. Этна, въ самомъ дѣлѣ, исчезла изъ глазъ около Кастро-Джіовани, и въ Кастанисетѣ соборъ дѣйствительно во имя архангела Михаила, и на площади играетъ музыка. Тамъ мнѣ показали *джетаторе*, т.-е. колдуна, пожилого мужчину съ рѣзко-проницательными глазами, какихъ, говорятъ, встрѣчается не мало среди окрестныхъ горцевъ. Публика, особенно молодежь, ихъ боится, хотя никто мнѣ не могъ объяснить, почему. Кажется, считаютъ ихъ способными вредить тайно, дѣлать наговоры для напущенія болѣзни или потери имущества. Спросите разъясненій гдѣ-нибудь въ Костромской или Тамбовской губерніи: мнѣ въ Кастанисетѣ не удалось узнать. По крайней мѣрѣ, на вопросъ мой одному образованному туземцу, хорошо говорившему по-французски: «какъ можетъ быть, что въ такой набожной странѣ, какъ средняя Сицилія, патеры не позаботились объ искорененіи ученія о колдунахъ?»—я получилъ въ отвѣтъ: «Да они-то, то-есть патеры, и заботятся больше всего о поддержаніи въ народѣ суевѣрія. Дружбы съ *джетаторе* они не водятъ, но чтобы преслѣдовать ихъ хотя бы проповѣдями въ церкви,—этого вы отъ нихъ не дождетесь». Вотъ вамъ и черта изъ средне-сицилійскихъ нравовъ, дающая притомъ хорошую мѣрку развитія націи. Говорятъ, въ Мессинѣ и Катаньѣ этого встрѣтить нельзя: тамъ-де университеты, и духовенство образовано, а въ Кастанисетѣ и окрестностяхъ вѣра въ колдуновъ очень обычна.

Пробыть въ Кастанисетѣ двое сутокъ я не рѣшился: скучно! Но куда ѣхать? Въ Джирдженти или въ Палермо?—До перваго ближе и край менѣе извѣстенъ, но, по полученнымъ извѣстіямъ, тамъ ждутъ сирокко; стало быть, благоразумнѣе будетъ переѣхать на сѣверный берегъ острова. Итакъ, отдаю столицѣ центральной сицилійской провинціи двѣ ночи и только одинъ день. За ночи даже благодарю, потому что въ теченіе ихъ, на высотѣ 2,000 футовъ, не было такъ жарко, какъ въ Сиракузахъ и Катаньѣ. Но во второе утро я все же на пути въ Катарину, Роккапалумбу и Термини. Можно бы проѣхать въ тотъ же день и до Палермо, но мнѣ хочется попробовать терминійскихъ вермишели и макаронъ. Итальянцы ими хвалятся, какъ мы тульскими пряниками или вяземскими коврижками. Останавливаюсь поэтому въ Термини, гдѣ и любуюсь живописнымъ мѣстоположеніемъ города на приморской скалѣ, восточнѣе устья горной рѣчки Леонардо, потомъ ѣмъ макароны и какую-то рыбу, по вкусу мнѣ неизвѣстную, но смачную. Видно, что терминійцы—и искусные рыбаки, и порядочные повара. Кухня въ трактирѣ итальянская, но ясно, что иностранцы тутъ не рѣдкость и что для нихъ дѣлаются приспособленія и уступки въ общеевропейскомъ вкусѣ. На завтра поѣздъ въ Палермо идетъ въ 5 час. 45 минутъ утра; я спѣшу имъ воспользоваться, чтобы видѣть утромъ Монте-Пеллегрино и лежащую предъ нимъ у моря столицу Сициліи. Въ 7 часовъ 25 минутъ мы на Giardino Garibaldi, въ hôtel de France, знакомомъ мнѣ съ 1879 года.

Какъ только я выпилъ мой кофе, такъ отправился осматривать городъ. Къ удовольствію моему, онъ значительно расширился и улучшился за послѣднія 18 лѣтъ. Цѣлая площадь, въ одну пятую прежняго Палермо, присоединилась къ городу съ сѣвера, т.-е. со стороны порта. Она хорошо обстроилась, и уже лучшая изъ палермскихъ гостиницъ, Пальмовая, съ прекраснымъ садомъ, лежитъ среди новаго квартала. Портъ закончилъ свою ограду съ сѣверо-востока и теперь сталъ однимъ изъ лучшихъ на Средиземномъ морѣ. Желѣзная дорога вокругъ всего города связала гавань съ большой желѣзнодорожной станціей, изъ которой рельсовые пути расходятся по всей Сициліи. Улица Кавура, прежде шедшая по краю города, теперь тянется по самой срединѣ его и приводитъ съ прибрежій порта къ площади со вновь построеннымъ большимъ театромъ Виктора-Эммануила. Знаменитая улица Македа, одна изъ двухъ главныхъ въ Палермо, удлиннилась вдвое и теперь, подъ именемъ сначала Руджіеро-Сеттамо, а потомъ улицы Свободы, теряется далеко на сѣверо-западѣ города, въ новыхъ слободахъ или предмѣстьяхъ. Я думаю, что по длинѣ и прямизмѣ это одна изъ главныхъ улицъ въ Италіи, длиннѣе и шире римскаго Корсо. Прибавлю, что на ней находится городское управленіе, университетъ, большой театръ, политеамъ Гарибальди, и что она проходитъ черезъ два главные въ Палермо перекрестка (quatri-canti—четыре руки), я готовъ думать, что она скоро станетъ первою улицей этого города взамѣнъ традиціонной Corso Vittore Emmanuele, на которой стоятъ королевскій дворецъ и соборъ. Движеніе по ней очень велико, такъ какъ она ведетъ съ одной стороны къ центральной станціи желѣзной дороги, а съ другой—къ порту и въ *Conca-de-Oro*, гдѣ находятся дачи богатыхъ палермцевъ и огороды ближайшихъ крестьянъ, снабдителей города зеленью.

Къ полудню надо было вернуться въ гостиницу ради завтрака. Судьба послала мнѣ за столомъ сосѣда болѣе пожилого, чѣмъ я, и кровнаго сицилійца, да еще бывшаго пажа или камеръ-юнкера при дворѣ короля Обѣихъ Сицилій, въ Неаполѣ. Увидавъ у меня около столоваго прибора путеводитель, онъ спросилъ меня: «уѣзжаю ли я изъ Сициліи или въѣзжаю въ нее?» На это я отвѣчалъ, что лишь сегодня утромъ прибылъ въ Палермо изъ Сиракузъ и Кастанисеты. «А, такъ вы уже познакомились съ внутренностью нашей страны и Палермо сохранили для дессерта».—Не совсѣмъ такъ, потому что думаю еще прокатиться въ Марсалу и Трапани, чтобы видѣть весь островъ съ востока до запада.—«Не стóитъ: теперь жарко.. Развѣ, если вы археологъ, желающій видѣть развалины Сегесты и Селиноnте».—А вы полагаете, что археологи—самые страстные ученые, готовые пренебрегать всякими естественными невзгодами путешествія, лишь бы достигнуть предназначенной заранѣе цѣли?—«Таково свойство *всѣхъ* ученыхъ, любящихъ свое дѣло. У насъ по Сициліи ученые разъѣзжали даже въ тѣ времена, когда были пресловутые дилижансы и нападавшіе на нихъ разбойники». — А давно это было? — «Нѣтъ, недавно: передъ постройкой желѣзныхъ дорогъ». — Скажите: эта постройка увеличила ли число тури-

стовъ въ Сициліи?—«О! и очень. Прежде, кромѣ немногихъ ученыхъ, ѣздили лишь большіе господа, которымъ денегъ дѣвать некуда и которые рады были потомъ похвастаться: «когда я былъ въ Палермо или на Этнѣ»... Нынче ѣздятъ—и въ немаломъ числѣ—просто образованные люди вовсе не изъ богатыхъ». — Такъ что сицилійскіе трактирщики, пожалуй, потеряли отъ замѣны прежняго порядка новымъ, то-есть качества проѣзжихъ ихъ количествомъ?—«Ну, не думаю. Конечно, бывали прежде путешественники-богачи, которые сорили деньгами, чего теперь нѣтъ; но число ихъ никогда не было велико. У меня въ памяти сохранились два-три: напримѣръ, одна прусская баронесса, которая дѣйствительно бросала здѣсь, въ Палермо, деньги горстями нищимъ, собиравшимся внизу балкона ея палаццо. И это, видите ли, потому, что она вышла замужъ за богатаго славянскаго князя и хотѣла показать, что у этого «лѣсного царя» въ подвалахъ много звонкой монеты, а тотъ не смѣлъ ей возражать, по связямъ ея при берлинскомъ дворѣ».— Скажите, давно это было? — «Да болѣе пятидесяти лѣтъ: я тогда еще былъ пажомъ и помню, какъ покойный король Фердинандъ II огорчался этимъ поведеніемъ знатной дамы. «Лучше бы, говорилъ, отдала деньги мнѣ, чѣмъ лаццарони, которые ее же обрызгаютъ грязью при первомъ удобномъ случаѣ. Я бы расширилъ раскопки въ Помпеѣ». И, чтобы соблазнить тароватую аристократку, посылалъ ей кое-какіе помпейскіе черепки; но не знаю, успѣлъ ли соблазнить не барыню, а мужа. Тотъ вѣдь, узнавъ о безпутствахъ дражайшей половины, предписалъ ей вернуться въ свои прибалтійскія дебри... У насъ тогда надъ этимъ много смѣялись... Потомъ одинъ лордъ, собиратель древностей, ухлопалъ знатную сумму въ Сиракузахъ, но не могъ ничего вывезти, потому что мѣстные разбойники напали на его транспортъ... Полоумный членъ верхней палаты надѣялся даже получить денежное вознагражденіе отъ неаполитанскаго правительства, но получилъ въ отвѣтъ только угрозу быть высланнымъ изъ королевства Обѣихъ Сицилій».

Пока эта бесѣда шла, завтракъ кончился. Мой собесѣдникъ взялъ портфель съ бумагами и направился въ сосѣдній съ гостиницей судъ, гдѣ у него были дѣла, а я нанялъ извозчика и отправился въ Монреале. Въ Сициліи нѣтъ зданія болѣе изящно отдѣланнаго внутри, какъ церковь бенедиктинскаго монастыря, находящагося въ этомъ городкѣ; поэтому туристы посѣщаютъ его во множествѣ. Здѣсь же кстати они узнаютъ многочисленность и навязчивость палермскихъ нищихъ, которые, впрочемъ, приходятъ, для отправленія своего ремесла, не изъ одного Палермо, а изъ сосѣднихъ деревень и мѣстечекъ. Было бы можно сравнить монастырь въ Монреале съ Троицкой лаврою подъ Москвою; но я сомнѣваюсь, чтобы католическіе монахи были такъ же гостепріимны, какъ наши у Сергія. Боюсь даже, что они продаютъ нищимъ право попрошайничать у воротъ ихъ монастыря. Богатые посѣтители-вкладчики нынѣ рѣдки, а потому ихъ обираютъ при посредствѣ нищихъ: промыселъ небезвыгодный. Въ монастырѣ главныя замѣчательности суть: дворъ, съ колоннадою вокругъ,

для прогулокъ и собесѣдованій монаховъ, бронзовая рѣзная дверь, ведущая въ церковь, и наконецъ самая церковь съ превосходными гранитными колонами по сторонамъ и великолѣпною, чисто-мозаичною, отдѣлкою стѣнъ. Любители старинной церковной живописи найдутъ здѣсь также не мало замѣчательныхъ образцовъ этого искусства, начиная съ образа Христа—судіи, помѣщеннаго вверху зданія, лицомъ ко входящимъ въ него, чтобы производить на нихъ вящее впечатлѣніе. Часа въ четыре вечеромъ надо начать подъемъ на сосѣднюю монастырю гору и въ частности добраться до находящихся тамъ остатковъ форта Кастеллячіо: видъ на Палермо и окрестности, особливо подъ вечеръ, вознаграждаетъ за усталость, причиненную подъемомъ.

Отъ Монреале до гостиницы въ городѣ около девяти верстъ; поэтому я едва успѣлъ вернуться къ обѣду. Публика уже усаживалась, когда я вошелъ въ столовую, не безъ нѣкоторой боязни за мѣсто. Но мой давишній сосѣдъ сидѣлъ на своемъ и любезно указалъ рукою, что мое тоже не занято. Онъ мнѣ сказалъ, что окончилъ свои занятія въ судѣ и завтра рано утромъ возвращается въ деревню. «Можно бы и теперь; да отъ желѣзнодорожной станціи до меня восемь километровъ, и я боюсь, что экипажа на-встрѣчу мнѣ не выслали, а въ такомъ случаѣ пришлось бы имѣть дѣло съ грязной локандой». Сицилійскія локанды, какъ я уже имѣлъ случай не разъ замѣтить, опрятностью не отличаются, какъ жидовскія корчмы въ западной Россіи; а потому я шутя замѣтилъ, что долженъ благодарить деревенскаго трактирщика за доставленіе мнѣ вновь сосѣдства почтеннаго сеньора» Послѣдній немедленно назвалъ свою фамилію, которая оказалась «маркизъ Л—и». Тогда мы обмѣнялись карточками, причемъ я съ удивленіемъ увидѣлъ, что маркизу извѣстны мои работы по географіи.—Скажите, если не сочтете моего вопроса невѣжливостью: Криспи не сосѣдъ вамъ?—«Криспи! да я его вовсе не знаю лично, хотя съ юности помню его похожденія подъ мадзиніевскимъ крыломъ, именно здѣсь, въ Сициліи, въ Лондонѣ и вообще на всемірномъ революціонномъ поприщѣ! Онъ вѣдь едва ли больше, какъ пятью годами старше меня».—Что вы скажете на счетъ его отношеній къ Сициліи въ то время, когда онъ былъ министромъ? Помогалъ ли онъ родинѣ?—«Ни мало. Ренегаты никогда не имѣютъ чувствъ привязанности къ своимъ прежнимъ друзьямъ, съ которыми даже отъ встрѣчъ уклоняются. Теперь Криспи—кавалеръ Аннунціады, а завтра можетъ быть и подсудимымъ за плутни». И маркизъ сдѣлалъ гримасу отвращенія.—Я это знаю изъ газетъ, но неужели правда, что въ его дѣлѣ съ болонскимъ банкомъ у него есть соучастники изъ, такъ называемыхъ, высокихъ особъ и что потому партизанамъ Рудини его не удастся утопить, какъ бы они хотѣли?—«Я слишкомъ старъ, чтобъ заниматься этими дрязгами. Онѣ мнѣ были противны еще при неаполитанскомъ дворѣ. А только мнѣ кажется, что Криспи не могъ бы смотрѣть прямо въ глаза ни Мадзини, ни Гарибальди: тѣ были честные люди».

Послѣ такого рѣзкаго приговора о Криспи мнѣ было неудобно продол-

жать разговоръ о немъ съ моимъ сосѣдомъ, и я перемѣнилъ тему, спросивъ его: А не знавалъ ли онъ кого изъ русскихъ во времена оны, т.-е. при королѣ Фердинандѣ неаполитанскомъ? — «Помнится, видалъ князя Волконскаго, который сопровождалъ императрицу, супругу царя Николая. Это былъ консерваторъ самой чистой воды, и мы потомъ, лѣтъ черезъ двадцать, дивились, что въ Россіи, послѣ Волконскаго, могли явиться радикальные министры. У насъ, въ Италіи, даже либералъ Кавуръ сильно порицалъ вашу крестьянскую эманципацію, сопровождавшуюся отдачей крестьянамъ земель». — Но какъ же было поступить?— нельзя же морить людей голодомъ, да и земля была крестьянскою исторически, потому что до 1594 года это были вольные люди и подчинялись помѣщикамъ лишь ради исполненія обязанностей передъ государствомъ. Преданіе объ этомъ было живо среди русскихъ крестьянъ; они говорили помѣщикамъ: «мы ваши, но земля наша»—и только со временъ Петра и Екатерины помѣщичьи теоріи сдѣлали крестьянъ рабами. Я еще въ дѣтствѣ помню, что у крестьянъ не было болѣе обиднаго ругательства для дворовыхъ, какъ *холопъ*, т.-е. *личный* слуга, *рабъ*: они же дескать были *люди*.—«Мы здѣсь, въ Сициліи, имѣемъ очень слабое понятіе о бывшемъ и нынѣшнемъ соціальномъ устройствѣ Россіи, и въ итальянскихъ университетахъ русскую исторію преподаютъ плохо, а въ литературѣ объ ней ничего нѣтъ. Не можете ли вы сказать, вѣрно ли изображаетъ русское общество и русскій народъ г. Анатоль Леруа-Больё? Я иногда читаю его». «Анатоля Леруа-Больё я знаю лично: онъ изъ усердныхъ и знающихъ изслѣдователей Россіи. Онъ ушелъ немного дальше Кавура, и русской крестьянской реформы не бранитъ, но вѣрить всѣмъ его отзывамъ о Россіи не слѣдуетъ.

— Покорно благодарю: я такъ и думалъ.

На завтра, разумѣется, я съ утра уѣхалъ на Монте-Пеллегрино, а потомъ въ *Conca-de-Oro* и даже далѣе, къ предѣламъ владѣній покойнаго герцога Омальскаго. Вотъ былъ Орлеанъ самой чистой воды. Доставшіеся отъ отца, пріятеля Ротшильда, капиталы онъ вложилъ, по возможности, не во французскую, а въ итальянскую почву, и около Палермо владѣлъ двумя большими участками земли: однимъ подъ самымъ городомъ, недалеко отъ королевскаго дворца, гдѣ былъ за̀мокъ и садъ, другимъ—верстахъ въ тридцати западнѣе Палермо, близъ моря, гдѣ разводился виноградъ и выдѣлывалось вино на продажу. Даже въ послѣднемъ рабочій людъ у него были французы, а итальянцы могли только облизываться, глядя, какъ ихъ земля эксплуатируется иностранцемъ безъ всякой для нихъ пользы. Впрочемъ, это нынче пріемъ не исключительно орлеанскій. Я знаю одного русскаго, котораго и назову—Никиту Никитыча Кадушкина; онъ имѣетъ въ Россіи значительные доходы, тысячъ на двадцать рублей въ годъ; но выручаемый такимъ образомъ капиталъ переводитъ за границу, въ южную Францію, по собственнымъ словамъ—«на всякій случай». Таковъ же былъ и герцогъ Омальскій. Свое парадное наслѣдство, Шантильи, подъ

Парижемъ, онъ не даромъ подарилъ французскому институту: доходовъ оно давало немного: а вотъ заграничные даютъ много и вѣрно, безъ опасенья ихъ потерять. И первый министръ Англіи, маркизъ Солсбери, держится того же житейскаго правила: не совсѣмъ вѣря въ прочность майоратныхъ законовъ у себя дома, онъ покупаетъ крупныя недвижимыя имущества во Франціи, на сѣверѣ и на югѣ. Да и многіе англичане слѣдуютъ тому же примѣру во Франціи, Италіи и Испаніи. Образуется въ Европѣ разрядъ международныхъ помѣщиковъ, вродѣ Ротшильдовъ, Гогенлоэ, Потоцкихъ и пр. Что-то изъ нихъ выйдетъ въ XX столѣтіи?

Вернувшись въ Палермо, я нашелъ тамъ письмо изъ Парижа: приглашаютъ на имѣющій вскорѣ быть съѣздъ восточниковъ (congrès des orientalistes).—Что жъ! надо быть; да чтобъ не хлопать тамъ глазами, надо и приготовиться немножко. Прощай, Сицилія! Досмотрю въ другой разъ.

Новая прогулка въ Сицилію.

Всякій разъ, когда мнѣ предстоитъ совершить поѣздку въ одну изъ странъ, прилегающихъ къ Средиземному морю, ищу я попутчика, уроженца данной страны или хоть иностранца, долго въ ней жившаго. Въ Парижѣ оно не трудно и значительно облегчаетъ дѣло изученія, позволяя не ограничиваться одними *Гидами* Бедекера, Мёррея, Жоаннэ и проч., и не обременять себя чтеніемъ цѣлой библіотеки книгъ, хотя бы писанныхъ извѣстными «авторитетами», по обыкновенію устарѣлыхъ. Если въ прошлый разъ я этого не сдѣлалъ, то это лишь потому, что думалъ сначала посѣтить мѣста знакомыя—Палермо, Мессину и проч.; да нашлись и спутники случайные. Нынче было не то, и я былъ радъ проѣхаться черезъ Францію, Швейцарію и Италію въ одномъ вагонѣ съ г. Т—ни, сицилійцемъ по происхожденію, хоть и не по мѣсту жительства. Ѣхали мы вмѣстѣ и на пароходѣ изъ Неаполя. Но я долженъ оговориться, что вообще не люблю долго оставаться подъ эгидой такихъ менторовъ, особенно если они спеціалисты по какой-нибудь части: ихъ обычная односторонность меня тяготитъ. Вотъ почему, едва мы прибыли въ Палермо, какъ я поблагодарилъ г. Т. за его «любезность и драгоцѣнныя указанія», но объявилъ ему, что теперь хочу все видѣть своими глазами. Онъ какъ будто немного обидѣлся, вѣроятно потому, что я ему вмѣстѣ намекнулъ на умолчаніе о «больномъ мѣстѣ» итальянцевъ, о липарійской каторгѣ, которая однако же интересна и могла бы быть предметомъ бесѣды, когда мы проѣзжали мимо Липарскихъ острововъ. Впрочемъ, мы разстались добрыми знакомыми, и онъ даже предлагалъ мнѣ рекомендацію въ Марсалу, гдѣ имѣетъ родственниковъ или друзей. А что до Липарскихъ острововъ, то я зналъ уже о нихъ кое-что изъ книги Вюилье, видѣвшаго не такъ давно каторжныя работы на островахъ. Онъ печатно разсказалъ о слабыхъ сторонахъ итальянской администраціи ссыльныхъ и особенно не пожалѣлъ католиче-

скихъ патеровъ, заботящихся «о спасеніи падшихъ душъ». Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, плѣнился изящною наружностью заключеннаго въ тюрьму юноши и дѣлалъ ему постыдное предложеніе; когда же получилъ отказъ, по-просту оклеветалъ молодого человѣка передъ начальствомъ и, въ силу послѣдовавшихъ затѣмъ притѣсненій, довелъ его до сумасшествія и самоубійства. Отсылаю любопытныхъ за подробностями къ книгѣ Вюилье, которой у меня теперь нѣтъ, но которая для приготовляющихся къ поѣздкѣ въ Сицилію почти-что необходима и по содержанію, и по богатству рисунковъ автора-художника.

Липарскимъ архипелагомъ, какъ извѣстно, называется группа изъ семи большихъ и десяти мелкихъ острововъ волканическаго происхожденія. Одинъ изъ нихъ, Волканелло, поднялся со дна моря съ небольшимъ лишь 2,000 лѣтъ назадъ, на памяти исторіи Европы (204 г. до Р. X.). Волканическая дѣятельность въ тѣ времена была еще очень сильна въ окрестной части земной коры, и потому заселеніе Липарскихъ острововъ шло очень медленно. Однако, уже аѳиняне грабили липарійцевъ; потомъ ихъ заступили сиракузяне, карѳагенцы, римляне, арабы, норманны, французы, испанцы, неаполитанцы. При Фердинандѣ-Католикѣ это былъ участокъ его неаполитанскихъ земель; но еще при Альфонсѣ Великодушномъ онъ причисленъ къ Сициліи, съ которою и нынѣ соединенъ административно, составляя часть провинціи Мессинской. Архипелагъ очень невеликъ, потому что даже самый обширный изъ его острововъ, Липари, вдвое менѣе Петербурга, а населеніе его меньше, чѣмъ Охты (13,000 д.). Весь этотъ людъ есть помѣсь множества разнородныхъ предковъ, арійскихъ и семитическихъ, и теперь объитальянился; а занятія его—добыча сѣры, разведеніе лимоновъ и апельсиновъ, да рыболовство. Обращеніе острововъ въ мѣста ссылки преступниковъ сдѣлало ихъ территорію опальною, и лишь немногіе туристы ихъ посѣщаютъ, да и то на самое короткое время. Больше другихъ посѣщаются Липари и Стромболи; послѣдній ради непрерывнодѣйствующаго волкана, который есть боковой рукавъ подземнаго огненнаго очага Этны, но не Везувія. Ѣхать на Липарскіе острова нужно не изъ Неаполя, даже не изъ Палермо, а изъ Милаццо, на сѣверо-востокѣ Сициліи: тутъ есть ежедневный пароходецъ. Изъ Мессины такой же, нѣсколько бо̀льшій, ходитъ два раза въ недѣлю. Къ острову Устикѣ, наиболѣе западному изъ Липарскихъ, ходитъ по временамъ пароходъ изъ Палермо.

Добравшись до столицы Сициліи и имѣя въ виду дополнить обзоръ всего острова поѣздкой по такимъ его частямъ, которыхъ еще не видалъ, я составилъ маршрутъ, который, сверхъ ожиданія, оказался удобнѣе того, который предполагалъ я даже при совѣтахъ г. Т., а не одного Бедекера. Дѣло въ томъ, что эти господа предполагали западную Сицилію почти лишенную рельсовыхъ путей, кромѣ линіи Палермо-Маццара-Трапани; а на дѣлѣ оказалось, что есть и еще нѣсколько дополнительныхъ вѣтвей, построенныхъ въ недавнее время или даже только сооружаемыхъ, но уже

облегчающихъ движеніе. Можно обходиться безъ верховыхъ лошадей и ословъ и почти всюду безъ дилижансовъ, этихъ классическихъ экипажей Испаніи и Сициліи, облегчающихъ производство разбоя, какъ всякая клѣтка, въ которую вы засажены, какъ въ курятникѣ, ѣдущемъ на базаръ, неповоротливомъ, неуклюжемъ.

На первый разъ, впрочемъ, ѣдемъ по старой дорогѣ, на Термини и Роккалумбу, чтобъ у послѣдняго мѣстечка пересѣсть въ поѣздъ, направляющійся въ Джирдженти. Гористая страна, съ тѣсными горизонтами и очень слабымъ населеніемъ вдоль дороги, такъ что деревень и мѣстечекъ почти совсѣмъ не видно, а какія и есть, то построены въ оврагахъ, по склонамъ горъ. Сицилійцы, какъ извѣстно, обнажили почву своего, нѣкогда лѣсистаго, острова, и потому вода не держится на горныхъ скатахъ, а быстро стекаетъ въ овраги, въ рѣчки и въ море. Съ нею исчезаетъ и зелень, особливо древесная, такъ что теперь послѣдняя покрываетъ едва $^1/_{25}$ долю почвы. Разводить вновь лѣса, по отзывамъ сельскихъ хозяевъ, дѣло трудное, нерѣдко невозможное и во всякомъ случаѣ требующее огромныхъ расходовъ. Вотъ осенью и зимою, т.-е. во влажный сезонъ, выпадетъ много дождя, и тогда, въ мартѣ и началѣ апрѣля, мы будемъ имѣть много зелени, только, разумѣется, недолговѣчной, потому что лѣто ее сожжетъ, говорятъ сицилійцы и, повидимому, не очень жалѣютъ объ этомъ. Сирокко ихъ пріучилъ къ засухамъ, и они не думаютъ, чтобы можно было радикально избавиться отъ его изсушающаго вліянія, особенно на южной сторонѣ острова, покатой къ югу, да еще африканскому. Вотъ развѣ англичане «внесутъ свои капиталы и разведутъ если не лѣса, то на первый разъ парки»; но ждите, когда это будетъ...

А Сицилія стôитъ англійскихъ капиталовъ и предпріимчивости. Я, признаться, даже готовъ думать, что къ концу XX столѣтія эта древняя Тринакрія станетъ опять лѣсистою, тѣмъ болѣе, что теперь рубить деревья на постройку кораблей нѣтъ надобности. Ихъ строятъ изъ желѣза, скоро, пожалуй, станутъ дѣлать изъ никеля или алюминія, а не изъ сосны. Пока же что, сицилійцы могутъ составить *свои* капиталы, отечественные, ну хоть на сѣрѣ и апельсинахъ. Подумайте: однѣхъ сѣрныхъ копей есть 611 и онѣ даютъ ежегодно 45 милліоновъ лиръ дохода, въ томъ числѣ 29 милліоновъ съ заграничныхъ покупателей! А лимонныя и апельсинныя деревья, числомъ, въ цѣлой Италіи, до 3.150.000,000, изъ коихъ половина, если не болѣе, приходится на Сицилію,—развѣ это не богатство, съ которымъ надо только умѣть обходиться? Когда же хозяева земли употребятъ часть своихъ доходовъ на облѣсеніе почвы, тогда растительная производительность послѣдней превзойдетъ иныя тропическія мѣстности, что будетъ тѣмъ болѣе выгодно, что сбывать свои продукты жителямъ острова, царствующаго надъ Средиземнымъ моремъ, очень легко. Не было бы только мегаломановъ-итальянцевъ, вродѣ Криспи, которые могутъ вовлекать сицилійцевъ въ разорительныя войны, отъ которыхъ Сицилія, кажется, вправѣ отдохнуть «по окончательномъ слитіи своемъ съ монархіею Виктора Эммануила»,

какъ говорилось во времена Гарибальди и его марсальской высадки и побѣды надъ бурбонскими партизанами при Калатафими (1860 г.). Вотъ уже 37 лѣтъ прошло съ того времени, и будущность Сициліи, кажется, настраивается на ладъ.

По мѣрѣ того, какъ желѣзная дорога спускается внизъ, къ морскому уровню у Порта-Эмпедокла, т.-е. съ приближеніемъ къ Джирдженти и сказанному порту, страна становится болѣе населенною. Встрѣчаются придорожныя селенія, выходятъ справа и слѣва проселки изъ боковыхъ мѣстечекъ. Мы опять въ царствѣ сѣры, какъ на Липари; только нѣтъ огнедышащихъ изверженій сѣрнистыхъ веществъ, а расплавленная сѣра давно охладѣла и добывается въ изобиліи, особенно около мѣстечка Комитины. Среди этихъ же сѣрныхъ отложеній встаетъ грязный волканъ Макалуби, высотою въ 20 саженъ и съ кратернымъ конусомъ въ аршинъ. Изъ него выходитъ газъ, но не сѣрнистый, а углеводородный, такъ какъ и самая горка сложена не изъ волканическихъ или сѣрныхъ породъ, а изъ глины и известняка. Желѣзная дорога, подходя къ Джирдженти, начинаетъ дѣлать изгибы, точно она спотыкается о гору, на которой стоитъ этотъ городъ, и потому сначала уходитъ на западъ, потомъ на югъ и востокъ и, наконецъ, вблизи моря, снова идетъ на юго-западъ. Желѣзнодорожная станція Джирдженти находится за городомъ, къ сѣверу отъ него, точно также какъ главная гостиница, Храмовая, за городомъ же, но къ югу. Даже префектуру пришлось выстроить внѣ городской черты, у восточнаго конца города: такъ занимаемая имъ площадка, настоящее плоскогорье, тѣсна Эта площадка очень напоминаетъ такую же подъ аѳинскимъ Акрополемъ, только побольше ея: природная цитадель, съ почти отвѣсными стѣнами. Южный, болѣе отлогій, скатъ плоскогорья занятъ развалинами древнихъ храмовъ, главною замѣчательностью Джирдженти; поэтому-то и гостиница для пріѣзжихъ расположена тамъ. Въ древности, по гребню высоты, окаймляющей старый Агригентумъ, шла стѣна, и, выслѣдивъ ея развалины, легко было убѣдиться, что античный городъ былъ, по крайней мѣрѣ, всемеро больше настоящаго. Восемь храмовъ стоятъ нынѣ между современнымъ Джирдженти и южною стѣной древняго; изъ нихъ нѣкоторые хорошо сохранились. Самый большой, въ 50 саженъ длиною, былъ построенъ въ честь Юпитера; два, самые изящные, Юноны и Конкордіи (согласія), имѣли величину въ два съ половиной раза меньшую; храмъ же Цереры, покровительницы земледѣлія, занималъ всего 13 саженъ въ длину и въ ширину: это былъ самый маленькій, хотя земледѣліе искони было главнымъ промысломъ сицилійцевъ. Внутри теперешнихъ городскихъ предѣловъ сохранились остатки греческаго храма Минервы; но католики среднихъ вѣковъ передѣлали его въ христіанскую церковь, забравъ стѣнами промежутки между колоннами, какъ въ Сиракузахъ. Теперь эта церковь «греческой» Богородицы.

Въ портѣ Эмпедокла, искусственно устроенномъ въ наше время, сосредоточивается торговля Джирдженти, едва ли способная возбудить зависть

сиракузцевъ и кареагенцевъ даже нашихъ дней. Однако, склады сѣры и фруктовъ, особливо сухихъ, значительны. Фисташки, миндаль, грецкіе орѣхи, винныя ягоды и другія лакомства сѣверныхъ народовъ тутъ въ изобиліи. Дома же они служатъ повседневною пищей бѣдняковъ, которые мяса вѣдь не вкушаютъ болѣе раза въ годъ. Мнѣ очень хотѣлось бы знать, насколько это вегетаріанство имѣетъ вліяніе на темпераментъ сицилійцевъ; но никакого научнаго трактата по этой части мнѣ не случалось читать и на лекціяхъ физіологіи въ Петербургѣ, Женевѣ и Парижѣ слышать. Знаю, какъ всякій грамотный въ наше время, что ѣдящіе мясную пищу народы, напримѣръ, англичане, вообще сильнѣе физически, чѣмъ постники; но такъ ли это во всѣхъ случаяхъ, во всѣхъ климатахъ? Для возбужденія энергіи, даже только мускульной, а не мозговой, нужно ли много мясной пищи? Сонливые киргизы, монголы, якуты, сѣверо-американскіе краснокожіе и др., питающіеся исключительно произведеніями животнаго царства, сильнѣе ли, энергичнѣе ли многихъ вегетаріанцевъ, какъ, наприм., итальянцы, большинство русскихъ или китайцевъ? Сомнѣваюсь. Сицилійцы всегда были людьми живыми, дѣятельными, хотя и не въ такой степени, какъ сосѣди ихъ, греки; а питаются они почти исключительно плодами деревьевъ и травъ. Умственный и нравственный уровень ихъ ужъ, конечно, не ниже сѣвероевропейскаго, скорѣе наоборотъ. Двѣ съ половиной тысячи лѣтъ исторіи свидѣтельствуютъ объ этомъ, хотя крупные творческіе таланты, вродѣ Архимеда, Беллини, Діодора, Новелли, Цельза были довольно рѣдки.

Въ Джирдженти всякому путешественнику предстоитъ рѣшать вопросъ: ѣхать ли оттуда прямо на западъ или сначала сдѣлать «экскурсію» на востокъ, до Сиракузъ, 300 верстъ, а потомъ столько же назадъ, въ портъ Эмпедокла, моремъ, каковой путь и продолжать до Трапани? Въ послѣднемъ случаѣ получается переѣздъ въ 600 верстъ, изъ которыхъ половина — по желѣзной дорогѣ съ исключительно товаро-пассажирскими поѣздами, а другая—по водѣ, въ виду вовсе не живописныхъ береговъ провинціи Модики. Мнѣ эта двойная, т.-е. сугубо - скучная, прогулка по сицилійской глуши показалась лишнею, и потому я сѣлъ въ портѣ Эмпедокла на пароходъ, отправлявшійся къ сѣверо-западу. Правда, при этомъ пришлось отказаться отъ посѣщенія пресловутаго Селинонте, съ его огромными развалинами древне-греческаго города; но вѣдь эти послѣднія можно было посѣтить потомъ, изъ Кастельветрано, стоящаго уже на желѣзной дорогѣ изъ Трапани въ Палермо. А что до городковъ Модикской области, безъ историческихъ зданій и съ плохими локандами вмѣсто гостиницъ, то я объ нихъ совсѣмъ не жалѣлъ. Вотъ еслибъ на пути изъ Сиракузъ по морю заѣхать въ сосѣднюю Мальту, тогда бы другое дѣло; но Мальта была внѣ предѣловъ моей прогулки, которая, благодаря поѣздкѣ въ Парижъ, на конгрессъ, и безъ того растянулась на слишкомъ долгое время. Изъ Сиракузъ есть, однако, пароходъ въ Лавалсту чуть ли не каждый день.

Итальянскіе пароходы, даже большихъ линій, какъ, наприм., изъ Александріи въ Бриндизи не совсѣмъ удовлетворительны, какъ я знаю по

опыту 1870 года; мелкіе, каботажные, вдоль береговъ Сициліи, разумѣется, представляютъ еще менѣе комфорта. Но все же плаваютъ они исправно и скоро, особенно по сравненію съ сухопутными странствованіями на верховыхъ лошадяхъ. Недавно еще изъ порта Эмпедокла до Сціакп, 60 верстъ, требовали ѣзды верхомъ въ теченіе 12 часовъ; теперь на пароходѣ это дѣлается въ 4 часа. А за Сціакой до Трапани всего двѣ станціи, Мацдаро и Марсала, и при небольшомъ переѣздѣ, такъ что изъ порта Эмпедокла все плаваніе требуетъ менѣе сутокъ, считая и остановки. Жаль только, что пароходство не ежедневное, что̀, впрочемъ, извинительно въ виду слабости прибрежнаго населенія. Главная пристань на линіи, конечно, въ Трапани: изъ него ходятъ срочные пароходы въ Палермо, на о. Сардинію, въ Тунисъ, на о. Пантелларію и въ Сиракузы. Отсюда оживленная дѣятельность въ Трапани, немногимъ лишь меньшая, чѣмъ въ самомъ Палермо. На пароходахъ сносный столъ,—конечно, въ итальянскомъ вкусѣ,—по тарифованной и недорогой цѣнѣ. Завтракаютъ за табль-д'отомъ въ 10 часовъ утра, обѣдаютъ въ 5 часовъ вечера и сытно, все свѣжее. Капитаны пароходовъ и береговые агенты довольно внимательны къ путешественникамъ. Не знаю только, много ли на судахъ балласта, т.-е. не рискуютъ ли они, ради экономіи на топливо, быть слишкомъ легкими, мелкосидящими и качающимися при первомъ вѣтеркѣ? Мое плаваніе совершилось въ совершенно тихую погоду, безъ качки.

Тра̀пани, который мы обыкновенно произносимъ Трапа̀ни, есть опрятный провинціальный городъ, съ 45,000 жителей, значительнымъ торговымъ движеніемъ и безъ большихъ монументальныхъ затѣй, вродѣ соборовъ, дворцовъ, языческихъ храмовъ, генеральскихъ памятниковъ и т. п. А вѣдь онъ помнитъ не только карѳагенскаго полководца Амилькара Барку, но самого Энея, т.-е. времена очень давнія. Теперь онъ передовой пунктъ Италіи къ сторонѣ Африки, по пути въ Тунисъ и Триполи. Мимо его проходятъ даже французскіе пакетботы изъ Туниса въ Палермо, Неаполь и Марсель; проходятъ, но не останавливаются, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, кажется, въ 1891 г., возвращаясь изъ Туниса въ Европу. Для туристовъ самое привлекательное въ Трапани—гора св. Юліана, на сѣверо-востокъ отъ города, съ городкомъ на вершинѣ и красивыми женщинами тамъ и по дорогѣ туда. Кто создалъ эту породу, не знаю; а сами онѣ о томъ не говорятъ, вѣроятно, тоже не знаютъ. Стоило бы поручить коммиссіи антропологовъ изучить вопросъ. Можетъ быть, тутъ окажется вліяніе свѣжести, сырости, даже туманности воздуха на вершинѣ горы, т.-е. на 350 саженяхъ надъ моремъ, а можетъ и что другое, напримѣръ, отдѣленность населенія городка отъ сосѣдняго города, торговаго, шумнаго и, конечно, не отличающагося строгостью въ дѣлѣ половыхъ отношеній и сопровождающихъ ихъ болѣзней.

Изъ Тра̀пани въ Палермо желѣзная дорога идетъ сначала на югъ, къ Марсалѣ, городу прославленному въ XIX столѣтіи, во-первыхъ, освободительною высадкою знаменитой «Тысячи», подъ предводительствомъ Гари-

бальди; во-вторыхъ, приготовленіемъ вина, особенно чтимаго моряками во время адмиральскаго часа на корабляхъ. О высадкѣ напоминаетъ бюстъ Гарибальди (даже не статуя!) у городскихъ воротъ, о марсалѣ, винѣ—обширныя зданія винно-водочнаго завода на берегу моря, южнѣе города; и его богатые владѣльцы, Инхэмъ, Вудхоузъ и Флоріо, едва ли менѣе славны въ извѣстной средѣ, чѣмъ бѣднякъ-герой Калатафими, Аспромонте и Дижона. Живущее поколѣніе узнало о существованіи г. Марсалы лишь съ 1860 года,—вѣроятно, пьяницы могли знать его немного раньше; что же касается до поколѣній вымершихъ, то ихъ представители населяютъ катакомбы у города, и это были финикіяне, а можетъ быть и другіе завоеватели Сициліи. Въ 397 году до Р. Х. тутъ была крупная рѣзня во время осады города Діонисіемъ Сиракузскимъ, который приводилъ 80,000 войскъ и 6,000 судовъ для изгнанія карѳагенянъ; въ 240 и 241 гг. до Р. Х. тутъ рѣзались съ такою же цѣлью римляне; въ XVI столѣтіи отсюда отправился въ свои военныя экспедиціи Донъ-Жуанъ австрійскій; видите, что Марсала имѣетъ столь же блистательную военную исторію, какъ какой-нибудь Лейпцигъ,—крови около нея пролито много. Но для нашего времени гавань имѣетъ мало глубины, такъ что броненосцамъ въ ней мелко и неуютно, а потому о военной карьерѣ Марсалѣ можно болѣе и не думать.

Маццаро, Кантобелло, Кастельветрано... самая обширная въ Сициліи, послѣ Прикатанской, равнина, отличающаяся скудостью орошенія и потому меньшимъ плодородіемъ. На болотистомъ морскомъ прибрежьѣ даже вовсе нѣтъ культуры и самихъ жителей. Три названные городка, впрочемъ, живутъ какъ-нибудь и, вѣроятно, не даромъ же въ юго-восточномъ углу той же равнины стоялъ городъ Селинонте, основанный въ 628 году до Р. Х. греками и считающійся теперь самою крупною массой развалинъ въ Европѣ. Число и размѣры разрушенныхъ храмовъ свидѣтельствуютъ, что тутъ было многочисленное населеніе; и въ самомъ дѣлѣ, когда въ 409 г. до Р. Х. карѳагеняне взяли и разорили этотъ городъ, бывшій имъ спицей въ глазу, то они однихъ плѣнниковъ увели 5,000 человѣкъ, 16,000 были вырѣзаны и только 2,600 успѣли спастись въ Джирдженти. Развалины Селинонте были столько разъ описаны, нарисованы и фотографированы, что я рѣшился не дѣлать ради нихъ остановки въ Кастельветрано и поѣздки оттуда на лошадяхъ къ мѣстамъ древнихъ храмовъ. Въ Джирдженти я такихъ видѣлъ довольно, хотя селинонтскіе были побольше. Всего любопытнѣе было бы видѣть, какъ былъ построенъ приморскій торговый городъ безъ гавани, безъ бухты. Вѣроятно, впрочемъ, ее занесло въ теченіе 2700 лѣтъ.

Мое археологическое равнодушіе къ Селинонте я рѣшился исправить экспедиціей, тоже археологическою, въ Сегесте. Тутъ кстати предстояло отдать послѣдній поклонъ финикійско-греко-римскимъ развалинамъ въ Сициліи, ибо дальше, по пути до самой Мессины, я не разсчитывалъ ихъ встрѣтить. Только позвольте! Сегесте первоначально былъ городъ не финикійскій, не греческій и не римскій, а троянскій, т.-е. по нынѣшнему пеласгійскій. Говорятъ, что его построили соотечественники Пріама и Гектора,

разсѣянные послѣ паденія Иліона по разнымъ присредиземнымъ мѣстностямъ. Можетъ быть, что строителемъ Сегесты былъ Эней, хотя на его творческую дѣятельность претендуютъ и разные города въ южной Италіи. Въ Сегесте меня влекло еще желаніе посѣтить по дорогѣ Калатафими, мѣсто битвы Гарибальди съ бурбонскими солдатами 15 мая 1860 года. Итакъ, съ желѣзно - дорожной станціи Калатафими, которая довольно далека отъ города, мы отправились, въ омнибусѣ, въ яму и на косогоръ, занимаемые этимъ городкомъ (21,000 жит.), а потомъ повернули на сѣверъ, къ горѣ Варваро, на которой и лежатъ руины Сегесте. Очевидно, что первые строители города плѣнились скалистыми обрывами, которые окружаютъ и до нынѣ избранную ими для поселенія мѣстность, и на самомъ труднодоступномъ холмѣ воздвигли свой акрополь, цитадель или кремль, т.-е. дѣтинецъ по-старорусски. Тамъ потомки спутниковъ Энея жили, плодились и множились до расоваго столкновенія съ сиракузскими греками въ V вѣкѣ передъ Р. Х., когда ихъ городъ былъ почти сполна разрушенъ. Римляне потомъ помогли грекамъ, и теперь отъ древней Сегесте остается почти одинъ храмъ изъ 36 колоннъ, который и въ свое время былъ недостроенъ. Размѣры колоннъ значительны (около сажени въ діаметрѣ); пространство ими огороженное равно 30 саженямъ въ длину и 13 въ ширину, и вообще храмъ производитъ впечатлѣніе величавое.

Это, впрочемъ, не мѣшаетъ тому, что въ наше время окрестная страна бѣдна, а значительныя группы населенія, кромѣ Калатафими, встрѣчаются лишь на сѣверѣ, въ 11 верстахъ, въ Кастелломаре, и на югѣ, въ 20 верстахъ, въ Кастельветрано. Обратите вниманіе на эти кастели, т.-е. зàмки, ихъ въ Сициліи множество. Видно, что феодальные сеньоры жили въ Сициліи такъ же, какъ во Франціи и Германіи, по укрѣпленнымъ гнѣздамъ. А вилланамъ, т.-е. крестьянамъ, не позволяли они селиться деревнями, и вотъ жилища послѣднихъ доселѣ разсѣяны по полямъ, въ видѣ хуторковъ, во всей Сициліи, отъ Трàпани до Мессины и Сиракузъ. Промышленные и торговые люди соединялись за стѣнами укрѣпленныхъ городовъ, и вотъ вы имѣете кучу Кастроджіовани, Кастрореале, Кастронцово и пр. Одни старинные города, особливо приморскіе, сохранили имена, не имѣющіе отношенія къ зàмкамъ и укрѣпленіямъ.

Заѣздъ въ Калатафими и Сегесте, т.-е. въ сторону отъ желѣзной дороги изъ Трапани въ Палермо, не мѣшаетъ продолжать путь къ послѣднему городу въ тотъ же день. Пріѣхали на станцію Калатафими-Алькамо въ 9 ч. 55 м. утра, посѣтили Сегесте и въ 4 ч. 48 м. вечера снова на станцію; а тутъ какъ разъ въ это время подходитъ новый поѣздъ; садитесь и въ путь! Скоро показывается море и въ *сторонѣ* отъ дороги Кастелломаре. Это почти смѣшно, что желѣзная дорога, главная въ западной Сициліи, проведена *мимо* большихъ населенныхъ пунктовъ, точно будто инженеры-строители просили взятки съ горожанъ за устройство станцій на ихъ земляхъ, не получили таковыхъ и провели дорогу мимо. Это вѣдь бываетъ... Но въ данномъ случаѣ дѣло было, кажется, не такъ: Кастел-

ломаре, Алькамо, Калатафими, Салеми остались въ сторонѣ отъ рельсоваго пути, благодаря своему высокому положенію въ горахъ, а дорога пошла внизу, по долинамъ. Какъ бы ни было, для горожанъ это невыгодно, да и для проѣзжающихъ тоже: извольте брать омнибусъ въ городъ, потомъ оттуда, а за аккуратность доставки имъ путешественника и клади отвѣтственныхъ лицъ нѣтъ. Нашъ поѣздъ желѣзной дороги былъ, впрочемъ, аккуратенъ, да и подъѣзжавшіе со стороны омнибусы тоже; а потому въ 8 ч. 24 м. вечера мы пріѣхали въ Палермо. Жаль было только, что послѣдніе два часа ѣхали въ темнотѣ и не видѣли красотъ *Conco-d'oro,* этого сада Сициліи, который лично я, впрочемъ, видѣлъ прежде, въ первую экскурсію, въ августѣ.

Должно быть, судьба хотѣла показать, что она покровительствовала доселѣ намъ, а теперь оставляетъ собственнымъ заботамъ и напоминаетъ, что на дворѣ уже осень, потому что на другой день по прибытіи нашемъ въ столицу Сициліи пошелъ дождикъ, одинъ изъ первыхъ и еще рѣдкихъ, которыми обозначается начало влажнаго сезона. Не говорю холоднаго или даже просто зимняго, а только влажнаго, потому что въ воздухѣ, вѣдь, тепло. Volens-nolens, надо не выходить изъ дому, а тѣмъ болѣе не ѣхать на желѣзнодорожный вокзалъ. Да оно и лучше! Мы теперь въ главномъ го родѣ страны, и нужно отдохнуть и суммировать впечатлѣнія видѣннаго. Въ случаѣ ошибки, сдѣланной на бѣгу, есть отъ кого получить поправку; а собственно дороги, путешествія осталось немного: 232 километра до Мессины, то-есть восемь часовъ ѣзды, и тогда прощай Сицилія! За дождемъ неудобно ходить по городу и его окрестностямъ; но корсо Виктора-Эммануила недалеко, а на немъ есть книжныя лавки, гдѣ можно снабдиться всякими научными новостями, относящимися до страны. Самый естественный вопросъ: велика ли та земля, которую ты видѣлъ въ большей части ея уголковъ? Да не болѣе пяти седьмыхъ Московской губерніи, потому что площадь ея не превосходитъ 25,740 кв. километровъ, тогда какъ Московская губернія равна 33,304 кв. километрамъ. Кто же дѣлаетъ путешествіе по Московской губерніи? Это просто «прогулка». Далѣе, въ порядкѣ географическо-статистическомъ: сколько людей живетъ на этой землѣ? Да больше, чѣмъ въ Московской губерніи, въ отношеніи 5:3, то-есть цѣлыхъ три съ половиною милліона, такъ что густота населенія больше въ $2^1/_2$ раза. А если исключить изъ сравненія съ одной стороны Москву (950,000), а съ другой — Палермо, Мессину и Катанью (500,000), какъ города большіе, то получится, что на почвѣ Сициліи населенность много гуще чѣмъ въ центрѣ Россіи, по крайней мѣрѣ вчетверо. Стало-быть, сицилійцамъ жить тѣсно; и вотъ причина ихъ выселенія за границу, особливо въ Южную Америку. Читатель-натуралистъ на это замѣтитъ, что сицилійская почва много плодороднѣе московской, особенно благодаря теплому климату; но читатель-географъ не упуститъ напомнить, что въ Сициліи много каменистыхъ пустынь, которыя не производятъ почти ничего. Прибавлю еще отъ себя, что возвращеніе этимъ пустынямъ плодородія помощью об-

лѣсенія есть — и, вѣроятно, надолго — мечта. Поглощенные интригами, крупные землевладѣльцы не дадутъ денегъ на предпріятіе; у крестьянъ ихъ нѣтъ, у государства... но вѣдь это государство — Италія, которая, благодаря Бисмарку, Криспи и другимъ игрокамъ въ величіе, вотъ уже много лѣтъ не выходитъ изъ дефицита. И потому эмиграція будетъ продолжаться, пожалуй, до тѣхъ поръ, когда населеніе уменьшится. А не то прійдутъ богатые иностранцы, настроютъ подъ теплымъ небомъ Сициліи много международныхъ виллъ и разведутъ парки, какъ теперь въ Ницце-Генуезской ривьерѣ; и тогда сицилійцы обратятся, болѣе или менѣе, въ рабочее быдло.

Мысли эти не мои лично: ихъ высказываютъ иногда сами итальянцы, иные еще прибавляютъ: «такъ и должно быть. Сицилійская порода людей истомилась въ многовѣковой борьбѣ за существованіе, а потому должна быть замѣнена другою, болѣе сильною. И такая замѣна не имѣетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго или вреднаго съ общечеловѣческой точки зрѣнія; напротивъ, она обезпечитъ антропологическое улучшеніе обитателей земель, исторически пришедшихъ въ упадокъ». Пусть такъ: но откуда прійдутъ новые завоеватели, хотя бы безкровные? Изъ Англіи, Бельгіи, Швейцаріи, Піемонта, Ломбардіи? Ну, это еще куда ни шло; а какъ изъ Африки, гдѣ исламизмъ начинаетъ «ворочаться» и, пожалуй, вспомнитъ, что Сицилія когда-то была однимъ изъ его лучшихъ владѣній и что для изгнанія мусульманъ нужно было пришествіе далекихъ норманновъ, каковаго въ наше время ожидать трудно.

Оставляю, впрочемъ, антропологическія мечтанія въ сторонѣ. Лучше взяться за статистическія таблицы и монографіи. Ихъ много, и видно, что статистическое бюро въ Римѣ не лѣниво; только изъ просмотрѣнныхъ мною томовъ трудно вывести заключеніе о дѣлахъ, относящихся до одной Сициліи, а нужно брать въ разсчетъ всю Италію *). Если же продѣлывать всякаго рода вычитанія и дѣленія крупныхъ общихъ цифръ, то это потребуетъ много времени, котораго у меня нѣтъ. Кажется, притомъ, для русскихъ читателей изъ цифръ оффиціальной статистики и другихъ авторитетныхъ источниковъ сдѣлалъ уже хорошій бытовой и экономическій очеркъ спеціалистъ по дѣлу, Макс. Ковалевскій: отсылаю къ нему читателей, а самъ занесу на эти страницы лишь то, что узналъ прямо отъ самихъ сицилійцевъ.

«Простой народъ бѣденъ; крупные землевладѣльцы, если они въ то же время не торговцы или промышленники, завалены долгами»,— вотъ болѣе или менѣе общая формула для выраженія экономическаго состоянія края. «Лучше другихъ жилось, до послѣдняго времени, духовенству; но теперь, кажется, и его дѣла ухудшаются». — Кому же хорошо? — «А банкирамъ, ростовщикамъ, оптовымъ торговцамъ, особенно изъ иностранцевъ, какъ-то:

---

*) Собственно сицилійская статистика, Антинори, изданная въ 1877 году, порядкомъ устарѣла.

англичанъ, евреевъ и нѣмцевъ. Посмотрите списки нашихъ капиталистовъ: вы увидите тутъ разныхъ Кейзеровъ, Гаусмановъ, Ведекиндовъ, Клаузеновъ, Кекелей, Вудгоузовъ и пр.,—ужъ, конечно, не сицилійцевъ, даже не итальянцевъ вообще. Желѣзныя дороги построены на англійскія деньги и доходы съ нихъ уходятъ въ Лондонъ. Пароходныя компаніи хоть и извѣстны подъ итальянскими именами, но имѣютъ акціонерами и директорами иностранцевъ; да и пароходы выстроены по большей части въ Англіи».— Ну, на это сердиться нельзя: англичане снабжаютъ пароходами весь міръ.— «Пусть, да намъ-то не легче знать, что за все про все плати иностранцамъ». — А вы бы завели свои пароходные и паровозные заводы, свои фабрики всякаго рода.—«Фабрики! Да вы плохо знаете итальянскій народъ!»

Я, однако-жъ, думаю, что фабричная промышленность не чужда итальянцамъ; только сицилійцы въ ней не сильны. Они—природные земледѣльцы, садоводы, пожалуй, матросы (но не механики). Когда они вполнѣ втянутся въ общеевропейскую промысловую колею,—извѣстно одному Аллаху. Вотъ по части строительства зданій, выдѣлки вещей не только изъ кирпича и тесанаго камня, но изъ мрамора, бронзы и дорогихъ металловъ—они мастера, а въ другихъ отрасляхъ техники отстали отъ прочихъ европейцевъ. И техническое образованіе въ Сициліи слабо, почему сицилійцы не нуждаются въ массахъ минеральнаго топлива, не добываютъ его дома, а покупаютъ, ради желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, въ Англіи. Нѣкоторые кустарныя производства достигли, однако, большого совершенства и безъ техническихъ школъ. Посмотрите, наприм., въ Палермо и окрестностяхъ на выдѣлку одноколокъ, этихъ обыкновенныхъ экипажей крестьянъ. Кузовъ такой одноколки, въ видѣ ящика, обыкновенно расписанъ красками съ большимъ вкусомъ и, что всего курьезнѣе, картинами историческаго содержанія! Сбруя для лошади, запрягаемой въ этотъ экипажъ, тоже очень оригинальна и доказываетъ существованіе вкуса у деревенскихъ шорниковъ, хотя вкуса, на нашъ взглядъ, странпаго. Въ дѣлѣ мозаики трудно найти мастеровъ болѣе искусныхъ, чѣмъ сицилійцы, и не только мозаики высшаго разряда, воспроизводящей картины, но и простого приготовленія каменныхъ узорныхъ половъ, т.-е. дѣла чисто-ремесленнаго, гдѣ искусство передается отъ отца сыну безъ всякой школы.

Музей въ Палермо хранитъ много образцовъ сицилійскаго искусства съ самыхъ раннихъ ступеней его развитія, когда искусство и ремесло были тождественны. Въ этомъ смыслѣ музей можетъ быть очень полезенъ при преподаваніи исторіи цивилизаціи сицилійскаго народа, хотя при организаціи его все еще имѣлись въ виду образцы Ватикана, пожалуй, Лувра или Прадо, то-есть изученіе и собраніе образцовъ только трехъ высшихъ образныхъ искусствъ: живописи, ваянія и, отчасти, зодчества. У сицилійцевъ есть даже своя «школа» живописи, изъ-за чего еще недавно тягались и вели между собою споры разные итальянскіе и неитальянскіе города, провинціи и цѣлыя націи. Имѣть свою художественную школу, т.-е. рядъ артистовъ со сходственными пріемами въ искусствѣ, было, точнѣе, бы-

вало цѣлью патріотовъ: теперь школы чуть ли не цѣлаго свѣта, по крайней мѣрѣ Европы и Америки, почти слились въ одно цѣлое, котораго центръ, конечно, не въ Сициліи, даже не въ Италіи, а въ Парижѣ. Жители Палермо, однако, хвалятъ свой музей и своихъ артистовъ, вродѣ Кресченціо-Антонелло-ди-Мессина, Айнемоло и Новелли. У нихъ есть и отечественныя знаменитости по ваянію, какъ двое Гажини, Джіакомо Серпотта и др. Но главная отрасль сицилійскаго искусства, которая процвѣтала въ странѣ издавна, это—зодчество. И какихъ только архитектурныхъ стилей образцы не встрѣчаются на почвѣ острова! Греческихъ и римскихъ храмовъ, арабскихъ дворцовъ, готическихъ церквей, зданій времени Возрожденія, византійскихъ и всякихъ другихъ, соотвѣтственно владычеству на островѣ разныхъ народовъ. Только я не знаю, какія изъ нихъ оставляютъ наиболѣе художественное впечатлѣніе. Чуть ли не древле-греческіе, хотя много хорошихъ зданій носятъ признаки вліянія Византіи, особливо по мозаическимъ украшеніямъ, арабскаго стиля и норманскаго, но съ поправками, иногда романскими, иногда и другими, судя по безвкусію архитекторовъ.

Если образныя искусства, дѣйствующія на глазъ, представляютъ много хорошихъ произведеній, о которыхъ я мѣстами упомянулъ, то звуковыя, дѣйствующія на мозгъ черезъ ухо, должны быть пройдены мною молчаніемъ. Я не музыкантъ, кромѣ Беллини изъ сицилійскихъ виртуозовъ никого не знаю, стало-быть что же и говорить о нихъ. Объ ораторахъ тоже. Поэтовъ знаю лишь по курсамъ исторіи литературы и слѣдовательно ничего самостоятельнаго о нихъ сказать не могу, даже въ смыслѣ оцѣнки ихъ популярности въ странѣ и вліянія на духовное развитіе народа. Сицилійская беллетристика мнѣ совершенно чужда, хотя я и слышалъ, что есть талантливые писатели романовъ, новеллъ и пр. Остается наука; но и тутъ я знаю лишь имена нѣсколькихъ сицилійскихъ ученыхъ, особенно натуралистовъ и физико-математиковъ, да важнѣйшіе изъ ихъ трудовъ и открытій; но это извѣстно цѣлому свѣту. Въ Палермо, гдѣ я пробылъ достаточно времени, чтобы схватить самыя выдающіяся, передовыя впечатлѣнія мѣстнаго ученаго міра, на меня наилучшее впечатлѣніе произвели студенты,—разумѣется, лишь тѣ, съ которыми сводилъ случай. Они не только любятъ науку, занимаются ею, умѣютъ цѣнить современные факты изъ исторіи ея развитія (что приноситъ большую честь ихъ профессорамъ), но они, эти свѣжіе и часто изящные, юноши суть люди не только образованные, но и благовоспитанные, настоящіе джентльмены. Правда, говорятъ, что Палермскій университетъ есть «школа баричей, аристократовъ»; пусть такъ, и въ этомъ я не вижу ничего дурного, если юноши притомъ усвоиваютъ передовыя идеи вѣка, а это послѣднее нетрудно обнаружить при самыхъ кратковременныхъ бесѣдахъ съ молодыми людьми, честными и откровенными. Палермская молодежь оставляетъ во мнѣ самое лучшее воспоминаніе, и я радъ, что сѣлъ въ вагонъ подъ ея впечатлѣніемъ.

Дорога до Термини была уже знакома; но Чефалу́ представило нѣчто

новое и оригинальное, именно соборъ, по Бедекеру, будто бы готическій, напоминающій церкви Кана, во Франціи; но на самомъ дѣлѣ зданіе неизвѣстнаго стиля, очень, впрочемъ, красиваго. Хорошъ и входный фасадъ, хорошъ и видъ со стороны алтаря, а главное—очень изящны внутреннія мозаичныя украшенія. Ради его-то туристы останавливаются въ Чефалу, да отчасти ради вида съ горъ на море. Меня еще заинтересовалъ небольшой липарскій музей,—частная, но общедоступная коллекція произведеній Липарскихъ острововъ, естественныхъ (сѣры, пемзы и т. п.) и искусственныхъ (археологія). Благодаря этимъ осмотрамъ, я не могъ уже попасть на такой поѣздъ, который бы могъ доставить въ Мессину засвѣтло, и остановился на ночлегъ въ Сенъ-Стефано. Говорятъ, отсюда, поутру, можно будетъ имѣть хорошій видъ на Сицилію, къ востоку и къ западу; а затѣмъ днемъ я буду въ Мессинѣ, а вечеромъ въ Реджіо, гдѣ можно будетъ провести ночь, предъ началомъ длиннаго, безостановочнаго переѣзда чрезъ всю Италію

М. Венюковъ.

Наши государственные финансы.

I.

Несомнѣнно, что переживаемый нами моментъ представляетъ собою одну изъ самыхъ любопытныхъ страницъ въ исторіи нашихъ государственныхъ финансовъ. Этотъ моментъ характеризуется наступленіемъ для нихъ такой эры благополучія, какой мы до сихъ поръ еще не знали. Отсюда естественно возникаетъ вопросъ: является ли подобное благополучіе простымъ отраженіемъ столь же небывалаго подъема экономическаго благосостоянія страны, или же такой зависимости въ данномъ случаѣ не имѣется. На этотъ вопросъ получаются самые противорѣчивые отвѣты. Съ своей стороны мы не имѣемъ въ виду касаться его по существу. Поставленная нами себѣ задача ограничивается анализомъ происшедшихъ за послѣдніе годы въ государственныхъ бюджетахъ измѣненій и ихъ ближайшихъ причинъ. Косвеннымъ же образомъ подобный анализъ можетъ способствовать если не разрѣшенію, то нѣкоторому выясненію даннаго вопроса.

Отмѣченное нами финансовое благополучіе выражается въ колоссальномъ, можно сказать, ростѣ государственныхъ бюджетовъ и въ весьма крупныхъ избыткахъ, которые даетъ ихъ выполненіе. Это послѣднее явленіе какъ бы свидѣтельствуетъ, что населеніе нашего отечества въ послѣдніе годы получило способность платить государству больше, чѣмъ необходимо на удовлетвореніе его текущихъ потребностей. Если мы обратимся къ не очень отдаленному прошлому, то увидимъ, что тридцать лѣтъ тому назадъ, именно въ 1866 г., обыкновенные государственные доходы были исчислены въ скромной цифрѣ 362.500 т. р. Между тѣмъ въ 1896 г., по предварительнымъ кассовымъ свѣдѣніямъ, обыкновенныхъ доходовъ поступило 1.368 т. р. Такимъ образомъ за тридцать лѣтъ государственные доходы возросли почти въ четыре раза. Въ то же время бюджетъ 1866 г. былъ заключенъ съ дефицитомъ въ 21 милл. р., а бюджетъ 1896 г. съ избыткомъ въ 130.000 т. р. Съ чисто финансовой точки зрѣнія такіе достигнутые въ нашемъ государственно-финансовомъ хозяйствѣ успѣхи нельзя не признать блестящими и даже грандіозными. Подобнаго рода быстраго роста бюджетовъ и подобнаго рода крупныхъ остатковъ, составляющихъ около 10 проц. смѣты, не знаетъ ни одно другое государство Европы.

Обращаясь опять къ прошедшему, можно подмѣтить, что годы съ избытками и съ дефицитами обыкновенно чередовались серіями. Это свидѣтельствуетъ, что въ основѣ такихъ измѣненій лежатъ болѣе или менѣе глубокія причины, представляющія собою результатъ либо государственно-экономическихъ условій, либо финансовой политики. Такъ, съ начала 60-хъ гг. наши бюджеты характеризуются дефицитами вплоть до 1872 г. *). Это, говоритъ оффиціальный историкъ нашихъ государственныхъ финансовъ **), «годы, непосредственно слѣдовавшіе за крестьянскою реформой, совершенно измѣнившею условія нашей экономической жизни,—годы военныхъ обстоятельствъ (польскій мятежъ), важнѣйшихъ внутреннихъ реформъ, требовавшихъ для своего осуществленія новыхъ расходовъ, ростъ которыхъ былъ быстрѣе естественнаго роста доходовъ,—годы, такъ сказать, обновленія государственной жизни, въ теченіе которыхъ принимались, вмѣстѣ съ тѣмъ, и широкія мѣры по развитію производительныхъ силъ страны». Съ 1872 г. мы какъ бы начали пожинать плоды этихъ жертвъ. Бюджетъ нашъ возросъ приблизительно на 150 милл. р. (съ 400 милл. р. въ 60-хъ гг. до 550 милл. р. въ 70-хъ гг.). Вмѣстѣ съ тѣмъ дефициты смѣнились, хотя и незначительными избытками, минимумъ которыхъ въ 1875 г. составлялъ 8 милл. р. Война 1877 — 1878 гг. нарушила это бюджетное равновѣсіе, которое было твердо возстановлено лишь спустя 10 лѣтъ, именно съ 1888 г.

Естественно, что война внесла значительную пертурбацію какъ непосредственно въ финансовое, такъ и въ народное хозяйство. Но она явилась далеко не единственною причиной бюджетныхъ затрудненій, испытывавшихся въ теченіе послѣдующаго десятилѣтія. Оно можетъ быть названо вмѣстѣ съ тѣмъ періодомъ довольно крупныхъ податныхъ реформъ. «На бюджеты этихъ лѣтъ,—говоритъ цитированный уже нами авторъ исторіи русскихъ финансовъ,—имѣли вліяніе принятыя правительствомъ мѣры къ облегченію податной тяжести бѣднѣйшихъ классовъ: отмѣна соляного налога, пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣна подушной подати и пониженная замѣна налогами на имущества--мѣры, благодѣтельное послѣдствіе которыхъ сказалось лишь нѣсколько лѣтъ спустя и вліяніе которыхъ на сведеніе ближайшихъ росписей должно было выразиться въ увеличеніи дефицитовъ». Дѣйствительно, наиболѣе крупные дефициты въ этотъ періодъ совпадаютъ съ наиболѣе же крупными реформами въ податномъ дѣлѣ. Такъ, самый значительный дефицитъ въ 50 милл. р. приходится на 1881 г., слѣдующій за отмѣной соляного налога. Затѣмъ въ 1887 г. дефицитъ въ 36 милл. р. совпадаетъ съ завершеніемъ отмѣны подушной подати. Наконецъ къ реформамъ въ податномъ дѣлѣ, вызвавшимъ временныя затрудненія, присоединились еще увеличеніе платежей по государственнымъ зай-

---

*) Максимальный дефицитъ въ 22 милл. р. при доходномъ бюджетѣ въ 357 милл. р приходится на 1863 г.

**) *Главнѣйшіе результаты государственнаго денежнаго хозяйства въ послѣднее десятилѣтіе (1885 — 1894 г.)* М. Кашкарова. Изд. министерства финансовъ. Спб., 1895 г.

мамъ, сдѣланнымъ для турецкой войны, и нѣсколько чрезвычайно неурожайныхъ лѣтъ, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести для всей Россіи 1889 г. и для отдѣльныхъ значительныхъ районовъ—1883—1886 гг.

Съ 1888 г., повторяемъ, для нашихъ государственныхъ финансовъ наступаетъ эра благополучія, продолжающаяся и понынѣ. Въ этотъ періодъ только печальной памяти 1891 г. явился причиной исчисленія бюджета на 1892 г. съ дефицитомъ въ 25 милл. р. Во всѣ остальные годы росписи исчислялись съ нѣкоторыми избытками, причемъ, выражаясь языкомъ оффиціальныхъ отчетовъ, дѣйствительныя поступленія доходовъ всегда болѣе или менѣе превосходили смѣтныя предположенія. «Осторожность» при исчисленіи доходовъ вошла въ традицію нашей финансовой практики, что значительно способствовало накопленію казной избытковъ. Въ общемъ исторія этихъ избытковъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Къ 1892 г. ихъ накопилось на 205 милл. р. Но почти вся эта сумма была употреблена на оказаніе продовольственной помощи населенію въ 1891 и 1892 гг. Къ 1892 г. осталось только 25 милл. р. Къ 1 января 1896 г. свободная наличность, однако, вновь достигаетъ 274 милл. р. Если же сюда присоединить ожидаемый остатокъ отъ выполненія государственной росписи за 1896 г. въ 130 милл. р., то въ настоящее время государственное казначейство должно располагать свободною наличностью, превышающей 400 милл. р. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что эта сумма не представляетъ собою результата исключительно бюджетныхъ сбереженій. Съ одной стороны за ихъ счетъ производились нѣкоторые экстраординарные расходы—погашеніе займовъ, сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и т. д., а съ другой стороны къ нимъ присоединялись остатки отъ заключенныхъ въ разное время займовъ. Рядомъ съ этимъ нашъ смѣтный бюджетъ въ 1895 г. впервые перешагнулъ 1 милліардъ рублей.

Такова въ краткихъ словахъ внѣшняя сторона исторіи нашихъ государственныхъ финансовъ за послѣднее тридцатилѣтіе.

II.

Изъ какихъ же данныхъ слагаются успѣхи въ нашемъ государственно-финансовомъ хозяйствѣ, сдѣланные въ послѣдніе годы? Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ сравнить составныя части бюджетовъ за одинъ изъ послѣднихъ несчастныхъ дефицитныхъ годовъ и за одинъ изъ послѣднихъ счастливыхъ годовъ. Если мы изъ первой группы остановимся на 1887 г., то увидимъ, что роспись въ этомъ году была исполнена съ доходомъ по обыкновенной смѣтѣ въ 820 милл. р., расходомъ—въ 842 милл. р. и дефицитомъ въ 22 милл. р. Затѣмъ къ 1897 г. доходы по обыкновенному бюджету исчисляются уже въ 1.318 милл. р., а расходъ—въ 1.284 милл. р., т.-е. съ остаткомъ въ 33 милл. р. Но можно разсчитывать, что по примѣру прежнихъ лѣтъ дѣйствительный остатокъ болѣе или менѣе значительно превзойдетъ ожидаемый. Напомнимъ, что роспись на 1896 г. заключена,

по предварительнымъ даннымъ, съ превышенiемъ доходовъ противъ смѣты почти на 130 милл. р. Но даже и безъ такой поправки окажется, что за десять съ небольшимъ лѣтъ нашъ государственный бюджетъ проявилъ безпримѣрный ростъ доходовъ. Оказывается, что они возросли почти на 500 милл. р., т.-е. свыше чѣмъ на 60 проц.

Передъ такимъ по-истинѣ колоссальнымъ ростомъ государственныхъ доходовъ можно было бы дѣйствительно остановиться въ удивленiи, еслибъ въ основѣ его не лежали въ значительной мѣрѣ чисто-бухгалтерскiе прiемы, примѣненные при составленiи росписей. Дѣло въ томъ, что съ конца 80-хъ годовъ у насъ начинаютъ быстро расширяться казенныя предпрiятiя. Съ одной стороны въ руки казны перешла цѣлая сѣть желѣзныхъ дорогъ, а съ другой—на смѣну кабака идетъ казенная винная лавка. Веденiе подобныхъ предпрiятiй требуетъ весьма крупныхъ оборотныхъ средствъ, которыя и вносятся въ общую государственную роспись. Само собою разумѣется, что они не имѣютъ никакого отношенiя къ тому бюджету, который покоится преимущественно на обложенiи населенiя. Между тѣмъ на счетъ этихъ оборотныхъ суммъ и возрастали главнымъ образомъ наши государственные бюджеты. Такъ, въ 1887 г. доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ составляетъ только 18 милл. р., а на 1897 г. онъ исчисленъ уже почти въ 260 милл. р. Но это не чистый доходъ, такъ какъ ему соотвѣтствуетъ увеличенiе расходовъ. Дѣйствительно, въ смѣтѣ министерства путей сообщенiя мы видимъ расходъ въ 169 милл. р. на эксплоатацiю казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, а въ графѣ «платежи по займамъ» имѣется новый расходъ въ 95 милл. р. на уплату по обязательствамъ этихъ дорогъ, переданнымъ казнѣ. Въ общемъ, слѣдовательно, доходы отъ казенныхъ дорогъ покрываются расходами съ нѣкоторымъ даже перевѣсомъ послѣднихъ—около 4 милл. р. Другую важную статью въ оборотныхъ средствахъ составляютъ доходы и расходы по казенной продажѣ вина. На 1897 г. первые исчислены въ размѣрѣ 63 милл. р., а вторые—въ 70 милл. р. Другими словами, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ превышенiемъ расходовъ въ 7 милл. р.

Очевидно, что при сравненiи бюджетовъ 1887 и 1897 гг. всѣ подобные оборотные доходы и расходы слѣдуетъ исключить. Мы думаемъ, что это безусловно слѣдовало бы дѣлать при самомъ составленiи росписей, т.-е. выдѣлять изъ нихъ бюджеты казенныхъ предпрiятiй. Принятый же теперь способъ составленiя порождаетъ путаницу. Можно ожидать, напримѣръ, что съ увеличенiемъ сѣти казенныхъ дорогъ (послѣ сооруженiя Сибирской дороги, группы сѣверныхъ дорогъ, дальнѣйшаго выкупа частныхъ линiй и т. д.), а также съ распространенiемъ казенной продажи вина на всю Россiю, собственно государственный бюджетъ совершенно потонетъ въ бюджетѣ казенныхъ предпрiятiй. Между тѣмъ уже и теперь, при желанiи получить надлежащее представленiе о томъ, чтò составляетъ собственно государственный бюджетъ, приходится дѣлать разныя ариѳметическiя выкладки. Точно также настоящая форма росписей затрудняетъ, требуя производства разныхъ выкладокъ въ отдѣльныхъ рубрикахъ, и желающихъ позна-

комиться съ предполагаемыми результатами эксплоатаціи того или другого казеннаго предпріятія. Главныя же достоинства росписи должны составлять простота и наглядность. Съ этою цѣлью, напримѣръ, у насъ выдѣляются экстраординарные доходы и расходы отъ обыкновенныхъ. Точно также было бы вполнѣ своевременно выдѣлить теперь третью рубрику въ видѣ смѣты по эксплоатаціи казенныхъ предпріятій.

Если мы исключимъ изъ росписи 1897 г. доходы отъ эксплоатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и казенной продажи вина, то остальная ихъ сумма составитъ 995 милл. р. противъ 782 милл. р. доходовъ (со включеніемъ 18 милл. р. отъ эксплоатаціи казенныхъ дорогъ и 20 милл. р. превышенія по обязательнымъ платежамъ желѣзныхъ дорогъ). Другими словами, дѣйствительное увеличеніе доходовъ составило лишь 213 милл. р. Но и здѣсь не всѣ составныя части увеличенія дохода имѣютъ какое-либо близкое отношеніе къ платежнымъ силамъ населенія. Такъ, напримѣръ, за десять лѣтъ увеличился почти на 20 милл. р. доходъ отъ эксплоатаціи казенныхъ лѣсовъ, на 3 милл. р.—отъ оброчныхъ статей, на 4 милл. р.—отъ казенныхъ заводовъ, на 5 милл. р.—отъ принадлежащихъ казнѣ капиталовъ. Въ общемъ это составитъ 32 милл. р. Въ концѣ же концовъ оказывается, что наши государственные доходы возросли не на 60 проц., а только на 25 проц.

III.

Если мы обратимся къ отдѣльнымъ группамъ государственныхъ доходовъ, кромѣ исключенныхъ нами въ качествѣ оборотныхъ или относящихся къ эксплоатаціи разныхъ казенныхъ имуществъ, то увидимъ, что наиболѣе крупное увеличеніе ихъ дала рубрика косвенныхъ налоговъ—153 мил. р. Увеличеніе остальныхъ доходовъ не имѣетъ существеннаго значенія. Такъ, прямые налоги дали увеличенія всего на 16 мил., пошлины—на 18 мил. р., правительственныя регаліи—18 мил. р. А всего увеличеніе доходовъ доставило казнѣ около 205 милліоновъ рублей.

Такое возрастаніе доходовъ наше финансовое вѣдомство, повидимому, ставитъ въ прямую связь съ ростомъ народнаго благосостоянія. «Если,—читаемъ мы во всеподданнѣйшемъ докладѣ г. министра финансовъ къ росписи на 1896 г.,—населеніе въ такой серьезной степени и *такъ регулярно усиливаетъ потребленіе облагаемыхъ продуктовъ,* умножаетъ количество и обороты торгово-промышленныхъ заведеній, усиливаетъ пользованіе желѣзными дорогами, почтою и телеграфомъ, возвышаетъ доходность государственныхъ имуществъ и т. д., то можно ли при такихъ обстоятельствахъ говорить о хозяйственномъ его обѣднѣніи». Напротивъ, подобныя цифры, по мнѣнію г. министра финансовъ, должны убѣдить всякаго «въ параллельности, съ которою идетъ у насъ успѣшное развитіе государственнаго и народнаго хозяйства».

Такимъ образомъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ г. министра финансовъ

категорически утверждается, что ростъ государственныхъ доходовъ совершается, главнымъ образомъ, на счетъ регулярно усиливающагося потребленія населеніемъ облагаемыхъ продуктовъ. Посмотримъ же, насколько и въ какой мѣрѣ подобное утвержденіе отвѣчаетъ дѣйствительности.

Какъ мы уже видѣли, главное увеличеніе нашихъ государственныхъ доходовъ произошло по рубрикѣ косвенныхъ налоговъ. Далѣе мы видимъ, что изъ общей суммы въ 153 мил., представляющей собой такое увеличеніе противъ 1887 г., 28 мил. р. дали новые налоги (21 мил. р. налогъ нефтяной и 7 мил. р. — спичечный). Изъ остальныхъ налоговъ питейный далъ повышеніе на 28 мил. р., таможенный—на 62 мил. р., табачный—на 10 мил. р., сахарный—на 24 мил. р. Такимъ образомъ, наиболѣе значительное увеличеніе дохода далъ таможенный налогъ. Но фактъ этотъ явился прямымъ результатомъ постепеннаго повышенія самаго налога. По оффиціальнымъ даннымъ, за пятилѣтіе 1876—1880 гг. пошлины составляли около 15 проц. цѣнности привоза; въ пятилѣтіе 1886—1890 гг. отношеніе это возросло до 18 проц., а въ 1891—1895 гг.—до 32 проц. Другими словами, размѣръ обложенія привозныхъ продуктовъ почти удвоился, вмѣстѣ съ чѣмъ, конечно, возросли и переплаты населенія, дѣлаемыя при ихъ покупкѣ. Дѣйствительно, оказывается, что за десятилѣтіе съ начала 80-хъ годовъ по начало 90-хъ годовъ цѣнность привоза къ намъ иностранныхъ товаровъ осталась почти безъ измѣненія: именно, въ 1881 г. она составляла 540 мил. р., а въ 1894 г.—559 мил. р.

Что касается питейнаго дохода, то увеличеніе его на 28 мил. р. соотвѣтствовало повышенію акциза съ 9 до 10 к. на градусъ. Въ результатѣ же повышеніе дохода и повышеніе налога въ обоихъ случаяхъ составляютъ около 10 проц. Затѣмъ сахарный доходъ съ 23 мил. р. возросъ до 47 мил. р., т.-е. болѣе чѣмъ удвоился. Но въ той же пропорціи усилилось и обложеніе этого продукта. Въ 1887 г. съ пуда сахара взималось 85 к. акциза, а въ 1896 г.—1 р. 75 к. Наконецъ, увеличеніе табачнаго дохода объясняется введеніемъ въ 1893 г. двухрублеваго дополнительнаго сбора съ табаку высшихъ сортовъ и повышеніемъ на 50 проц. патентнаго сбора съ табачной торговли.

Такимъ образомъ, по графѣ косвенныхъ налоговъ, давшей наиболѣе значительное увеличеніе дохода, государственный бюджетъ этимъ обязанъ исключительно установленію новыхъ налоговъ—съ нефтяныхъ продуктовъ и спичекъ—и увеличенію старыхъ—акциза на вино, сахаръ и табакъ. Естественнаго же роста этихъ доходовъ не наблюдается, хотя бы въ соотвѣтствіи съ ростомъ самого населенія.

То же отчасти можно сказать и относительно другихъ рубрикъ, давшихъ увеличеніе дохода.

Такъ, по группѣ прямыхъ налоговъ послѣдовало повышеніе дохода отъ сборовъ съ торговли и промысловъ. Онъ повысился съ 29 мил. до 44 мил. р., или на 15 мил. р., что̀ составитъ около 50 проц. Но повышеніе это объясняется увеличеніемъ процентнаго сбора съ 3 до 5 проц. Затѣмъ увеличе-

ніе дохода отъ пошлинъ объясняется повышеніемъ гербового сбора, установленіемъ сбора съ имуществъ, переходящихъ по наслѣдству, и т. д.

Рядомъ съ установленіемъ цѣлаго ряда новыхъ налоговъ въ періодъ процвѣтанія нашихъ финансовъ (налоги нефтяной, спичечный и квартирный) и повышеніемъ старыхъ (акцизъ съ вина, табаку, шерстяныхъ издѣлій, сахара, таможенныхъ пошлинъ, гербового сбора, процентнаго сбора съ торгово-промышленныхъ предпріятій и т. д.) можно отмѣтить лишь пониженіе поземельнаго налога, послѣдовавшее въ 1896 г. *). Манифестомъ 14 мая этого года государственный поземельный налогъ пониженъ на десять лѣтъ на половину противъ существующихъ окладовъ. Это составитъ облегченіе въ размѣрѣ около 7 мил. р. въ годъ. Тѣмъ же манифестомъ понижены на половину и на тотъ же срокъ нѣкоторые спеціальные сборы, взимаемые съ крестьянъ Царства Польскаго. Всѣ остальныя податныя льготы не имѣютъ общаго значенія, касаясь въ большинствѣ случаевъ отдѣльныхъ группъ населенія. Сюда нужно отнести пониженіе страховыхъ пошлинъ, сборовъ съ сельскихъ имуществъ, переходящихъ по наслѣдству или продаваемыхъ гипотечными кредитными учрежденіями, отмѣну судоходнаго сбора. Всѣ эти податныя льготы не могли оставить въ бюджетѣ столь рѣзкихъ слѣдовъ, какіе явились результатомъ установленія новыхъ и повышенія многихъ прежнихъ налоговъ.

Что касается, наконецъ, льготъ по выкупнымъ платежамъ, то онѣ не имѣютъ характера собственно податныхъ облегченій. Льготы эти заключаются въ отдаленіи сроковъ погашенія выкупныхъ ссудъ. Такъ, закономъ 7 февраля 1894 г. предоставлено производить отсрочку и разсрочку недоимокъ по выкупнымъ платежамъ безъ ограниченія срока и суммы, причемъ размѣръ ежегоднаго погашенія ихъ не долженъ превышать годового оклада. Затѣмъ закономъ 13 мая 1896 г. предоставлено производить пересрочку всего непогашеннаго еще долга, если существующій годовой окладъ будетъ признанъ обременительнымъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ допускаются даже такія отсрочки и пересрочки безъ начисленія процентовъ. Льготы эти имѣютъ, конечно, весьма крупное значеніе для крестьянскаго населенія. Но съ замѣной срочно погашенныхъ облигацій по соотвѣтствующей части государственнаго долга рентой, для которой никакихъ обязательныхъ сроковъ погашенія не установлено, подобныя льготы не влекутъ для государственнаго бюджета расходовъ, не покрываемыхъ доходомъ. Съ другой же стороны, государственное казначейство уплачиваетъ по рентному долгу 4 процента, само же взимаетъ съ крестьянъ по выкупному долгу 5 проц. (кромѣ пересроченныхъ долговъ). Этимъ путемъ, въ свою очередь, образуется особый фондъ для оказанія льготъ по выкупнымъ платежамъ для отдѣльныхъ группъ крестьянскаго населенія безо всякихъ жертвъ со стороны государственнаго казначейства.

---

*) Мы не упоминаемъ объ отмѣнѣ паспортнаго сбора, такъ какъ эта отмѣна не оставила пока слѣда ни при составленіи, ни при выполненіи государственныхъ росписей.

IV.

Повышеніе цѣлаго ряда косвенныхъ налоговъ не могло, конечно, не вызвать и нѣкотораго повышенія цѣнъ на тѣ продукты, которые являются объектомъ такого обложенія. Но установленію полнаго соотвѣтствія между повышеніемъ налоговъ и рыночныхъ цѣнъ на эти продукты препятствовало наблюдающееся въ послѣднее время весьма значительное иногда пониженіе издержекъ ихъ производства. Въ данномъ случаѣ огромное значеніе имѣли какъ техническіе успѣхи при переработкѣ сырыхъ матеріаловъ, такъ и пониженіе цѣнъ на послѣдніе. На цѣны спирта, напримѣръ, не могло остаться безъ вліянія прогрессирующее съ каждымъ годомъ паденіе цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, изъ которыхъ онъ приготовляется. По той же причинѣ налогъ является все болѣе и болѣе значительной составною частью въ рыночныхъ цѣнахъ облагаемыхъ продуктовъ.

Изъ всѣхъ обращающихся на рынкѣ продуктовъ наиболѣе высоко обложеннымъ является спиртъ. Въ отношеніи его также наблюдается прогрессивное пониженіе самой стоимости этого продукта и такое же прогрессивное повышеніе его обложенія. Въ оффиціальномъ изслѣдованіи о «фабрично-заводской промышленности и торговли Россіи», между прочимъ, указывается, что «усовершенствованная техника имѣетъ весьма существенное значеніе въ винокуреніи, такъ какъ, благодаря ей, изъ однихъ и тѣхъ же матеріаловъ получается больше спирта, притомъ скорѣе и лучшаго качества, чѣмъ при болѣе простой обстановкѣ завода». Въ этомъ отношеніи огромное значеніе имѣли такія усовершенствованія, какъ примѣненіе непрерывно-дѣйствующихъ брагоперегонныхъ аппаратовъ, паровыхъ двигателей, парниковъ Генце, замѣнившихъ прежніе деревянные чаны и т. д. Въ общемъ же, благодаря этимъ техническимъ усовершенствованіямъ и паденію цѣнъ на сырые матеріалы, стоимость производства ведра спирта понизилась съ 2 р. 60 к. (въ 70-хъ годахъ) до 1 р. въ настоящее время. Ведро же обыкновеннаго вина въ 1895 и 1896 гг. пріобрѣталось для казны приблизительно по 60 к., такъ что съ очисткою и накладными расходами оно обходилось не дороже 70 к. Такимъ образомъ, покупная цѣна ведра вина понизилась за 20-лѣтіе съ 1 р. 40 к. до 70 к. или вдвое. Продажная же цѣна на вино колебалась въ началѣ 70-хъ годовъ около 4 р. за ведро (1 р. 40 к. стоимость производства и 2 р. 40 к. акциза, считая по 6 к. съ 40 град.). Къ 90-мъ годамъ продажная цѣна на вино, несмотря на понизившіяся вдвое издержки его производства, повысилась до 5 р., изъ которыхъ около 1 р. составляла стоимость самого продукта съ торговыми расходами, а 4 р. акцизъ. Другими словами, въ первомъ случаѣ акцизъ ложился на продажной цѣнѣ продукта въ размѣрѣ приблизительно 60 проц., а во второмъ—въ размѣрѣ 80 проц. Въ настоящее время налогъ уже въ четыре раза превышаетъ самую стоимость продукта.

То же наблюдается и въ отношеніи другого продукта, именно сахара, обложеніе котораго даетъ казнѣ, послѣ питейнаго, наиболѣе значительный

доходъ—47 мил. р. въ 1897 г. Улучшеніе качества сырого матеріала и усовершенствованіе техники его переработки здѣсь, въ свою очередь, имѣли весьма крупное вліяніе на пониженіе издержекъ производства самаго продукта. Хотя въ этомъ отношеніи мы далеко отстали отъ Германіи или Франціи, тѣмъ не менѣе и у насъ производство сахара обходится теперь чуть ли не втрое дешевле, чѣмъ обходилось, напримѣръ, двадцать лѣтъ тому назадъ. Въ 70-хъ годахъ, когда большинство заводовъ перерабатывало свекловицу посредствомъ прессовъ, издержки производства пуда сахара составляли свыше 4 р. Въ настоящее время на лучшихъ заводахъ онѣ понизились до 1 р. 50 к. Но вообще издержки производства этого продукта на разныхъ заводахъ подвергаются у насъ весьма значительнымъ колебаніямъ въ предѣлахъ отъ 1 р. 50 к. до 3 р. 50 к. Такое разнообразіе объясняется тѣми особыми условіями, въ которыхъ находится наша свеклосахарная промышленность. Благодаря нормировкѣ и установленію при помощи ея высокихъ продажныхъ цѣнъ на сахаръ, искусственно поддерживается и существованіе такихъ заводовъ, которые, при нормальномъ ходѣ дѣла, должны были бы закрыться. Во всякомъ случаѣ, оптовая цѣна на сахаръ колеблется теперь около 4 р. 50 к. за пудъ, тогда какъ двадцать лѣтъ тому назадъ она составляла не менѣе 6 р. Такимъ образомъ, продажная цѣна на сахаръ довольно значительно понизилась, несмотря на повышеніе акциза съ 65 к. до 1 р. 75 к. Въ соотвѣтствіи съ этимъ налогъ представлялъ собою около 10 проц. этой цѣны, въ настоящее же время это отношеніе повысилось почти до 40 проц.

Относительно привозныхъ товаровъ мы уже указывали на усилившееся за послѣдніе годы ихъ обложеніе. По вычисленію В. И. Покровскаго, это повышеніе для отдѣльныхъ группъ товаровъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. По группѣ сырыхъ и полуобработанныхъ товаровъ, цѣнность привоза которыхъ достигаетъ теперь 200 м. р., пошлины въ 1869 г. составляли 5 проц., а въ 1894 г.—24 проц. этой цѣнности. Для «жизненныхъ припасовъ» подобное отношеніе повысилось съ 31 до 73 проц., по группѣ издѣлій—съ 9 до 27 проц. Съ другой стороны здѣсь также повышеніе налога въ значительной мѣрѣ компенсируется пониженіемъ цѣнъ на самый товаръ. Такъ, наиболѣе значительнымъ предметомъ ввоза по цѣнности является у насъ хлопокъ. Въ 1881 г. его привезено было 8.500 т. пуд., на 86 мил. р. Такимъ образомъ пудъ хлопка обошелся въ 10 р. съ небольшимъ. Въ 1894 г. за 12 м. п. заплачено 96 м. р., т.-е. нѣсколько менѣе 8 р. за пудъ. Рядомъ съ этимъ, однако, за тотъ же періодъ времени пошлина на хлопокъ повысилась съ 60 к. (40 к. зол.) до 2 р. 10 к. (1 р. 40 к. зол.) *). Въ результатѣ же продажная цѣна на хлопокъ для русскаго потребителя остались почти безъ измѣненія. Нѣсколько въ иномъ положеніи оказались потребители по отношенію къ чаю. Въ 1880—84 гг.

---

*) *В. И. Покровскій*: „Внѣшняя торговля Россіи" (Производительныя силы Россіи). Спб., 1896 г.

налогъ составлялъ около 30 проц. его цѣнности (по таможенной оцѣнкѣ), въ 1885—89 гг.— 70 проц. и въ 1890—94 гг.—101 проц. *). Между тѣмъ цѣны на высшіе сорта чая на мѣстѣ его производства соотвѣтствующаго пониженія не обнаружили. Результатомъ же явилось довольно значительное вздорожаніе этого продукта.

Такимъ образомъ мы видимъ, что для нѣкоторыхъ продуктовъ даже весьма значительное повышеніе обложенія не повлекло за собою соотвѣтствующаго повышенія цѣнъ и онѣ остались на прежнемъ уровнѣ, будучи уравновѣшены пониженіемъ издержекъ производства (хлопокъ). Для другихъ товаровъ, несмотря на повышеніе налога, произошло даже нѣкоторое пониженіе ихъ цѣнъ (сахаръ). Наконецъ на третьи товары цѣны повысились, хотя и въ размѣрѣ нѣсколько низшемъ противъ повышенія налога (спиртъ). Повышеніе обложенія различныхъ продуктовъ выражается преимущественно въ томъ, что уплата налога является все болѣе и болѣе значительною составною частью въ продажной цѣнѣ ихъ. Въ настоящее время налогъ составляетъ для спирта 80 проц. продажной цѣны, для керосина около 50 проц. (оптовая цѣна въ Петербургѣ 1 р. 20 к. и налогъ 60 к. на пудъ), для чая—около 50 проц., для сахара—40 проц.

V.

Рядомъ съ усиленіемъ обложенія отдѣльныхъ продуктовъ этотъ источникъ дохода начинаетъ пріобрѣтать въ нашемъ государственномъ бюджетѣ все болѣе и болѣе важное значеніе сравнительно съ прямыми налогами. Такъ въ 1887 г. косвенные налоги и пошлины дали 433 м. р., а прямые налоги—124 м. р. На 1897 г. доходъ отъ косвенныхъ налоговъ и пошлинъ исчисленъ въ 626 м. р., а отъ прямыхъ налоговъ—въ 98 м. р. Въ первомъ случаѣ прямые налоги составляли около 23 проц. общей суммы, доставленной налогами. Во второмъ же случаѣ это обложеніе понизилось до 15 проц.

Мы не будемъ въ настоящее время касаться вопроса о преимуществахъ косвеннаго и прямого обложенія съ точки зрѣнія, такъ сказать, фискальной справедливости. Замѣтимъ лишь, что всѣ отмѣченныя преимущества косвеннаго обложенія зиждутся на томъ предположеніи, что объекты его являются исключительно предметами непосредственнаго потребленія населенія въ его домашней жизни. Потребленіе этихъ продуктовъ, какъ предполагается, представляетъ собою личный расходъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. На самомъ дѣлѣ, однако, далеко не всѣ облагаемые продукты имѣютъ исключительно такое потребительное значеніе. Достаточно указать хотя бы на важное значеніе керосиновыхъ двигателей, которое они пріобрѣли въ послѣднее время въ особенности для мелкой промышленности. Между тѣмъ высокая цѣна на керосинъ, обусловливаемая усилившимся его обложені-

*) *Главные результаты государств. денежнаго хоз.* Изд. мин. фин. Спб., 1895 г.

емъ, въ значительной мѣрѣ затрудняетъ пользованіе этого рода техническими приспособленіями. Такое же важное промышленное значеніе имѣетъ и спиртъ. Въ настоящее время министерство финансовъ отыскиваетъ даже способъ дѣлать спиртъ негоднымъ къ внутреннему потребленію въ качествѣ напитка, съ тѣмъ, чтобы освободить подобный продуктъ отъ обложенія и удешевить стоимость его для промышленныхъ цѣлей. Послѣднее нижегородское земское собраніе, между прочимъ, указало на высокое обложеніе керосина, какъ на одну изъ причинъ, тормозящихъ развитіе мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ. Оказывается, что при дешевизнѣ кустарныхъ издѣлій продажная цѣна ихъ не окупаетъ рабочихъ по вечерамъ при освѣщеніи дорогимъ керосиномъ. Вслѣдствіе этого огромное большинство кустарей не можетъ съ нѣкоторой хотя бы выгодою для себя утилизировать длинныхъ зимнихъ вечеровъ. Вообще же налогъ на керосинъ является налогомъ на трудъ, который въ нашемъ отечествѣ иногда долженъ пользоваться искусственнымъ освѣщеніемъ чуть ли не половину рабочаго дня.

Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что при повышеніи обложенія какого-либо продукта продажныя цѣны на него обязательно должны возрастать въ большей пропорціи, чѣмъ самый налогъ. Это вытекаетъ изъ условій уплаты косвенныхъ налоговъ. Прежде всего косвенные налоги поступаютъ въ пользу государства авансомъ, т.-е. ранѣе продажи продукта и оплаты налога потребителемъ. Само собою разумѣется, что торговецъ или заводчикъ, уплатившій налогъ на продуктъ ранѣе продажи его потребителю, взыскиваетъ съ послѣдняго не только самый налогъ, но и процентъ на затраченный имъ для этого капиталъ. Если, напримѣръ, виноторговецъ держитъ въ своемъ магазинѣ товара на 10 тыс. р., то изъ нихъ только 2 тыс. р. представляютъ собственно его стоимость, а восемь тыс. руб. затрачены имъ на предварительную уплату налога. Проценты же на эти излишнія четыре пятыхъ оборотнаго капитала уплатитъ въ концѣ-концовъ тотъ же потребитель. Въ общемъ торговцы и производители уплачиваютъ теперь за счетъ потребителя въ казну до 550 мил. р. косвенныхъ налоговъ. На эту сумму они должны увеличить и свой оборотный капиталъ, перелагая проценты съ него на потребителя. Естественно, что вмѣстѣ съ ростомъ косвеннаго обложенія растетъ и этотъ добавочный налогъ, уплачиваемый потребителемъ.

Рядомъ съ этимъ искусственное увеличеніе оборотныхъ капиталовъ, которые необходимы какъ для производства обложенныхъ продуктовъ, такъ и для торговли ими, устраняетъ отъ этихъ отраслей мелкихъ капиталистовъ. По мѣрѣ повышенія обложенія здѣсь опять-таки представители этихъ отраслей промышленности и торговли должны увеличивать свои оборотные капиталы. Для нашего народнаго хозяйства, вообще бѣднаго свободными капиталами, такое отвлеченіе ихъ отъ нуждъ производства и торговли уже само по себѣ имѣетъ невыгодное значеніе. Если посмотрѣть съ этой спеціальной точки зрѣнія на склады и магазины, торгующіе обложенными товарами, то окажется, что въ нихъ непроизводительно для торговли и про-

мышленности лежатъ огромные капиталы въ видѣ напередъ оплаченнаго государству налога. Въ частности же устраненіе отъ производства обложенныхъ продуктовъ и торговли ими мелкихъ капиталистовъ ослабляетъ конкурренцію въ этихъ областяхъ и еще болѣе способствуетъ повышенію цѣнъ на такіе продукты.

VI.

Такимъ образомъ, помимо спорныхъ и сомнительныхъ достоинствъ косвенныхъ налоговъ съ точки зрѣнія фискальной справедливости, установленіе и повышеніе ихъ влечетъ за собою неблагопріятныя послѣдствія для народно-хозяйственной жизни. Наличность подобнаго рода результатовъ косвеннаго обложенія неоднократно подтверждалась и оффиціальными изслѣдованіями. Самыя формы взысканія налога, для устраненія этихъ результатовъ, безпрерывно измѣняются. Недавно правительство было озабочено изысканіемъ мѣръ къ улучшенію условій сельско-хозяйственнаго винокуренія, уступившаго мѣсто крупному, капиталистическому производству подъ вліяніемъ дѣйствующей акцизной системы. Еще болѣе непріятная судьба постигла фруктовое и виноградное винокуреніе, послѣ того какъ продукты его были привлечены къ обложенію акцизомъ. Прежде переработкой винограда и фруктовъ въ спиртъ свободно занимались владѣльцы самыхъ мелкихъ садовъ и виноградниковъ, пріобрѣтая перегонные кубы на общій счетъ. Но съ введеніемъ акциза на виноградный спиртъ это мелкое, кустарное винокуреніе совершенно исчезло, такъ какъ существованіе его сдѣлалось несовмѣстимымъ съ организаціей акцизнаго надзора, которому гораздо пріятнѣе имѣть дѣло съ нѣсколькими крупными заводами. Наконецъ, въ настоящее время при министерствѣ финансовъ образована особая коммиссія, которой поручено изыскать средства къ устраненію однородныхъ результатовъ для нашего табаководства, особенно пострадавшаго съ распространеніемъ обложенія на низшіе сорта табака, являющагося продуктомъ производства мелкихъ хозяйствъ.

Естественно, что повышеніе обложенія различныхъ продуктовъ, задерживая ростъ ихъ потребленія, вмѣстѣ съ тѣмъ вредно отзывается на развитіи соотвѣтствующихъ отраслей промышленности. Несмотря на сокращеніе издержекъ производства, парализирующихъ повышеніе обложенія, потребленіе такихъ продуктовъ либо падаетъ, либо остается приблизительно на прежнемъ уровнѣ.

Если мы обратимся къ главному обложенному продукту—спирту, то увидимъ, что оффиціальныя данныя представляютъ слѣдующую картину движенія его потребленія. По свѣдѣніямъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ, у насъ потреблялось на душу безводнаго спирта:

въ началѣ	60-хъ годовъ	4,5 литра	(соотв.)	0,37 вед.
»	» 70-хъ »	4,2 »	»	0,34 »
»	трехлѣт. 1881—1883 гг.	4,0 »	»	0,33 »

въ трехлѣт.	1884—1886 гг.	3,7 литра	(соотв.)	0,30 вед.
» »	1887—1889 »	3,4 »	»	0,28 »
» »	1890—1892 »	2,8 »	»	0,23 »
» »	1891—1893 »	2,7 »	»	0,22 »
» »	1894 »	2,8 »	»	0,23 »

Изъ этихъ данныхъ оказывается, что потребленіе спирта обнаруживаетъ у насъ регулярное пониженіе, а не повышеніе. За тридцатилѣтіе душевое потребленіе его сократилось почти вдвое. Исключеніе составляютъ лишь 1894 и, вѣроятно, 1895 гг., въ которые потребленіе незначительно усилилось сравнительно съ предшествовавшимъ трехлѣтіемъ. Но нельзя забывать, что въ это послѣднее трехлѣтіе входятъ бѣдственные 1891 и 1892 гг. Если же сравнить 1894 г. съ трехлѣтіемъ 1887—1889 гг., то потребленіе спирта въ этотъ періодъ сократилось съ 0,28 до 0,23 ведра на душу. Въ данномъ случаѣ сокращеніе потребленія опередило даже повышеніе обложенія. Налогъ въ этотъ періодъ повышенъ на 10 проц. (съ 9 до 10 к. съ градуса), а потребленіе упало на 18 проц. Очевидно, что въ основаніи подобнаго явленія лежатъ причины чисто-экономическія, въ видѣ упадка покупательной способности населенія. Если судить по такому признаку, то особенно пострадавшими оказались чисто-земледѣльческіе работы. Здѣсь весьма значительно сократилась даже абсолютная цифра потребляемаго спирта. Такъ, для средне-черноземныхъ губерній она упала съ 5.200 т. ведеръ до 4 м., или на 22 проц.; въ малороссійскихъ — съ 2.203 т. до 1.653, или на 27 проц.; въ восточныхъ—съ 2.800 тыс. на 1.904 т., или на 30 проц.

Ту же картину даютъ оффиціальныя данныя о движеніи другого продукта національнаго потребленія—чая. Въ 1887 г. въ Россію было ввезено 3 мил. пуд. чая. Въ 1891 г. размѣръ ввоза его упалъ до 1.900 тыс. пуд. и въ 1894 г. вновь оправился до 2.400 т. пуд. Такимъ образомъ и здѣсь даже абсолютный размѣръ обложеннаго продукта сократился на 20 проц. Затѣмъ табаку выработано на всѣхъ фабрикахъ въ 1888 г. 3.500 т. пуд. и въ 1894 г. столько же. Слѣдовательно, если принять во вниманіе ростъ населенія, то душевое потребленіе этого обложеннаго продукта также сократилось. Нѣкоторый же ростъ потребленія наблюдается лишь въ отношеніи тѣхъ обложенныхъ продуктовъ, повышеніе обложенія которыхъ не вполнѣ парализировало сокращеніе издержекъ производства. Такъ, душевое потребленіе сахара увеличилось съ 7,6 фунта въ 1888 г. до 9,4 ф. въ 1894 г.

VII.

Такимъ образомъ у насъ вовсе не наблюдается того натуральнаго роста государственныхъ доходовъ, который долженъ былъ бы выражаться въ усиленіи потребленія населеніемъ обложенныхъ продуктовъ. Оффиціальныя цифры даютъ картину совершенно обратнаго, именно — сокращенія душе-

вого потребленія ихъ. Государственные же доходы возросли либо на счетъ установленія новыхъ налоговъ, либо на счетъ повышенія старыхъ. Въ частности же болѣе рѣзкое сокращеніе потребленія обложенныхъ продуктовъ въ значительной мѣрѣ задержано было пониженіемъ издержекъ ихъ производства, вслѣдствіе чего повышеніе налоговъ не повело къ соотвѣтствующему повышенію рыночныхъ цѣнъ на нихъ.

Если мы обратимся затѣмъ къ государственнымъ расходамъ, то увидимъ, что они возрастали въ гораздо болѣе слабой пропорціи, чѣмъ государственные доходы. Въ своемъ отчетѣ объ исполненіи государственныхъ росписей за десятилѣтіе съ 1866 по 1895 г. государственный контроль по этому поводу замѣчаетъ, что «только въ послѣдніе годы, начиная съ 1893 г., обыкновенные расходы подверглись болѣе значительному увеличенію, въ первые же годы десятилѣтія наблюдалось даже сокращеніе ихъ». Въ общемъ за все десятилѣтіе государственные доходы возросли на 42% ихъ первоначальной цифры, а государственные расходы лишь на 19%.

Такими результатами мы обязаны отчасти счастливымъ случайностямъ, отчасти же той экономіи, которая соблюдается въ послѣднее десятилѣтіе въ отношеніи затратъ на удовлетвореніе различныхъ нуждъ народно-хозяйственной жизни. Къ числу счастливыхъ случайностей нужно отнести прежде всего происшедшее на денежныхъ рынкахъ пониженіе вознагражденія, взимаемаго за пользованіе капиталами. Такъ какъ въ нашемъ бюджетѣ платежи по займамъ составляютъ одну изъ главнѣйшихъ статей расхода (въ 1897 г. онъ составлялъ почти 270 мил. р.), то обстоятельство это не могло не повести къ чрезвычайно благопріятнымъ послѣдствіямъ для нашего финансоваго хозяйства. За десятилѣтіе съ 1886 по 1895 годъ, если вычесть произведенныя погашенія прежнихъ долговъ, то окажется, что новыхъ займовъ на государственныя надобности заключено у насъ на 278 мил. руб. Между тѣмъ платежи по нимъ составляли въ 1886 г. около 200 мил. руб., а къ 1895 г. они понизились до 178 мил. р. Другими словами, размѣръ долга увеличился, тогда какъ ежегодные платежи не только не возросли соотвѣтственно, но даже подверглись нѣкоторымъ сокращеніямъ, доставивъ нашему бюджету экономію въ 20 мил. р.

Эта экономія въ платежахъ по долгамъ достигнута главнымъ образомъ при помощи конверсій ихъ съ превращеніемъ срочныхъ займовъ въ безсрочную ренту и съ пониженіемъ уплачиваемаго по нимъ процента. Надо сказать, однако, что конверсія же повела къ увеличенію государственнаго долга на 188 мил. р. вслѣдствіе выпуска новыхъ обязательствъ по болѣе низкому курсу противъ прежнихъ, подвергшихся выкупу. Платежи процентовъ по вновь образовавшемуся отсюда долгу значительно парализировали бы выгоды отъ конверсіи, еслибъ замѣна срочныхъ долговъ безсрочными почти вовсе не уничтожила расходъ на обязательное погашеніе ихъ. Такъ, въ 1895 г., сравнительно съ 1886 г., расходъ на погашеніе по государственному долгу уменьшился съ 35 мил. р. до 18 мил., несмотря на уве-

личеніе самаго долга. Въ настоящее время не погашаются даже такіе долги, по которымъ казна взимаетъ со своихъ клiентовъ погашеніе. Сюда нужно отнести, напримѣръ, займы, сдѣланные для совершенія выкупа земель, отошедшихъ къ крестьянамъ отъ помѣщиковъ послѣ упраздненія крѣпостного права. Такимъ образомъ значительное сокращеніе платежей по займамъ произошло преимущественно за счетъ упраздненія расхода на ихъ погашеніе путемъ превращенія срочныхъ долговъ въ безсрочную ренту.

Изъ остальныхъ расходовъ болѣе или менѣе крупному увеличенію подверглись только бюджеты военнаго и морского министерствъ. Изъ общей цифры въ 140 мил. руб., на которую увеличились обыкновенные государственные расходы (выключая оборотные), на долю этихъ вѣдомствъ приходится около 85 мил. р. Между тѣмъ расходъ на народное образованіе возросъ за десять лѣтъ лишь на 2 мил. р. съ небольшимъ. Почти въ такую же сумму обошлось преобразованіе министерства государственныхъ имуществъ въ министерство земледѣлія.

Наиболѣе наглядное представленіе о характерѣ нашего расходнаго бюджета можетъ дать сравненіе затратъ на распространеніе народнаго образованія, дѣлаемыхъ у насъ и въ другихъ государствахъ Европы. Такъ, въ Пруссіи бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія составляетъ около 40 м. р., во Франціи—42 мил. р. *), въ Россіи—24 мил. р. Принимая же въ разсчетъ численность населенія, мы получимъ слѣдующія цифры расхода на дѣло народнаго образованія въ этихъ трехъ государствахъ: въ Пруссіи—1 р. на человѣка, во Франціи—1 р. 30 к., въ Россіи—20 к.

Далѣе извѣстно, что непосредственныя нужды населенія удовлетворяются преимущественно на счетъ бюджетовъ мѣстныхъ учрежденій. Между тѣмъ въ нашемъ отечествѣ государственный бюджетъ какъ бы поглощаетъ всю платежную способность населенія и на долю мѣстныхъ учрежденій остаются самыя скудныя средства. Они ничтожны не только абсолютно, но и по сравненію съ государственнымъ бюджетомъ. Такъ, въ Пруссіи мѣстные налоги составляютъ 50 проц. государственныхъ, въ Великобританіи—54 пр., въ Австріи—25 пр., во Франціи — 32 пр., въ Россіи—17 проц. **). Помимо того, въ другихъ странахъ въ пользу мѣстныхъ учрежденій отчисляются нѣкоторыя доли изъ государственныхъ доходовъ, а также за счетъ государственныхъ бюджетовъ производятся иногда крупные расходы на удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ. Въ Пруссіи, напримѣръ, одинъ расходъ по выдачѣ общинамъ обязательныхъ субсидій на содержаніе элементарныхъ школъ достигаетъ 60 мил. марокъ въ годъ. Точно также въ пользу мѣстныхъ учрежденій поступаетъ часть общеимперскаго таможеннаго дохода,—имъ уступленъ весь промысловой налогъ и т. д.

Рядомъ съ ничтожными размѣрами бюджетовъ нашихъ мѣстныхъ учреж-

---

*) *Рихардъ фонъ-Кауфманъ*: „Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ“. Спб., 1895 г.

**) Ibidem.

денiй поглощенiе платежно-податной способности населенiя государственнымъ фискомъ выражается въ постоянномъ ростѣ недоимокъ по мѣстнымъ налогамъ. Въ этомъ отношенiи состоянiе государственныхъ и земскихъ финансовъ, можно сказать, представляетъ полный контрастъ. Въ то время, какъ при исполненiи государственныхъ бюджетовъ, выражаясь оффицiальнымъ языкомъ, дѣйствительныя поступленiя доходовъ всегда болѣе или менѣе превышали смѣтныя предположенiя, земствамъ приходится имѣть дѣло съ прогрессирующими недоборами. Вмѣсто образованiя запасовъ на счетъ бюджетныхъ остатковъ мы здѣсь видимъ постепенное исчезновенiе разныхъ, принадлежащихъ земствамъ, капиталовъ и накопленiе долговъ. Въ перiодъ съ 1887 по 1893 г. земскiе капиталы уменьшились почти на 20 мил. р., а долги казнѣ возросли до 40 мил. р. При этомъ поглощенiе платежной способности населенiя въ пользу государственнаго бюджета происходитъ сплошь и рядомъ въ самомъ непосредственномъ видѣ, а именно изъ собранныхъ чинами полицiи съ населенiя суммъ прежде вносятся государственные налоги, а на долю земскихъ бюджетовъ поступаютъ лишь остатки. Земства давно уже и безуспѣшно ходатайствуютъ объ измѣненiи этого порядка распредѣленiя взыскиваемыхъ налоговъ.

Такое, все ухудшающееся, положенiе земскихъ финансовъ не можетъ быть, конечно, игнорируемо при установленiи связи между процвѣтанiемъ государственныхъ финансовъ и предполагаемымъ ростомъ платежной способности населенiя.

VIII.

Такимъ образомъ анализъ данныхъ по исполненiю государственныхъ росписей за рядъ послѣднихъ лѣтъ приводитъ насъ къ тому безспорному заключенiю, что различные признаки, характеризующiе положенiе нашихъ государственныхъ финансовъ, не имѣютъ непосредственнымъ своимъ источникомъ возрастающаго благосостоянiя населенiя и его платежныхъ силъ. Мы не можемъ признать правильнымъ и утвержденiя, что наше отечество нужно считать страной не столько земледѣлiя, сколько обрабатывающей промышленности. «Все годичное производство сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ Россiи, по исчисленiю составителей Всеподданнѣйшаго доклада на 1897 годъ, по цѣнности не превышаетъ *полутора миллiардовъ рублей*, тогда какъ ежегодное производство нашей горной, заводской и фабричной промышленности *превосходитъ два миллiарда рублей*». Въ результатѣ же «образованiе столь важной статьи народной производительности не могло не породить сооотвѣтственнаго перераспредѣленiя экономическихъ силъ страны».

Если для населенiя Россiи производство земледѣльческихъ продуктовъ отошло на второй планъ, то такое же второстепенное значенiе получаетъ для него, конечно, и угнетающiй теперь земледѣльческую промышленность кризисъ. Не трудно, однако, видѣть, что уже самый фактъ, что одинъ

милліонъ фабрично - заводскаго населенія производитъ продуктовъ на два милліарда руб., а сто милліоновъ земледѣльческаго населенія — лишь на полтора милліарда, представляется весьма мало вѣроятнымъ, какъ бы ни была значительна разница въ производительности обоихъ видовъ труда вслѣдствіе неодинаковаго пользованія услугами машинъ. Затѣмъ нужно принять во вниманіе, что продукты нашей фабрично - заводской промышленности почти не имѣютъ внѣшнихъ рынковъ для своего сбыта и покупаются исключительно на внутреннихъ рынкахъ земледѣльческимъ классомъ. Въ результатѣ же оказалось бы, что земледѣльческое населеніе Россіи производитъ продуктовъ на $1^1/_2$ милліарда, изъ нихъ вывозитъ за границу на $^1/_2$ милліарда, кормитъ себя, а на остатокъ еще умудряется купить на 2 милліарда продуктовъ обрабатывающей промышленности.

Приведенныя сопоставленія наглядно показываютъ несостоятельность цифръ, на основаніи которыхъ дѣлается заключеніе о болѣе важномъ значеніи для Россіи обрабатывающей промышленности, сравнительно съ земледѣльческою. На самомъ дѣлѣ цифра въ 2 милліарда рублей представляетъ собою валовую, а не дѣйствительную чистую цѣнность производства нашей обрабатывающей промышленности. Это ясно видно изъ способовъ исчисленія, принятыхъ въ издаваемыхъ департаментомъ торговли и мануфактуръ «Матеріаловъ для торгово - промышленной статистики». Въ этихъ матеріалахъ, напримѣръ, общая цѣнность производства по обработкѣ волокнистыхъ веществъ оцѣнивается въ 620 мил. р. Но это конечная стоимость выработанныхъ продуктовъ, въ составъ которой входитъ прежде всего цѣнность сырыхъ матеріаловъ — хлопка, льна, шерсти и т. д., на фабрикахъ вовсе не производящихся, а покупаемыхъ на деньги. Точно также стоимость нѣкоторыхъ продуктовъ, переходящихъ на другія фабрики для дальнѣйшей переработки, подсчитывается въ сущности по нѣскольку разъ. Такъ, купленный хлопокъ, передѣланный въ пряжу, даетъ одно слагаемое, затѣмъ та же пряжа, передѣланная въ миткаль — другое, а тотъ же миткаль, превратившійся на набивной фабрикѣ въ ситецъ, — третье и т. д. Въ общемъ же и получается весьма почтенная сумма въ 620 м. р., яко бы представляющая собою цѣнность производства фабрикъ, перерабатывающихъ волокнистыя вещества. Для опредѣленія общей цѣнности производства сельско-хозяйственныхъ продуктовъ слѣдовало бы, по аналогіи, отдѣльно подсчитать стоимость зерна, затѣмъ присоединить сюда цѣнность продуктовъ, произведенныхъ на мельницахъ, въ булочныхъ и пр.

Затѣмъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи своихъ взглядовъ на переживаемый нашимъ отечествомъ экономическій моментъ, финансовое вѣдомство отказывается даже признать и самое неблагопріятное значеніе для Россіи такого фактора, какъ паденіе цѣнъ на продукты земледѣльческой промышленности. Вопросъ этотъ породилъ цѣлую литературу, и мы въ настоящее время останавливаться на немъ не будемъ. Отмѣтимъ, однако, что, усвоивъ положеніе о невыгодномъ значеніи паденія хлѣбныхъ цѣнъ лишь для небольшой группы болѣе состоятельныхъ земледѣльцевъ, наше финансовое

вѣдомство тѣмъ не менѣе утверждаетъ фактъ роста національнаго богатства Россіи именно насчетъ этого класса населенія въ видѣ «выдѣленія болѣе зажиточныхъ группъ крестьянскаго населенія», которыя «пролагаютъ себѣ путь къ высшимъ ступенямъ зажиточности».

IX.

Предположеніе, что общее благосостояніе нашего населенія растетъ, прежде всего ставитъ вопросъ: на счетъ какого источника можетъ совершаться этотъ ростъ? Мы видимъ, что цѣнность главнаго продукта нашего производства—земледѣлія—постоянно падаетъ, значительно понижая тѣмъ и общую выручку отъ земледѣльческаго труда, которымъ занято около 100 милл. населенія. Что касается затѣмъ обрабатывающей промышленности, то быстрота ея развитія прямо пропорціональна размѣру жертвъ, на которыя ради этого обрекается потребитель въ лицѣ земледѣльческихъ классовъ. Такого взаимнаго отношенія ихъ другъ къ другу не отрицаетъ и само финансовое вѣдомство. «При покровительственной системѣ несомнѣнно, говорится во Всеподданнѣйшемъ докладѣ, первое время, пока промышленность не разовьется и не окрѣпнетъ, страдаютъ интересы непосредственнаго потребленія; орудія производства, подъ вліяніемъ пошлинъ, повышаются въ цѣнѣ, а привозимое изъ-за границы сырье, напримѣръ, хлопокъ, удорожается». Но, читаемъ мы далѣе, «общій законъ органическаго развитія—неизбѣжность жертвъ для достиженія великихъ цѣлей—вполнѣ примѣняется и въ области экономическаго роста государства». Пока же въ отношеніи обрабатывающей промышленности можно говорить только о жертвахъ, тогда какъ «достиженіе великихъ цѣлей» представляется еще дѣломъ болѣе или мѣнѣе отдаленнаго будущаго. По отношенію же къ настоящему времени покровительственная политика равносильна установленію особаго налога, взимаемаго съ населенія для достиженія этихъ «великихъ цѣлей».

Между тѣмъ экономическая политика, обрекающая населеніе на крупныя жертвы въ настоящемъ ради интересовъ отдаленнаго будущаго, ставитъ нашъ земледѣльческій трудъ въ чрезвычайно невыгодныя условія. Несомнѣнно, что паденіе цѣнъ на продукты земледѣлія находится въ самой тѣсной связи съ удешевленіемъ продуктовъ обрабатывающей промышленности. Дѣйствительно, при равномѣрномъ паденіи цѣнъ на всѣ продукты, отношеніе между ними остается прежнее и покупательная способность каждаго отдѣльнаго производителя нисколько не страдаетъ. Если за 150 р. получается возможность купить такое количество продуктовъ, какое прежде покупалось на 300 р., то пониженіе выручки земледѣльца до этой цифры не имѣетъ для него никакого значенія. Съ другой стороны, удешевленіе такихъ предметовъ, какъ желѣзо, машины, орудія транспорта, несомнѣнно повело къ пониженію издержекъ какъ при производствѣ, такъ и при сбы-

тѣ земледѣльческихъ продуктовъ. Отсюда новый поводъ для пониженія цѣнъ на нихъ. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится нашъ земледѣлецъ, который ощущаетъ общее пониженіе цѣнъ на товары только при продажѣ своего продукта, положеніе же его какъ покупателя и производителя даже ухудшилось вслѣдствіе необходимости покупать необходимые ему товары по цѣнамъ, постоянно повышающимся. Такъ, напримѣръ, пудъ чугуна, по оффиціальнымъ даннымъ, стоилъ въ Петербургѣ въ 1884 г. 54 к., а въ 1896 г. онъ продавался уже по 86 к., т.-е. повышеніе цѣны составило почти 60 проц.

При столь неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыя у насъ поставлена земледѣльческая промышленность, служащая для населенія главнымъ источникомъ дохода, не можетъ зародиться увѣренности въ возрастающемъ его благосостояніи.

Вл. Бирюковичъ.

Очерки провинціальной жизни.

Закономъ 1 іюня 1895 года земства освобождены отъ нѣкоторыхъ взносовъ въ государственное казначейство съ обязательствомъ употреблять освободившіяся суммы на улучшеніе путей сообщенія. Изданіе этого закона вызвало въ земской средѣ живѣйшую радость. Особенно важное значеніе земство давало 7-й ст. закона, предоставляющей земствамъ право ходатайства объ обращеніи освободившихся суммъ и на другія, кромѣ дорогъ, потребности земскаго хозяйства. Статья эта устраняла бюрократическій шаблонъ и позволяла земству, на основаніи изслѣдованія мѣстныхъ условій, дѣлать классификацію нуждъ и рѣшать, какой нуждѣ дать въ данное время предпочтеніе. Но прошло уже болѣе двухъ лѣтъ со дня изданія закона, а разсчеты земствъ на 7-ю ст. остаются пока напрасными. Ходатайства большого числа земскихъ собраній объ употребленіи освободившихся суммъ на народное образованіе, народную медицину и другія надобности получали въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ отказъ. Въ предстоящихъ земскихъ собраніяхъ,—пишутъ въ *Недѣлю* изъ Черниговской губерніи,—какъ и въ собраніяхъ прошлыхъ двухъ лѣтъ, самымъ выдающимся вопросомъ является вопросъ объ израсходованіи капитала, образованнаго закономъ 1 іюня 1895 г. Уже два года собранія разбираютъ этотъ вопросъ: говорили о немъ въ собраніяхъ очередныхъ, собирали по этому поводу собранія экстренныя. И это совершенно понятно. Земскій гласный прежде всего мѣстный плательщикъ, для котораго каждая копейка, затрачиваемая на общественныя нужды его уѣзда, отзывается на его же кармане, почему у него и является желаніе, чтобъ эта копейка была расходуема наиболѣе производительно. Здѣсь же приходится расходовать не копейки, а цѣлыя сотни тысячъ рублей; всего по губерніи въ годъ 220,572 руб. 62 коп., что̀ въ среднемъ на уѣздъ составляетъ болѣе 14½ тысячъ, а это—*одна пятая* всей смѣты большинства уѣздныхъ земствъ губерніи. *Всѣ пятнадцать* уѣздовъ губерніи постановили ходатайствовать объ обращеніи освободившихся суммъ на нужды просвѣщенія народа и сельской медицины. Въ ходатайствахъ этихъ земства заявили, что незначительныя въ ихъ смѣтахъ ассигновки на улучшеніе путей сообщенія сравнительно

съ другими статьями не являются результатомъ непониманія со стороны земскихъ собраній всей важности хорошихъ дорогъ, но они считаютъ, что народное невѣжество и полная безпомощность противъ болѣзней служатъ гораздо большею помѣхою въ дѣлѣ экономическаго развитія губерніи, чѣмъ отсутствіе улучшенныхъ путей сообщенія между отдѣльными ея поселеніями. Въ силу этихъ соображеній, уѣздныя земскія собранія ходатайствовали о разрѣшеніи имъ раздѣлить освободившіяся суммы между тремя потребностями уѣздовъ: народнымъ образованіемъ, медициною и улучшеніемъ путей сообщенія въ разныхъ частяхъ для разныхъ уѣздовъ, сообразно ощущаемой ими необходимости. Губернское собраніе согласилось съ постановленіями уѣздныхъ. Всѣ эти ходатайства не имѣли, однако, успѣха. Авторъ письма указываетъ на только-что отпечатанную книжку журналовъ городнянскихъ чрезвычайнаго и очередного уѣздныхъ земскихъ собраній за 1896 г. На 14 страницѣ этой книжки помѣщенъ докладъ управы «по вопросу объ обращеніи капитала, образованнаго по закону 1 іюня 1895 года на улучшеніе дорожныхъ сооруженій». Въ докладѣ управа, разсказавъ собранію всю исторію этого капитала, въ концѣ-концовъ говоритъ, что въ настоящее время отъ уѣзднаго собранія требуется лишь только указать всѣ тѣ мѣста на дорогахъ уѣзда, которыя нуждаются въ немедленномъ исправленіи и должны быть поставлены на первую очередь, что, сообразуясь съ этимъ, она и представляетъ на разсмотрѣніе собранія 34 такихъ мѣста въ разныхъ концахъ уѣзда. Собраніе изъ этихъ 34 мѣстъ выбираетъ только *шесть*, какъ наинужнѣйшихъ, и поручаетъ управѣ, согласно съ законоположеніемъ, составить смѣту на исправленіе только этихъ шести мѣстъ, причемъ замащивать камнемъ рекомендуется «*только тѣ мѣста, гдѣ въ этомъ встрѣчается крайняя необходимость*, въ остальныхъ же случаяхъ производить исправленія посредствомъ постройки плотинъ, дренажа и другихъ сравнительно дешевыхъ сооруженій». Результатомъ этого постановленія является докладъ управы слѣдующему за симъ собранію съ представленіемъ предварительныхъ смѣтъ, изъ коихъ собраніе усмотрѣло, что достодолжное исправленіе намѣченныхъ имъ шести мѣстъ обойдется ни болѣе, ни менѣе какъ въ 122,147 р. 58 к., не считая предварительныхъ расходовъ на выѣзды техника, составленіе смѣтъ, руководство и надзоръ за работами и т. д. Эта огромная цифра какъ громомъ поразила собраніе. Она привела собраніе въ смущеніе не только своимъ размѣромъ, но и тѣмъ, что, несмотря на такую громадную затрату, результаты въ дѣлѣ улучшенія дорогъ получатся самые мизерные. Дѣло въ томъ, что замощеніе полосы дороги, длиною въ одну версту и шириною въ три сажени, тѣмъ варварскимъ способомъ, которымъ мостятся обыкновенно наши города, обходится въ здѣшней мѣстности въ пять съ половиною тысячъ рублей. Между тѣмъ, изъ указанныхъ земскимъ собраніемъ дорогъ, подлежащихъ немедленному исправленію, оказалось необходимымъ 18 верстъ каменнаго замощенія. Что же,—спрашиваетъ авторъ сообщеній,—можно сдѣлать въ годъ на $14^1/_2$ тысячъ? Когда же будутъ исправ-

лены тѣ шесть мѣстъ, которыя указаны собраніемъ какъ самонужнѣйшія и требующія *немедленнаго* исправленія, и что значатъ эти 18 верстъ хорошаго пути для экономической жизни уѣзда? Какой капиталъ и какое время, наконецъ, нужно, чтобъ исправить въ уѣздѣ хотя бы только тѣ 34 мѣста, которыя признаны управою стоящими на первой очереди? Должна же быть, значитъ, и вторая, а можетъ быть и третья очередь. Что же, могутъ сказать,—не все разомъ. Быть можетъ пройдутъ вѣка, настанетъ же, наконецъ, время, когда не только 34 мѣста, указанныя управой, но и всѣ дороги уѣзда будутъ замощены и приведены въ порядокъ, имѣлся бы только опредѣленный, никуда на другое дѣло не отчужденный фондъ, а этимъ фондомъ и будутъ служить тѣ 14½ тысячъ, которыя велѣно употреблять исключительно на дорожное благоустройство. Конечно, въ крайнемъ случаѣ можно было бы помириться и съ вѣковыми ожиданіями. Но не надо забывать, что разъ устроенная мостовая или плотина требуетъ постояннаго ремонта, на который и придется отчислять изъ того же дорожнаго фонда ежегодно, по крайней мѣрѣ, десятую часть стоимости каждаго сооруженія. Не трудно разсчитать, что земство, устроивъ 20 съ небольшимъ верстъ хорошаго пути, должно будетъ на этомъ забастовать и весь свой получаемый ежегодно фондъ въ 14½ тысячъ тратить только на поддержаніе устроеннаго, оставивъ всѣ безконечныя сотни остальныхъ верстъ въ первобытномъ ихъ состояніи. Отсюда ясно видно, насколько основательны были ходатайства уѣздныхъ земствъ Черниговской губерніи, просившихъ предоставить имъ право употребить хотя бы половину освободившихся средствъ на дѣло народнаго образованія. Вѣдь эта половина, равняющаяся семи слишкомъ тысячамъ, дала бы возможность хотя бы тому же Городнянскому уѣзду открыть и содержать въ уѣздѣ еще 29 народныхъ училищъ, которыя, вмѣстѣ съ имѣющимися уже тридцатью, сильно двинули бы впередъ возможность общаго обученія, что въ свою очередь оказало бы на экономическое развитіе уѣзда болѣе сильное воздѣйствіе, чѣмъ 20 верстъ каменнаго пути. Не очевидна ли поэтому, — заявляетъ авторъ сообщенія, — необходимость пересмотрѣть этотъ уже рѣшенный вопросъ и поглубже вникнуть въ заявленія земствъ, близко знакомыхъ съ мѣстными нуждами?

Земство не въ состояніи поднять экономическое положеніе народа, такъ какъ всѣ важнѣйшія мѣропріятія для осуществленія такой задачи находятся внѣ его компетенціи; въ виду этого оно справедливо выдвинуло на первый планъ своей дѣятельности распространеніе просвѣщенія въ народѣ. Но и для выполненія этого дѣла у него не хватаетъ средствъ. Для того только, чтобы дать народу одну лишь грамоту, требуется до 250 тысячъ народныхъ школъ, а ихъ имѣется лишь четвертая часть. Слѣдовательно, передъ тремя четвертями населенія въ школьномъ возрастѣ двери школы закрыты. Такова нужда въ отношеніи числа школъ; не меньше нужда и по отношенію къ качеству школъ.

Пятнадцать лѣтъ дѣйствуетъ томское общество попеченія о народ-

номъ образованіи. Не мало успѣло оно уже сдѣлать. Общество открыло и содержитъ нѣсколько начальныхъ школъ, безплатную народную библіотеку, рукодѣльную школу, рисовальные классы; кромѣ того оно значительно улучшило воскресныя чтенія для народа и организовало общедоступныя литературно-музыкальныя утра и спектакли. Въ безплатной народной библіотекѣ насчитывается книгъ 3,114 названій, а подписчиковъ къ концу прошлаго года—1,043 человѣка, которымъ было выдано 15,586 книгъ. Наибольшій контингентъ читателей составляютъ мѣщане и крестьяне, 9% выпадаютъ на долю привилегированнаго сословія. При библіотекѣ, помѣщающейся въ собственномъ зданіи общества, устроена читальня, которую охотно посѣщаютъ разночинцы, мелкіе торговцы, ремесленники. Воскресныя чтенія, происходящія въ 3-хъ аудиторіяхъ, привлекли въ послѣдній годъ свыше 7½ тысячъ человѣкъ, преимущественно простонародья. Музыкальныя утра и спектакли, недавно организованные обществомъ, имѣютъ огромный успѣхъ. Наплывъ публики большой; дешевыя мѣста (въ 5 и 10 к.) берутся нарасхватъ. Чрезмѣрный наплывъ желающихъ бывать на утрахъ и спектакляхъ вызвалъ у общества мысль о расширеніи залы, къ осуществленію чего общество уже приступило. Вообще жизнь этого общества непрерывно прогрессировала; за все время своего 15-лѣтняго существованія оно съ каждымъ годомъ крѣпло и расширяло кругъ своей дѣятельности. И вотъ, общество это находится теперь наканунѣ «реформы». Недавно, по словамъ газеты *Сибирь*, совѣтъ общества получилъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ предложеніе объ измѣненіи устава общества. Въ какомъ направленіи должно послѣдовать измѣненіе устава, можно судить по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя вызвали это предложеніе. Предложеніе министерства мотивировано тѣмъ, что общество, «расширивъ кругъ своей дѣятельности, вышло изъ предѣловъ своихъ основныхъ задачъ». Такъ, обществу поставлено на видъ, что оно организовало музей прикладныхъ знаній съ хранилищемъ книгъ научнаго содержанія, между тѣмъ какъ за нимъ признается право на учрежденіе музея, приспособленнаго исключительно къ нуждамъ школьнаго дѣла; затѣмъ, усматриваютъ «превышеніе власти» со стороны общества также въ томъ, что оно открыло книжную торговлю. Но если общество при прежнемъ уставѣ дѣйствовало успѣшно, то не цѣлесообразнѣе ли, вмѣсто измѣненія устава, внести въ него тѣ вызванныя естественнымъ ходомъ развитія жизни общества дополненія, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ задачамъ общества.

Тѣ же тормазы, тѣ же препятствія встрѣчаетъ общественная самодѣятельность и при учрежденіи народныхъ чтеній, сельскихъ библіотекъ, книжныхъ складовъ для народа. Какія затрудненія надо преодолѣть для полученія разрѣшенія на устройство народныхъ чтеній, объ этомъ въ нашемъ журналѣ было разсказано съ большою подробностью бывшимъ инспекторомъ народныхъ училищъ, г. Вахтеровымъ. Не меньшія затрудненія являются и при открытіи сельской библіотеки, даже когда отвѣтственность за законное веденіе дѣла берутъ на себя оффиціальныя лица. Недавно

г. Поповкинъ, землевладѣлецъ Курской губерніи, сообщилъ въ журналѣ *Образованіе*, что онъ задумалъ устроить у себя въ деревнѣ библіотеку-читальню. Завѣдующими библіотекой и отвѣтственными лицами являлись онъ, Поповкинъ, и земскій начальникъ мѣстнаго участка. Московскимъ обществомъ грамотности были уже присланы книги, земство дало субсидію въ 100 рублей, но дѣло стало за разрѣшеніемъ, которое ожидалось года полтора. Недавно стало извѣстно, что не разрѣшается библіотека потому, что среди 2-хъ лицъ, на которыхъ земство указало, какъ на завѣдующихъ будущею библіотекой, не оказалось лица изъ духовнаго или педагогическаго міра. А такъ какъ въ селѣ нѣтъ ни земской, ни министерской школы, то и педагогическаго міра тоже, значитъ, нѣтъ. Между тѣмъ библіотека уже выслана обществомъ грамотности и лежитъ въ земской управѣ.

Въ виду такого недовѣрчиваго отношенія къ общественной самодѣятельности въ области просвѣщенія народа является, можно сказать, сюрпризомъ 25-лѣтній юбилей дѣятельности распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи. Мы вполнѣ присоединяемся къ словамъ коммиссіи, избранной для разбработки программы празднованія юбилія общества, что оно развило свою дѣятельность до такихъ размѣровъ, которые вызвали уваженіе къ нему во всѣхъ сферахъ, сочувствующихъ святому дѣлу народнаго образованія. Начавши свою просвѣтительную работу съ грошевыми средствами, испытавъ на себѣ всю трудность просвѣтительной работы въ провинціи, общество успѣвало, тѣмъ не менѣе, изъ года въ годъ расширять свою дѣятельность и совершеннѣе выполнять свою основную задачу — содѣйствовать развитію начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи. Въ предѣлахъ своего устава общество выполнило очень многое: оно упрочило свое матеріальное положеніе, открыло книжные склады, городскія, сельскія и школьныя библіотеки-читальни, организовало учительскія библіотеки, устроило народныя чтенія въ городахъ и уѣздахъ и литературно-музыкальныя утра. Всѣ стороны преимущественно внѣшкольнаго образованія народа захвачены просвѣтительною работой общества. Вызванное частною иниціативой, общество,—говоритъ *Нижегородскій Листокъ*,—въ своихъ предпріятіяхъ опиралось на тѣхъ лицъ, въ интересахъ которыхъ оно отчасти работало — сельскихъ учителей и учительницъ. Эти первые піонеры культурной миссіи общества, на мѣстѣ, во всѣхъ уголкахъ Нижегородской губерніи, были лучшими работниками общества. Они являлись первыми посредниками между обществомъ и народомъ; и опытъ 25 лѣтъ показалъ, что это звено является прекраснымъ связующимъ цементомъ культурныхъ слоевъ общества съ многочисленной народной массой. Общество, имѣвшее въ 1886 году лишь 5 отдѣленій въ губерніи, въ прошломъ году имѣло ихъ уже 209, разбросанныхъ въ самыхъ глухихъ участкахъ губерніи. Въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, главнымъ образомъ при посредствѣ сельскихъ учителей, распространено книгъ до 400 тыс. экз., на сумму до 12 тыс. рублей. Эта цифра пріобрѣтаетъ особенное значеніе потому, что общество распространяетъ книги на мѣстѣ

спроса, удовлетворяя потребности глухихъ мѣстностей, совершенно лишенныхъ книги.

Расширяется также дѣятельность харьковскаго комитета по устройству сельскихъ библіотекъ, образовавшагося года четыре назадъ при Харьковскомъ обществѣ распространенія въ народѣ грамотности. Пользуясь отъ губернскаго земства ежегодною субсидіей въ размѣрѣ 4,300 руб., комитетъ успѣлъ уже открыть въ губерніи 54 безплатныхъ народныхъ библіотеки. Кромѣ того, комитетъ собралъ всѣ необходимыя справки и возбудилъ соотвѣтствующія ходатайства передъ губернскою администраціей относительно устройства новыхъ библіотекъ въ 31 селеніи. Организованныя комитетомъ библіотеки вскорѣ вызвали къ себѣ сочувствіе мѣстнаго населенія. Библіотеки посѣщаются крестьянами не только изъ ближайшихъ селеній, но нерѣдко и изъ удаленныхъ за нѣсколько верстъ. Число подписчиковъ и читателей достигаетъ весьма значительныхъ цифръ. Такъ въ с. Баклеѣ, какъ только открылась библіотека, число читателей немедленно же достигло 1,027 человѣкъ при населеніи въ 5,000 душъ. Корреспонденты комитета сообщаютъ, что среди абонентовъ библіотекъ распространено чтеніе группами: грамотный читаетъ, а неграмотные слушаютъ, что такое явленіе часто замѣчается на «посидѣлкахъ» и «вечерницахъ», что оно часто отвлекаетъ народъ отъ кабака и тѣмъ способствуетъ облагораживанію, въ нравственномъ смыслѣ, населенія. Библіотеки, открываемыя харьковскимъ комитетомъ, на первыхъ порахъ составляются изъ книгъ на сумму начиная съ 50 руб., а затѣмъ послѣдовательно пополняются новыми книгами, соотвѣтственно выяснившейся потребности. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что комитетъ получаетъ книги непосредственно отъ издателей, съ значительною уступкой противъ проставленныхъ цѣнъ. А такъ какъ, кромѣ того, за составленіе библіотекъ комитетъ, благодаря безплатному труду своихъ членовъ, особой платы не взимаетъ, то сформированныя имъ библіотеки обыкновенно бываютъ болѣе богатыми по числу книгъ, нежели библіотеки, заказываемыя на ту же цѣну въ частныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ этомъ, между прочимъ, кроется причина того, что съ заказами обращаются въ комитетъ и изъ-за предѣловъ Харьковской губерніи. Такъ, наприм., мелитопольское уѣздное земство одновременно сдѣлало заказъ комитету на 70 библіотекъ, стоимостью въ 4,000 руб. Комитетъ разсылаетъ и безплатно книги. Такъ, въ 1896 году, за который имѣется у него отчетъ, имъ было послано 2,180 книгъ въ 39 мѣстъ, принадлежащихъ къ 19 губерніямъ. Учрежденія и составъ лицъ, съ которыми въ этомъ случаѣ имѣетъ дѣло харьковскій комитетъ, въ общемъ напоминаетъ кліентовъ бывшихъ столичныхъ комитетовъ грамотности. Это—земскія управы, учителя, попечители школъ, священники, врачи и т. п. Изъ другихъ работъ комитета особенно важное значеніе слѣдуетъ признать за составленнымъ имъ «Руководствомъ къ устройству безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ». Первое изданіе этого лучшаго у насъ справочнаго изданія по библіотечному дѣлу вышло въ 1895 году и въ теченіе перваго же полугода разошлось, такъ что

къ ноябрю слѣдующаго года его пришлось повторить. Это изданіе также быстро разошлось. Въ мартѣ текущаго года комитетъ приступилъ къ печатанію третьяго изданія, которое, несомнѣнно, будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ и предыдущія.

Весьма симпатичнымъ и цѣлесообразнымъ является заводящееся у насъ нововведеніе выражать благодарную память потомства великимъ отечественнымъ писателямъ открытіемъ школъ и библіотекъ ихъ имени и по мѣсту ихъ родины. Такихъ школъ и библіотекъ учреждено за послѣднее время уже нѣсколько. Къ нимъ присоединятся вскорѣ еще двѣ библіотеки имени Бѣлинскаго, которыя предположено открыть ко дню пятидесятилѣтней годовщины великаго писателя въ Чембарѣ и Пензѣ, какъ въ мѣстахъ его родины и первоначальнаго образованія. Учитель чембарскаго городского училища А. Д. Козменковъ произнесъ въ засѣданіи мѣстной думы рѣчь, въ которой, обрисовавъ публицистическую личность Бѣлинскаго, какъ писателя, сдѣлавшаго для пробужденія русской мысли и совѣсти едва ли не болѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ писателей, онъ привелъ тѣ данныя изъ жизни покойнаго критика, которыя тѣсно связываютъ его славное имя съ скромнымъ уѣзднымъ городкомъ Пензенской губерніи. Внесенное имъ предложеніе объ открытіи библіотеки имени Бѣлинскаго было принято думой, причемъ на содержаніе библіотеки постановлено отпускать по 100 руб. въ годъ. Въ настоящее время это постановленіе думы губернскимъ по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствіемъ уже утверждено и проектъ устава библіотеки, съ ходатайствомъ именовать ее «городскою публичною библіотекою имени В. Г. Бѣлинскаго», представленъ на утвержденіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Люди сѣющіе на нивѣ просвѣщенія народа не забыли въ своей просвѣтительной дѣятельности и населенія тюремъ. Сообщенія объ устройствѣ ими въ тюрьмахъ школъ и чтеній учащаются. Интересные факты о ходѣ воскресныхъ чтеній въ угличской тюрьмѣ (Ярославской губ.) напечатаны въ *Сынѣ Отечествѣ* и *Орловскомъ Вѣстникѣ*. Иниціаторомъ устройства этихъ чтеній былъ учитель мѣстнаго городского училища П. А. Критскій. Благодаря тому, что для устройства чтеній въ тюрьмѣ не требовалось особыхъ формальностей, они по просьбѣ тюремнаго отдѣленія были немедленно разрѣшены губернаторомъ, и 27 октября прошлаго года послѣдовало первое чтеніе. Такимъ образомъ чтенія ведутся уже годъ и за все это время арестанты съ одинаково неослабнымъ интересомъ относились къ чтеніямъ. Интересъ къ нимъ до того великъ, что тюремная администрація воспользовалась этимъ обстоятельствомъ и однимъ только предостереженіемъ—не допустить провинившагося къ чтеніямъ воздерживала многихъ отъ проступковъ. По отзыву смотрителей, послѣ чтеній арестанты цѣлые вечера проводятъ въ бесѣдахъ о прочитанномъ, въ то время какъ ранѣе эти вечера употреблялись на пересказы дѣйствительныхъ и вымышленныхъ исторій о преступленіяхъ. Чтенія началъ вести иниціаторъ дѣла съ тюремнымъ священникомъ, но послѣ перваго же чтенія болѣе двѣнадцати человѣкъ, пре-

имущественно учителей, выразили свое желаніе принять участіе въ нихъ. Чтенія состоятъ изъ двухъ отдѣленій: духовно-нравственнаго и литературно-историческаго. Программа чтенія составляется участвующими и утверждается предсѣдателемъ тюремнаго отдѣленія. Особымъ успѣхомъ изъ прочитаннаго въ прошломъ году пользовались: *Прохожій* Григоровича, *Богъ правду видитъ*, *Кавказскій плѣнникъ*, *Гдѣ любовь тамъ и Богъ*, *Упустишь огонь — не потушишь* Л. Н. Толстого, и живые пересказы, безъ помощи книги, историческихъ разсказовъ, біографій писателей, общественныхъ и научныхъ дѣятелей. Чтенія иллюстрировались туманными картинами, волшебный фонарь для которыхъ пожертвовалъ директоръ тюремнаго отдѣленія Н. А. Бычковъ. На пожертвованные однимъ благотворителемъ 25 руб. было положено основаніе небольшой библіотечки, для которой были выписаны, по преимуществу, брошюры историческаго и географическаго содержанія, всего до 150 №№, но вся эта библіотека мигомъ была прочитана въ будничные вечера и требуетъ обновленія. Открывшаяся въ іюлѣ нынѣшняго года городская публичная библіотека приходитъ на помощь тюремной и передаетъ дубликаты книгъ, которыхъ оказалось очень много среди пожертвованныхъ ей книгъ. Хорошее дѣло устройства чтеній въ тюрьмѣ вызоветъ, вѣроятно, другое доброе дѣло: въ средѣ угличскаго населенія явилась мысль объ учрежденіи общества для помощи выходящимъ изъ тюрьмы.

Изъ другихъ видовъ общественной самодѣятельности, сообщенныхъ послѣдней почтой, отмѣтимъ, прежде всего, устройство первыхъ яслей въ Московскомъ уѣздѣ. Въ минувшее лѣто, — сообщаетъ д-ръ Д. И. Орловъ, въ *Русскія Вѣдомости*, — въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ дѣйствовали ясли въ деревнѣ Раево, Ростокинской волости, устроенныя московскимъ уѣзднымъ обществомъ попеченія о неимущихъ дѣтяхъ. Онѣ были открыты 29 іюня, а закрыты 29 августа. Потребность устройства яслей въ деревнѣ сознавалась уже давно. Еще въ 1880 году д-ръ П. А. Песковъ на уѣздномъ земскомъ санитарномъ совѣтѣ поднималъ вопросъ объ учрежденіи земствомъ яслей въ деревняхъ на время лѣтнихъ работъ. И спеціальныя санитарныя изслѣдованія по Московскому уѣзду, и многочисленныя такія же изслѣдованія въ Московской и другихъ губерніяхъ, и наблюденія участковыхъ врачей въ амбулаторіяхъ лѣчебницъ постоянно указываютъ на плохія условія вскармливанія и воспитанія грудныхъ дѣтей въ деревняхъ, особенно въ страдную пору. Московское уѣздное общество попеченія о неимущихъ дѣтяхъ въ первый же годъ своей работы сдѣлало постановленіе рекомендовать особенно вниманію благотворителей, предоставлять имущественныя и денежныя пожертвованія на устройство яслей для дѣтей въ селеніяхъ въ рабочую пору. Въ минувшее лѣто обществомъ открыты, какъ сказано, первыя ясли въ деревни Раево. Въ Раевѣ есть земская школа, на лѣто пустующая. Земство уступило обществу на лѣтніе мѣсяцы эту школу для устройства въ ней яслей. Зданіе школы предворительно было продезинфецировано, затѣмъ вычищено и выбѣлено. Обстановка яслей была

самая скромная: простые столы, табуреты, скамьи, 4 кровати для прислуги; всѣ эти вещи доставлены изъ земской мытищенской лѣчебницы. Для дѣтей были пріобрѣтены простыя корзины и 3 корзины на колесикахъ для катанія. Только очень хорошъ былъ шкафъ для бѣлья и посуды, пожертвованный А. Л. Коль. Бѣлье было также замѣчательно хорошо; оно пожертвовано въ кускахъ и сшито стараніями Н. Н. Рихтеръ, которая ежедневно приходила въ ясли, чтобы слѣдить за ихъ нуждами и за состояніемъ дѣтей. Для постояннаго наблюденія за яслями была приглашена г-жа Виноградова, которая раньше много лѣтъ служила акушеркой въ мытищенской лѣчебницѣ и которую населеніе Раева прекрасно знаетъ. Всего израсходовано было на ясли въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ около 200 рублей.

Всѣхъ дѣтей въ ясляхъ перебывало 22; изъ нихъ 21 были изъ Раева и 1 ребенокъ изъ сосѣдней деревни. Возрастъ ихъ былъ различный, отъ 6 дней и до 4 лѣтъ. Больше всего было по одному ребенку со двора; но было пять дворовъ, изъ которыхъ принесли въ ясли по два ребенка. Ясли дѣйствовали всѣ дни, за исключеніемъ праздниковъ. Порядокъ веденія яслей былъ такой. Рано утромъ матери приносили въ ясли своихъ дѣтей. Ихъ тотчасъ мыли въ ваннѣ и переодѣвали въ чистое бѣлье яслей. Весь день дѣти проводили въ ясляхъ, гдѣ ихъ кормили и забавляли. Груднымъ дѣтямъ давалось кипяченое молоко цѣльное или разбавленное кипяченою водою, а старшіе получали сверхъ того супъ, хлѣбъ и кашку. Не менѣе двухъ разъ въ день приходили матери покормить грудью своихъ дѣтей. Прислуги было четыре человѣка: кухарка, нянька и двѣ дѣвочки подростка въ помощь нянькѣ. Вечеромъ матери забирали своихъ дѣтей, причемъ дѣти переодѣвались въ свое бѣлье, а снятое съ нихъ поступало въ стирку. Изъ пользовавшихся услугами яслей умеръ только одинъ ребенокъ, который поступилъ въ ясли истощеннымъ и умирающимъ. Нѣкоторыя дѣти были съ ясно выразившимся рахитизмомъ; они значительно поправились и окрѣпли. Самыя маленькія дѣти развивались правильно и хорошо. Ясли завоевывали къ себѣ расположеніе женщинъ, которыя проводили надзирательницу съ выраженіемъ большого сочувствія и при прощаніи высказали сильное желаніе, чтобы ясли были открыты и въ будущее лѣто.

Изъ области другихъ видовъ общественной самодѣятельности слѣдуетъ указать на важное ходатайство о нормированіи и сокращеніи рабочаго дня ремесленныхъ учениковъ, возбужденное петербургскимъ обществомъ защиты дѣтей. Пользуясь предоставленнымъ министру финансовъ въ законѣ о нормированіи рабочаго времени на фабрикахъ и заводахъ правомъ распространять законныя нормы и на рабочихъ ремесленныхъ мастерскихъ, общество защиты дѣтей препроводило въ департаментъ торговли и мануфактуръ ходатайство о сокращеніи рабочаго времени для малолѣтнихъ работниковъ ремесленныхъ заведеній. Не ограничиваясь этимъ ходатайствомъ, общество обратилось къ петербургскому градоначальнику съ просьбой о томъ, чтобы градоначальникомъ предписано было ремесленной управѣ установить надзоръ за продолжительностью рабочаго времени въ ремесленныхъ мастер-

скихъ. Оба эти ходатайства явились результатомъ обслѣдованія быта ремесленныхъ учениковъ, производившагося минувшимъ лѣтомъ участковыми попечителями общества защиты дѣтей. Обслѣдованіе показало, что дѣтямъ ремесленникамъ приходится работать не только не меньше, но даже больше, чѣмъ взрослымъ, и если недавно опубликованнымъ закономъ рабочее время взрослаго рабочаго ограничено $11^{1}/_{2}$ часами, то обычай, создавшійся среди ремесленниковъ, обратилъ во многихъ мастерскихъ почти въ норму 13, 14 и даже 15-часовую работу учениковъ.

Но не въ одномъ сокращеніи рабочаго дня нуждаются ремесленные ученики. Требуется радикальное измѣненіе всего ихъ положенія. На безотрадное и совершенно ненормальное положеніе учениковъ въ ремесленныхъ мастерскихъ давно указывается нашей прессой, какъ столичной, такъ и провинціальной. Ребенокъ, отдаваемый на выучку въ мастерскую, идетъ почти всегда на страданіе. Брань, брань на каждомъ шагу, безъ всякаго повода, пинки и побои по самому пустому поводу сыплются на несчастныхъ дѣтей. Всегда они голодныя, грязныя и въ лохмотьяхъ. Во все время ученья, то-есть въ теченіе пяти лѣтъ, ученики не видятъ передъ собою ничего хорошаго; нравственной грязи, пьянства, разврата видятъ много. Описывая положеніе ремесленныхъ учениковъ, газета *Жизнь и Искусство* справедливо замѣчаетъ, что, поступая въ мастерскую весьма часто невинными, тихими дѣтьми, они, прошедши «курсъ ученія» дѣлаются, уже въ юности пьяницами и дебоширами. Таковъ результатъ ученія:—мальчика выучили, кое-какъ, плохо ремеслу и за это убили въ немъ человѣческое достоинство. Для того, чтобы облегчить положеніе учениковъ въ мастерскихъ и поднять ихъ нравственный уровень, газета считаетъ необходимымъ введеніе законодательнымъ путемъ слѣдующихъ правилъ: 1) чтобы ученики, поступая въ мастерскую, отнюдь не исполняли работъ, не относящихся къ ремеслу, которому они должны обучаться; 2) воспрещеніе брани и побоевъ; 3) пища для учениковъ должна быть сытная и свѣжая; одежда и обувь цѣлая и крѣпкая и должна соотвѣтствовать временамъ года; помѣщаться ученики должны не въ мастерской, а въ особыхъ помѣщеніяхъ, теплыхъ, сухихъ и свѣтлыхъ; 4) продолжительность рабочаго дня должна быть сокращена сообразно возрасту; 5) въ воскресенье и праздничные дни мальчики-ученики должны отпускаться къ роднымъ, а не находиться въ мастерской для услугъ хозяину; 6) за исполненіемъ этихъ правилъ долженъ быть установленъ надлежащій контроль и нарушители ихъ, хозяева и подмастерья, должны подлежать отвѣтственности.

Выше мы сказали, что общество защиты дѣтей представило министру финансовъ ходатайство о сокращеніи рабочаго времени для учениковъ ремесленныхъ заведеній. Еще болѣе обращаетъ на себя вниманіе постановленіе симбирскаго окружнаго суда, коимъ онъ проситъ своего предсѣдателя войти съ представленіемъ къ министру юстиціи о необходимости измѣненія въ законодательномъ порядкѣ заключенія договоровъ объ отдачѣ дѣтей ремесленнымъ мастерамъ въ обученіе. Поводомъ къ такому постановленію

послужило,—какъ сообщаетъ *Самарская Газета*,—слѣдующее дѣло, разбиравшееся въ симбирскомъ судѣ. Въ Симбирскѣ содержитъ столярную мастерскую нѣкій Митрофанъ Петровъ, не имѣющій установленнаго свидѣтельства на званіе мастера. Петровъ взялъ къ себѣ въ обученіе троихъ мальчиковъ, съ родителями которыхъ заключилъ у нотаріуса нотаріальный договоръ, по которому дѣти оказались какъ бы закрѣпощенными Петрову, проданными ему на извѣстное число лѣтъ. Петровъ въ обращеніи съ дѣтьми оказался человѣкомъ грубымъ, жестокимъ, онъ билъ и колотилъ дѣтей походя, какъ говорится, когда и чѣмъ только попало; кромѣ того, онъ заставлялъ ихъ и дрова колоть, и воду носить, и кушанья готовить, словомъ—исполнять всѣ домашнія работы, такъ что собственно на обученіе ремеслу не оставалось ни минуты свободной. Била дѣтей и жена Петрова. Родители не могли избавить несчастныхъ отъ побой и истязаній Петрова,—въ рукахъ послѣдняго былъ нотаріальный договоръ извѣстнаго содержанія, нарушить который нельзя подъ угрозой неустойки. Они обратились, наконецъ, съ жалобой на Петрова въ ремесленную управу. Послѣдняя немедленно распорядилась отобрать учениковъ отъ Петрова, какъ лица, не имѣющаго свидѣтельства на званіе мастера, привлечь его къ законной отвѣтственности за безчеловѣчное обращеніе съ дѣтьми и понужденіе ихъ къ исполненію домашнихъ работъ и, кромѣ того, управа обратилась къ предсѣдателю окружнаго суда съ просьбою сдѣлать распоряженіе о запрещеніи нотаріусамъ совершать условія на пріемъ въ обученіе мастерами учениковъ безъ представленія извѣстныхъ документовъ. Симбирскій судъ не только исполнилъ просьбу ремесленной управы, но и обратился къ министру юстиціи съ ходатайствомъ объ измѣненіи въ законодальномъ порядкѣ договоровъ объ отдачѣ дѣтей ремесленнымъ мастерамъ въ обученіе.

Едва ли существуетъ у насъ государственное установленіе, относительно несостоятельности котораго сформировалось бы такое общее убѣжденіе, какъ относительно дѣйствующей системы взиманія податей. Всѣ согласны, что дѣйствующая система взяманія податей разорительна для народа и убыточна для казны; сознаніе это выработалось не вчера, не за послѣднее время, а существуетъ давно, не менѣе четверти вѣка, а тѣмъ не менѣе система эта продолжаетъ жить и угнетать народное хозяйство. Уже учрежденная правительствомъ въ 1873 году Валуевская коммиссія, въ докладѣ своемъ комитету министровъ заявляла, что она «обратила вниманіе на принятый способъ взысканія податей и недоимокъ, сопровождающійся большею частью продажею скота и инвентаря. Мѣра эта, примѣняемая безъ всякаго разбора, окончательно останавливаетъ производство и лишаетъ казну, ради исправно поступающаго единовременнаго платежа, плательщика въ будущемъ, не мало содѣйствуя упадку сельской производительности». Поэтому коммиссія полагала, что «реформа прямыхъ податей стоитъ въ числѣ самыхъ насущныхъ потребностей Россіи». Съ такимъ выводомъ коммиссіи вполнѣ согласился тогда и комитетъ министровъ; затѣмъ явилось нѣсколько

проектовъ измѣненія системы взиманія прямыхъ податей, но все дѣло ограничилось обмѣномъ вполнѣ согласныхъ взглядовъ и многотомными журналами, въ которыхъ занесены эти взгляды.

Нынѣшній министръ земледѣлія, на обязанности котораго лежитъ забота о поднятіи производительныхъ силъ сельскаго населенія, въ книгѣ своей *Неурожай и народное бѣдствіе*, ярко и подробно обрисовалъ угнетающій образъ дѣйствія на благосостояніе крестьянскаго населенія дѣйствующей системы взиманія податей. Авторъ названной книги, какъ и всѣ другіе изслѣдователи практикующихся у насъ способовъ взысканія податей, видитъ ихъ вредъ прежде всего въ томъ, что слишкомъ большая часть этихъ сборовъ пріурочена къ неудобному для земледѣльческаго населенія времени, именно къ осени. Въ губерніяхъ исключительно земледѣльческихъ осенью «выколачивается» отъ $^3/_4$ до $^4/_5$ всѣхъ платежей. Платежи эти здѣсь покрываются почти всецѣло путемъ продажи хлѣба,—продажи вынужденной, такъ какъ хлѣбъ вывозится на рынокъ въ самое неудобное для его продажи время, когда предложеніе превышаетъ спросъ, когда невольною нуждою крестьянина въ деньгахъ пользуются разные спекуляторы, когда эти вынужденныя одновременныя продажи роняютъ на рынкѣ и безъ того низкія цѣны продуктовъ земледѣлія. Вотъ почему,—продолжаетъ г. министръ земледѣлія,—даже и въ годы самаго высокаго, можно сказать, баснословнаго урожая, населеніе это не было въ состояніи поправить свое благосостояніе, потому что эти годы все унесли на покрытіе старыхъ долговъ и ничего не оставили для будущаго времени. Вся тяжесть взиманія податей здѣсь ложится на хлѣбъ, а хлѣба или мало и тогда накопляются недоимки, или много, но онъ такъ дешевъ, что даже за продажею его не всегда удается крестьянину выполнить свои обязательства передъ казной». Такая разорительная для рядового земледѣльца система взиманія податей усугубляетъ свое вредоносное дѣйствіе еще тѣмъ, что сборъ податей отданъ всецѣло въ руки мѣстной полиціи, тогда какъ органы министерства финансовъ, податные инспектора отъ этого дѣла вполнѣ устранены. При такихъ условіяхъ,—утверждаетъ г. министръ земледѣлія,—«является почти полная безконтрольность въ дѣйствіяхъ мѣстной полиціи, которая, въ особенности въ лицахъ своихъ низшихъ органовъ, стремится осязательно высказать передъ начальствомъ свое усердіе именно исправнымъ взысканіемъ податей, нерѣдко даже въ ущербъ всѣмъ прочимъ, чисто-полицейскимъ своимъ обязанностямъ и при этомъ, пользуясь полною безконтрольностью своихъ дѣйствій, нерѣдко далеко выходитъ за предѣлы указанныхъ закономъ порядковъ такого взысканія». Законъ, напримѣръ, обставляетъ принудительное взысканіе податей извѣстными ограниченіями, направленными къ недопущенію полнаго разоренія земледѣльца, но ограниченія эти слишкомъ часто не соблюдаются. Законъ не допускаетъ продажи крестьянской избы, надѣла, лошади и всего того, что считается неотъемлемою принадлежностью крестьянскаго хозяйства. Между тѣмъ надѣлы отбираются у неисправныхъ плательщиковъ и сдаются въ постороннія руки, скотъ про-

дается массами — и все это разрушаетъ самостоятельное крестьянское хозяйство и плодитъ безземельныхъ и безлошадныхъ крестьянъ. Послѣдніе суть кандидаты въ безземельные. Такъ растетъ сельскій пролетаріатъ. Слѣдовательно, существующая система взысканія податей и чрезмѣрная ретивость полиціи при взысканіи ихъ идутъ въ разрѣзъ съ интересами даже самой казны, такъ какъ истощаютъ платежныя силы населенія и, создавая сельскій пролетаріатъ, уменьшаютъ относительное число плательщиковъ.

Продажею скота и разнаго другого инвентаря крестьянъ при взысканіи съ нихъ податей и недоимокъ дѣло не ограничивается; понуждаемые начальствомъ низшіе полицейскіе органы прибѣгаютъ нерѣдко и къ насиліямъ. Вотъ свѣжій фактъ изъ этой печальной области, разбиравшійся недавно въ казанскомъ окружномъ судѣ и напечатанный въ газетѣ *Казанскій Телеграфъ*. Староста села Абызова Андреевъ и сборщикъ податей Ивановъ привлечены были къ суду по обвиненію ихъ въ причиненіи насилія неаккуратнымъ плательщикамъ податей. Произведя взысканіе податей въ своемъ селеніи, Андреевъ и Ивановъ собрали всѣхъ неаккуратныхъ плательщиковъ передъ въѣзжей избой и стали вызывать каждаго изъ нихъ въ отдѣльности къ себѣ.

— Уплатишь?...— лаконически спрашивали они явившагося и, по выслушаніи отрицательнаго отвѣта со стороны недоимщика, схватывали его за бороду или за волосы и бросали на полъ.

Когда недоимщикъ пытался что-либо говорить по поводу производимаго надъ нимъ насилія, ретивые взыскатели недоимокъ, со словами: «а, тебѣ еще мало!» толкали неисправнаго плательщика ногами, били кулаками и т. п. Хотя эти насильственныя дѣйствія и не улучшили тугое поступленіе недоимокъ съ населенія с. Абызова, но описанному выше насилію было подвергнуто болѣе 20-ти абызовскихъ домохозяевъ, которые, перенося безропотно незаконное насиліе надъ собою, довели, однако, объ этомъ до свѣдѣнія губернскаго правленія. Такъ какъ произведенное затѣмъ по поводу жалобы потерпѣвшихъ разслѣдованіе подтвердило указанные въ жалобѣ факты, то противъ Андреева и Иванова было возбуждено настоящее дѣло. Не отрицая причиненія насилія абызовскимъ недоимщикамъ, они оправдывались тѣмъ, что имѣли *строгое предписаніе отъ начальства* взыскать какъ можно больше недоимокъ.

— Но били вы ихъ зачѣмъ? — спрашивали ретивыхъ взыскателей.

— А что же съ ними дѣлать, когда они не платятъ?... — отвѣчали Андреевъ и Ивановъ.

Окружный судъ приговорилъ обоихъ обвиняемыхъ къ аресту при полиціи на пять дней каждаго.

Система взиманія податей требуетъ реформы тѣмъ болѣе, что самые размѣры крестьянскихъ податей громадны. Нижегородской казенной палатой произведено изслѣдованіе объ экономическомъ положеніи крестьянскаго населенія губерніи. Матеріаломъ для этого изслѣдованія послужили различныя данныя, имѣвшіяся у податныхъ инспекторовъ, земствъ и т. п.

Это изслѣдованіе между прочимъ заключаетъ въ себѣ данныя о доходахъ крестьянъ и взимаемыхъ съ нихъ окладныхъ сборовъ. Изъ сообщенія *Волгаря,* откуда мы заимствуемъ это извѣстіе, видно, что общій бюджетъ крестьянскаго населенія, слагающійся изъ доходовъ какъ съ землепользованія, такъ и отъ внѣ-земледѣльческихъ промысловъ, выражается въ суммѣ 6.779,000 рублей. Изъ этой суммы уплачивается сборовъ казенныхъ, земскихъ, мірскихъ и страховыхъ 4.670,000 рублей. Такимъ образомъ, обязательные платежи поглощаютъ двѣ трети крестьянскаго бюджета. Какъ почувствовали бы себя и что сказали бы прочіе классы населенія Россіи, еслибъ имъ пришлось платить съ ихъ доходовъ 70% налоговъ!

Дѣйствующая у насъ финансовая система оставляетъ такъ мало средствъ крестьянскому населенію, что всякое, даже самое незначительное требованіе съ него платы за пользованіе благами культуры заставляетъ народъ отказываться отъ этихъ благъ. Уржумское земство съ цѣлью увеличить свои денежныя средства ввело пятачковый сборъ за рецепты. Результатомъ этого было сильное уменьшеніе числа обращеній къ врачебной помощи. До введенія пятачковъ число приходящихъ больныхъ здѣсь, по сообщенію *Вятскаго Края,* выражалось: въ 1887 г.—76 т., въ 1888 г.—94,8 т., въ 1889 г.—99,6 т. чел.; съ 1890 г. вводятся пятачки и число приходящихъ больныхъ сразу убавилось болѣе чѣмъ на половину и было 45,250 ч.; даже въ холерный 1892 годъ число лицъ обратившихся къ врачебной помощи не превысило цифры 55 тысячъ. Опытъ введенія пятачковъ въ 1890 г. пробовало сдѣлать и сарапульское земство, но, получивъ подобные уржумскимъ результаты, оно на другой же годъ, по предложенію управы, отмѣнило этотъ неправильный налогъ. Такой налогъ, какъ вѣрно замѣчаетъ названная газета, не только несправедливъ, но и вреденъ. При несвоевременномъ обращеніи къ врачамъ за совѣтомъ, при запущеніи болѣзни является больше шансовъ къ распространенію эпидемій. Между тѣмъ одна изъ важнѣйшихъ задачъ земства заключается въ улучшеніи условій народнаго здравія.

Мы обращаемъ особенное вниманіе земскихъ дѣятелей на результаты сдѣланныхъ опытовъ введенія платы за лѣченіе. Ради улучшенія земскихъ финансовъ, предложенія установить сборъ съ больныхъ, обращающихся къ врачамъ, возникаютъ то въ томъ, то въ другомъ земскомъ собраніи. Опытъ уржумскаго и саратовскаго земствъ, очевидно, свидѣтельствуетъ, что подобныя предложенія идутъ въ разрѣзъ съ задачами земства.

И. Иванюковъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ далъ въ делегаціяхъ интересныя объясненія. Графъ Голуховскій заявилъ, что между габсбургскою монархіей и нашимъ отечествомъ существуетъ точное соглашеніе по восточному вопросу, что обѣ державы отказываются отъ всякихъ завоевательныхъ плановъ на Балканскомъ полуостровѣ и отъ стремленія пріобрѣсти исключительное вліяніе на какое-либо изъ государствъ полуострова. Это ясное утвержденіе звучитъ въ высшей степени успокоительно для европейскаго мира. Быть можетъ такая политика объясняется преимущественно тяжелымъ внутреннимъ положеніемъ Австро-Венгріи, и тогда придется признать, что иногда зло сопровождается и добромъ.

Указавши на то, что усиліями европейскаго концерта локализирована и прекращена война между Турціей и Греціей, графъ Голуховскій склоненъ приписывать львиную долю этой заслуги австро-венгерскому правительству. Мы думаемъ, что въ данномъ случаѣ болѣе значительную роль сыграла Россія, но не можемъ признать результаты миролюбивыхъ усилій великихъ державъ достаточно удовлетворительными. Критъ по-прежнему находится въ состояніи анархіи и участницы концерта никакъ не могутъ сговориться, кого назначить генералъ-губернаторомъ этого несчастливаго острова.

Австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ своихъ объясненіяхъ передъ делегаціями подымается въ болѣе высокую сферу: онъ не только даетъ отчетъ въ современномъ состояніи международныхъ отношеній, но и дѣлаетъ попытку охарактеризовать современный историческій моментъ и указать на ближайшее будущее европейскаго человѣчества. Мы стоимъ, по мнѣнію графа Голуховскаго, на поворотномъ пунктѣ: XX-е столѣтіе будетъ эпохою борьбы на торгово-политической основѣ. Для того, чтобы народы могли успѣшно достигать благопріятныхъ условій существованія, долженъ быть обезпеченъ всеобщій миръ.

Рѣчь графа Голуховскаго была встрѣчена сочувственно и австро-нѣмецкими, и австро-славянскими, и мадьярскими газетами *). Делегаціи вы-

*) *Politik* признаетъ заслуживающимъ наибольшаго вниманія то мѣсто въ рѣчи, въ которомъ говорится о дружественныхъ отношеніяхъ къ Россіи.

разили министру единодушное одобреніе. Но, на нашъ взглядъ, рѣчь грѣшитъ односторонностью и оптимизмомъ: XX вѣку перейдутъ въ наслѣдство и эльзасъ-лотарингскій, и балканскій, и многіе тяжелые «вопросы», удовлетворительнаго отвѣта на которые не могло дать истекающее столѣтіе. Особенно острую форму національная борьба приняла къ концу нашего вѣка именно въ Австро-Венгріи. Безобразныя сцены въ парламентѣ, которыми опозорили себя австрійскіе нѣмцы, въ связи съ агитаціей внѣ рейхсрата, повели къ уличнымъ демонстраціямъ въ Вѣнѣ и къ серьезнымъ столкновеніямъ съ полиціей и войсками. Роковымъ эхомъ отозвались эти происшествія въ Прагѣ, гдѣ толпа нападала на нѣмецкіе и еврейскіе дома. Министерство графа Бадени вынуждено было подать въ отставку, къ величайшему ликованію нѣмцевъ. Новый кабинетъ, съ Гаучемъ во главѣ, пріостановилъ засѣданія парламента и началъ переговоры и съ нѣмецкою оппозиціей, и съ славяно-клерикальнымъ большинствомъ, но неудачно. И та, и другая сторона крѣпко стоятъ на своихъ требованіяхъ, и примирить желаніе нѣмцевъ господствовать съ стремленіемъ славянъ къ равноправности нѣтъ никакой возможности.

Экономическіе вопросы—это не подлежитъ сомнѣнію,—и торгово-политическія отношенія пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе въ международной жизни. Европейскія державы захватили въ свою власть или подчинили своему вліянію множество земель въ другихъ частяхъ свѣта, и этотъ процессъ все развивается. Графъ Голуховскій правъ, но бѣда въ томъ, что въ самой Европѣ нѣтъ достаточной солидарности между государствами и народами, а во многихъ случаяхъ дѣло доходитъ до непримиримой и злой ненависти. Борьба между нѣмцами и славянами въ Австро-Венгріи и положеніе христіанъ вообще и армянъ въ особенности въ Турецкой имперіи представляютъ такое грустное зрѣлище, за которое исторія произнесетъ, конечно, суровый приговоръ виновнымъ, но которое требуетъ прежде того настойчивыхъ усилій современниковъ для устраненія зла. Приходится признать, что грубое и упрямое національное высокомѣріе является еще очень крупнымъ историческимъ факторомъ даже у такого высококультурнаго племени, каково германское.

Итальянскія газеты, враждебныя тройственному союзу, указываютъ съ негодованіемъ на образъ дѣйствій австро-нѣмецкихъ централистовъ. Наполеонъ Колаянни говоритъ въ *Secolo* о разложеніи Австріи *). Печальныя сцены, которыя происходили въ итальянскомъ и французскомъ парламентахъ,—замѣчаетъ Колаянни,—давно уже возбуждали жестокія насмѣшки со стороны нѣмецкой печати, которая заявляла, что латинскія расы вырождаются, что онѣ становятся неспособными къ правильной парламентской жизни. Что же значатъ всѣ эти прискорбныя сцены съ тѣми вопіющими безобразіями, которыя систематически производились австро-нѣмецкими централистами? На сторонѣ австрійскихъ славянъ (и итальянцевъ)

---

*) *Il Secolo*, 16 novembre.

стоятъ и право, и справедливость, и свобода, и цивилизація,—пишетъ Колаянни,—и только федерализмъ будетъ разумнымъ исходомъ изъ нынѣшней расовой борьбы въ Австро-Венгріи.

Чехи рѣшили всѣми силами продолжать борьбу и союзъ ихъ съ поляками, повидимому, къ счастью для славянства, проченъ. Въ *Politik* появилось знаменательное воззваніе исполнительнаго комитета національной партіи (его подписалъ Ригеръ). Оно признаетъ всю серьезность историческаго момента и призываетъ къ мужественной защитѣ національныхъ правъ. «Мы опять находимся,—говоритъ воззваніе,—на поворотномъ пунктѣ двухъ эпохъ въ политическомъ развитіи нашей монархіи, и современный кризисъ служитъ новымъ доказательствомъ того, что честнаго желанія и неутомимаго стремленія представителей нашего народа еще недостаточно для достиженія желаемой цѣли, но, какъ и всегда, необходимо считаться съ особенными условіями монархіи и непредвидѣнными случайностями. Событія послѣднихъ дней, прежде всего, ясно доказали, что для такого сложнаго организма, какъ наша монархія, центральный парламентъ съ существующей организаціей и столь обширной компетенціей не можетъ дѣйствовать и потому расширеніе автономіи ландтаговъ, при одновременномъ расширеніи избирательнаго права въ нихъ, сдѣлалось настоятельной необходимостью. Въ такое серьезное время мы приглашаемъ нашихъ единомышленниковъ, отказавшись на минуту отъ особенныхъ оттѣнковъ въ собственной программѣ, содѣйствовать тому, чтобы всѣ чехи въ земляхъ нашей короны, любящіе свой народъ и свое отечество, сомкнулись въ одну несокрушимую фалангу и съ бодрой и мужественной рѣшимостью выжидали, что принесутъ намъ грядущіе дни. Мы надѣемся, что вопіющія къ небу насилія, учиненныя надъ нашимъ меньшинствомъ, побудятъ людей, обязанныхъ охранять здоровье и имущество гражданъ государства, какъ подобаетъ въ благоустроенномъ государствѣ, оказывать эту охрану; мы убѣждены, что наше меньшинство никоимъ образомъ не подаетъ повода къ нападкамъ на него, но въ то же время мы рѣшительно желаемъ, чтобы тамъ, гдѣ мы сами находимся въ большинствѣ, особенно въ нашей столицѣ Прагѣ, не раздражало и не оскорбляло нашего національнаго и патріотическаго чувства надменное меньшинство и чтобы опасныхъ вызововъ не допускали лица, обязанныя дѣлать это. Отъ своихъ правъ мы не отступимся ни подъ какимъ видомъ,—напротивъ, мы будемъ отстаивать ихъ съ чешскимъ упорствомъ и всякое нападеніе на нихъ будемъ отражать съ напряженіемъ всѣхъ силъ».

Крайняя національная партія въ Транслейтаніи постарается воспользоваться внутренними затрудненіями Цислейтаніи, пріостановившими правильный ходъ парламентской жизни, для того, чтобы добиваться полной государственной самостоятельности Венгріи, личной только уніи ея съ другою половиной имперіи. Но мадьярамъ грозитъ, быть можетъ въ меньшей степени, такая же опасность, какъ и австро-нѣмецкимъ централистамъ: среди славянъ и румынъ, живущихъ въ предѣлахъ Транслейтаніи, разви-

вается національное самосознаніе. Кроаты не удовлетворяются своею полуавтономіей, румыны стремятся къ равноправности и многіе изъ нихъ мечтаютъ о соединеніи съ румынами независимаго королевства. Правда, король Карлъ втянулъ Румынію въ сферу тройственнаго союза и отношенія между австро-венгерскимъ и румынскимъ правительствами самыя дружественныя. Но оффиціальныя старанія не въ состояніи заглушить національныхъ румынскихъ стремленій.

Венгерское правительство неустанно ведетъ борьбу съ румынскими газетами, въ последнее время настойчиво стремится къ замѣнѣ по всей странѣ румынскихъ и славянскихъ названій мадьярскими, и т. д.

Какъ сообщаетъ букарештскій корреспондентъ въ *Journal des Débats*, слѣдующій случай произвелъ сильное возбужденіе въ румынскомъ общественномъ мнѣніи *). Король Карлъ во время своего недавняго пребыванія въ Буда-Пештѣ пожаловалъ орденъ румынской короны начальнику бюро національностей въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (корреспондентъ французской газеты называетъ его Jeszenszki), на орденѣ девизъ: *Самими нами* (*Par nous-mêtes*). Этотъ чиновникъ былъ въ 1890—94 гг. прокуроромъ въ Клуѣ, въ Трансильваніи, и свирѣпствовалъ тамъ въ политическихъ процессахъ противъ румынскихъ націоналистовъ. Такимъ же духомъ проникнута и его послѣдующая административная дѣятельность. Негодованіе румынскаго общественнаго мнѣнія раздѣляютъ, конечно, трансильванскіе румыны.

Такъ какъ мы заговорили о Румыніи, то упомянемъ о томъ, что военное министерство внесло проектъ значительнаго увеличенія арміи. Иностранцы освобождаются, конечно, отъ воинской повинности, но въ Румыніи по закону считаются иностранцами и евреи, живущіе въ странѣ длинный рядъ поколѣній и не пользующіеся въ ней равноправностью. Со всѣхъ лицъ, имѣющихъ пребываніе въ Румыніи и не отбывающихъ воинской повинности въ другомъ государствѣ, предполагается, взамѣнъ воинской повинности, взимать налогъ (прогрессивный, съ дохода, до пятидесятилѣтняго возраста). Румынскіе евреи имѣютъ въ виду энергично протестовать противъ исключенія ихъ изъ воинской службы и добиваться вообще установленія равноправности съ румынами. Ихъ стремленія признаютъ вполнѣ справедливыми многіе члены палаты депутатовъ. Предполагаются въ этомъ смыслѣ митинги и петиціи въ парламентѣ **).

Читатели знаютъ изъ газетъ о дѣлѣ Дрейфуса-Эстергази. Оно сильно волновало и французскую печать, и парламентъ. Теперь наступило относительное успокоеніе: правительство Мелина обѣщало дать ходъ правосудію, не стѣсняя его партійными соображеніями. Результатовъ его ждать недолго. Замѣтимъ только, что отсутствіе гласности въ французскомъ во-

*) *Journal des Débats*, 19 novembre.
**) *Frankfurter Zeitung*, 14 november.

енномъ судопроизводствѣ, какъ это было въ дѣлѣ Дрейфуса, не можетъ не давать повода къ нападеніямъ и подозрѣніямъ. Невольно возникаетъ и такая мысль: военное (и даже организованное) шпіонство является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того страшнаго развитія милитаризма, отъ котораго тяжко страдаетъ современная Европа...

Кажется, что ничего болѣе утѣшительнаго современная Франція не представляетъ. Даже въ дѣлѣ народнаго образованія, для котораго такъ много сдѣлала третья республика, наступило затишье. Въ статьѣ, напечатанной въ этой книгѣ нашего журнала, читатели увидятъ однако, что частная иниціатива во Франціи развивается, что въ странѣ «великой рутины» и административной цивилизаціи усиливается мѣстная общественная самодѣятельность. Въ дополненіе къ свѣдѣніяхъ, сообщеннымъ въ названной статьѣ, приведемъ нѣсколько иныхъ данныхъ.

Издательская фирма Поль Дюпонъ (Paul Dupont) печатаетъ уже сорокъ одинъ годъ журналъ для учителей (*Jurnal des Instituteurs*). Въ немъ сосредоточиваются свѣдѣнія о начальныхъ училищахъ, о материнскихъ школахъ, объ общеобразовательныхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Журналъ печатаетъ много разнообразныхъ педагогическихъ статей. Къ нему прилагаются брошюры подъ общимъ заглавіемъ: *Современная школа*. Общественная роль учителя,—говорила газета *Justice*, — такъ благородна и такъ важна, что необходимо не жалѣть всевозможныхъ усилій, чтобы поддержать его въ трудномъ дѣлѣ. Во Франціи начинаютъ очень серьезно относиться и къ внѣшкольному или послѣшкольному образованію. Очень выдающуюся роль въ этомъ движеніи играетъ г. Эдуардъ Пти (Edouard Petit). По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, во Франціи происходило до 30,000 курсовъ, распредѣленіе которыхъ по департаментамъ становится все болѣе и болѣе пропорціональнымъ. Повсюду развивается любовь къ чтенію, число слушателей на курсахъ и бесѣдахъ постоянно увеличивается. Эдуардъ Пти требуетъ уничтоженія еще остающихся во Франціи формальностей для открытія разнообразныхъ курсовъ и чтеній и всевозможнаго содѣйствія учителямъ, которые ихъ устраиваютъ. Онъ не находитъ достаточно словъ въ похвалу самоотверженному и безкорыстному труду учителей, учительницъ и инспекторовъ народныхъ школъ, которые дѣйствуютъ неустанно и дружно. (Эти свѣдѣнія помѣщены въ докладѣ Эдуарда Пти министру народнаго просвѣщенія о курсахъ взрослыхъ и юношей въ 1896—97 учебномъ году).

Въ отчетномъ году во Франціи было 24,578 курсовъ при общественныхъ школахъ, около 5,000 организовано обществами для распространенія народнаго образованія, синдикатными палатами и т. д. Теперь дѣйствуютъ 110 обществъ (школьныхъ) взаимной помощи, 1,575 ассосіацій бывшихъ учениковъ и ученицъ. Попечительствъ по школьнымъ дѣламъ существуетъ 648, обществъ народнаго образованія—1,200, въ курсахъ и чтеніяхъ принимаютъ участіе 33,000 учителей и учительницъ. 417,421 молодыхъ людей прилежно посѣщали эти курсы.

Заговоривъ о народномъ образованіи во Франціи, мы съ особеннымъ

удовольствіемъ сообщимъ здѣсь читателямъ о выдающемся успѣхѣ нашего соотечественника, М. М. Ковалевскаго, который читаетъ теперь лекціи въ Парижѣ въ *Collège libre des Sciences Sociales*. Предметомъ чтенія служитъ Россія, соціальная и экономическая. *Міровые Отголоски* *) приводятъ объ этихъ лекціяхъ отзывъ извѣстнаго критика Сарсэ. «Онъ присутствовалъ на первой лекціи профессора Ковалевскаго и передаетъ свои впечатлѣнія въ послѣднемъ нумерѣ журнала *Les Annales politiques et littéraires*, причемъ приходитъ прежде всего въ удивленіе по поводу безкорыстія нашего соотечественника, который безъ всякаго вознагражденія, изъ одной лишь любви къ наукѣ, взялъ на себя трудъ чтенія лекцій.

«Аудиторія,—пишетъ Сарсэ,—была биткомъ набита; много молодыхъ женщинъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ слушали краснорѣчиваго лектора и записывали въ тетрадяхъ выдающіяся мѣста.

«Я былъ изумленъ. Мнѣ показалось вдругъ, что какая-то таинственная сила перенесла меня далеко, далеко отъ парижскаго шума, въ какую-то уединенную пустыню.

«Слушатели буквально упивались словами лектора («on la buvait»), а по окончаніи лекціи многіе изъ нихъ приблизились къ оратору и попросили дать имъ нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній. Я вышелъ изъ аудиторіи положительно восхищенный всѣмъ тѣмъ, что видѣлъ и что слышалъ».

Германскій императоръ лично, при торжественной обстановкѣ, которую онъ очень любитъ, открылъ новую сессію рейхстага. Вильгельмъ II обратился къ парламенту въ весьма почтительныхъ выраженіямъ и выразилъ надежду, что народные представители окажутъ ему содѣйствіе въ планахъ, имѣющихъ цѣлью величіе Германіи. Къ сожалѣнію, величіе это понимается нынѣ царствующимъ императоромъ почти исключительно въ военномъ смыслѣ. Какъ извѣстно читателямъ, онъ отличается особымъ пристрастіемъ къ флоту и желаетъ сдѣлать Германію первоклассною морскою державой. Когда пишутся эти строки, въ парламентѣ происходятъ пренія *о морскомъ септенатѣ*, правительство требуетъ утвержденія плана усиленія флота, планъ разсчитанъ на семь лѣтъ и на осуществленіе его понадобятся громадныя деньги (до 165 милліоновъ марокъ). Исходъ преній, несмотря на угрозу распущенія парламента, былъ бы несомнѣнно отрицательный для правительства, еслибъ можно было полагаться на католическій центръ. Но такое предположеніе было бы неосторожно: если центру удастся достигнуть отъ правительства уступокъ въ клерикальномъ смыслѣ (напримѣръ, возвращенія іезуитовъ), то онъ въ послѣдній часъ можетъ предать своихъ свободомыслящихъ союзниковъ.

А покуда германское правительство пользуется своимъ военнымъ флотомъ и для того, чтобы вытребовать вознагражденіе отъ Гаити за неправильный арестъ германскаго подданнаго, и для того, чтобы, въ отмщеніе

*) *Міровые Отголоски*, 27 ноября.

за избіеніе нѣмецкихъ католическихъ миссіонеровъ, завладѣтъ однимъ изъ китайскихъ портовъ. Нужно замѣтить, что миссіонеры водворились близко отъ одного изъ наиболѣе фанатическихъ городовъ Китая, въ Іентшу, гдѣ находится гробница Конфуція. Въ подкрѣпленіе нѣмецкимъ силамъ на дальнемъ Востокѣ выслана эскадра подъ командою брата императора, принца Генриха.

Если Германія не очиститъ занятаго ею порта, то могутъ возникнуть международныя осложненія, потому что ни для Россіи и Франціи, ни для Японіи и Соединенныхъ Штатовъ не можетъ доставить удовольствія утвержденіе нѣмцевъ на китайскомъ побережьѣ. Еще менѣе благосклонно можетъ отнестись къ этому Англія, съ торговлею которой Германія вступаетъ во все болѣе и болѣе опасное соперничество.

Возстаніе въ Индіи далеко еще не подавлено англичанами, хотя они стянули къ пограничнымъ областямъ значительныя военныя силы. Читатели знаютъ наше мнѣніе объ англійскомъ владычествѣ въ Индіи. Даже одинъ изъ самыхъ глубомысленныхъ у насъ враговъ Великобританіи, газета *Гражданинъ*, не можетъ не признать благородныхъ цивилизаторскихъ стремленій англичанъ на полуостровѣ. Такъ, указывая на отвратительный варварскій предразсудокъ, по которому индусы убиваютъ новорожденныхъ дѣвочекъ, *Гражданинъ* говоритъ: «Англійское правительство въ теченіе цѣлаго столѣтія испробовало всевозможныя средства для искорененія этого зла. Оно учредило строгій полицейскій надзоръ во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ число дѣвочекъ составляло не болѣе 40 на сто мальчиковъ, но всѣ эти мѣры имѣли мало успѣха. Туземные полицейскіе чиновники и надзиратели по большей части одобряли избіеніе дѣвочекъ, считая это добрымъ старымъ обычаемъ. *Calcutta Review* по этому поводу сообщаетъ очень поучительный разсказъ. Полицейскій чиновникъ, на обязанности котораго лежало также наблюденіе за однимъ участкомъ, гдѣ часто бывали случаи убіенія дѣвочекъ, на вопросъ пріятеля, велика ли его семья, отвѣтилъ: «Да, у меня, къ несчастію, родились двѣ дочери, но я отъ нихъ отдѣлался, да благословитъ меня богъ теперь сыномъ». Комиссаръ Юллунджара объявляетъ, что, несмотря на введеніе спеціальнаго закона, воспрещающаго убіеніе дѣвочекъ, зло это и теперь все еще почти такъ же распространено, какъ и прежде. Новорожденныхъ дѣвочекъ лишаютъ жизни посредствомъ удушенія, опія или капли молочнаго сока Asclepias gigantea. Кто, вслѣдствіе введеннаго теперь наблюденія, опасается прибѣгнуть къ одному изъ означенныхъ средствъ, тотъ добивается смерти ребенка тѣмъ, что совсѣмъ не заботится о немъ».

По оффиціальнымъ англійскимъ даннымъ только въ Котшѣ и Гуджератѣ убивается ежегодно до 30,000 дѣвочекъ *).

---

*) Ср. о положеніи индійской женщины статью въ октябрьской книжкѣ *Русской Мысли*.

Англіи приходится напрягать свои военныя силы и въ Индіи, и въ верхнемъ Египтѣ, и на Нигерѣ. Ея положеніе затрудняется тѣмъ, что британскій народъ не желаетъ общей обязательной воинской повинности. Нельзя не подивиться энергіи новаго Карѳагена, противъ котораго не находится новаго Рима. Читатель при этомъ, разумѣется, не заподозритъ насъ въ сочувствіи шовинизму и имперіализму, которымъ такъ много послужилъ Дизраели-Биконсфильдъ, а теперь служитъ Чемберленъ.

Обсуждая ростъ британскаго шовинизма и милитаризма, *Revue Politique et Parlementaire* указываетъ на то, что бывшій радикалъ и республиканецъ, Чемберленъ, возбуждаетъ энтузіазмъ даже среди университетской молодежи, даже въ Глазго, взывая къ міродержавному патріотизму (*Revue Pol. et Parl.* замѣчаетъ при этомъ случаѣ, что надо вспомнить старую поговорку: «le patriotisme est la dernière ressource, le dernier metier d'un coquin») *). Способный и смѣлый, Чемберленъ является самымъ типическимъ представителемъ современной капиталистической англійской буржуазіи. *Revue* замѣчаетъ, что вмѣшательство Чемберлена, его стремленія обезпечить за Англіей господствующее положеніе во всѣхъ частяхъ свѣта являются серьезною помѣхой дружественнымъ отношеніямъ между Франціей и Великобританіей.

Авторъ статьи въ *Revue Pol. et Parl.*, о которой мы говоримъ (*La politique extérieure du mois*), де-Прессансэ, рѣшительно возстаетъ противъ враждебнаго отношенія къ Англіи, которое могло бы послужить на пользу Россіи или Германіи, но отнюдь не Франціи. Мы къ этому можемъ прибавить то, что уже много разъ высказывали: было бы великимъ благодѣяніемъ для міра, еслибъ Франція, сблизившаяся съ нашимъ отечествомъ, помогла дружественному соглашенію и Россіи съ Великобританіей.

В. Г.

---

*) „Патріотизмъ — послѣднее средство, послѣднее ремесло мошенника" (*Revue Pol. et Parl.* 10 novembre).

Нѣсколько словъ «Смоленскому Вѣстнику».

Мнѣ доставили №№ *Смоленскаго Вѣстника*, въ которыхъ напечатаны грубыя нападенія на правленіе Московскаго Общества грамотности, въ особенности на меня, какъ на одного изъ его членовъ. Личными нападками я могу спокойно пренебречь, но опровергнуть обвиненіе противъ правленія Общества считаю своею обязанностью.

Смоленскій Вѣстникъ въ статьѣ, озаглавленной *По адресу правленія московскаго общества грамотности,* утверждаетъ, что правленіе этого Общества «*неоднократно* жаловалось на прессу и хлопотало о репрессивныхъ мѣрахъ по отношенію гласности».

Съ разрѣшенія правленія Общества грамотности, привожу *единственное* ходатайство правленія, которое касается обсужденія въ печати дѣйствій общества: «Правленіе Общества въ засѣданіи своемъ 9 іюля сего года, выслушавъ послѣднее увѣдомленіе г. министра и признавая, что приведенное распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ можетъ повести къ нежелательному стѣсненію обсужденія дѣйствій Общества, что̀ въ свою очередь вызоветъ вредныя для дѣятельности Общества послѣдствія, постановило ходатайствовать передъ г. министромъ народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы періодическая печать не была стѣсняема въ обсужденіяхъ о дѣйствіяхъ Общества, тѣмъ болѣе, что и теперь, по изданіи этого распоряженія, среди Общества распространяется подозрѣніе, что дѣйствія московскаго Общества грамотности почему-то должны быть скрываемы; это предположеніе оскорбительно для Общества и крайне вредно для его дальнѣйшей дѣятельности».

Такимъ образомъ утвержденіе *Смоленскаго Вѣстника* есть постыдная ложь и клевета.

Газета говоритъ, что «на голову правленія падаетъ отвѣтственность за то, что самое Общество грамотности все болѣе и болѣе утрачиваетъ симпатіи лучшихъ и дѣйствительно полезныхъ людей». Эта лестная аттестація, которую выдаютъ себѣ «лучшіе и дѣйствительно полезные люди» изъ *Смол. Вѣстн.*, была бы, конечно, только забавна, еслибы провинціальный донъ Базиліо, злоупотребляя печатнымъ словомъ, не могъ вводить въ за-

блужденіе людей, съ дѣломъ не знакомыхъ. Посмотримъ, кто составляетъ въ Обществѣ грамотности *незначительную кучку либераловъ*, по терминологіи *Смол. Вѣстн.*

Членами правленія состоятъ: Н. Н. Хмѣлевъ (товарищъ предсѣдателя), членъ московской губернской земской управы, С. Г. Смирновъ, В. П. Вахтеровъ, профессора А. И. Кирпичниковъ и М С. Корелинъ, Л. Л. Любенковъ, московскій мировой судья. Всѣ почетные члены бывшаго комитета грамотности пожелали остаться таковыми въ Обществѣ грамотности (П. М. Преображенскій, А. И. Чупровъ, Д. В. Григоровичъ, Х. Д. Алчевская). Въ числѣ пожизненныхъ членовъ Общества находятся: редакторъ-издатель *Русскихъ Вѣдомостей* В. М. Соболевскій, редакторъ *Дѣтскаго Чтенія* и *Педагогическаго Листка* Д. И. Тихомировъ, редакторъ - издатель *Русской Мысли* В. М. Лавровъ, профессора И. М. Сѣченовъ, Н. И. Стороженко, В. О. Ключевскій, графъ Л. А. Камаровскій, П. Г. Виноградовъ и т. д.

Всѣхъ членовъ было къ 15 января нынѣшняго года 220, изъ нихъ 14 ушли вслѣдствіе того, что большинство отклонило ходатайство о немедленномъ измѣненіи новаго устава. Въ теченіе года вновь поступило 41 членъ, среди которыхъ мы можемъ отмѣтить профессора А. А. Остроумова, орловскаго губернскаго предводителя дворянства М. А. Стаховича, инспектора Екатерининскаго института В. А. Вагнера и др.

По предложенію правленія, для членовъ-сотрудниковъ, пріемъ которыхъ производится безъ какихъ-либо вѣроисповѣдныхъ ограниченій, установленъ ежегодный взносъ только въ полтинникъ. Теперь членовъ - сотрудниковъ поступило уже 32.

«Кучка» недурная, и едва ли кто - либо изъ нея захочетъ перейти въ кучу *Смол. Вѣстн.*

Можетъ приводить въ недоумѣніе вопросъ, почему такая злоба противъ Московскаго Общества грамотности сосредоточилась именно въ *Смоленскомъ Вѣстникѣ?* Недоумѣніе усиливается слѣдующимъ обстоятельствомъ. На листахъ *Смоленскаго Вѣстника* красуется подпись: *Редакторъ В. В. Гулевичъ*. Дѣлаемъ справку: 26 апрѣля 1897 г. въ иногородніе дѣйствительные члены Общества поступилъ... г. В. В. Гулевичъ. Стоило ли поступать въ Общество, чтобы клеветать на него?

В. Гольцевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Женскій медицинскій институтъ. — Женскіе фармацевтическіе курсы. — Новая мѣра по народному образованію.—Продовольственный вопросъ.—Отголоски юбилея Н. Н. Златовратскаго.—Студенческія общежитія въ Москвѣ.

Телеграфъ принесъ слѣдующее извѣстіе: по Высочайшему повелѣнію ассигновано сто тысячъ рублей изъ суммъ государственнаго казначейства на окончаніе постройки зданій для женскаго медицинскаго института. Такимъ образомъ Императоръ Николай II возстановилъ и упрочилъ у насъ высшее женское медицинское образованіе. Съ искреннимъ утѣшеніемъ мы должны отмѣтить, что въ этомъ отношеніи благія стремленія правительства слились съ долгими и энергическими усиліями образованнаго русскаго общества, которое съ такою любовью отстаивало необходимость открыть женщинѣ дорогу къ врачебной дѣятельности.

Теперь постройка зданій петербургскаго женскаго медицинскаго института обезпечена. Но нужды этого учрежденія еще далеко не удовлетворены и было бы прискорбно, еслибъ оскудѣлъ притокъ пожертвованій на пользу женскаго медицинскаго образованія въ Россіи.

Директоръ института, профессоръ Анрепъ, въ благодарственномъ письмѣ, адресованномъ устроителямъ въ пользу института спектакля въ Тарѣ, говоритъ слѣдующее: «Отъ правительства институтъ не получаетъ ни одной копейки, а нужды у насъ большія и, конечно, съ каждымъ годомъ будутъ появляться все новыя потребности. Таково ужъ свойство медицинскихъ факультетовъ. Постоянно нарастаютъ потребности въ новыхъ приборахъ, пособіяхъ, а часто и въ новыхъ каѳедрахъ, оставаться же безъ движенія—значитъ идти назадъ. Если къ этому прибавить, что нашъ институтъ почти не имѣетъ стипендій, что лишь очень немногія земства прислали своихъ стипендіатокъ, а нуждающихся слушательницъ уже въ этомъ полугодіи много, то является еще одна потребность и, притомъ, неотложная—нужно располагать извѣстною суммой на пособія. Существуетъ общество для усиленія средствъ института, но общество это только что образовалось и всѣ свои деньги затрачиваетъ на постройку дома общежитія, который обойдется около 200 т. руб. (на 100 человѣкъ), а денегъ въ

настоящее время имѣется всего не болѣе 70 тыс. Общежитіе окажетъ, конечно, большую пользу, но не для нуждающихся, а для болѣе или менѣе обезпеченныхъ, такъ какъ жизнь въ немъ не можетъ обойтись дешевле, чѣмъ на частныхъ квартирахъ. Такимъ образомъ, съ какого конца ни начать, вездѣ нужна дружная помощь; много еще лѣтъ пройдетъ, пока институтъ станетъ прочно на ноги и перестанетъ бояться завтрашняго дня. Теперь же приходится жить изо дня въ день, то радоваться, то падать духомъ, но твердой увѣренности на хорошее будущее я ни на минуту не теряю, такъ какъ знаю, что въ Россіи хорошее дѣло не можетъ погибнуть, всегда найдутся добрые люди и помогутъ, нужно только почаще напоминать. Я твердо увѣренъ, что еслибъ нашлось сотни двѣ людей, которые, каждый на своемъ мѣстѣ, пожелали бы сдѣлать что-нибудь на пользу института, то даже при небольшой затратѣ силъ и времени имъ удалось бы заинтересовать тысячи и нужная помощь явилась бы. Крупныя пожертвованія—дѣло счастья, а счастье, вообще, рѣдко, маленькія же, но многочисленныя пожертвованія всегда, при желаніи и нѣкоторомъ умѣньи, собрать можно, но, конечно, одному это не подъ силу, нужны дружныя усилія многихъ».

Въ Москвѣ организовалось отдѣленіе общества для доставленія средствъ на единственное покуда у насъ высшее женское учебное заведеніе *). Отъ души желая ему полнаго успѣха, обращаемъ вниманіе читателей на новое общественное предпріятіе. До настоящаго времени женщины допускались для фармацевтическихъ занятій только въ аптекахъ. Для полученія степени аптекарскаго помощника, послѣ трехлѣтнихъ практическихъ упражненій онѣ должны держать экзаменъ въ университетѣ. Дальше женщины двигаться не могли: чтобы держать экзаменъ на званіе провизора, необходимо прослушать предварительно два курса на медицинскомъ факультетѣ, куда женщины не допускаются. Годъ тому назадъ профессоръ В. С. Богословскій предложилъ обществу русскихъ врачей открыть для женщинъ фармацевтическіе курсы. Спеціальная коммиссія разсмотрѣла это предложеніе и вопросъ о курсахъ въ принципѣ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Теперь будутъ вырабатываться подробности новаго учрежденія, которому общество врачей даетъ помѣщеніе. Есть надежда, что женскіе фармацевтическіе курсы откроются съ сентября будущаго года.

Въ началѣ декабря въ *Собраніи Узаконеній* опубликовано Высочайше утвержденное 26 марта истекающаго года Положеніе о стипендіяхъ военнаго министерства въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи. Въ видахъ предоставленія классньмъ чинамъ военнаго вѣдомства недостаточнаго состоянія большей возможности къ образованію дочерей учреждаются 391 стипендіи военнаго министерства въ институтахъ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи. Эта мѣра выведетъ изъ безвыходнаго положенія много семей, не имѣющихъ возмож-

---

*) Пожертвованія могутъ быть высылаемы черезъ редакцію *Русской Мысли*.

ности дать удовлетворительное образованіе своимъ дѣтямъ. Государь Императоръ много разъ выражалъ удовольствіе по поводу успѣховъ начальнаго народнаго образованія, на которое, къ сожалѣнію, государство до сихъ поръ давало такъ мало денегъ. Какъ сообщаютъ *Петербургскія Вѣдомости*, «помощникъ управляющаго дѣлами комитета министровъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что въ означенный комитетъ внесенъ, по Высочайшему повелѣнію, всеподданнѣйшій отчетъ г. харьковскаго губернатора за 1895 г. о состояніи Харьковской губерніи. Въ отчетѣ этомъ, гдѣ говорится, что успѣхи народнаго образованія въ отчетномъ году обнаруживаются какъ въ умноженіи учебныхъ заведеній (на 154), обучающихся (на 13,500 чел.) и общаго расхода на просвѣщеніе (на 250,000 р.), такъ и въ организаціи учрежденій, имѣющихъ задачею укрѣплять пріобрѣтенную въ школѣ грамоту, для чего въ 1895 г. открыто 20 безплатныхъ читаленъ, послѣдовала Высочайшая Его Величества отмѣтка: «*Утѣшительно*», причемъ слова: «*укрѣплять пріобрѣтенную въ школѣ грамоту*» — *подчеркнуты Собственною Его Величества рукою*» *).

Соображая отношеніе къ просвѣщенію высшаго правительства и то сильное общественное движеніе, которое старается внести свѣтъ въ темныя массы, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что говорилъ М. М. Стасюлевичъ въ отвѣтъ на юбилейныя поздравленія: «*народное просвѣщеніе*, этотъ единственно-солидный устой *образованности* въ каждой странѣ, дождался своей очереди и даже, какъ будто, тѣснится на ближайшую очередь, находясь у всѣхъ не только на языкѣ, но у весьма многихъ и на умѣ» **).

Оффиціальныя свѣдѣнія констатировали сильный недородъ хлѣба, яровыхъ, картофеля и кормовыхъ средствъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи. Хоть недородъ и не достигаетъ въ общемъ размѣровъ печальной памяти 1891 года, но во всякомъ случаѣ онъ требуетъ самыхъ заботливыхъ мѣръ со стороны правительства и земства. Переживемъ этотъ неурожай и будемъ дожидаться слѣдующаго. Но прискорбно было бы время ожиданія стихійнаго бѣдствія проводить въ стихійномъ бездѣйствіи. Намъ кажется, что министерство земледѣлія могло бы уже выступить съ большимъ починомъ въ длинномъ рядѣ сельско-хозяйственныхъ улучшеній и при содѣйствіи земства поднять нашу сельско-хозяйственную культуру. Какъ только въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества земледѣльческое населеніе увеличивается настолько, что при трехпольномъ хозяйствѣ не можетъ прокормиться,—оно вынуждено «брести розно», переселяться.

Охранительная печать даже неурожаемъ пользуется для того, чтобы взводить обвиненія на земство, которое будто раздуваетъ размѣры недорода и обращается къ государству съ крайне преувеличенными просьбами о ссудахъ и пособіяхъ. *Вѣстникъ Европы* ***) справедливо замѣчаетъ, что

*) *Петербургскія Вѣдомости*, № 308.

**) *Вѣстникъ Европы*, декабрь.

***) *Вѣстникъ Европы*, декабрь, *Внутреннее обозрѣніе*.

опытъ 1891 года доказалъ, что земскія свѣдѣнія были основательными, предположенія земствъ вполнѣ соотвѣтствующими дѣйствительнымъ условіямъ, въ которыхъ находилось населеніе. Естественно, что теперь разсчеты земства могутъ быть только точнѣе и правительство вполнѣ можетъ положиться на нихъ.

Неурожай оживилъ вопросъ о пересмотрѣ продовольственнаго устава. Онъ попутно задѣваетъ и вопросъ о томъ покровительствѣ, которымъ пользуется крупная фабрично-заводская промышленность въ ущербъ земледѣлію. Читатели обратили, вѣроятно, вниманіе на характерный фактъ, свидѣтельствующій о томъ, какіе аппетиты развиваются отечественнымъ протекціонизмомъ. Желѣзные заводы брали за пудъ рельсовъ по 1 р. 60 к. и по 1 р. 65 к. И рельсы, и подвижной составъ желѣзныя дороги должны были пріобрѣтать исключительно въ Россіи. Какъ только правительство дало заводчикамъ почувствовать, что не намѣрено допускать впредь такой эксплуатаціи, такъ цѣна понизилась до 1 р. 32 к. Но и эта цѣна не была утверждена. Тогда два завода предложили рельсы по 1 р. 10 к. и по 1 р. 18 к. за пудъ. *Недѣля* говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Стало быть одно появленіе призрака иностранной конкурренціи, даже со взятіемъ покровительственныхъ пошлинъ, привело къ сбавкѣ до 50 коп. на пудъ, т.-е. на 35%. Но и новая цѣна въ 1 р. 10 к., конечно, выгодна заводамъ, если они ее предлагаютъ, и явись на дѣлѣ хоть для примѣра заграничныя покупки,—сбавки пошли бы дальше. Разумѣется, эта цѣна оплачиваетъ и затраты, и достаточную прибыль предпринимателей. За что же прежде брали съ казны такъ немилосердно? Единственно за ея излишнее долготерпѣніе, за ея безоглядную снисходительность къ этимъ балованнымъ дѣтямъ—заводчикамъ. Что можетъ быть поучительнѣе такихъ примѣровъ въ области нашей экономической политики, и какою грубою фальсификаціей отзываются извѣстные возгласы о необходимости увеличенія покровительства и о невозможности безъ него развивать русскую промышленность!» *).

Въ этой же статьѣ, озаглавленной *Чрезмѣрное покровительство*, газета приводитъ такой краснорѣчивый фактъ: «Въ общемъ собраніи акціонеровъ *Южно-русскаго днѣпровскаго завода* заявлено, что въ послѣдній операціонный годъ на акціонерный капиталъ въ 5 милліоновъ получено чистаго дохода 4.214,146 рублей или 85%! Это значитъ въ одинъ годъ возвращенъ почти весь затраченный капиталъ, послѣ чего остается загребать крупныя суммы, приходящія даромъ».

Русская Мысль многократно указывала на вредъ покровительственныхъ и даже почти запретительныхъ таможенныхъ тарифовъ и на односторонній характеръ такого покровительства, которымъ не ограждаются интересы народнаго труда.

*) *Недѣля*, № 47.

Въ то время, когда наши народники въ *Отечественныхъ Запискахъ* *) и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ и въ отдѣльно выходившихъ книгахъ доказывали, что капитализмъ у насъ развиваться не можетъ, онъ уже сильно «работалъ». Теперь, кажется, этого не отрицаютъ и въ народническомъ лагерѣ. Дѣлаются попытки объяснить ростъ капитализма на русской почвѣ исключительно вліяніемъ покровительственной системы, но такое объясненіе явно не состоятельно. Нѣкоторые писатели высказываютъ даже прямо противоположное мнѣніе. «Промышленный капитализмъ,— говоритъ, напримѣръ, г. Слонимскій,—растетъ и крѣпнетъ у насъ не потому, что его искусственно насаждаетъ и поддерживаетъ ошибочная экономическая политика, онъ развивается, несмотря на эту политику, и развивался бы еще свободнѣе и шире, еслибъ его не вела на помочахъ односторонняя покровительственная система, поощряющая самодовольную рутину, неподвижность и стремленіе къ монополіямъ. Неправильная покровительственная система чрезмѣрно увеличиваетъ доходность капиталистическихъ предпріятій на счетъ населенія, но не создаетъ условій для развитія капитализма тамъ, гдѣ нѣтъ для него почвы **).

Мы не согласны съ оптимистическимъ утвержденіемъ г. Слонимскаго, что «промышленный капитализмъ самъ по себѣ нисколько не задѣваетъ интересовъ крестьянскаго землевладѣнія и скорѣе облегчаетъ, чѣмъ ухудшаетъ условія народнаго сельско-хозяйственнаго быта». Сравнительно болѣе выгодный заработокъ нерѣдко отрываетъ крестьянина отъ земледѣлія, а условія фабричной жизни зачастую развращаютъ его. Въ данную минуту мы на этомъ вопросѣ останавливаться не будемъ и только повторимъ, что народники наши ошибались, утверждая, что въ Россіи нѣтъ почвы для развитія капитализма. А напоминаемъ мы объ этомъ вотъ по какому поводу.

16 ноября въ Москвѣ чествовали тридцатилѣтіе литературной дѣятельности Н. Н. Златовратскаго. Чествованіе приняло очень широкіе размѣры. Адресы и привѣтствія въ большомъ числѣ присланы были со всѣхъ концовъ Россіи. На обѣдѣ въ честь юбиляра пришлось многимъ отказывать, потому что обширная зала была переполнена. Поздравить и сердечно поблагодарить Н. Н. Златовратскаго за его безупречную литературную дѣятельность, за его никогда не охладѣвавшую любовь къ народу собрались и народники, и либералы, и марксисты. Это былъ общій праздникъ, но и на немъ, въ одной изъ рѣчей, и затѣмъ въ печати сдѣлана попытка истолкованія его, какъ апоѳеоза или возрожденія народничества. Это—большое заблужденіе.

Въ *Сынѣ Отечества*, который считается органомъ современнаго народничества, появилась статья г. Глазова: *На юбилей Н. Н. Златоврат-*

---

*) Мы имѣемъ въ виду статьи В. В., вышедшія потомъ книгою (*Судьбы капитализма въ Россіи*).

**) *Г. Слонимскій*: „Капитализмъ въ Россіи“ (*Вѣстникъ Европы*, декабрь).

скаго *). Это, дѣйствительно, нѣчто вродѣ оды *На взятіе Очакова.* «Въ рѣчахъ проф. Н. А. Карышева и А. Н. Веселовскаго,—пишетъ г. Глазовъ,—была высказана приблизительно одна и та же мысль, что юбиляра собрались чествовать почти всѣ направленія прогрессивной русской мысли (за исключеніемъ реакціонныхъ) (?), несмотря на нѣкоторыя существенныя взаимныя разногласія, и это есть фактъ весьма отрадный, такъ какъ показываетъ, что между всѣми этими направленіями есть нѣчто общее, что заставляетъ ихъ, въ извѣстные моменты, подобные настоящему, совершенно откидывать въ сторону всѣ взаимныя разногласія и соединяться воедино. И вотъ это-то и сказалось теперь въ выраженіи сочувствія и уваженія представителю одного изъ этихъ направленій».

Это совершенно справедливо. Именно такая мысль руководила группою устроителей юбилея. Но дальше начинается *Ода.* Одинъ ораторъ (Н. А. Каблуковъ) «затронулъ, — говоритъ г. Глазовъ, — очень чувствительный пунктъ, какъ для самого юбиляра, которому и прежде ставилось въ упрекъ, что онъ слишкомъ идеализируетъ русскій народъ и изображаетъ его только съ положительной стороны, такъ и относительно современности, когда мужикъ въ литературѣ и въ жизни сталъ опять не въ фаворѣ и опять начинаетъ трактоваться какъ вмѣстилище непроходимой грубости, невѣжества, глупости и всякихъ пороковъ. Ни Н. Н. Златовратскій, ни другіе писатели того же направленія никогда не отрицали огромнѣйшей потребности народа въ просвѣщеніи и необходимости поднятія культурнаго его уровня, личнаго достоинства и правосознанія; но Златовратскій силою художественнаго чутья чувствовалъ, что за разговорами на эту тему скрывается вовсе не дѣятельная любовь, а нѣчто совсѣмъ другое. Это былъ поворотный пунктъ, когда большинство культурнаго общества стало желать эмансипироваться отъ заботъ о мужикѣ и начать жить своею жизнью. Указаніе на темныя стороны народнаго быта вызывало часто вовсе не скорбь, не горячее желаніе направить всѣ усилія въ эту сторону, а скорѣе даже какое-то непонятное удовольствіе. Сходное удовольствіе доставляло указаніе на недостатки личной писательской жизни. Златовратскому, выросшему при крѣпостномъ правѣ и видѣвшему всѣ его ужасы, ему, видѣвшему ясный день освобожденія крестьянъ и затѣмъ скорую смѣну его сумерками, все время приходилось защищать мужика отъ самыхъ разнообразныхъ поползновеній на его самостоятельность и самоуправленіе. А при такихъ условіяхъ обыкновенно недостатки забываются, какъ и недостатки какого-нибудь отдѣльнаго любимаго лица, которое приходится защищать. Скоро получилъ распространеніе взглядъ на мужика, какъ низшій культурный организмъ, которому, кромѣ прокорма и элементарныхъ школъ, ничего не нужно, да и о школахъ-то заботились далеко не всѣ, а лишь сравнительно небольшая часть земскихъ людей да безсильныхъ разночинцевъ. Иначе Россія давно бы ужъ была грамотной. Въ концѣ-концовъ,

---

*) *Сынъ Отечества*, 20 ноября.

какъ продуктъ этого общественнаго броженія, явилось, съ одной стороны, множество всевозможныхъ опекуновъ и людей ежовой рукавицы, во вкусѣ кн. Мещерскаго, а съ другой,—появились символисты и декаденты (въ искусствѣ и наукѣ), представители самаго узенькаго буржуазнаго либерализма и сторонники цѣлесообразности буржуазнаго экономическаго процесса, которые стали увѣрять, что направленіе, къ которому принадлежитъ Златовратскій, будто бы, отрицаетъ нѣчто очень важное. То, что оно дѣлало, то, къ чему оно приходило, путемъ изученія и умственной работы, и къ чему стремилось съ такою самоотверженностью, стало сплошь и рядомъ ему же преподноситься, какъ нѣчто невѣдомое и совершенно новое. Вотъ почему мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ нѣкоторые признаки, сказавшіеся на юбилеѣ Златовратскаго, которые указываютъ, что этому эскомотированію чужихъ заслугъ и этой вредной идейной розни приходитъ, повидимому, конецъ. Впрочемъ, легко можетъ быть, что мы ошибаемся, такъ какъ на томъ же юбилеѣ (за ужиномъ) опять продѣлывались двумя ораторами тѣ же манипуляціи и произносились тѣ же слова».

Г. Глазовъ замѣчаетъ, что рѣчь Н. А. Каблукова не всѣмъ понравилась, но непосредственно на нее не возражали. Само собою разумѣется, иначе праздникъ мира превратился бы въ непріятный и тягостный и для юбиляра, и для всѣхъ споръ, самое возбужденіе котораго было неумѣстно.

Разберемся однако въ дѣлѣ по существу. Кто это «эскомотировалъ» народническія идеи и какія именно? Что это за «*манипуляціи*», которымъ подвергалось умственное достояніе народничества?

Мы указали выше на важную ошибку народничества, отрицавшаго возможность развитія у насъ капитализма. Въ связи съ этою ошибкой находятся и другія: для народа необходимо только сохраненіе его устоевъ, никакихъ «надстроекъ» надъ ними, по европейскому образцу, не нужно,—они послужили бы только на пользу буржуазіи. Предполагалось, что народъ «отсидится» отъ капитализма въ общинахъ и артеляхъ. Суровая дѣйствительность доказала, что въ народничествѣ недоставало политическаго такта. Оно повинно и въ томъ, что несправедливо относилось къ *интеллигенціи*, утверждая, что она должна учиться у народа. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ раньше указанномъ, народническія воззрѣнія сходились съ мнѣніями, которыя до сихъ поръ проповѣдываетъ реакціонная печать. Эта ошибка имѣла, по нашему мнѣнію, неблагопріятныя послѣдствія для нашего общественнаго развитія.

Судъ исторіи еще не наступилъ для народничества, а въ полемику съ его нынѣшними представителями у насъ не было бы основаній вступать, еслибъ не нѣсколько вызывающій тонъ, усвоенный ихъ газетою. Спѣшимъ прибавить, что отнюдь не отрицаемъ ни искренности и великодушія въ народническихъ идеяхъ и стремленіяхъ, ни того, что они составляли полезный противовѣсъ барски-бюрократическимъ взглядамъ и вожделѣніямъ, но, повторяемъ, политическаго такта народники не обнаружили.

Великій народъ всегда, въ мѣру своего самосознанія, чтитъ своихъ вели-

кихъ людей. А великіе люди—вершина интеллигенціи. Не только, разумѣется, чтитъ, но и учится у нихъ черезъ посредниковъ, которыми являются, напримѣръ, въ деревнѣ учитель и врачъ. Народничество все это признаетъ? Тогда въ чемъ же его особенность отъ либеральной программы, ведущей свое начало отъ Радищева и Новикова? Не признаетъ ли народничество и того, что капитализмъ у насъ развивается и что намъ, кромѣ національныхъ особенностей, необходимы и обще-европейскіе основы культурной и общественной жизни?

Говоря о народничествѣ и объ отношеніи интеллигенціи и народа, мы должны сказать нѣсколько словъ *pro domo sua* въ отвѣтъ на нападенія Н. К. Михайловскаго на разсказъ А. П. Чехова *Мужики,* напечатанный въ нашемъ журналѣ. Редакція, печатая этотъ разсказъ (въ задуманной авторомъ серіи ихъ) не видѣла и не видитъ въ немъ того презрѣнія къ идіоту-мужику, о которомъ говоритъ Н. К. Михайловскій. Что не вся деревня, не всѣ «*мужики*» таковы, какъ ихъ изобразилъ Чеховъ, объ этомъ и поднимать вопроса нѣтъ возможности; но ужасъ заключается въ томъ, что подобныя деревни существуютъ. Надо спѣшить имъ на помощь, надо пустить въ ходъ всѣ усилія, чтобъ освободить ихъ отъ гнета подавляющей нужды и тяжкаго невѣжества. И ничего другого, никакого иного чувства разсказъ Чехова не вызываетъ.

Въ виду неотложнаго вопроса объ удовлетвореніи продовольственныхъ нуждъ населенія весьма кстати напечатана въ ноябрьской книжкѣ *Русскаго Богатства* статья г. Пѣшехонова: *Много ли мужику хлѣба нужно?* Въ рукахъ автора были матеріалы земско-статистическаго изслѣдованія Козельскаго уѣзда, Калужской губерніи въ 1896 году. Подробному описанію подвергнуто было 1,313 крестьянскихъ хозяйствъ. На основаніи этихъ данныхъ г. Пѣшехоновъ выясняетъ, что хлѣба въ пищу одному ѣдоку идетъ въ годъ двадцать пудовъ, тогда какъ административно принятая норма опредѣляется только въ девять пудовъ. При этомъ въ калужскихъ крестьянскихъ хозяйствахъ, при благопріятномъ урожаѣ, потребляется значительное количество мяса. Это потребленіе, конечно, сокращается или совсѣмъ отсутствуетъ въ неурожайный годъ, почему количество хлѣба, необходимаго для нормальнаго питанія, должно быть еще увеличено. Г. Пѣшехоновъ приходитъ къ печальному заключенію: «И при обычныхъ условіяхъ громадная часть крестьянскаго населенія недоѣдаетъ и, благодаря этому, болѣетъ и умираетъ».

Казалось бы, что по данному вопросу не можетъ быть разныхъ мнѣній, что сытый мужикъ—лучшій гражданинъ государства, чѣмъ полуголодный, и что лучше «рискнуть» ссудить ему лишній пудъ хлѣба, чѣмъ недодать нѣсколькихъ фунтовъ. Между тѣмъ мы видимъ, что высказываются стремленія обрѣзать ѣдока и раздаются опасенія, что не слѣдуетъ даже выдавать продовольственныхъ ссудъ, потому что онѣ «развращаютъ деревню», пріучая ее ждать въ бѣдѣ непремѣнной помощи со

стороны, отъ государства. Истинную цѣну такихъ опасеній читатели знаютъ. Въ этой или другой формѣ государство всегда можетъ вернуть тѣ деньги, которыми оно спасетъ сельское населеніе въ недобрый годъ неурожая. Но въ виду того, что земледѣліе у насъ стоитъ на невысокой степени развитія, что *запасовъ* средній крестьянинъ не въ состояніи дѣлать и при среднемъ урожаѣ, заслуживаетъ полнаго сочувствія мысль, которую въ послѣднее время поддерживаетъ *Вѣстникъ Европы.* «Чрезвычайно важно,—говоритъ журналъ,—чтобы къ бремени, лежащему на крестьянинѣ при нормальныхъ условіяхъ бремени, увеличившемуся неизбѣжной въ неурожайный годъ податной недоимкой, не присоединялась еще обязанность срочнаго возврата продовольственной ссуды». «Народъ не составляетъ, въ настоящее время, той неразумной, темной массы, какую все еще видятъ въ немъ почтенные защитники опеки и произвола. Въ организаціи безвозвратныхъ продовольственныхъ пособій, основанной на участіи всѣхъ сословій въ образованіи продовольственнаго капитала, крестьяне не усмотрѣли бы *права на хлѣбъ*, какъ на даровую подачку, обязательную для болѣе достаточныхъ классовъ населенія. Они поняли бы какъ нельзя лучше, что хлѣбъ, получаемый ими въ минуту невзгоды, купленъ отчасти на ихъ же деньги, уплаченныя въ благополучные годы, и что нельзя считать безусловнымъ такое право, пользованіе которымъ поставлено въ зависимость отъ признанія, въ опредѣленномъ порядкѣ и по отношенію къ каждому отдѣльному домохозяину, дѣйствительной и неотложной нужды въ помощи. *)

Само собою разумѣется, что опредѣлить размѣръ нужды всего лучше можетъ міръ при содѣйствіи и подъ контролемъ земства. Между тѣмъ въ реакціонной печати теперь высказываются стремленія именно земство-то и удалить отъ продовольственнаго дѣла. Какъ странно и быстро мѣняются взгляды у руководителей нашей охранительной печати! Еще въ 1869 г. въ *Русскомъ Вѣстникѣ* Каткова появлялись статьи, изъ которыхъ нынѣшнія, напримѣръ, *Московскія Вѣдомости* могли бы извлечь полезныя для себя указанія. Такъ покойный академикъ В. П. Безобразовъ въ обширной статьѣ *Наши охранители и наши прогрессисты* **) утверждалъ достоинство такихъ положеній, какъ полную равноправность и благо государства, основанное на возможно болѣе свободномъ и самостоятельномъ развитіи каждой человѣческой личности. Подобныя понятія уже побѣдоносно входятъ въ общественное сознаніе. «Мы надѣемся,—говорилъ Безобразовъ,—что эти побѣды будутъ съ каждымъ днемъ возрастать, какой бы гвалтъ ни поднимали сочувствователи и охранители стараго порядка». Органъ Каткова съ негодованіемъ относился къ вожделѣніямъ установить въ сельскомъ мірѣ спеціальную и дворянскую диктаторскую власть. Безобразовъ говоритъ, что нельзя не страшиться проектовъ учрежденія такой власти, т.-е. замаскированной вотчинной полиціи: «Очевидно, что подобная власть была бы однимъ изъ самыхъ жестокихъ ударовъ, нанесенныхъ всей

*) *Вѣстникъ Европы*, декабрь, „Внутреннее Обозрѣніе".

**) *Русскій Вѣстникъ*, 1869 г., октябрь.

системѣ нашего мѣстнаго самоуправленія, какъ оно до сихъ поръ было задумано въ благихъ намѣреніяхъ правительства».

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести изъ той же статьи слѣдующую выдержку: «Эти зачатки (самоуправленія), какъ они еще ни слабы, особенно дороги всей современной Россіи, пріявшей ихъ съ единодушною признательностью къ правительству».

Кромѣ подозрительной во многихъ случаяхъ зыбкости почвы въ охранительныхъ разсужденіяхъ, непріятно (по меньшей степени) поражаетъ въ нихъ и крайняя нетерпимость. Публицистамъ, «эволюція» которыхъ произошла у насъ на глазахъ, слѣдовало бы оказывать побольше уваженія къ собственному человѣческому достоинству, которое недавно еще было заполнено иными идеями. *Моск. Вѣдом.*,—назовемъ прямо эту газету,—безъ церемоніи объявляютъ, что всѣ несогласные съ мнѣніями, какія ею отстаиваются,—либо наивные глупцы, либо хитрые лицемѣры. При такомъ отношеніи къ противникамъ было бы именно глупостью или лицемѣріемъ требовать къ себѣ отъ нихъ уваженія, необходимаго для серьезнаго и плодотворнаго спора.

Вопросъ о студенческихъ землячествахъ и общежитіяхъ, которымъ въ нынѣшнемъ году такъ сильно занималась печать, переходитъ въ осуществленіе. Обнародовано Высочайше утвержденное Положеніе о студенческихъ общежитіяхъ и о комитетѣ для содѣйствія устройству сихъ общежитій. 7 декабря въ актовомъ залѣ университета состоялось первое собраніе членовъ этого комитета, въ предсѣдательствѣ попечителя округа, Н. П. Боголѣпова, въ присутствіи ректора университета, П. А. Некрасова, помощника ректора, Н. А. Звѣрева, многихъ профессоровъ и представителей общественныхъ и правительственныхъ учрежденій. Профессоръ Н. А. Звѣревъ сообщилъ объ устройствѣ перваго общежитія Московскаго университета. Капиталъ въ 300,000 р., предоставленный для этой цѣли правительствомъ, увеличился пожертвованіями засл. проф. И. Н. Новацкаго — 50,000 р., проф. В. Ѳ. Снегирева—8,000 р. и поступившими по духовному завѣщанію вдовы полковника Е. П. Степановой—9,000 р., а всего возросъ до 367,000 р. На сумму этого капитала въ текущемъ году былъ пріобрѣтенъ у гг. Перфильевыхъ на Большой Грузинской улицѣ участокъ земли, за который было заплачено 62,500 р. На этомъ участкѣ предполагается выстроить съ теченіемъ времени три общежитія примѣрно на 450 чел. Зданіе перваго общежитія уже окончено кирпичною кладкою и покрыто; можно надѣяться, что въ октябрѣ или ноябрѣ будущаго года оно будетъ вполнѣ отдѣлано и готово. Вмѣстѣ со стоимостью обзаведенія и земли оно обойдется до 221,000 р. Разсчитано оно на 152 жильца и будетъ заключать въ своихъ четырехъ этажахъ 101 комнату, изъ которыхъ 53 предназначаются каждая для одного студента, 45—каждая для двухъ студентовъ и 3—каждая для трехъ. Кромѣ того, въ томъ же зданіи будутъ устроены: столовая на 150 чел., обширная библіотечная зала, особая пріемная для гостей, квартира для завѣдующаго общежитіемъ и другія служебныя помѣщенія.

Квартира каждаго отдѣльнаго жильца въ общежитіи обходится въ постройкѣ и оборудованіи около 1,500 р.; оплата такой квартиры потребуетъ приблизительно 60 р. въ годъ (% съ 1,500 р.). Содержаніе жильца опредѣляется приблизительно въ 240 р. въ годъ, причемъ остатки отъ этого содержанія, еслибы таковые оказались, могутъ быть выдаваемы жильцу на его личные расходы. Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что для превращенія платной квартиры въ *удешевленную*, въ которой студентъ получаетъ только даровое помѣщеніе безъ содержанія, нуженъ капиталъ въ 1,500 р., поступающій цѣликомъ въ возвратъ строительнаго капитала. Если же кѣмъ-либо будетъ пожертвована бо́льшая сумма, то она не только избавитъ жильца отъ платы за квартиру, но и отъ извѣстной доли платы за его содержаніе. Пожертвованіе капитала въ 8,000 р. (1,500+6,500 р.) превращаетъ квартиру одного жильца въ *безплатную*, въ которой студентъ получаетъ не только даровое помѣщеніе, но и полное содержаніе. Всѣмъ такимъ безплатнымъ и удешевленнымъ квартирамъ могутъ быть присвоиваемы имена жертвователей или близкихъ и дорогихъ имъ лицъ.

Въ рѣчи профессора А. И. Чупрова было ярко обрисовано положеніе студентовъ Московскаго университета, изъ которыхъ пять шестыхъ являются изъ провинціи, не имѣя въ столицѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ, и, въ большинствѣ случаевъ, почти безъ всякихъ средствъ. Найти при такихъ условіяхъ сколько-нибудь порядочную комнату и прожить, не голодая,—дѣло въ высшей степени трудное. Понятно поэтому, какъ сочувственно должно отнестись къ дѣлу устройства студенческихъ общежитій. Профессоръ П. Г. Виноградовъ обратилъ особенное вниманіе на то значеніе, которое должны имѣть общежитія въ качествѣ учрежденій, способствующихъ научнымъ успѣхамъ и духовному развитію учащейся молодежи, укрѣпленію въ нихъ духа здороваго товарищескаго общенія и бодрой самодѣятельности. Въ общежитіяхъ могутъ быть устраиваемы литературно-научныя чтенія и бесѣды, музыкальныя собранія, практическія занятія и репетиторіи,—конечно, при добровольномъ участіи въ нихъ желающихъ. Профессоръ указалъ при этомъ на важное значеніе, которое имѣли въ жизни англійскаго студенчества колледжи, хотя и созданные для болѣе состоятельной молодежи, а также «община» при университетѣ въ Копенгагенѣ, основанная еще въ XVI вѣкѣ для менѣе состоятельныхъ студентовъ изъ провинцій.

Къ этой мысли мы относимся съ особеннымъ сочувствіемъ. Мало этого,—безъ ея осуществленія студенческія общежитія, по нашему мнѣнію, утратятъ свой университетскій характеръ и превратятся въ даровыя квартиры подъ надзоромъ инспекціи. Въ статьѣ князя С. Н. Трубецкого, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала за нынѣшній годъ, подробно развиты мысли о правильной постановкѣ университетской жизни. Мы отъ души желаемъ и твердо надѣемся, что комитетъ для содѣйствія устройству общежитій окажется на высотѣ своей благородной задачи.

На первомъ собраніи, какъ сообщаютъ *Моск. Вѣд.*, было собрано до 50,000 новыхъ пожертвованій.

Лебединыя пѣсни Шекспира *).

I.

Бенефисные спектакли на сценѣ Малаго театра всегда вызываютъ у московской публики исключительный интересъ. Въ этомъ интересѣ играютъ, конечно, существенную роль имена популярныхъ артистовъ и артистокъ, но большимъ вопросомъ является также и пьеса, выбранная для бенефиса.

Всѣмъ извѣстно, какіе дѣятельные поиски предшествуютъ выбору, сколько приходится бенефиціанту потратить усердія и изобрѣтательности, и нерѣдко мучительныхъ надеждъ на счастливую случайность, чтобъ, наконецъ, благополучно разрѣшить задачу.

И она, дѣйствительно, весьма часто разрѣшалась не только благополучно для бенефиціанта,—это само собой разумѣется, но и къ истинному удовольствію литературно-развитой московской публики. Благодаря бенефисамъ мы видимъ на русской сценѣ *Гамлета*, *Макбета*, *Ричарда III*, и благія намѣренія простерлись даже было на *Короля Лира*. Но это только одна сторона бенефисовъ—лицевая, въ полномъ смыслѣ праздничная и исторически-заслуженная.

Существуетъ другая, далеко не столь почтенная и отнюдь не лестная для исторіи Малаго театра. Это скорѣе «скандальная хроника» нашей «классической» сцены, созданная, къ сожалѣнію, все тѣми же торжественными «именинами» любимыхъ артистовъ.

На тѣхъ самыхъ подмосткахъ, гдѣ Гамлетъ изнывалъ въ тоскѣ по самымъ выспреннимъ идеаламъ, а Маркизъ Поза готовъ былъ своей жизнью запечатлѣть не менѣе возвышенныя чувства,—московская публика могла любоваться первосортной балаганщиной самаго отпѣтаго бульварнаго промышленника современнаго Парижа—Сарду, могла перенестись даже еще дальше, прямо на арену римскаго цирка ради *Равенскаго бойца* и, упоенная уличнымъ трескомъ и бенгальскимъ блескомъ водевильнаго патріотизма, замлѣть въ ужасѣ предъ гладіаторомъ въ трико.

---

*) По поводу *Зимней сказки*, поставленной на сценѣ Малаго театра, въ бенефисъ г. Садовскаго.

И, несомнѣнно, находилась публика, стоявшая на высотѣ всѣхъ этихъ ролей, способная искренне переиспытать нѣгу «тайныхъ ощущеній» предъ сценами чисто-физіологическаго содержанія. Подобныхъ инстинктовъ не истребить никакими проповѣдями, не просвѣтить никакими зрѣлищами,—но изъ этого не слѣдуетъ, что ихъ законно поощрять, притомъ еще совершенно независимому художественному учрежденію.

Не всегда удачно разрѣшались бенефисные поиски и въ другомъ отношеніи. Положимъ, *Графъ Ризооръ* и *Равенскій боецъ* могли быть воздвигнуты на нашей сценѣ крайнимъ отчаяніемъ бенефиціантовъ, тщетно искавшихъ болѣе достойнаго матеріала. Но даже когда поиски артистовъ направляются по совершенно резонному адресу, нѣкая юмористическая сила вдругъ натолкнетъ ихъ на совершенно неожиданный объектъ, прямо недопустимый ни съ точки зрѣнія здраваго смысла, ни въ разсчетахъ на сценическій успѣхъ бенефиціанта.

У Шекспира, кажется, выборъ богатый. Правда, драматургъ требуетъ многихъ жертвъ, усиленнаго труда и особенно—таланта. Но за то и награда великая! Шекспировская пьеса—будто золотая руда, скрытая на громадной глубинѣ. Добраться до металла тяжело, но за то каждая капля пота будетъ возмѣщена сторицей.

Таковы великія трагедіи Шекспира. Но пусть не всѣмъ подъ силу и не всѣмъ охота забираться въ глубь,—существуютъ комедіи и драмы. Онѣ не требуютъ особеннаго рвенія и поддаются обыкновеннымъ артистическимъ дарованіямъ. Конечно, сравнительная легкость здѣсь влечетъ и нѣкоторыя неудобства. Остроуміе комедій далеко не всегда забавно, для насъ, публики XIX вѣка, шуты часто просто дѣтская, въ сильной степени надоѣдливая игра, а безконечныя неуловимо-тонкія препирательства влюбленныхъ джентльменовъ и милыхъ жеманницъ могутъ совсѣмъ быть сданы въ архивъ.

Но все это не мѣшаетъ комедіямъ быть живыми сценическими шутками, обвѣянными спеціально-шекспировскимъ геніемъ вдохновенной веселости, юношеской любви къ свѣту, свободѣ, ко всему жизненному и непосредственному.

Комедіи всѣ безъ исключенія—поэмы любви и увлеченія, и какъ бы странна или наивна ни была старая романтическая интрига,—въ пьесѣ всегда останется достаточно мотивовъ сердечности, лирической, трогательной страсти, вообще—простой человѣческой души. И за это зритель проститъ словесные турниры героевъ и усиленныя гримасы клоуновъ.

Но что тому же зрителю дѣлать, напримѣръ, съ *Цимбелиномъ*, съ *Зимней сказкой*? Это—бенефисныя зрѣлища Малаго театра будто нарочито разсчитанныя на подрывъ шекспировской репутаціи. Да, вполнѣ серьезно,—потому что показывать нашей публикѣ какъ разъ тѣневую сторону шекспировской литературной дѣятельности,—можно счесть своего рода злымъ умысломъ. *Цимбелина* и *Сказку* можно безнаказанно поѣдать людямъ прямо усвоившимъ подлинную красоту и силу шекспировскаго генія, составившимъ сознательный и вполнѣ опредѣленный взглядъ на поэта.

А у насъ? Чтò ни театральный, особенно бенефисный зритель, то ходячее недоразумѣніе и младенческое невѣдѣніе или вопіющій кривотолкъ по части, такъ называемой, «классической» литературы. Шекспиръ вѣдь это—фетишъ ученыхъ и экзотическихъ любителей, а для насъ, современниковъ Сарду и Мейльяка, онъ просто «антикъ». И вотъ предъ подобными философами поэтъ является въ полномъ «неглиже». Пьеса, лишенная драматическаго интереса, совершенно не сценичная, безъ характеровъ и осмысленной интриги, съ разнаго рода сюрпризами и чудесами. Самые смутные намеки на психологію и полное пренебреженіе къ логикѣ дѣйствительности.

Для дѣтей, можетъ быть, это и любопытно, когда Юпитеръ спускается съ неба на сцену,—но мы, взрослые люди, за такими зрѣлищами пойдемъ лучше въ балетъ или феерію. То и другое будетъ просто наборомъ безсмыслицъ, машинистъ исполнитъ первую роль, и намъ не станутъ въ промежуткахъ между бутафорскими фокусами надоѣдать жестокими сценами и неумѣстно-трагическими рѣчами. Это будетъ, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно.

А здѣсь,—кричатъ,—Шекспиръ!—и въ результатѣ цѣлаго вечера—никакой пищи ни уму, ни сердцу. Одна физическая усталость и нервное безпокойство.

Какъ бы ни были смѣлы эти жалобы,—зритель правъ. Шекспира—нѣтъ въ Цимбелинѣ, *того* Шекспира! Онъ самъ не желаетъ быть самимъ собой. Онъ будто владыка, утомленный дѣлами правленія, торжественными авденціями, властительными рѣчами,—удаляется во «внутренніе покои» и сбрасываетъ съ себя весь блескъ, всю мощь повелителя. Онъ—теперь слабый смертный, жаждущій покоя своей бренной природѣ.

Его орлиный взоръ будто потускнѣлъ и могучій голосъ упалъ, и если онъ поведетъ бесѣду,—это будетъ сцена идиллическаго жанра.

Добродушный патріархъ, окруженный юнымъ поколѣніемъ. Онъ много пережилъ, перевидалъ, и теперь, въ кругу близкихъ людей, тѣшитъ себя воспоминаніями о всякой бывальщинѣ. Рѣчь плавно льется съ его отцвѣтающихъ устъ, ясная, безмятежная улыбка не покидаетъ его лица, онъ весь—любовь, миръ, благоволеніе.

Его утомили житейскія и душевныя бури. Онъ тщательно избѣгаетъ глубокаго анализа человѣческихъ страстей, умалчиваетъ о неизбывномъ горѣ нашего міра и преднамѣренно закрываетъ глаза на пропасть, зіяющую предъ смертными въ ихъ самыя свѣтлыя минуты.

Онъ будто чувствуетъ оторопь вглядѣться въ море волненій, столь когда-то ему близкихъ, и онъ готовъ цѣной какой угодно жизненной правды потѣшиться летучимъ вымысломъ фантазіи.

Онъ станетъ сочинять *сказки* будто для того, чтобъ окончательно убаюкать свою мысль и обольстить наивный слухъ публики. Въ этихъ исторіяхъ будетъ разсѣяно много искръ поэзіи, время отъ времени она можетъ вспыхнуть ослѣпительнымъ огнемъ и будто невольно съ устъ разсказчика

слетитъ мощное, правдивое слово высокой мудрости. Но это—случайности, минутная забывчивость и все это не въ намѣреніяхъ повѣствователя. Онъ немедленно возмѣститъ мимолетную оговорку новой поразительнѣйшей невѣроятностью и однимъ взмахомъ пера броситъ насъ въ туманную даль призраковъ и волшебства.

Таковъ Шекспиръ *Зимней сказки*, только-что смѣнившей *Цимбелина* на московской сценѣ.

II.

Публика переполнила театръ ради бенефиса и старалась привѣтствовать бенефиціанта. Недешево стоило ей это самоотверженіе! Для многихъ *Сказка* осталась недосказанной, не хватило терпѣнія досмотрѣть до конца многочисленныя смѣны декорацій на сценѣ и дослушать диковинную повѣсть о чудесахъ за сценой.

Мы понимаемъ душевную истому, овладѣвавшую публикой постепенно съ ходомъ спектакля. Но мы желали бы поставить и рѣшить вопросъ: *Зимняя сказка*—едва допустима на сценѣ. Но вѣдь она сочинена авторомъ *Лира* и *Гамлета*. Есть же въ ней какой-нибудь интересъ? Не вычеркнуть же ее совершенно изъ произведеній Шекспира. Тѣмъ болѣе, что той же участи пришлось бы подвергнуть и *Цимбелина* и, пожалуй, *Бурю*. Вездѣ чудеса и мало складу! Но почему именно они увѣнчали дѣятельность Шекспира?

Мы сказали: великаго поэта нѣтъ въ этихъ пьесахъ,—нѣтъ не столько по таланту, сколько по основнымъ принципамъ его міросозерцанія, по его понятіямъ о человѣкѣ и мірѣ.

Раньше какой трезвый и ясный взглядъ! Никакой идилліей, никакими юношескими иллюзіями нельзя было подкупить поэта. За освѣщенной авансценой онъ неизмѣнно видѣлъ сумракъ задняго плана и неизмѣнно ждалъ тѣней на самомъ блестящемъ фонѣ. Не потому, чтобы онъ былъ пессимистомъ и, слѣдовательно, готовымъ помириться на человѣческой немощи и безплодности человѣческихъ усилій—покорить темныя и злыя силы, нѣтъ, чѣмъ больше зла, тѣмъ больше чести тому, кто идетъ съ нами на борьбу.

Все свѣтлое такъ быстро гаснетъ!

Это несомнѣнно, но только въ томъ случаѣ, когда человѣкъ «слабъ и преданъ грусти» или когда его ослѣпляетъ эгоистическая страсть. Тогда не помогутъ ни высокое положеніе героя, ни его идеальнѣйшія стремленія, ни трогательнѣйшая поэзія молодости.

Короли Генрихъ и Ричардъ расплатятся за несоотвѣтствіе личныхъ нравственныхъ силъ и королевскаго сана, Гамлетъ погибнетъ вмѣстѣ съ Ромео, потому что одинаково и для ученаго философа, и для пламеннаго рыцаря отъ начала до конца будетъ скрытъ истинный смыслъ человѣческаго назначенія, тайна взаимодѣйствія разумной человѣческой воли и стихійной, трудно преодолимой дѣйствительности.

Она не щадитъ ни идеаловъ, ни поэзіи, если у идеалистовъ и поэтовъ нѣтъ искусства идеѣ подчинить фактъ,—подчинить собственной волей, въ процессѣ сознательной борьбы.

И пессимистовъ Шекспиръ откроетъ именно среди немощныхъ идеалистовъ. Мрачный взглядъ на жизнь, безнадежная тоска о небытіи — результатъ не міровой логики, а неприспособленности человѣческой личности къ мужественнымъ разсчетамъ со зломъ.

Есть еще источникъ отчаянія. О немъ мы узнаемъ изъ предсмертныхъ проклятій Макбета на жизнь и весь міръ. Но здѣсь опять вина въ самомъ героѣ. Зломъ начатое должно и окончиться зломъ, — такова неизмѣнная вѣра поэта и всѣ его драмы — ея непреложное оправданіе.

Такой философіей жилъ Шекспиръ въ расцвѣтъ своего генія. Теперь, на закатѣ дней, у него будто опустились руки и пропала воля видѣть и осмысливать.

Какую роль играетъ человѣкъ во всѣхъ предсмертныхъ драмахъ поэта? Съ первой сцены до послѣдней предъ нами безпомощные рабы мгновенной страсти. Они изъ-за этой страсти, изъ-за слѣпого каприза способны навсегда разбить свою жизнь. Почему они любятъ, ненавидятъ, ревнуютъ, убиваютъ, создаютъ бѣдствія и становятся счастливыми,—поэтъ не хочетъ знать и, повидимому, даже не считаетъ достойнымъ размышленія. Онъ не вѣритъ въ серьезность мотивовъ человѣческихъ дѣйствій и страстей.

Раньше онъ объяснялъ всякое слово своихъ героевъ; теперь эти люди—куклы, жертвы во славу предустановленной міровой гармоніи. Пьесы начинаются какимъ-то молніеноснымъ помѣшательствомъ дѣйствующихъ лицъ и непремѣнно завершаются экстреннымъ апоѳеозомъ счастья и чисто-сказочнаго торжества.

Обезумѣвшіе герои въ началѣ, въ концѣ изливаютъ благословенія, приглашаютъ всѣхъ: «будьте счастливы!» Даже сами боги являются на сцену заявить такую истину: «испытанія—удѣлъ людей, особенно любимыхъ богами; въ будущемъ награды возрастаютъ пропорціонально испытаніямъ».

Какой глубокомысленный эффектъ и какая мудрая мораль, безконечно далекая отъ чистой правды лучшихъ произведеній поэта!

Мы иногда едва вѣримъ своимъ глазамъ и ушамъ: до такой степени новыя сентенціи—вопіющее противорѣчіе основному шекспировскому духу, не только какъ геніальнаго драматурга, но какъ подлиннаго сына энергичнѣйшей въ мірѣ націи. Кто бы могъ ожидать, что творецъ и соотечественникъ Ричардовъ и Норфольковъ снизойдетъ до смиренномудрія русскаго отшельника старыхъ временъ?

Да, сходство достигаетъ полной иллюзіи. Сцена между изгнанникомъ, бывшимъ придворнымъ, и его юными воспитанниками до послѣдней черты напоминаетъ бесѣду пушкинскаго Пимена съ Самозванцемъ. Назначеніе монастыря выполняютъ пещера и лѣсъ. Ради нихъ подвергается жестокой критикѣ шумная жизнь, восхваляется уединеніе, заугольное прозябаніе, «скорлупой покрытый жукъ» признается *счастливѣе* «парящаго орла».

Жизнь хороша только издали и благо тому, кого не коснулось ея жестокое дыханіе! Это—старческій отвѣтъ на страстный запросъ молодости.

И онъ у Шекспира не случайность.

«Умилительная кротость и совершенное отсутствіе суетности»—главныя добродѣтели монаха-бытописателя—господствуютъ во всѣхъ трехъ пьесахъ. Поэтъ больше не хочетъ знать смысла живой человѣческой дѣятельности. Она представляется ему омутомъ гибельныхъ, безцѣльныхъ страстей. Его сочувствія покоятся на сладостныхъ, невинныхъ сценахъ полей и лѣсовъ, на сіяніи голубого неба, на младенческомъ блаженствѣ обитателей пещеръ. Это—чудный феерическій міръ, не подозрѣвающій, что на свѣтѣ существуютъ мысль и желанія. Въ заключеніе патріархальныя добродѣтели попадаютъ въ порочные и мятежные города, страсти утихаютъ и поэтъ опускаетъ занавѣсъ, озаренный все той же отеческой улыбкой безграничнаго благоволенія.

Ни драмы, ни дѣйствія, ни героевъ.

Великій талантъ усталъ и услаждаетъ себя послѣдними отблесками вечерняго заката. Жизнь миновала,—и не этому сердцу загорѣться жаждой новыхъ дѣлъ и испытаній. Поэтъ ни къ чему не стремится. Любимый герой его старости благословляетъ на счастливый путь свою дочь и говоритъ о себѣ:

А самъ я удалюсь въ Миланъ,
Гдѣ буду только думать о могилѣ.

Шекспиръ жилъ въ это время въ своемъ Миланѣ, окруженный полнымъ матеріальнымъ довольствомъ, пожинавшій плоды многообразныхъ искусныхъ трудовъ своей дѣятельной молодости. И въ минуты хорошаго настроенія онъ могъ разсказывать назидательныя исторіи, повторяя на тысячу ладовъ исконное утѣшеніе ублаготворенныхъ борцовъ за существованіе: «Повѣрьте мнѣ, все будетъ хорошо!» Въ этомъ весьма личномъ и ненадежномъ обѣщаніи все дѣло, и поэту безразлично, какимъ путемъ дойти до него.

Содержаніе драмы будетъ составлено изъ самаго пестраго матеріала. Поэтъ воспользуется всѣми литературными жанрами, извѣстными его времени. Здѣсь будетъ и миѳологія, и исторія, и легенда, и идиллія, и своевольнѣйшій личный вымыселъ. Но этого мало. Каждый изъ этихъ источниковъ дастъ сюжетъ для отдѣльныхъ, рѣзко разграниченныхъ частей пьесы, и эти части такъ и останутся самостоятельными пьесами и сшитыми на живую нитку эпизодами. Читатель подчасъ останавливается въ недоумѣніи, гдѣ же здѣсь нить главнаго дѣйствія и къ чему сводится роль центральныхъ дѣйствующихъ лицъ?

Нечего и говорить, — элементарнѣйшіе факты географіи и исторіи пропускаются черезъ самую сложную призму прихотливой фантазіи и попадаютъ на сцену совершенно неузнаваемыми. Цимбелинъ, напримѣръ, будетъ взятъ изъ подлинныхъ лѣтописныхъ преданій, но поэтъ ему навяжетъ дѣла по собственному усмотрѣнію, окружитъ его лицами личнаго издѣлія.

Такъ онъ поступалъ и раньше, вымышлялъ, напримѣръ, Гораціо, Полонія для трагедіи Гамлета. Но тамъ это имѣло геніальный психологическій смыслъ: поэтъ создавалъ *среду* для *героя* и съ неподражаемымъ тактомъ именно этой вымышленной средой оттѣнялъ центральный характеръ и обрамлялъ драматическую исторію. Фонъ дѣлалъ картину и рамка заставляла выступать фигуры съ поразительной яркостью.

Ничего подобнаго теперь.

Предъ нами просто маріонеточный театръ, гдѣ каждая кукла выкрашена въ свой особый цвѣтъ: *ехидная* или *добрая* королева, *глупый* сынъ, *деспотъ*-король, *невинная* дочь, *рыцарственный* любовникъ. Стóитъ ли съ такими созданіями много хлопотать о самомъ дѣйствіи? Подробности можно просто заимствовать гдѣ угодно, даже изъ собственныхъ драмъ.

Цимбелина можно нарядить въ трагическій костюмъ Лира, Постума и Іоахимо уподобить Отелло и Яго, для Имогены и Герміоны припомнить Дездемону. Даже вещи пойдутъ въ ходъ: тамъ платокъ игралъ роковую роль улики,—его замѣнитъ браслетъ.

Но все это собственно не будетъ плагіатъ, — скорѣе скоропалительное подражаніе, небрежное копированіе великаго образца совершенно равнодушнымъ диллетантомъ.

Надъ ревностью Отелло пришлось когда-то поработать много и тщательно и поставить множество поучительнѣйшихъ вопросовъ психологамъ. Теперь вмѣсто всякаго анализа и вдумчивости сойдетъ ссылка на злокозненную комету, не кстати замѣшавшуюся звѣзду: онѣ вполнѣ удовлетворительно объяснятъ ревность Леонта и злополучную судьбу его жертвы.

Наконецъ, у насъ даже возникаетъ вопросъ: какъ писались эти пьесы? Мы хотимъ сказать,—помнилъ ли поэтъ, положимъ, первые два акта, приступая къ третьему, или довольствовался смутнымъ представленіемъ о своей уже исполненной работѣ и сплеталъ хитрыя нити интриги все дальше и дальше, въ надеждѣ, авось выйдетъ что-нибудь въ результатѣ.

Въ *Зимней сказкѣ* онъ даже косвенно и сознается въ этомъ оригинальномъ процессѣ творчества. Не разсчитывая на крайнюю снисходительность и наивность зрителей, онъ прибѣгаетъ къ самому незамысловатому способу самооправданія: приходилось же публикѣ видѣть на сценѣ кое-что и похуже, отчего же не поскучать еще разъ?

Вѣдь вамъ донынѣ
Случалося, конечно, убивать
Скучнѣе вдвое время,—такъ занять
Позвольте насегодня васъ хоть этимъ,
А если не случалось, то мы встрѣтимъ
Такой отвѣтъ желаньемъ, чтобъ терпѣть
Вамъ не пришлось бѣды подобной впредь...

Очень предупредительно, но только эта любезность нисколько не отражается на намѣреніяхъ поэта. Въ *Цимбелинѣ*, напримѣръ, онъ долженъ быть самаго высокаго мнѣнія не только о способности публики развле-

каться чѣмъ ни попало, но и объ ея короткой и безъ конца благосклонной памяти.

Мы присутствуемъ при длинной и весьма важной сценѣ заклада Постума съ Іоахимо. Мы, слѣдовательно, знаемъ всѣ подробности этого капитальнѣйшаго момента. Но самъ авторъ или совсѣмъ забылъ о нихъ немедленно послѣ того, какъ написалъ сцену, или пренебрегъ своею собственною работой. Въ концѣ пьесы Іоахимо приноситъ раскаяніе и разсказываетъ Цимбелину исторію своего злодѣйства.

Въ разсказѣ сцена заклада передана совершенно иначе, чѣмъ она происходила на самомъ дѣлѣ. Іоахимо повѣствуетъ о пирѣ, гдѣ гости наперерывъ восхваляли своихъ возлюбленныхъ, а Постумъ «задумчиво сидѣлъ и молча слушалъ». Наконецъ, со всею скромностью влюбленнаго представилъ образъ своей милой въ такихъ живыхъ и яркихъ краскахъ, что всѣ другія описанія утратили всякую привлекательность. Тогда зашла рѣчь о закладѣ.

Въ дѣйствительности никакого конкурса красавицъ по описаніямъ ихъ рыцарей не происходило.

Сколько же послѣ этого могъ допустить поэтъ въ своихъ драмахъ пробѣловъ, противорѣчій, ничѣмъ необъяснимыхъ происшествій! И вся эта смута не смущала столь когда-то проницательнаго властно-творческаго взора автора. Шекспиръ заранѣе рѣшилъ не утруждать своей мысли и даже не напрягать особенно своей памяти. Онъ, подобно герою *Бури*—Просперо—порвалъ всѣ нравственныя связи съ міромъ реальныхъ нуждъ и страданій, вознесся надъ землей въ недосягаемую высь геніевъ и духовъ, чистаго искусства, чудодѣйственнаго волшебства и идиллическаго блаженства. И онъ изберетъ самое простое и дешевое средство—унизить міръ желаній и страстей сравнительно съ вѣчно цвѣтущею долиной сказочнаго Эдема. Тамъ—роскошь, ложь и эгоизмъ *двора*, здѣсь—простота, искренность и младенческое незлобіе *полей*. Вельможи и пастухи—вотъ общественные мотивы послѣднихъ пьесъ Шекспира. У какого самаго зауряднаго сонетиста Возрожденія не хватило бы искусства воспѣть лѣсъ и полевые цвѣты ради вящаго униженія фальшиваго свѣта и душнаго салона!

III.

Шекспиръ, конечно, не заурядный риѳмоплетъ, и его пѣсни часто обличаютъ орлиный полетъ геніальнаго вдохновенія. Въ *Бурѣ* образъ Миранды, несомнѣнно, трогателенъ и естественно-поэтиченъ. Его создавалъ поэтъ, всю молодость отдавшій наукѣ страсти нѣжной—и въ жизни и въ поэзіи. Ему на старости лѣтъ оставалось только кое-что припомнить, себя же повторить—и картина непремѣнно должна была получиться увлекательная и живая. Но *не жизненная*: это непремѣнное условіе! Иначе выйдетъ все та же исторія гибели свѣта—поэтичнѣйшаго, но нравственно-безпомощнаго свѣта. Миранда явится будто лучомъ солнца, принявшимъ форму женщины и

повѣсть ея сердца прозвучитъ намъ будто отрывокъ нѣкоей таинственной музыки сферъ.

Какъ чисты и дѣвственно-граціозны всѣ эти сцены на сказочномъ островѣ, предъ глазами всемогущаго мудреца-отшельника, среди тончайшихъ наслажденій мыслью и искусствомъ,—но сколько заключено здѣсь красивой лжи и преднамѣреннаго кокетства съ фантастическою красотой и несбыточнымъ человѣческимъ счастьемъ!

Въ *Зимней сказкѣ*, напримѣръ, вы неоднократно, среди безпорядочной смѣны эпизодовъ и лицъ, невольно прислушиваетесь къ обольстительнымъ рѣчамъ—особенно героинь. Вы, пожалуй, съ интересомъ прослушаете поэтическую лекцію Пердиты о цвѣтахъ. Трудно искусить и чувствительнѣе вести разговоръ о ногаткахъ, о рутѣ, о размаринѣ,—и притомъ устами невиннѣйшей въ мірѣ пастушки! Впослѣдствіи эта сцена подаетъ ученымъ поводъ къ глубокомысленнымъ соображеніямъ на счетъ обширной шекспировской учености,—и пастушка разыграетъ роль своего рода профессора естествознанія.

Это, конечно, комментаторскій фанатизмъ,—но не безосновательный. При всей первобытной прелести у нашей пастушки имѣется малая толика педантизма. Таковъ ужъ порядокъ! Идиллическая дама на сценѣ непремѣнно должна быть отчасти жеманницей и «щеголихой». Потому что дама—все-таки *сочинена* авторомъ для извѣстной цѣли. Ея хижина—контрастъ дворцу, естественная свѣжесть ея лица—укоризна румянамъ и бѣлиламъ придворныхъ кокетокъ, ея наивная рѣчь—недосягаемый идеалъ для манернаго и изысканнаго острословія свѣтскихъ франтовъ. Пердита въ результатѣ все-таки воплощенная публицистика,—въ элементарной формѣ, ходячая мораль въ уровень съ самымъ невзыскательнымъ вкусомъ и разсудкомъ. Естественно, ея монологи могутъ доставить немалую поживу настоящимъ ученымъ: вѣдь они и сочинены затѣмъ, чтобы въ нихъ зрители отыскали нѣчто болѣе важное и замысловатое, чѣмъ простодушный лепетъ дочери природы.

Послѣ этого пусть сколько угодно завѣряетъ насъ интересная пастушка, будто она «не умѣетъ красиво говорить и не можетъ придумать лучшихъ словъ». Это—опять жеманство и тонъ. На самомъ дѣлѣ, Пердита достойная состязательница по части словесныхъ фигуръ рядомъ съ принцемъ и какимъ угодно придворнымъ. И иначе не мыслимо.

Какая же въ дѣйствительности можетъ быть прелесть и поэзія въ жалкой пастушеской хижинѣ, долженствующая выдержать конкурренцію съ привольной жизнью вельможъ и богачей! Еслибъ въ шалашѣ на самомъ дѣлѣ былъ рай,—тѣ же пастушки не набрасывались бы на золото съ такимъ безумнымъ азартомъ, какого не скрываетъ поэтъ у своихъ будто вседовольныхъ и всеблаженныхъ обитателей земного рая. Очевидно, поэтъ бросалъ на свою картину штрихъ за штрихомъ, не заботясь о гармоніи красокъ, а лишь объ общемъ впечатлѣніи: такъ всегда и рисуются сценическія декораціи.

Единственно гдѣ предъ нами расправляетъ крылья просыпающійся орелъ—это не въ идилліи и не въ сатирѣ, не въ лѣсу и не во дворцѣ,—а въ женскомъ сердцѣ. Это—исконное царство могучаго истинно-шекспировскаго лиризма. Правъ ли поэтъ, или нѣтъ,—но онъ еще съ періода комедій твердо усвоилъ самое рыцарское представленіе о женской любви. Еще тогда онъ избѣгалъ выводить на свою сцену кокетокъ и измѣнницъ, и пѣлъ восторженные гимны женской вѣрности и женскому героизму. Конечно, не ради какихъ-либо идеаловъ,—нѣтъ, этотъ героизмъ чуждъ всякихъ отвлеченностей и широкихъ альтруистическихъ стремленій. Онъ весь сосредоточенъ на одномъ человѣкѣ, воплотившемъ и жизнь и счастье героини.

Но за то нѣтъ ей равнаго по силѣ воли, по самоотверженію на этомъ пути! И поэтъ будто нарочно заставитъ Джульетту, только что вышедшую изъ дѣтскаго возраста,—глубиной и простотой своего чувства сконфузить краснорѣчиваго и эффектнаго юношу, уже испытаннаго въ наукѣ любви. Такъ до конца.

Пердита хотя и пастушка, но гораздо меньше естественная и наивная, чѣмъ Джульетта,—не забываетъ все-таки основного символа любви шекспировскихъ героинь: не разливаться въ пышныхъ фразахъ о чувствѣ, а жить и дѣйствовать подъ властью этого чувства. Герміона, которой нѣтъ необходимости своею фигурой иллюстрировать какую-либо мораль,—можетъ невозбранно оставаться типично-шекспировской героиней. И она—единственный дѣйствительно живой человѣкъ во всей пьесѣ, захватывающій насъ своею судьбой и вносящій дыханіе правды въ искусственную атмосферу дикихъ страстей двора и неправдоподобныхъ добродѣтелей деревни.

Сцена Герміоны съ Леонтомъ могла бы украсить какую угодно драму, еслибъ мы только могли помириться съ несказаннымъ моментальнымъ умопомѣшательствомъ виновника этой сцены. Надо забыть обо всѣхъ кометахъ и звѣздахъ,—тогда рѣчи Герміоны создадутъ настроеніе и тронутъ сердце

Мнѣ остается
Терпѣть и ждать, покамѣстъ небо взглянетъ
На насъ опять правѣй-лѣвѣй...

Это — обычная логика шекспировской героини: *терпѣть* и *ждать*, отнюдь не мстить и не карать. Въ женскомъ сердцѣ, рядомъ съ любовью, не можетъ *физически*—не можетъ быть мѣста даже малѣйшему желанію—злу противоставить зло.

Прощайте, государь!
Ни разу не желала я увидѣть
Васъ льющимъ слезы горести,—теперь же
Увижу это скоро...

И только! Вы видите, остается неистребимой не только любовь, но и вѣра въ любимаго человѣка. Онъ не можетъ быть сознательно жестокъ и преступенъ, онъ ошибается и эта ошибка для него не меньшее несчастье,

чѣмъ и для его жертвы... Выше этого не можетъ подняться никакое чувство человѣка къ человѣку: органическое отрицаніе злой стихіи въ самой природѣ дорогого существа—это совершенное торжество любви, ея апоѳеозъ.

И Шекспиръ считаетъ его *закономъ* женской природы, Герміона съ истинно-мученической отвагой выполняетъ его. Леонтъ ей грозитъ смертью, она отвѣчаетъ:

Оставьте ваши
Угрозы, государь! Того, чѣмъ вы
Хотите запугать меня, желаю
Душевно я сама. Мнѣ жизнь—не радость.
До сей поры вѣнцомъ ея и счастьемъ
Была любовь мнѣ ваша, но она
Погибла навсегда...

Герміона теперь одинока и невольно вспоминаетъ объ отцѣ, и въ этомъ воспоминаніи столько живой человѣческой души, что за эти нѣсколько словъ можно и на самомъ дѣлѣ простить, если не забыть—жестокій анекдотъ, вызвавшій такой перлъ реальной поэзіи:

Отецъ мой
Былъ русскій императоръ... О, когда бы
Онъ дожилъ до постыднаго суда
Надъ дочерью! Когда бы онъ видѣлъ ужасъ
Моей бѣды! Не съ тѣмъ, чтобъ мстить,—нѣтъ, нѣтъ
Но съ тѣмъ, чтобъ пожалѣть меня!

И въ устахъ Герміоны даже рѣчь о «гибельномъ созвѣздіи» находитъ у насъ сочувственный откликъ,—вѣдь это ея единственное утѣшеніе, единственное для нея объясненіе страшной перемѣны въ ея судьбѣ.

Можно сколько угодно возражать поэту и истинами психологіи и фактами жизни, можно сослаться даже на его же личныя признанія въ сонетахъ: ему пришлось испытать далеко не одну искренность и не одно подвижническое самоотверженіе женщины. Онъ могъ, по собственному опыту, до послѣдней черты рисовать Клеопатру и по воспоминаніямъ своей молодости разсказывать многообразныя продѣлки не женщины-ангела, а сирены-змѣи. И онъ такъ именно и поступалъ: Клеопатра вышла не менѣе яркой и гораздо болѣе интересной и драматической фигурой, чѣмъ всѣ Герміоны, Елены, Сильвіи—эти прямолинейныя мученицы своего чувства.

Но пусть поэтическая идеализація останется послѣднимъ отголоскомъ мечтательной рыцарственности среднихъ вѣковъ, пусть слава Шекспира сама разсчитывается съ его, можетъ быть, не совсѣмъ основательнымъ лиризмомъ во славу женскаго сердца,—все это не разрушаетъ прелести сценъ и самихъ героинь. Онѣ даже спасаютъ цѣлыя драмы, — спасаютъ силой искренности и правдой—хотя бы и смѣло идеализированной, но все - таки по существу реальной—жизни. Миранда, Имогена, Герміона—единственныя *шекспировскіе* удары кисти на смутномъ, негармоничномъ фонѣ.

Но откуда же взялся этотъ послѣдній фонъ? Онъ созданъ не вдохновеніемъ, онъ слишкомъ искусственъ; онъ, повидимому, чуждъ даже личнымъ

интересамъ поэта; онъ слишкомъ пестръ, разорванъ, чтобъ его могли любовно взлелѣять поэтическія мечты.

Онъ—плодъ равнодушной, небрежной изобрѣтательности. Онъ каждымъ штрихомъ говоритъ намъ не о свѣтлой сказкѣ, не о солнечной идилліи: и то, и другое обманъ нашего зрѣнія,—а о глубокой драмѣ—только не среди героевъ, а въ творческомъ духѣ автора.

IV.

Въ самомъ дѣлѣ, вдумайтесь въ смыслъ всѣхъ этихъ *Буръ* и *Сказокъ*. Человѣкъ, необыкновенно одаренный отъ природы, исполненный въ высшей степени энергической воли—жить и вдохновляться жизнью, кончаетъ жизнь и вдохновеніе побасенками, скрывающими за собой равнодушіе къ человѣческой природѣ, пренебреженіе къ ней, недовѣріе къ человѣческой волѣ и правдѣ. Безпощадный анализъ страстей и могучіе отклики на міровое зло смѣняются затишьемъ безмолвнаго смиренія и неизлѣчимой усталости.

Пронизывающая горечь охватываетъ сердце передъ этими усладительными небылицами съ непремѣннымъ счастливымъ концомъ. Здѣсь люди не только не способны создать своего счастья, а даже понять его. Богъ вѣсть когда и откуда налетитъ благодѣтельная волна и прибьетъ пловцовъ къ желанному берегу. *Человѣческая воля отрицаетъ себя.*

Здѣсь Шопенгауэръ видѣлъ предѣлъ пессимизма и начало міровой смерти. Откуда же это отрицаніе? Не забавляется же поэтъ, создавая такіе ужасы по своевольному капризу и претворяя ихъ,—будто волшебнымъ заклинаніемъ,—въ безоблачное счастье? Его могутъ забавлять отдѣльные вымыслы его сочинительства, но ничего не можетъ быть забавнаго, напримѣръ, въ первыхъ актахъ *Цимбелина* и *Зимней сказки*. Зритель не знаетъ о дѣйствительной судьбѣ жертвъ обезумѣвшаго короля и не можетъ ожидать, чтобы Герміона явилась въ прежней красотѣ и молодости послѣ шестнадцати лѣтъ «безвѣстнаго отсутствія». Поэтъ до конца хранитъ про себя свою тайну, и мы имѣемъ дѣло съ слишкомъ большимъ талантомъ и умомъ, чтобы раздирательный эпизодъ кровожадной ревности счесть за простую прихоть поэта. Нѣтъ, *здѣсь* онъ не забавляется, а искренне хочетъ намъ показать, какія безсмыслицы часто торжествуютъ надъ людьми и ихъ судьбой; какимъ стихійнымъ безумствамъ подчиняется человѣческая воля и человѣческій разумъ, и какое, дѣйствительно, «жалкое двуногое созданіе», этотъ мнимый царь природы! Одинъ взрывъ страсти, ничѣмъ не оправдаемый и необъяснимый, совершаетъ полный разгромъ и годами пріобрѣтенной опытности, и врожденной мудрости, и неограниченной матеріальной власти.

Но это вѣдь даже не пессимизмъ, а холодное, разсудочно-мотивированное отчаяніе въ смыслѣ нашей жизни и въ силахъ нашей природы. И это настроеніе стоитъ въ концѣ жизни, плодовитѣйшей идейно и практически. Шекспиръ достигъ славы и богатства. Оставалось собирать обильные плоды и доживать вечеръ съ яснымъ сознаніемъ исполненнаго долга. И,

на первый взглядъ, такъ и выходило: между дѣломъ сочинялись *сказки*... Но онѣ только на поверхности переливаютъ волшебными красками и блещутъ пестрою игрой фантазіи: въ глубинѣ таится горькое разочарованіе въ той самой правдѣ, которая теперь устраняется со сцены ради безсвязной небылицы. Улыбка на устахъ не просвѣтляетъ глубоко-задумчивыхъ печальныхъ глазъ.

И въ результатѣ предъ нами вѣчная драма генія, осужденнаго свою избранную природу мирить со «скучными пѣснями земли». Талантъ—вовсе не неоспоримое право на свободный жизненный путь. Это — элементъ, по общему строю нашего міра, явленіе необычное, слѣдовательно—безпокойное и непріятное. Одинъ нѣмецкій поэтъ утверждалъ, что большинству людей въ глубинѣ души гораздо ненавистнѣе умный, даровитый человѣкъ, чѣмъ отъявленный мошенникъ. И біографіи поэтовъ и мыслителей краснорѣчиво доказываютъ основательность этого взгляда.

Драма весьма часто переживается въ самой жестокой формѣ,—той самой, о какой именно Шекспиръ долженъ былъ хранить живѣйшія воспоминанія. Она превосходно изображена въ его сонетахъ, въ знаменитомъ монологѣ его любимаго героя. Другимъ безпрестанно приходилось повторять тѣ же мотивы, и вы помните одно изъ самыхъ сильныхъ повтореній у Шевченко:

Изъ-за куска насущной пищи
Глупцу могучему годить—
И мыслить, чувствовать и жить—
Вотъ драма страшная, святая.

Шекспиръ подъ темною силой могъ разумѣть одно, Шевченко—другое; формы свѣта и тьмы мѣняются до безконечности, но «могучій глупецъ» столь же по существу безсмертенъ, какъ и свободный талантъ—его естественный врагъ. «Драма» мѣняется по сюжету и подробностямъ, но непоколебима въ своихъ основахъ.

Можетъ быть, съ теченіемъ времени и сущность смягчается и изъ-за насущнаго хлѣба талантамъ больше не приходится занимать мѣста паразитовъ, и ихъ не всякій «могучій глупецъ» владѣетъ правомъ въ буквальномъ смыслѣ избить палками. Это—вопросъ *общественнаго* прогресса. Но остается *естественный*. Онъ если и совершается, то безъ всякой пользы для таланта. Толпа безсмертна. Ея духовный уровень можетъ возвышаться, но этотъ прогрессъ никогда не устранитъ возможности являться *особеннымъ* людямъ. И именно эта исключительность всегда останется неистощимымъ источникомъ для многообразныхъ мотивовъ драмы. Именно она заставитъ одного поэта горько сѣтовать на свое ничтожество среди дѣтей ничтожныхъ міра, другого—насиловать свою личность и разыгрывать роль шута, лишь бы скрыть свои тайныя думы отъ кощунственныхъ взоровъ пошляковъ и глупцовъ, третьяго — броситься въ нетерпимую, вызывающую мизантропію. И вы знаете, это все подлинныя исторіи исключительныхъ людей.

Естественно, чѣмъ глубже, жизненнѣе и благороднѣе талантъ, тѣмъ тѣснѣе его нравственная связь съ пессимистическими настроеніями. Свѣтлое вдохновеніе—удѣлъ особыхъ счастливцевъ, своего рода музыкальныхъ инструментовъ, безвольно и безсознательно подающихъ свой откликъ на всякій внѣшній звукъ. Высшее проявленіе талантливости — гармонія воспринимающаго чувства и осмысливающаго разума—не можетъ выражаться въ беззаботныхъ треляхъ лирической пѣсни и въ сладкихъ декламаціяхъ младенческой вѣры. Она будетъ точнымъ отраженіемъ самой міровой правды. А «міръ во злѣ лежитъ», и именно поэтому велико и по-истинѣ царственно призваніе человѣка, одареннаго способностью различать добро отъ зла и силою подчинять одно другому. Такова именно философія Шекспира и таково ея основаніе: признаніе великой тьмы, разлитой въ нашемъ мірѣ и въ собственной природѣ человѣка, и проповѣдь неустанной дѣятельности не во имя какихъ-либо безусловно-очевидныхъ видовъ на побѣду, а во имя только человѣческаго достоинства.

Поэтъ безпрестанно подчеркиваетъ это понятіе *о званіи человѣка*, и на его языкѣ слово *человѣкъ*—высшая похвала, какую только могутъ придумать его герои или для мужественнаго, великаго короля Гамлета, или для благороднѣйшаго идеалиста и гражданина Брута. Достаточно быть — достойно быть — человѣкомъ, чтобы противостать и губительнымъ созвѣздіямъ, и страстямъ. Здѣсь пессимизмъ становится возвышеннѣйшимъ міросозерцаніемъ: источникомъ праведной человѣческой гордости и побужденіемъ къ неустанной работѣ во имя этого сознанія.

И тѣ же предсмертныя драмы Шекспира, таящія въ себѣ менѣе всего оптимистическій взглядъ на юдоль земную, именно этотъ взглядъ ставятъ исходною философскою истиной. Ея практически-нравственный выводъ основная національная стихія британскаго прогресса. Она яркой, нетускнѣющей чертой проходитъ по идеямъ и творчеству великихъ поэтовъ и мыслителей Англіи и съ неподражаемой силой и простотой выражена позднѣйшимъ соотечественникомъ нашего поэта,—самымъ свободнымъ геніемъ свободной страны:

Ты—человѣкъ, вѣнецъ созданья!...

Ив. Ивановъ.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(Малый театръ: *Борцы*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ, Модеста Чайковскаго).

Комедія М. И. Чайковскаго имѣла не меньшій успѣхъ, чѣмъ *Джентльменъ* князя Сумбатова. Это тоже комедія бытовая и современная, только изъ другого круга, пребывающаго главнымъ образомъ въ Петербургѣ. Мы слышали, что г. Чайковскій вначалѣ назвалъ свою пьесу *Ванька-встанька*, но потомъ далъ ей заглавіе *Борцы*, менѣе удачное и не совсѣмъ подходящее къ содержанію пьесы. «Ваньку-встаньку» изображаетъ Иванъ Ѳедоровичъ Галтинъ (г. Южинъ), онъ же и первый «борецъ», совершенная противоположность Сумбатовскаго «джентльмена» Рыдлова, безобразничающаго при родительскихъ милліонахъ. Галтинъ началъ съ очень маленькаго, быть можетъ—съ ничего, своимъ умомъ и досужествомъ дошелъ до всего: онъ нажилъ большое состояніе, почти богатство, чинъ «превосходительный», добился пожалованія въ потомственные дворяне, составилъ себѣ репутацію, можно сказать даже славу, необыкновенно умнаго и честнаго дѣльца, способнаго занять очень высокій административный постъ и чуть ли не облагодѣтельствовать всю Россію. Въ высшихъ сферахъ онъ пользуется огромнымъ довѣріемъ, завѣдуетъ въ качествѣ главноуправляющаго дѣлами и имѣніями баронессы Торнъ (г-жа Никулина) и княгини Натальи Борисовны (г-жа Яблочкина). Разстроенныя дѣла этихъ дамъ Галтинъ привелъ въ блестящее положеніе, поразительно пріумножилъ доходы сіятельныхъ довѣрительницъ. Черезъ нихъ онъ добился чиновъ и дворянства и, при ихъ помощи, лѣзетъ еще выше. Баронесса чуть Богу не молится на него, изъ силъ выбивается—хлопочетъ о назначеніи Галтина на высокій административный постъ, при содѣйствіи важнаго князя (г. Ѳедотовъ), могущаго повліять на еще болѣе важнаго и сильнаго князя Сумеона, который на сценѣ не показывается и котораго всѣ не иначе называютъ, какъ просто—князь Сумеонъ, безъ отчества и фамиліи. Со всѣми этими господами Галтинъ держитъ себя довольно независимо, «спроста по-простецки», по его собственному выраженію, приводящему въ восторгъ его сіятельныхъ покровительницъ. Онъ держитъ себя не только «по-простец-

ки», но даже слегка грубовато, разсчитанно и умѣренно, оправдываясь тѣмъ, что онъ человѣкъ «простой, чисто-русскій», безъ хитрости и лести,—«что на умѣ, то и на языкѣ», «правда-матка всего дороже». Да ему,—по его же объясненію,—и надобности нѣтъ вести себя иначе: у него все есть, ни въ комъ онъ не нуждается, ничего онъ для себя не ищетъ, ни о чемъ не проситъ. Его надо убѣждать, уговаривать; даже просить, чтобы согласился занять высокій постъ, ибо «такіе люди *намъ* теперь нужны,—истинно-русскіе люди», способные облагодѣтельствовать отечество. И Галтинъ, подталкиваемый титулованными пріятельницами «попростецки», пожимаетъ плечами и добродушно соглашается пробираться выше и расширить кругъ своей благодѣтельной дѣятельности. Съ этой стороны Галтинъ—весьма типичный и ярко изображенный авторомъ проходимецъ нашего времени,—только онъ не «боецъ», а «пролаза».

Все сказанное нами выясняется въ первомъ актѣ на балѣ у Галтина. За кулисами идетъ домашній спектакль, въ которомъ участвуютъ: дочь хозяина дома, Соня (г-жа Лешковская) и его воспитанница Настя (г-жа Музиль). На этомъ вечерѣ, рядомъ съ молодыми людьми: княземъ Ветлужскимъ (г. Ильинскій), барономъ Торнъ (г. Тольскій), рядомъ съ гвардейцами и великосвѣтскими франтами,—присутствуютъ: Павленко (г. Рыжовъ), студентъ медицинской академіи, воспитанникъ Галтина изъ крестьянъ, способный мальчикъ, взятый изъ бѣдной семьи еще покойною женой Галтина, и старикъ Дилигентовъ (г. Садовскій), личный секретарь Галтина, принадлежащій къ разряду «униженныхъ и оскорбленныхъ». Этотъ Дилигентовъ въ чемъ-то проштрафился, попалъ подъ судъ, былъ исключенъ изъ службы и окончательно погибалъ, когда Галтинъ взялъ его къ себѣ на службу, пожалуй, вѣрнѣе—въ услуженіе. Обоихъ облагодѣтельствованныхъ бѣдняковъ, юношу и старика, его превосходительство не только безцеремонно третируетъ, но порою и мальтретируетъ. Студентъ возмущается этимъ по-юношески, порою несдержанно и рѣзко, не зарываясь, однако, изъ благодарности и самаго искренняго уваженія къ памяти своей истинной благодѣтельницы. Старикъ Дилигентовъ возмущается по-своему, по-приниженному, вспоминая постоянно наставленіе своей маменьки:

„Ниже тоненькой былинки
Надо голову клонить,
Чтобъ на свѣтѣ сиротинкѣ
Безпечально вѣкъ прожить“.

Правило это не мѣшаетъ, однако, Дилигентову возмущаться, конечно въ отсутствіе Галтина, и отъ всей души ненавидѣть этого «благодѣтеля» за его успѣхи и за тѣ продѣлки, которыми обусловлены такіе успѣхи. У Дилигентова въ карманѣ памятная книжка, въ которой онъ на одной сторонѣ записываетъ «свинства» и явныя «подлости» Галтина, а на другой—то, что онъ сдѣлалъ добраго и хорошаго. Страницы первой категоріи испещрены достаточно, страницы второй—всѣ чистенькія. Дилигентовъ не-

навидитъ и презираетъ Галтина, исподтишка готовъ подстроить ему всякій подвохъ и пресмыкается передъ нимъ: «Ниже тоненькой былинки надо голову склонить»... Студентъ Павленко и воспитанница Настя влюблены другъ въ друга и условились обвѣнчаться, какъ только молодой человѣкъ сдастъ послѣдніе экзамены и получитъ мѣсто. Отношенія между юношей и Соней, дочерью Галтина, представляются намъ неясными и нѣсколько странными. Соня видимо поддразниваетъ его не безъ кокетства, зоветъ его танцовать. Онъ отказывается, раздраженно укоряетъ ее за легкомысліе и безсердечіе, за вѣчное желаніе «играть комедіи» и говоритъ между прочимъ: «Довольно, будетъ съ меня, не дамъ я вамъ себя въ шуты рядить»... Мы отмѣчаемъ это особенно потому, что къ концу это намъ понадобится. За Соней усердно ухаживаетъ князь Ветлужскій.

Во второмъ дѣйствіи разъясняется, отчасти, какими способами Галтинъ «удесетеряетъ» доходы своихъ довѣрительницъ. Онъ выпродаетъ изъ ихъ имѣній лѣса и прямо разоряетъ наивныхъ дамъ, а въ огражденіе себя подсовываетъ имъ для подписи распоряженія о такихъ сдѣлкахъ, причемъ настаиваетъ, чтобы барыни тщательно провѣряли его, чтобы сами ѣздили для этого въ свои помѣстья. Это немного слишкомъ «спроста по-простеки», но ведетъ лишь къ тому, что укрѣпляется вѣра барынь въ Галтина, на самомъ же дѣлѣ провѣрять его, ѣздить по деревнямъ, имъ некогда и скучно. Къ довершенію благополучій блестящій офицеръ князь Ветлужскій, наслѣдникъ огромнаго майората, дѣлаетъ предложеніе дочери Галтина. Вѣрный своей обычной тактикѣ, Галтинъ слегка ломается, предоставляетъ рѣшить этотъ вопросъ самой Сонѣ. Дѣвушка соглашается, заявивши, однако, князю, что она его не любитъ и никого не любитъ. За то князекъ такъ влюбленъ въ нее, такъ она вскружила ему голову, что онъ себя не помнитъ и идетъ лишь на одну уступку, чтобы свадьба была отложена на три мѣсяца.—«Ну, и претъ же мнѣ!»—восклицаетъ про себя восхищенный Галтинъ. Тѣмъ временемъ Дилигентовъ, аккуратно ведущій счетъ «свинствамъ» и «подлостямъ» своего патрона, получаетъ возможность внести въ свои замѣтки еще одну мерзость: ухаживаніе Галтина за воспитанницей Настей. Письмо Павленка, въ которомъ тотъ проситъ руки Насти, приводитъ Галтина въ неистовство.—«Никогда этому не бывать!—кричитъ онъ.—Выкиньте это изъ головы».

Въ третьемъ актѣ—мѣсяца черезъ два, кажется,—женихъ-князекъ до того надоѣлъ Сонѣ, что она не знаетъ, какъ отъ него отдѣлаться. А бѣдная Настя такъ и не отвертѣлась, сдѣлалась жертвой мерзкаго каприза Галтина, который теперь хочетъ спровадить ее замужъ за Павленку, сдѣлавшагося врачомъ. Съ этою цѣлью, не говоря никому ни слова, онъ вызвалъ Павленка письмомъ. За время разлуки молодыхъ людей Галтинъ перехватывалъ ихъ письма. Всѣ они, какими-то судьбами, очутились въ карманѣ Дилигентова. И вотъ онъ, при первой встрѣчѣ съ Павленкомъ, отдаетъ молодому человѣку какъ его нераспечатанныя посланія, такъ и распечатанныя письма его невѣсты, въ послѣднемъ изъ которыхъ она со-

общаетъ ему о постигшей ее горькой участи. Въ присутствіи обѣихъ дѣвушекъ, Дилигентова и князя Ветлужскаго, молодой врачъ кидается на Галтина съ крикомъ:—«Подлецъ!»—Ветлужскій и Дилигентовъ удерживаютъ Павленка и тѣмъ спасаютъ Галтина отъ еще болѣе тяжкаго оскорбленія. Галтинъ запирается въ своемъ кабинетѣ. Соня, послѣ такого скандала, считаетъ невозможнымъ выйти замужъ за Ветлужскаго и отказываетъ ему. Почему, именно, отказываетъ,—это выясняется въ первой картинѣ четвертаго дѣйствія, въ комнатѣ Насти, заболѣвшей отъ нравственнаго потрясенія. Соня ухаживаетъ за больною подругой, о несчастьи которой она только-что узнала. Изъ обоюдныхъ признаній дѣвушекъ мы узнаемъ, что Соня давно любитъ Павленка. Настя догадывается, что и Павленко любитъ Соню, а ее, Настю, только жалѣетъ и изъ жалости не отказывается и теперь жениться на ней. А потому Настя не можетъ быть его женой, уступаетъ его Сонѣ, сама же идетъ въ сестры милосердія. Разговоръ съ пришедшимъ въ это время Павленкомъ подтверждаетъ догадку Насти, и сцена кончается ея обморокомъ. Въ послѣдней картинѣ передъ нами Галтинъ въ своемъ кабинетѣ. Призванный Галтинымъ Дилигентовъ пересталъ стѣсняться съ патрономъ, не желаетъ быть «ниже тоненькой былинки», не величаетъ его «превосходительствомъ», развязно усаживается на стулъ, закидываетъ ногу на ногу и ехидно спрашиваетъ: «Ну-съ, какъ вы себя теперь чувствуете, Иванъ Ѳедоровичъ?»—Дилигентовъ убѣжденъ, что при его усердномъ содѣйствіи Галтинъ окончательно сломилъ себѣ шею. Дилигентовъ раскрылъ всѣ его продѣлки и послалъ его довѣрительницамъ обстоятельные доносы, отъ чего и не считаетъ нужнымъ отпираться.—«Да-съ,—говоритъ онъ,—донесъ, я донесъ потому, что ненавижу васъ за всѣ ваши гадости, за то, что вы зазнались»... и т. д. въ злобно обличительномъ тонѣ. Только на Галтина-то все это производитъ не большее дѣйствіе, чѣмъ горохъ объ стѣну.—«Промахнулись вы, г. Дилигентовъ,—начинаетъ онъ глумиться надъ собесѣдникомъ,—не такой я человѣкъ, котораго можно было бы опрокинуть. Знаете, куклы такія есть, называются «Ванька-встанька» Вы ее повалите, а она поднимется, покачается - покачается и опять станетъ прямо, какъ ни въ чемъ не бывало. Вотъ и я такой-то «Ванька-встанька». Всѣ ваши доносы пропали даромъ, всѣ ихъ я сумѣлъ опровергнуть и пользуюсь теперь бо̀льшимъ довѣріемъ, чѣмъ когда-либо». И это онъ документами доказываетъ Дилигентову.—«А нельзя меня опрокинуть,—продолжаетъ Галтинъ,—потому, что на такихъ, какъ я, теперь *спросъ*, а на такихъ, какъ вы, нѣтъ спроса. Я—въ модѣ, я *имъ* нуженъ, а не они мнѣ, и безъ меня они обойтись не могутъ».—Разбиваетъ онъ Дилигентова на всѣхъ пунктахъ и въ грязь затаптываетъ. Но приходитъ дочь, Соня, и заявляетъ отцу, что князю она отказала, въ его домѣ оставаться не хочетъ и уѣзжаетъ съ Павленкомъ и съ Настей. На гнѣвный окрикъ отца и на угрозу оставить ее безъ денегъ, она отвѣчаетъ, что ничего ей не нужно, ничего она и сама отъ него не возьметъ, и съ этимъ уходитъ.—«Какъ вы себя теперь чувствуете, Иванъ Ѳедоровичъ?—ехидничаетъ Дили-

гентовъ.—Вы говорили, суда на васъ нѣтъ. Анъ судъ-то есть: вотъ онъ судъ-то на васъ».—Галтинъ сраженъ, его не радуетъ, не подбадриваетъ даже телеграмма, поданная въ эту минуту и извѣщающая о томъ, что онъ получилъ то высокое назначеніе, котораго онъ такъ добивался.—«На что мнѣ это теперь?»—тихо говоритъ онъ, комкая и бросая телеграмму. Занавѣсъ падаетъ, пьеса кончена, но мы остаемся при увѣренности, что «Ванька-встанька», несмотря ни на что, опять поднимется, станетъ прямо и примется «благодѣтельствовать» Россію, какъ облагодѣтельствовалъ своихъ сіятельныхъ поклонницъ. И это отнюдь не портитъ впечатлѣнія,—наоборотъ, усиливаетъ его, подкрѣпляетъ. И это чувствуется въ настроеніи всей залы, въ дружныхъ апплодисментахъ и въ вызовахъ автора. Какъ видитъ читатель, пьеса умная, съ большимъ смысломъ, за что и пользуется она полнымъ успѣхомъ, несмотря на всѣ промахи автора. Изъ нихъ самымъ крупныхъ мы считаемъ вклеенный, почти втиснутый, въ пьесу эпизодъ съ Настей, придуманный авторомъ для вящаго опозориванія Галтина. Мы думаемъ, что для полной его характеристики было достаточно его гадкаго ухаживанія за воспитанницей, и совершенно достаточно было для того, чтобы ея женихъ сказалъ ему «подлеца», а затѣмъ—увелъ бы отъ него дѣвушку и благополучно сочетался бы съ нею бракомъ. Второй промахъ мы видимъ въ ненужной ни на что и путающей дѣло обоюдной любви Павленка и Сони. Необъяснимымъ, при такой любви, представляется его объясненіе въ любви съ Настей въ первомъ актѣ и ихъ рѣшеніе вступить въ бракъ, при первой возможности. Затѣмъ въ концѣ пьесы оказывается, что Соня уходитъ отъ отца, главнымъ образомъ, для того, чтобы выйти замужъ за Павленка. Мы полагаемъ, что было бы лучше и внушительнѣе, если бы передъ Соней, такъ или иначе, раскрылись пройдошества и мошенничества ея отца и что это побудило дѣвушку уйти отъ него и отказаться отъ наворованныхъ имъ денегъ. Тогда былъ бы настоящій «судъ» надъ всѣми его дѣяніями, а не порывъ влюбленной дѣвушки, и кара постигла бы Галтина за все, что онъ дѣлалъ, а не за одно его любовное приключеніе, не совсѣмъ правдоподобное, даже съ перехватываніемъ писемъ и въ присутствіи Сони и Дилигентова, который видѣлъ все съ самаго начала и не задумался бы, сумѣлъ бы во время, ничѣмъ не рискуя, подставить и съ этой стороны ножку ненавистному патрону. Эти два промаха вынудили автора вставить въ пьесу первую картину четвертаго акта, довольно скучную, прерывающую естественный ходъ комедіи и нисколько не объясняющую того, чѣмъ удалось Галтину соблазнить Настю, искренно любящую Павленка. Эти двѣ любви кажутся намъ неудачно выдуманными и плохо объясненными. Но все это выкупается большою типичностью двухъ главныхъ лицъ, Галтина и Дилигентова. Повторяемъ, это не *борцы,* и никакой борьбы въ пьесѣ нѣтъ: Галтину все удается, все идетъ у него, какъ по маслу,—ему «претъ», по его собственному выраженію. По-настоящему, онъ даже и не «Ванька-встанька», такъ какъ никто его не опрокидываетъ и не валяетъ на бокъ. Попытка Дилигентова сдѣлать это рѣшительно не

удается съ самого начала. Да и самъ Дилигентовъ ничуть не «борецъ», и пытается онъ «подкузмить» патрона не ради борьбы за что-нибудь, а просто изъ ненависти «униженнаго и оскорбленнаго» къ торжествующему и зазнающемуся удачнику. Такая ненависть весьма понятна со стороны гаденькой и пресмыкающейся натуры Дилигентова, которому, въ сущности, нѣтъ никакого дѣла ни до пороковъ патрона, ни до того, сколько онъ дѣлаетъ зла и сколько еще можетъ надѣлать въ случаѣ дальнѣйшихъ удачъ. Злобствуетъ Дилигентовъ просто изъ зависти. Названіе къ пьесѣ не подходитъ, но это не такъ уже особенно важно. Много важнѣе то обстоятельство, что въ дѣйствительности на такихъ господъ, какъ Галтинъ, «есть спросъ» и что на самомъ дѣлѣ на нихъ «нѣтъ суда», они—«въ модѣ» съ своимъ «спроста по-простецки» и потому считаютъ возможнымъ всячески нахальничать и залѣзать на такія высокія мѣста, на которыхъ ихъ алчности и «хамской» наглости не предвидится никакихъ предѣловъ. Все, данное авторомъ, превосходно изобразилъ г. Южинъ. Г. Садовскій былъ идеальнымъ Дилигентовымъ. Въ его интерпретаціи это не только вполнѣ живая фигура, это—настоящій типъ, олицетворенный такъ, какъ нынче уже почти разучились это дѣлать и отдѣлывать до послѣднихъ мелочей съ непоколебимою естественностью самаго ничтожнаго движенія. Смотрѣть такую игру—истинное и высокое наслажденіе. Вотъ гдѣ старая школа для молодыхъ артистовъ, такихъ талантливыхъ и работающихъ, какъ г. Рыжовъ, напримѣръ, отлично исполнившій весьма нелегкую роль Павленка. Къ нашему большому удовольствію, мы можемъ отмѣтить, что г. Ильинскій такъ же хорошо, мѣстами восхитительно, сыгралъ роль князя Ветлужскаго. Г-жа Музиль была очень мила въ трудной роли воспитанницы Насти. Для такой роли она еще не достаточно сильна, но видны большая искренность, правильное пониманіе положеній и обдуманное стараніе передать все въ надлежащемъ тонѣ. Отъ души желаемъ дальнѣйшихъ успѣховъ молодой артисткѣ. Г-жа Лешковская, по обыкновенію, извлекла изъ неважной роли Сони все, что можетъ извлечь изъ нея очень большой талантъ. При всемъ уваженіи нашемъ къ г-жѣ Никулиной, мы вынуждены сказать, что напрасно взяла она на себя изображать баронессу, grande dame самаго высшаго круга. На провинціальныхъ сценахъ эта комедія будетъ имѣть, вѣроятно, такой же большой успѣхъ, какъ имѣла она въ Москвѣ.

Ан.

Путешествія К. К. Случевскаго.

(«По сѣверо-западу Россіи», два тома съ 2 картами и 305 рисунками, изданіе А. Ф. Маркса.)

Про русскихъ говорятъ, будто они большіе домосѣды и путешествовать не любятъ. Я думаю, что это не совсѣмъ вѣрно, и было бы справедливѣе сказать, что они не умѣютъ путешествовать. Нашъ простой народъ очень любитъ отправляться на богомолья, и даже въ очень далекія страны, не боясь никакихъ неудобствъ и лишеній. Доказательствомъ тому служатъ многія тысячи поклонниковъ, ежегодно являющихся въ Соловки, на Валаамъ, въ Кіевъ, въ Троицкую лавру, въ Святогорскій монастырь, въ Ново-Аѳонскій монастырь (близъ Сухума), въ Палестину. Нынѣшнею весной я встрѣтилъ группу русскихъ богомольцевъ въ храмѣ св. Петра въ Римѣ, куда они явились со св. горы Аѳона съ тѣмъ, чтобы направиться въ Бари (извѣстный русскому народу подъ именемъ «Баръ-градъ») на поклоненіе мощамъ Чудотворца Николая и перебраться затѣмъ въ Палестину. Всѣ эти паломники не знали никакого языка, кромѣ русскаго, и, тѣмъ не менѣе, странствовали преблагополучно. Такихъ ведетъ, конечно, религіозное чувство. Идущихъ на отходные промыслы, ходаковъ и переселенцевъ крайняя нужда гонитъ въ далекія мѣста. Наши торговые люди изъ-за выгодъ и барышей часто ѣздятъ въ Англію, Францію, Бельгію, Германію, въ далекую Сибирь и въ еще болѣе далекій Китай; русскихъ купцовъ я встрѣчалъ въ Египтѣ; нѣкоторые мои пріятели, наши коммерсанты, бывали въ Индіи, на Цейлонѣ, въ Сіамѣ и въ Японіи. Въ лѣчебные сезоны заграничные курорты кишмя-кишатъ русскими. Про Ниццу и Парижъ и говорить нечего. Русскіе вовсе не прочь постранствовать, только изъ ихъ странствованій почти никогда ничего не выходитъ добраго, кромѣ траты денегъ, болѣе или менѣе безтолковой и безполезной.

За то русскіе грамотные люди—большіе охотники почитать разсказы о путешествіяхъ, далеко немногочисленные въ нашей литературѣ, въ большинствѣ случаевъ сухіе и не занимательные, а иногда и прямо «перевирательные». Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, т.-е. въ смыслѣ отчаяннаго вранья, первенство принадлежитъ, несомнѣнно, французамъ, не стѣсняю-

щимся разсказывать сущія небылицы, какъ Пьеръ Лоти, напримѣръ, въ своей книжкѣ *Іерусалимъ*. Всего же менѣе у насъ дѣльныхъ и обстоятельныхъ путешествій по Россіи, почему мы объ отечествѣ своемъ знаемъ менѣе, чѣмъ о какой-либо иной странѣ, и лишь о нѣкоторыхъ мѣстахъ,— каковы Волга, Кавказъ и Крымъ,—можемъ почерпнуть кое-какія свѣдѣнія изъ путеводителей.

Два очень большихъ тома К. К. Случевскаго (всего 70 крупныхъ листовъ убористой печати) представляютъ собою въ нашей литературѣ путешествій совершенно исключительное явленіе какъ по огромной массѣ свѣдѣній, такъ и по ихъ точности, что соединено съ живостью и увлекательностью повѣствованія. Въ этой книгѣ авторъ разсказываетъ о своихъ шести путешествіяхъ, изъ коихъ три совершены были по сѣверу Россіи и три по ея западу въ лѣтніе мѣсяцы 1884, 1885, 1886, 1887 и 1888 гг. Это своего рода дневникъ, въ которомъ авторъ не пропускаетъ и не оставляетъ безъ вниманія ни одного, хотя бы самаго ничтожнаго, городка или поселка, или урочища, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя г. Случевскій посѣтилъ, сопутствуя Великому Князю Владиміру Александровичу въ его объѣздѣ далекихъ странъ нашего сѣвера и нашихъ западныхъ губерній. Описывая каждую мѣстность, авторъ даетъ весьма ясный очеркъ ея,—такъ сказать, ея пейзажъ,—затѣмъ ея исторію, достовѣрную, по документамъ, и болѣе или менѣе легендарную, по преданіямъ. Далѣе слѣдуетъ описаніе церквей, монастырей и иныхъ достопримѣчательныхъ зданій, остатковъ старины, музеевъ, школъ, библіотекъ, промышленныхъ заведеній и теперешнихъ занятій обывателей, что даетъ автору поводъ коснуться экономическаго положенія страны, причинъ, способствующихъ благосостоянію или обѣднѣнію обывателей и тѣхъ мѣръ, которыя, по мнѣнію автора, могли бы послужить къ развитію нравственныхъ силъ и къ увеличенію матеріальныхъ средствъ края. Все, что касается этихъ сторонъ быта населенія, подкрѣплено оффиціальными статистическими данными, указаніями хорошо освѣдомленныхъ людей и всестороннимъ обсужденіемъ вопроса, занимающаго путешественниковъ.

Въ первомъ томѣ *(По сѣверу Россіи)* наибольшій интересъ представляетъ путешествіе второе (1885 года) черезъ Рыбинскъ, Ярославль, Ростовъ Великій, Вологду, Устюгъ, Сольвычегодскъ къ Архангельску, по Бѣлому морю къ Соловецкому монастырю и далѣе Ледовитымъ океаномъ въ Колу и на Мурманскій берегъ съ его рыбными и китобойными промыслами, а потомъ обратно въ Петербургъ отъ Сумскаго посада у Бѣлаго моря на Повѣнецъ у Онежскаго озера, такъ называемою «государевою дорогой», по которой Петръ I совершилъ свой Нюхацкій походъ, вѣроятно, мало извѣстный большинству читателей, несмотря на то, что этотъ необычайный «походъ» имѣлъ громадное вліяніе на дальнѣйшую судьбу нашего отечества.

Царь Петръ съ царевичемъ Алексѣемъ и свитой выѣхалъ изъ Соловецкаго монастыря 15 августа 1702 г. на тринадцати корабляхъ съ 4,000 войска и прибылъ въ Нюхчу 16 августа. Отсюда онъ велѣлъ флоту идти обратно въ Архангельскъ, оставивши при себѣ два фрегата. Эти два воен-

ные корабля были вытащены на берегъ, и «потянулъ ихъ царь за собой волокомъ на Повѣнецъ на разстояніи 160 верстъ». «Въ Нюхчѣ на Бѣломъ морѣ царя встрѣтило 5,000 народа, согнаннаго для работъ отовсюду. Часть ихъ пошла рубить дѣвственные тогда лѣса, закладывать топи, строить мосты; часть тащила фрегаты—гдѣ волокомъ, гдѣ водою, гдѣ на каткахъ. Самъ Петръ рубилъ лѣсъ и подставлялъ катки,—выпьетъ, бывало, анисовки и снова за работу. На одной рѣкѣ, очень бурной, нельзя было, говорятъ, свайку вбить; царь самъ поѣхалъ, а за нимъ, конечно, и другіе. «Лиха бѣда,—сказалъ Петръ,—первому оленю въ гарь кинуться, остальные всѣ тамъ же будутъ». И дѣйствительно, всѣ были тамъ! Первую мостовину царь клалъ всегда самъ и при этомъ и боярина, и нѣмца, и всѣхъ, имѣвшихся на-лицо, работать заставлялъ»... Преданіе говоритъ, что въ Выгозерской волости царь крестилъ сына у крестьянина Никиты, не «нашедшаго себѣ кума, по бѣдности». Далѣе авторъ передаетъ слѣдующее: «На полпути могучаго царскаго похода выгорѣцкіе раскольники поднесли царю хлѣбъ-соль. «Что за люди?»—спросилъ Петръ. «Это раскольники,—отвѣтили ему,—властей духовныхъ не признаютъ и за тебя, царь, не молятся».—«Ну, а подати платятъ исправно?»—спросилъ Петръ. «Народъ трудолюбивый, безъ недоимокъ».—«Живите же, братцы,—промолвилъ царь раскольникамъ,—на доброе здоровье, о царѣ Петрѣ, пожалуй, хоть не молитесь, а раба Божія Петра во святыхъ молитвахъ иногда поминайте,—тутъ грѣха нѣтъ!» Конечно,—заключаетъ авторъ,—весь этотъ разсказъ носитъ на себѣ характеръ раскольничьяго апокрифа, но какъ онъ хорошъ!» 26 августа войска вступили въ Повѣнецъ, а фрегаты спущены на Онежское озеро. Слѣдствіемъ этого диковиннаго похода было взятіе Шлиссельбурга, давшее царю Петру возможность укрѣпиться на Невѣ и основать Петербургъ.

Отъ «Выгорѣціи», изъ которой приходили раскольники къ царю Петру, теперь «слѣдовъ не имѣется». Расколъ этотъ зачался въ Соловкахъ мятежомъ монаховъ. Послѣ «соловецкаго сидѣнія» и взятія монастыря (въ 1677 г.) царскими войсками, «началось разселеніе раскольниковъ на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ, до Сиріи, до центральной Азіи». «Знаменитое Даниловское пустынножительство возникло въ 1694 г. на рѣкѣ Выгѣ», и «самымъ замѣчательнымъ изъ дѣятелей выгорѣцкаго раскола» былъ Андрей Денисовъ, изъ рода князей Мышецкихъ, ходившій для изученія логики, философіи и богословія въ Кіевъ къ Ѳеофану Прокоповичу. «Андрей Денисовъ пришелъ въ пустыню въ 1692 г., семнадцатилѣтнимъ юношей, и не только сумѣлъ соединить разрозненныхъ выговскихъ поселенцевъ и создать Даниловское общежитіе, но и превратилъ это ничтожное вначалѣ поселеніе въ большой торговый и промышленный городъ-монастырь и сдѣлалъ его центромъ безпоповщинской половины раскольничьяго міра». «Никто не повѣритъ теперь,—говоритъ г. Случевскій,—когда отъ Данилова и Лексы не осталось болѣе и тѣни, что пустынный край этотъ былъ когда-то по всѣмъ направленіямъ прорѣзанъ дорогами, на которыхъ стояли постоялые дворы, что у даниловцевъ имѣлись и процвѣтали мастерства, конные

и коровьи дворы, обширная литература, школы, различныя древлехранилища, книжныя и живописныя лавки, имѣлись большіе капиталы, существовали свои суда, ходившія до Петербурга и Вытегры. Самъ монастырь Даниловъ занималъ въ цвѣтущее время около восьми квадратныхъ верстъ...» Монастырскимъ скитамъ не было счета и они были разсѣяны повсюду... «И всего этого нѣтъ теперь!»—говоритъ авторъ. И еслибъ все это не было истреблено, то «дебрямъ Олонецкой и Архангельской губерній не пришлось бы ожидать вторичнаго оживленія...» Послѣднія мѣропріятія, доканавшія и опустошившія Выгорѣцію, были направлены противъ раскольниковъ около пятидесяти лѣтъ назадъ. Теперь ихъ осталось во всемъ краѣ немного болѣе 500 человѣкъ...

Описаніе Соловецкаго монастыря, какъ и Валаамскаго и многихъ другихъ полно историческаго и бытового интереса и любопытныхъ археологическихъ указаній. Для людей, желающихъ посѣтить святыя мѣста нашего Сѣвера, книга г. Случевскаго будетъ всегда необходимымъ и очень дорогимъ спутникомъ.

Очень картинныя и, въ особенности, очень обстоятельныя описанія сѣвернаго поморья, съ его необъятными богатствами и самымъ прискорбнымъ неумѣньемъ пользоваться ими, производятъ тяжелое впечатлѣніе. Въ шестидесятыхъ годахъ мы владѣли нѣсколькими хорошими незамерзающими гаванями на Мурманѣ, близъ границы Норвегіи. Затѣмъ гавани эти были уступлены Норвегіи, и норвежцы, пользуясь ими, безпрепятственно хозяйничаютъ въ нашихъ водахъ и на нашихъ островахъ, ловятъ рыбу, избиваютъ китовъ, моржей и тюленей раннею весной, въ мартѣ мѣсяцѣ, когда *нашъ* Мурманъ погруженъ еще въ свою зимнюю спячку. Г. Случевскій называетъ «чудомъ земли русской» норвежскій ромъ, который онъ такъ описываетъ: «Ромъ этотъ, цвѣта крѣпкаго кофе, разитъ какимъ-то невозможнымъ запахомъ и даетъ осадокъ; это—подслащенный, подкрашенный сандаломъ спиртъ, которому приданы всѣ свойства опіума примѣсью кукольвана, стручковаго перца и, можетъ быть, чего-либо еще худшаго». По положенію 14 мая 1876 г., питейная торговля на Мурманскомъ берегу объявлена безакцизною, безпатентною и свободною, и норвежцы безпошлинно и совершенно свободно спаиваютъ и на-смерть опаиваютъ своею мерзкою отравой нашихъ поморовъ и несчастныхъ лопарей. Съ тѣхъ поръ, какъ это было писано и напечатано въ газетахъ, прошло двѣнадцать лѣтъ, но авторъ, пересматривая свою книгу для изданія 1897 г., нигдѣ не говоритъ объ изгнаніи злого напитка изъ нашей сѣверной окраины. Изъ этого мы заключаемъ, что спаиваніе и опаиваніе норвежцами рабочихъ на Мурманѣ продолжается и теперь.

По расцѣнкѣ, приводимой г. Случевскимъ, китъ средней величины даетъ продуктовъ на 1,600 рублей. Норвежецъ Фойнъ нажилъ огромное состояніе на китобойствѣ главнымъ образомъ въ нашихъ водахъ. У Фойна три китобойныхъ парохода. Въ настоящее время въ Норвегіи 17 китобойныхъ компаній съ 34 пароходами. У насъ имѣется всего два кит обойныхъ за

вода съ 4 пароходами. Сколько-нибудь организованной охоты на акулъ совсѣмъ не существуетъ, несмотря на ихъ неисчислимое множество и на очень большія выгоды, которыя могъ бы доставить этотъ промыселъ при обработкѣ всѣхъ продуктовъ, доставляемыхъ акулой. Наши промышленники, оставаясь вѣрными преданіямъ, берутъ отъ акулъ только «максу»—печень, иногда кожу, всю же остальную довольно цѣнную тушу бросаютъ въ море такъ же точно, какъ летятъ обратно въ море десятки тысячъ пудовъ внутренностей трески, изъ которыхъ можно получать гуано, превосходнѣйшее удобреніе. Отъ кита средней величины получается гуано на 200 руб. Мы не думаемъ, чтобы можно было объяснить безполезное уничтоженіе акулъ и тресковыхъ внутренностей одною «вѣрностью преданіямъ». Правильнѣе будетъ, кажется, приписать это отсутствію знаній у мѣстныхъ промышленниковъ и предпринимателей.

Мы полагаемъ, что такимъ же недостаткомъ свѣдѣній о собственныхъ владѣніяхъ обусловливаются и жалобы поморовъ (по существу весьма справедливыя) на уступку незамерзающихъ гаваней Норвегіи и хищническіе набѣги норвежцевъ на наши далекіе острова. Выводимъ мы это изъ очень положительныхъ указаній г. Случевскаго на то, что нашею собственностью остаются еще превосходныя незамерзающія и замерзающія на очень короткое время бухты, совершенно пустующія, нами не эксплуатируемыя. Таковы: носящая и теперь названіе Екатерининской гавани, въ которой нѣсколько разъ зимовали наши военные корабли; Арская губа, которая никогда не замерзаетъ; Териберка—замерзаетъ не совсѣмъ, Еретики—всего на двѣ недѣли. «Кромѣ перечисленныхъ удобныхъ для промысловъ мѣстностей, имѣется цѣлый рядъ другихъ, не менѣе, если не болѣе, удобныхъ», и авторъ перечисляетъ еще пять бухтъ, изъ которыхъ такъ же, какъ изъ прежде названныхъ, промысловые пароходы могутъ уходить къ Новой Землѣ въ мартѣ мѣсяцѣ и «помѣшать норвежцамъ снимать богатыя сливки съ нашихъ моржевыхъ промысловъ».

На-дняхъ совершившееся открытіе желѣзной дороги до Архангельска оживитъ, конечно, наше Сѣверное Поморье и привлечетъ людей предпріимчивыхъ и капиталы въ этотъ едва початый край, неисчерпаемо-богатый рыбой, звѣремъ и всякою птицей. Но сдѣлаться это можетъ только при самомъ энергическомъ содѣйствіи правительства, если оно возьметъ подъ свою защиту сѣверные промыслы отъ иноземныхъ и доморощенныхъ хищниковъ, отъ иностранныхъ капиталовъ, отъ всякихъ монополистовъ и отравителей, спаивающихъ рабочій людъ. Г. Случевскій раскрываетъ въ своей книгѣ большую часть нуждъ Сѣвернаго края, и мы думаемъ, что его указаніями могли бы воспользоваться съ огромною выгодой для дѣла всѣ, кому дороги интересы Россіи.

Въ числѣ такихъ наиболѣе существенныхъ нуждъ авторъ указываетъ одну, устранить которую можетъ только правительство: это—дороговизна, а иногда и совершенный недостатокъ соли. «Въ 1884 г., въ Кандалакской губѣ милліоны сельдей были выкинуты на побережье вслѣдствіе недо-

статка и дороговизны соли». Неисчислимыя массы рыбы гибнутъ отъ этого «и отъ неумѣнья солить». Улучшеніе рыболовныхъ снастей и правильная посолка «произвели бы переворотъ въ бѣломорскомъ промыслѣ, но переворотъ этотъ немыслимъ, пока пудъ соли стоитъ 1 р. 60 к., да и то не всегда она имѣется въ потребномъ количествѣ. Въ настоящее время откармливаютъ сельдью свиней». То же самое, т.-е. дороговизна соли и неумѣнье заготовлять рыбу, въ равной мѣрѣ относится и къ торговлѣ семгой, камбалой, палтусомъ, треской, бѣлугой и друг. рыбами, вылавливаемыми въ сѣверныхъ рѣкахъ и моряхъ въ баснословномъ количествѣ. Авторъ совершенно вѣрно говоритъ, что, при правильной постановкѣ дѣла, русскимъ не было бы никакой надобности выписывать рыбу изъ-за границы. И наоборотъ, со словъ автора мы убѣждаемся въ томъ, что нашъ сѣверъ могъ бы снабжать иностранные рынки рыбой, жиромъ, гуано и другими продуктами своихъ промысловъ. Но осуществиться это можетъ только при содѣйствіи правительства, которое можетъ и должно установить минимальные тарифы на соль, принять самое дѣятельное участіе въ ея распредѣленіи и въ урегулированіи цѣнъ на нее по Мурману и Бѣломорью, въ развитіи промысловъ посылкою на мѣста инструкторовъ-техниковъ, увеличеніемъ числа школъ, установленіемъ дешеваго кредита, казенной продажи вина и серьезнаго надзора за промыслами, которые нельзя отдавать на расхищеніе норвежцамъ, иностраннымъ капиталистамъ и своимъ «укшуйникамъ». На первое время все это можетъ сдѣлать правительство и никто, кромѣ правительства, и сдѣлать это необходимо и неотложно, хотя бы даже съ нѣкоторыми жертвами вначалѣ, дабы не погубить въ конецъ и не упустить изъ русскихъ рукъ великихъ богатствъ нашего сѣвера. Все это съ отличною ясностью и неотразимою доказательностью раскрываетъ намъ первый томъ превосходнаго произведенія К. К. Случевскаго.

Три послѣдующія путешествія его, при такихъ же точно условіяхъ (въ 1886, 1887 и 1888 гг.), обнимаютъ собою часть Финляндіи, три прибалтійскія губерніи, Псковско-Новогородскій край съ великими русскими озерами и, наконецъ, значительныя части Литвы, бывшаго Царства Польскаго и чисто-русскихъ мѣстъ, смоленскихъ, калужскихъ, тульскихъ и московскихъ, со включеніемъ Троицко-Сергіевой лавры. Общій планъ повѣствованія остается тотъ же самый: авторъ говоритъ исключительно лишь о томъ, что̀ онъ видѣлъ своими глазами, что̀ лично наблюдалъ и изслѣдовалъ, и это придаетъ особенную цѣнность и живость его разсказамъ. Сказать по правдѣ,—какъ ни странно это сказать,—нашъ Прибалтійскій край, губерніи Эстляндская, Лифляндская и Курляндская, представляютъ собою для большинства русской читающей публики страны почти настолько же мало извѣстныя, какъ наше Закавказье. А между тѣмъ это земли издавна русскія, не завоеванныя, ни у кого-либо отвоеванныя и отнятыя, а только возвращенныя Россіи цѣною крови и большихъ усилій отъ иноземцевъ, насильственно ихъ захватившихъ въ тяжелыя времена удѣльныхъ неурядицъ, татарскихъ погромовъ и «лихолѣтья» самозванщины. На исконно-

русской почвѣ этого края густыми пластами осѣли наслоенія, внесенныя рыцарями Тевтонскаго ордена и меченосцами, нѣмцами, датчанами и шведами, католицизмомъ и реформаціей, изъ-подъ гнета которыхъ все-таки живыми остаются народности латышей и эстовъ, коренныхъ обывателей края.

Г. Случевскимъ отмѣчены въ яркихъ картинахъ всѣ эти переходы страны изъ рукъ въ руки, изъ-подъ господства то одной религіи, то другой, то однихъ властителей, то другихъ, оставившихъ въ высшей степени интересные слѣды, историческіе и археологическіе, своего главенства и своей борьбы въ краѣ, до сихъ поръ полномъ развалинами зàмковъ, монастырей, храмовъ и любопытнѣйшими остатками и пережитками разнообразныхъ, стародавнихъ учрежденій. Въ ряду такихъ пережитковъ мы отмѣтимъ, примѣра ради, такъ называемыхъ, «Черноголовыхъ» въ Ревелѣ (шварцгауптеры) и въ Ригѣ, бывшихъ чѣмъ-то, «совершенно противуположнымъ рыцарскимъ союзамъ»,—чѣмъ-то вродѣ своеобразной купеческой гильдіи, члены которой не разъ бились и проливали кровь въ защиту своего очага,—и «вотъ причина того глубокаго уваженія» которымъ пользовались Черноголовые, остающіеся и до нынѣ какою-то обособленною корпораціей. Они выбираютъ своихъ старшинъ и изъ ихъ числа—ротмистра, считающагося «главою братства», которому, въ силу грамоты императрицы Екатерины II», присвоенъ чинъ ротмистра русской арміи. По традиціи, они надѣваютъ въ парады форменный, полувоенный костюмъ, въ качествѣ корпораціи представляются высочайшимъ особамъ, удостоивающимъ посѣщать ихъ въ старинныхъ домахъ, принадлежащихъ этому странному учрежденію. Въ ревельскомъ домѣ Черноголовыхъ наверху первой страницы книги для записи посѣтителей «красуется всѣмъ знакомое по почерку: Петръ», и хранится подаренный царемъ кубокъ. Въ двухъ домахъ Черноголовыхъ, въ Ревелѣ и въ Ригѣ, имѣются портреты и очень цѣнныя собранія средневѣковыхъ кубковъ, блюдъ, канделябровъ и проч. Въ Ревелѣ Черноголовые надѣваютъ парадную форму, похожую на мундиръ преображенцевъ начала царствованія императора Александра II. Въ Ригѣ они являются въ черныхъ фракахъ и такихъ же штиблетахъ, со складною треуголкой подъ мышкой и шпагой въ стальной оправѣ при бедрѣ. Но что такое «Черноголовые»?—«Это,—говоритъ г. Случевскій,—не клубъ, не ученое учрежденіе, скорѣе всего благотворительное, но во всякомъ случаѣ какой-то центръ. Ихъ въ настоящее время двадцать пять человѣкъ (въ Ригѣ), обязательно холостыхъ и не дворянъ. Они имѣютъ капиталъ около 250,000 руб., платятъ пенсіи, достигающія,—какъ говорятъ,—до 3,000 руб., взносы при поступленіи мѣняются отъ 600 до 800 р. Но что такое Черноголовые—не постижимо...» Въ Ревелѣ ихъ,—по словамъ автора,—126 человѣкъ.

Въ былыя, давно минувшія, средневѣковыя времена, въ Прибалтійскомъ краѣ шла непрерывная, ожесточенная и часто кровопролитная борьба между собою трехъ главенствовавшихъ элементовъ: рыцарства, духовенства и бюргеровъ. Этою борьбой обусловилось, вѣроятно, возникновеніе

«городского войска» и «гвардіи», существующихъ до сихъ поръ въ Митавѣ, въ Либавѣ и въ Ригѣ.

Къ числу особенностей Риги слѣдуетъ отнести цѣлый классъ городского сословія—членовъ большой гильдіи, называемыхъ «литератами». Мѣстные юристы объясняютъ, что «литератъ долженъ обозначать человѣка образованнаго», что, по дѣйствующимъ въ Прибалтійскомъ краѣ законамъ, это «тѣ образованные люди, которые могутъ участвовать въ выборной дѣятельности городского самоуправленія, внѣ общихъ условій ценза, внося отъ 3 до 6 руб. въ годъ» А по «мѣстнымъ обычаямъ», имѣющимъ силу закона, литератами признаются всѣ лица, «имѣющія какое-либо ученое званіе»,—что, по тѣмъ же «обычаямъ», вовсе не равносильно ученой степени. Думы признаютъ литератами всѣхъ, «посѣщавшихъ высшія учебныя заведенія» въ Россіи или за границей, «съ окончаніемъ или безъ окончанія курса—безразлично». На практикѣ думы легко могутъ злоупотреблять своимъ правомъ возводить въ званіе «литерата».

«Мѣстные законы» даютъ еще большій и значительно вреднѣйшій просторъ разнаго рода злоупотребленіямъ со стороны дворянъ-помѣщиковъ Прибалтійскихъ губерній, на что авторъ неоднократно указываетъ и приводитъ тому весьма убѣдительныя доказательства.

Въ путешествіе 1887 г. (по счету—пятое) произведенъ объѣздъ чисто-русскихъ городовъ, лежащихъ главнымъ образомъ по системѣ нашихъ каналовъ, ладожскихъ и маріинскихъ, и по озерамъ. Наиболѣе интересныя страницы посвящены древнимъ русскимъ святынямъ: Валааму, Тихвинскимъ монастырямъ, Александру-Свирскому и др., городу Старой Руссѣ и промысламъ Обонежья, гдѣ мы встрѣчаемся почти съ такою же неупорядоченностью рыбнаго дѣла, какъ и на Сѣверѣ, но въ меньшей степени, разумѣется. Вообще, авторъ не перестаетъ призывать вниманіе тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ, на охраненіе остатковъ старины, на развитіе промысловъ и разумное пользованіе природными богатствами страны, на важнѣйшее для того подспорье—пути сообщенія и спеціальныя школы. Очеркамъ историческаго характера, преданіямъ и легендамъ отведено такое же видное мѣсто, какъ и въ повѣствованіяхъ о четырехъ предшествовавшихъ путешествіяхъ. Картины озеръ и водныхъ путей, ведущихъ къ нимъ и соединяющихъ ихъ съ бассейномъ Волги, написаны такъ же колоритно и ярко, какъ и картины сѣвернаго Поморья.

Въ шестое и послѣднее путешествіе (1888 г.) захвачены мѣста, для насъ менѣе интересныя, быть можетъ, потому, что они намъ болѣе извѣстны, болѣе близки, чѣмъ описанныя прежде. Путешественники прослѣдовали черезъ Ковну, Гродну въ Варшаву, осмотрѣли крѣпости Новогеоргіевскъ, Ивангородъ и Брестъ-Литовскъ, черезъ Минскъ, Смоленскъ, Калугу и Тулу прибыли въ Москву и закончили свое путешествіе Троицко-Сергіевой лаврой.

Всѣ разсказы К. К. Случевскаго иллюстрированы прекрасно исполненными рисунками, дающими ясное представленіе о всемъ, видѣнномъ авто-

ромъ въ дѣйствительности, о ландшафтахъ и зданіяхъ съ ихъ архитектурой и внутреннемъ убранствѣ, о типахъ, бытѣ и промыслахъ нашихъ сѣверянъ. Рисунковъ этихъ въ первомъ томѣ 146, во второмъ—159, при 1,064 страницахъ текста, такъ что приходится одинъ рисунокъ почти на три страницы текста. Къ каждому тому приложено по одной картѣ, отчетливо сдѣланной, съ нанесеніемъ путей, пройденныхъ во время каждаго путешествія. Внѣшность изданія—положительно роскошная, и цѣну, назначенную за него (7 руб., съ пересылкой 8 р. за оба тома), мы считаемъ дешевою.

М. Р

ПОПРАВКА.

Авторъ статьи „Расширеніе городского представительства“ (октябрь, 1897 г.) проситъ исправить слѣдующую неточность:

На стр. 63, 10-я строка снизу у автора было сказано:	Слѣдовало бы сказать:
гдѣ говорится о правѣ ходатайства городскихъ думъ по введенію квартирнаго городского налога	гдѣ говорится о правѣ ходатайства городскихъ думъ *не только* по введенію квартирнаго городского налога, *но, можно думать, и по дарованію избирательныхъ правъ квартиронанимателямъ*

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Декабрь 1897 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Публицистика.—Исторія, исторія литературы, мемуары.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Медицина.—Техническія книги.—Сельское хозяйство. Учебники. II. **Періодическія изданія:** «Русское Богатство», *сентябрь—октябрь.* «Вѣстникъ Европы», *ноябрь.*—«Сѣверный Вѣстникъ», *ноябрь.*—«Народное Образованіе», *ноябрь.* **III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1897 года. IV. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1897 годъ.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Разбитые кумиры". *Вл. А. Тихонова.*—„Деревня нашего времени". Очерки *Сергѣя Ромгаса.*

Разбитые кумиры. Повѣсти и разсказы Вл. А. Тихонова. Спб., 1898 г. Цѣна 1 руб. Первый „кумиръ", въ повѣсти *Блестящая партія,* довольно оригиналенъ, хотя не особенно новъ,—это барышня, рѣшившая сдѣлать не только „блестящую", но и совсѣмъ необыкновенную партію, что ей и удается съ полнымъ успѣхомъ. Барышня эта, Лидія Павловна Масловская, дочь богатыхъ родителей, по семейнымъ связямъ, принадлежащихъ къ аристократическому кругу, со дня рожденія была возведена на пьедесталъ семейнаго „кумира". Ее всѣ обожали, родители, родные и знакомые, всѣ восхищались ею, звали ее не иначе, какъ „принцессой", тогда какъ младшую ея сестру звали просто Наташей и mademoiselle. Для Лидіи дѣлалось все, ею гордились, ее вывозили, не щадя ни силъ, ни средствъ, и напророчили ей сдѣлаться настоящею „принцессой". Ради нея переѣхали жить въ Петербургъ и прожились въ пухъ, но за то въ нее влюбился какой-то принцъ крови, одинъ изъ безчисленныхъ принцевъ Германіи. На поддержаніе великолѣпія, необходимаго въ виду открывшихся черезъ это дивныхъ перспективъ, ушло все состояніе Масловскихъ. Но, какъ бы ни было, принца женили на Лидіи, она стала вправду принцессой, хотя только морганатическою, съ титуломъ графини и съ выдуманною мудреною фамиліей. За эту „блестящую партію" Масловскіе заплатили тѣмъ, что, во-первыхъ, сдѣлались нищими; во-вторыхъ, старика отца разбилъ нервный ударъ; въ-третьихъ, больному отцу, постарѣвшей матери и Наташѣ пришлось искать пріютъ въ домѣ добрыхъ родственниковъ, а затѣмъ пришлось всѣмъ разочароваться въ прелести такой партіи и самого „кумира", предпочесть въ женихи для Наташи скромнаго и дѣльнаго студента. Фигура перебалованной и эгоистичной Лидіи написана блѣдно, очарованный ею принцъ остается все время за кулисами. Хорошо изо-

бражены только терзанія старика Павла Арсеньевича Масловскаго, сознающаго, что онъ губитъ семью и себя и не имѣющаго силъ отказаться отъ блестящей партіи для своей любимицы. Повѣсть обрывается какъ-то вдругъ, и это производитъ такое впечатлѣніе, будто она прискучила автору или авторъ запутался и не зналъ, какъ свести концы съ концами. Такую же недодѣланность мы видимъ въ двухъ слѣдующихъ повѣстяхъ: *Забытыя письма* и *Солома*, въ которыхъ спутывается даже рѣшеніе вопроса, кто „кумиръ" и кто поклонникъ. Но въ обѣихъ повѣстяхъ выведены очень жизненныя фигуры женщины, пустившейся въ погоню за роскошью и весельемъ (*Забытыя письма*) и получившей въ результатѣ удручающую душевную пустому, и нелишеннаго типичности стараго холостяка (*Солома*), забитаго собственнымъ эгоизмомъ. Много лучше вполнѣ законченный разсказъ *Утрата*, въ которомъ всѣ дѣйствующія лица—настоящіе живые люди, страдающіе отъ причинъ чисто-житейскихъ и заурядныхъ, созданныхъ отчасти ихъ собственною фантазіей, отчасти обусловленныхъ ихъ личнымъ характеромъ и воспитаніемъ. Въ повѣсти поставленъ серьезный вопросъ: что дѣлать женщинѣ, нежданно узнавшей объ измѣнѣ мужа? Вопросъ усложняется тѣмъ, что у супруговъ есть ребенокъ, одинаково любимый обоими, а равно и тѣмъ, что мужъ, измѣняя женѣ „по темпераменту", все-таки искренно и горячо ее любитъ. Авторъ настаиваетъ на томъ, что это бываетъ часто. Насколько это бываетъ часто, мы судить не беремся, но что такіе казусы возможны, въ томъ едва ли можетъ быть сомнѣніе,—въ разсказѣ автора это выходитъ вполнѣ правдоподобнымъ. И вотъ мужъ—„кумиръ", созданный фантазіей жены, сразу летитъ съ своего пьедестала и разбивается въ грязные куски. Въ этомъ разсказѣ хорошо „выдуманы" всѣ лица, умно сгруппированы въ одной картинѣ и ни въ чемъ не грѣшатъ противъ дѣйствительности. Тутъ довольно ловко скомбинированы элементы драмы и комедіи, переходящей, немножко излишне, въ фарсъ. По старой традиціи, въ театрахъ послѣ болѣе или менѣе тяжелыхъ и раздирательныхъ драмъ ставятся обыкновенно забавныя, небольшія комедійки,—въ старые годы ставились смѣшные водевили. Чѣмъ-то вродѣ такого водевиля заканчиваетъ и г. Тихоновъ помѣщенныя въ книгѣ четыре повѣсти драматическаго характера. Въ разсказѣ *Попутчикъ* авторъ передаетъ „кое-что" изъ слышаннаго имъ въ вагонѣ отъ словоохотливаго спутника, обязанного по службѣ выслѣживать и раскрывать всякаго рода дѣянія, предусмотренныя *Уложеніемъ о наказаніяхъ*. Это отрывки и пустяки, но они написаны бойко и вызываютъ порою улыбки. Вся книжка написана хорошимъ литературнымъ языкомъ, за исключеніемъ двухъ фразъ, совсѣмъ никуда негодныхъ, а именно: „Егоръ Егоровичъ *одѣлъ* теплое пальто..." и она „*высматривала* утомленною..." Вѣдь это же двѣ „ложки дегтя". Пальто можно „надѣть", а „одѣть" можно только кого-нибудь „въ пальто". „Выглядѣть" больнымъ, „высматривать" здоровымъ—это не по-русски, а по-петербуржски.

Деревня нашего времени. Очерки Сергѣя Роміаса. Москва, 1897 г. Цѣна 1 рубль. На заглавной страницѣ напечатано: „Посвящается всѣмъ начинающимъ писателямъ". Мы, съ своей стороны, считаемъ долгомъ настойчиво рекомендовать „всѣмъ начинающимъ писателямъ" отнюдь не брать въ образецъ писательства г. Роміаса, вообразившаго, кажется, что въ своихъ „очеркахъ" онъ описываетъ „настоящую" современную деревню и дѣлаетъ это „настоящимъ" способомъ. Повидимому, г. Роміасъ—самъ „начинающій писатель" и притомъ очень

молодой человѣкъ, въ писаніи совсѣмъ не искусный. Побывалъ онъ въ какой-то захолустной деревушкѣ промышленнаго района, пожилъ тамъ „на дачѣ“ въ крестьянской избѣ, кое-что записалъ и запомнилъ, и возмнилъ, что постигъ самую суть жизни „деревни нашего времени“. Огромная это ошибка: онъ просто сфотографировалъ нѣсколько грязныхъ картинокъ, случайно попадавшихся ему на глаза, и стенографически записалъ нѣсколько, болѣе или менѣе, гаденькихъ сценъ, съ соблюденіемъ всей неприкосновенности мужичьяго и бабьяго говора, и изъ этого ничтожнаго и мало пригоднаго сырого матеріала склеилъ довольно длинное и до крайности скучное, тягуче однообразное повѣствованіе. Авторъ думаетъ, вѣроятно, что для сочиненія беллетристическаго произведенія достаточно умѣть фотографировать и стенографировать, а потомъ сшить набранные клочки, пересыпавши ихъ ради связи нѣсколькими страницами собственнаго издѣлія, вся оригинальность котораго заключается въ писаніи на какомъ-то исковерканномъ языкѣ, ни на что не похожемъ. Вотъ образчикъ: „По лѣсу зловѣщій скрежетъ пилы. По лѣсу гулъ. Десять топоровъ дружно взмахиваютъ надъ ранеными уже, подпиленными корнями, добивая стонущее беззащитное дерево, а эхо лѣснымъ его сотоварищамъ разноситъ трудовое уханье мужиковъ и веселый ихъ, радостный крикъ, лишь только побѣжденъ еще одинъ великанъ, что, навсегда жизни лишенный, къ ихъ ногамъ распростерся, раздирающе въ агоніи заскрипѣвъ, затрещавъ, затрепетавъ листвою своею, зашурша всѣми вѣтвями. Мужикъ со своею мужичкою, обрубивъ со всѣхъ сторонъ вѣтви, приволокъ по лѣсной травѣ мертвое тѣло, лишенное членовъ своихъ, къ козламъ своимъ и, размѣривъ его мѣркою, уже пилою впивается въ остовъ, что плачетъ слезами своими послѣдними“. „На столѣ, кромѣ съ водкою штофа, два—три стаканчика“. Неужели авторъ самъ-то не понимаетъ и не чувствуетъ, что все это—одно манерничанье? И вотъ такими-то вычурами, да выкрутасами написана вся книжка, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, которыя стенографически воспроизводятъ мужичьи и бабьи рѣчи во всей ихъ первобытной безцеремонности и простотѣ, допускающей называть все простонародными словами, повтореніе которыхъ въ разсказахъ и въ „очеркахъ“ является уже простымъ безстыдствомъ, никому и ни на что не нужнымъ. Вся суть „очерковъ“ г. Ромiаса вертится на половыхъ отношеніяхъ между мужиками, болѣе или менѣе пьяными, и ихъ „законными бабами“, имѣющими вполнѣ достаточныя основанія ревновать мужей къ замужнимъ и не замужнимъ сосѣдкамъ. Тутъ авторъ вдается въ такія подробности и съ такою безпардонною точностью, что мы, изъ уваженія къ читателямъ, не рѣшаемся приводить выдержки изъ „очерковъ“ г. Ромiаса. На что и для кого понадобилось автору столь усердно расписывать со всею реальностью эту сторону быта крестьянъ фабрично-промысловыхъ мѣстъ? Этимъ нисколько не характеризуется „деревня *нашего* времени“. Такъ было всегда тамъ, глѣ большая часть мужиковъ уходитъ на заработки, по городамъ и фабрикамъ. Это очень давно всѣмъ извѣстно, размазывать всю эту грязь, да еще такъ грубо размазывать, совсѣмъ не нужно и непристойно, и доказать этимъ ничего нельзя. Авторъ какъ будто не знаетъ, какое различіе существуетъ между правдою реальною и правдою художественною, которая одна только и допустима въ беллетристикѣ. И авторъ, очевидно, не сознаетъ того, что его стенографія, какъ онъ ни усердствовалъ, не передаетъ ни подлинной крестьянской рѣчи, ни истинныхъ понятій деревни, и производитъ на читателя та-

кое же впечатлѣніе ломанья и манерничанья, какое получается отъ его: „на столѣ, кромѣ съ водкою штофа“. Настойчиво совѣтуемъ „начинающимъ писателямъ“ воздерживаться отъ подобнаго сочинительства, а г. Роміасу очень желаемъ поскорѣе бросить столь плохіе пріемы писательства.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Сочиненія Поль-Луи Курье“. Ч. I.— „Сельскія и городскія общества потребителей и общественныя лавки“. Сост. *Ѳ. Девель*.— „Систематическій указатель къ трудамъ Высочайше разрѣшенныхъ первыхъ четырехъ съѣздовъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ“. *К. В. Рукавишникова*.— „Арестантскій трудъ въ русскихъ и иностранныхъ тюрьмахъ“. *С. К. Гогеля*.

Сочиненія Поль-Луи Курье. Часть I. Спб., 1897 г. Въ свое время блестящіе памфлеты Поль-Луи Курье пользовались большой популярностью какъ на Западѣ, такъ и у насъ на Руси. Ихъ тонкое, чисто-галльское остроуміе, искреннее презрѣніе къ терявшей всякій кредитъ и престижъ реакціи, паѳосъ свободолюбивыхъ увлеченій, ореолъ мученичества и пикантность опасной политической борьбы—все это сдѣлало Курье любимѣйшимъ и типичнѣйшимъ представителемъ литературы 10-хъ и 20-хъ годовъ нынѣшняго вѣка. Борьба съ реакціей придавала тогда буржуазіи силу и вызывала общія симпатіи. Во всеоружіи идеала и сознаніи собственнаго превосходства, матеріальнаго и духовнаго, шла она противъ врага. Пѣсня и легкій памфлетъ били растерявшееся среди сложныхъ жизненныхъ условій правительство въ самыя слабыя мѣста. Вѣра въ свѣтлое будущее, въ жизнеспособность народа, въ единство общественныхъ интересовъ удесятеряла силы въ этой борьбѣ. Были еще очень далеки тягостныя впечатлѣнія 1848 г., рѣзкій разладъ капитала и труда, которыхъ раньше связывали ненависть къ общему врагу,—та пошлость буржуазіи, которую такъ художественно изобразилъ позднѣе Мопассанъ.

Курье—представитель мелкой буржуазіи въ героическій моментъ ея существованія, въ моментъ послѣдней аттаки противъ реставраціи. Умственное и нравственное превосходство даетъ ему право съ презрительной насмѣшкой смотрѣть на разлагавшуюся аристократію и бюрократію; сознаніе правоты и силы даетъ ему тотъ священный жаръ убѣжденія, которому невольно подчиняется даже читатель, принципіально не согласный съ авторомъ. Каково было слышать, положимъ, такія фразы: „Нужно вамъ сказать, м. г., что между обвинителями и тѣми, которые должны были судить ихъ, какъ бонапартистовъ, кажется, одни только обвиняемые не клялись въ вѣрности Бонапарту, не добивались его милости и не увѣряли въ преданности къ его священной особѣ“? (стр. 7).

„Скажу откровенно: настоящіе мятежники тѣ, которые всюду находятъ ихъ,—тѣ люди, облеченные властью, которые видятъ всегда въ своихъ личныхъ врагахъ враговъ короля и стараются сдѣлать ихъ таковыми, въ силу преслѣдованій“ (стр. 8). „Всякій собственникъ желаетъ порядка, мира, правосудія, если только онъ не должностное лицо и не намѣренъ сдѣлаться имъ“ (стр. 27).

„Безъ заговоровъ какъ спасти государство, французскій престолъ и нашу монархію? Куда дѣнутся агенты охранной полиціи и надсмотрщики? Подобно тому, какъ соблазнъ для вящей славы Божіей, такъ

заговоры нужны для существованія высшей полиціи. Создавать заговоры и подавлять ихъ, придумывать и открывать злые умыслы—это великое искусство, которымъ обладаетъ министерство; въ этомъ сила и цѣль науки государственныхъ людей“ (стр. 61).

Эти отрывки до нѣкоторой степени могутъ познакомить съ тономъ и настроеніемъ Курье. Въ одномъ мѣстѣ (стр. 100) онъ самъ даетъ свою собственную характеристику: „онъ не якобинецъ, но противъ того, чтобы вѣшали якобинцевъ; онъ не бонапартистъ, но противъ того, чтобы сажали въ тюрьму бонапартистовъ... онъ всегда придерживался угнетенной партіи. Онъ былъ аристократомъ при Робеспьерѣ, либераломъ въ 1815 году; онъ будетъ принадлежать къ вашей (лѣвой) партіи и отречется отъ васъ только въ томъ случаѣ, если вы станете силой, т.-е. будете считать себя выше всѣхъ“.

Къ сожалѣнію, этотъ очень интересный для характеристики общественнаго настроенія начала вѣка матеріалъ, имѣющій и большое самостоятельное значеніе, переведенъ мѣстами очень плохо, мѣстами лишенъ необходимыхъ объясненій и примѣчаній. Нѣтъ также и вступительной статьи, которая должна была бы ввести читателя in medias res. Это сильно вредитъ счастливо-задуманному изданію.

Сельскія и городскія Общества потребителей и общественныя лавки, или какъ устраиваются покупатели, чтобы не терпѣть отъ обмановъ и покупать все необходимое для себя по дешевой цѣнѣ и хорошаго качества. Сост. Ѳ. Девель. Изд. редакціи „Русскаго Сельскаго Календаря“ № Б. М., 1897 г. Цѣна 15 коп. Появленіе въ свѣтъ настоящей брошюры слѣдуетъ признать какъ нельзя болѣе своевременнымъ. Мысль о возможности сбереженія тѣхъ копеекъ, которыя переплачиваются различнымъ посредникамъ при покупкѣ предметовъ первой необходимости, начинаетъ въ настоящее время распространяться все болѣе и болѣе среди населенія не только городовъ, но и селъ и деревень. Для осуществленія этой мысли необходима организація въ той или иной формѣ Обществъ (кооперативныхъ, потребительныхъ, оптовыхъ закупокъ). Простое само по себѣ, дѣло это находитъ неодолимыя препятствія только въ той темнотѣ и невѣжествѣ, которыя являются злѣйшими врагами русскаго народа на пути ко всякаго рода усовершенствованіямъ его жизни. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ еще разъ и извѣстный поклонникъ артельнаго начала г. Н. Левитскій, рекомендующій организацію среди сельскаго населенія такъ называемыхъ оптовыхъ закупокъ, не требующихъ, по его мнѣнію, никакихъ формальностей вродѣ „уставовъ“, „правъ“, отчетовъ и т. д., составляющихъ препятствіе въ виду полнаго отсутствія въ деревняхъ какой-либо интеллигенціи. Дѣло, однако, въ томъ, что если во многихъ деревняхъ и отсутствуетъ интеллигенція, за то уже имѣются въ немаломъ числѣ люди грамотные и кое-что читавшіе. Для этихъ послѣднихъ брошюра г. Девеля можетъ принести существенную пользу, указавъ имъ не только цѣлесообразность устройства Общества потребителей и организаціи продажи необходимыхъ товаровъ изъ потребительной лавки, но всѣ тѣ практическіе пути и пріемы, которыхъ въ этомъ случаѣ необходимо держаться. Этой послѣдней цѣли авторъ прекрасно достигаетъ ясностью языка и толковостью изложенія, причемъ онъ не забываетъ ни одной даже мелкой подробности практическаго характера, знакомя простого читателя съ тѣмъ, какъ слѣдуетъ написать уставъ, куда обратиться за его утвержденіемъ и касаясь вопроса о выборѣ товара, о продажныхъ цѣнахъ,

о кредитѣ и о распредѣленіи прибыли, о законахъ торговли, о торговыхъ документахъ и ихъ стоимости, объ отчетности, съ объясненіемъ какъ ее вести. Въ приложеніи сообщаются способы обнаруженія подделокъ и примѣсей въ различныхъ товарахъ, а въ концѣ книги напечатанъ вышедшій уже послѣ написанія книги полный текстъ нормальнаго устава потребительныхъ Обществъ. Такимъ образомъ, эта небольшая книжка (кстати доступная и по цѣнѣ) даетъ все, что необходимо для знакомства съ практикой потребительнаго дѣла. Важность же потребительной организаціи для деревни видна уже изъ того, что, по словамъ г. Левицкаго, каждый крестьянинъ переплачиваетъ ежегодно, при всей скромности своихъ потребностей, не менѣе 10-ти рублей тѣмъ посредникамъ, которые его снабжаютъ предметами первой необходимости. Обращаемъ особенное вниманіе на книгу г. Девеля сельскихъ учителей и всѣхъ лицъ, стоящихъ близко къ жизни сельскаго населенія.

Систематическій указатель къ трудамъ Высочайше разрѣшенныхъ первыхъ четырехъ съѣздовъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ. К. В. Рукавишникова. М., 1897 г. Ц. 50 к. Какъ извѣстно, состоявшіеся по иниціативѣ и подъ предсѣдательствомъ почетнаго попечителя московскаго городского Рукавишниковскаго исправительнаго пріюта К. В. Рукавишникова въ 1881, 1884, 1890 и 1895 годахъ (второй въ Кіевѣ, остальные—въ Москвѣ) четыре съѣзда представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ явились у насъ единственными истолкователями разнообразныхъ нуждъ и потребностей этого рода заведеній, какъ въ отношеніи законодательныхъ положеній, на основаніи которыхъ они существуютъ, такъ и въ отношеніи усвоенныхъ ими учебныхъ и воспитательныхъ порядковъ, не говоря уже о финансовой сторонѣ дѣла. По всѣмъ указаннымъ вопросамъ на съѣзды были внесены доклады, подвергавшіеся неоднократному обсужденію и вызывавшіе извѣстныя постановленія о возбужденіи соотвѣтствующихъ ходатайствъ передъ правительствомъ. Многія изъ этихъ ходатайствъ, имѣвшихъ огромное значеніе для болѣе правильнаго и цѣлесообразнаго достиженія пріютами и колоніями воспитательно-исправительныхъ задачъ, были правительствомъ уважены и вошли затѣмъ въ новое законодательство о малолѣтнихъ преступникахъ. Подобными результатами своихъ занятій, къ сожалѣнію, могутъ похвастаться у насъ лишь очень немногіе съѣзды. Отсюда же видно, что матеріалы, заключающіеся въ изданныхъ четырехъ томахъ *Трудовъ* съѣздовъ имѣютъ большой интересъ какъ для лицъ, непосредственно заинтересованныхъ жизнью исправительныхъ заведеній, такъ и для всѣхъ, изучающихъ вопросъ о малолѣтнихъ преступникахъ съ научной стороны. Для всѣхъ этихъ лицъ вышеупомянутый *Систематическій указатель* является крайне полезнымъ справочнымъ пособіемъ. По числу главнѣйшихъ вопросовъ, затронутыхъ работами съѣздовъ, указатель раздѣленъ на 23 главы, въ которыхъ перечислены постановленія и доклады, относившіеся къ каждому отдѣльному вопросу, со ссылками на страницы *Трудовъ*. Такимъ образомъ является возможность прослѣдить хронологически судьбу избраннаго вопроса и познакомиться изъ стенографически записанныхъ преній съ ходомъ его обсужденія и разработки на засѣданіяхъ съѣздовъ. Слѣдующій пятый съѣздъ созовется въ Москвѣ въ 1900 г. и нельзя не пожелать, чтобы къ участію въ немъ были привлечены до сего времени отсутствовавшіе на бывшихъ съѣздахъ *воспитатели* исправи-

тельныхъ пріютовъ и колоній. Эти педагоги, стоя непосредственно у дѣла, весьма нелегкаго и въ то же время крайне интереснаго, несомнѣнно могли бы внести на съѣзды много общеинтересныхъ наблюденій и фактовъ, почерпнутыхъ изъ своей практики, и такимъ образомъ восполнить тотъ пробѣлъ, который до сихъ поръ ощущался на съѣздахъ, занятыхъ, можетъ быть въ силу такъ сказать исторической необходимости, главнымъ образомъ законодательной и внѣшней разработкой дѣла исправительныхъ заведеній. Теперь можетъ быть настало уже время перейти къ внутренней воспитательной практикѣ этихъ заведеній, столь мало извѣстной публикѣ.

Арестантскій трудъ въ русскихъ и иностранныхъ тюрьмахъ. С. К. Гогеля. Спб., 1897 г. Помѣщенныя г. Гогелемъ въ его книгѣ въ качествѣ эпиграфа глубоко вѣрныя слова Говарда: „сдѣлайте людей трудолюбивыми и они будутъ честными", не должны забываться особенно въ тюрьмахъ, главной или, вѣрнѣе, единственною цѣлью которыхъ является исправленіе преступника, возвращеніе его, по возможности, въ среду честныхъ людей. Для достиженія этой цѣли могучимъ орудіемъ должна служить правильная постановка работы въ тюрьмахъ. При отсутствіи работъ, у заключенныхъ теряется всякая привычка къ труду, и они выходятъ изъ тюрьмы еще менѣе способными къ жизненной борьбѣ, чѣмъ были раньше. Бездѣліе вообще несовмѣстимо ни съ духовнымъ, ни съ физическимъ здоровьемъ, и говорить объ исправленіи тюрьмой преступника, отученнаго тюрьмой же отъ работы, немыслимо. Помимо того, работа является чрезвычайно важной для соблюденія порядка и дисциплины въ тюрьмахъ, устроенныхъ по системѣ общаго заключенія. Наконецъ, арестантскій трудъ даетъ возможность хоть отчасти покрывать огромные расходы государства на мѣста заключенія; это послѣднее соображеніе весьма важно, такъ какъ несомнѣнно слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы содержаніе преступниковъ не падало бременемъ на честныхъ людей и чтобы тюрьмы, по возможности, окупали сами себя.

Правильное устройство работъ въ тюрьмахъ вещь весьма сложная. Прежде всего необходимо, чтобы было занято работой какъ можно большее число арестантовъ; необходимо, чтобъ арестантскій трудъ былъ производителенъ, но не вступалъ бы въ конкурренцію съ свободнымъ трудомъ и не причинялъ бы ему тѣмъ ущерба, чтобы контроль и руководство арестантами и при работѣ оставались въ рукахъ тюремной администраціи. Самое правильное примѣнять арестантскій трудъ къ производству предметовъ по заказу государства, а также къ выполненію крупныхъ общественныхъ работъ.

Г. Гогель въ своей книгѣ подробно разсматриваетъ положеніе на Западѣ и у насъ вопроса о постановкѣ работъ въ тюрьмахъ; вопросъ этотъ почти вездѣ, кромѣ Россіи, рѣшенъ вполнѣ успѣшно и даже блестяще въ отношеніи центральныхъ тюремъ; что же касается до мѣстныхъ тюремъ, то въ нихъ только въ Англіи и Бельгіи работы ведутся такъ же хорошо, какъ и въ центральныхъ. Россія очень отстала отъ Запада. Это особенно ясно видно въ количествѣ занятыхъ работой арестантовъ: въ арестантскихъ отдѣленіяхъ и каторжныхъ тюрьмахъ заняты работой 50%, въ губернскихъ тюрьмахъ 28%, а въ уѣздныхъ всего 20%; между тѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, напримѣръ, въ Англіи, даже въ мѣстныхъ тюрьмахъ, заняты работой 75% арестантовъ.

Авторъ находитъ, что никакихъ особенностей, которыя бы препят-

ствовали развитію арестантскаго труда, въ нашихъ тюрьмахъ не имѣется. Помѣщеніе для мастерскихъ въ тюрьмахъ всегда найдется; еслибъ наша администрація, имѣющая такое широкое развитіе, обращалась бы со своими заказами въ тюрьмы, то послѣднія получили бы неистощимое поле для примѣненія арестантскаго труда. Главная причина, по мнѣнію автора, крайне неудовлетворительнаго положенія арестантскихъ работъ въ Россіи—отсутствіе средствъ на заведеніе и поддержаніе работъ.

Составлена книга г. Гогеля подробно и толково и заключаетъ въ себѣ много интересныхъ данныхъ о постановкѣ работъ въ русскихъ тюрьмахъ.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, МЕМУАРЫ.

„Экономическое, правовое и политическое состояніе германскаго народа наканунѣ реформаціи". *І. Янсена.*—„Исторія французской литературы". *Густава Лансона.* — „Великіе люди въ литературѣ". *Е. Дюринга.*—„Воспоминанія и др. статьи". *Н. А. Бѣлоголоваго.*

Экономическое, правовое и политическое состояніе германскаго народа наканунѣ реформаціи. І. Янсенъ. Пер. съ 16 нѣм. изданія. Спб., 1898 г. Изд. О. Н. Поповой. На первый взглядъ книжка можетъ удовлетворить давно ощущаемой потребности. Дѣло въ томъ, что пока, т.-е. до появленія давно обѣщаннаго перевода книги Бецольда о реформаціи, лучшимъ пособіемъ для ознакомленія съ этимъ переворотомъ продолжаетъ, пожалуй, оставаться курсъ Гейссера, начинающаго свое изложеніе прямо съ Лютера и не останавливающагося на положеніи нѣмецкаго (конечно не *германскаго*) народа въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка. Но при вниканіи въ дѣло оказывается, что разсчетъ на пополненіе этого существеннаго пробѣла названною выше книжкою Янсена не правиленъ. Какъ видно изъ словъ издательницы, основаніемъ для перевода этого отдѣла восьмитомнаго труда послужилъ успѣхъ послѣдняго въ Германіи; но, конечно, это еще далеко не значитъ, чтобы для нашей публики представлялъ такой же интересъ отрывокъ, содержащій „характерное описаніе *экономическаго права* (?) и соціальнаго состоянія Германіи наканунѣ реформаціи". Сочиненіе Янсена, конечно, явленіе характерное, но едва ли оно удобно для переноса къ намъ. Авторъ—ревностный католикъ; тамъ, гдѣ иные протестантскіе историки видятъ односторонне одно гніеніе и разложеніе, онъ не менѣе, если не болѣе, односторонне находитъ почти безболѣзненное состояніе, отягченное случайными и внѣшними причинами. Разсматривая народное хозяйство, онъ находитъ вполнѣ нормальные поземельные порядки на чисто-нѣмецкой основѣ, а положеніе сельскаго населенія выставляетъ блестящимъ; въ сферѣ промышленности цехи и союзы подмастерьевъ обезпечивали ихъ членамъ прочное благосостояніе, изрѣдка омрачаемое стачками. Это блаженное равновѣсіе народнаго хозяйства было нарушено чрезмѣрнымъ развитіемъ торговли и денежныхъ оборотовъ. То же было съ политическимъ строемъ и правомъ. Пока имперія ставила передъ народомъ широкія задачи, все было хорошо; но потомъ вдругъ начался упадокъ, появилось раздробленіе, усилились князья, сдерживаемые городами. Право до XV вѣка сохраняло свои народныя основы, но тутъ явились крючкотворы-юристы, ограбили крестьянъ въ пользу помѣщиковъ и усилили власть князей. Далѣе, треть книжки занята

скучнымъ разсказомъ о неудачныхъ попыткахъ Максимиліана возстановить величіе имперіи, чему постоянно мѣшали своекорыстныя стремленія князей. Въ „общемъ обзорѣ“ вдругъ являются замѣчанія о состояніи просвѣщенія и церкви, раньше не затрогивавшихся. Уже въ XV в. „освѣжающее реформаторское вѣяніе прошло по нѣмецкой церкви“, но это не помѣшало, признаваемому самимъ авторомъ, упадку бѣлаго и чернаго духовенства. Сюда присоединились нападки на церковь младшаго поколѣнія гуманистовъ, широкое распространеніе и неправильное толкованіе Библіи, и въ результатѣ получилось общее броженіе. Выходитъ такъ: не внеси въ чинную нѣмецкую жизнь торговля корыстолюбія, юристы крючкотворства, а гуманисты свѣтскаго образованія, не произошло бы въ Германіи XVI вѣка переворота, котораго, замѣтить кстати, авторъ никогда не называетъ реформацій. Такое пониманіе дѣла сильно сближаетъ Янсена со столь любезными ему моралистами XV—XVI вв., объяснявшими недостатки современности такимъ же нехитрымъ способомъ, что едва ли можетъ быть особенно назидательно для читателя нашего времени. Кромѣ юристовъ и гуманистовъ авторъ особенно сердитъ на дѣятелей подготовлявшагося переворота—Зиконгена, Гуттена и, конечно,—Гогенцоллерновъ. Въ итогѣ изо всей книжки нѣкоторый интересъ для читателя можетъ представлять только первый отдѣлъ ея, нѣсколько идеализованное описаніе нѣмецкаго хозяйства на исходѣ среднихъ вѣковъ, и то больше для пониманія предыдущаго, чѣмъ послѣдующаго. Странно, отчего вмѣсто скучнаго разсказа о Максимиліанѣ не переведены отдѣлы о просвѣщеніи и церковной жизни XV вѣка. Переводъ въ общемъ удовлетворителенъ; напрасно только въ немъ оставлены такія выраженія, какъ фудеръ вина (38), клафтеръ дровъ (46), шеферы, шультгейссе (163), а привычное имя Сигизмунда замѣнено необычнымъ Зигмундомъ (170).

Исторія французской литературы. Густава Лансона. Переводъ со второго французскаго изданія, просмотрѣннаго и исправленнаго авторомъ. Изд. К. Т. Солдатенкова. Т. I. М., 1897 г. Ц. 3 р. 50 к. Въ предисловіи къ своей книгѣ Лансонъ отрицаетъ возможность научной литературной критики. Литературу можно изучать, но нельзя ее знать. Критику литературы приходится имѣть дѣло съ индивидуальными впечатлѣніями и интуиціями, а не съ видами и категоріями. Многія литературныя произведенія вызываютъ безконечно разнообразныя впечатлѣнія, и содержаніе ихъ нельзя подвести подъ неизмѣнную формулу. Литература — предметъ *умственныхъ упражненій, вкуса, наслажденій.* Но, переходя къ изложенію Лансона, мы видимъ, что онъ не вполнѣ исполнилъ свою программу и находится подъ сильнымъ вліяніемъ Тэна и Брюнетьера. Первому онъ обязанъ обиліемъ историческаго аппарата, разсѣяннаго въ его книгѣ. Второй заставилъ его произвести тонкій анализъ развитія литературныхъ видовъ и категорій. Историческая концепція Лансона сводится къ двумъ основнымъ точкамъ зрѣнія. Съ одной стороны онъ слѣдитъ за эволюціей французскаго ума и характера. Французы, по его убѣжденію, нація, обладающая интеллектуальными свойствами: ея умъ доминируетъ надъ чувствомъ и волей. XVII столѣтіе, классическій расцвѣтъ французской литературы, знаменуетъ собой торжество разума, породившаго натурализмъ въ искусствѣ. Интеллектуальнымъ началомъ объясняется у Лансона отсутствіе высокихъ образцовъ во французской лирикѣ и ея исчезновеніе въ періодъ классицизма. Другого рода историческую эволюцію Лансонъ признаетъ въ смѣнѣ соціальныхъ и политическихъ формъ. Въ его гла-

захъ, онѣ налагаютъ тиранническую печать на ходъ литературнаго развитія. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, можно отмѣтить, напримѣръ, его дѣленіе средневѣковой литературы на рыцарскую и городскую. На протяженіи всей книги онъ старательно указываетъ, что такая-то черта или такое-то свойство даннаго произведенія носятъ дворянскій или буржуазный характеръ. Но эти указанія не выдѣлены съ достаточной ясностью изъ пестраго калейдоскопа писателей и произведеній. Помимо двухъ историческихъ методовъ, критика Лансона располагаетъ третьимъ, неисторическимъ методомъ. Это — методъ общечеловѣческой морали, общечеловѣческой эстетики. Лансонъ вѣритъ въ нѣкоторыя *вѣковыя положенія морали* (стр. 184). Сущность его нравственнаго міровоззрѣнія сводится къ правиламъ *честнаго и мирнаго буржуа*, какъ онъ самъ себя называетъ (стр. 235). Требованіе истины, добра и красоты является его высшимъ научнымъ критеріумомъ. Очевидно, Лансонъ не знакомъ съ трудомъ по эволюціи нравственности, написаннымъ его соотечественникомъ Летурно. Не знакомъ онъ также съ другими поступательными шагами европейской науки. Въ настоящую минуту мы вправѣ требовать отъ историка литературы болѣе трезвыхъ историческихъ и соціальныхъ взглядовъ. Отсутствіе послѣднихъ у Лансона часто приводитъ его къ печальнымъ недоразумѣніямъ.

Лансонъ разбираетъ поэму о Ренарѣ-лисѣ. Русская публика знакома съ ея сюжетомъ и характеромъ по передѣлкѣ Гёте: это—буржуазная сатира среднихъ вѣковъ, осмѣивающая феодализмъ и папство. Лансонъ не находитъ въ ней „ничего похожаго на демократическое направленіе“ (стр. 138). Сатира, по его мнѣнію, внушена однимъ безобиднымъ весельемъ. Подобное заключеніе Лансонъ выводитъ на основаніи того, что въ ней глубоко презирается и осмѣивается крестьянинъ, наряду съ барономъ и патеромъ. Заключеніе ошибочно, такъ какъ антагонизмъ крестьянъ и горожанъ составляетъ одну изъ характерныхъ особенностей средневѣковой культуры, а французскій демократизмъ выросъ преимущественно на буржуазной почвѣ. Извѣстный фарсъ о хитромъ Патлэнѣ подвергается со стороны Лансона суровому нравственному приговору (стр. 288). Сюжетъ этого произведенія состоитъ въ томъ, что купца надуваетъ адвокатъ, а послѣдняго крестьянинъ. Возвышенная мораль въ глазахъ Лансона поругана, такъ какъ симпатіи автора на сторонѣ мошенника Патлэна. Французскій критикъ оцѣнилъ народный протестъ противъ эксплуатаціи съ *общечеловѣческой*, нравственной точки зрѣнія. Вообще честный и мирный буржуа не выноситъ, когда талантъ замѣняется силой ненависти (стр. 195); поэтому онъ черезчуръ односторонне относится къ фабліо, народнымъ мистеріямъ, фарсамъ, порицая ихъ нехудожественность. Забывая ихъ классовое происхожденіе, онъ считаетъ ихъ „низшимъ проявленіемъ французскаго ума!“ Говоря о Рабле, онъ совершенно не касается построенія аббатства Телемы. Телема представляетъ изъ себя идеальный эскизъ гуманистическаго общежитія и служитъ типичнымъ отраженіемъ эпохи Возрожденія. Для Лансона эта эпоха опредѣляется только какъ „открытіе человѣка и культа древности“ (стр. 345). Не забудьте, что Лансонъ интересуется личностью и личными интуиціями, а не эпохой и культурой эпохъ. Любовь онъ считаетъ вѣчно однороднымъ чувствомъ, упуская совершенно изъ виду формы семейныхъ отношеній, среди которыхъ разыгрывались различныя сердечныя катастрофы. Различіе между любовью пролетарія Виллона, любовью рыцарскихъ или бретонскихъ эпопей, любовью салонной, любовью трагедій Расина и Корнеля заключается для Лансона

исключительно въ степеняхъ преобладанія того или другого психологическаго элемента — ума, чувства и воли. Благодаря подобной узости взгляда, Лансонъ просмотрѣлъ реформаціонную попытку на поприщѣ брачныхъ отношеній, сдѣланную m-me Лафайетъ. Обозрѣвая картину соціальной жизни, проходящую въ „Характерахъ" Лабрюйера, Лансонъ дѣлаетъ упрекъ писателю за то, что тотъ не обратилъ вниманія на типъ городского пролетарія. Этотъ упрекъ съ извѣстной долей справедливости можетъ быть направленъ по адресу самого Лансона. Правда, типъ пролетарія слегка намѣченъ имъ въ фигурахъ литературной богемы, Виллона и Рютбефа, но онъ не выдвинутъ съ достаточной рельефностью и спутывается съ толпой буржуазныхъ типовъ. При разборѣ фабліо и фарсовъ, въ которыхъ этотъ типъ играетъ большую роль и которые въ массѣ случаевъ обязаны ему своимъ происхожденіемъ, его постигаетъ такая же участь. Приведенные примѣры культурнаго и экономическаго свойства дополнимъ еще однимъ примѣромъ другого порядка. Лансонъ не придаетъ должнаго значенія иноземному вліянію, имѣвшему мѣсто во французской литературѣ. Въ данномъ отношеніи онъ признаетъ, что Италія и античный міръ доставили много матеріала для перевода и подражанія, но заслуги Испаніи онъ умаляетъ до минимальныхъ размѣровъ, а объ Англіи и Германіи вовсе не упоминаетъ. Между тѣмъ, напримѣръ, народная книга о Тиллѣ Эйленшпигелѣ, нѣмецкомъ подмастерьѣ, выдержала на французской почвѣ множество изданій и несомнѣнно вліяла на развитіе французской сатирической литературы. Лансонъ вообще нисколько не интересуется вопросомъ о законахъ подражанія. Онъ даже позволилъ себѣ исключить изъ предѣловъ изслѣдованія всю латинскую литературу, вышедшую изъ-подъ пера французскихъ писателей, и игнорируетъ ея вліяніе.

Таковы недостатки сочиненія Лансона, но они въ значительной степени искупаются его достоинствами. Выше мы отмѣтили, что Лансонъ не вполнѣ выполнилъ програму своего предисловія. Личныя интуиціи, вопреки волѣ автора, вдвинуты въ рамки исторіи. Прочтите его обрисовку такихъ характеровъ, какъ Фруассаръ, Корнель или Расинъ, и вы увидите, на какую научную высоту можетъ подняться талантъ Лансона, разъ онъ отрѣшится отъ предвзятой односторонности. Характеристики духовнаго развитія французскаго народа въ различныя эпохи сдѣланы имъ неоднократно съ большимъ мастерствомъ, остроуміемъ и изяществомъ. Блестящее изложеніе натурализма XVII ст.—лучшее, по нашему мнѣнію, мѣсто его книги. Безспорно, она можетъ считаться лучшимъ руководствомъ исторіи французской литературы, существующимъ на русскомъ языкѣ.

Переводъ очень хорошъ, но онъ сдѣланъ со второго французскаго изданія, тогда какъ Лансонъ значительно дополнилъ свою книгу въ четвертомъ и пятомъ изданіи. Нельзя не выразить также сожалѣнія по поводу черезчуръ высокой цѣны русскаго изданія: переводъ доведенъ до конца XVII ст. и составляетъ половину французскаго оригинала, отличающагося своей дешевизной.

Великіе люди въ литературѣ. Критика современной литературы съ новѣйшихъ точекъ зрѣнія. Е. Дюринга. Пер. съ нѣмец. Ю. М. Антоновскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1897 г. Ц. 3 р. 50 к. Съ шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія имя Дюринга пользуется самой широкой популярностью въ различныхъ слояхъ нѣмецкой націи. Философъ, математикъ, политико-экономъ, литературный критикъ, Дюрингъ старался всегда отвѣчать па жгучіе вопросы современ-

ности. Его философія дѣйствительности имѣла своей цѣлью очистить умственную атмосферу отъ всевозможныхъ трансцендентальныхъ фантазій и предоставить разуму неограниченную свободу проникновенія во всѣ таинственныя области мірозданія. Поэтому критика Дюринга съ особеннымъ ожесточеніемъ нападаетъ на Канта, наложившаго оковы на познавательную силу разума. Другимъ врагомъ для Дюринга является теорія пессимизма, умаляющая цѣнность жизни и дѣйствительности, уничтожающая активные задатки человѣческой природы и не видящая лучшихъ перспективъ будущаго. Въ качествѣ политико-эконома Дюрингъ причисляетъ себя къ школѣ соціалистовъ, но его нравственно-экономическій соціализмъ имѣетъ очень мало общаго со школой Маркса и Энгельса. Извѣстна его полемика и столкновеніе съ послѣднимъ, увѣковѣченная на страницахъ соціалдемократическихъ изданій. Кромѣ того, въ сферѣ политическихъ отношеній Дюрингъ заявилъ себя однимъ изъ вождей антисемитизма. Историческія концепціи Дюринга оригинальны тѣмъ, что отводятъ первенствующее мѣсто развитію расовыхъ и національныхъ особенностей. Освобожденіе національнаго духа отъ постороннихъ вліяній составляетъ постепенный переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Этотъ процессъ разражается французской революціей. XIX ст.—эпоха по преимуществу реакціонная, но великая соціальная теорія и броженіе въ низшихъ народныхъ слояхъ даютъ надежду на свѣтлую будущность.

Въ книгѣ *Великіе люди въ литературѣ* основные взгляды Дюринга стремятся произвести настоящую литературную революцію. Общепризнанные корифеи литературы низвергаются безцеремонно со своихъ пьедесталовъ. Погромъ начинается съ Данте, котораго смѣсь воскресшаго національнаго духа и остатки средневѣковаго мистицизма привели къ какимъ-то любовнымъ судорогамъ и благочестивымъ галлюцинаціямъ. За Данте слѣдуетъ Тассо съ его мнимо-небесной музой, наряженной въ туалетъ древнихъ. Къ Сервантесу и Шекспиру критикъ относится милостивѣе, называя ихъ предшественниками и провозвѣстниками новѣйшаго народнаго характера. Но Сервантесъ провинился тѣмъ, что въ погонѣ за юморомъ подвергъ легкомысленному осмѣянію чувство справедливости и защиту слабыхъ. Шекспиръ великъ преимущественно тѣмъ, что въ образѣ Юліи впервые представилъ міру нормальный типъ любви. Но онъ отталкиваетъ современнаго зрителя кровожаднымъ содержаніемъ своихъ трагедій. Трагедія, вообще, отжила свой вѣкъ. Мильтонъ—религіозно-помраченное существо, Мольеръ—комикъ съ легкомысленнымъ остроуміемъ, съ подстриженными по придворному произведеніями, Гёте—волокита, безнравственный лирикъ, мистическій творецъ Фауста, способнаго морочить только *взрослыхъ дураковъ*, Шиллеръ—туманный идеалистъ, опьяненный эстетикъ, больной страшный филинъ, Гейне—еврей афферистъ, Ленау—поэтъ съ разстроеннымъ мозгомъ, — такова портретная галлерея великихъ умовъ, предлагаемая Дюрингомъ. Болѣе посчастливилось Вольтеру, въ здоровой насмѣшкѣ котораго Дюрингъ видитъ первое ясное выраженіе духа новаго времени; Руссо, фантазеру, политику, погрязшему въ дебряхъ мистическаго, но обладающему непосредственнымъ чувствомъ природы; Шелли, женоподобному метафизику, но сознательному протестанту противъ нравственныхъ, соціальныхъ и политическихъ традицій; Рошфору, художественному политическому фельетонисту, написавшему антиеврейскій романъ, и Ибсену, воспѣвающему горе безъ слезъ, безсознательному анархисту, но ожесточенному критику мелколибераль-

наго общества и стороннику высокой нравственности. Надъ всей этой толпой литературныхъ знаменитостей Дюрингъ высоко возноситъ Бюргера и Байрона. Бюргеръ, значеніе котораго такъ упорно умаляла до сихъ поръ литературная традиція, ведущая свое начало отъ злобной зависти Гёте и Шиллера, обнаруживаетъ, по мнѣнію Дюринга, всѣ качества великаго писателя: здравое пониманіе дѣйствительности, красоту художественныхъ образовъ, непосредственность чувства. Онъ великъ, какъ любовный лирикъ, поставившій условіемъ любви взаимное довѣріе и искренность.

Цѣль книги Дюринга, выраженная имъ въ предисловіи, заключается въ томъ, чтобы дать современному читателю возможность избавиться отъ многихъ традиціонныхъ авторитетовъ. „Нерѣдко дурное, тѣсно сросшись съ хорошимъ, проникаетъ, какъ нѣчто образцовое, въ умы, пропитанные авторитетомъ“. Намѣреніе безусловно симпатичное, такъ какъ ходячія руководства по исторіи литературы отличаются рутинной раболѣпностью мысли; но въ исполненіи задуманнаго Дюрингомъ плана встрѣчается много существенныхъ недочетовъ, зависящихъ главнымъ образомъ отъ его основныхъ точекъ зрѣнія. Такъ, антисемитизмъ заставляетъ Дюринга сдѣлать въ высшей степени одностороннюю оцѣнку Гейне или незаслуженно выдвинуть забытый всѣми романъ Рошфора. Нравственная точка зрѣнія (замѣтимъ, кстати, что она не обоснована удовлетворительно въ его философскихъ сочиненіяхъ) внушаетъ ему черезчуръ суровый приговоръ надъ Гёте, въ то время, какъ эта точка зрѣнія изъ особыхъ видовъ старательно устраняется имъ при оцѣнкѣ Байрона. Затѣмъ націонализмъ, народный духъ, проходящіе красною нитью черезъ все произведеніе, являются туманными понятіями, несмотря на неоднократную попытку къ ихъ выясненію. Кромѣ того, изъ вражды къ экономическому матеріализму, онъ не признаетъ за производительными отношеніями сколько-нибудь значительнаго вліянія на ходъ историческаго развитія. Поэтому характеристики эпохи среднихъ вѣковъ новаго времени сдѣланы имъ чрезвычайно односторонне.

Помимо сбивчивости историческаго метода, критика Дюринга страдаетъ важнымъ субъективнымъ недостаткомъ. Философъ дѣйствительности въ пылу полемической страстности забываетъ главный принципъ своей теоріи и доходитъ до фантастическихъ преувеличеній. Сластолюбивый извергъ Гёте и рыцарь безъ страха и упрека Байронъ служатъ тому нагляднымъ примѣромъ. Та же полемическая страстность окружила Бюргера ореоломъ величія.

Но отмѣченные недочеты не мѣшаютъ книгѣ Дюринга быть полезнымъ вкладомъ въ русскую литературу. Обиліе оригинальныхъ мыслей, животрепещущая современность затронутыхъ вопросовъ, остроуміе и сила, съ которою написаны многія страницы и отдѣлы, касающіеся мистицизма, кассицизма и эротизма—все это говоритъ въ пользу книги.

Переводъ сдѣланъ удовлетворительно, хотя мѣстами чувствуется шероховатость.

Воспоминанія и другія статьи. Н. А. Бѣлоголоваго. М., 1897 г. Ц. 2 р. 25 к. Очень рекомендуемъ эту хорошую, отлично изданную книгу, доходъ съ которой назначается на благотворительное дѣло. Бѣлоголовый близко зналъ въ Сибири декабристовъ, онъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ С. П. Боткинымъ, Салтыковымъ, Некрасовымъ, графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ и со многими другими значительными людьми. Отъ воспоминаній Николая Андреевича всегда вѣетъ большимъ умомъ, наблюдательностью и удивительнымъ благо-

родствомъ души. Свѣтло становится на сердцѣ, когда знакомишься съ такимъ человѣкомъ, съ такою чистою дѣятельностью. Къ книгѣ приложены портреты самого Н. А. Бѣлоголоваго, декабристовъ Борисова, Юшневскаго и Поджіо, графа Лорисъ-Меликова, С. П. Боткина, М. Е. Салтыкова, видъ могилы Бѣлоголоваго и біографическіе о немъ очерки Г. А. Джаншіева и В. А. Крылова. Сборникъ статей и воспоминаній знаменитаго врача, вышедшій теперь, свидѣтельствуетъ и о томъ, что покойный былъ выдающимся писателемъ.

Юридическія книги.

„Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ“. *А. Г. Тимофеева.*—„Процессы противъ животныхъ въ средніе вѣка“. *Я. Конторовича.*—„Усадебныя земли крестьянъ-общинниковъ съ точки зрѣнія гражданскаго права“. *С. П. Никонова.* — „Обычное право крестьянъ Харьковской губ.“. Вып. I.—„Популярно-юридическая библіотека“. Пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ. *Я. В. Абрамова.* — „Аренда и наемъ имуществъ“. *Его же.*

Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. А. Г. Тимофеева. Спб., 1897 г. Тѣлесныя наказанія, лишь въ небольшомъ объемѣ сохранившіяся въ настоящее время въ Россіи, занимали нѣкогда главное мѣсто въ нашей карательной системѣ. Они примѣнялись или какъ дополненіе къ смертной казни, или какъ самостоятельная карательная мѣра, или какъ предупредительная полицейская мѣра, дававшая возможность распознавать наказанныхъ людей. Отличаясь крайнимъ разнообразіемъ, тѣлесныя наказанія примѣнялись на каждомъ шагу: били взрослыхъ и малолѣтнихъ, знатныхъ и незнатныхъ, за самыя важныя и за самыя пустыя преступленія—за убійство и за продажу 5 ф. соли на $^3/_8$ к. дороже установленной цѣны (стр. 75); били кнутомъ, плетями, батогами, шпицрутенами, розгами; били такъ много, что не безъ нѣкотораго основанія въ былое время у иностранцевъ понятіе о Россійскомъ государствѣ связывалось съ понятіемъ о кнутѣ. Это обширное примѣненіе тѣлесныхъ наказаній, объясняемое главнымъ образомъ грубостью и низкимъ нравственнымъ развитіемъ нашего общества, укрѣплялось подъ вліяніемъ того мнѣнія, что тѣлесное наказаніе является наиболѣе устрашающимъ и наиболѣе простымъ для примѣненія, а слѣдовательно и разумнымъ наказаніемъ. Съ конца 18 вѣка этотъ взглядъ, царившій во всей Европѣ, началъ мѣняться; на наказаніе тѣлесною болью стали смотрѣть какъ на несогласное съ человѣческимъ достоинствомъ, безцѣльное и вредное, и уже въ началѣ 19 вѣка тѣлесныя наказанія понемногу исчезли изъ всѣхъ западно-европейскихъ уголовныхъ кодексовъ. Въ Россіи тѣлесныя наказанія сохранились дольше, и еще теперь въ уложеніи въ трехъ статьяхъ 952, 1261 и 1377 говорится о тѣлесныхъ наказаніяхъ; впрочемъ эти печальные остатки старины доживаютъ свои послѣдніе дни, такъ какъ новый проектъ уложенія не знаетъ тѣлесныхъ наказаній.

Однако, говорить о тѣлесныхъ наказаніяхъ, какъ объ отошедшихъ въ область исторіи, къ сожалѣнію, еще рано; законъ 12 іюля 1889 г. возстановилъ у насъ розги для крестьянъ; тѣлесныя наказанія сохраняются какъ мѣра тюремно-дисциплинарная, хотя въ качествѣ таковой они столь же вредны и безцѣльны, какъ и въ качествѣ мѣры карательной; наконецъ за послѣднее время появились и принципіальные защитники тѣлеснаго наказанія, вродѣ Маттельштедта, проповѣдывавшаго въ Германіи замѣну розгами краткосрочнаго лишенія свободы.

Но надо надѣяться, что это есть послѣдняя вспышка доживающаго свой вѣкъ наказанія; г. Тимофеевъ вполнѣ вѣрно говоритъ, что „и общество и печать единодушно выступили какъ бы въ крестовый походъ противъ розги, символа исчезнувшаго варварства и безправія, и есть основаніе предполагать, что недалекъ тотъ день, въ который въ Россіи закончится исторія тѣлесныхъ наказаній такъ же прочно, какъ во Франціи, исчезнетъ раздѣленіе русскихъ людей на тѣхъ, кого бить и кого бить нельзя“ (стр. 129).

Исторіи тѣлесныхъ наказаній и посвящена книга г. Тимофеева. Въ первомъ отдѣлѣ онъ излагаетъ общія условія развитія и вымиранія тѣлесныхъ наказаній и даетъ очеркъ ихъ исторіи въ Западной Европѣ; это наиболѣе слабая часть труда г. Тимофеева, она составлена весьма неполно и безъ всякой системы, наприм., начавъ излагать исторію тѣлесныхъ наказаній въ Германіи, авторъ безъ всякаго основанія переходитъ къ исторіи тѣлесныхъ наказаній во Франціи, а затѣмъ опять возвращается къ Германіи. Остальные отдѣлы труда г. Тимофеева посвящены исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи, а затѣмъ исторіи ихъ отдѣльныхъ видовъ, замѣтимъ относительно общей исторіи, что здѣсь авторъ не вполнѣ справился съ размѣщеніемъ собраннаго имъ матеріала; замѣчается какая-то туманность, повторенія. Въ общемъ, благодаря богатству собранныхъ г. Тимофеевымъ любопытныхъ данныхъ, разсматриваемая книга представляетъ значительный интересъ.

Процессы противъ животныхъ въ средніе вѣка. Я. Канторовича. Спб., 1897 г. Одно изъ основныхъ положеній современнаго уголовнаго права, установляющее, что субъектомъ преступнаго дѣянія можетъ быть лишь человѣкъ, какъ существо разумное и отвѣтственное за свои поступки, было совершенно чуждо средневѣковымъ юристамъ; они считали, что всякое вредоносное или преступное дѣяніе, кѣмъ бы оно ни было совершено—человѣкомъ или животнымъ, должно влечь за собой наказаніе; а потому и животное передъ закономъ должно быть точно такъ же отвѣтственнымъ за содѣянное имъ, какъ и человѣкъ. Благодаря этому взгляду, въ средніе вѣка возникалъ цѣлый рядъ процессовъ противъ животныхъ.

Всѣ эти процессы можно раздѣлить на двѣ группы: одни вѣдались свѣтскими судами, а другіе духовными. Въ процессахъ перваго рода животныя являлись подсудимыми или въ качествѣ соучастниковъ людей, или, особенно часто, какъ самостоятельно совершившіе преступленіе, причинивъ смерть или раны людямъ. Въ такихъ процессахъ, главнымъ образомъ, встрѣчаются свиньи. Процессуальная формы, соблюдавшіяся въ подобныхъ дѣлахъ, ничѣмъ не отличались отъ общаго порядка судопроизводства. Животному предъявляли обвиненіе и заключали его въ общую для всѣхъ преступниковъ тюрьму, выдавая, иногда, на его содержаніе столько же, сколько на содержаніе человѣка; затѣмъ его приводили на судъ, подвергали допросамъ и пыткамъ, давали ему защитника и соблюдали всѣ тѣ же формальности, какъ при слѣдствіяхъ надъ людьми. Оканчивались обыкновенно подобные процессы присужденіемъ животныхъ къ смертной казни, исполнявшейся съ соблюденіемъ тѣхъ же правилъ, какія соблюдались при казни преступниковъ людей. Къ другой группѣ дѣлъ, вѣдавшихся судомъ духовнымъ, относятся процессы противъ цѣлыхъ массъ насѣкомыхъ и животныхъ, являющихся источникомъ общественныхъ бѣдствій, опустошая поля и виноградники. Въ подобныхъ процессахъ животныя являлись равно-

правной стороной и выступали какъ отвѣтчики. Обвинителями или истцами являлись владѣльцы опустошаемой земли, обыкновенно представители общины. Животныя получали своего защитника; если его доводы оказывались недѣйствительными, судъ присуждалъ животныхъ къ изгнанію; назначался опредѣленный срокъ для ухода; иногда община отводила особое мѣсто, гдѣ бы изгоняемыя животныя могли поселиться, подъ условіемъ не опустошать остальной земли общины; подобныя соглашенія съ животными закрѣплялись въ видѣ формальныхъ договоровъ. Если животныя отказывались исполнить приговоръ суда и удалиться изъ страны, то они предавались отлученію или проклятію.

Этому интересному и оригинальному явленію изъ средне-вѣковой жизни и посвящена небольшая книжка г. Канторовича. Мы находимъ въ ней изложеніе всего хода процессовъ противъ животныхъ, образцы рѣчей обвинителей и защитниковъ животныхъ и, наконецъ, цѣлый рядъ любопытныхъ примѣровъ подобныхъ процессовъ.

Усадебныя земли крестьянъ-общинниковъ съ точки зрѣнія гражданскаго права. С. П. Никонова. Ярославль, 1896 г. Вся обширная область крестьянскаго быта и крестьянскаго землевладѣнія, разработанная довольно подробно съ точки зрѣнія бытовой, почти вовсе не изслѣдована въ нашей научной литературѣ съ точки зрѣнія права, и юридическая природа тѣхъ особенныхъ крестьянскихъ правъ, которыя возникли послѣ реформы 1861 года, осталась до сихъ поръ совершенно не выясненной. Между тѣмъ пополненіе этого пробѣла, особенно при неясности и невыдержанности нашего законодательства о крестьянахъ, должно имѣть весьма существенное практическое значеніе. За послѣднее время появилось значительное количество сенатскихъ рѣшеній, посвященныхъ разъясненію юридическихъ сторонъ крестьянскаго быта, но и эти рѣшенія, вмѣстѣ съ законодательнымъ матеріаломъ, ждутъ до сихъ поръ научной обработки.

Авторъ разсматриваемой брошюры, стремясь къ пополненію указаннаго пробѣла, разсматриваетъ съ юридической точки зрѣнія одинъ изъ вопросовъ крестьянскаго землевладѣнія—вопросъ объ усадебныхъ земляхъ крестьянъ-общинниковъ. Нельзя сказать, чтобы г. Никоновъ справился со своей задачей вполнѣ удовлетворительно. Придерживаясь исключительно законодательнаго матеріала и сенатскихъ рѣшеній, онъ посмотрѣлъ на свою работу слишкомъ узко и формально, и благодаря этому тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ, не всегда правильны. Исходя изъ того положенія, что крестьянская община, какъ юридическое лицо, владѣетъ на правѣ собственности надѣльными землями, предоставляя ихъ въ пользованіе по частямъ семьямъ своихъ членовъ, авторъ заключаетъ, что и участки усадебныхъ земель находятся у общинниковъ не въ собственности, а лишь въ наслѣдственномъ пользованіи; при этомъ субъектомъ подобнаго права пользованія является не домохозяинъ, а вся семья. Какъ рѣшительный сторонникъ общиннаго землевладѣнія, авторъ усиленно возстаетъ противъ права общинниковъ выкупать дворовые участки, находя, что выкупъ явился бы вопіющимъ нарушеніемъ правъ общины, „имѣющимъ характеръ грабежа, только на законномъ основаніи“.

Обычное право крестьянъ Харьковской губерніи. Вып. 1-й. Подъ редакціей В. В. Иванова. Харьковъ, 1896 г. Юридическія обычаи нашихъ крестьянъ до сихъ поръ остаются почти совершенно неизвѣстными. Каждое новое изслѣдованіе въ этой области, каждая новая попытка собрать крестьянскія юридическіе обычаи являются

особенно цѣнными. Поэтому мы съ большимъ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе настоящаго изданія. Какъ видно изъ предисловія, харьковскій губернскій статистическій комитетъ предпринялъ опытъ сплошного систематическаго изученія юридическихъ обычаевъ крестьянъ Харьковской губерніи. Съ этою цѣлью комитетъ составилъ для собиранія свѣдѣній по обычному праву особую программу, образецъ которой приложенъ къ разсматриваемой книгѣ; программа эта, охватывающая всѣ отдѣлы гражданскаго права и процесса, была разослана отдѣльнымъ лицамъ и учрежденіямъ, отвѣты которыхъ и дали матеріалъ для настоящаго изданія. Многіе изъ полученныхъ отвѣтовъ составлены очень подробно и дѣльно. Вышедшій нынѣ первый выпускъ изданія заключаетъ въ себѣ отвѣты волостныхъ судовъ и записи уѣздныхъ съѣздовъ: первые по двумъ уѣздамъ—Старобѣльскому и Волчанскому, а послѣднія—по Харьковскому.

Обильный и любопытный матеріалъ, заключающійся въ разбираемомъ изданіи, и то существеннее значеніе, которое оно имѣетъ для ознакомленія съ крестьянскимъ обычнымъ правомъ, заставляетъ надѣяться, что и остальные выпуски не замедлятъ появиться въ свѣтъ.

Популярно-юридическая библіотека. № 3. Пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ. Сост. Я. В. Абрамовъ. Спб., 1897 г. № 4. Аренда и наемъ имуществъ. Сост. Я. В. Абрамовъ. Спб., 1897 г. Третій и четвертый выпуски издаваемой Павленковымъ популярно-юридической библіотеки значительно уступаютъ двумъ первымъ и далеко не достигаютъ той цѣли, къ которой направлено все изданіе. Г. Абрамовъ указывалъ въ первомъ выпускѣ, что онъ стремится дать общедоступное и систематичное изложеніе законовъ, чтобъ ознакомить публику съ дѣйствующимими у насъ законами. Но ни систематичности, ни общедоступности въ разсматриваемыхъ книжкахъ г. Абрамова мы не находимъ. Матеріалъ расположенъ безо всякой системы, такъ что разобраться въ немъ весьма не легко: такъ, наприм., въ выпускѣ четвертомъ авторъ сперва разбираетъ вопросъ о томъ, кто можетъ брать и отдавать въ наемъ имущества, и вопросъ о срокахъ найма, и лишь затѣмъ разсматриваетъ самую сущность договоровъ найма или аренды, причемъ ему невольно приходится вторично говорить о срокахъ; въ выпускѣ третьемъ авторъ, излагая способы пріобрѣтенія имуществъ, безо всякаго основанія разсматриваетъ договоръ запродажи, по которому, по словамъ самого же автора, никакого права на имущество не устанавливается. Кромѣ несистематичности надо указать и на неполноту изложенія. Такъ среди лицъ, означенныхъ въ правѣ пріобрѣтенія и отчужденія имуществъ, вовсе не указаны монашествующіе; говоря о способахъ пріобрѣтенія имуществъ, авторъ перечисляетъ лишь случаи, предусмотрѣнные 699 ст. X т., вовсе не упоминая о другихъ способахъ, наприм., находкѣ, кладѣ и т. д.

Общедоступности въ изложеніи законовъ мы также не находимъ. Г. Абрамовъ приводитъ лишь содержаніе статей закона, не давая иногда самыхъ необходимыхъ объясненій; такъ не выяснено, что такое есть имущество, въ чемъ состоитъ договоръ найма или аренды, не указано даже, есть ли договоръ найма и договоръ аренды одинъ и тотъ же или два разныхъ договора. На стр. 14 третьяго выпуска г. Абрамовъ говоритъ, что „способы пріобрѣтенія имуществъ бываютъ безмездные и обоюдные“, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій; подобное противоположеніе безмездности и обоюдности можетъ поставить втупикъ не только читателя неюриста.

Стремясь передать постановленія закона общепонятнымъ способомъ, г. Абрамовъ излагаетъ статьи закона своими словами, но не всегда отъ этого постановленія закона становятся яснѣе: наприм., въ выпускѣ третьемъ на стр. 22 мы читаемъ: „выпись изъ этой книги на актовой бумагѣ выдается тому изъ совершающихъ актъ, кому они по взаимному согласію рѣшили получить этотъ актъ“.

Въ результатѣ приходится сказать, что книги г. Абрамова составлены не вполнѣ удовлетворительно и не достигаютъ своей цѣли дать популярное изложеніе законовъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Дружба съ природой“. Разсказы *Элизы Брайтвинъ*, въ изложеніи *Дм. Кайгородова.*— „Zoologisches Taschenbuch für Studierende zum Gebrauch vährend der Vorlesungen und praktischen Uebungen“. *Emil Selenka.*

Дружба съ природой. Разсказы Элизы Брайтвинъ въ изложеніи Дм. Кайгородова. Спб., 1897 г. 8⁰. Стр. 189. Со многими рисунками въ текстѣ. Цѣна 1 р. 50 коп. Книга эта содержитъ въ себѣ двадцать одинъ разсказъ изъ жизни животныхъ на основаніи личныхъ наблюденій автора. Г-жа Элиза Брайтвинъ въ теченіе многихъ лѣтъ содержала въ неволѣ и приручала самыхъ разнообразныхъ животныхъ и въ предисловіи своемъ пишетъ, что эти близкія отношенія къ міру животныхъ служили для нея источникомъ радости, утѣшенія и успокоенія. Содержаніе разсказовъ чрезвычайно разнообразно: наряду съ наблюденіями надъ птицами, содержаніе которыхъ въ неволѣ является обычнымъ, мы находимъ у Элизы Брайтвинъ наблюденія надъ водяными куторами, священными египетскими жуками, пауками, уховертками, муравьиными львами и другими животными, вовсе не обычными въ клѣткахъ и терраріумахъ, что придаетъ книжкѣ особый интересъ, такъ какъ показываетъ юнымъ читателямъ, для которыхъ книга предназначена, что любое животное, мимо котораго мы часто проходимъ безъ вниманія, можетъ быть источникомъ живого интереса. Всѣ разсказы написаны чрезвычайно простымъ языкомъ, именно такъ, какъ нужно писать для дѣтей, т.-е. безъ всякаго старанія создать какой-то особый „дѣтскій слогъ“, и проникнуты теплою любовью къ природѣ, что дѣлаетъ книгу особенно цѣнной для дѣтскаго чтенія, и мы можемъ ее рекомендовать какъ прекрасное пріобрѣтеніе для дѣтской библіотеки.

Zoologisches Taschenbuch für Studierende zum Gebrauch während der Yorlesungen und praktischen Uebungen. Emil Selenka. Vierte Auflage. Leipz., 1897. Цѣна 2 р. 50 к. Книжка эта, изданная въ двухъ частяхъ (безпозвоночныя и позвоночныя), принадлежитъ къ типу довольно распространенныхъ въ Германіи краткихъ повторительныхъ университетскихъ курсовъ, но своеобразный характеръ ея заключается въ томъ, что текстъ сведенъ до minimum'а, но за то рисунковъ изобиліе, около восьми сотъ. Учебникомъ служить эта книга никоимъ образомъ не можетъ, но она можетъ оказать большую помощь при просмотрѣ учебныхъ коллекцій, а также при повтореніи главныхъ основъ предмета передъ экзаменами, когда часто приходится въ два-три дня освѣжить въ памяти курсъ цѣлаго года. Рисунки подобраны весьма умѣло и выполнены очень отчетливо, несмотря на мелкій размѣръ ихъ, позволяющій умѣстить до двадцати пяти рисунковъ на стра-

ницѣ. Повсюду на страницахъ оставлены бѣлыя мѣста для рукописныхъ дополненій, а въ концѣ каждой части прибавлено нѣсколько страницъ бѣлой бумаги для той же цѣли.

МЕДИЦИНА.

„Хирургія". Ежемѣсячное изд. подъ ред. проф. *П. И. Дьяконова.* — „Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ". Проф. *И. А. Сикорскаго.*

Хирургія. Ежемѣсячное изданіе подъ редакціей проф. П. И. Дьяконова. 1897 г. Приступая къ изданію и выясняя въ предисловіи къ январьской книжкѣ цѣль и задачи новаго журнала, проф. Дьяконовъ задается такимъ вопросомъ: „нужно ли это изданіе? Не достаточно ли существующаго въ Россіи количества врачебныхъ журналовъ? Не лучше ли было бы, еслибъ врачи-писатели не думали объ основаніи новыхъ изданій, а присоединялись бы къ одному изъ существующихъ?" Вопросъ этотъ рѣшается имъ „въ пользу новаго изданія". Сравнивая развитіе медицинской журналистики у насъ и заграницею, проф. Дьяконовъ указываетъ на нашу отсталость въ этомъ отношеніи, а между тѣмъ научная жизнь нашего врачебнаго сословія едва ли ниже жизни западной. Нельзя не пожелать журналу проф. Дьяконова дальнѣйшаго успѣха и большого количества читателей. Въ вышедшихъ книжкахъ не мало весьма обстоятельныхъ и интересныхъ не только для хирурга, но и для всякаго врача вообще, статей; таковы ст. Померанцева—„Характеристика бромъ-этила съ точки зрѣнія опасности примѣненія его въ качествѣ анэстезирующаго", Руднева—„Объ актиномикозѣ", проф. Дьяконова—„Къ хирургіи почекъ" и друг. Отдѣлъ рефератовъ поставленъ прекрасно. Что касается внѣшности изданія, то она безупречна.

Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ. Проф. И. А. Сикорскаго. Отд. отт. изъ журнала „Вопросы нервно-психической медицины". Т. 2. 59 стр. Авторъ, „желая поближе ознакомиться съ событіями" на Терновскихъ хуторахъ, „взялъ на себя трудъ отправиться на мѣсто и ознакомиться съ внѣшней обстановкой, съ населеніемъ, среди котораго произошли убійственныя событія". Описавъ весьма обстоятельно и достаточно объективно обстоятельства разыгравшейся здѣсь драмы, проф. Сикорскій переходитъ затѣмъ къ заключительнымъ замѣчаніямъ, гдѣ и высказываетъ свои взгляды на причины и условія ея развитія. По аналогіи съ „Малеванщиной", описанной имъ въ 1894 г., авторъ и здѣсь видитъ „психопатическую эпидемію"; на страницахъ *Русской Мысли* и *Медицинскаго Обозрѣнія* намъ приходилось тогда же высказывать свои соображенія, свои взгляды, далеко не согласные съ воззрѣніями автора на условія развитія такихъ „психопатическихъ эпидемій". Въ настоящей своей статьѣ проф. Сикорскій проводитъ тотъ же взглядъ, т.-е. что явленія эти патологическаго свойства, что событія на Терновскихъ хуторахъ—одна изъ „психопатическихъ эпидемій", поводомъ къ развитію которыхъ авторъ считаетъ „политическіе перевороты" и „религіозныя событія" вообще, въ частности же, въ примѣненіи къ данному случаю,—„открытіе мощей святого Ѳеодосія Углицкаго; что касается всеобщей народной переписи, на вліяніе которой указывалось въ прессѣ, то „Терновскія событія связаны съ нею лишь внѣшнимъ образомъ". „Открытіе же мощей", вызвавъ въ одной части населенія „возбужде-

ніе“, „подъемъ духа“, въ другой части населенія—въ раскольничьей— „произвело противоположныя дѣйствія, напомнивъ ей объ ея обособленіи, о мучительномъ религіозномъ отщепленіи и отдѣленіи отъ великаго народнаго организма“, вслѣдствіе чего развился „пессимизмъ“, „утрата чувства жизни“, образовалось „патологическое ядро“ и „психическая зараза“, которая и повела къ „эпидемическимъ вольнымъ смертямъ и смертоубійствамъ на Терновскихъ хуторахъ“. Приводя мнѣнія Пыпина, видящаго причину самоистребленія раскольниковъ въ „преслѣдованіяхъ, какимъ подвергался расколъ со стороны правительства“, и почти такой же взглядъ автора „Исторіи Выговской пустыни“, проф. Сикорскій находитъ ихъ неправильными: по его мнѣнію, оба автора „обобщили частные случаи“. Мѣрами къ устраненію такихъ патологическихъ явленій авторъ считаетъ „большее развитіе дѣла призрѣнія умалишенныхъ“ и „истинную заботу о раскольникахъ“; въ чемъ должна состоять послѣдняя, не выясняется; можно однако, на основаніи 54 стр. статьи, догадываться. „Уже въ прошломъ столѣтіи, въ видахъ предупрежденія самосожженій, святѣйшій синодъ постановилъ: сообщить сенату вѣдѣніемъ о самоохотно сгорѣвшихъ раскольникахъ, требовать распоряженій его о разсылкѣ крѣпкихъ указовъ ко всѣмъ вотчинникамъ, или ихъ управителямъ о томъ, чтобъ они нигдѣ въ помѣстьяхъ своихъ, ни подъ какимъ видомъ, не дозволяли раскольникамъ строить скитовъ себѣ и пустынекъ, а чтобы жили подобные люди съ прочими крестьянами въ селахъ и деревняхъ неотложно“.

Не раздѣляя совершенно взглядовъ автора на прискорбныя явленія на Терновскихъ хуторахъ какъ на „психопатическую эпидемію по тѣмъ же самымъ соображеніямъ, какія были высказаны нами по поводу „Малеванщины“ и повторять которыя здѣсь было бы неумѣстно,— мы также не раздѣляемъ и выясненій причинъ и поводовъ къ развитію этихъ явленій и мѣропріятій, предлагаемыхъ авторомъ, къ предупрежденію ихъ; по нашему мнѣнію, ближайшимъ поводомъ служила только всеобщая народная перепись, причина же кроется не въ „пессимизмѣ и утратѣ чувства жизни“, а въ глубокомъ невѣжествѣ народныхъ массъ; мѣропріятія, способныя устранить, уменьшить это невѣжество, устранятъ и грустныя явленія.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Производство сѣрной кислоты“. Инж.-технол. *П. П. Ѳедотьева.*

Производство сѣрной кислоты. Инженеръ-технолога П. П. Ѳедотьева. Съ 155 рѣзанными на деревѣ рисунками въ текстѣ. Изданіе Щепанскаго. Ц. 5 р. Среди различныхъ отраслей химической промышленности производство сѣрной кислоты по своему значенію занимаетъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ и количество производимаго страною купороснаго масла можетъ даже служить болѣе или менѣе вѣрнымъ показателемъ ея промышленнаго развитія вообще. Въ Россіи химическая промышленность никогда особенно не процвѣтала; но таможенный тарифъ 1891 г. далъ ей сильный толчокъ и съ тѣхъ поръ производство сѣрной кислоты съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивается, въ особенности со времени возникновенія у насъ обширныхъ пироксилиновыхъ заводовъ. Впрочемъ, за послѣднее время въ дѣятельности нашихъ химическихъ заводовъ произошла заминка, и при крайне низкихъ цѣнахъ на купоросное масло нѣкоторые изъ нихъ со-

всѣмъ пріостановили работу. Замѣтимъ, что на русскомъ языкѣ по этому производству до сихъ поръ совсѣмъ не было сочиненій, а потому трудъ г. Ѳедотьева, основанный на многолѣтней практикѣ и тщательномъ изученіи теоріи предмета, представляетъ особенный интересъ. Книгѣ приданъ характеръ практическаго руководства. Всѣ цифровыя данныя тщательно провѣрены, рисунки выполнены въ масштабѣ и могутъ служить конструктивными чертежами. Въ началѣ книги сгруппированы свѣдѣнія о мѣсторожденіяхъ сѣры и колчедановъ въ Россіи, въ концѣ помѣщенъ краткій очеркъ современнаго состоянія у насъ производства сѣрной кислоты. Авторъ, повидимому, хорошо знакомъ, какъ съ теоріей, такъ и съ практикой предмета. Всѣ стороны дѣла освѣщены имъ правильно и толково. При составленіи этого руководства, помимо личнаго опыта, онъ пользовался лучшими литературными источниками. Можно было бы пожелать бо̀льшихъ подробностей относительно проектированія и устройства заводовъ. Такого рода данныя встрѣчаются въ книгѣ Ѳедотьева, но они относятся главнымъ образомъ къ иностраннымъ заводамъ. Что же касается стоимости заводовъ русскихъ, то этого авторъ почти не касается. Это, по нашему мнѣнію, единственно слабая сторона книги. Во всемъ остальномъ слѣдуетъ отдать автору полную справедливость, книга составлена прекрасно и по своей полнотѣ, ясности и научности изложенія представляетъ прекрасно обработанный трудъ. Съ внѣшней стороны изданіе заслуживаетъ полнѣйшей похвалы. Печать прекрасная, рисунки безукоризненны и цѣна, принимая во вниманіе малый спросъ въ Россіи на техническія сочиненія, очень не высока. Вообще сочиненіе Ѳедотьева представляетъ серьезный вкладъ въ русскую техническую литературу.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Овраги черноземной полосы Россіи, ихъ распространеніе, разведеніе и дѣятельность“. Сост. кн. *В. Масальскій.* — „Основные пріемы повышенія урожаевъ при помощи раціональной культуры полей“. Сост. *И. Широкихъ.*

Овраги черноземной полосы Россіи, ихъ распространеніе, развитіе и дѣятельность. Сост. кн. В. Масальскій. Спб., 1897 г. Прочитанный на VIII съѣздѣ натуралистовъ, докладъ А. А. Гинкена обратилъ вниманіе министерства земледѣлія на наблюдательное изслѣдованіе овражнаго вопроса въ Россіи; при помощи своихъ добровольныхъ корреспондентовъ, департаментъ земледѣлія собралъ по довольно подробной программѣ свѣдѣнія объ оврагахъ, которыя вмѣстѣ съ отвѣтами земскихъ управъ и съ обширною литературою легли въ основу настоящей работы князя В. И. Масальскаго; работа издана отдѣломъ сельской экономіи въ объемистомъ, изящномъ томѣ съ приложеніемъ десяти фототипій.

Овраги образуются въ черноземной полосѣ какъ отъ естественныхъ условій, такъ въ особенности отъ истребленія лѣсовъ и усиленной распашки земель. Хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ овраги могутъ оказывать пользу, обнажая ключи и полезныя ископаемыя, но вообще говоря, особенно въ началѣ развитія овраги приносятъ значительный хозяйственный вредъ и потому признается желательною борьба съ ними при помощи укрѣпленія и обращенія укрѣпленнаго оврага въ производительную площадь.

Основные пріемы повышенія урожаевъ при помощи раціональной культуры полей. Состав. И. Широкихъ. Изд. Девріена. Спб., 1897 г. Ц. 75 коп. Слово „раціональный", пущенное въ ходъ въ русской сельско-хозяйственной литературѣ С. А. Масловымъ въ тридцатыхъ годахъ и часто употребляемое, до сихъ поръ не остановилось на опредѣленномъ значеніи. Одна и та же хозяйственная единица, повидимому, должна была бы держаться единаго понятія о раціональности (по преимуществу *хозяйственнаго* понятія, объясняющаго цѣли существованія этой единицы), и однако у насъ постоянно говорятъ о двоякаго рода раціональности—экономической и технической. Авторъ названной книги разумѣетъ (хотя и не опредѣляя) раціональность техническую, т.-е. стремленіе получить возможно-большее количество продуктовъ возможно-высшаго качества.

Выясняя отношеніе почвъ къ влагѣ и значеніе чернаго неудобреннаго пара, авторъ воспользовался (по желанію издателя) обширными выдержками изъ книги покойнаго П. А. Костычева. Остальныя главы, разработанныя авторомъ самостоятельно, относятся къ значенію занятаго пара и зеленаго удобренія, ранняго зеленаго пара и навознаго удобренія, къ вліянію глубины вспашки, къ способамъ посѣва и къ орошенію.

Обильный матеріалъ почерпнутъ авторомъ въ семилѣтнихъ опытахъ полтавскаго поля (результаты этихъ опытовъ разработаны уже были авторомъ прежде по порученію полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества). Почти все содержаніе книги относится къ выясненію русскихъ условій и къ изложенію техническихъ пріемовъ, предпринимавшихся въ Россіи. Съ этой стороны новая книга заслуживаетъ большого вниманія, какъ одна изъ немногочисленныхъ попытокъ сводки русскихъ опытовъ и наблюденій по вліянію важнѣйшихъ культурныхъ пріемовъ на высоту урожаевъ.

УЧЕБНИКИ.

„Русскій букварь для обученія письму и чтенію, русскому и церковно-славянскому" *В. П. Вахтерова.* — „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для воскресныхъ школъ, вечернихъ и повторительныхъ классовъ". Курсъ средній и старшій. Составл. подъ ред. *Ал. Гатлиха.*—„Учебникъ математической географіи". Состав. *Н. Степановъ.*

Русскій букварь для обученія письму и чтенію, русскому и церковно-славянскому. В. П. Вахтерова. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М., 1897 г. Ц. 15 коп. Искусство обученія грамотѣ по звуковому способу въ настоящее время доведено до высокой степени совершенства: въ воскресныхъ и вечернихъ школахъ для взрослыхъ теперь нерѣдки случаи, когда учащіеся научаются читать и проходятъ весь алфавитъ въ 5—6 уроковъ; въ школахъ для дѣтей того же достигаютъ въ мѣсяцъ, много въ шесть, семь недѣль. Но, какъ бы ни былъ сокращенъ періодъ прохожденія алфавита, обученіе грамотѣ не будетъ нормальнымъ, если процессъ письма не идетъ параллельно съ чтеніемъ и если элементъ сознательности не имѣетъ мѣста при обученіи письму въ той же мѣрѣ, какъ и при обученіи чтенію. Очень часто ребенокъ съ самыхъ первыхъ шаговъ обученія привыкаетъ относиться къ слову, которое пишетъ, чисто съ формальной, внѣшней стороны, не имѣя яснаго представленія о томъ понятіи, выраженіемъ котораго служитъ данное слово. Авторъ разбираемаго букваря, г. Вахтеровъ, много лѣтъ

наблюдавшій дѣло обученія грамотѣ въ школахъ различныхъ типовъ и наименованій, очевидно, хорошо знакомъ съ этой слабой стороной первоначальнаго обученія; въ своемъ букварѣ онъ и обращаетъ поэтому особенное вниманіе именно на эту сторону дѣла. Главная часть упражненій здѣсь состоитъ въ названіи предметовъ, изображенныхъ на картинкахъ, и въ письмѣ этихъ названій. Не говоря уже о томъ, какое важное значеніе могутъ имѣть эти картинки въ учебномъ и воспитательномъ отношеніи, онѣ,—по словамъ автора,—являются лучшимъ средствомъ, чтобы неразрывно связать слова, которыя будетъ писать ученикъ съ соотвѣтствующими имъ предметами. Такихъ упражненій-картинокъ мы насчитали въ букварѣ болѣе двухсотъ. Нельзя не признать методъ г. Вахтерова весьма оригинальнымъ, и, насколько намъ извѣстно, ничего подобнаго не было еще примѣнено ни въ одномъ изъ существующихъ у насъ букварей.

Отводя въ дѣлѣ правописанія первое мѣсто навыку авторъ всегда старается *предупредить* ошибки и ставитъ дѣло такъ, чтобъ „ученики мимоходомъ, между дѣломъ, такъ сказать, и притомъ безъ особыхъ усилій пріобрѣтали навыкъ въ пользу грамотнаго письма, а не наоборотъ“. Съ этою цѣлью въ букварѣ „подъ каждой картинкой, названіе которой представляетъ сомнѣніе въ дѣлѣ орѳографіи, поставлено столько точекъ, сколько буквъ въ данномъ словѣ. Всѣ сомнительныя буквы напечатаны каждая на своемъ мѣстѣ. Только тѣ буквы, которыя не представляютъ для дѣтей никакой трудности, ученикъ долженъ будетъ написать безъ помощи букваря“. Такимъ образомъ, всѣ ошибки будутъ предупреждены, и вредныхъ навыковъ образоваться не можетъ, напротивъ, ученики съ самыхъ первыхъ шаговъ пріучатся правильно писать всѣ тѣ слова, какія встрѣчаются въ ихъ письменныхъ упражненіяхъ.

Что касается расположенія звуковъ при ихъ прохожденіи, то здѣсь соблюдена строгая послѣдовательность и постепенность. Трудные для слiянія звуки отнесены на конецъ, наприм., буква *я* занимаетъ 27-е мѣсто, а буква *ю*—29-е. Знаку *ъ* отведено шестое мѣсто, благодаря чему учащіеся съ самаго начала привыкаютъ къ правильному употребленію этого знака въ концѣ словъ. Отдѣльныя слова при упражненіи въ чтеніи новыхъ звуковъ расположены авторомъ съ такимъ разсчетомъ, что новый звукъ почти всегда выступаетъ рельефно, чѣмъ значительно облегчается его запоминаніе и рѣзче выдѣляется его отличіе отъ сходныхъ съ нимъ звуковъ, наприм.: *лугъ, лучъ*, *туча*, *туши* и т. д.

Вообще, въ составителѣ виденъ опытный педагогъ, много поработавшій въ области начальнаго обученія и на практикѣ изучившій всѣ стороны этого дѣла. Въ концѣ книжки приложенъ хорошо подобранный матеріалъ для класснаго чтенія послѣ букваря. Внѣшность изданія находится въ полномъ соотвѣтствіи съ его внутреннимъ содержаніемъ, а множество рисунковъ дѣлаютъ букварь г. Вахтерова любимою дѣтскою книжкой. Цѣна ея болѣе чѣмъ скромная.

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для воскресныхъ школъ, вечернихъ и повторительныхъ классовъ. Курсъ средній и старшій. Составленъ подъ редакціей Ал. Гатлиха. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М., 1897 г. Ц. 20 к. За послѣднее время все чаще и чаще приходится слышать объ открытіи то тамъ, то здѣсь школъ, курсовъ и классовъ для рабочихъ. Очевидно, вопросъ объ образованіи взрослыхъ сдѣлался насущною потребностью русской жизни и, несмотря на многія неблагопріятныя условія, неуклонно продолжаетъ развиваться и получать практическое осуществленіе. Одновременно съ этимъ на

сцену выдвигается и много другихъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ дѣломъ обученія взрослыхъ. Сюда прежде всего слѣдуетъ отнести вопросъ о школьной литературѣ, принаровленной къ потребностямъ этихъ, еще новыхъ у насъ, школъ. Несомнѣнно, что всевозможные учебники и руководства, которые ежегодно въ такомъ обиліи выпускаются на книжный рынокъ нашими присяжными педагогами-составителями, будучи предназначены для потребностей дѣтской школы, не могутъ удовлетворять тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются къ учебнику школою для взрослыхъ. Экономія во времени, о которой въ особенности должны помнить школы этого типа, иные пріемы и методы преподаванія и, наконецъ, иные умственные интересы взрослаго ученика—все это, вмѣстѣ взятое, указываетъ на крайнюю необходимость изданія особыхъ, приспособленныхъ для взрослыхъ, учебниковъ и руководствъ.

Коммиссія по воскреснымъ школамъ бывшаго московскаго комитета грамотности три года тому назадъ сдѣлала первую попытку въ этомъ направленіи, выпустивъ подъ редакціей одного изъ своихъ членовъ, С. И. Лапшина, методическій задачникъ, предназначенный для перваго года обученія въ воскресной школѣ. Разбираемый нами задачникъ является продолженіемъ этой работы. Онъ также представляетъ собою коллективный трудъ членовъ воскресной коммиссіи и предназначается для 2-го и 3-го годовъ обученія взрослыхъ. „Цѣль его,—говорятъ составители въ предисловіи,—научить пользоваться *письменнымъ счисленіемъ* въ его простѣйшихъ формахъ, въ предѣлахъ, требуемыхъ повседневною жизнью и доступныхъ для усвоенія въ то короткое время, какое можетъ удѣлять взрослый человѣкъ на свое запоздалое образованіе“. Характерною особенностью новаго задачника является слѣдующее. Именованныя числа не составляютъ въ немъ особаго отдѣла; при случаѣ указываются лишь тѣ способы записи чиселъ и расположенія дѣйствій, которыя дѣйствительно могутъ быть полезны въ смыслѣ сокращенія времени и мѣста. Задачи на простыя дроби составлены съ такимъ разсчетомъ, чтобъ учащіеся могли усвоить этотъ отдѣлъ ариѳметики на самыхъ задачахъ, не нуждаясь въ особыхъ теоретическихъ объясненіяхъ. То же нужно замѣтить и про отдѣлы задачъ на десятичныя дроби, тройныя правила, правила процентовъ, учета векселей и смѣшенія. Значительное мѣсто отведено въ книгѣ задачамъ на метрическую систему мѣръ; послѣдняя, какъ извѣстно, съ каждымъ годомъ все больше и больше находитъ примѣненіе въ повседневной жизни, не говоря уже про то, что знакомство съ этою системой такъ необходимо при чтеніи книгъ научнаго и техническаго содержанія. Въ заключеніе не можемъ не указать еще на одну особенность задачника, выгодно отличающую его отъ другихъ подобныхъ изданій: большинство задачъ въ немъ, помимо своего ариѳметическаго значенія, даютъ еще не мало и другихъ общеобразовательныхъ свѣдѣній изъ разныхъ областей знанія: физики, географіи и т. п.

Книжка, несомнѣнно, будетъ имѣть успѣхъ, какъ и ранѣе выпущенный сборникъ подъ редакціей г. Лапшина. Внѣшняя сторона изданія не оставляетъ желать ничего лучшаго, особенно если принять во вниманіе незначительную цѣну книжки, назначенную за нее издателями; мы, вѣдь, далеко не избалованы дешевыми учебниками.

Учебникъ математической географіи (космографія). Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Н. Степановъ, преподаватель математики и физики въ 1-й московской и Ели-

заветинской женскихъ гимназіяхъ и въ мужской гимназіи Ф. И. Креймана въ Москвѣ. Ц. 75 к. Космографія—это такъ сказать младшая сестра астрономіи. Если астрономію опредѣляютъ какъ науку о вселенной и о землѣ, какъ части этой вселенной, то космографію считаютъ лишь учебнымъ предметомъ, излагающимъ въ самой элементарной формѣ главнѣйшія астрономическія свѣдѣнія. Въ нашей средней школѣ космографіи отведено болѣе чѣмъ скромное мѣсто—всего одинъ годовой часъ въ старшемъ классѣ. Хотя это и очень мало, но, во всякомъ случаѣ, лучше полнаго невѣжества.

Сознавая, какъ трудно сдѣлать что-нибудь въ столь ограниченное время, авторъ задался цѣлью изложить все наиболѣе существенное въ краткомъ учебникѣ. Въ очень сжатомъ, но ясномъ изложеніи онъ даетъ, однако, очень много свѣдѣній и въ такой легкой, удобопонятной формѣ, что они безъ труда могутъ быть усвоены учениками старшихъ классовъ. Въ учебникѣ Степанова изложеніе вполнѣ догматическое, читать этотъ учебникъ, какъ книгу, очень трудно (въ ней совсѣмъ нѣтъ разсказа), но учиться по ней очень легко, такъ какъ всѣ опредѣленія кратки, точны и ясны, а всѣ понятія изложены толково и безъ всякаго многословія. Математическихъ выводовъ и формулъ авторъ избѣгаетъ, что въ еще большей степени облегчаетъ пользованіе его учебникомъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что учебникъ написанъ совершенно популярно,—нѣтъ, авторъ предполагаетъ въ ученикахъ извѣстную степень развитія, онъ бесѣдуетъ уже со взрослыми людьми, стоящими у дверей университета. Вообще учебникъ г. Степанова, несмотря на свою краткость, обладаетъ многими серьезными достоинствами и заслуживаетъ серьезнаго вниманія со стороны тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ предметъ этотъ преподается. Наша средняя школа на пути къ коренному преобразованію и нѣтъ сомнѣнія въ будущемъ науки о природѣ займутъ въ ней приличное имъ положеніе. А тогда и на космографію будетъ побольше времени и вниманія.

Мы не знаемъ, чѣмъ собственно слѣдуетъ объяснить пренебрежительное отношеніе средней школы къ столь интересной и поучительной наукѣ, какъ космографія. Будемъ ли мы называть предметъ этотъ космографіей или астрономіей сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣнится, но къ астрономіи, мы, во всякомъ случаѣ, относимся съ большимъ вниманіемъ, а космографію даже и не почитаемъ за науку, а просто за „учебный предметъ“, котораго и не разыщешь въ программахъ. Но это, конечно, не больше, какъ простое недоразумѣніе. Химію, физику, ботанику, минералогію, физіологію и т. п. вездѣ называютъ своими именами безъ различія, проходится ли наука въ средней школѣ, или въ высшей, въ сокращенномъ, или полномъ объемѣ. Не то съ астрономіей. Пока она въ университетѣ, она—астрономія, а какъ только ее посократили и перевели въ гимназію для элементарнаго преподаванія, она тотчасъ же преобразилась въ учебный предметъ, называемый космографіей,—предметъ, которымъ никто, никогда и нигдѣ серьезно не занимался, такъ какъ, повидимому, онъ допущенъ къ преподаванію только въ видѣ какой-то кому-то уступки, какъ бы изъ приличія. Нѣтъ другого предмета въ курсѣ средней школы, для котораго считался бы достаточнымъ одинъ годовой часъ.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Богатство“, *сентябрь и октябрь.*—„Вѣстникъ Европы“, *ноябрь.*—„Сѣверный Вѣстникъ“, *ноябрь.*—„Народное Образованіе“, *ноябрь.*

Г. Мельшинъ своими очерками: *Изъ міра отверженныхъ*—сразу занялъ почетное мѣсто въ нашей небогатой талантами литературѣ. Понятно, что всякое новое произведеніе автора „міра отверженныхъ“, а тѣмъ болѣе продолженіе очерковъ ожидалось критиками и читателями съ большимъ интересомъ. Г. Мельшинъ теперь удовлетворилъ невысказаннымъ ожиданіямъ читателя и далъ продолженіе своихъ очерковъ. Критикѣ приходится дать отчетъ о нихъ, приходится дать нелегкій отвѣтъ на вопросъ: прибавляютъ ли новые очерки г. Мельшина что-нибудь новое къ тѣмъ чертамъ его писательской физіономіи, которыя такъ подкупили читателя въ его пользу при первомъ же знакомствѣ съ нимъ, и даже сохраняетъ ли онъ эти черты во всей ихъ неприкосновенности, удерживаетъ ли онъ сразу занятую имъ позицію? Отвѣтъ на эти вопросы мы назвали труднымъ, потому что при встрѣчѣ съ старымъ знакомымъ, котораго, повидимому, хорошо изучилъ, человѣкъ всегда бываетъ склоненъ видѣть въ немъ только то, что ему хорошо знакомо и мило. Въ этихъ случаяхъ почти всегда имѣется предрасположеніе при оцѣнкѣ идти въ направленіи, уже хорошо извѣстномъ. Съ такимъ предрасположеніемъ приступили и мы къ чтенію очерковъ г. Мельшина. И странно: несмотря на такое предрасположеніе, сразу же, при прочтеніи первыхъ же главъ, получилось такое впечатлѣніе, какъ будто наши ожиданія не осуществились, какъ будто мы чего-то недосмотрѣли въ очеркахъ г. Мельшина, какъ будто какая-то новая струна зазвучала. Можетъ быть, эта струна звучала и раньше, да мы не замѣтили ея звука, а можетъ быть, она и дѣйствительно новая. Однимъ словомъ, первое впечатлѣніе отъ очерковъ—это недоумѣніе нѣкоторое и не будемъ скрывать этого ни отъ автора, ни отъ читателей, нѣкоторое недовольство. Именно недоумѣніе возбудили въ насъ эти очерки; именно это-то новое послышалось намъ въ нихъ. Тутъ, очевидно, дѣло не въ томъ только, что продолженіе очерковъ кажется намъ слабѣе, чѣмъ прежніе очерки. Это бы не большая бѣда была. Только могучіе таланты обладаютъ способностью волшебниковъ превращать въ золото все, до чего они ни коснутся, могучимъ же талантомъ г. Мельшина—ни мы, да и никто другой, полагаемъ, не считали. Дѣло въ томъ, что авторъ въ продолженіе своихъ очерковъ не удержался на уже достигнутой имъ высотѣ настроенія, что онъ какъ бы утратилъ тѣ черты, которыя дѣлали для читателя его очерки такъ дорогими и такъ пріятными, что эти черты какъ будто замѣняются какими-то новыми и гораздо менѣе опредѣленными, какъ будто мѣняется даже та точка зрѣнія, тотъ художественный „штандъ-пунктъ“, съ высоты котораго авторъ и самъ разсматривалъ правду жизни міра отверженныхъ, и заставлялъ другихъ разсматривать ее.

Мы говоримъ пока только о смутномъ и не вполнѣ выяснившемся для насъ самихъ впечатлѣніи. И, однако, это впечатлѣніе было такъ сильно, что мы не рѣшались дать отзыва о первыхъ главахъ продолженія очерковъ, мы ждали слѣдующихъ главъ. Но вотъ появились и слѣдующія главы, а впечатлѣніе остается тѣмъ же. Приходится уяснять себѣ и другимъ основныя причины такого впечатлѣнія. Пусть глубоко уважаемый нами авторъ не посѣтуетъ на эти уясненія, amicus г. Мельшинъ, sed magis amia veritas.

Дѣло намъ представляется такимъ образомъ, что художественный „штандъ-пунктъ“, какъ мы выразились выше, дѣйствительно измѣненъ авторомъ во второй серіи его очерковъ. Раньше авторъ, несмотря на кажущійся субъективизмъ, почти совершенно устранялъ въ своихъ разсказахъ о мірѣ отверженныхъ собственную личность, свое настроеніе, свои душевныя волненія и бури; теперь въ новыхъ его разсказахъ міръ отверженныхъ отступаетъ чуть ли не на второй планъ и на первомъ планѣ фигурируетъ личность разсказчика, его настроеніе, переживаемыя имъ чувства, его міровоззрѣніе, наконецъ. Это, разумѣется, всего меньше можетъ быть поставлено ему въ упрекъ. Напротивъ, говоря вообще, это можетъ быть высоко интересно, интересно для полнаго захвата читателя во власть автора. Но для этого необходимо, чтобы личность автора—мы, конечно, говоримъ о художественной личности,—его темпераментъ, какъ писателя, были могучими, властными и способными чаровать и захватить въ свою власть читателя. Говоря о первыхъ очеркахъ г. Мельшина, мы замѣтили, что именно этой-то силы и недостаетъ автору. Онъ мягокъ, колоритенъ и симпатиченъ, но и только. Уже самое отсутствіе твердаго рисунка,—о чемъ мы тоже говорили раньше,—доказываетъ, для насъ по крайней мѣрѣ, отсутствіе въ художественномъ темпераментѣ г. Мельшина мощи. Для того, чтобъ уяснить нашу мысль о параллельности мощи художественнаго темперамента съ умѣньемъ давать твердо очерченные абрисы описываемыхъ явленій и въ особенности фигуръ, намъ не зачѣмъ приводить въ примѣръ величайшихъ художниковъ слова, вродѣ Толстого или Достоевскаго; достаточно будетъ указать на г. Чехова (въ его *Мужикахъ*, наприм., одна головка селедки *описываетъ* цѣлый міръ явленій, довольно сложныхъ и запутанныхъ), на г. Мамина. Вотъ эти писатели обладаютъ той мощью, которая сдѣлаетъ субъективизмъ изображенія, и ихъ собственное настроеніе, чрезвычайно интереснымъ и даже чарующимъ — еслибъ они и рѣшились стать на тотъ художественный „штандъ - пунктъ“, на который сталъ г. Мельшинъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда художникъ не обладаетъ такою мощью художественнаго темперамента, всегда возможно уклоненіе въ сторону ходульности или слащавости— и вообще въ сторону несоотвѣтствія настроенія съ изображаемыми явленіями. Тогда получается нѣкоторое отступленіе, — разумѣется, невольное и даже безсознательное,—отъ правды жизни... Какъ-то невольно и съ тихою грустью останавливаешься въ такихъ случаяхъ на словахъ умнаго и энергичнаго мужика Юхорева. „Иванъ Николаевичъ,—не въ обиду ему будь сказано,—десять лѣтъ проживетъ въ тюрьмѣ и все-таки ничего не пойметъ въ нашей сволочной жизни. Умъ ихъ не тѣмъ вовсе занятъ“.

Разумѣется, такой приговоръ арестанта, пробоистаго, энергичнаго и по своему сильнаго, даже могучаго, одного изъ тѣхъ самородковъ-вождей вольницы, какими и теперь еще достаточно богата русская мужицкая дѣйствительность, относительно Ивана Николаевича мы не имѣли бы основанія переносить на самого автора, еслибы при дальнѣйшемъ разсказѣ самого Ивана Николаевича не встрѣтили нѣкоторыхъ указаній, какъ будто доказывающихъ, хотя бы и частичную справедливость этого приговора. Къ этимъ указаніямъ мы сейчасъ и перейдемъ. А пока отмѣтимъ то любопытное обстоятельство, что г. Мельшинъ въ своихъ очеркахъ не даетъ намъ изображенія фигуръ вотъ эдакихъ Юхоревыхъ—людей силы и иниціативы, людей незауряд-

ной воли и незаурядныхъ умственныхъ способностей, тѣхъ бродягъ, Ивановъ—и какъ бы они тамъ ни назывались,—которые являются главарями міра отверженныхъ и давали такую яркую окраску не только *Мертвому дому*, Достоевскаго, но и очеркамъ, напримѣръ, В. Г. Короленка, *Черкесу*, *Соколинцу и Убивцу*. Это черта, какъ хотите, характерная и, по нашему мнѣнію, доказывающая именно отсутствіе мощи въ художественномъ темпераментѣ г. Мельшина. А можетъ быть, доказывающая и еще что-нибудь, какую-нибудь особую черту въ его настроеніи.

Отмѣтимъ, однако, тѣ немногія указанія, которыя, по нашему мнѣнію, могутъ дать ключъ для уясненія впечатлѣнія неудовлетворенности и недоумѣнія, возбуждаемаго продолженіемъ очерковъ г. Мельшина... Когда товарищъ Ивана Николаевича, только что прибывшій въ каторгу, только что погрузившійся въ міръ отверженныхъ, говоритъ ему—говоритъ молодо и восторженно: „Просто забываешь, что имѣешь дѣло съ каторгой, а не съ обыкновеннымъ русскимъ народомъ. На самомъ дѣлѣ большинство, нашихъ по крайней мѣрѣ, преступниковъ точь-въ-точь такіе же, какъ и всѣ русскіе люди, и только случайное какое-нибудь стеченіе обстоятельствъ толкаетъ ихъ на путь преступленія“,—Иванъ Николаевичъ отвѣчаетъ ему: „Не торопитесь съ обобщеніями. Я живу здѣсь вотъ уже два съ половиной года и, ей-Богу же, и до сихъ поръ *не з аю, что сказать и что думать на этотъ счетъ*. Наука, конечно, рѣшитъ когда-нибудь этотъ вопросъ; но пока можно только *собирать факты для будущихъ точныхъ выводовъ*“. И далѣе: на замѣчаніе Валерьяна относительно Юхорева, что при другихъ условіяхъ, въ другой странѣ, развѣ онъ не могъ бы быть вожакомъ какой-нибудь гарибальдійской банды, борющейся за возвышенный принципъ?—Иванъ Николаевичъ, сознаваясь, что Юхоревъ выдающійся человѣкъ и что онъ (разсказчикъ) любуется его энергіей, замѣчаетъ: „Все-таки трудно сказать, что было бы, еслибы было... пока онъ только разбойникъ“.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ описываетъ Иванъ Николаевичъ свое настроеніе до и послѣ прибытія товарищей: „Вообще я замѣчалъ нѣкоторую разницу между теперешнимъ настроеніемъ товарищей и тѣмъ, что когда-то переживалъ и испытывалъ самъ. Помню, я чувствовалъ себя въ первое время точно затравленнымъ звѣремъ... Новички, подобно мнѣ, въ первыя минуты имѣли подавленный и запуганный видъ; но это длилось не долго... въ настоящую минуту они держались такъ, какъ будто прожили въ Шелайскомъ рудникѣ цѣлые годы, были развязны, непринужденны, говорили свободно и громко не только съ арестантами, но и съ надзирателями, которые въ свою очередь, запуганные моимъ сдержаннымъ обращеніемъ, отвѣчали имъ охотно, съ видимой даже радостью. *Точно чары какія-то мрачныя разсѣялись*, долго державшійся ледъ растаялъ и прорвался въ окружающей атмосферѣ... *Моя одичавшая, обледенѣлая душа оттаивала и расправляла утомленныя крылья*“.

Читатель извинитъ за эти длинныя цитаты; онѣ представляются намъ значительными для уясненія впечатлѣнія, производимаго очерками г. Мельшина. Не въ томъ, разумѣется, дѣло, что настроеніе его отличалось отъ настроенія его товарищей. Никто, вѣдь, не обязывается быть непремѣнно жизнерадостнымъ, при условіяхъ, наименѣе къ жизнерадостности располагающихъ. Точно также никто не обязанъ разсматривать міръ отверженныхъ съ точки зрѣнія Валерьяна. Все

это такъ. Но тутъ сразу изъявляютъ свои неумолимыя требованiя законы художественнаго творчества. *Одичалая и обледенѣлая* душа или неспособна къ воспрiятiю впечатлѣнiй отъ окружающаго ее мiра, или воспринимаетъ эти впечатлѣнiя не такъ, какъ они даются ей этимъ мiромъ, отражаетъ ихъ, такъ сказать, въ искривленномъ и потому невѣрномъ видѣ. Для ученаго сказать: „ей-Богу, не знаю“—очень похвально; это доказываетъ и его объективность, и его безпристрастiе. Но не совсѣмъ такъ для художника. Онъ тоже, конечно, можетъ *не знать;* но если онъ художникъ, то недостатокъ знанiя у него долженъ замѣняться *вѣрой или любовью* и вообще глубокой и страстной *заинтересованностью.* Эти вѣра, любовь и заинтересованность, конечно, могутъ, такъ сказать, двигаться въ различныхъ, часто противоположныхъ направленiяхъ. Не одинаковы онѣ были у Достоевскаго, г. Короленка, Максимова, Ядринцева и другихъ, изъ которыхъ многiе были не художниками и даже не беллетристами, а просто наблюдателями. Но важно то, что онѣ были и что онѣ, какъ мы выразились, двигались и двигали какъ писателемъ, такъ и читателемъ. Не было холода, не было обледенѣлой души; было, однимъ словомъ, страстное отношенiе,—какое, это все равно, но страстное—къ своему предмету. Не было, стало быть, чуждости. А у г. Мельшина, по его собственному признанiю, имѣется эта чуждость предмету. Его обледенѣлая душа была обледенѣлой во всѣ два года его наблюденiй и оттаяла и расправила свои крылья только въ родной, не чуждой и страстно интересующей его средѣ... И вотъ эта-то чуждость, несмотря на весь его гуманизмъ, несмотря на всю мягкость колорита, и не позволила ему быть страстнымъ, а стало-быть и художественно-правдивымъ бытописателемъ мiра отверженныхъ, по крайней мѣрѣ во второй серiи его разсказовъ.

Чтобы не ограничиваться однимъ только впечатлѣнiемъ и посильнымъ уясненiемъ возможныхъ причинъ такого впечатлѣнiя, приведемъ нѣсколько примѣровъ тѣхъ ошибокъ противъ художественной правды, въ которыя можетъ впасть,—и, по нашему мнѣнiю, неизбѣжно впадаетъ,—художникъ, когда его обледенѣлою душой владѣетъ хладное: „не знаю“. Когда товарищи Ивана Николаевича въ первый разъ запѣли, онъ дѣлаетъ такое замѣчанiе: „Бодрящiя ноты молодого, звучнаго тенора огласили каменныя стѣны, столько лѣтъ не слыхавшiя ничего, кромѣ унылаго бряцанья кандаловъ, монотонныхъ постукиванiй молотка, да тяжелыхъ вздоховъ измученныхъ, несчастныхъ людей“... Эффектная картинка—и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ бросающаяся въ глаза своею невѣрностью, своимъ несоотвѣтствiемъ съ правдой. Авторъ и самъ знаетъ, что русская каторга поетъ въ рудникахъ, какъ она поетъ всегда и вездѣ, гдѣ можно; что она создала массу своихъ пѣсенъ, острожныхъ, сибирскихъ, каторжныхъ, да кромѣ того усвоила и приспособила къ своей жизни, къ своему настроенiю, массу пѣсенъ, и народныхъ и сочиненныхъ, что она порождаетъ великолѣпныхъ, хотя и своеобразныхъ, пѣвцовъ, которыхъ не только цѣнитъ, но которыми любуется... Все это авторъ знаетъ и обо всемъ этомъ онъ и говоритъ дальше самъ. А вотъ тутъ, когда его обледенѣлая для мiра отверженныхъ душа расправила крылья въ средѣ истинно-близкихъ ему людей, онъ все это забылъ. Это, конечно, мелочь, просто досадный lapsus, но онъ характеренъ.

Къ сожалѣнiю, мы встрѣчаемъ и болѣе важныя ошибки наблюденiй и объясненiя этихъ наблюденiй. Интеллигенты рѣшаютъ покупать каторгѣ мясо и табакъ, и бытописатель мiра отверженныхъ съ нѣко-

торымъ недоумѣніемъ и недовольствомъ на эгоистичность арестантовъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что при раздѣлѣ табаку берутъ свои доли и некурящіе. „Возможно,—замѣчаетъ онъ,—что нѣкоторыми руководило опасеніе своимъ отказомъ обидѣть меня съ товарищами". „Чужой" авторъ просто забываетъ тутъ, что тюрьма—это русская община съ ея почтеннымъ, но при реальныхъ жизненныхъ условіяхъ часто бывающимъ нелѣпымъ, принципомъ равненія. Арестанты дѣлятъ табакъ на основаніи того же принципа, на основаніи котораго крестьяне дѣлятъ отпускаемый имъ въ ссуду хлѣбъ не между тѣми, кому онъ дѣйствительно нуженъ, а равняя его между всѣми. Авторъ и самъ замѣчаетъ далѣе, что послѣ, при ухудшеніи положенія, принципъ равненія былъ проведенъ дальше и табакъ дѣлили между нуждающимися.. Вообще авторъ съ недоумѣніемъ видѣлъ то отношеніе арестантовъ, которое они проявили къ получаемой ими отъ „баръ" (хотя бы и каторжныхъ) помощи... Крайне удивилъ меня,—разсказываетъ авторъ,—одинъ арестантъ, спросивъ меня послѣ нѣсколькихъ постныхъ дней (т.-е. безъ улучшенія пищи): „Развѣ вся ужъ марка-то у васъ вышла... та марка, по которой *полагается вамъ* мясо и табакъ намъ покупать"... А ужъ, кажется, намъ-то, такъ долго бывшимъ чужими имъ, т.-е. не арестантамъ, а просто мужикамъ,—тутъ удивляться бы и нечему. Голодный годъ слишкомъ ясно эту чуждость доказалъ, и если въ ней мы не виноваты, то еще меньше виноваты мужики. И не такъ, не съ удивленіемъ, а съ болью въ душѣ—и въ словѣ, конечно—къ этому относиться приходится, если, конечно, мы сами-то не чужіе и не хотимъ быть чужими.

Иванъ Николаевичъ ведетъ шутливую бесѣду о побѣгѣ съ однимъ изъ арестантовъ, Сохатымъ, извѣстнымъ своими смѣлыми побѣгами. Сохатый тоже шутливо замѣчаетъ ему, что онъ при побѣгѣ взялъ бы въ товарищи интеллигентовъ, потому у нихъ и деньжонки есть и одежу могли бы вольную изъ чихауза достать. На такія слова Сохатый выслушиваетъ слѣдующее *шутливое* замѣчаніе: „Вотъ чего вамъ отъ насъ надо. А потомъ возьмете съ насъ то, что вамъ нужно, да при случаѣ и пришьете (убьете), пожалуй"... Чтобы понять всю соль такой безподобной шутки, приведемъ свидѣтельство одного изъ недавнихъ посѣтителей каторги: „Убійство каторжаниномъ *товарища* каторга всегда и обязательно наказываетъ смертью. Товарищъ не всякій. Товарищъ на каторгѣ великое слово; въ словѣ товарищъ заключается договоръ на жизнь и на смерть. Товарища берутъ для бѣговъ. Товарищъ становится какъ бы роднымъ, самымъ близкимъ и дорогимъ существомъ въ мірѣ. Я знаю массу случаевъ, когда товарищъ къ товарищу, раненому во время бѣговъ, относился съ трогательною нѣжностью... *Убить товарища съ цѣлью грабежа во время бѣговъ величайшее преступленіе, какое только знаетъ каторга* (*Сахалинъ*—Дорошевича, *Одесск. Лист.*). Мы не рѣшились бы противопоставлять г. Мельшину свидѣтельство фельетониста, извѣстнаго своею несуразностью и печатающаго свои произведенія въ уличной газетѣ. Не рѣшились бы, еслибъ утвержденія этого фельетониста не подтверждались цѣлой литературой наблюденій надъ каторгой, литературой, которую никакъ нельзя назвать маленькой или не заслуживающей вниманія; тогда какъ „шутка" Ивана Николаевича является въ нѣкоторомъ родѣ единственной въ этой литературѣ.

Изъ четырехъ до сихъ поръ напечатанныхъ главъ второй серіи очерковъ г. Мельшина наиболѣе любопытны двѣ: разсказъ Штейнгар-

та и „украденный“ манифестъ. Въ особенности хорошо написана глава объ украденномъ манифестѣ. Пронеслись въ арестантской массѣ слухи о большомъ манифестѣ—и для каторги настала минута пробужденія, пробужденія духовнаго, чисто-человѣческаго. „Не забывайте,—говоритъ своимъ товарищамъ-интеллигентамъ энтузіастъ Валерьянъ,—что душа преступная, а все же человѣческая. Вѣдь, подобная милость несомнѣнно вызвала бы въ людяхъ такой взрывъ энтузіазма, такой высокій подъемъ духа, что, быть можетъ, эти люди могли бы переродиться нравственно. Надо только не упустить момента; надо позаботиться посѣять доброе сѣмя въ этой размягченной почвѣ. Подобнымъ сѣменемъ могло бы явиться, прежде всего, довѣріе къ несчастному, отверженному человѣку“... И, дѣйствительно, при чтеніи этого „большого“ манифеста, оказавшагося впослѣдствіи „украденнымъ“, по мнѣнію каторги, почва размягчилась. Благоговѣйная тишина... Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, шумно перекрестились широкимъ крестомъ... Было ли это искреннее умиленіе, серьезная готовность возродиться?... Еслибъ муха въ это время пролетѣла, то, вѣроятно, и этотъ шелестъ былъ бы услышанъ... У всѣхъ точно тяжелый камень свалился съ плечъ. Кобылка глубоко завздыхала, закрестилась, радостно заколыхалась. Видимо, бравый капитанъ самъ искренно ликовалъ, багрово-красное лицо съ длинными желтыми усами казалось не грознымъ, а сіяло умиленіемъ... Дьяконъ, зараженный общимъ энтузіазмомъ, просто надрывался... когда могучій басъ его загремѣлъ: „многая лѣта“ плѣннымъ, заключеннымъ, то арестантскій хоръ рявкнулъ въ отвѣтъ ему такъ искренно, такъ громоподобно, что, вѣроятно, на самыхъ дальнихъ сопкахъ было слышно его... Это, какъ говорится у поэта, „улыбнулась добрая крестьянская душа“. Конечно, не одна только крестьянская душа, а просто русская душа, всегда такъ склонная къ умиленію и къ энтузіазму. Придавать какое-либо значеніе улыбкѣ доброй души при реальныхъ условіяхъ нашей дѣйствительности было бы, разумѣется, непростительной дѣтской наивностью. Но портить это умиленное настроеніе, не сумѣть съ благоговѣйной скромностью отвернуться отъ него, чтобы не смущать умиленныхъ, можетъ только или жесткій, или чужой человѣкъ. Мы не повѣрили бы, чтобы кто-нибудь могъ рѣшиться смутить такое настроеніе, прогнать улыбку доброй крестьянской души, еслибъ не прочли, какъ Иванъ Николаевичъ въ ту минуту, когда волна настроенія поднималась все выше и заливала своими радостными струями изболѣвшую душу каторги, занимался... подшучиваньемъ надъ совершенными этой каторгой преступленіями (130 стр). Тяжелая это сцена. Пусть она мимо пройдетъ. Но чужой, чужой человѣкъ этотъ гуманистъ Иванъ Николаевичъ.

Не чужой онъ въ разсказѣ Штейнгарта, тутъ онъ близкій и родной. И однако тутъ если не сказалась чуждость, то сказалось то отсутствіе силы и энергіи темперамента, на которыя мы указывали выше. Дѣло въ томъ, что въ разсказѣ Штейнгарта имѣются всѣ элементы высшаго трагизма. Штейнгартъ — еврей, невѣста его — православная. Уже однимъ этимъ все сказано; легко понять, что должны переживать люди при такомъ условіи и въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находятся Штейнгартъ и его невѣста. Для того, чтобъ изобразить душевную ихъ трагедію, нужно „музу мести и печали“. Да и того, пожалуй, мало,—нужно, чтобы слова горѣли и жгли бумагу. Только тогда они испепелятъ сердца читателей. А отъ разсказа г. Мельшина вѣетъ, какъ это ни странно, какимъ-то холодомъ; его изображеніе не то про-

токольно, не то слащаво. И не въ томъ дѣло, чтобы та сцена, когда Елена цѣлуетъ бритую голову и колѣнопреклоненная прикладывается къ кандаламъ своего жениха, находилась въ яркомъ противорѣчіи съ трезвенностью, доходящей до цѣломудрія, съ отсутствіемъ паѳоса, вообще свойственными нашей интеллигенціи. Нѣтъ, конечно, не въ томъ дѣло. Некрасовъ могъ рискнуть на такую сцену. Дѣло въ томъ, что тутъ слова иныя нужны, и именно такія, чтобы бумага отъ нихъ горѣла, чтобы сердце самаго холоднаго человѣка залило горячей кровью, чтобы глаза, потухавшіе уже отъ жизненныхъ бурь и невзгодъ, загорѣлись яркимъ пламенемъ любви... А если нѣтъ... Ну, тогда лучше отвернуться отъ этой картины... и молча страдать или молча негодовать. Это уже какъ кому угодно будетъ... Несомнѣнно одно, что вялое, не „жгущее“ сердца людей слово тутъ не годится. Потому-то разсказъ Штейнгарта и представляется такимъ неудачнымъ и оставляетъ читателя такимъ холоднымъ, что у автора, въ высшей степени на сей разъ заинтересованнаго своимъ предметомъ (помните, что для Штейнгарта оттаяла его обледенѣлая душа), нѣтъ такихъ жгучихъ сердца словъ, нѣтъ надлежащихъ красокъ для изображенія трагедіи, нѣтъ силы художественнаго темперамента, необходимой для изображенія истинно-трагическаго

Всѣ эти замѣчанія мы рѣшились сдѣлать, чтобы на такомъ яркомъ, какъ всѣ разсказы г. Мельшина, примѣрѣ показать, насколько для художника важно умѣнье выбирать при изображеніи предмета позицію наиболѣе соотвѣтствующую его силамъ и особенностямъ его таланта. Они, т.-е. замѣчанія то эти, отнюдь не направлены на то, чтобъ отрицать достоинства и въ особенности интересъ самыхъ очерковъ. Напротивъ, мы также, какъ и читатели, сильно заинтересованы ими, и еще ждемъ отъ нихъ многаго.

Изображаемый г. Мельшинымъ міръ отверженныхъ—это міръ простыхъ русскихъ людей, невѣжественныхъ, некультурныхъ, заморенныхъ и загнанныхъ. Все въ немъ до принципа равненія при дѣлежкѣ табаку знакомое и родное намъ. Это—печальная и запущенная нива, требующая глубокой вспашки плугомъ широкаго, общечеловѣческаго образованія. И если мы вмѣстѣ съ г. Мельшинымъ „не знаемъ, что было бы, еслибъ было“, то все же мы имѣемъ достаточно основаній для того, чтобы считать этотъ міръ роднымъ намъ, чтобы вѣрить, что при глубокой вспашкѣ этой нивы Чирки перестанутъ дѣйствовать удавочкой, а Юхоревы если и не превратятся изъ разбойниковъ въ вождей гарибальдійскихъ бандъ, то все же ихъ энергія найдетъ для себя надлежащее и полезное примѣненіе въ общественной дѣятельности. У людей этого міра душа преступная, но она истинно человѣческая, и это доказываетъ намъ между прочимъ и самъ г. Мельшинъ въ первой серіи своихъ очерковъ. Совсѣмъ иное дѣло другіе отверженные, тѣ „экзотики“, которыхъ изображаетъ г. Сальясъ въ своемъ большомъ романѣ. Это люди, у которыхъ нѣтъ ни долга, ни религіи, ни родины. Экзотиковъ и космополитовъ изображали Бурже и Сенкевичъ. Сравнивать съ ихъ произведеніями романъ г. Сальяса было бы, разумѣется, совершенно неумѣстнымъ. Г. Сальясъ не Бурже и тѣмъ менѣе Сенкевичъ, онъ просто ловкій и умѣлый беллетристъ, произведенія котораго читаются съ интересомъ и могутъ иногда производить извѣстную сенсацію. Говорить о его произведеніяхъ, какъ о художественныхъ, не приходится. Но въ данномъ случаѣ заслуга г. Сальяса

та, что этотъ міръ отверженныхъ онъ рисуетъ безъ поэтическихъ прикрасъ, не набрасывая на него флера изящества, яко бы глубины духовныхъ запросовъ, отличающей современнаго мятущагося человѣка, какъ продуктъ сложной и дошедшей до какого-то кризиса европейской цивилизаціи,—однимъ словомъ, безъ всѣхъ тѣхъ ужимокъ и манерностей, въ которыхъ повиненъ Бурже и не совсѣмъ безъ вины Сенкевичъ. У г. Сальяса этотъ міръ отверженныхъ или экзотиковъ является передъ читателемъ въ совершенно оголенномъ видѣ, безъ тысячи прикрывающихъ его ризокъ. Это міръ грубыхъ вожделѣній, животнаго эгоизма, скучнаго, потому что совершенно первобытнаго, неутонченнаго распутства, почти идіотической глупости и самаго первобытнаго невѣжества, прикрываемаго милліонами, принадлежащими самцамъ, и изящными нарядами, надѣтыми на самокъ. Сами по себѣ, абстрагируемые отъ того общества, продуктами коего они являются, такіе „экзотики" настолько же могутъ быть предметомъ художественнаго изображенія, какъ какіе-нибудь антропоиды. Это просто продукты дегенераціи, безъ человѣческихъ мыслей, безъ человѣческихъ чувствованій, даже безъ человѣческихъ инстинктовъ... Мы не знаемъ, могутъ ли вообще существовать такіе люди—слишкомъ ужъ первобытными изобразила ихъ грубая кисть бойкаго беллетриста... Можетъ быть о произведеніи г. Сальяса и говорить бы не стоило, еслибы ему не пришла счастливая идея бросить въ этотъ міръ получеловѣковъ, состоящій изъ проходимцевъ и бандитовъ всѣхъ націй, кучку русскихъ экзотиковъ, отличающихся, при всей ихъ пакостности, тѣми же свойствами, какими отличаются и всѣ русскіе люди барскаго типа, не экзотики: расплывчатостью, безшабашіемъ и кисельностью натуры. Всѣ эти графы Загурскіе, Дубовскіе, идіоты Черниговскіе, вольныя бабенки графини Нордъ - Остъ, баронесы Вергеймъ, „щепочки" Кисъ-Кисъ и Эми — вся эта милая коллекція такіе же въ сущности прохвосты, какъ и ихъ иностранные собратья; но что-то отличаетъ, однако, ихъ отъ послѣднихъ. И отличаетъ ихъ то, что русскіе экзотики всегда являются жертвами европейскихъ, эксплуатируются и вмѣстѣ съ тѣмъ презираются ими. И это понятно. И европейскіе экзотики, и русскіе суть продукты разложенія культуры, но культуры разной. Первые — продукты разложенія буржуазной культуры, а вторые — культуры старорусской барской. Даже и тутъ, въ этомъ мірѣ разложенія, въ мірѣ экзотиковъ, высшая культура проглатываетъ низшую, убиваетъ ее. Какой нибудь французскій виконтъ, не брезгующій обществомъ экзотиковъ, однако, брезгуетъ быть секундантомъ графа Загурскаго, чуть ли не Гедиминовича... „Стану я,—говоритъ онъ,—компрометировать себя, защищая ихъ яко бы поруганную честь. Довольно и того, что я позволяю имъ у себя пить, ѣсть и танцовать... Изъ всѣхъ честныхъ дѣлъ у вашего брата только дѣла чести и остались".

Шатущихъ русскихъ баръ за рубежомъ изображали и Тургеневъ, и г. Боборыкинъ, и нашъ незабвенный сатирикъ. Но тѣ баре были просто чухломскіе утробистые, перевалившіе за рубежъ со всѣмъ своимъ чухломскимъ нутромъ и обрадовавшіеся возможности распустить себя во всю. Они каждую минуту помнили, что они чухломцы, что у нихъ въ Чухломѣ остались свои, родные имъ, даже о чухломскихъ мужикахъ они никогда забыть не могли. Корни у нихъ вырваны не были. Совсѣмъ иное дѣло экзотики г. Сальяса. Они представляютъ уже окончательную стадію разложенія, конецъ барской культуры, какъ тотъ предводитель, который въ метръ - д'отеля въ заграничномъ ресторанѣ пре-

вратился. У русскихъ экзотиковъ, по словамъ Правдолюба романа, доктора Рудоколова, ничего своего нѣтъ; нѣтъ своего крова, своихъ мыслей и желаній, своего дѣла, своей вѣры въ отечество и людей своей религіи—ничего, ничего... „Случится, — говоритъ онъ „щепочкѣ“ Эми,—въ кафе на Итальянскомъ бульварѣ бросили бомбу анархисты,—вы охаете и волнуетесь. А случись самая отчаянная бѣда въ Россіи,—вы узнаете это черезъ три дня на балѣ и передаете, спокойно прибавляя: figurez vous, on pretend que Moscou... Ну, провалилась, что ли сквозь землю. И вамъ на это наплевать“.

Экзотики заражены,—какъ говоритъ авторъ о самомъ докторѣ Рудоколовѣ.—Да, они заражены. Но чѣмъ? Не духомъ разлагающейся европейской буржуазной цивилизаціи, какъ, повидимому, полагаетъ самъ авторъ. Они сами заразные люди, какъ говоритъ о себѣ одинъ изъ босяковъ г. Горькаго,—отъ нихъ самихъ вредный духъ идетъ. Заражены они духомъ разложенія своей собственной культуры, барско-бюрократической. И эту заразу они несутъ въ зараженный міръ европейскихъ экзотиковъ, гдѣ, какъ продукты разложенія низшаго организма, играютъ подчиненную и жалкую роль жертвъ, доходя или до идіотизма, какъ князь Черниговской, или до альфонсизма, какъ графъ Загурскій, или до банкротства кармана и души, какъ церемоніймейстеръ Дубовскій. Дубовскій—еще не экзотикъ, но онъ уже зараженъ. А онъ честный будто бы человѣкъ, членъ петербургскаго высшаго общества, съ большой родней и большими связями. Чтобы понять, какимъ образомъ такіе люди, какъ Дубовскій, такъ легко могутъ очутиться въ средѣ экзотиковъ, достаточно привести тѣ данныя его біографіи, которыя сообщаетъ намъ авторъ.

Лѣтъ десять назадъ онъ достигъ было мѣста губернатора, но былъ уволенъ за излишнее усердіе,—вмѣсто разыскиваемаго политическаго преступника произвелъ обыскъ въ... институтѣ благородныхъ дѣвицъ. А между тѣмъ Дубовскій,—прибавляетъ авторъ,—былъ не глупый человѣкъ. Но онъ былъ изъ породы тѣхъ людей, которые не должны быть самостоятельны, должны зависѣть, быть исполнителями воли другихъ. Имъ нуженъ прямой начальникъ и по службѣ, и по существованію... Какъ только Дубовскій и ему подобные начинаютъ дѣйствовать самостоятельно, они вертятся какъ флюгера или упорно идутъ прямо къ глупому, нелѣпому или опасному. Такому продукту барско-бюрократической культуры не трудно довертѣться и до экзотизма.

Надъ всѣмъ этимъ міромъ отверженныхъ возвышается отверженный изъ отверженныхъ, продуктъ самой послѣдней формаціи, фигура внушительная, какъ указатель послѣдней стадіи разложенія стараго міра, типъ, еще не бывалый въ нашей литературѣ,—это нѣкто Гастингсъ Машоновъ, статскій совѣтникъ, котораго одни называютъ просто: „чортъ его душу знаетъ“, а другіе—omnipotentia. И дѣйствительно, онъ и „чортъ его душу знаетъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ „omnipotentia“. Онъ можетъ все во многихъ и многихъ дѣлахъ. Этотъ человѣкъ можетъ замѣнить цѣлую массу сношеній и связей. „Лучше знать его одного, чѣмъ знать въ какой-нибудь столицѣ двадцать высокопоставленныхъ людей“,—такъ характеризуетъ его авторъ. Этотъ господинъ кружитъ по всей Европѣ и ему случалось иногда застрять въ какомъ-нибудь самомъ нелюбопытномъ мѣстѣ и прожить весь сезонъ. Въ числѣ друзей Гастингса Машонова первую роль играли посольства всѣхъ странъ. У него было серьезное дѣло, ему порученное, которое онъ исполнялъ усердно; и оно давало ему довольно большія средства къ жизни. Рас-

путаться, понять что-либо и опредѣлить Машонова не было никакой возможности. У него были постоянныя сношенія съ довольно значительными личностями политическаго міра и письма отъ очень высокопоставленныхъ лицъ четырехъ или пяти главнѣйшихъ государствъ. Разговариваетъ онъ по телефону не только чуть ли не на всѣхъ европейскихъ языкахъ, но и на какомъ-то нарѣчіи, которое извѣстно кромѣ него двумъ или тремъ лицамъ, и, наконецъ, Дубовскій находитъ на его столѣ гербовую оффиціальную бумагу—донесеніе очень высокопоставленному лицу съ подписью крупнаго политическаго дѣятеля. Стоитъ эта бумажка Машонову пять тысячъ, а въ Берлинѣ цѣна ей двадцать, да еще съ прибавкой почетной награды. Однимъ словомъ, Гастингсъ-Машоновъ политическій шуллеръ высшаго калибра и оберъ-шпіонъ.

Трудно понять, повидимому, какимъ образомъ въ среду экзотиковъ попалъ докторъ Рудокоповъ, сынъ мужика и подлинный разночинецъ, какъ и чѣмъ онъ заразился. Несомнѣнно одно, что не лучшія стороны европейской цивилизаціи заразили его, не блескъ умственной, научной и общественной жизни міровового города привлекъ его и удерживаетъ въ средѣ экзотиковъ. Какъ прошла его жизнь,—говоритъ авторъ,—есть явленіе почти исключительно русское, отчасти новое, невѣдомое на Западѣ. Это нѣчто вродѣ чернорабочаго съ юношескихъ лѣтъ до зрѣлости. Никакая фабричная работа не можетъ сравниться съ этой своего рода страдой. Путь, который прошелъ Рудокоповъ, Данте не зналъ, иначе включилъ бы его въ свою „Божественную комедію“. На этомъ пути восемьдесятъ процентовъ не достигаютъ цѣли, десять проклинаютъ достигнутую цѣль, десять процентовъ достигаютъ и пожинаютъ дорогіе плоды, про которые можно сказать, что они достались себѣ дороже и что врядъ ли этотъ свѣтъ стоитъ игры, истомившей и истерзавшей душу и тѣло. Жизнь Рудокоповыхъ—отчаянная борьба не за кусокъ хлѣба, а за книгу... Въ немъ ярко сказывался мужикъ ясностью и свѣжестью мысли, угловатостью и рѣзкостью движеній и теплотой сердечныхъ вспышекъ—и, однако, онъ былъ уже человѣкъ зараженный, онъ уже пропитался чѣмъ-то, слоняясь по Европѣ. Онъ все собирался ѣхать въ Россію, но продолжалъ оставаться кочевникомъ и экзотикомъ.

Г. Сальясъ рѣшительно не даетъ ключа для отгадки того, въ чемъ же, наконецъ, состоитъ эта зараза, захватывающая даже мужика и разночинца Рудокопова. И понятно, что онъ не можетъ дать этого ключа, потому что ищетъ-то его онъ не тамъ, гдѣ этотъ ключъ находится,—не въ условіяхъ русской дѣйствительности и не въ данныхъ нашей старой барско-бюрократической культуры, создающей общую кисельность и воспріимчивость ко всякимъ чуждымъ вліяніямъ, склонность, нѣтъ даже не склонность, а единственную возможность для благополучныхъ россіянъ жить по указкѣ, а во вліяніи европейской культуры и европейской жизни. Это значитъ, собственно говоря, валить съ больной головы на здоровую. Тамъ, въ Европѣ, правда, извѣстные общественные классы разлагаются; но европейское общество, какъ цѣлое, справится съ продуктами разложенія и безъ нашей помощи; а вотъ мы-то справимся ли сами, безъ помощи европейскихъ идей, съ нашими продуктами разложенія, — это еще бабушка на двое сказала. Разночинецъ, вступивъ на арену общественной дѣятельности лѣтъ этакъ съ тридцать или сорокъ тому назадъ, совершилъ за это время много; онъ, собственно говоря, создалъ ту новую Россію, которую мы знаемъ. Но нельзя забывать и того, что онъ вышелъ на вы-

шеупомянутую арену почти невооруженнымъ или, лучше сказать, съ единственнымъ оружіемъ: съ книгой, съ европейскою мыслью, да еще съ накоплявшимися въ теченіе многихъ поколѣній любовью и ненавистью. Что и говорить—оружіе это достаточно внушительное и благодаря ему разночинецъ и могъ совершить то, что онъ совершилъ. Но не маловато ли такого оружія въ той экономической и культурной борьбѣ, которую пришлось и приходится выносить разночинцу? Орудій экономическихъ и соціальныхъ интересовъ у разночинца не было и нѣтъ; онъ окруженъ средой уже готовой культуры, барско-бюрократической и въ особенности бюрократической. Культурная роль разночинца громадная; своей книгой, своей идеей онъ не только извѣстное дѣло дѣлаетъ, извѣстную психологическую атмосферу создаетъ, но онъ, какъ мы говорили въ одномъ изъ предыдущихъ обозрѣній, можетъ и, вѣроятно, долженъ вводить въ эту атмосферу и новые, появляющіеся и имѣющіе появиться, общественные классы, такъ сказать—заражать ихъ своими настроеніями. Но такова только культурная роль разночинца. Иное приходится сказать о роли экономической и соціальной. Въ этихъ сферахъ у разночинца своего ничего нѣтъ, потому что нѣтъ какихъ-либо особыхъ интересовъ, кромѣ общечеловѣческихъ, и потому въ этихъ сферахъ его роль служебная. Онъ непремѣнно кому-нибудь и чему-нибудь долженъ служить. До сихъ поръ онъ служилъ и служитъ преимущественно народу и главнымъ образомъ—мужику, рабочему. Но въ его соціальномъ положеніи и въ его, такъ сказать, соціальномъ происхожденіи, въ его генезисѣ, нѣтъ никакихъ препятствій и для того, чтобъ онъ не служилъ и капитализму, наприм., и въ особенности бюрократическому укладу жизни. Если, конечно, книга, идея не помѣшаетъ ему въ этомъ. Но въ психологіи общественныхъ слоевъ книга и идея—силы безспорно важныя, но далеко не единственныя. Тѣмъ болѣе, что тутъ всегда возможны ошибки. Легко представить себѣ, что разночинецъ можетъ заблуждаться относительно вопроса, поскольку та или иная изъ реально-дѣйствующихъ, активныхъ общественныхъ силъ,—ну, хоть бюрократія или капитализмъ,—содѣйствуетъ, или, наоборотъ, находится въ непреодолимомъ противорѣчіи съ тѣми единственными интересами, которые разночинецъ можетъ назвать своими,—съ интересами общечеловѣческими. Такихъ ошибокъ наша новая исторія можетъ представить не мало. А потомъ существующее уже всегда обладаетъ способностью втягивать въ себя вновь появляющееся, нарождающееся. Потому-то не удивительно, что Рудокоповы иной разъ вмѣсто того, чтобы служить,—а не служить они, повторяемъ, *пока* не могутъ,—народу, служатъ иной разъ даже экзотикамъ. Только появленіе новыхъ общественныхъ слоевъ, интеллигенціи народной, можетъ устранить всѣ подобныя явленія и вернуть разночинца къ его истинной миссіи.

Собственно говоря, русское не съ сегодняшняго и не со вчерашняго дня вертится въ этомъ заколдованномъ кругу втягиванія лучшихъ и новыхъ силъ порами старой барско-бюрократической культуры. И самому выходу изъ такого заколдованнаго круга до значительной степени препятствуетъ та легкость, съ которой „лучшіе люди“ втискиваются въ рамки этой культуры. Мы рекомендуемъ читателю именно съ такой точки зрѣнія взглянуть на очень любопытную статью: „Тобольская губернія въ пятидесятыхъ годахъ. Матеріалы для біографіи Арцимовича“. Личность Арцимовича, вѣроятно, знакома нашимъ читателямъ, и распространяться о ней мы не станемъ. Припомнимъ только, что даже Герценъ писалъ, что Россія можетъ показать Европѣ двухъ

губернаторовъ, Арцимовича и Грота. Что такое представляла до недавняго времени, да и теперь отчасти представляетъ, Сибирь, эта безсудная и безправная страна, это читателю тоже извѣстно. В. М. Жемчужниковъ, родственникъ и чиновникъ Арцимовича, писалъ отцу: „Россія вообще, а Сибирь въ особенности, на каждомъ шагу шевелятъ умъ и сердце, вызываютъ къ дѣятельности, рождаютъ мысли, предположенія, желанія,—словомъ, не даютъ покоя; всюду хотѣлось бы поспѣть, все бы сдѣлать; короче, Россія, богатая добрыми свойствами и народа, и природы, есть такой изобильный рудникъ, на разработку котораго можно съ удовольствіемъ посвятить всѣ силы и нѣсколько жизней. Богатство добрыхъ началъ ея такъ велико, что оно завлекаетъ всякаго мыслящаго въ любовь къ ней и въ такую дѣятельность, для которой нѣтъ ни границъ, ни удовлетворенія"... Именно такое настроеніе владѣло и Арцимовичемъ, и владѣло имъ не годъ и не два, а въ теченіе всей его,—не рѣшимся сказать: общественной, а служебной,—дѣятельности, какъ извѣстно, очень продолжительной и очень плодотворной. И какое же, однако, средство онъ считалъ единственнымъ для борьбы со зломъ всякаго рода, со всѣхъ сторонъ обступавшимъ его въ Тобольскѣ пятидесятыхъ годовъ? Усиленіе губернаторской власти и меньшую зависимость отъ генералъ-губернатора. Сенаторъ Жемчужниковъ (отецъ вышеупомянутаго) по этому поводу писалъ Арцимовичу: „напрасно было бы мечтать, что въ другихъ губерніяхъ менѣе злоупотребленій, чѣмъ въ Сибири". Приводя нѣсколько фактовъ, онъ продолжаетъ: „изъ этого ты можешь судить, какъ должно быть сильно злоупотребленіе въ великороссійскихъ губерніяхъ, хотя здѣсь начальники губерній и не связаны дѣйствіями генералъ-губернаторовъ"... И средствомъ для исправленія зла сенаторъ считаетъ сенаторскія ревизіи. Вотъ оно что рамки-то уклада значатъ, и какъ онѣ связываютъ мышленіе даже лучшихъ и самыхъ благонамѣренныхъ людей.

Хроникеръ *Русскаго Богатства* посвящаетъ свою хронику вопросу о взысканіи податей. „Вотъ уже десятки лѣтъ,— замѣчаетъ онъ,—въ Петербургѣ не переводятся коммиссіи, озабоченныя вопросомъ, какъ облегчить народу падающую на него податную тягость, и въ подлежащихъ департаментахъ идетъ непрерывная работа"... а „по селамъ и деревнямъ уже стучитъ въ оконницы избъ батожокъ сборщика податей"... Спрашивается, много легче будетъ населенію,—продолжаетъ хроникеръ,—когда взысканіе недоимокъ останется по-прежнему въ рукахъ полиціи, а взысканіе оклада перейдетъ въ вѣдѣніе земскаго начальника? Приводя дальше циркуляръ вятскаго губернатора о томъ, что „земскіе начальники мало обращаютъ вниманія на запущеніе крестьянскихъ платежей", хроникеръ замѣчаетъ: при такихъ условіяхъ представительство земскихъ начальниковъ за населеніе врядъ ли можетъ имѣть особую силу. Сомнительно, чтобы болѣе удачнымъ оказалось и поставленіе податныхъ инспекторовъ во главу угла по взиманію податей... Такова критика. А вотъ вамъ и положительная часть хроники: „безъ сомнѣнія, наиболѣе удачно могло бы выполнить эту функцію то учрежденіе, которое, и т. д., т.-е. земство".

Хроникеръ *Сѣвернаго Вѣстника* по тому же податному вопросу довольно основательно замѣчаетъ слѣдующее: прежде всего, необходимо помнить, что въ нашемъ бюджетѣ прямые сборы сведены къ послѣднему минимуму и замѣнены косвенными налогами... Что же касается оставшихся прямыхъ сборовъ, то они взыскиваются на такихъ льготныхъ условіяхъ, о которыхъ раньше и мечтать трудно

было. Однако, несмотря на всѣ эти облегченія, дѣла не поправляются. Населеніе тащитъ на рынокъ все большую и большую массу необходимыхъ ему средствъ пропитанія, а недоимки по прямымъ сборамъ все-таки не уменьшаются. Очевидно, какимъ-либо облегченіемъ мѣръ взысканія податей дѣлу помочь трудно. Населеніе давятъ не прямые сборы, а весь колоссальный ростъ нашего государственнаго бюджета, изъ котораго на пользу главныхъ плательщиковъ едва ли выдѣляются даже самыя скромныя дозы. Развивая далѣе это положеніе о колоссальномъ ростѣ бюджета, хроникеръ замѣчаетъ, между прочимъ: „всѣ надежды на средства для техническаго образованія, повидимому, возлагаются на частную благотворительность. Было бы интересно знать, куда же казна должна помѣщать свои средства, если и высшія техническія училища должны строиться на счетъ благотворительности? Развитіе техническаго образованія можно бы было ставить въ зависимость отъ благотворительности въ томъ случаѣ, еслибы казна ссылалась на то, что она должна идти прежде всего навстрѣчу нуждамъ просвѣщенія деревенскаго населенія. Но вѣдь казна эти нужды русскаго народа не считаетъ для себя дѣломъ первостепенной важности“. Эти соображенія мы привели не для того, чтобы вдаваться въ обсужденіе ихъ по существу, а только для указанія на разницу между литературой, заботящейся о соотвѣтствіи своихъ пожеланій и прожектовъ съ той или другой входящей или исходящей бумагой, и литературой, этимъ совсѣмъ не занятой. И думается намъ, что настоящая-то литература вторая, а не первая. Мы не устанемъ повторять, что у литературы имѣется своя, отдѣльная отъ всякихъ департаментовъ, миссія и своя аудиторія, независимая отъ бумагъ всяческихъ коммиссій и департаментской работы.

Г. Дружининъ въ своей интересной статьѣ: „Основные вопросы крестьянскаго самоуправленія“ (яко бы самоуправленія, слѣдовало бы сказать),—послѣ детальнаго изложенія отзывовъ губернскихъ совѣщаній по этому вопросу даетъ такое заключеніе: реформа существенно необходима. Она должна совершиться не въ томъ направленіи, въ какомъ проектируется,—не въ направленіи усиленія вліянія администраціи, сокращенія самостоятельности сходовъ, превращенія сельскихъ сходовъ въ сходы выборныхъ. Крестьянское самоуправленіе должно быть сдѣлано самостоятельнымъ и самостоятельность его должна быть обезпечена надлежащими органическими мѣрами: поднятіемъ уровня самоуправляющагося населенія путемъ внесенія въ его составъ лицъ всѣхъ сословій, устраненіемъ вмѣшательства чиновниковъ въ дѣятельность органовъ самоуправленія и точнымъ опредѣленіемъ юридическаго положенія крестьянъ на началахъ равноправности съ другими сословіями и съ полнымъ примѣненіемъ законности... Упомянувъ о „чиновничьемъ и дворянскомъ составѣ“ коммиссій и совѣщаній, г. Дружининъ рекомендуетъ: призвать къ обсужденію и составленію проекта крестьянской реформы общественныя силы, безпристрастный, истинно-доброжелательный къ народу общественный элементъ. Однимъ изъ способовъ обращенія къ общественному элементу,—заключаетъ онъ,—должна быть передача проектовъ преобразованій на обсужденіе сельскихъ и волостныхъ сходовъ. При этомъ желательно, чтобы къ участію въ сходахъ, созванныхъ для этой цѣли, были допущены лица всѣхъ сословій. Не имѣя возможности на этихъ страницахъ обсуждать планъ преобразованія крестьянскихъ учрежденій, не можемъ, однако, не сдѣлать двухъ-трехъ замѣчаній. Прежде всего, опредѣленіе юридическаго

положенія крестьянъ на началахъ равноправности съ другими сословіями уже само по себѣ исключаетъ возможность спеціально-крестьянскаго самоуправленія, тѣмъ болѣе, если въ составъ самоуправляющагося населенія войдутъ лица всѣхъ сословій. Тогда самоуправленіе (за исключеніемъ, конечно, деревенскаго, земельнаго и хозяйственнаго) будетъ уже не крестьянскимъ, а безсословнымъ самоуправленіемъ населенія той или иной части территоріи, наприм. волости,—что, конечно, и желательно. Далѣе: обращеніе къ общественнымъ силамъ, истинно-доброжелательнымъ къ крестьянству, наврядъ ли осуществимо, просто потому, что этотъ элементъ неуловимъ, органовъ своихъ онъ нигдѣ, кромѣ одной литературы, не имѣетъ и спрашивать его, пожалуй, что и невозможно. Обсужденіе проекта крестьянскаго положенія сельскими и волостными сходами, если участіе на нихъ лицъ всѣхъ сословій будетъ признано только желательнымъ, а не необходимымъ и обязательнымъ условіемъ законности самихъ сходовъ, для сей цѣли собранныхъ, наврядъ ли приведетъ къ какимъ-либо результатамъ, а тѣмъ болѣе къ желательнымъ. Совсѣмъ иное дѣло, еслибъ отъ вопроса о пересмотрѣ крестьянскаго положенія былъ отдѣленъ и поставленъ на первую очередь вопросъ объ образованіи мелкой земской единицы или безсословной волости. Такая мелкая земская единица, помимо другихъ цѣлей и функцій, потомъ сослужила бы добрую службу и при обсужденіи общаго положенія о крестьянахъ. Думается намъ, впрочемъ, что г. Дружининъ своими предложеніями именно имѣлъ въ виду образованіе такой безсословной волости и только не вполнѣ опредѣленно формулировалъ свою мысль.

Вопросъ о земской мелкой единицѣ, иначе говоря о безсословной волости—есть вопросъ, по нашему мнѣнію, окончательно назрѣвшій въ общественномъ сознаніи и могущій даже служить объединяющимъ лозунгомъ для тѣхъ благорасположенныхъ къ крестьянству общественныхъ элементовъ, о которыхъ говоритъ г. Дружининъ. И это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что къ какому бы изъ главнѣйшихъ вопросовъ крестьянской жизни мы ни обращались — будетъ ли это вопросъ о судѣ, близкомъ къ населенію, о хозяйственномъ распоряженіи крестьянствомъ своими средствами, собираемыми на разныя нужды, о мѣстной полиціи, о мѣстной администраціи, о призрѣніи бѣдныхъ, о народной медицинѣ, о народныхъ школахъ, о мѣстныхъ путяхъ сообщенія и, наконецъ, объ истинномъ представительствѣ крестьянства и общества въ органахъ мѣстнаго, губернскаго и уѣзднаго, самоуправленія,—однимъ словомъ, къ любому вопросу нашей деревни, — мы, волей - неволей, приводимся къ идеѣ о безсословной волости. Сама жизнь, сама наша русская дѣйствительность, съ ея безсословнымъ укладомъ, съ умственнымъ и нравственнымъ преобладаніемъ въ ней идей и идейныхъ запросовъ разночинца, требуетъ этого. Противиться требованіямъ жизни, конечно, можно; но, во-первыхъ, не особенно продолжительное время, а во-вторыхъ, наврядъ ли это и благоразумно и политично. Въ этой схемѣ,—потому что проектъ безсословной волости пока можетъ быть названъ только схемой, — сливаются интересы двухъ наиболѣе крупныхъ общественныхъ силъ — крестьянства и разночинства или, если угодно такъ называть его, интеллигенціи.

Хроникеръ *Вѣстника Европы,* обсуждая на основаніи матеріаловъ, доставленныхъ губернскими совѣщаніями, вопросъ о призрѣніи бѣдныхъ въ деревнѣ, подходитъ тоже къ вопросу о безсословной или всесословной, какъ онъ предпочитаетъ выражаться, волости. Указавъ,

между прочимъ, на то, что, наприм., въ Смоленской губерніи 5,500 человѣкъ нуждаются въ призрѣніи и имѣютъ на него право по закону, а на самомъ дѣлѣ призрѣвались только двѣ тысячи, и изъ нихъ только 10% общаго числа нуждающихся призрѣвались крестьянами, а три съ половиной тысячи существуютъ исключительно нищенствомъ, хроникеръ замѣчаетъ, что большинствомъ совѣщаній, допускающихъ необходимость серьезнаго преобразованія въ этой сферѣ деревенской жизни, замѣна сельскаго общества другою, болѣе крупною единицей разсматривается какъ conditio sine qua non раціональной организаціи общественнаго призрѣнія. Разумѣется, при извѣстномъ бюрократически-сословномъ составѣ совѣщаній было бы трудно ожидать, чтобъ они преемникомъ сельскаго общества въ дѣлѣ призрѣнія признавали всесословную волость. Одни изъ нихъ ограничиваются предложеніемъ замѣнить сельское общество волостью; другіе высказываются за учрежденіе особыхъ волостныхъ попечительствъ или попечительныхъ совѣтовъ; нѣкоторыя совѣщанія допускаютъ въ составъ такихъ попечительствъ и лицъ иныхъ, кромѣ крестьянскаго, сословій; наконецъ, три совѣщанія—херсонское, орловское и смоленское—стоятъ особнякомъ: первое возлагаетъ всѣ обязанности по призрѣнію на уѣздныя земства, второе находитъ, что благотворительныя учрежденія должны быть отнесены или къ частной иниціативѣ, или на счетъ государства, и, наконецъ, третье, смоленское, считаетъ общественное призрѣніе дѣломъ безусловно общегосударственнымъ. Какъ ни скудны фактическія данныя, сообщаемыя совѣщаніями, какъ ни различны ихъ взгляды на положеніе сельскаго призрѣнія, общіе выводы вытекаютъ сами собой,—замѣчаетъ хроникеръ. Явно цѣлесообразнымъ представляется прежде всего пріуроченіе дѣла призрѣнія къ сельскому обществу. Массовое нищенство въ деревняхъ служитъ постояннымъ упрекомъ обществу и государству, постояннымъ напоминаніемъ о неисполненномъ ими долгѣ; изъ сорока четырехъ совѣщаній двадцать четыре стоятъ за возложеніе призрѣнія на единицу, болѣе крупную, чѣмъ сельское общество. Всего дальше въ этомъ отношеніи идетъ, какъ мы видѣли, смоленское совѣщаніе, провозглашая общественное призрѣніе дѣломъ общегосударственнымъ. Но оно касается только финансовой стороны дѣла, упуская изъ виду органы призрѣнія. Возложить это дѣло на чиновниковъ значило бы обратить живое дѣло въ канцелярскую работу. Государство слишкомъ далеко отъ нуждающихся; необходимы посредствующія звенья, изъ которыхъ послѣднее, низшее, соприкасалось бы съ населеніемъ. Такимъ низшимъ звеномъ не можетъ служить даже уѣздное земство (и, прибавимъ, не только въ дѣлѣ призрѣнія, но и ни въ одномъ изъ деревенскихъ живыхъ дѣлъ). Вообще же это дѣло возможно только для территоріальной самоуправляющейся единицы, болѣе обширной, чѣмъ сельское общество, но значительно меньшей, чѣмъ уѣздъ. Такой единицей является волость. Но живымъ дѣломъ общественное призрѣніе можетъ стать только въ рукахъ *живой* волости. А живой нельзя назвать нынѣшнюю крестьянскую волость, имѣющую почти исключительно административное значеніе. Возложить общественное призрѣніе на волость, ничего не измѣняя въ ея устройствѣ, значило бы сдѣлать шагъ не впередъ, а назадъ; патріархальная рутина сельскаго схода замѣнилась бы канцелярской рутиной и бюрократическими воздѣйствіями. Вообще говоря,—заключаетъ хроникеръ,—если разсматривать вопросъ безъ предвзятой точки зрѣнія и не въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ какихъ онъ поставленъ программой министерства, то онъ можетъ

и долженъ дать множество аргументовъ въ пользу всесословной волости. И прежде всего потому, что безъ большого обремененія для крестьянъ мѣстные сборы на призрѣніе могутъ быть доведены до надлежащей высоты только въ такомъ случаѣ, если къ обложенію ими будутъ привлечены всѣ имущества (почему же не всѣ доходы?), находящіяся въ предѣлахъ волости, къ какому бы сословію ни принадлежалъ владѣлецъ. Вмѣстѣ съ матеріальными средствами всесословная волость, и только она одна, можетъ дать дѣлу общественнаго призрѣнія необходимыя личныя силы.

Далѣе хроникеръ дѣлаетъ одно весьма важное замѣчаніе, которымъ мы и закончимъ наше настоящее обозрѣніе: „хозяйственная всесословная волость могла бы существовать и рядомъ съ теперешнею, крестьянскою, разъ что эта послѣдняя, какъ чисто-административная единица, будетъ признана необходимой составной частью администраціи, созданной закономъ 12 іюля 1889 года. Пока институтъ земскихъ начальниковъ сохраняетъ свой настоящій характеръ, замѣна крестьянской волости всесословною не представляется желательною“. Замѣчаніе и важное, и вполнѣ вѣрное. Но законъ 12 іюля не есть одинъ изъ основныхъ законовъ имперіи, какъ извѣстно, измѣненію не подлежащихъ.

Народное образованіе. Книга XI, *ноябрь*. Въ названной книжкѣ журнала, издаваемаго, какъ извѣстно, на средства святѣйшаго синода, помѣщена любопытная статья: *Мысли К. Д. Ушинскаго о значеніи религіи въ дѣлѣ воспитанія*. Чтобъ оцѣнить по достоинству значеніе этой статьи, необходимо припомнить недавнія восклицанія: „Нѣтъ школы—кромѣ церковной школы!“—„Да расточатся школы земскія!“ Общія задачи и характеръ современной народной школы, съ точки зрѣнія „церковниковъ“, откровеннѣе всѣхъ, не мудрствуя лукаво, суммировалъ свящ. I. Фудель въ своей книгѣ *Народное образованіе и школа*, заключающей въ себѣ статьи, напечатанныя въ разное время (1895—97 гг.) въ *Русскомъ Обозрѣніи* и *Русскомъ Словѣ*; откровенными „канонами“ I. Фуделя мы здѣсь и воспользуемся, такъ какъ они и сами по себѣ имѣютъ въ настоящее время важное общественное значеніе. Основы для созиданія современной народной школы св. Фудель ищетъ прежде всего въ самомъ русскомъ народѣ, но для того, чтобы найти рѣшеніе вопроса, нужно подойти къ народу умѣючи: „Нужно съ народомъ жить безъ всякой гордой мысли о просвѣщеніи его“ (стр. 37). „Міровоззрѣніе народа опредѣляется въ нѣсколькихъ словахъ: все на небѣ и все земное для неба“. Св. Фуделя не смущаетъ мысль, что наши просвѣщенные западные сосѣди не отказываютъ своимъ народнымъ школамъ въ достиженіи и *земныхъ* цѣлей,—Западная Европа намъ въ этомъ случаѣ не указъ: „Русскій народъ имѣетъ всѣ задатки для развитія самобытной культуры на началахъ иныхъ, чѣмъ какія положены въ основу западно-европейской культуры“ (стр. 48). Интеллигенція наша, стремящаяся просвѣтить народъ на основахъ европейской культуры, совершаетъ государственное преступленіе: „Современное просвѣтительное движеніе интеллигенціи преслѣдуетъ цѣли разрушенія“ (стр. 50). Да и дѣйствуетъ она, какъ хорошо извѣстно о. Фуделю, съ корыстными цѣлями: „Интеллигенціи хочется имѣть вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ и реформъ, иначе сказать,—распоряжаться въ государственномъ дѣлѣ. Но для этого необходимо, чтобы народъ поддержалъ эти вожделѣнія интеллигенціи. Поэтому — давайте развивать народъ“. (Здѣсь, очевидно, о. Фудель, отстаивая самобытное невѣжество

народа, защищаетъ свои собственныя вожделѣнія, чтобы распоряжаться въ государственномъ дѣлѣ только ему съ своими присными.) „И вотъ мы видимъ, что по всей линіи двинувшейся въ походъ интеллигенціи идетъ дружная работа съ цѣлью разрушить народные „предразсудки", воспитать мысль народную на реальномъ знаніи. Мы (кто это? о. Фудель съ присными?) переживаемъ, несомнѣнно, роковое время" (стр. 52—53). „Роковое" и заключается въ томъ именно, что интеллигенція желаетъ просвѣтить народъ, а этого-то и не хочетъ допустить о. Фудель: „Интеллигенція не въ состояніи уразумѣть, что мужикъ, несмотря на все свое невѣжество и темноту (народнаго невѣжества, какъ видите, не отрицаетъ о. Фудель,— онъ, напротивъ, свидѣтельствуетъ о немъ, оберегаетъ его) давно просвѣщенъ (и теменъ, и свѣтелъ—въ одно время... Дѣйствительно, темна вода во облацѣхъ!) тѣмъ свѣтомъ, который утерянъ интеллигенціей, и никакія знанія, никакія свѣдѣнія не въ состояніи замѣнить тотъ смыслъ жизни, котораго въ интеллигенціи нѣтъ и который съ молокомъ матери всасывается православнымъ крестьяниномъ" (стр. 73).

Поразивъ Европу и русскую интеллигенцію, авторъ выясняетъ далѣе, какая школа лучше для невѣжественнаго и темнаго народа, не нуждающагося въ европейскомъ просвѣщеніи. „Если надо расшатать міровоззрѣніе народа и его вѣрованія, если надо создать въ деревнѣ классъ полуинтеллигенціи, то эту цѣль легко достигнетъ *свѣтская* школа, въ которой распоряжается интеллигенція". Очевидно, нужно нѣчто другое. „Если же надо поддержать и укрѣпить религіозное сознаніе народа (у католиковъ и лютеранъ оно, безъ сомнѣнія, расшатано, а у насъ, видите ли, надо поддерживать и укрѣплять то, что и безъ того твердо стоитъ!), то этого мы *не добьемся* (зачѣмъ же такъ много усилій?) до тѣхъ поръ, пока школу не сдѣлаемъ школой церковной, въ которой *хозяиномъ* является священникъ" (*слугою*—слѣдовало бы, кажется, сказать, по ученію Христа!). А вотъ и средство, чтобы хозяйничанье было прочно: „Задача церковной школы—не умственное развитіе ученика, а развитіе *духовное* (?), не пріобрѣтеніе возможно-большаго количества свѣдѣній, а пріобрѣтеніе благочестивыхъ навыковъ, укрѣпляющихъ его міровоззрѣніе" (стр. 76). Замѣтьте, о Христѣ и христіанскихъ идеалахъ для христіанскаго народа и помину нѣтъ! Чѣмъ же оправдываетъ о. Фудель свои вожделѣнія на хозяйничанье въ мужицкой школѣ?—Исторіей народной темноты и невѣжества. „Русскій народъ со дня своего крещенія (т.-е. тогда, когда онъ оставался грубымъ язычникомъ) зналъ только школу церковную. Она удовлетворяла всѣ его умственныя потребности и его религіозное чувство" (стр. 83). И, несмотря на все это, народъ, по свидѣтельству того же о. Фуделя, остался во тьмѣ и въ невѣжествѣ! „Церковная школа въ допетровской Руси была *единою* для всѣхъ, т.-е. *общедоступною* для дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ. Она была школою народною въ истинномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ никѣмъ не была навязываема народу, а давала ему все то, что онъ отъ школы требовалъ" (это темный-то и невѣжественный народъ?). „Но, къ сожалѣнію, цѣлостность жизни русской нарушена была преобразовательною эпохой Петра Великаго" (стр. 93). „Духовная рознь между образованными классами и народомъ съ конца прошлаго столѣтія прогрессивно росла; но (*слушайте!*) пока существовало крѣпостное право, эта рознь оказывала мало вліянія на духовную жизнь народа, сохранившагося, такъ сказать, *подъ колпакомъ крѣпостной зависимости*" (стр. 93—94).

Слѣдовательно, вся суть въ колпакѣ: и нынѣ, ради утвержденія церковной школы, очевидно, необходимо поставить народъ подъ колпакъ, такъ какъ о. Фудель знать не хочетъ исторіи и сейчасъ настаиваетъ, что „задачи современной церковной школы тѣ же, что и задачи народной школы при Владимірѣ Святомъ, Ярославѣ Мудромъ и московскихъ царяхъ“ (стр. 101). Итакъ, народная школа должна быть церковною, чтобы хозяйничалъ въ ней о. Фудель... Но какъ же намъ, въ случаѣ согласія, поступить съ реформами—отъ Петра до Александра II включительно?

Но почему же хозяйничанье въ народной школѣ должно быть предоставлено и теперь исключительно духовенству? О. Фудель на это откровенно отвѣчаетъ: „въ наше время духовенство осталось единственнымъ классомъ, который близокъ къ народу по жизни, идеаламъ, міровоззрѣнію“ (выше о. Фудель называлъ народъ темнымъ и невѣжественнымъ). „Быть можетъ, такіе учители, каковы духовныя лица, *сами не всѣ многоучены*“, соглашается и о. Фудель, „но и въ народѣ не требуется, чтобы всѣ были учены, а нужно, чтобы всѣхъ коснулся свѣтъ истиннаго просвѣщенія. Въ семъ отношеніи учители духовные *надежнѣе другихъ*. Не будутъ они усиливаться въ объясненіяхъ, какъ это земля образовалась и въ настоящій видъ пришла послѣ многихъ превращеній, а начнутъ съ того, что Богъ создалъ міръ изъ ничего. Не изложатъ они, какія каждый великій мудрецъ прибавилъ отъ себя новости въ области человѣческихъ мудрованій и заблужденій... не укажутъ они, какой стихотворецъ какой поклонялся языческой богинѣ, и какую воспѣлъ безумную страсть... не похвалятся никакими изобрѣтеніями *къ удобству жизни* гражданской, но будутъ учить благочестію“ (109—110). Теперь совершенно стало понятно, почему о. Фуделю принадлежитъ исключительное право хозяйничать въ народной школѣ: такіе учители не многоучены, а потому и надежнѣе другихъ. „Черезъ земскую школу открытъ совершенно свободный доступъ въ народъ всевозможнымъ интеллигентнымъ вліяніямъ; черезъ школу церковную этотъ доступъ чрезвычайно затрудненъ, если пока нельзя сказать невозможенъ. Церковная школа ставитъ извѣстныя препятствія полной свободѣ просвѣщенія,—въ этомъ вся суть!“ (138 стр.). Но довольно! Исторія давно произнесла свой правый судъ надъ поборниками тьмы и невѣжества, въ духѣ до Петровской Руси, устами одного изъ сподвижниковъ Петра Великаго: „Духовному правительству подобаетъ искоренять въ народѣ суевѣріе и всякое зло, ко спасенію непотребное, для выгоды своей лицемѣрами вымышленное, простой народъ прельщающее, и аки снѣжные заметы правымъ путямъ истины идти возбраняющее. Когда нѣтъ свѣта ученія, невозможно быть и доброму дѣлу церкви, тогда будетъ нестроеніе и многія достойныя смѣха суевѣрія“ (см. Регламентъ св. синоду).

Но тѣмъ-то и цѣнно откровеніе о. Фуделя, что онъ, ничтоже сумняшеся, говоритъ, что думаетъ и самъ, и его единомышленники, между тѣмъ какъ послѣдніе начинаютъ уже понимать, что такая защита церковной школы все болѣе и болѣе отталкиваетъ отъ нея сторонниковъ, почему и начинаютъ перемѣнять свою тактику. Вотъ, напримѣръ, г. Н. М. Горбовъ, старается возвысить свою излюбленную школу надъ земской только тѣмъ, что порицаетъ новыя программы школъ министерскихъ (къ удивленію—въ *Вѣстникѣ Европы*); онъ даже утверждаетъ теперь слѣдующее: „Я думаю, что сами защитники церковноприходской школы не вѣрятъ болѣе въ миѳическое сказаніе о какомъ-

то особомъ направленіи ея, о какихъ-то воспитательныхъ ея преимуществахъ“ *)

Еще знаменательнѣе въ томъ же направленіи названная нами статья, напечатанная въ органѣ св. синода. Указавъ въ началѣ на извѣстную книжку: „Памяти К. Д. Ушинскаго—по случаю двадцатипятилѣтія со дня кончины“,—и выразивъ одобреніе ея содержанію, авторъ статьи обстоятельно и подробно доказываетъ, сколь несправедливы были всѣ тѣ обвиненія и клеветы на эту свѣтлую личность и на его выдающіяся педагогическія произведенія. Прежде всего авторъ обращаетъ вниманіе читателя „на одинъ интересный фактъ въ педагогической дѣятельности Ушинскаго“: „Составленная имъ книга *Дѣтскій Міръ* въ 1866 году была изъята изъ школъ министерства народнаго просвѣщенія, хотя раньше, назадъ пять лѣтъ, составителю книги въ особую заслугу была вмѣнена прагматичность ея, богатство и разнообразіе статей по естествознанію и разумный подборъ ихъ. Причиной изъятія послужили именно статьи по естествознанію, которыя, будто бы, могли способствовать развитію у дѣтей матеріализма, нигилизма и другихъ вредныхъ направленій. И только уже въ началѣ 80-хъ годовъ, десять лѣтъ спустя послѣ смерти Ушинскаго, *Дѣтскій Міръ* вновь рекомендованъ уч. ком. мин. нар. просвѣщенія“. А мы прибавимъ къ этому, что намъ извѣстенъ и не одинъ только этотъ фактъ: изгнанію подвергнуто до сихъ поръ и *Родное Слово* Ушинскаго. Авторъ статьи и доказываетъ далѣе словами самого Ушинскаго всю несправедливость обвиненія. „По мнѣнію Ушинскаго, самымъ характернымъ явленіемъ въ области науки было въ его время (50-е и 60-е годы) необычайное усиленіе и распространеніе естествознанія. Воспитатель не долженъ оставаться глухъ и нѣмъ къ законнымъ требованіямъ времени, иначе онъ самъ лишитъ свою школу жизненной силы, самъ добровольно откажется отъ того законнаго вліянія на жизнь, которое принадлежитъ ему, — т.-е. онъ долженъ ввести естествознаніе въ школу. Многіе боятся естествознанія, какъ проводника матеріалистическихъ убѣжденій; но это только слабодушное недовѣріе къ истинѣ. Истина не можетъ быть вредна. Христосъ Богъ—сама истина. И при воспитаніи нужно сообщать одну истину и избѣгать всякой лжи и обмана. Если школа будетъ отрекаться отъ естествознанія, то этимъ самымъ она будетъ содѣйствовать распространенію матеріализма“ (стр. 18—19). Перечисливъ рядъ общелитературныхъ и нѣкоторыхъ другихъ статей изъ книгъ Ушинскаго, авторъ приходитъ къ такому общему заключенію: „Общее впечатлѣніе, которое создается при чтеніи *Дѣтскаго Міра* и *Родного Слова*, рѣшительно опровергаетъ обвиненіе Ушинскаго въ матеріализмѣ и въ отсутствіи религіозности“ (стр. 21). Все это, конечно, давно извѣстно всѣмъ школьнымъ дѣятелямъ, не ослѣпленнымъ пристрастіемъ и невѣжествомъ, однако же и до сихъ поръ на Ушинскаго продолжаютъ нападать съ страстной враждебностью.

Доказавъ съ полною основательностью педагогическія достоинства учебныхъ книгъ Ушинскаго, неизвѣстный авторъ статьи съ полнымъ сочувствіемъ излагаетъ и его педагогическія теоріи. „*Современная* педагогика, по мнѣнію Ушинскаго, выросла исключительно на христіанской почвѣ. При взглядѣ на педагогическія системы *разныхъ государствъ Европы*, мы видимъ въ нихъ значительное сходство; это можно объ-

*) См. *Вѣстникъ Европы*, ноябрь, стр. 363.

яснить тѣмъ, что всѣ онѣ—вѣтви одного и того же могучаго растенія". „Поэтому въ основу развитія человѣка воспитаніе должно положить вѣчныя истины христіанства. Школа постоянно должна внушать воспитаннику: *служи идеѣ истины и добра,* идеѣ цивилизаціи, идеѣ государства и народа" (стр. 22). Наши школы въ особенности не хороши тѣмъ, что воспитываютъ дѣтей не для борьбы съ неправдою и мракомъ, царящими въ жизни, а для того только, чтобъ имъ было удобно плыть по ея теченію" (стр. 23). Не правда ли, какъ все это не похоже на задачи школы съ точки зрѣнія гг. Фуделей! Ушинскій даетъ и историческую справку о развитіи на Руси христіанства. „Христіанскіе подвижники проповѣдывали полудикимъ славянамъ великія христіанскія истины, пробуждали истинно-христіанскія чувства, своимъ словомъ и примѣромъ освящали ихъ жизнь и поддерживали ихъ. Но проходили времена подвижничества; образовательное вліяніе религіи постепенно слабѣло... Въ настоящее время христіанскія правила жизни всего менѣе возраждаются и подкрѣпляются изъ ихъ непосредственнаго источника; они просто переходятъ отъ одного поколѣнія къ другому путемъ преданія... Истинный смыслъ и значеніе христіанскихъ истинъ забывались, потому что *не было уже передъ глазами великихъ подвижниковъ благочестія.* Патріархальная религіозность и нравственность, какъ и всякое преданіе, мало сознанное, переходящее въ привычку и не очищаемое огнемъ сознанія, несутъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и предразсудки, и суевѣрія, иногда вовсе не нравственные совѣты, выражающіеся въ двусмысленныхъ пословицахъ. Такъ, наша русская рѣка, выходя изъ непроглядной глубины лѣсовъ и болотъ, выноситъ оттуда илъ и песокъ, которые гдѣ-нибудь ниже скажутся мелями. Съ теченіемъ времени постепенно уменьшается вліяніе истинно-христіанскихъ патріархальныхъ преданій на жизнь русскаго народа" (стр. 24). „Что же за причина этого? Причина та, что патріархальныя условія быта народа уже не удовлетворяютъ жизненнымъ потребностямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ въ бытъ народа проникаетъ начало гражданственности, появляются новыя требованія, новая мѣрка для нравственной оцѣнки дѣйствій. Нравственность должна воспринять элементы гражданскіе, государственные. Ушинскій выражаетъ далѣе желаніе, чтобы церковь и школа вывели нашъ простой народъ изъ тѣсной отжившей сферы исключительно патріархальнаго быта въ болѣе обширную и свободную сферу гражданскаго общества, государства, человѣчества" (стр. 25). А о. Фудель съ присными все еще вожделѣютъ оставить народъ подъ колпакомъ, а еще лучше—вернуть его къ понятіямъ и нравамъ до-Петровской Руси! Все наше будущее, такимъ образомъ, по вожделѣнію этихъ господъ,—назади, въ невозвратномъ прошломъ.

Выясняя свой взглядъ на воспитаніе христіанской идеи и чувства, Ушинскій горячо обличаетъ тотъ формализмъ и лицемѣріе, которые часто лишь прикрываются именемъ религіозности. „Въ одной и той же личности у насъ часто соединяется самое искреннее благочестіе и самыя дурныя наклонности; наши крестьяне сопровождаютъ разгуломъ всѣ праздники, наши торговые люди (да и не одни они), при всей своей приверженности къ церковному благолѣпію, не упустятъ случая обмануть покупателя, и проч., и проч. Лицемѣріе Ушинскій называетъ самымъ низкимъ, преднамѣреннымъ торгашествомъ святыней:—лицемѣръ хуже всякаго атеиста" (стр. 27).

Мы уже видѣли, какъ горячо о. Фудель отстаиваетъ свое право быть исключительно ему одному хозяиномъ народной школы. Ушинскій

смотритъ на это не такъ. „Въ устройствѣ школъ народныхъ должны принять участіе представители свѣтскаго образованія и представители церкви — духовенство“ (стр. 29). Но чтобъ исполнить свою высокую миссію, наши духовные пастыри должны вводить народъ въ нравственный храмъ христіанства. Духовный пастырь долженъ приготовлять не только членовъ церкви, но и дѣятельныхъ гражданъ христіанскаго государства. Ушинскій замѣчаетъ при этомъ, что общее образованіе и педагогическая подготовка нашихъ пастырей недостаточны для всесторонней педагогической дѣятельности“ (стр. 30). А о. Фудель, тоже признающій въ нашемъ духовенствѣ недостатокъ просвѣщенія, откровенно заявляетъ, что и безъ этого можно легко обойтись, и не только безъ просвѣщенія вообще, но и безъ самыхъ элементарныхъ знаній,—все это *для неба* лишнее. Отрѣшая крестьянина отъ земли, отказывая ему во всемъ мірскомъ, о. Фудель исключаетъ изъ школьной программы всякія знанія, всякія свѣдѣнія (кромѣ церковныхъ), исключаетъ и всякія заботы объ умственномъ развитіи ученика. Ушинскій смотритъ на дѣло иначе: „Только религія—съ одной стороны, сердцемъ человѣка рѣшающая міровые вопросы, и наука—съ другой, могутъ открыть и на землѣ пищу безсмертному духу“ (стр. 31). О. Фудель все это отрицаетъ, находя, что у крестьянина земныхъ помысловъ нѣтъ, а чтобъ дойти до неба совершенно достаточно двухъ книгъ—Часослова и Псалтиря: такъ, молъ, это было и во времена Владиміра и Ярослава, и въ Московской Руси.

Заканчивая свою статью объ Ушинскомъ, авторъ замѣчаетъ: „Только полное незнакомство съ сочиненіями Ушинскаго, *или завѣдомая ложь и злонамѣренность* могли быть причиною обвиненія его въ безрелигіозности, матеріализмѣ и проч.“. „По нашему мнѣнію, въ сочиненіяхъ Ушинскаго заключается высокое, *доступное далеко не всѣмъ христіанамъ*, понятіе о христіанствѣ и нравственности. Въ виду этого мы рекомендуемъ чтеніе статей Ушинскаго всякому педагогу и, конечно, учителямъ церковно-приходскихъ школъ (слышите, о. Фудель?), нисколько не опасаясь за цѣлость ихъ нравственныхъ убѣжденій“. „Нужно, чтобы духовенство всецѣло прониклось мыслью о высотѣ своей миссіи и значеніи задачи своей дѣятельности; нужно, чтобъ оно поняло, что простой народъ ждетъ отъ него свѣта и вмѣстѣ съ нимъ добра. И если сознаніе это будетъ усвоено имъ, то оно пойметъ также, какъ много надо учиться и работать надъ собою, чтобы хорошо учить. И тогда-то оно заглянетъ въ сочиненія Ушинскаго, чтобы поучиться у него. Средства, которыми располагаетъ теперь духовенство для церковно-приходскихъ школъ, очень велики; многіе вопросы педагогики разработаны очень подробно. Остается только приготовить себя къ дѣлу учительства. Правъ былъ Ушинскій, когда говорилъ: „васъ ждетъ, господа, лучшее время, чѣмъ то, въ которое мы бились, какъ рыба объ ледъ! Готовьтесь же съ любовью, съ увлеченіемъ къ тому великому поприщу, которое васъ ожидаетъ“ (стр. 31—32).

Идеи и взгляды К. Д. Ушинскаго легли въ основу современной *земской* народной школы, ими проникнуто все ея существо, и она старается идти впередъ и впередъ по намѣченному пути, стремясь воспитать ученика, какъ гражданина и человѣка, пріобщить его къ современной европейской культурѣ, цивилизаціи. Школа, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, всѣми зависящими отъ нея средствами, боролась и не устанетъ бороться съ завѣдомой ложью и злонамѣренностью, съ фарисейскимъ лицемѣріемъ людей, всѣ вожделѣнія коихъ сводятся къ тому, чтобъ оставить народъ въ невѣжествѣ,

людей, полагающихъ себѣ въ заслугу, что они „ставятъ извѣстныя препятствiя полной свободѣ просвѣщенiя“,—людей, оберегающихъ народъ и школу отъ „всевозможныхъ влiянiй интеллигенцiи“, чтобъ имъ повадно было *хозяйничать* по своему въ темной народной средѣ и при помощи школы держать русскiй народъ *подъ колпакомъ*. Русская интеллигенцiя дѣйствовала и дѣйствуетъ безкорыстно: на пользу народа она отдаетъ и время, и трудъ, и духовныя и матерiальныя свои силы. Русская интеллигенцiя искренно порадуется, если и всѣ другiе служители и слуги народа проникнутся такими же честными убѣжденiями. Появленiе цитированной нами статьи въ органѣ св. синода знаменательно: въ послѣднее время что-то ужъ очень часто стали говорить о томъ, что между церковной и свѣтской школой нѣтъ никакой разницы по существу, что весь споръ идетъ лишь *о власти*. Мы видѣли, что, по справедливому взгляду о. Фуделя, между названными двумя типами школъ лежитъ непроходимая пропасть. Не скрывается ли въ этомъ новомъ—примирительномъ, будто бы—теченiи коварная и опасная мысль, для объясненiя которой воспользуемся, съ нѣкоторыми измѣненiями, словами того же о. Фуделя, обращенными, понятно, по другому адресу: „Сознательные противники школы употребляютъ всѣ усилiя, чтобы сдѣлать незамѣтною разницу въ задачахъ школъ церковной и свѣтской. Это чрезвычайно для нихъ важно, потому что разъ затушевана разница задачъ, то не трудно тогда передвинуть центръ тяжести вопроса въ иную сторону... Это ихъ обычная тактика и, надо сознаться, очень удачная“ (стр. III).

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 ноября по 1 декабря 1897 г.

Абрамовъ, Я. В. Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще. Спб., 1897 г.

Авенаріусъ, В. П. Гоголь-студентъ. Вторая повѣсть изъ біографической трилогіи „Ученическіе годы Гоголя“. Спб., 1898 г. Изд. кн. магаз. Луковникова. Ц. 1 р. 50 к.

Архиповъ, С. Наставленіе къ искусственному разведенію лѣса, преимущественно хвойныхъ породъ. М., 1898 г. Изд. К. И. Тихомирова. Ц. 20 к.

Билыловськый, К. А. Складка. Альманахъ. Спб., 1897 г.

Варгинъ, В. Н. Элементарный курсъ общаго земледѣлія. I. Питаніе и размноженіе растеній. II. Почвовѣдѣніе. III. Удобреніе. IV. Орудія для обработки почвы. V. Отдѣльные пріемы обработки почвы. Спб., 1897 г. Изд. А. Ф. Девріена. Ц. I—20 к., II—20 к., III—35 к., IV—40 к., V—30 к.

Боберъ, Максъ. Биржа и биржевыя сдѣлки. Перев. съ нѣм. Одесса, 1897 г. Ц. 15 к.

Вернеръ, Гуго. Техника современнаго сельскаго хозяйства. Пер. съ нѣм. С. Розенблита. Одесса, 1897 г.

Весновскій, В. А. Рабочій вопросъ на Уралѣ. Екатеринбургъ, 1897 г.

Виноградовъ, В. И. Начальная химія для школъ и самообразованія. М., 1897 г. Изд. К. И. Тихомирова. Ц. 65 к.

Вихляевъ, П. А. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губ. Т. XIII, вып. 2-й. Тверь, 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Власовъ, И. Ф. Краткій учебникъ общаго земледѣлія. Съ 81 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1897 г. Изд. А. Ф. Девріена. Ц. 65 к.

Гельмгольцъ, Г. Популярныя рѣчи. Переводъ слушательницъ Спб. высшихъ женскихъ курсовъ подъ редакц. О. Д. Хвольсона и С. Я. Терешина. Ч. I. Спб., 1898 г. Изданіе К. Л. Риккера. Ц. 1 р.

Гиппіусъ, З. Н. (Мережковская). Зеркала. Вторая книга разсказовъ. Спб., 1898 г. Изд. Н. М. Геренштейна. Ц. 1 р. 50 к.

Гирнъ, Густавъ-Адольфъ. Анализъ вселенной въ ея элементахъ. Пер. съ франц. М., 1898 г. Изд. Московск. Психологическ. Общ.

Гнѣдичъ, П. Исторія искусствъ. Т. III, вып. II-й. Съ 2 отдѣльными рисунками на цвѣтномъ фонѣ и 247 рис. въ текстѣ. Спб., 1897 г. Изд. А. Ф. Маркса. Ц. за 12 вып. 12 р., съ перес. 14 р.

Граверси, А. Тина ди-Лоренцо. Театральныя и біографическія замѣтки. Пер. съ итальянск. В. Л. Спб., 1897 г.

Грибовскій, В. М. (Гридень). Студенческіе разсказы. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Движение на търговията на България съ чуждитѣ държави. Пазарни цѣни въ по-главнитѣ градове прѣзъ мѣсецъ Юлій 1897 година. София, 1897 г. Издава Статистическото Бюро.

Движение на търговията на България съ чуждитѣ държави. Движение на корабитѣ по пристанищата. Пазарни цѣни въ по-главнитѣ градове прѣзъ мѣсецъ Августъ 1897 година. София, 1897 г.

Delbrück, A. Гамлетъ и его душевное состояніе. Пер. съ нѣм. Ал. Цацкинъ. Харьковъ, 1897 г.

Дигамма. Маньчжурія и китайская восточная желѣзная дорога (съ картою Маньчжуріи). Томскъ, 1898 г. Изданіе Ф. П. Романова. Ц. 80 к.

Догановичъ, А. Ѳомка дуракъ. Съ рисунками. М., 1897 г. Изд. В. С. Спиридонова. Ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.

Докладъ вятской губернск. земск. управы о „Вятской Газетѣ“. Вятка, 1896 г. Изд. вятской губ. земск. управы.

Зибекъ, проф. О сущности и цѣли научнаго образованія. Рѣчь, произнесенная въ годовщину Базельскаго университета. Пер. съ нѣм. Спб., 1897 г. Ц. 20 к.

Зографъ, Н. Курсъ зоологіи для студентовъ - естественниковъ, медиковъ и сельскихъ хозяевъ. Вып. I, съ 224 рис. въ текстѣ. М., 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.

Ивановичъ. Собраніе сочиненій въ трехъ томахъ. Т. I. М., 1898 г. Изд. А. И. Попова. Ц. 2 р.

Ивинъ, А. Въ городѣ и въ деревнѣ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей, съ рис. Н. Н. Ольшанскаго. М., 1897 г. Изд. В. С. Спиридонова. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к.

Исторія труда въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“. Пер. съ нѣм. подъ ред. С. Н. Булгакова съ пр. статьи Ф. Кнаппа: Рабство и свобода въ сельскомъ трудѣ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кардуччи, Джозуэ. Очеркъ развитія національной литературы въ Италіи (5 лекцій). Переводъ съ итальянскаго Павла Риттера. Харьковъ, 1897 г. Ц. 70 к.

Калымовъ, В. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. М., 1898 г. Изд. В. С. Спиридонова. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.

Кожевникова, В. А. Философія чувства и вѣры въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и раціонализму XVIII в. и къ критической философіи. Ч. I. М., 1897 г. Ц. 2 р.

Крепелинъ, Эмиль. Гигіена труда. Умственный трудъ. Переутомленіе. Три очерка. Пер. съ нѣм. Изданіе Поповой. Спб., 1898 г. Ц. 30 к.

Крэпелинъ, К. Изученіе природы дома. Для юношества. Перев. съ нѣм. М., 1897 г. Изд. К. И. Тихомирова. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к.

Кроненбергъ. Философія Канта и ея значеніе въ исторіи развитія мысли. Съ портрет. Канта. Спб., 1898 г. Ц. 40 к. Изд. Поповой.

Кругловъ, А. В. Три разсказа: Звѣздочка.—Дѣдъ и внучка.—Передъ каминомъ. Съ рисунк. Н. Н. Ольшанскаго. М., 1897 г. Изд. В. С. Спиридонова. Ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.

— Геніальный поморъ. Съ 10 рисун. художника Н. Н. Ольшанскаго. М., 1897 г. Изд. 2-е В. С. Спиридонова. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.

Куно-Фишеръ. Философъ пессимизма (характеристика Шопенгауэра). Одесса, 1897 г. Ц. 15 к.

Куньи, Гастонъ. Античное искусство. Грація. — Римъ. Пер. съ франц. В. Смирнова. М., 1898 г. Изд. К. И. Тихомирова. Ц. 1 р. 75 к.

Лавровъ, Ф. О заразныхъ болѣзняхъ. Общественное наставленіе преимущественно для сельскихъ жителей. М., 1897 г. Изд. К. И. Тихомирова. Ц. 6 к.

Ланкестеръ, Эввинъ. Полчаса съ микроскопомъ. Пер. съ англ. (съ 19-го изд.). М., 1897 г. Изд. К. И. Тихомирова. Ц. 75 к.

Леоновъ, Макс. Стихотворенія. М., 1898 г. Ц. 75 к.

Летурно, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Пер. съ послѣдн. франц. изд. Вып. III (послѣдній), съ 39 рисун. Спб., 1898 г. Изд. Поповой. Ц. 90 к.

Линдеманъ, К. Э. Основы общей зоологіи. Съ 175 рисун. Спб., 1897 г. Изд. А. Ф. Маркса. Ц. 1 р. 60 к., съ перес. 2 р.

Лудзскій, М. Л. Паровыя и ручныя прачешныя по системѣ О. Шиммеля. 2-е изд. съ 46 рис. въ текстѣ. Спб., 1897 г. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 80 к.

Le comte de Chambrun. Wagner à Munich, Francfort, Nice. Paris, 1898. Edit. Calmann Lévy. Prix 5 francs.

Meyer, K. F. Bearbeiter von E. Mittelsteiner. Das Amulett. M., 1897 г. Цѣна въ папкѣ 60 к.

Mercier, A. Срѣзы изъ центральной нервной системы. Пер. Н. Вырубова съ предисловіемъ проф. В. М. Бехтерева. Спб., 1897 г. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 1 р. 40 к.

Müller, Rudolf. Sonderabdruck aus der Entstehungsgeschichte des Roten Kreuzes. und der Genfer Konvention. Stuttgart, 1897.

Мюнтцъ, А. Культура и удобреніе виноградниковъ и экономическія условія винодѣлія во Франціи. Пер. съ франц. подъ редакц. А. А. Бычихина. Одесса, 1897 г.

Нетыкса, М. А. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. Съ 232 политипажами въ текстѣ. М., 1897 г. Изданіе К. И. Тихомирова.

Отчетъ о дѣятельности Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности за 1896 г. Харьковъ, 1897 г.

Отчетъ о дѣятельности коммиссіи народныхъ чтеній въ г. Кишиневѣ за 1895 и 1896 гг. Кишиневъ, 1897 г.

Отчетъ совѣта общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Омскѣ за 1896 г. Омскъ, 1897 г.

Отчетъ о дѣятельности учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича, за 1896 г. М., 1897 г.

Отчетъ Кіевскаго литературно-артистиче-

скаго общества за 1896—7 г. 1-й отчетный годъ. Кіевъ, 1897 г.

Отчетъ о дѣятельности Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія приамурскаго отдѣла Импер. русск. географич. общ. за 1896 г. Иркутскъ, 1897 г.

Отчетъ перваго Московскаго Общества трезвости за 1896 г. М., 1897 г.

Отчетъ господину министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ о дѣятельности кавказскаго филлоксернаго комитета въ 1896 г. Тифлисъ, 1897 г.

Отчетъ о постройкѣ открытой сцены на верхнемъ гуляньѣ въ г. Пензѣ и объ устройствѣ на ней спектаклей за 1896 и 1897 гг. Пенза, 1897 г.

Отчетъ по выкупной операціи за 1895 г. Спб., 1897 г.

Отчетъ по главному тюремному управленію за 1895 г. Спб., 1897 г.

Отчетъ о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ г. Саратова въ учебно-воспитательн. отношеніи за 1895—97 г. Саратовъ, 1897 г.

Отчетъ общества по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамбовск. губ. за 1896—97 г. Тамбовъ, 1897 г.

Очерки Сибири для народнаго чтенія. Очеркъ первый. Иркутская губернія, съ картой губерніи. Иркутскъ, 1897 г. Изд. кн. маг. П. И. Макушина. Ц. 20 к.

Павловъ-Сильванскій, Н. Закладничество-патронатъ. Спб., 1897 г.

Петровъ, К. Ѳ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Этимологія въ образцахъ. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

Penzoldt, F., и Stintzing, R. Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней. Вып. 23. Лѣченіе болѣзней обмѣна веществъ, крови и лимфатической системы. Вып. 24. Заболѣванія дыхательныхъ органовъ. Вып. 25. Заболѣванія двигательнаго аппарата. Спб., 1897 г. Изд. К. Л. Риккера.

Покровскій, К. Путеводитель по небу. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Пржепіорскій, В. Орошеніе луговъ, въ связи съ ихъ осушеніемъ по системѣ Петерсена. М., 1897 г. Изд. К. И. Тихомирова. Ц. 10 к.

Придорогинъ, проф. Воспитаніе телятъ молочной породы. М., 1897 г. Изд. К. И. Тихомирова. Ц. 5 к.

Порфировъ, П. Кв. Горацій Флаккъ. Оды. Книга первая. Пер. въ стихахъ. Спб., 1898 г. Ц. 50 к.

Протоколы общихъ собраній троицко-савско-кяхтинскаго отдѣленія Пріамурскаго отдѣла Импер. русск. геогр. общества. №№ 1 и 2, 1896 г. М., 1897 г.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской литературы. Т. I. Древняя письменность. Спб., 1898 г. Ц, 3 р.

Риль, А. Фридрихъ Нитцше какъ художникъ и мыслитель. Перев: съ нѣм. З. Венгеровой. Съ портр. Нитцше. Спб. 1898 г. Изд. журнала „Образованіе". Ц. 50 к.

Ровинскій, П. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Т. II, ч. 1. Спб., 1897 г.

Ротъ, Отто. Клиническая терминологія. Спб., 1898 г. Изд. К. Л. Риккера.

Руссо, Ж.-Ж. Исповѣдь. Пер. Ѳ. Н. Устрялова. Спб., 1898 г. Изд. А. С. Суворина. Ц. 3 р.

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. VI. М., 1897 г.

Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области. Т. VI. Ташкентъ, 1897 г. Изд. сыръ-дарьинск. областного статист. комитета.

Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ рынкахъ Россіи за 1890—1896 годы. Спб., 1897 г.

Сводъ свѣдѣній объ умершихъ въ г. Москвѣ за 1895 г. М., 1897 г.

Сводный сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губ. Т. XIII, вып. 1, Тверь, 1897 г. Изд. тв. губ. земства.

Соловьевъ, П. М., при участіи В. А. Корсакова, И. И. Мамонтова, Р. П. Снарро, Г. И. Танфильева и др. Торфяное дѣло. Обзоръ выдающихся новостей по культурѣ болотъ и торфодобыванію за послѣднее время. Сбп., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сорель, А. Монтескьё. Пер. М. Г. Василевскаго подъ ред. и съ предисл. Н. И. Карѣева. Спб., 1897 г. Изд. с.-петерб. акц. общ. печатнаго дѣла „Издатель". Ц. 75 к.

Сосновскій, Мих. Очеркъ дѣятельности полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества въ связи съ общими условіями экономической жизни Россіи. Полтава, 1897 г.

Спенсеръ, Гербертъ. Происхожденіе науки. Пер. съ англ. Спб., 1898 г. Ц. 30 к. Изд. Поповой.

Старковъ, И. Физическое развитіе воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Спб., 1897 г.

Статистика за училищата въ княжество България прѣзъ учебната 1894—95 година. Ч. III. Основни училища.—Учители и учителки. София, 1897 г.

Страсбургеръ, Э., и Нолль, Ф. Учебникъ ботаники для высшихъ учебныхъ заведеній. Пер. съ 2-го переработаннаго изданія подъ ред. д-ра Хр. Я. Гоби. Съ 232 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1898 г. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 2 р. 80 к.

Ступинъ, А. Д. Современный календарь на 1898 г. М., 1898 г. Ц. 15 к.

Сундукіанцъ, Габріэль. Супруги. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Пер. съ армянскаго. Тифлисъ, 1897 г. Изд. автора. Ц. 75 к.

Талько-Грынцевичъ, Ю. Кли-

матъ Троицкосавска-Кяхты въ гигіеническомъ отношеніи. Иркутскъ, 1897 г.

Тихомировъ, П. В. Художественное творчество и религіозное познаніе. Философско-богословскій очеркъ. Сергіевъ Посадъ, 1897 г. Ц. 35 к.

Торжественное засѣданіе въ память графа Н. П. Румянцова 3 апрѣля 1897 г. М., 1897 г.

Трайль, I. Д. Общественная жизнь Англіи. Т. III. Отъ воцаренія Генриха VIII до смерти Елизаветы. Пер. съ англ. П. Николаева. 1897 г. Изд. К. Т. Солдатенкова. Ц. 2 р. 50 к.

Трачевскій, А. Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 25 к. Изд. Поповой.

Треворъ-Бетти. Во льдахъ и снѣгахъ (Путешествіе на островъ Колгуевъ). Пер. съ англ. А. Филиппова (съ 13 рис. и картою). Спб., 1897 г. Изд. П. П. Сойкина. Ц. 50 к.

Трухановскій, М. И. Основы ученія объ удобреніи почвъ. Руководство для среднихъ сельско-хозяйствен. учебныхъ заведеній и хозяевъ-практиковъ. Саратовъ, 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Труды совѣщанія (VI губернскаго съѣзда) гг. земскихъ врачей и предсѣдателей земскихъ управъ Воронежск. губ. Т. I. Воронежъ, 1897 г. Изд. воронежск. губернскаго земства.

Фаерманъ, Л. А. Писчебумажное производство. Проклейка бумаги. М., 1898 г.

Ф—тъ, Гр. Завоеваніе воздуха (Очерки изъ истор. воздухоплаванія). Съ прилож. статьи А. Эвадьда о наилучшемъ типѣ летательныхъ машинъ (съ 44 рис., 5 портретами и 11 чертеж.). Спб., 1897 г. Изд. П. П. Сойкина. Ц. 50 к.

Хлуденевъ, Н. Духовая зерносушилка, приспособленная для постройки домашними средствами, въ деревнѣ. Съ 23 рис. на отдѣльной таблицѣ. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

Ходскій, Л. В. По поводу книги „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства", съ прилож. отвѣта проф. А. И. Чупрову. Спб., 1897 г. Ц. 75 к.

Циглеръ, Т. Нѣмецкій студентъ конца XIX в. Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ предисл. проф. Н. И. Карѣева. Спб., 1898 г. Изд. Поповой. Ц. 50 к.

Чиколевъ, В. Н. Электротехническія измѣренія и повѣрки. Вып. I. Спб., 1897 г. Ц. 2 р.

Шейминъ, П. Учебникъ права внутренняго управленія (полицейскаго права). Вып. VIII, ц. 40 к.; вып. IX, ц. 30 к. Одесса, 1897 г.

Шатиловъ, И. I. Руководство къ разведенію лѣсовъ на черноземѣ. Спб., 1897 г. Изд. А. Ф. Девріена. Ц. 30 к.

Шопенгауеръ, Артуръ. Новые афоризмы. Пер. съ нѣм. Р. Кресина. Харьковъ, 1898 г. Изд. Б. Н. Попова.

Шостакъ, П. А. Хлѣбные тарифы (съ 43 рис.). Спб., 1897 г. Ц. 2 р. 75 к.

Шуфъ, Владиміръ (Борей). На Востокѣ. Записки корреспондента о греко-турецкой войнѣ. Спб., 1897 г.

Эсменъ, А. Общія основанія конституціоннаго права. Пер. съ франц. подъ ред. проф. В. Дерюжинскаго. Спб., 1898 г. Изд. Поповой. Ц. 1 р. 75 к.

Южаковъ, С. Н. Вопросы просвѣщенія. Публицистическіе опыты. Спб., 1897 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ
„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

II. Періодическія изданія.

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 ноября по 1 декабря 1897 г.

IV. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1897 г.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ,

разобранныхъ въ „Библіографическомъ отдѣлѣ“ журнала „Русская Мысль“ за 1897 годъ.

РЕЛИГІЯ.—ФИЛОСОФІЯ.—ПСИХОЛОГІЯ.—ПЕДАГОГИКА.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

ИСТОРІЯ.—АРХЕОЛОГІЯ.—БІОГРАФІЯ.—МЕМУАРЫ.

Языкознаніе.

Учебники и книги для дѣтей.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.— КАЛЕНДАРИ.

Контора журнала „Русская Мысль“ (*Москва, Бол. Никитская ул., Брюссовскій пер., д. Вельтищевой*) принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу экз. прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1880, 1881, 1882, 1883, 1886, 1887, 1888, 1890, 1893, 1894, 1895 гг., цѣна которымъ по 5 руб. за экземпляръ. 1896 г. за 10 руб. Цѣна за пересылку—по разстоянію.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. ФЕНУ и К°

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

поступили въ продажу, между прочимъ, слѣдующія новыя книги:

Бронишъ, Л., и Фишеръ, В. Краткое руководство къ строительному искусству и архитектурѣ. Вып. I. Матеріалы и работы съ чертежами. Спб., 1898 г. Ц. 2 р.

Бубликъ, М. А. Спутникъ „Русской рѣчи“ М. Вольпера. Пособіе для учащихся. Ч. I. Вильна, 1897 г. Ц. 15 к.

Бѣлоголовый, Н. А. Воспоминанія и другія статьи. Изд. 2-е. 1898 г. Ц. 2 р. 25 к.

Варгинъ, В. Н. Элементарный курсъ общаго земледѣлія. V. Отдѣльные пріемы обработки почвъ. Спб., 1897 г. Ц. 30 к.

Власовъ, И. Ф. Краткій учебникъ общаго земледѣлія. Спб., 1897 г. Ц. 65 к.

Гарборгъ, Арне. Усталые люди. Перев. съ датскаго О. Петерсонъ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 20 к.

Гринъ, И. Выставка въ Стокгольмѣ 1897 г. Письма туриста. Спб. Ц. 50 к.

Дюфренъ, I. Руководство къ изученію шахматной игры для начинающихъ. М., 1897 г. Ц. 50 к.

Загоскинъ, М. Н. Юрій Милославскій или русскіе въ 1816 г. Истор. романъ въ 3-хъ част. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Златовратскій, Н. Н. Сочиненія. Изд. 3-е. 3 тома. М., 1897 г. Ц. 4 р.

Золотаревъ, Л. А. Личная и общественная борьба съ развратомъ. М., 1897 г. Ц. 30 к.

Капандю, Эрнестъ. Графъ де-Сенъ Жерменъ. Романъ. Переводъ съ франц. Спб. Ц. 60 к.

Карменъ-Сильва (Елисавета, королева Румынская). Царство сказокъ. Перев. съ нѣмец. С. М. Майковой. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

Кейра, Фж. Характеръ и нравственное воспитаніе. Перев. съ франц. Р. И. Сементковскаго. Спб., 1897 г. Ц. 40 к.

Keck, Wilh. Основы разсчета строительныхъ сооруженій по методамъ упругости. Перев. съ нѣмец. П. С. Страхова. М., 1896 г. Ц. 3 р.

— Графическая статика въ приложеніи къ разсчету строительныхъ сооруженій. (Дополн. къ основамъ разсчета строит. сооруж). Перев. съ нѣмец. М., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кесслеръ, I. Разсчетъ маховыхъ машинъ и центробѣжныхъ регуляторовъ. Перев. съ нѣмец. М., 1897 г. Ц. 60 к.

Кирхнеръ, Ф. Путь къ счастью. Перев. съ нѣмец. Спб., 1897 г. Ц. 60 к.

Кларкъ, А. Жена Лота. Перев. съ англійск. Спб., 1898 г. Ц. 75 к.

Колотиловъ, Л. В. На велосипедѣ. Записки туриста. Съ рисунками. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Кюнеръ, д-ръ. Гигіена любви. Перев. съ нѣмец. Одесса, 1896 г. Ц. 60 к.

Lang, Gustaw. Построеніе дымовыхъ трубъ. Вып. I. Историческ. очеркъ построенія дымовыхъ трубъ. Перев. съ нѣмецкаго. М., 1897 г. Ц. 1 р. 30 к.

Линевъ, Д. А. (Далинъ). Вторая книга „Несказокъ“. М., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Linen, W. Разсчетъ центробѣжныхъ регуляторовъ. Перев. съ нѣмецкаго. М., 1897 г. Ц. 2 р.

Липпертъ, Ю. Исторія семьи. Перев. съ нѣмецк. Н. Шатерникова. Спб., 1897 г. Ц. 60 к.

Мечниковъ, Л. И. Цивилизація и великія историческія рѣки. Графическая теорія развитія современ. обществъ. Перев. съ франц. М. Д. Городецкаго. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Некрасовъ, Н. А. Послѣ азбуки. Вторая книга для чтенія. 2-й годъ обученія. Спб., 1898 г. Ц. 25 к.

Танцеръ, Г., д-ръ. Женщина. Разборная модель тѣла женщины съ текстомъ. Перев. д-ра А. Г. Фрейнберга. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

Переферковичъ, Н. Талмудъ, его исторія и содержаніе. Ч. 1-я. Мишна. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Плетневъ, Алексѣй. Новые люди. Повѣсть. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

Ретереръ, Э. Общедоступная анатомія и физіологія человѣка и животныхъ. Съ 380 политипаж. въ текстѣ. Перев. съ франц. Г. А. Паперна. Спб., 1898 г. Ц. 2 р.

Роміасъ, Сергѣй. Деревня нашего времени. Очерки. М., 1897 г. Ц. 1 р.

Сабурова, Е. А. Фотографическіе снимки. Разск. въ 3-хъ ч. Спб., 1897 г. Ц. 60 к.

Уйда. Сказки, посвящен. принцу Неаполитанскому. Перев. съ англійск. М. Ляпиной. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Fenoult, N. Premiéres leçons de français. Conversation, lecture et écriture. Спб., 1897 г. Ц. 60 к.

Шатиловъ, И. Руководство къ разведенію лѣсовъ на черноземѣ. Спб., 1897 г. Ц. 30 к.

Школьный календарь. Спб., 1898 г. Ц. 30 к.

Штиглицъ, Александръ. Островъ Критъ, мирная блокада и международн. публицистъ. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

Энгельгардтъ, А. П. Русскій сѣверъ. Путевыя записки. Спб., 1897 г. Ц. 2 р.

Янсенъ, I. Экономическое правовое и политическое состояніе германскаго народа наканунѣ реформаціи. Перев. съ 16-го нѣмец. изд. Ц. 1 р. 25 к.

РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ

(35-й годъ изданія).

Въ Москвѣ съ доставкой:	На города съ пересылкой:	За границу съ пересылкой:
на 12 мѣсяцевъ 10 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ 11 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ 18 р. — к.
„ 6 „ 5 „ 50 „	„ 6 „ 6 „ — „	„ 6 „ 9 „ — „
„ 3 „ 3 „ — „	„ 3 „ 3 „ 50 „	„ 3 „ 4 „ 80 „
„ 1 „ 1 „ — „	„ 1 „ 1 „ 20 „	„ 1 „ 1 „ 90 „

„Русскія вѣдомости“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣпраздничныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ **въ Москву, въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“**, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногороднихъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 руб. или, б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ дальнѣйшая высылка газеты пріостанавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ въ **Москвѣ** съ доставкой на 1 мѣсяцъ—85 коп., съ пересылкой въ другіе города на 1 мѣсяцъ—1 руб.

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ

ДЛЯ ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ КАРТИНЪ НА БУМАГѢ.

Изобрѣтенія полков. **Малиновскаго.**

Спеціальная мастерская С. К. Акимовой. Москва, Арбатъ, д. 40. Освѣщеніе керосиновое, а также переносными лампами

НАИСИЛЬНѢЙШАГО СВѢТА АЦЕТИЛЕНОВАГО ГАЗА

годными для всѣхъ системъ фонарей. Цѣны дешевыя. Полный каталогъ фонарей, лампъ, книгъ картинъ, съ отзывами заказчиковъ и печати за 20 коп. марк.

Дипломъ за всероссійскую выставку 1896 года.

Компетентные отзывы о фонаряхъ, получаемые нами отъ гг. заказчиковъ, а также различныхъ органовъ печати; *благодарность*, которую мастерская удостоилась получить отъ Е. И. В. Великаго Князя Сергѣя Александровича за доставл. фонари, а также присужденный намъ *дипломъ* экспертами всероссійск. выставки 1896 г.—Способствуютъ

НАИБОЛЬШЕЙ ПОПУЛЯРНОСТИ ИЗОБРѢТЕННАГО ПРИБОРА,

принадлеж. намъ, какъ изобрѣтеніе, по нотаріальн. акту, на правахъ собствен.

Привилегія заявл. № 3233.

17118/c

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
891.705 RUS C001 1897:12
Russkaia mysl.
3 0112 089164062